



"Воздушный стрелок. Диалогия (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Annotation

...Выстрел, еще один... Сухо клацнул затвор, и последняя гильза тихо звякнула о плитку пола. Аллес. А теперь, вон из кухни. Осторожно выкатившись в открытую дверь, ухожу в тень, под лестницу, ведущую на второй этаж. Здесь, люк в подвал, но туда мне нельзя. Обнаружат и закидают гранатами, деться из подвала некуда, и спрятаться не за чем. Пустой он, последнюю бочку пятилетнего меда я вывез в город еще неделю назад... Покрутив в руках старого доброго "Яру", вздыхаю. Патронов нет, из другого оружия, лишь не менее старый охотничий нож на поясе, без которого я даже по собственному дому не хожу. А значит, остается надеяться только на собственное тело, верный клинок... и разум, конечно. Впрочем, в отличие от того же ножа, последний стал частенько отказывать, отправляя меня в забытие в самые неожиданные моменты... Ладно, главное, чтобы сейчас обошлось... Да, вместо аннотации: Гении Кубикуса обозвали сие творение: "Боярь Анимэ". Признаюсь честно, я плохо себе представляю анимэ как таковое, так что придется поверить им на слово.

Антон Демченко

Антон Демченко

Пролог

ЧАСТЬ I. ЛИЦА СТЕРТЫ, КРАСКИ ТУСКЛЫ

Глава 1. Тренировки — залог долгой жизни... за редким исключением

Глава 2. Жить надо так, чтобы после смерти, боги предложили тебе повторить

Глава 3. Господи, избавь меня от союзников...

Глава 4. Знакомство с... или, ну его все на...

Глава 5. Думки-задумки и побег из курятника

Глава 6. Задачи и их решение...

Глава 7. Торговаться всегда, торговаться везде...

Глава 8. По-свойски...

Глава 9. Ничто так не объединяет, как общие неприятности

Глава 10. Беседы в «Беседах»

ЧАСТЬ II. ПРИГЛАШЕНИЕ В БАЛАГАН

Глава 1. Закопанный трамвай, еще не метро

Глава 2. Эх, прокачу...

Глава 3. Кому мифы, а кому головная боль

Глава 4. Каникулы? Экзамены!

Глава 5. Определенное место жительства

Глава 6. Дом, это не только стены...

Глава 7. Уют — такая зыбкая штука

Глава 8. Праздник празднику рознь

Глава 9. Особенности воспитания

Глава 10. А я иду, гуляю по Москве

ЧАСТЬ III. КОГДА Б Я БЫЛ БОЛЬШИМ

Глава 1. Четвертый раз в первый класс

Глава 2. Сделал гадость, сердцу радость

Глава 3. Не ошибается только тот, кто ничего не делает

Глава 4. Кто о чем, что почем...

Глава 5. Злой, язвительный и мстительный... одним словом, настоящий учитель

Глава 6. Театр начинается с вешалки... вешайтесь

Глава 7. Пора-пора-порадуемся на своем веку...

Глава 8. Прозвища надо оправдывать, хотя бы частично...

Глава 9. Во имя пафоса

Глава 10. Иногда, чтобы сказать правду, достаточно промолчать

ЧАСТЬ IV. КОМИССАРЫ В ПЫЛЬНЫХ ШЛЕМАХ

Глава 1. Память-то, девичья...

Глава 2. Школьные заботы...

Глава 3. Чистописание и угольки

Глава 4. Фильм, часть седьмая, здесь можно поесть...

Глава 5. Ходячие мертвецы, неходячие мертвецы

Глава 6. С корабля на бал

Глава 7. Ловкость рук и никакого мошенства

Глава 8. Иногда, читая между строк, рискуешь вычитать не то

Глава 9. Есть время разбрасывать камни, и время собирать камни

Глава 10. Любимые мужские игрушки

ЧАСТЬ V. ЛУЧШИЙ НА СВЕТЕ БЛЮЗ

Глава 1. Иногда, смерть это только начало

Глава 2. Проблемы? У меня?! Не, не помню...

Глава 3. Личная жизнь? А что это?

Глава 4. Швейцария? Я-а, я-а... Ни черта! Песчаный карьер!

Глава 5. Работа не волк, но если догонит, мало не покажется

Глава 6. Ведь, ни словом не соврал...

Глава 7. Если гора не идет... значит, было мало травы

Глава 8. Самое логичное обоснование

Глава 9. История не в событиях, она в людях что их творят

Глава 10. Хлеба и зрелищ... хлеб желательно с мясом, а зрелища...

ЧАСТЬ VI. ВОТ И ПРИШЕЛ АРХАНГЕЛ С ТРУБОЙ

Глава 1. Учиться, у... бегать, бегать и бегать

Глава 2. Смотри не перэпутай, Кутузоу

Глава 3. Охотиться тоже надо с умом...

Глава 4. Гром победы, раздавайся

Глава 5. Оплата по факту, или вот что такое, трофейная охота

Глава 6. Два плюс один

Глава 7. Учет и контроль. А как иначе?

Глава 8. Торг — наше все

Глава 9. Старые новости, тоже новости

Глава 10. В чем сила, брат?

Эпилог

notes

1

2

3

4

Антон Демченко

ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК (ДИЛОГИЯ)

Антон Демченко

ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК

Пролог

Выстрел, еще один... Сухо клацнул затвор, и последняя гильза тихо звякнула о плитку пола. Аллес. А теперь, вон из кухни.

Осторожно выкатившись в открытую дверь, ухожу в тень, под лестницу, ведущую на второй этаж. Здесь, люк в подвал, но туда мне нельзя. Обнаружат и закидают гранатами, деться из подвала некуда, и спрятаться не за чем. Пустой он, последнюю бочку пятилетнего меда я вывез в город еще неделю назад...

Покрутив в руках старого доброго «Яру», вздыхаю. Патронов нет, из другого оружия, лишь не менее старый охотничий нож на поясе, без которого я даже по собственному дому не хожу. А значит, остается надеяться только на собственное тело, верный клинок... и разум, конечно. Впрочем, в отличие от того же ножа, последний стал частенько отказывать, отправляя меня в забытие в самые неожиданные моменты... Ладно, главное, чтобы сейчас обошлось...

Я глубоко вдохнул, на мгновение расслабляя тело, и постарался «раствориться». Воспаленный предатель-мозг тут же ответил судорожным уколом боли в лобной части, но обращать на нее внимание мне нельзя... а значит, побоку. Сосредотачиваюсь и медленно выдыхаю... стараясь абстрагироваться от нарастающей головной боли. Получилось... ощутив, что «отвод» заработал в полную силу, я медленно, шаг за шагом двигаюсь в тени лестницы, туда, где ясно чувствуется биение чужой жизни. Кажется, я отчетливо могу услышать азартный, напоенный адреналином стук сердца одного из тех уродов, что сегодня пришли ко мне в гости, без приглашения и с громко стреляющими подарками наперевес. Мы с «Ярой» изрядно проредили состав визитеров, гостеприимно угостив их свинцовыми конфетами, но... Восемнадцать патронов, это немного даже в тире, а уж при «живой работе», и вовсе слёзки. Тем более, когда по ту сторону прицела не лихоимцы с распальцовкой, а вполне себе резвые и шепутные наемники, только... несработавшиеся, какие-то, что ли? И вялые... то есть, слишком уж осторожные. Им бы по дому частой гребенкой пройти, с закатыванием гранат в каждую комнату... да и с планированием явные проблемы, и... ладно, хватит нудеть. Чай, не на полигоне молодняк натаскиваю. Да они меня и так прижали, если честно. Что называется, ни вздохнуть, ни

пернуть... Ну, ничего, мне сейчас только дорожку расчистить, а в лесу мы еще поборемся... Вперед, к летнику, там выход на балкон и гульбище. Но, последнее мне ни к чему, из него только во двор можно попасть, а он насквозь простреливается. А вот балкон, самое то. Аккурат над обрывом. Плохо, что именно в летнике-то, как раз и засел один из «гостей». Вот он. Я аккуратно погладил ладонью по тонкой перегородке, кожей ощущая прислонившегося к ней с той стороны человека, чье внимание было направлено на расположенный рядом дверной проем. Ну, здравствуй гость, молодой-задорный... И чего тебя понесло в гости к старому больному отшельнику, а?

Двадцатисантиметровый клинок легко преодолел перегородку, а раздавшийся следом легкий вздох отозвался продравшим нутро холодом чужой смерти и очередным уколom головной боли, как наказанием за ускорение, которое, собственно, и позволило мне пробить насквозь пять сантиметров дубовой доски. А вот следующий приступ был настолько неожиданным и скорым, что я просто рухнул на пол. Но не оставлять же было единственное оружие в стене? А без того же ускорения, мне его оттуда было никак не вырвать. Зато упал я, как оказалось, очень вовремя. За стенкой раздался чей-то сдавленный мат, а затем целая очередь хлопков-плевков, и дерево перегородки надо мной вспучилось щепками. Точно садит, паскуда.

Плохо. Нет, не то плохо, что приступ меня свалил, хотя и это не лучшая новость. Еще утром, от пары-тройки таких ускорений, я и усталости не почувствовал бы... А то плохо, что в летнике, не один «веселый сорванец» был, а как минимум двое, и этого второго, я не почувял... Или это был тот, что с кухни меня выдавил? С гульбища вошел? Черт, как невовремя...

Кое-как справившись с накатившей слабостью, я вновь ушел в тень, пока не сполз отвод глаз, и сидящий где-то снаружи снайпер, не высмотрел меня в окне... Огромном, черт его дери, панорамном окне. И дернуло же меня поставить это... буржуйство! Виды, понимаете ли, из него красивые открываются. Ну, вот теперь и шхерься от снайперов, старый пердун!

Стоп! Если этот второй, что сейчас настороженно держит на прицеле дверь из летника в холл, в доме, то на гульбище должно быть пусто, так? Посчитаем. Было две пятерки. Часть, я... оприходовал, еще в самом начале штурма, заодно нарушив их план атаки, и «вскрыв» двух снайперов. Хех, были бы они поопытнее, хрен бы обнаружились, но эти, явно желторотики. Ни терпения, ни выдержки. Вот и раскрылись, пока я у них на глазах первых двух штурмовиков снимал. Затем, еще двое, уже в доме, вон, один в холле, прямо перед лестницей лежит, другой на кухне, и последний из первой пятерки, только что, в летнике. Осталась еще одна группа. Трое идут с левого крыла дома, еще двое были на гульбище. Теперь, один из них сторожит меня все в том же летнике и... бубнит, дятел такой в гарнитуру. Прибарахленные ребятки, но... аматоры, чтоб их! Кто ж так дом штурмует?! Ла-адно, повоюем. Я вам покажу-на, как по шерсть ходить, к старым больным отшельникам-на...

Так, определимся, кто есть где, и ху из кто... Заранее морщась от неминуемой расплаты за следующий шаг, я тихохонько убрался под лестницу и, до предела накрутив чуйку, принялся «осматриваться». Точно, трое лезут по второму этажу с левого крыла, один в летнике, а пятый, пятый-то где?... Нашел. Он, оказывается, занял прежнее место чуть не уконтрапупившего меня мстителя за резьбу по горлу. На кухне засел, сволочь. А значит, к гульбищу мне отсюда хода нет. Ла-адно. Мы пойдем другим путем. Сгибаясь от боли, раскаленными шурупами вворачивающейся в мозг, я пополз под лестницу. Нет, спуск в подвал, мне по-прежнему был ни к чему, а вот двери, ведущие в левое крыло, точнее, пустующий первый этаж этого крыла, то что надо. Выхода на гульбище, в той части дома не имеется, к сожалению, а значит, до заначки с оружием не добраться, зато есть дверь на второй балкон, выходящий на реку.

Жаль, к тому орлу, что «разлегся» на полу холла, не подобраться. Никакой отвод глаз не

спасет, А как бы мне сейчас его машинка пригодилась... эх, ладно.

Шаг, другой, и вот, я уже в гостиной-библиотеке. Да-да... знаю, старомодно. Но вот, люблю я бумажные «живые» книги... Причем давно. И коллекцию свою начал собирать, лет эдак двадцать назад, с лейтенантских погон. Жаль оставлять всю эту роскошь, но чую, что больше я свою библиотеку не увижу. Как пить дать, сожгут твари, вместе с домом. А потом и счет будет некому выставить, уж я постараюсь.

Окинул взглядом строгие линии массивных книжных полок, за которыми и стен-то не видно, и, не спускаясь вниз, прошел по галерее к выходу на балкон.

Осторожный взгляд в окно, на противоположный берег, опушку и возвышающийся за ней, эдаким гигантским частоколом, сосновый бор. Светлый, радостный... м-да. Хорошее место для дома я выбрал.

Раздавшийся у дверей в холл шорох, заставил меня поторопиться. Опустившись на четвереньки, колобком выкатываюсь на балкон и, бросив короткий взгляд вниз, через фигурную прорезь ограды, одним движением взметнув свое тело над перилами, солдатиком ухожу под воду, еще успев услышать звон бьющегося окна над головой. Почти успели, паскуды... ну да ничего, на той стороне потягаемся.

Не торопясь выныривать на поверхность, я погреб вниз по реке. Казалось бы, вода прозрачная, глубина небольшая, бей — не хочу. Да, черта с два! День солнечный, и река сейчас вся в бликах, переливается, словно рыба чешуя, ни хрена под водой не рассмотреть. А значит, ходу. Подталкиваемый течением, я вскоре оказался довольно далеко от дома и, добравшись до небольшой заводи, где любил порыбачить время от времени, вынырнул и с шумом вдохнул такой сладкий воздух. Но, не успев выбраться на берег, как левое плечо резко дернуло назад, а по рубaxe тут же начало расплываться красное пятно. Еще один толчок, на этот раз в грудь, на месте удара расцветает еще один алый цветок и я, еще не понимая толком, что произошло, заваливаюсь на спину.

Боли нет... даже той, давно ставшей привычной, хоть и нежеланной соседкой, что последние пять лет ежесекундно нудила у меня в голове. А надо мной чистое, без единого облачка, голубое-голубое небо. Ветер несет от леса тепло и запах хвои, а под руками шуршит пересыпающийся песок. И так легко...

Понимаю, что на этом всё... и губы расплываются в улыбке. А все-таки, я ее наколол. Оставил Безносую с носом, ха! И сдох не от болезни, превращающей сильного и нестарого еще сорокалетнего мужчину в безумную развалину, неспособную самостоятельно добраться до «очка», а в бою, как и положено нормальному воину с незапамятных времен... с клинком в руке. Рука сжимает шершавую роговую рукоять старого охотничьего ножа, небо заполняет все вокруг меня... и я тону в его необъятной глубине.

— Твою мать, Росомаха^[1]... Как же так? Что за подстава?! — Раскинувший руки, лежащий на песчаном берегу мужчина уже не слышал раздавшийся над ним сухой надтреснутый голос появившегося словно из ниоткуда человека, наряженного в лесной камуфляж, и сжимающего снайперскую винтовку в руках. А тот, несколько секунд постоял над убитым, катнул желваками и, прижав к горлу передатчик ларингофона, заговорил резко и зло. — Цель поражена. Группам, отход... Первый — десятому...

— Все вопросы на базе, Десятый. — Тут же откликнулся Первый. — Выдвигайтесь к точке.

— Есть, все вопросы на базе. Отбой. — Снайпер отключил гарнитуру и, сгорбившись, скрылся в лесу.

ЧАСТЬ I. ЛИЦА СТЕРТЫ, КРАСКИ ТУСКЛЫ

Глава 1. Тренировки — залог долгой жизни... за редким исключением

Утро раннее, летнее... но прохладное. Когда лежишь на лапнике посреди небольшого и редкого, насквозь продуваемого леска, последнее обстоятельство особенно неприятно, а уж вкупе с выпавшей росой, так и вовсе становится грустно. Хлопок! Над лесом взметнулся ослепительно белый огненный шар, хорошо заметный даже днем. Этаким вариантом сигнальной ракеты, не требующий наличия ракетницы и зарядов к ней. Вместо нее, боец огненной стихии...

— Эй, малахольный! Время вышло, урок окончен. — Звонкий девчоночий голос разнесся по перелеску.

Ага-ага. Так я и повелся. Можно подумать, что это не вам вчера утром тренер зачитывал условия «игры». Урок будет окончен только в тот момент, когда я коснусь ворот поместья... или, когда меня спеленают противники. Вот, если бы этот огнешар запустил Владимир Александрович... Эх, но выбирать все одно надо. Время прятков почти вышло, и я ни на секунду не сомневаюсь, что скоро в ход пойдут объемные поисковые техники... А в исполнении огневики, коими являются обе мои кузины и кузен, искать они меня будут огненным же неводом. Ожоги, как и обнаружение, гарантированы. В общем... пора валить.

Осторожно выкапываюсь из кучи лапника, в которой устроился всего пару часов назад для короткого отдыха, прислушиваюсь, чуть тронув Эфир и, убедившись, что в радиусе сотни метров нет ни одного человека, медленно начинаю отползать в сторону небольшого оврага. По его дну протекает мелкий, но очень звонкий ручей, и он замечательно скроет мое передвижение, когда я окажусь на открытой местности.

Полчаса ползком на пузе по дну ручья, и... я оказываюсь у самых ворот поместья. Аккуратно выглядываю из той небольшой канавы, в которую превратилось русло ручья, и замечаю мнущегося у ворот брата. Можно было бы воспользоваться кое-чем из моего «эфирного» арсенала, но... Лёшка расположился аккурат под артефактами системы наблюдения, а отец в своих записях настоятельно не советовал «светить» технику... Что ж, придется действовать более, хм, естественно.

Не дожидаясь, пока стороживший подходы к воротам, брат обернется, накидываю ему на шею воздушную удавку. Вот так, опыта у Алексея маловато, да и одновременно держать защиту и «ощупывать» пространство вокруг, он пока не может. А ручей очень неплохо укрыл меня от внимания будущего огневика. Вот и результат. Ха, Лёшка прожигает меня взглядом, но не дергается. Знает братик, что такое воздушная удавка... подношу руку к створке ворот... и обжигающий жар развернувшегося полотнища огня отшвыривает меня в сторону. Боль ожогов, сначала вроде бы несильная, уже через секунду превращается в нечто совершенно нестерпимое... Зубы скрежещут, стирая и обкалывая эмаль, а чудом не пострадавшие от жара глаза, начинают слезиться. Сквозь отдающую алым муть, все-таки замечаю довольную ухмылку брата...

Артефакт. Грязно играют р-родственнички. Ну ничего, потягаемся еще. Бросаю на Алексея короткий взгляд и, так и не сброшенная, но изрядно ослабленная воздушная удавка вновь наливается силой. Брат шатается. Отлипаю от асфальта и поднимаюсь на ноги, под потрескивание обугленной ткани и... кажется, кожи. Старательно не глядя на собственное, дрожащее от боли тело, медленно подхожу к Алексею. Губы раздвигаются с явно ощутимым треском, и рот наполняется кровью. Кажется, все еще хуже, чем я думал...

— Снимай защиту с ворот. — Брат отшатывается от моего сипа и бледнеет. Продолжаю наступать, сильнее сжимая удавку и чувствуя, что еще немного и сознание окончательно меня покинет. Слишком сильная для меня боль. — Быстро... бр-рат.

Не успеваю. Сзади раздается топот. Это сестренки бегут на помощь. К сожалению не мне. В этом я успеваю увериться, когда спину перечеркивает-обжигает удар огненного хлыста.

— А ну прекрати, говнюк мелкий! — Доносится до меня крик одной из близняшек, и это последнее, что я успеваю. А потом, вокруг становится темно... и я падаю в блаженное беспамятство.

* * *

— Вы что, совсем оборзели?! — Моложавый, подтянутый мужчина в легком тренировочном костюме окинул яростным взглядом мнущуюся в центре комнаты компанию из юноши и двух девушек, лет шестнадцати-семнадцати на вид. — Кто вам, соплякам, позволил лезть в оружейку, и самое главное, как вы додумались использовать на тренировке боевой артефакт класса «крепость»? И против кого? Собственного брата?!

— Может, не стоит так наседавать на молодежь, Владимир? — Возникший на пороге, импозантный в своем темно-бордовом костюме-тройке, худощавый седовласый старик замысловато крутанул в воздухе тростью красного дерева. — В конце концов, ничего непоправимого не произошло, не так ли? Парень жив, врачи гарантируют, что все ожоги будут сведены за неделю... да и ребятки наверняка уже поняли, что перестарались... Ведь, поняли же?

Ответом, остро глянувшему на «ребятку» старику, были энергичные кивки и полные такого раскаяния взгляды, что заметив их, Владимир скривился. Как же... поняли они. Впрочем, старик, казалось, был удовлетворен этим показным осознанием вины, так что тему можно считать закрытой.

Спустя два часа, после доклада владельцу имения и присутствия на коротком «официально-домашнем» обеде, тренер стоял в медицинском блоке, у окна небольшого бокса, где в просторной ванне заполненной даже на вид противной жижей, плавало опутанное многочисленными датчиками, тело находящегося без сознания паренька. А вокруг мерно пикали на разные голоса с полдюжины медартефактов.

— Бежать тебе отсюда надо, Кирилл. Долго ты таким «тренажером» не проработаешь. Если сестры с братом не сожгут, так старшие сожгут. — Тихо, почти неслышно вздохнул тренер, отворачиваясь от окна.

Отвернувшись и не увидев, как на миг медартефакты в боксе словно взбесились и умолкли... чтобы через секунду, вновь начать мерно попискивать и перемигиваться многочисленными рунами, словно ничего не произошло. Метнувшийся от стола, целитель метеором пролетел мимо моментально похолодевшего тренера и, распахнув дверь в бокс, замер на пороге.

— Что? — Владимир тряхнул медика за плечо, но тот ловко сбросил ладонь и устремился к пациенту. Короткий осмотр артефактов, легкое возмущение в Эфире от скользнувшей по телу мальчишки диагностической сетки... и недоуменное лицо медика, повернувшегося к тренеру.

— Очевидно, сбой в оборудовании... может, энергетический скачок? — Промямлил целитель. — Но... сейчас все в порядке.

— А если не скачок? — Прищурился тренер. В ответ, медик скривился.

— Тогда, наш пациент на секундочку умер и воскрес... — Фыркнул он. — А это, как мы знаем, совершенно невозможно.

— Ну да, ну да... — Покивал Владимир. — Невозможно, конечно.

Вот только, тренер, а по совместительству, начальник службы безопасности поместья «Беседы», точно знал, что невозможным является, как раз-таки, скачок напряжения в медблоке. Тройная система защиты, бессчетное количество стабилизирующих элементов... все-таки, питание медицинской части висит на той же ветке, что и системы безопасности поместья, а значит... Демоны его знает, что это значит, но точно не скачок напряжения.

— Владимир Александрович, вас Ирина Михайловна искала. Просила зайти. — Возникший рядом с начальником, боец службы охраны протянул командиру записку, прочитав которую, тот невозмутимо кивнул и, жестом отпустив подчиненного, направился к выходу из медблока. Когда приказывает хозяйка дома, а по совместительству, супруга наследника рода, тянуть не стоит. Чревато, знаете ли...

— Володя, что произошло сегодня утром, и почему Кирилл не был на обеде? — Холеная женщина с властным взглядом и совершенными формами, мягко повела рукой, указывая вошедшему в ее кабинет начальнику охраны на кресло. Сама она расположилась на диване, по другую сторону от низкого столика.

— Утром... произошел непредвиденный инцидент. — Устроившись в предложенном кресле, проговорил Владимир. — Дети решили обойти условия поставленной им на тренировке задачи, несколько... хм-м... рискованным способом. Для чего ими была взломана оружейная, кстати, неизвестным нам пока способом, поскольку нарушения рунных цепей, как и несанкционированного допуска вообще, зафиксировано не было...

Тут, Владимир заметил, как его собеседница вдруг стрельнула глазами куда-то в сторону и почти незаметно облизала губы... Вот так. Не было взлома. Добрая мамочка дала детишкам доступ ко взрослым игрушкам. Начальник безопасности вздрогнул, вспомнив, какие еще боевые артефакты хранились в оружейке. Хорошо, что дети взяли только защитный комплекс. Выбери они, что-нибудь иное, скажем штурмовой «Центавр» и от поместья могли бы остаться одни обугленные руины...

Справившись с собой, Владимир продолжил доклад, а заметив, как облегченно вздохнула Ирина Михайловна, выслушав всю историю до конца, не поленился тронуть Эфир... И вынужден был в очередной раз признать, что боярские роды, бывшие опорой страны, вырождаются, точно по примеру княжеских фамилий... Противно. Особенно, когда понимаешь, что в душе этой красивой и умной женщины и в помине нет беспокойства о жизни родного племянника, едва не убитого ее детьми. Только облегчение от того, что глава рода закрыл глаза на случившееся... в очередной раз. И где же знаменитая поддержка рода, о которой так пафосно говорится в присяге? Где это: «единым кулаком» и где эта «всемерная поддержка»? Грустно...

Глава 2. Жить надо так, чтобы после смерти, боги предложили тебе повторить

Открыть глаза... Вздоргнуть от слепящего света и быстро их закрыть. Хм. Кажется, я не так уж и мертв? Однако. Даже не знаю, как к этому относиться... зажрался? Да нет. С моим диагнозом, мне жить оставалось хрен да нисколько. Каждый день мог стать последним. Так, какой смысл в том чтобы пережить тот идиотский бой, и браво загнуться по давнему «приговору» врачей? Хотя, конечно, вляпался я с тем, третьим снайпером, знатно. Ну, должен же был понять, что меня специально отжимают на балкон под выстрел. Ан нет, возомнил себя самым умным, вот и поплатился...

— Кирилл, ты меня слышишь? — Раздавшийся рядом глубокий баритон, отчего-то заставил мое тело дернуться, и я тут же почувствовал как зазудела кожа... Что-то подобное было со мной, когда я валялся в госпитале с ожогами. Оч-чень похожее ощущение. Вот только непонятно, с чего это я так отреагировал на имя какого-то Кирилла, если меня при рождении Романом назвали?

Вот опять... Ладно, посмотрим, что это тут такое творится. Открываю глаза... очень осторожно открываю, все-таки, недавний опыт сказывается.

— Гх-хде я... — Сиплый голос, почти хрип. Но, не такой, как бывает от слабости, или долгого молчания... Странно. Вроде бы, с горлом у меня было все в порядке. Меня били? Зачем?

— Ты в медблоке поместья «Беседы». Кирилл, посмотри на меня. — Человек, стоящий у изголовья моей кровати, водит растопыренными пальцами перед моим лицом. Хочу поправить его, но... в этот момент по телу проходит волна тепла, и желание говорить пропадает. Уж больно знакомое ощущение. Бывало у меня такое в присутствии людей обладающих способностями, схожими с моими. И, как правило, они относились к госструктурам. А значит, значит лучше пока промолчать... и осмотреться. Может быть, даже к лучшему, если меня принимают за другого.

Я присмотрелся к человеку, что продолжал совершать какие-то пассы над моим телом.

— Ну вот, другое дело. — Круглое лицо украшенное седыми, распушенными усами, почему-то тут же отозвавшиеся в памяти определением: «кошачьи», умные темные глаза за стеклами... пенсне? Однако. Характерная сеточка морщин, разбегающихся от внешних уголков глаз... Про таких людей обычно говорят, что они много улыбаются. Может быть, может быть. Лицо, у моего визитера весьма располагающее, как у многих докторов, кстати сказать. Почему я решил, что мой собеседник — врач? А кем еще он может быть, в своем белоснежном халате и со стетоскопом на шее. Причем, стетоскоп из древненьких. Я таких, пожалуй, уж лет двадцать не видел. Хромированная вещица, сразу видно надежно сделанная, на века, можно сказать.

— Что со мной? — Еле слышно прохрипел я.

— Несчастный случай, молодой человек. — Чуть помявшись и нахмурившись, проговорил врач. О как. Интересно, доктор, и почему я вам не верю?

— Я не о том... Что со мной сейчас? — Избавляя собеседника от дальнейшего вранья, переспрашиваю.

— А, вот ты о чем! — Совсем другим тоном восклицает доктор, и морщинки на его лице разглаживаются. — Тут нам есть чем похвастаться. Уже почти все в порядке. Хотя, справиться

с твоими ожогами и повреждением позвоночника, было еще той задачкой, уж можешь мне поверить, Кирюша. Что же до голоса... скоро он к тебе вернется. Видишь ли, нам пришлось немного повозиться с твоими дыхательными путями. Носоглотка оказалась сильно обожжена, так что, пришлось проводить оперативное вмешательство, чтобы ты смог дышать, не тревожа поврежденную слизистую. Через три-четыре дня, горло придет в порядок окончательно. Возможны небольшие изменения в тембре, но... думаю, ты не будешь против, если твой голос станет чуть-чуть ниже, а?

Машинально качая головой, а в висках долбится один единственный вопрос: откуда? Откуда у меня взялись ожоги, и когда я успел повредить позвоночник? Ну ладно, последнее еще как-никак объяснимо. Вторая пуля попала прямо в грудину. Если сила ее была достаточно велика, могла и позвоночный столб задеть... но ожоги?! Нет, тут явно что-то не так... Пытаюсь собрать из немногочисленных разрозненных кусочков хоть какое-то подобие картинки, но... все напрасно. Мысли разбегаются, веки смыкаются, и я проваливаюсь в сон...

Мне снилось что-то странное. Детство... но не моё. Мальчишка со странными способностями растущий в семье, с не менее странными, но куда более «горячими», причем в прямом смысле этого слова, умениями. И относились к нему, скажем прямо, не самым лучшим образом, судя по тому, что я видел во сне... А звали паренька, кстати говоря, Кириллом.

Проснувшись, я, по старой привычке, попытался вспомнить сон во всех подробностях. Своеобразная тренировка, позволяющая сохранить мой стремительно дряхлеющий разум в более или менее рабочем состоянии... Обычная, привычная процедура, вот только сегодня в ней явно что-то пошло не так.

Стоило мне сосредоточиться на уплывающих в небытие картинках своего бессвязного и, скажем прямо, не очень-то приятного сна, завершившегося почему-то огненной стеной, как я едва не утонул в сумасшедшем потоке образов. И все равно не справился. Но не «захлебнулся», а просто вырубился.

Сон? Не смешите мои тапочки! Ни одно сновидение не оборачивается целой жизнью, пусть даже такой короткой, какой она оказалась у четырнадцатилетнего мальчишки по имени Кирилл Громов.

Единственное, что наводило на мысли о сне, был факт наличия в моих видениях магии, в остальном же... все очень подробно и правдоподобно. А уж когда в гости ко мне в бокс начали шастать люди, которых я помнил по тому самому видению, и все они именовали меня исключительно Кириллом... В общем, пришлось принять как данность, что я теперь, он самый и есть. Слабый адепт Воздуха, родившийся в семье потомственных мастеров Огня, отпрыск младшего сына главы боярского рода Громовых, не наследующий ничего, и могущий рассчитывать лишь на место в так называемых боярских детях, или же на службу у Государя, чтобы в дальнейшем, своим горбом выслужить имение, а значит, и собственное боярское звание...

Вот только, судя по тому, что я видел «во сне», долгая жизнь парню явно не светит. Его скорее добьют двоюродный братец с сестрами-близняшками, тренировки с которыми почти постоянно оборачиваются для Кирилла отдыхом в больничной палате. А последний раз, на котором, собственно, и оборвалась впитанная мною память мальчишки, и вовсе едва не закончился фатально.

Самое же удивительное, что после смерти родителей, никто из старших родственников не пожелал взять на себя обязанность по заботе о пареньке. Ни родной дядька-наследник рода с

супругой, ни дед — глава того самого рода. Кирилла, словно ненужного щенка, спихнули на прислугу. Из свидетельств родства оставив ему лишь обязанность присутствовать на семейных собраниях, да учебу и тренировки вместе со старшими сестрами и братом. И если на семейных собраниях, Кирилл послушно исполнял роль этакого пажа при супруге наследника рода, выполняя ее просьбы-требования с вышколенностью хорошего слуги, то терпеть подобное пренебрежительное отношение от ее детей, он явно не желал, и доказывал это на каждом занятии, каждой тренировке. Стремясь обогнать в учебе, отвечал хитростью и тщательно скрываемыми «эфирными» техниками, почерпнутыми из записей погибшего отца, на грубую силу противников, способных размазать своего кузена тонким слоем по всему полигону. И ведь у него получалось, черт возьми... Если бы не подстава с боевым артефактом, отправившая Кирилла на неделю в реанимацию, то и в последний раз он вполне мог выйти победителем из нелепого соревнования, где трое огневики забавлялись, а слабый воздушник просто не мог отступить, прогнуться... сдаться, в конце концов. Уважаю.

Вот только, если я не схожу с ума и в зеркале, повешенном аккуратно напротив моей кровати «заботливыми» руками, «заглянувших проведать дорогого братика» кузин, действительно отражается покореженная физиономия Кирилла Громова, значит сам бывший владелец тела куда-то... ушел?

Стоило задать себе этот вопрос, и спустя мгновение пришло понимание: не ушел. Умер. Парень просто устал от безысходности. И зная его историю, я мог только удивляться, как у него хватило сил выдержать шесть лет такой жизни в постоянной борьбе с людьми, которые должны были стать ему опорой и подмогой. Нет, это не пустые слова и не идеализация родственных уз. Все куда проще. Каждый член боярского рода, будь он родственником по крови, или принятый в боярские дети за какие-то заслуги простолюдин, присягает на верность роду, а тот, в ответ, дает новообращенному родственнику свою защиту и поддержку. Эдакий вассалитет с освященными веками условиями и обязательствами сторон... Остается удивляться, почему в отношении кровного родственника, да еще несовершеннолетнего, род отказывается исполнять те самые взятые на себя обязательства. А ведь в памяти моего... предшественника, имеется пусть и размытое, но яркое воспоминание о том, как глава рода Громовых принимал под опеку восьмилетнего мальчика... буквально на следующий день после смерти родителей Кирилла в автоаварии... Дерьмо какое-то.

Я покосился на зеркало, тут же послушно отразившее мое новое, украшенное рубцами и стяжками лицо, лоснящееся и блестящее... последствия ожогов, однако. Хорошо еще, что здешний доктор клятвенно заверил меня в скором исправлении этого кошмара. Но до тех пор, смотреть в зеркало откровенно страшно. Спасибо, дорогие мои кузины с кузнечиком... В общем, баста карапузики, кончилось ваше время. Ишь, разрезвились... кобылы с жеребцом. Нет, Кирюха, так дальше жить нельзя. Полежут, будем учить... жестко, больно, но доходчиво, и главное, качественно! Иначе, подумать страшно, что они с обычными людьми творить будут, раз уже сейчас родную кровь не пожалели?

Глава 3. Господи, избавь меня от союзников...

Наверное, услышь я такие рассуждения Там, фыркнул бы недовольно, дескать, что за дурь, так реагировать на сон, пусть он и был в своем роде вещим? Вот только одно «но»... Этот сон... воспоминания... они стали моими. Не знаю, как объяснить точнее, но... это меня гоняли по полигону две злорадно ухмыляющиеся девицы, и это моим телом, опутанным «огненным неводом», они же, вместе с братом играли в футбол, пока я из последних сил держал воздушную защиту, не давая нитям огня коснуться кожи... а таких воспоминаний у меня ой как

немало. И среди них есть не только эпизоды поражений и побед, но и откровенных подстав со стороны любезных кузин с «кузнечиком». Не могу сказать, что Кирилл всегда был образцом благородства, нет, в такой обстановке ангелы не выживают, но вот до откровенной подлости он никогда не опускался. В остальном же, действия младшего Громова можно охарактеризовать, как вполне оправданные тактические приемы в борьбе с превосходящими силами противника. И уж точно, парень никогда бы не позволил себе издеваться над проигравшими. Для него это было противоестественно и абсолютно неприемлемо. И от того, что двоюродные сестры и брат не гнушаются такой низости, ему было еще больнее.

Странно, но память Кирилла, встроившись в мою собственную без остатка, став ее неотъемлемой частью, изрядно сместила акценты в моем мировоззрении, в частности, изрядно пошатнув давно ставший привычным цинизм стоящего у черты умирающего вояки, уже принявшего грядущий уход, как должное. С другой стороны, иные черты моего характера остались прежними. Так, я не смог принять того умения прощать и доверять, что было у Громова... я никогда не прощал своих обидчиков и всегда отдавал долги. Будь то услуга, или пуля в лоб. За что и получил Там свое прозвище. Правда, всегда предпочитал его прямой перевод с латыни, благо, такой вариант подходит мне не меньше. Люблю вкусно и много поесть.

А вот комиксы не люблю, очень. Потому, записным острякам, интересующимся наличием у меня адамантовых когтей, я без лишних разговоров устанавливаю личную портативную светотехнику... бесплатно. Я все-таки злопамятный, а не жадный. И очень обязательный, да.

Сегодня был первый день, когда здешние эскулапы разрешили мне, наконец, выбраться из постели и отправиться на небольшую прогулку... не дальше веранды перед медблоком. Замечательно. А то я уже устал лежать в боксе, наслаждаясь процессом выздоровления. Хотя... честно говоря, за выздоровлением своего нового тела я следил с большим интересом, поскольку такого темпа регенерации не видал даже у ящериц. Если б Там у нас были такие врачи и такие возможности... сколько хороших ребят можно было спасти от смерти или инвалидности... м-да уж.

Поплотнее запахнувшись в халат, я нашарил под койкой пушистые и мягкие, совсем не больничные тапочки и, радостно распахнув дверь бокса, не менее весело поковылял по коридору к выходу из медблока, не забывая держаться стенки.

Оказавшись на веранде, я остановился и, отдышавшись, устроился на небольшой лавочке. Ноги дрожат, в голове муть... в общем, полный набор удовольствий выздоравливающего.

— А, Кирилл, вижу, ты уже выбрался на свежий воздух. — Неслышно возникший рядом, подтянутый дядька весьма неопределенного возраста присел рядом, не спрашивая разрешения... Впрочем, пришлось напомнить себе, что единственный человек здесь, у которого мой сосед, будучи начальником охраны поместья, действительно обязан спрашивать разрешения сделать что-либо, это глава рода, боярин Громов, мой номинальный дед, так сказать.

— Да вот, устал лежать, Владимир Александрович. Скучно. Даже шрамы на морде считать, и то надоело. — Вдохнул я, закрывая глаза и подставляя лицо жаркому летнему солнцу.

— Эскулап наш, Иннокентий Львович говорил, что через пару дней от них и следов не останется. — Осторожно заметил мой собеседник.

— Знаю. Мне он то же самое говорил. Но в боксе все равно больше заняться нечем. Вот и

любуюсь на свое отражение. Спасибо сестричкам, позаботились о развлечении. — Кивнул я, не открывая глаз.

— Да уж... — Кажется, сосед совсем не рад такому повороту нашей беседы. — Ирина Михайловна, сегодня за обедом, опять о тебе справлялась.

— Какая трогательная забота. Передайте ей мое почтение и благодарность, Владимир Александрович...

— Ёж, ну натуральный ёж. Только что иголок нет. — Со вздохом заметил мой собеседник.

— Ничего, тренер, дайте срок, вырастут... а там и за когтями-клыками дело не заржавеет. — Откликнулся я и почувствовал, как напрягся сидящий рядом человек.

— А ты изменился, Кирилл. — Доверительным тоном заметил Владимир Александрович, мгновенно пряча сущность СБ-шника за маской тренера и учителя. — Вырос, наверное?

— Вряд ли, скорее, просто устал. — Я открыл глаза и, повернув голову к собеседнику, спросил. — А что, это плохо?

— Хм... Вырос-вырос, Кирилл Николаевич. Впору об эмансипации задуматься. — Старательно натягивая беззаботную улыбку на лицо, проговорил тренер. Вот только глаза у него слишком уж серьезные.

И я рискнул. Кирилл называл это: «тронуть Эфир», я же всегда говорил: «напрячь чуйку». Но смысл один, и действие это мне знакомо давно и очень хорошо... «Принюхавшись» к моему визави, я учуял только легкое одобрение в его эмоциях, что уже радовало. Но еще лучше было другое... боль, та самая жуткая головная боль, что в последнее время терзала мое тело Там, едва мне стоило воспользоваться своими умениями, здесь отсутствовала напрочь. А само действие, требовавшее раньше довольно серьезного усилия, теперь казалось естественным и простым... словно кружку воды выпить.

— И куда мне с этой самой эмансипацией потом деваться? Не-ет уж, Владимир Александрович, пусть все остается, как есть. Здесь, я дома. — Вот только в Эфире, я толкнул ему... хм-м эмоцию, не эмоцию... скорее образ окрашенный пониманием и согласием.

— Да правильно, правильно. Дом, есть дом. Это я так, на тему твоей взрослости высказался. — Тут же хмыкнул Владимир Александрович и, словно спохватившись, вытянул из кармана брюк широкий серебряный браслет. — Вот! Я ж чего пришел. Сам не раз у медиков гостевал, помню как тут скучно бывает. А Иннокентий Львович сказал, что тебе уже читать можно. Держи, уж извини, в твоей комнате взял. Хорошая библиотека у тебя там, кстати, подобрана. — Постучав по краю протянутого мне браслета, заметил тренер.

— Ох, вот за это спасибо, Владимир Александрович! — Искренне благодарю собеседника, прилаживая на запястье браслет и судорожно пытаюсь вспомнить принципы управления здешним аналогом планшета и мобильного в одном флаконе.

— Да не за что, Кирилл. Я, кстати говоря, скинул тебе на браслет восстановительную программу. Пока окончательно не придешь в норму, будешь заниматься по ней. — Поднимаясь с лавочки, улыбнулся тренер. — Не скучай. Иннокентий Львович обещался выписать тебя уже через пару дней... А мне, извини, пора. Дела-дела, заботы.

Разобраться с управлением браслетом оказалось не сложнее, чем с обычным мобильником.

Несколько рун, выгравированных на внешней его стороне, при касании активируют полупрозрачный экран, размер и расположение которого в воздухе можно менять одним движением руки, на которой находится браслет. Для окружающих, кстати, экран невидим. Меню и пиктограммы также реагируют на прикосновение. Есть и возможность вызова клавиатуры... вот только с ней придется повозиться. Это не знакомая и понятная QWERTY, а нечто другое. Совершенно иное расположение знаков, тройная раскладка: кириллица, латиница и... рунная, больше всего похожая на сильно модернизированный Футарк, если я не ошибаюсь, конечно.

Ну да ладно, с этим можно разобраться и позже, а вот то, что интересует меня сейчас... Бегло пробежавшись по каталогу, нахожу последнюю созданную папку. «Российское законодательство». Ничего примечательного в названии нет, но... я-то знаю, что Кирилл никогда не интересовался юриспруденцией, так что... открываем.

Углубившись в чтение, я и не заметил, как подкрался вечер и, лишь сгустившиеся сумерки и возникший рядом со мной хозяин медблока, заставили меня отвлечься от вороха документов.

— Кирилл, сколько можно тебя ждать? — Доктор попытался изобразить негодование, но... с его-то добрейшей круглой физиономией, попытка заранее была обречена на провал.

— Прощу прощения, Иннокентий Львович, зачитался. — Покаялся я, поднимаясь с лавочки. Доктор внимательно следил за моими движениями, готовый подхватить падающее тело в любой момент и, когда я утвердился на ногах, удовлетворенно кивнул.

— Ну что ж, чтение, дело хорошее, но не в такой же темноте, Кирилл. — Заметил целитель, когда мы входили в медблок. — Можно же было, хоть свет на веранде включить... Ладно. Давай-ка, в процедурную. Потом ужин... и в койку.

Глава 4. Знакомство с... или, ну его все на...

Двух дней мне вполне хватило, чтобы разобраться с подсунутыми начальником СБ документами. Там было на удивление много интересных вещей, и некоторые из них вызвали у меня целый ворох вопросов. Например, если пакет документов об эмансипации был понятен, то выдержки из законодательства, касающиеся наследственного права, заставили меня хорошенько задуматься. Почему-то я, следом за тем Кириллом, решил, что раз отец не наследует главенство в роду Громовых, то у него и собственности никакой нет. Жили мы всегда в домах принадлежащих роду, ездили на автомобилях с родовым гербом... логично было предположить, что собственного имущества, кроме разве что личных вещей, у моей семьи не было. По крайней мере, это было логично для четырнадцатилетнего паренька. Но вот подборка копий кое-каких частных документов, статей и комментариев к ним, сделанная Владимиром Александровичем, намекала на совершенно другое положение дел. И это... напрягало.

Казалось бы, с какой вообще стати, я, пусть и частично, но доверился начальнику службы безопасности имения «Беседы», боярскому сыну рода Громовых, второму человеку в иерархии, если не брать в расчет кровных родичей? Вот только... я помню слова, сказанные им у окна медбокса, где в противоожоговой ванной плавало тело Кирилла Громова. Точнее, помнил их сам Кирилл, а мне его знание, вроде как, по наследству досталось. Ума не приложу, как парень мог их услышать, находясь в коме, за звуконепроницаемым стеклом бокса. Но факт, услышал и... воспользовался советом, данным ему тренером.

В общем, если прежний Кирилл кому-то и доверял хоть чуть-чуть, среди своего окружения, это

несомненно был Владимир Александрович Гдовицкой. Конечно, не лучшая рекомендация, но за неимением гербовой, как говорится... Да и не собираюсь я верить каждому слову начальника службы безопасности. Своя голова, как-никак, на плечах имеется.

Из медблока я выходил вполне выздоровевшим, хотя легкая слабость все еще давала о себе знать. Нет, все-таки, здешние медицинские техники, это что-то...

Комната Кир... в общем, комната встретила меня беспорядком, пылью и спертым воздухом. Чего, впрочем, следовало ожидать. После столь долгого отсутствия-то, ничего удивительного. Пришлось отложить планы по началу тренировок согласно выданной Гдовицким программы, и приняться за уборку.

Вот за этим немудреным занятием меня и застал посыльный от Ирины свет Михайловны, с приглашением к обеду. Вовремя, надо сказать. Утром, в медблоке меня не кормили, а время уже далеко за полдень. Поэтому, поблагодарив посыльного, ошеломленно взирающего на мокрую тряпку в моих руках, я заверил его, что буду вовремя и, не дожидаясь, пока тот удалится на поиски остальных членов семьи, захлопнул дверь, которую посыльный, между прочим, отворил, даже не постучавшись.

Кстати, вот интересный момент. Обслуги в имении, немеряно. Но свои комнаты, все дети, вне зависимости от статуса и положения в семейной иерархии, прибирают самостоятельно и не реже, чем раз в неделю. Иначе, можно схлопотать на орехи от главы местного женсовета, которым, понятно, является все та же Ирина Михайловна, как старшая женщина в семье. Супруга-то главы рода почил задолго до рождения внуков... вот и пришлось штатной красавице и жене наследника принять на себя тяжкое бремя руководства женской частью рода. Ну а с таким, с позволения сказать, правлением, я не вижу ничего удивительного в том, что из, когда-то вполне вменяемых девчонок, какими еще помнил своих двоюродных сестер-близняшек прежний Кирилл, выросли такие отмороженные на всю голову стервы. Сила кружит головы не хуже власти, а уж огненной-то дури у них, до хрена и больше. Это даже штатные боевики рода признают...

Черт, как же сложно с этими новоявленными воспоминаниями. Порой, они мне кажутся полным бредом, а иногда... настолько органичны, что я даже не сразу определяю их происхождение. Не-не-не... стоп. Так и до шизофрении докатиться можно. Всё. С этого момента прекращаю даже мысленно разделять себя и прежнего Кирилла. Отныне, есть только один человек — Кирилл Николаевич Громов... по прозвищу Обжора.

Кстати, об обжорстве... Пора бы выдвигаться в сторону столовой. До обеда осталось чуть больше десяти минут. А ни дед, ни тетка, терпеть не могут опозданий на такие вот «официальные» семейные посиделки. Дядьке, правда, все равно, но... Думаю, это только от того, что он сам редко бывает в имении. Все больше в столице время проводит, присматривая за экономической составляющей рода... Ну и черт бы с ним.

За столом, как и ожидалось, собралось лишь шесть человек. Боярин Громов, Георгий Дмитриевич, как ему и положено по статусу, во главе стола. С торца, слева от него, с видом королевы на троне, демонстрируя шикарное декольте и, частично, его оч-чень аппетитное содержимое, восседает Ирина Михайловна, невозмутимая, словно каменное изваяние. Рядышком с ней устроились мои двоюродные сестренки, блондинистые длинноногие существа, обещающие в скором времени стать достойным по красоте, продолжением линии своей великолепной матушки. Правда, для этого им нужно чуток подрасти и еще немного округлиться в... нужных местах, в изяществе же, и плавности движений, они и сейчас могут дать фору Ирине Михайловне, особенно если будут выступать вдвоем. Убойнейшая

штабелеукладка для пылких юношей всех возрастов... жаль только, характером подкачали. Впрочем, это им тоже досталось по наследству.

А по другую сторону стола и, соответственно, по правую руку от деда, устроился мой братец Лёша. Тоже, двоюродный... Вот только ни ума сестер, ни отцовской харизмы в нем нет вообще. Он, грубая сила, давно и прочно оседланная близняшками. Коренастый, ширококостный, белобрысый, эдакий шкафчик... дубовый, ага.

Ну и я, стало быть, шестой в этой дружной компании.

— Добрый день. — Отвешиваю сидящим за столом короткий полупоклон...

— Здравствуй, здравствуй внук. — Дед, единственный, кто ответил на мое приветствие вслух, остальные отделались короткими небрежными кивками. А старый даже улыбнулся, так слегка... и смотрит вроде как благожелательно, но... черт его знает, что он на самом деле думает. — Садись за стол, не заставляй ждать.

Обед прошел в молчании. Даже, банального «передайте соль/хлеб/парабеллум...» и то не было. А вот за чаем, начались разговоры. Правда, все мимо меня. Вроде, как и нет здесь некоего Кирилла Громова. Только дед посасывает трубку, да посматривает сквозь дымные облачка с эдаким любопытством... Надоело.

Поднимаюсь из-за стола, коротко киваю и, пока никто не возмутился: Ну как же! Вперед старших лезет! Молча покидаю «высокое собрание». Выхожу из столовой, аккуратно прикрыв за собой дверь, и краем глаза замечаю за окном расхаживающего по веранде охранника с сигаретой в зубах. Наверное, только что со смены.

Кирилл не курит, а вот я... мозг тут же начинает сучить лапками и требует «соску». Да черт с тобой! Решительно открываю высокое «французское» окно.

— Коля, сигареткой угости, а? — Охранник удивленно хлопает глазами и на автомате протягивает початую разноцветную пачку фабрики неких братьев Румянцевых.

— Спасибо. Я всю возьму? — Николай явно собирается что-то возразить, но пачка уже скрывается в кармане брюк, а одна из сигарет тут же оказывается во рту.

А теперь, попробую повторить тот фокус, что тренировал Кирилл незадолго до своей последней, и такой неудачной для него, полевой практики с родственниками. Коротким энергичным усилием разогреваю воздух у кончика сигареты, секунда, другая, и папиросная бумага вспыхивает, а следом за ней начинается тлеть и табак. Получилось...

Глаза Николая удивленно расширяются. Ну да, адепт Воздуха оперирующий Огнем, это ведь нонсенс, не так ли? А вот, хрен вам. Физика, она везде физика... Хотя, конечно, это не работа с огненной стихией, так, легкая профанация, но полезная, этого не отнимешь. А при должном упорстве, такой подход может дать немало, очень немало. Особенно, такому слабаку, как я...

Подмигиваю ошеломленному охраннику, но радость от успеха моментально перебивается жутким кашлем, неминуемо последовавшим за первой затяжкой. Несколько новых попыток и... м-да... а стоит ли начинать новую жизнь со старых привычек?

Накатывает легкая эйфория и я, вспомнив кое-какой опыт работы Кирилла с дыхательной системой, успокоено вздыхаю. Очистить легкие проблемой не будет, а если подналечь на Эфир с изучением целительских техник, все как одна на нем основанных, то и о прочих негативных

последствиях курения для организма можно забыть.

— Э-э... Кирилл? — Ошеломленно взиравший на меня, боец качает головой, но я его перебиваю.

— Им все равно по фиг, а мне нервы успокоить, в самый раз.

— Ладно. Твое дело. — Охранник машет рукой и я, благодарно кивнув, спускаюсь с веранды, чтобы дойти до своей комнаты по двору. Благо, окно открыто для проветривания, так что забраться внутрь труда не составит. У нужного окна аккуратно затапываю окурок и, перебравшись через подоконник, выбрасываю «бычок» в мусорное ведро, уже забитое всяким хламом. Вот так. Осталось закончить уборку, и вперед, на полигон... Надо же полноценно опробовать свои невеликие, по мнению окружающих, возможности...

Глава 5. Думки-задумки и побег из курятника

Итак, посмотрим, что я умею, и как это соотносится со здешними... хм-м... представлениями о человеческих возможностях и умениях.

Два часа я отрабатывал на пустом полигоне свои «воздушные» техники, как самую интересную для меня «прежнего» часть умений. И ведь умом понимаю, что все это теперь в моей памяти отложено, и как, и что, и «зачем» с «почему», но проверить каждый вспоминаемый элемент, все равно тянет со страшной силой. А когда почувствовал, что окончательно выдохся, присел на бревнышко под небольшим навесом, в уголке полигона, и принялся прикидывать, как эти самые воздушные техники вписываются в здешнюю «табель о рангах»... Да, есть здесь такая. Состоит всего из четырех ступеней, по возрастающей: новик, вой, гридень, ярый. Не сказать, что от результата я приуныл, но пришлось признать, что «стихийник» из меня, действительно, очень слабый. По уровню знаний, спасибо обучению в роду, вполне могу претендовать на «воя», а вот по силе, еле-еле «новика» вытяну. И прогресс, если и будет, то невеликий. То есть, максимум, «вой», да и то, не факт. Но самое главное, что одними знаниями ступень не взять. Нужна сила... точнее большая пропускная способность. А вот с этим у меня швах. Так что, даже зная теоретически, как воплотить, допустим, тот же «смерч» — прием, входящий в экзамен на «ярого», у меня просто не хватит дури, чтобы его воспроизвести. В лучшем случае, такая техника у меня просто схлопнется, обернувшись порывом ветра, а в худшем, если вдруг вздумаю ее поддерживать дольше возможного, превращусь в мумию, которую можно будет выставить в какой-нибудь боевой школе, в качестве наизидания слишком много мнящим о себе ученикам. Так что, о высоких ступенях и изображении ОМП, можно забыть. Ну, собственно, память сей вывод подтверждает, так что ничего удивительного.

Теперь, идем дальше. Эфирные техники. М-да, это штука куда более универсальная, нежели стихийные школы, но и у нее есть свои ограничения. Эфирные техники позволяют воздействовать и на живое и на неживое... пример тому, засилье рунных артефактов, от средств связи, до средств передвижения. Да-да, здешние автомобили, точнее, их движители, по сути своей, есть ничто иное, как большие артефакты... Но и это еще не все. Эфирные техники, помимо артефакторики, используются в целительстве... и, скажем так, в ментальных искусствах. Нет, ни о каком чтении мыслей, и речи нет. Зато, считать эмоции с помощью Эфира, дело несложное. Мороки и иллюзии, туда же. Подслушать кого-то на расстоянии, что-то подсмотреть, тоже не проблема, если конечно, объект не озаботился защитой, эфирной или стихийной. Кстати, многие кинетические щиты младших ступеней также строятся на эфирных техниках, но бойцы предпочитают защищаться родной стихией...

В общем, Эфир штука весьма разносторонняя. Но есть и минус. От любой, даже самой изоощренной его техники, можно защититься намного более простыми стихийными щитами, или вовсе разрушить ее, с помощью энергоемкой, но опять же куда более простой стихийной атаки. В общем, не панацея... Но тут, у меня есть козырь, о котором местные, кажется, даже не задумываются. Почему я в этом уверен? Потому что, Кирилл не знал о такой штуке, как ускорение... а уж он-то искал все, что связано с возможным увеличением собственных возможностей. Искал исступленно, можно сказать, был одержим этой идеей. И раз он не нашел ничего подходящего, значит, по крайней мере, подавляющее большинство здешних мастеров, даже не пытается накачивать эфиром собственное тело. А для меня это так же естественно, как дыхание. Ну, вспоминая какой болью сопровождались подобные экзерсисы в последние годы моей жизни Там... скажу честнее: почти так же естественно.

Я тронул Эфир, «ощупывая» пространство вокруг и, одновременно, окинул взглядом полигон. Вроде бы, пусто. Замечательно. Ну-ка, попробуем... Вот и камешек подходящий. Рука потяжелела, наливаясь теплом. Короткий удар... и в стороны шrapнелю брызнул щебень. Ха! Сработало.

Я гений? Ой, вряд ли. Наверняка, и до меня были попытки использовать усиление тела Эфиром, но... Здесь, как раз, случай, когда сила, это еще не все. В отличие от стихий, для эфирных техник нужен, прежде всего, контроль, точный и взвешенный, причем такой, какого на начальных ступенях мастерства, ни одному бойцу-стихийнику не видать, как своих ушей. А на более высоких ступенях, когда уровень контроля становится достаточным, такие вещи, как ускорение, проще заменить хорошим стихийным щитом или дистанционной атакой. Вот и получается: низы еще не могут, а верхам это уже на болт не нужно... поскольку, чем бегать от чужой атаки под ускорением, проще принять ее на щит, а атаке по площади вообще плевать на то самое ускорение. Накрыл такого вот «бегунка» дистанционной техникой, с пятном воздействия метров в двести квадратных, и амба. По-моему, так... по крайней мере, это предположение логичнее, чем «страшная тайна великих мастеров». Да и забывать о том, что стихийники предпочитают вести бои на дальних и средних дистанциях, тоже не стоит. Нет, они в обязательном порядке занимаются ногорукомашеством, но... большого прикладного значения эти занятия не несут. Ведь, зачем бить противника пяткой в лоб, если можно засветить огнешаром в ту же часть тела? Но... БИ полезны для развития контроля, и потому присутствуют в программах тренировок всех одаренных.

Что же до Эфира, то и тут у меня все не как у людей. Если в стихии я откровенно слаб, то здесь могу дать фору многим одаренным. Так, например, я могу «ощутить» пространство в радиусе пятисот метров, на открытой местности, тогда как у деда предел — сотня, а он уверенный или, как здесь принято говорить: «высокий» гридень. Впрочем, неудивительно. Отец сам был слабым стихийником, и сына натаскивал именно в контроле Эфира. Да и мои тридцать лет учебы, со счета, захочешь, не сбросишь.

И третья, весьма интересная фишка, показанная Ки... мне Владимиром Александровичем незадолго до той самой полевой практики, и так небрежно продемонстрированная мною охраннику Коле... А именно, свободное оперирование стихией... Тут, все сложно, но очень интересно. Любой одаренный, в своем развитии, начиная с первых ступеней, использует известные, распространенные техники и, лишь достигнув своего «потолка» в контроле пропускаемой через тело силы, мастера начинают экспериментировать с прямым управлением стихией, изобретая собственные приемы и техники. Почему так? А дело все в том же контроле. Например, имеется потенциальный «гридень», который, только-только сдав экзамен на «новика», решил «поиграть» со стихией. Результат будет... короче, в лучшем случае отделается закупоркой Дара с очень долгим периодом восстановления, а в худшем, его разорвет на кусочки, из-за неспособности контролировать весь поток проходящей через него

энергии. Грустно? Да не так уж... Техник для каждой ступени, хоть и конечное число, но оно очень-очень большое. Одних боевых атакующих приемов уровня «воя», в мире известно больше сорока тысяч, и это только для школы Огня. А ведь есть еще и защитные, в чуть меньшем количестве, и небоевые, число которых вовсе неизвестно, поскольку, то и дело появляется что-то новое...

Но самое забавное здесь, вот в чем. То, что становится проблемой почти для любого стихийника, для меня не представляет почти никакой опасности. Потолок моих способностей слишком низок, так что, совершить такое вот ор-ригинальное самоубийство, у меня не получится. Разве что, сутки-другие мучительных судорог в результате... есть у меня и такое воспоминание. Но ведь живой...

— О, мелкий здесь. — Звонкий голос вывел меня из задумчивости и, подняв голову, я чуть не поморщился. Ну конечно! Других девчонок, кроме Милы и Лины, моих дражайших двоюродных сестричек, в имении нет и быть не может.

Вон как выступают. Походочкой повышенной сексуальности... Чего это они? А! Вспомнил. Последние года два вот эти их женские штучки, вкупе с ультракороткими шортиками и полупрозрачными маечками, на Кирилла действовали, как «тяжелая» игра на старый процессор... Короче, тормозил и глючил Кирюша от открывающихся видов, разве что не дымился... Ну, кто бы сомневался, что лучшие ученицы первой, в недалеком прошлом, сердцедеки столицы, не заметят того несомненно любопытного воздействия, что оказывает вид их юных тел на гормональный баланс двоюродного братца. Ну-ну. Хотя-я... Стоит признать, у барышень уже есть чем похвастать.

— Извиняться пришли? — Вытряхивая из головы несвоевременные мысли, смотрю на приближающихся сестер. — Так, это не по адресу. Вы, лучше у Гдовицкого прощения попросите. Ему ведь, наверняка, нехило влетело за ваши чудачества с оружейкой.

— Санычу, дед по этому поводу ни слова не сказал. А тебе, братик, давно пора понять, за твои залеты в медблок, нам ни у кого прощения просить не приходится... — Мило улыбнувшись, проворковала Лина. А вот Мила насторожилась. Ну да, она всегда соображала чуть быстрее сестры, и нынешнее мое поведение ее обеспокоило. Оно и к лучшему. После прочтения документов, оставленных «Санычем» в моем браслете, желание оставаться в имении пропало напрочь. Там ведь, не только выдержки из законодательства были, но и копии кое-каких бумаг моей семьи, отца, матери...

Да и... память памятью, а мое поведение в корне отличается от прежнего. Да что там... у меня даже моторика меняется, про манеру речи и вовсе молчу. В общем, валить отсюда надо. А для этого идеально подойдет конфликт, который мне сейчас и устроят мои «обожаемые» сестренки...

— Да-да... я заметил, что Георгий Дмитриевич окончательно разочаровался в вашем воспитании и бросил его на самотек. Ну право, не пороть же этаких дылд? Поздновато как-то... да и предосудительно. Как бы окружающие не сочли это сексуальным извращением, а не воспитательным приемом... — Есть контакт! К концу фразы, глазки близняшек опасно загорелись, а через секунду они бросились в атаку.

О, да! Огонь, батарея, огонь, батальон! Попрыгаем, красивые!

Глава 6. Задачи и их решение...

Главное не дать им время развернуться с мощными огненными техниками... И это мне удалось, благо у Кирилла была неплохо наработанная тактика, сводившаяся к простому как топор решению. Выйти на короткую дистанцию с одной из сестриц, и крутиться вокруг, используя ее, как щит от атак второй, одновременно нанося короткие уколы воздушными шипами.

Знакомый огненный хлыст оставил на земле длинную выжженную полосу, а следом еще одну и еще... Вывернувшись из-под удара разъяренной Лины, ухажу в сторону и, спиной почувствовав нарастающее напряжение, ускоряюсь. В том месте, где я только что находился, вспучивается огненное облако, которого моя слабая защита просто не выдержала бы. Вот теперь, шутки точно кончились. Срываюсь с места...

* * *

Момент, когда привычная, но так выбешивающая сестер «карусель» превратилась в нечто совершенно дикое, Мила могла назвать совершенно точно. Это случилось, через секунду после того, как Кирилл, каким-то неуловимым для глаза движением, сумел уйти от «мухомора», который сестры только-только выучили специально, чтобы глушить этого придурка, когда он опять начнет «липнуть» к одной из них во время боя. И ведь хорошая же идея была. Их щиты спокойно выдержат и три таких удара подряд, а вот мелкому не поздоровится... Должно было не поздоровится. Кто ж мог подумать, что этот... сможет уклониться от дистанционной техники?! Сумел... и словно растворился в воздухе. А потом... Вот, развернувшая свой огненный хлыст, Лина взлетает в воздух и, уже явно без сознания, плашмя падает наземь, а следующее, что запомнила Мила, был чудовищный удар, сметающий ее в сторону и... мир померк.

В себя, она пришла спустя несколько минут. Точнее, Милу привел в чувство поток воды вылитой на голову. Отфыркавшись, она кое-как открыла глаза, но рассмотрела только удаляющийся силуэт. Через секунду, чуть в стороне раздался какой-то странный свист, потом звук выплеснутой воды... и визг сестры.

Кое-как усевшись, Мила обвела мутным взглядом полигон и, наткнувшись на такой же недоуменно-расфокусированный взгляд Лины, тихонько хмыкнула. Нет, Кирилл, бывало, выигрывал поединки один на один, но вот раскидать обеих сестер, недавно вышедших на ступень «воев», ему удавалось очень редко, и то, с огромнейшим трудом и обязательным для победителя последующим визитом в медблок. Сейчас же...

Переглянувшись, близняшки покачали головами и, поднявшись, наконец, на ноги, с интересом уставились на брата, который к этому моменту спокойно дошел до недавно оставленного им бревнышка и, усевшись на него, невозмутимо затянулся дымом неизвестно откуда взявшейся сигареты.

— Не рановато ли ты курить начал? — Прищурившись, проговорила Лина, когда обе сестры, поднявшись с утопанной земли, отряхнулись и подошли к безмятежно взирающему на них брату.

— С вами, не то что курить... пить начнешь и не заметишь. — Пожал плечами Кирилл, явно не впечатлившись нависающими над ним фигурами. Впрочем, нет... Взгляд, которым он прошелся по все еще тяжело дышащим сестрам и, самое главное, их мокрым, облепившим тела футболкам, говорил о том, что кое-какое впечатление сестры на него произвели... вот только, вряд ли это было именно то, на что они сейчас рассчитывали. Да и не стал он тормозить, как обычно. Так, оценил вид, полюбовался и отвел взгляд.

— Борзеешь, мелкий. — Ласково улыбнулась Мила. — Думаешь, один раз застал нас врасплох, и стал кум королю?

— Вот ведь, дуры, прости боже. — Вздохнул Кирилл и покачал головой. — Да и я, кажется, не лучше... Надо было раньше прекращать эту игру в поддавки. Так ведь нет, все берег идиоток... ну как же, сестренки ведь, идут на «гридней», как минимум, без уверенности в себе им никуда. Надо подсобить. Допомогался, чтоб вас. Совсем берега потеряли...

— Ты... ты чего плетешь, а?! Придурок! Какие, к мавкам, поддавки?! Я ж тебя сейчас дымом пушу. С-сучонок! — Взбеленившись, заорала Лина, поднимая руки... Но ударить, по всей видимости, тем же «мухомором», не успела. Стоящую рядом Милу только обдало ветерком, когда мелкий вдруг странно дернулся, и разъяренная сестра упала наземь, словно подрубленная.

— Хм... — Покосившись на ворочающуюся в пыли сестренку, безуспешно пытающуюся встать на четвереньки, Мила отступила на шаг от Кирилла, оценивающе поглядывающего на нее снизу вверх и, прочистив горло, спросила, — братец, тебя разве не учили, что бить девушек нельзя?

— Девушек? — В деланном удивлении, приподнял бровь мелкий, и демонстративно огляделся. — Я, знаешь ли, такой консерватор, всегда считал, что девушки, это такие существа в платицах. Добрые, отзывчивые, нежные... Их нужно защищать, да... Вот только, здесь, я таких объектов не наблюдаю. Зато, вижу двух совершенно охреневших от собственной крутизны и безнаказанности «воев», напрочь забывших о главном принципе одаренных: На всякую силу, найдется большая сила...

— Не поняла... это ты сейчас, на что намекаешь? Что мы уже не девушки?! — Щеки Милы моментально полыхнули алым, а глаза зло прищурились. Хотя она и отличалась от сестры большей выдержкой, но и ее терпение имело свой предел, и, мелкий, кажется, только что его перешел.

— Я же говорю, дуры и есть. Никого кроме себя не слышите, ничего понимать не желаете... Ох, и наплачутся же с вами мужья... — Не обращая никакого внимания на окруживший Милу кокон силы, блистающий огненными сполохами, вздохнул Кирилл. Покрутил в руке потухший «бычок», спрятал его в карман и, выудив другую сигарету, естественным, словно бы уже многократно проделанным жестом, прикурил ее от огненных разводов, скользящих вокруг Милы.

От такой неопишуемой наглости, девушка совершенно растерялась, и кокон рассеялся в воздухе, словно его и не было.

— По-моему, пребывание в медбоксе разрушающе подействовало на твои мозги. — Прикусив губу, сделала вывод Мила, и коротко глянув на застонавшую сестру, бросилась помогать ей подняться на ноги...

Поведение мелкого было совершенно неожиданным и непонятным, оно вызывало недоумение, так что, Миле требовалась хотя бы минутка, чтобы привести мысли в порядок... и придумать, как быть дальше. Поскольку, как бы она не гнала эту мысль от себя, лезть в драку с т а к и м Кириллом, у Милы желания не было, совершенно. В общем, надо потянуть время. Заодно и сумбур в мыслях развеется... хоть чуть-чуть.

Не тут-то было. Стоило Миле помочь сестре подняться на ноги, как мелкий вскочил с бревна и, неожиданно быстро сформировав эфирную технику, прошелся по Лине «диагностом». После

чего, удовлетворенно кивнул и... споро усадил обеих близняшек на только что освобожденное им место.

— Знаешь, мелочь, не тебе судить о наших будущих мужьях. — Неожиданно спокойно заметила Лина, с трудом устроившись так, чтобы не тревожить ушибленные ребра.

— Что совершенно не мешает мне им сочувствовать. Можешь считать это пресловутой мужской солидарностью. — Фыркнул Кирилл.

— Не думаю, что род устроят зятя-слабаки, или тряпки. — Тихо проговорила в ответ Мила.

— Тогда, я буду сочувствовать вам. — Растянул губы в совершенно идиотской улыбке мелкий.

— Ч-чего?! — Вскинулась было Лина, но тут же зашипела от боли.

— Того. Если все будет так, как вы говорите, то мужья вас быстренько обломают, а чтоб не вздумали бунтовать, запретят на женской половине, и устроят сладкую жизнь по «Домострою». И никакая сила вам не поможет. Будете рожать и кушать медовые пряники, раз в год показываясь гостям мужей на годовщинах свадьбы. А если вдруг все же взбрыкнете, мигом плетей получите... и ведь никто не заступится. Классно, а?

— Ты с дуба рухнул?! Какие, к мавкам, плети, какой «Домострой»?! — Лина даже пальцем у виска покрутила, для достоверности.

— Ну, отчего же сразу с дуба-то... — Кирилл пожал плечами. — Вон, хоть род матушки вашей возьмите. Часто вы своих теток видите? А когда в гости к Томилиным приезжали, вас хоть раз за общий стол пускали? Да ни хрена. Только поздоровались-почеломкались, и вперед, мальчики налево, девочки направо. Образцовый московский род, патриархальный, всё в лучших традициях государя Иоанна Четвертого. По сравнению с Корнеем Платоном, их главой, наш дедушка, просто-таки, образец прогресса.

* * *

— Ну, спасибо, внучок. Приласкал, да... — Раздавшийся рядом насмешливый голос, заставил нас троих дернуться от неожиданности. Черт, а я ведь даже не почувял, как старший Громов к нам подобрался.

Впрочем, оглянувшись на голос, я понимающе вздохнул. Земля полигона спеклась вокруг деда идеальным кругом. Техника ярых. Захотел и переместился. Телепортировался, ага. М-да, этого умения мне не видать, как своих ушей... а жаль. Стоп... а чего же он гриднем-то прикидывается?

— Значит, полагаешь, нужно их за московских выдать, да? Чтоб там с них спесь сбили? — Покосившись на сигарету в моей руке, задумчиво проговорил дед. А глаза добрые-добрые...

— Спесь и дома сбить можно. — Пожал я плечами, уходя от ответа. Матримонии, это явно не мое. Тут и без желторотых обойдутся. А старший Громов неожиданно хохотнул.

— Дома, говоришь? Ну-ну. Вот ты этим и займись... Воспитатель. — Ткнув в мою сторону тростью, вдруг заключил боярин, и, удовлетворенно кивнув при виде наших изумленных физиономий, поспешил уйти.

Глава 7. Торговаться всегда, торговаться везде...

Вот так, да? И он что, в самом деле уверен, что я буду рулить этим детским садом? Уточню, бунтующим детским садом?! Ну уж, дудки. Хотя-я-я... хм-м, кто сказал, что месть всегда должна оборачиваться большой кровью?

Не знаю, чем я себя выдал, но под моим взглядом близняшки поежились. Ну-ну... Ладно. Разберемся.

А в следующий миг, меня, что называется, торкнуло. Боясь ошибиться, я, в пару движений вывел на экран браслета недавно полученный мною пакет документов и, отыскав нужный текст, впился в него глазами. Мать... Громов, старая сволочь! Я просчитался... Так просчитался!

— Прошу прощения, дамы, но вынужден вас оставить. У меня неожиданно образовалось небольшое дело, требующее неотложного решения. — Коротко кивнув сестрам, я «потушил» экран браслета, развернулся и двинулся к дому, лелея надежду, что ошибся, и дед вовсе не решил сменить «кожаный поводок» моей кровной привязки к роду, на «суровый ошейник с цепью» младшего вассалитета...

— Если ты думаешь, что слова деда что-то меняют, ты сильно ошибаешься... братец. — Тихонько промурлыкала вслед Лина, вынудив меня резко затормозить и вернуться к кузинам.

— А теперь, серьезно. Слушаете меня внимательно, и молчите... просто, молчите. Обсудите все потом, наедине. — Остановившись в метре от сидящих на бревне Милы и Лины, заговорил я. — У меня, сейчас, совершенно нет времени на всю эту возню в песочнице. Как только что выяснилось, кое-кто решил устроить мне проблемы, по сравнению с которыми ваши выходки, просто детские шалости. Смертельно опасные, чего вы всё никак не можете осознать, но тем не менее. А чтобы вы вообще поняли, в чем здесь дело, советую почитать кое-что. — Я поднял руку и, активировав браслет, сбросил на почтовые ящики сестер только что прочитанную мною информацию.

— Что это? — Тут же потянулась к своему мелодично звякнувшему артефакту Мила.

— Прочитаете — поймете. Разберетесь, найдите меня. Поговорим... — Сухо кивнув, я оставил девчонок знакомиться с текстом, а сам ринулся на поиски деда. У меня было о чем поговорить со старым хрычом, и сделать это надо было побыстрее. Нужно срочно его переубедить.

* * *

То, что Георгий Дмитриевич увидел на записях наблюдательной сети, немало удивило и... порадовало старого боярина. Странная, неудобная для одаренных техника, продемонстрированная младшим отпрыском семьи Громовых, четырнадцатилетним мальчишкой, которому о ступени не то что «гридня», но даже «воя» мечтать не приходится, заставила патриарха рода сначала неопределенно хмыкнуть, а потом...

— Ах ты ж! Вот, стервец! — Старик восторженно хлопнул ладонями по подлокотникам кресла и гулко расхохотался. — Освоил все же бабкину задумку... ну, постреленок. И ведь ни слова никому не сказал. Будет, будет толк... Вова!

— Да, Георгий Дмитриевич. — Возникший за плечом боярина, Гдовицкой настороженно глянул на экран, где в повторе крутилась короткая запись боя Кирилла с двоюродными сестрами и, вздрогнув, перевел взгляд на хозяина поместья. — Да не дергайся ты так. Ничего ему не будет. Глянь, эка... что творит, что творит. Раз, два и по кучкам... новик воев по кучкам, ха! Знал, что он так может?

— Никто не знал. — Покачал головой Владимир Александрович.

— Добро. Верю. Хорошо скрывался... «мелкий». — Довольно усмехнулся боярин. — А теперь, значит, открылся. С чего бы вдруг? Задумал что-то... Ничего необычного за ним не замечали, после медблока?

— Есть информация, что младший Громов активно штудировал юридическую литературу. Больше всего времени было уделено разделу об эмансипации. — Тут же подал голос, сидящий за вычислителем охранник... ну, если это глистообразное нечто в очках-иллюминаторах, чудно сочетающихся с мешковатой формой, можно назвать охранником...

Гдовицкой зло зыркнул на влезшего не в свои дела подчиненного, чего тот не заметил, а потом Владимиру Александровичу пришлось уделить внимание вновь заговорившему хозяину поместья.

— Во-от оно что... Так, это значит, надо понимать так, что Кирюша решил начать доказывать свою самостоятельность. М-да. И ведь, наверняка, браслет всё для Совета фиксирует.

— Никак нет. — Опять вылез поперед начальства все тот же «охранник», так и брызжа желанием услужить. — Фиксаторы артефакта не активны...

— О как... Стало быть, полюбовно договориться хочет. Умно. — Промурлыкал себе под нос Георгий Дмитриевич. — И приятно, не скрою. Ладно, поторгуюсь... в его стиле. Ха-ха...

Старик поднялся с кресла, подхватил прислоненную к нему трость и, оглядевшись, направился к выходу из операторской, куда его позвал очкастый наблюдатель, когда младшие Громовы сцепились на полигоне. Но, на полпути, Громов вдруг остановился и, демонстративно хлопнув себя рукой по лбу, обернулся к начальнику охраны, сверлящему своего подчиненного недовольным взглядом.

— Забыл. Вова, ты бы сделал своим мальчикам внушение. Негоже лезть в разговоры старших... без приглашения. — Если от взгляда начальника, наблюдатель был готов забраться под стол, то слова хозяина поместья вогнали его в полный ступор.

— Обязательно, Георгий Дмитриевич. Не сомневайтесь. — Кивнул начальник службы безопасности.

— Вот и замечательно. Ну, не буду мешать. У меня еще дела-дела... вон, с младшеньким торговаться пойду. Ох, чую, разденет меня Кирюша, без портянок оставит. Такой ушлый мальчонка оказался. И в кого только удался? — Исчезая в огненной вспышке, продолжал бормотать Громов.

* * *

Старый пердун... Слов нет. Он-таки, меня дожал. И ведь, всё с улыбочками-ухмылочками. Добренький дедушка оценил старания внука, называется. Ну, кто ж знал, что он примет мой

прокол, как предложение к переговорам? И, ведь сговорились же... всё-таки. Но, чёрт, как же мне это не нравится!

С другой стороны, альтернатива быть изгнанным, или эмансипироваться с боем, который старик наверняка бы мне устроил просто за то, что поставил его перед фактом, не пытаясь договориться, выглядит не так уж радужно. Нервов, такой выход из рода забрал бы у меня немало. Да и времени тоже. А сейчас...

Хм, поменял шило на мыло, называется. Нет, теперь, препятствий с его стороны не будет, зато добавится головной боли от девчонок и... деньги. Родительские активы, будут недоступны еще о-очень долго, даже не смотря на предстоящие события. Срок управления оговорен строго. До восемнадцати. А расходы предстоят немалые, даже за вычетом предложенных дедом сумм. Значит, надо искать подработку... учитывая мой возраст и предстоящую занятость в гимназии, задача непростая...

Да-да, добрый дедушка обрадовал перспективой моего грядущего перевода в гимназию, где сейчас, как раз, учатся сестрички... Ар-р... Мой личный детский сад. Вот, кстати, интересно. А в этой самой гимназии они ведут себя так же, как дома? Или, это только мне такое безудержное счастье привалило?

Ладно. Буду разбираться с проблемами, по порядку. И начну, пожалуй, с самой главной...

Покинув кабинет деда, где мы добрых два часа торговались по условиям получения мною столь желанной свободы, я добрался до своей комнаты и, не обнаружив сестер ни в коридоре около двери, ни в самом помещении, пожав плечами, взялся за браслет. Но, не успел я залезть в настройки этого чуда артефакторики, чтобы избавиться от слежения со стороны системы наблюдения СБ, как браслет вздрогнул и тихо тирлинькнул, оповещая о пришедшем на мой почтовый ящик письме... от Владимира Александровича.

Короткое сообщение. «Жду в девять на полигоне». И все. Никаких объяснений, пояснений и прочих экивоков. Ладно. Схожу, взгляну в глаза его суровые. Может, признается, гад, зачем деду сдал... Черт, да если бы не моя вежливость, не позволившая сходу начать качать права в кабинете старика, кто его знает, к чему бы привел наш разговор. Спасибо, что Громов сразу сам выдал версию моих действий, а то ведь я и опростоволоситься мог... запросто. Можно сказать, повезло.

Но вот то, как Гдовицкой меня подставил с этой чертовой записью и сброшенными на браслет документами... Ну, глупость же! Или... Хм, а что? Не зря же господин Гдовицкой свой хлеб жует? Сильно сомневаюсь, что начальник службы безопасности мог так лихо проколоться с вверенной ему же системой контроля. Но, тогда возникает другой вопрос. Зачем ему понадобилось так всё усложнять? Или у Владимира свет Александровича есть какие-то свои интересы в моем деле?

— Мелкий, ты здесь? — Раздавшийся стук в дверь, отвлек меня от размышлений. Легким воздушным воздействием открываю дверь и внимательно смотрю на стоящих на пороге близняшек, так до сих пор и не удосужившихся переодеться.

— У меня, вообще-то, имя имеется. Вы же не хотите, чтобы я звал вас по аналогии. Дылдами, например, или кобылками? — Водружая браслет на руку, вздохнул я. Сестры переглянулись...

— Знаешь, Кирилл, мы тут подумали, и нашли способ избавиться от грядущих неприятностей. — Неожиданно мирным тоном проговорила Лина, а вот сестра явно была чем-то недовольна.

— Вот как? Интересно. И что это за способ? — Я подобрался, почуяв напряжение Эфира. И не прогадал. Нырок в окно под ускорением, прошел штатно. И за гудением пламени, объявшего комнату, я услышал слова близняшек: «Нет человека, нет проблемы». Ну не дуры, ли...

Глава 8. По-свойски...

Правда, долго распинаться об идиотизме сестер, мне не пришлось. Только я вспахал ногами землю под окном моей комнаты, как чувство опасности взвыло сиреной, заставив метнуться в сторону, и окончательно превращая симпатичную клумбу в совершеннейшее непотребство. А на том месте, где я приземлился, вспух очередной огненный шар...

На небосклоне уже начали зажигаться первые звезды и тени в наступающих сумерках, вполне хватило. Так что, не выходя из ускорения, я рванул к ближайшей из них, отбрасываемой небольшой купой деревьев, чуть в стороне от корпуса, где и скрылся.

Пара, хоть и раскидистых, но невысоких кустов черемухи, не ахти какое убежище. Но на пару секунд этого хватит, как раз, чтобы отвести глаза моим «охотничкам» и разобраться, кто ж такой тот третий, что чуть не поджарил мою задницу там, на клумбе. Впрочем, долго гадать не пришлось. Алексей, будущий наследник рода... если переживет сегодняшний день, конечно. Умный, с-скотина. Не стал ломиться в двери вместе с сестрами, а встал на единственном возможном пути отхода. И не прогадал. Ну, почти.

— Кирилл, выходи. Я знаю, что ты здесь... — Алексей, стоящий на небольшой, мощеной брусчатым камнем, площадке меж двумя корпусами, покрутил головой и, не увидев меня, пожал плечами. — Я же все равно тебя найду!

Легкое марево, окутывавшее ладони «кузнечика», опало и Алексей, закрыв глаза, вытянул руки вперед. Вот и замечательно. Поиск в Эфире, штука, конечно, хорошая, вот только требует серьезной концентрации, а у моего братца и так затык с поддержанием нескольких техник одновременно.

Глядя, как Алексей поворачивается вокруг своей оси, я дождался, пока его руки, словно стрелка, покажут в мою сторону, и сделал «бу». Палиться, так палиться.

Этим приемом я пользовался еще Там, чтобы отпугнуть слишком близко подобравшегося зверя, или вырубить достаточно чувствительного человека. А сейчас... ну, что может быть чувствительнее, чем полностью открывшийся противник, целенаправленно ищущий любые мало-мальски заметные возмущения в Эфире?

Сенсорный шок. Мощная эфирная волна перегрузила восприятие Алексея и, вышибив ему сознание, словно «автомат» при скачке энергии, отправила в беспамятство. Вот и замечательно. Спеленав двоюродного братца, я кое-как дотащил его довольно-таки тяжелое тело до подвала в хозяйственном корпусе и, расположив его там «поудобнее», отправился на охоту за близняшками.

Надо сказать, что охранники, видевшие, как я тащил на своем горбу бессознательного Алексея, даже виду не подали, что их это как-то касается. А Николай, так и вовсе, с превеликим удовольствием помог мне справиться с тяжелой подвальной дверью. За что и был отблагодарен тотальным «расстрелом» очередной пачки сигарет.

Сестер я обнаружил на том же месте, где меня подловил Алексей. Девчонки крутились на

площадке и что-то вынюхивали... А, ну да. Заметили оставленный мною на клумбе след, и теперь пытались понять, что здесь произошло.

Эфир гудел от их манипуляций, и мне оставалось только завистливо вздыхать, ощущая мощь, которой эти дурные девчонки так легко разбрасывались. Поисковые сети летели во все стороны, потрескивая от вложенных в них сил, а по брусчатке змеилась багрово-пепельная поземка. Хм, такого я у них еще не видел.

Заметив, как край поземки изогнулся в том месте, где я приземлился после своего прыжка в окно, присмотрелся внимательнее. Вот оно что... Поземка, шурша выдранными из земли цветами, вспыхивающими и опадающими пеплом на ее пути, вытянулась, образуя этакую дорожку, указывая маршрут, по которому я двигался, уходя от Алексея. Интересно.

Ага, вот она дотянулась до черемухи и, стрелой помчалась к тому месту, где стоял Алексей. Смерчем крутанулась на месте и, вновь вытянувшись поземкой, полетела дальше, точно по моему маршруту. Сестренки, внимательно следившие за движением своего «следопыта», переглянулись и, явно что-то для себя решив, двинулись следом.

Как всегда торопливая, Линка уже скрылась за углом дома, а вот Мила завозилась. Шнурок развязался. Удачненько. Уже совсем привычно влив энергию в конечности и, одним прыжком преодолев разделяющее нас расстояние, аккуратно бью сестренку по голове. Нежно, можно сказать.

Подхватить обмякшее тело. Прыжок обратно на крышу одноэтажного корпуса медблока, и бегом-бегом. Нужно успеть добраться до места быстрее, чем «следопыт» приведет к нему Лину.

Успел. Спрыгиваю с крыши прямо перед Николаем.

— Коля, ты подвальную дверь еще раз не придержишь? — Охранник, в ответ, переводит взгляд на устроившееся на моем плече тело Милы, фыркает и, кивнув, спускается по ведущим в подвал ступенькам.

— Ну у вас и развлечения, Кирилл.

— Не развлечения, а учения... в условиях, приближенных к боевым. Ничего-ничего. Всё правильно. Всё как надо. Тяжело в учении, легко в бою. — Поудобнее устраивая на плече сестренку, пыхчу я. Спеленать Милу так же, как я проделал это с Алексеем, не проблема. Минутное дело. Да и Николай помог.

— Надеюсь, все будет в порядке? — На всякий случай осведомляется охранник.

— Обижаешь. Все будет в полном соответствии с конвенциями. Никаких издевательств над военнопленными. — Заверяю его и, еще раз проверив узлы, киваю. — Коля, спасибо за помощь, но теперь, тебе, пожалуй, пора идти. Потому как, сейчас, сюда придет последний участник этих посиделок, а что такое некомбатант, она, в отличие от меня, понятия не имеет.

Николай ухмыляется и исчезает. Славно. А теперь, отвод глаз, и в тень. Благо, уж чего-чего, а ее здесь хватает. Подвал освещен лишь тусклой «дежурной» лампочкой в забранном железной решеткой плафоне, и теней от крупногабаритного хлама, сваленного в комнате, хоть отбавляй. Но мне приглянулось другое место. Полка над дверью, словно предназначена для засады, и свет лампочки ее просто не достигает.

Вовремя. Скрипит тяжелая дверь, и в подвал, окутанная огненным щитом, медленно входит Лина. Скользит меж куч хлама, огибает огромный массивный буфет и, заметив брата с сестрой, кидается им на выручку, напрочь забыв об осторожности. Щит мешает ей заняться узлами, и сестрица опрометчиво сворачивает его. Повезло, что первой мне попалась именно Мила. Окажись она сейчас на месте своей вспыльчивой сестры, действовала бы не в пример аккуратнее. И мне пришлось бы куда сложнее.

А так... Линка не успела даже прикоснуться к путам, как схлопотала точно такой же удар, что вырубил ее сестру, и безвольно осела на пол. Посмотрев на пребывающих в отключке родственников, я вздохнул. Однако, тенденция... м-да.

* * *

— Второй раз за один день... — Просипела Мила, открывая глаза. Голова раскалывалась от боли, а руки и ноги отчего-то ныли... Да и общие ощущения были какие-то странные.

Попытавшись оглядеться по сторонам, Мила не сдержалась и выдала фразу, за которую года два назад могла бы и по губам схлопотать от маменьки, да и сегодня одной лекцией о приличиях и достоинстве не отделалась бы. Но, сейчас, у Милы были все основания для сквернословия. Еще бы! Мало того, что мелкий умудрился дважды за один день отправить ее с сестрой в нокаут, так еще и, связав, подвесил за руки-ноги, на крюках в старом колбасном подвале, где теперь хранится всякий хлам. Причем, гад такой, подвесил лицом вниз, и теперь выгнутое «мостиком» тело, ныло от напряжения.

Рядом раздался тихий стон и, повернув голову, Мила пришла к выводу, что судьба колбасы постигла не только ее саму, но и Линку с Лешкой. Вот, последний-то, как раз и подал голос.

— Где мы? Что случилось? — Прохрипел Алексей.

— Кирилл с нами случился. — Вздохнула Мила. — Леша, взгляни, он меня веревками связал?

— А? Нет... тряпки какие-то... — Кое-как выглянув из-под руки, пробормотал брат.

Тряпки, это хорошо. Мила напряглась и путы на ее ногах, вспыхнув, опали противно воняющим пеплом. А в следующий миг, девушка закричала зубами от боли в запястьях, принявших на себя весь вес ее тела. Хорошо еще, успела ухватиться ладонями за путы удерживающие руки, а то бы вмиг суставы выбила... Еще одна короткая вспышка пламени, и Мила оказалась на полу. А следом за ней, ту же операцию проделал и Алексей. Вот только, с координацией у него, явно было не все в порядке, или просто поторопился сжечь тряпичные веревки, опутавшие его запястья, но на пол он упал, словно мешок с картошкой. Как еще пузо себе не отбил?

Лина, открывшая глаза в тот самый момент, когда Лешка рухнул на пол, посмотрела на сидящих внизу, растирающих руки-ноги родственников и, последовала их примеру.

— Я убью эту мелкую тварь. — Выдохнула она, едва отдышавшись. — В масле зажарю.

— Тебе мало сегодняшней акробатики? — Прощемила сквозь зубы Мила.

— Браво, детишки... Упертые вы у меня. Но дурные. Прав Кирюха. — Отлепившийся от буфета, силуэт сделал шаг вперед, и тусклый свет лампочки упал на его искажившееся в холодной усмешке лицо...

— Отец? — Выдохнули все трое.

Глава 9. Ничто так не объединяет, как общие неприятности

Да, давненько в этом доме не раздавался свист розги. Дядька-таки вынул голову из... э-э-э, работы и устроил своим детишкам поохотать. Сильно сомневаюсь, что он проделал эту экзекуцию без направляющего пинка от деда, но судя по расплескивающейся по округе ярости, источаемой наследником боярина Громова, тот факт, что его дети уже дважды, за каких-то три недели, осознанно подвергли жизнь своего двоюродного брата опасности, взбесил даже этого, обычно флегматичного человека. Вообще, раньше, Федор Георгиевич, оставив домашние дела на попечение супруги, особо и не вникал в то, как развиваются «взаимоотношения» между мной и его детьми, пропуская мимо ушей изредка долетающие до него слухи об очередном столкновении между нами. И, наверное, так бы продолжалось и дальше, если бы вернувшись вчера вечером из столицы, он не обнаружил обгорелое окно в «молодежном» корпусе, а дед не рассказал ему, какое шоу сегодня дважды передавали артефакты наблюдения на мониторы охраны... Дядька сначала опешил, потом полыхнул факелом и, лишь затушив ковер в кабинете деда и немного успокоившись, полез разбираться.

Надо сказать, несмотря на свою отрешенность от домашних дел, наследник рода прекрасно представлял, как и где нужно искать информацию обо всем происходящем в поместье. Скоростному допросу была подвергнута вся домовая обслуга без исключения, затем настал черёд записей сети наблюдения... и, в качестве вишенки на торте, допрос медиков. Любые попытки последних оправдать своё прежнее молчание врачебной тайной, жестко пресекались. В результате, Иннокентий Львович вынужден был отдариться моей амбулаторной карточкой, а Гдовицкой, как самый крайний, еще два часа лично пояснял дядьке, когда и каким образом были получены мною те или иные травмы.

Супруга, попытавшаяся вступить за детей, огребла по самое не балуйся, за попытки скрыть правду о нападениях на племянника, и потакание дурным детям... В общем, как-то сразу стало понятно, что наследником Федор Георгиевич Громов является не только по названию, но и по сути.

Мы же, то есть, близняшки, Алексей и я, все это время, то есть, почти сутки, провели в «карцере»... организованном для нас всё в том же подвале, из которого, предварительно, охрана выкинула весь хлам, включая тот самый грандиозно-огромный дубовый буфет и обрывки цепей, недавно небрежно брошенные мною в дальнем углу комнаты. Уж не знаю, зачем они были нужны в бывшем мясном хранилище...

— Сволочь ты, мелкий. — Со вздохом констатировала Лина, с кряхтением устраиваясь на одном из четырех тонких матрасов, брошенных нам по приказу сердобольного Гдовицкого.

— Я? Блондинка, ты ничего не перепутала? — Фыркнул я в ответ.

— А кто? Я, что ли, здесь пыточную устроила? Мог бы хотя бы за руки подвесить?! Теперь все тело болит, словно... короче, сволочь ты.

— Скажи спасибо, что так. С него случилось бы, вообще только за ноги нас подвесить. — Тихим, равнодушным голосом неожиданно окоротила сестрицу, Мила.

— И не тряпками, связать, а цепью. — Ухмыльнулся я. — И хрен бы вы их так просто пережгли.

Вот тут, трое моих сокамерников замерли... и переглянулись.

— Хм. А действительно, почему ты ими не воспользовался? — Подал голос Алексей.

— Дай подумать... — Я сделал вид, что действительно задумался и, щелкнул пальцами. — Может, потому, что в отличие от вас, я не такой мерзавец, чтобы пытаться родственников?

«Собамерники» вновь переглянулись, и промолчали.

— Интересно, что было бы, если бы мы тебя окончательно достали? — Задумчиво проговорила Мила, минут через пятнадцать.

— Убил бы. Быстро и почти безболезненно.

— Мечтай, придурок. — Хмыкнул Алексей... — Я б тебя спалил раньше.

— У тебя была такая возможность. — Кивнул я. — И как? Получилось? Забыл, сколько раз сегодня, я имел возможность отправить вас к предкам?

— Кхм... тебя бы дед после этого, живьем сожрал бы... — Натужно рассмеялась Лина.

— Доведи вы меня до убийства, и на деда мне точно стало бы насрать. Ну грохнул бы он меня... и? Сдох Максим, и хрен с ним. Жить с кровью родни на руках, удовольствие невеликое... хотя родня из вас получилась откровенно уё...щная. — Не вру. Убийство детей, даже таких дурных... Не надо мне такого счастья. Один раз уже проходил, хватило. Тогда, вообще, всё случайно вышло... и то, по возвращении из рейда, месяц в госпитале провалялся... зафиксированным, поскольку трясло и глючило меня страшно. Врачи только руками разводили. Потом уже, я разобрался, в чем дело... и ушел на инструкторскую работу, подальше от таких случайностей, м-да.

— Да ты... — Вскинулся было Алексей, но схлопотал короткий удар открытой ладонью по лбу, сопровождаемый всплеском Эфира и осел, не в силах пошевелиться. Только глазками хлопает. Вот-вот, у меня еще много таких фокусов в запасе, так что посиди, подумай... р-родственничек.

— Сидеть. — Резко оборачиваясь к начавшей подниматься Лине и, тронув Эфир, сопровождаю рык направленной волной ярости. Примерно также я вырубил братца, там на площадке.

Линка взвизгивает, и почти моментально оказывается за спиной, молча взирающей на нас, сестры.

— Вы, три гребаных мажора, откровенно меня задолбали. — Констатирую я. — Мне надоело спускать с рук ваши выходки. Я, конечно, не отец и не дед, и требовать от вас что-то не могу, но... клянусь, я заставлю вас пересмотреть свое поведение. Отныне, любая подстава, любой выпад или даже просто косой взгляд в мою сторону будет заканчиваться для вас, как минимум, переломами. И рыцарского отношения, с вызовом на дуэль, можете не ждать. Бить буду, когда и где поймаю. Попробуете напасть скопом, и количество дней в медблоке для вас возрастет в арифметической прогрессии. Достанете окончательно, и роду придет полный ...здец. Я ясно выражаюсь?

— Ясно. — Медленно кивает Мила, не сводя с меня задумчивого, и какого-то отрешенного взгляда. Сестра смотрит на нее с недоумением, но, получив удар локтем в бок, так же медленно кивает. Алексей начинает шевелиться, откашливается и, помотав головой, глубоко с сипом вздыхает.

— Понял. Экий ты резкий стал, Кирилл... злой.

— Ваша школа, чего ж на зеркало пенять, коли рожа крива?. — Поворачиваюсь к близняшкам. — А теперь о насущном. Объясните-ка, с чего это вы сегодня решили меня к предкам наладить?

— В медблок. — Поправил меня Алексей. — Время хотели выиграть. Идея опеки им не понравилась.

— Дуры. — Констатировал я. На что, братец вдруг разразился коротким смешком.

— Я им так и сказал. — Ответил он на мой вопросительный взгляд. — Но отговорить Линку не смог.

— Ясно. Но... с чего, вы, вообще, об опеке вспомнили? Какая опека может быть, когда мне всего четырнадцать?! Вы хоть присланные документы читали? — Тишина мне была ответом. Охренеть, логика.

— Точно, дуры. И ладно еще Линка, она взбалмошная, но ты-то, Мила? У тебя же мозги имеются, что, так трудно было прочесть три параграфа?!

— Я не успела. — Призналась та. — Лина позвала Алексея, они начали обсуждать нашу с тобой встречу на полигоне и, как-то... незаметно...

— Понятно. Короче, для особо одаренных объясняю. Дед «позволил» мне создать младшую ветвь. Не скажу, что эта идея мне нравится, но... альтернатива и того хуже. Выгоды для Громовых от меня никаких, стихийник я слабый, да еще и воздушный. То есть, толку от меня вроде бы нет. Сохранить никчемушника в роду... Громова другие бояре не поймут. Для таких как я, всегда был один и тот же путь. Пинок под зад, изгнать и забыть о неудачнике. Но дед, поступать, как принято, не захотел. А теперь уж... В общем, по результатам нашей беседы, вы, сестренки, идете ко мне в боярские дети, по временному ряду.

— Младшая ветвь? — Переглянулись близняшки, и Лина выпалила, — а нам это зачем?

— Прав, Кирилл, вы не просто дуры, вы трижды дуры. — Покачал головой Алексей. — Что вам светит в роду? Выход замуж и четыре стены? А здесь, получите относительную свободу и статус, соответствующий вашим ступеням. Три-четыре года в боярских детях походите, и никто не сможет вас принудить выйти замуж, даже если на деда станут давить. Да и во время службы с замужеством ничего не выгорит. До исхода срока, ряд нерасторжим.

— Давить... на деда? Ну-ну... — Рассмеялись сестры.

— А вы что, думаете, он всесилен? — Ухмыльнулся Алексей, вновь, уже второй раз во время этой беседы, удивляя меня своим трезвомыслием. — Так я вас разочарую. В столице, таких как дед, не одна сотня. И посильнее звери имеются. Так что, считайте, он вас обезопасить решил, на случай непредвиденных обстоятельств.

Розги достались всем, даже мне чутка перепало, в качестве профилактики, наверное... и чтобы никто не ушел обиженным, ага. Но был и плюс. Благодаря ночному сидению в подвале, нам-таки удалось наладить хрупкое перемирие. Очень хрупкое... прямо-таки вооруженный нейтралитет, но сейчас мне и этого достаточно. Нужно определиться с планами, и решить, буду ли я следовать нашей с дедом «договоренности», если можно так назвать выставленный им ультиматум, или же плюнуть на всё и готовить пути отхода... И в этом случае, мне совсем не

нужен второй фронт в виде двух близняшек...

Глава 10. Беседы в «Беседах»

Встреча с Гдовицким, на которую я так и не попал ввиду форс-мажора, двойного такого, блондинистого... состоялась лишь спустя неделю, после фееричного выступления Федора Георгиевича в амплу разъяренного хозяина дома.

Полигон был занят спускающими пар кузинами с кузнечиком, так что долгожданная встреча прошла на небольшой рыбацкой заимке недалеко от имения, куда я повадился ходить на рассвете, уж больно клев хорош. Да и не мешает никто. Еще бы снасти потолковее...

Разговор с Гдовицким получился несколько сумбурным, но продуктивным. И первое, что сделал Владимир Александрович: доказал отсутствие рядом каких-либо записывающих артефактов. Ну да я тоже не лыком шит. Накрыл нас эфирным куполом и принялся усиленно перекачивать через себя энергию, так что уже через минуту взбесившийся Эфир наверняка грохнул все гипотетические жучки.

— Силен. — Констатировал Владимир Александрович, покрутив в руке снятый с запястья браслет с потрескавшимися кристаллами. — А ведь это военная модель. Спецзаказ. Наш завод сделал... Хм, и каков же радиус действия этой твоей техники, а?

— Небольшой. — Честно... ну, почти честно ответил я. Зачем ему знать, что этим приемом можно еще и точно бить, по конкретным целям, так сказать. И дальность тут... ну, в пределах видимости.

— Понятно. Не доверяешь, значит? — И что тут говорить? Пожал плечами в ответ.

— Хм... М-да. Кирилл, а ведь я перед тобой извиниться должен.

— За что?

— Так ведь, получается, что это я тебе жернов на шею повесил... в смысле, два жернова. Ну, близняшек, то есть. Я ж, как увидел на мониторе, что ты камень голой рукой в щебенку превратил, сразу боярина в пультовую позвал... Ну, а дальше, сам понимаешь...

— Понимаю. — Медленно кивнул я. Ой, брешет Владимир Александрович, ой брешет родимый тренер. Ты эту подставу раньше задумал... иначе бы откуда деду знать о пакете с юридической информацией в моем браслете? Вопрос: когда? И зачем...

— Во-от. — Протянул мой собеседник, пытаясь рассмотреть что-то в воде. С нашей-то стороны, купол прозрачен, как слеза...

— Я не в обиде, Владимир Александрович. Рано или поздно, отцовы техники все равно вскрылись бы. Почему бы и не сейчас?

— Хм. Кстати, а где ты записи отцовы хранил? — Поинтересовался Гдовицкой и, заметив мой вопросительный взгляд, пояснил, — ну, теперь-то уж чего скрывать?

— А я и не собираюсь. — Усмехнулся в ответ, и постучал себя указательным пальцем по виску.

— Не понял. — Опешил тренер. — Он что, вложил их тебе в голову? Ребёнку? Зачем?!

— Он не хотел, чтобы записи хранились где-то, кроме его семьи. Мы слабые стихийники, и эти техники, наш единственный козырь. — Как я пою, как я пою. И ведь почти не обманываю. Среди помутневших детских воспоминаний Кирилла, моменты, когда отец учил его контролю Эфира, выделяются удивительной яркостью и полнотой, и мальчишка действительно называл их «записями»... но, то же самое я могу сказать и о моем изучении собственного дара Там.

— И ты можешь так же?

— Пока нет. — Усмехнулся я. — Вот, стану грандом, тогда и возьмусь за изучение техники наделения памятью. А пока, увольте. Не хочу сгореть.

М-да, надо было видеть глаза Гдовицкого. Изумление в них так и плещется. О, а теперь задумался. Считает господин начальник СБ, анализирует. Ну-ну...

— Ха-ха... а ведь боярин что-то такое подозревал. — Вдруг рассмеялся Гдовицкой. — Точно. То-то он... Эх, ладно. Теперь понятно, с чего он решил тебя основателем младшей ветви сделать. Предполагал, значит, Георгий Дмитриевич, что тут не все так просто... Поздравляю, Кирилл. Основание младшей ветви, событие редкое. А уж стать ее первым главой, и вовсе честь немалая. Радуйся.

Ну да, ну да. Младшая ветвь, это конечно круто. Верх мечтаний, да. Но, на хрена мне эта кабала? Вечно ходить под старшими Громовыми? Знать, что по первому свистку я должен явиться к главе рода и исполнять его волю... Не-ет уж. Спасибо. Здесь, из плюсов, только возможность свалить из имения... В остальном же сплошные минусы.

— Радоваться? Чему?

— А что мало поводов? Боярский титул, пусть и младший, перспективы. Деньги, в конце концов. — Усмехнулся Гдовицкой, но наткнулся на мой скептический взгляд и, на миг запнувшись, договорил уже совсем другим тоном. — Ну, ты же согласился.

— А у меня была другая возможность? Я два часа просидел под прицелом дедова огненного шторма. Весьма убедительный аргумент в переговорах, как оказалось.

— М-да... — Помолчав, проговорил Владимир Александрович.

— Дед пригрозил изгнанием, если я не приму его условий. — Не спуская глаз с Гдовицкого, проговорил я. Впрочем, здесь, кажется, и так уже все ясно.

— Как всегда, дипломатичен. — Качнул головой Гдовицкой, и, словно задумавшись, заговорил отрешенным тоном. — Несовершеннолетнему, изгнанному из рода, даже просто выжить тяжело. И путь вверх закрыт, абсолютно, то есть, у простолюдинов, и то возможностей куда больше. Никто не возьмет изгнанного в боярские дети, никто не примет его на серьезную должность, будь у него хоть пять высших образований... понимаешь? Ни при каких условиях. А ведь, в твоём случае, всё и так к этому шло. Думаю, аккуратно на шестнадцатилетие, с наступлением частичной дееспособности, тебя и изгнали бы. А там, пара лет в интернате, с обучением какой-нибудь востребованной, но низкооплачиваемой профессии, и лети, пташка.

— Да уж, то-то мне кузины с тетушкой все уши на эту тему прожужжали. — Поморщился я.

— Хм. М-да. — Гдовицкой запнулся, но тут же продолжил свое бормотание. — Изгнание, это далеко не эмансипация... Там, по крайней мере, есть хоть какие-то перспективы. Родовитые их особо не притесняют. Ну, не больше, чем других простолюдинов... Но тут уж ничего не

поделаешь.

— Как и в моем случае. — Прервал я затянувшиеся объяснения собеседника. — Лучше скажите, когда будет проведена церемония.

— Через неделю. — Пожал плечами мой собеседник, приходя в себя.

Понятно. Времени у меня осталось всего-ничего. Надо решать... Пока, я еще могу это делать. Плюнуть на устную договоренность с дедом и слинять, или... А вот, что «или», додумать я не успел. Гдовицкой вздохнул и, покрутив в руках папку, с которой пришел на эту встречу, протянул ее мне.

— Ладно, Кирилл. Я, собственно... вот зачем пришел. — Проговорил тренер. — Не знаю, как там оно все дальше повернется, но негоже бояричу без собственных средств сидеть. Посмотри, почитай.

— Это что? — Недоуменно спросил я.

— Наследство твое. От матушки. Николаевы-то активы, до твоего совершеннолетия в управлении боярина остаются, а Людмила своим душеприказчиком меня назначила. Держи. Завтра съездим, все осмотрим и посчитаем. У тебя же нет никаких планов на завтра? Вот и замечательно.

Не сказав больше ни слова, Гдовицкой криво улыбнулся и, развернувшись, потопал назад в имение. Только мостки задрожали под его тяжелой поступью.

Ой, крутит что-то Владимир Александрович, ой крутит. Посмотрев вслед уходящему тренеру, я понял, что рыбачить дальше в таком состоянии не смогу и, сложив снасти в ящик и подхватив свой улов, отправился на берег, к небольшому рубленому домику, который, собственно, и звался громовской заимкой.

Приготовление еды всегда меня успокаивало и позволяло собраться с мыслями. Вот и сейчас, спрятав папку в доме, я принялся за приготовление ухи. В садке плескалась кое-какая мелочь, в самый раз для первого взвара, и пара небольших стерлядок. Котелок, лук и специи нашлись в доме, а во дворе было устроено вполне подходящее кострище. Дрова взял в поленнице, там же нашлась и тренога. Установив ее над запыхавшим костерком, я торжественно водрузил сверху наполненный водой котелок и, устроившись за столом на небольшой веранде, принялся шкерить рыбу.

К тому моменту, когда мое варево было готово, и над рекой поплыл одуряющий аромат ухи, я уже был спокоен как слон. Ополовинив котелок под хруст малосольных огурчиков, и запив всю эту радость рыбака предусмотрительно прихваченным из имения квасом, я потянулся и, встав из-за стола, поплелся в дом, знакомиться с содержимым переданной мне Гдовицким папки. Не тут-то было. Стоило мне скрыться в прохладном полумраке заимки, как на улице раздались знакомые голоса. И чего им здесь понадобилось?

— Кирилл! Ты здесь? А чем занят? — Тьфу. Принесла нелегкая! Спрятав папку, я вышел на порог и скривился. Святая троица, чтоб им...

— Уху ем. — Настороженно глядя на визитеров, ответил я. Перемирие-то у нас, вооруженное.

— А нас угостишь? — Хлопнула ресницами Линка. Да, черт с вами.

— Котелок на столе, овощи, хлеб и квас, там же. — Я кивнул в сторону веранды, и наглая тройца тут же умчалась в указанном направлении. Обломалось мое «внеклассное чтение»...

ЧАСТЬ II. ПРИГЛАШЕНИЕ В БАЛАГАН

Глава 1. Закопанный трамвай, еще не метро

В просторном, обитом светлой тканью, кабинете главы рода Громовых, полном солнечного света, люющего в огромные панорамные окна, сегодня сгустились тучи. Перед стариком, сидящим на низком диване в углу комнаты, из стороны в сторону расхаживал, похожий лицом, но куда более молодой человек, от которого исходили волны явственного жара.

— Отец, что за бред творится у нас дома? — Остановившись перед стариком, он взъерошил пятерней волосы и выжидающе уставился на собеседника.

— Бред? Не замечал. Просвети. — Небрежно проговорил боярин, лениво глянув на сына, и принялся, как ни в чем не бывало, набивать трубку.

— Отец!

— Что? — Так же невозмутимо отреагировал старик и, коротко усмехнувшись, пыхнул трубкой. — Не бери меня на голос, сынок. Это, даже твоей матушке не удавалось... нечасто, по крайней мере.

— Да, будь жива мама, она бы тебе такое устроила за издевательства над родным внуком... — Чуть ли не мечтательно протянул Громов-младший. — А может и к лучшему, что она не дожидается до этого дня, и не видит, в какую сволочь превратился ее любимый муж?

— Отлучу. — Закаменев лицом, сухо проговорил боярин.

— А давай. Хочешь, прямо сегодня отрекись в пользу Лёшки? — Растянув губы в совершенно безумной улыбке, вдруг согласился Федор Георгиевич и, легко вздохнув, уселся в кресло напротив. Окинув взглядом мрачного отца, он как-то расслабился и заговорил совсем уж беззаботным тоном. — А что? Хороший наследничек у тебя будет, такой же садист. Как говорится, два сапога пара. Правда, за влияние на него, тебе придется побороться с близняшками. Они Лёшеньку прочно оседлали. Ну да ничего, тебе же не впервой родную кровь со свету сживать, справишься как-нибудь. А, батя?

— Ты не в себе, сын. — Медленно, цедя каждое слово, проговорил боярин.

— О как... А ты, значит, в себе был, когда дал добро на убийство внука?

— Да не собирался его никто убивать! — Не выдержав, вспылил старик. — На него вся система наблюдения в имении пашет двадцать четыре часа в сутки! И полная пятерка охранников впридачу присматривает. Если что, сразу пресекут. Да и Львович реанимацию все время наготове держит.

— Замечательно, просто замечательно... То есть, парень живет от комы до комы, в промежутках работая манекеном для отработки огненных техник. Ты родного внука «куклой» сделал... — Федор Громов ощерился и, подавшись вперед, фактически прошипел в лицо отцу. —

Знаешь, на твоём месте, я бы больше всего боялся сдохнуть.

— Что-о? — Опешил старик.

— А то. Представь, что будет, когда ты встретишь т а м жену и сына с невесткой. Как? Сможешь им в глаза взглянуть? — Презрительно фыркнув, пояснил сын.

— Вон!!! — Взревев раненым бизоном, заорал хозяин кабинета и обшивка дивана, на котором он сидел, вдруг вспыхнула яркими язычками пламени.

— Отречение пришло вечером... — Громов-младший поднялся с кресла и, не дожидаясь пока в него полетит что-то убойное, скрылся за дверью.

А боярин, бледный, со сжавшимися в тонкую полоску губами, еще несколько минут сверлил захлопнувшиеся створки тяжелым взглядом. Попытался встать с дивана, пошатнулся... Украшенная затейливой резьбой, трубка выпала из ослабевшей руки и, звонко ударившись о наборный паркет, покатилась, разбрасывая вокруг искры и пепел. Старик попытался поймать ее, но не успел. Ноги подкосились и боярин Громов, захрипев, рухнул на пол, хватая воздух перекосившимся ртом.

* * *

Записка, найденная мною среди кипы документов лежавших в папке Гдовицкого, оказалась весьма и весьма странной. Много смутного текста о каких-то обещаниях, данных дядькой моему отцу... и одна короткая просьба о встрече. Не проблема, встретимся, решил я... и ошибся. Дед загремел в медблок, и всё пришлось отложить. И вот сегодня, спустя почти неделю, встреча должна состояться. Прямо сейчас...

Кажется, впервые я вошел в медблок имения не как пациент, а как посетитель. Дверь «моего» бокса была распахнута настежь, а у постели бледного, словно смерть, деда, сидел Федор Георгиевич, мой дядька. Последнюю неделю он не отлучался из «Бесед» ни на один день. Да что из имения, он из медблока выходил только вечером, а в семь утра был опять здесь, у кровати отца. Разговаривал с ним, что-то рассказывал. Без толку, конечно. Хотя, если вспомнить мой собственный опыт... м-да. Не буду зарекаться.

— А, Кирилл, здравствуй. — Тихим, безэмоциональным тоном проговорил дядька, заметив меня

— Добрый день. Как он? — Киваю на деда. Не то, чтобы меня это так заботило, но... вежливость.

— Лучше, вроде бы... Очнулся вот, недавно. — Глухо ответил Федор Георгиевич. — Львович говорит, динамика положительная, но... возраст сказывается. Сейчас, спит.

— Ясно. — Положив на столик у окна ту самую папку, я повернулся к дядьке.

— Поговорим. — Кивнув, он указал мне на табурет в углу бокса. Наследнику не откажешь, тем более, когда он, фактически, исполняет обязанности главы рода. Да и я, собственно, за тем и пришел.

— Дед собирался объявить тебя главой младшей ветви нашего рода... Я говорил с Гдовицким, но хочу услышать твое мнение лично. — Помолчав, проговорил дядька. И это не была просьба. Я глянул на спящего старика и пожал плечами. Сказать, или промолчать? А что я, собственно,

теряю, это такая тайна, что мне, буквально, вывернули руки? Идиотом надо быть, чтобы поверить в мою радость от предстоящей церемонии.

— Мне не нравится эта идея, Федор Георгиевич.

— И... — Чуть надавил наследник.

— И всё. Я говорил Гдовицкому, как дед добился моего согласия на этот шаг. Могу повторить.

— Не стоит. — Дядька покосился на спящего деда, и покачал головой. — Все так плохо, Кирилл?

— Хм, учитывая, что в течение последних трех лет и сестры с Алексеем и Ирина Михайловна постоянно напоминали мне о грядущем изгнании, частенько в присутствии Георгия Дмитриевича, и тот ни разу их не поправил... В общем, думаю, могло быть и хуже... но проще. — Я безразлично пожал плечами.

— Понятно. — Задумчиво проговорил дядька, вздохнул и, бросив на своего отца какой-то странный взгляд, вновь заговорил. — А сам-то ты, чего хотел бы?

— Хм... Честно?

— Желательно. — Слабо улыбнулся наследник.

— Свободы. Хоть изгнание, хоть эмансипация... лишь бы с концами.

— А главой младшей ветви, значит, быть не хочешь? — Удивленно вскинул бровь дядька.

— Будь я совершеннолетним, зубами бы за такой шанс ухватился. А сейчас... ну, что изменится по сравнению с моим нынешним положением? Место жительства и только. Остальные условия определил дед, как мой опекун. И там мало приятного. — Пожал я плечами.

— Отец в своем репертуаре. — Младший Громов тихонько хохотнул, но смех его был неживым, натянутым каким-то... — М-да. С изгнанием, конечно, перебор. Хотя, решение простое и... традиционное. Слабый адепт, да еще и не той стихии... с другой стороны, не видал я других новиков, что могли бы завалить воев или гридней. В общем, спорный ход, очень спорный. Ладно, Кирилл. Не буду тебя задерживать, иди... А я подумаю, с отцом вот поговорю... И. Подожди со своим решением. Хотя бы несколько дней. Прошу.

Кивнув на прощание, я вышел из медблока и, остановившись под окном, аккуратно тронул Эфир.

— Ну что, отец, доволен? Парень, от твоих игр, даже на изгнание согласен, лишь бы только оказаться подальше от нашего террариума... — Тихий голос Федора Георгиевича заставил меня замереть.

— А ведь мы договорились... Ему младшая ветвь, деньги и девчонки в подручные, нам техники и спокойствие от кое-чьих планов... — Голос боярина был слаб, но уверен. Ага, спал он, как же...

— На болт ему не нужны наша фамилия, деньги и девчонки. — Фыркнул дядька. — Что же до техник... Мне еще Николай объяснял, что не достигший своего потолка, стихийник применять их не сможет.

— Что? Он что, меня надуть решил?! — Ого, как дедушка-то взбеленился... И никого я не обманывал. Сроки, когда сестры освоят тонкую работу с Эфиром, мы не оговаривали. А теорию и комплексы для развития, я им за год-другой поставил бы... Остальное, не мои проблемы.

— Ну, а ты на что рассчитывал? — Негромко рассмеялся Федор Георгиевич. — Издевался над мальчишкой, как хотел, и считаешь, что он не спрятал камень за пазухой?

— Но мы же родня!

— Вспомнил... — Голос наследника похолодел. — Раньше об этом думать надо было. Когда изгнанием родному внуку грозил, да внушек на подлости подзуживал. А теперь поздно. Для него уже родня, хуже врагов. В общем, так... Младшей ветви не будет. Документы об эмансипации я, как временный глава рода, подпишу сегодня же. А девочки... Договоримся. Очень надеюсь, что он вразумит этих идиотов.

Глава 2. Эх, прокачу...

Свобода... Сладкое слово. Вот только, вместе с ней приходят и неурядицы. В моем случае, они оказались довольно приземленными, и описать их можно тремя словами: жилье, транспорт, гимназия. И дело вовсе не в деньгах. Папка, предоставленная мне душеприказчиком матери, оказалась еще той золотой шкатулкой. Нет, никаких миллионов в ней не было. Зато, нашлись неучтенные в моих предыдущих расчетах, документы на маленький домик в Москве, и на открытый при моем рождении, накопительный счет, который вскоре должен превратиться в обычный вклад, с приятной глазу суммой в семьдесят четыре тысячи рублей, правда, точное количество средств я узнал лишь в банке. В документах была отражена только сумма первоначального вклада.

Дом оказался двухэтажным особнячком в одном из переулков Замоскворечья, на первом этаже которого расположилось небольшое кафе, а на втором апартаменты, в которых проживает хозяин этого заведения общепита и, соответственно, мой арендатор, чьими стараниями мой счет пополняется на две тысячи рублей ежегодно. А значит, в качестве места моего собственного проживания, сие здание никак не подходит. Доход важнее. Найти же что-то подходящее за оставшиеся три недели, задача почти нереальная.

Вторая проблема — транспорт. Я совершенно спокойно отношусь к метро, автобусам, трамваям и прочим троллейбусам, но... гимназия находится на северо-востоке Москвы, в центре довольно большого анклава, так называемого «боярского городка», и общественного транспорта в нем попросту нет. Весь район состоит из кварталов, принадлежащих боярским родам. И да, у Громовых здесь тоже имеется свой участок с городской усадьбой самого рода и десятком домов, в которых проживают их боярские дети с семьями. Но я туда, ни ногой. В общем, без колес не обойтись. Вот только, кто мне позволит сесть за руль в мои четырнадцать лет? А ездить в гимназию на такси, или нанимать шофера... хм, я не настолько богат. Да и разорять счет для покупки автомобиля мне совсем не хочется. Пусть даже, это и уменьшит его едва ли на треть... ну, если, конечно, не брать что-то понтовое...

Ну и третья проблема — сама гимназия. Документы у меня приняли без вопросов, тут же все оформили и даже сообщили, какой именно класс примет меня с распростертыми объятиями. После чего, секретарь директора, весьма симпатичная особа лет тридцати, скинула мне на браслет расписание занятий на первый триместр, а вместе с ним, список рекомендованной к приобретению литературы, кое-каких принадлежностей и... перечень заведений, в которых я могу обзавестись принятой в гимназии формой. Вот, прочитав его, я и понял, как на самом

деле попал. Список включал в себя только ателье! То есть, форму шьют на заказ...

Нет, понятно, что гимназия расположена в «элитном» районе, и случайных людей в ней быть не может, по определению, но одно дело это знать, и совершенно другое, наткнуться вот на такой вот выверт и п о н я т ь, что учиться придется в компании самых натуральных «мажоров», со всеми вытекающими. Мало мне было близняшек с Алексеем... Как битой по голове...

— Ну что, Кирилл, может, все-таки остановишься в гостевом доме в нашем квартале? — Поинтересовался Гдовицкой, составивший мне компанию в нынешней поездке, когда мы покинули огромное здание гимназии и уселись в машину.

— Нет, благодарю покорно, Владимир Александрович, но этот вариант мне категорически не подходит. — Вздохнул я.

— Хм... интересно, и как ты собираешься добираться до гимназии, в этом случае? — С любопытством покосился на меня бывший тренер... теперь уже бывший, правда. — Даже, если тебе удастся снять жилье на границе с боярским городком, в чем я сильно сомневаюсь, поскольку цены там, мягко говоря, немалые... Все равно, ходу до гимназии пешком не меньше часа выйдет. Намаешься, каждый день такие концы отмахивать.

— Что-нибудь при... — Разговор мы вели, когда авто катило по Стромынскому тракту и, отвечая Гдовицкому, я пялился в окно. Вот, увиденное там, меня и заинтересовало. — Владимир Александрович, остановите, пожалуйста, машину.

— Что-то случилось? — Насторожился Гдовицкой.

— Нет-нет. Просто, я, кажется, нашел возможное решение проблемы транспорта... — Протянул я. Тренер хмыкнул и, покачав головой, прижал наш седан к обочине. — Я сейчас.

Небольшая пробежка от авто, до огромного, сияющего натертыми до блеска витринными окнами, салона, пятиминутная беседа с расхаживающими меж хромированным и ярко раскрашенным товаром, консультантами, и в машину я вернулся, будучи абсолютно довольным результатом.

— Ну, и что это было?

— Хм... Скажем так, я нашел транспортное средство, против которого не будет возражать наша доблестная дорожная полиция. — Ухмыльнулся я, в ответ. — Конечно, пять кубиков, это не совсем то, что мне хотелось бы, но для покупки чего-то помощнее, придется подождать еще год с небольшим.

— Мотоцикл? — Гдовицкой хмыкнул, заводя авто и, вырулив на дорогу, кивнул после недолгого размышления. — Логично. Как-то я не подумал. Паспорт ты сегодня получишь, значит, можешь и на водительские права испытания сдать. А через годик...

— Именно. Если все будет в порядке, то в шестнадцать я уже смогу водить, хоть двадцатикубовый спортбайк, хоть автомобиль. Но остановлюсь, пожалуй, на дорожнике. Не нравятся мне эти пластиковые чудовища... да и автомобиль, игрушка хоть и приятная для самолюбия, но уж больно затратная.

— А зимой как? — Поинтересовался мой бывший тренер.

— Ну, вы уж меня совсем за неумеху не держите, Владимир Александрович. Уж на такую мелочь, как защита от грязи и холода, моих сил новика точно хватит. — Я соорудил обиженную физиономию, увидав которую, Гдовицкой аж поперхнулся от неожиданности. Ну да, я тоже умею дурачиться, что тут странного?!

Как и всякий нормальный мальчишка, еще в Том детстве, я мечтал о собственном «железном коне», но освоить мотоцикл мне довелось только в армии, и мечтами там и не пахло. Все больше как-то смазкой, бензином и моторным маслом... причем, учитывая качество имевшейся в нашем распоряжении техники и количество часов, потраченное на ее ремонт... в общем, охоту к двухколесным железякам, в то далекое время, мне, как и моим сослуживцам, думалось, отбили напрочь. Ан нет. Оказавшись здесь, в теле четырнадцатилетнего Кирилла, я вдруг понял, что та тяга к мотоциклам вновь проснулась... вот, как увидел их в салоне, пять минут назад, так и понял. Да и в прошлом, кажется, Кирилл интересовался двухколесными агрегатами. По крайней мере, общие сведения о здешней мототехнике, у меня имеются...

Жаль, конечно, что пока придется обойтись пятикубовой «трещоткой», мне бы хотелось оседлать что-нибудь потяжелее, но придется ждать... Да и не факт, что я нормально справлюсь с мощной машиной без всяких усиленных-ускоренных. Все-таки, «толстяк» штука тяжелая...

Кстати, заметил интересную вещь: принципы построения двигателей, тут и Там, совершенно разные. Там, классические ДВС, здесь рунные артефакты, преобразующие так называемый «эгрегор» пламени сгорающего топлива в эфирный поток, а уже его, рунные цепочки превращают в кинетическую энергию. Мощность двигателей и их объемы исчисляются и выражаются тоже отлично друг от друга. Там, киловатты и кубические сантиметры, а здесь, лошадиные силы и максимальный объем топлива, сгорающего в рабочей камере за минуту. Но, и там и тут, в обиходе мотоциклетной братии мелькают «трещотки», «толстяки» и «пластиковые самоубийцы». На последнее прозвище, кстати, любители передвижения в позе эмбриона на бешеных скоростях, и здесь обижаются почти всерьез... свидетелем чему я стал в салоне. Там, как раз, спорили две противоположности — спортивный парень лет двадцати, облаченный в яркую мотоциклетную защиту, и уже седоватый кряжистый дядька с основательной «трудовой мозолью», красующийся тяжелой кожаной «косухой». Лед и пламень-на... Прямо, как Там.

— Кирилл! — Гдовицкой потрянул меня за плечо, отвлекая от сравнений-воспоминаний. — Ну вот, ожил. А то, зову-зову, а ты... уперся взглядом в стекло и молчишь, словно неживой. Все в порядке?

— Да, конечно. Задумался, просто. — Пожал я плечами.

— О марке мотоцикла? — Понимающе ухмыльнулся Гдовицкой.

— Да, вот думаю, что лучше, «ярцевский» дорожник, или ковровский «вездеход»? — Согласно киваю.

— Ну, ты же, вроде, за город-то не собираешься... так зачем тебе вездеход нужен? Бери дорожник... он, кстати, и подешевле выйдет. — Выкручивая руль и закатывая автомобиль на стоянку у Манежной площади, проговорил бывший тренер. Охранник, рассмотрев небольшой флажок на госномере, разрешающе махнул световым жезлом, и перед нашим автомобилем засветилась пунктирная линия указателя. М-да, любят бояре повыпендриваться...

Выйдя из автомобиля, я поднял взгляд на затейливо украшенное, огромное здание перед нами, и повторился. Понты, наше все. В моем прошлом... мире, на месте этого гиганта находилась

дважды снесенная и дважды отстроенная заново гостиница «Москва», но она не шла ни в какое сравнение с этим зданием. Монстр, принадлежащий Боярскому Совету, оказался раза в два больше. Впечатляющее зрелище,

— Ну, вот и приехали. Сейчас зарегистрируем твои документы в Герольдии и... Чуешь запах свободы, Кирилл? — Гдовицкой улыбнулся, протягивая мне папку с бумагами об эмансипации, которые Федор Георгиевич с боем заставил подписать своего отца, и кивнул в сторону огромных дверей, ведущих в этот оплот боярской спеси. Я глубоко вздохнул и двинулся вверх по широкой лестнице.

Глава 3. Кому мифы, а кому головная боль

Регистрация документов в Герольдии заняла всего час, да и то, больше половины этого времени, рассматривавший документы приказной потратил на то, чтобы попытаться отговорить меня от эмансипации. Вотще... Хотя и закрутила меня эта «карусель», словно водоворот щепку, отказываться от личной свободы, так неожиданно подкинутой мне дядькой, я не собирался. И плевать, что таким образом, я сам себя вышвыриваю из привилегированного сословия. Плевать. Зато, никаких дедушек-тетушек над головой... а сестры? Ну, какая бочка меда без пары ложек дегтя? А уж какой был торг со старым Громовым, м-м... Никак не хотел дедушка лишиться возможности усилить род «отцовской» техникой... да и не только в этом дело было, как оказалось. Я вспомнил наши «посиделки» у кровати деда и хмыкнул.

— Что, так хочешь дочек замуж сплавить? — Ерепенился дед, сверля взглядом папку в руках сына.

— Женихов еще и на горизонте нет, а ты уже волнуешься, а отец? — Хмыкнул Федор.

— Это тебе так кажется. — Скривил губы Громов-старший. — Загляни в мой сейф, там уже два десятка писем на эту тему... И ведь это только первые ласточки, самые нетерпеливые.

— И в чем проблема? Неужели нельзя просто отказать... — Проговорил я это негромко, можно сказать в сторону, но был услышан.

— Хм, молод ты еще, чтобы в эти дела лезть. — Поджав губы, проговорил дед, но, вновь покосившись на заветную папочку, вздохнул. — Эх... ладно, слушай, и не вздумай перебивать.

И дед заговорил. Честно, такое полотно развернул, хоть стой хоть падай. И было от чего. Оказывается, бояре они тоже бывают разные. Думные, дружинные, служилые... всех и не перечислить. Но, есть среди них и совершенно особая группа из почти трех десятков родов, в которую входят и Громовы. Начало этой «могучей кучке» положил светлой памяти государь Иоанн Васильевич Четвертый, прозванный Монахом. Надоели тогдашнему правителю Руси местнические склоки и лестничные дразги среди ближних, и принял он под свое крыло так называемых худородных, из служилых, однодворцев и детей боярских, общей численностью под три тысячи воинов. Опричина, ага... вот только в здешней истории, эта затея имела свое продолжение. Сын Ивана Четвертого, Иоанн Иоаннович возродил опричное войско, превратив его в братство, этакий военный орден, члены которого подчиняются только самому государю и... не могут участвовать в управлении государством. Несмотря на чины и звания, опричникам нет хода в Боярскую думу, они не имеют права получать доход «от земли», им запрещено избираться в посадники... В общем, запретов много, но конечный смысл у них один: опричники не должны лезть в политику.

Постепенно, с переходом от боярских исполчений и княжых дружин к профессиональной армии подчиненной государю, численность братчины стала уменьшаться. Правители все реже стали вводить в ее состав новых людей, какие-то из входивших в братчину родов хирели, значение опричнины снижалось, пока она окончательно не растворилась в потоке многочисленных «обществ» создаваемых аристократией. Правда, оставался у нее один внешний отличительный признак — право принятия в братчину принадлежало исключительно правящему монарху. В остальном же, никаких поводов для зависти «заштатное» общество не давало. А чему тут завидовать? Ну, принял государь очередного худородного в свой «клуб», и что? Где чины, земли, титулы? Где придворное влияние?

В общем, для большинства, опричнина стала чем-то вроде награды, выдаваемой по принципу: «на и отвяжись»... И уж совсем мало кто замечал, что большинство тогда только нарождавшихся в стране производств, со временем скапливается в руках этого клуба по интересам. Почему именно у них? Ну, во-первых, сказался старый запрет на получение доходов «от земли», а во-вторых, государи активно вовлекали заводчиков в братчину. И те шли с превеликим удовольствием... бонусы от участия с лихвой перевешивали запреты. Так, когда-то исключительно военный орден стал еще и объединением промышленников...

Спрашивается, и как могут быть связаны опричники и мои стервозные сестрички? Оказывается, могут. Современные боярские роды обеспечивают свое влияние в государстве тремя способами. Прямым представительством в Боярской Думе и на высших государственных должностях, собственными финансами, позволяющими влиять на экономику... и родовыми связями. Вот последнее-то, и явилось камнем преткновения. Выдав сестренку замуж, Громов тем самым заключил бы союзный договор с родами женихов. Это не значит, что он обязался бы следовать в фарватере их решений, но от оказания посильной помощи, если они того потребуют, отвертеться бы уже не смог... Вот только, за исключением всё того же «клуба опричников», все остальные боярские рода увлекаются политикой, в том или ином виде... Нестыковочка-с. Отсюда, и желание деда пристроить внучек ко мне в боярские дети. А что, удобно. И приказать, формально, он им не мог бы, и влияния своего не утратил. А на любое принуждение мог бы развести руками, типа: девочки на службе, ничего поделать не могу...

— Хм. А кто мешает дожидаться, пока ряд на службу не закончится? Да и без того... подкатали бы «женихи» к близняшкам, и окрутили их. А там, совершеннолетие и свадьба... по взаимному согласию.

— До восемнадцати лет, без позволения родителей свадьба состояться не может. Это, во-первых. Во-вторых, находясь на службе по временному ряду, боярские дети вообще не имеют права жениться или выходить замуж, поскольку в это время их жизни принадлежат боярину. А в-третьих, даже если девчонок «окрутят», по твоему выражению, после наступления совершеннолетия, это уже будет их собственный выбор, без каких-либо последствий для рода. — Кисло проговорил дядька. Видно было, что ему тема даже гипотетической свадьбы дочерей, не по вкусу.

— Тоже, своего рода, традиция. Одно дело, договор между родителями жениха и невесты, и совсем другое дело, их собственный выбор. В конце концов, негоже соплякам брать на себя права глав родов, тем более, решать кто кому союзник. — Прокомментировал слова сына, Георгий Дмитриевич.

— Хм. Кстати, насчет ряда... — Я немного замаялся. — Правильно я понимаю, что из-за эмансипации, точнее, из-за отсутствия у меня титула боярича, сестры не смогут пойти ко мне на службу?

— А ты думал, чего он упирается... — Фыркнул дядька, кивая на своего отца. Тот хмыкнул.

— И что, иных кандидатов нет? — Удивился я. — А опричнина? Неужто, откажется помочь?

— Не откажется, но... репутация. — Покачал головой Громов-старший. — Проблема не так велика, чтобы обращаться за помощью, не поймут. Скажут: совсем ослабели Громы, раз с такой ерундой справиться не могут. А это, знаешь ли, скользкая дорожка. Там сомнение, здесь оговорка, и конец уважению. Вот, сговорить женихов внукам, можно было бы. Многие в братчине за честь почли бы с нами породниться, но... нет сейчас в опричных родах подходящих по возрасту наследников. А те что есть, либо уже помолвлены, либо и вовсе женаты. Отдавать же за вторых-третьих сыновей...

— Ага-ага, — Рассмеялся Федор. — Заговорил о вторых-третьих. Уж мне-то можешь мозги не пудрить. А то я не помню, какой скандал близняшки закатили, стоило вам с Ириной заикнуться о смотринах. Чуть усадьбу не сожгли, к мавкам зеленым.

— Смешно ему. — Проворчал дед и вдруг рявкнул. — Думай лучше, что делать будем? На меня Бельские уже полгода охотятся. Так им своего старшего женить невтерпеж, что даже на государевом приеме не постеснялись о Милке с Линкой выпрашивать. На какой ступени, да какие перспективы, да прилежно ли учатся... Тьфу.

— Ладно-ладно... — Замахал руками дядька и, неожиданно замер. Хоть табличку на шею вешай: «ушел в себя, вернусь нескоро». Я хотел было уже потрясти его за плечо, но дед остановил, а спустя минуту, Федор свет Георгиевич ожил.

— Никак, что-то придумал, Феденька? — Прищурившись, поинтересовался Громов-старший.

— Как учатся, да? Хорошо учатся, а дальше еще лучше будут... — Расплылся в широкой улыбке наследник и вдруг ткнул меня указательным пальцем в плечо. Больно, между прочим. — А скажи-ка мне, друг сердечный, что у тебя с Эфиром?

— А что у меня с ним? Все нормально. — Пожал я плечами.

— Ага-ага. Нормально, говоришь? А экзамен на подмастерье сдашь? — А взгляд хитрый-хитрый...

— Когда? — Опешил я.

— Сейчас, например. — Хмыкнул наследник. Меня так и подмывало ответить фразой из анекдота, по поводу китайского языка и методички, но, отбросив неуместное веселье, я задумался... В отличие от стихийных школ с их ступенями, эфирные техники не имели четкого деления по мощи. Зато, различались по степени контроля. И здесь была своя градация. В разных странах эти ранги, как и ступени стихийников, именуют по-разному, но их всегда пять. В России принята западная система: ученик, подмастерье, мастер, магистр и гранд. «Обзывалки» эти, достаточно условные и, в отличие от тех же «стихийных» званий, на них обращают внимание куда как меньше. А теперь, вопрос, зачем вдруг Федору свет Георгиевичу понадобилось, чтобы я стал подмастерьем Эфира?

— Не ломай голову. Обещаю, ответишь на мой вопрос, и я все объясню. — Вздохнул дядька, явно заметив задумчивое выражение моего лица.

— Сдам. — Признал я. А что? Тихариться поздно, да и незачем.

— Замечательно. — Дядька даже руки потер воодушевленно, а заметив наши с дедом недоуменные взгляды, довольно хмыкнул. — Не поняли? Ученичество... личное ученичество. Теперь дошло?

Глава 4. Каникулы? Экзамены!

А ведь я, действительно, на миг понадеялся, что удастся «сорваться с крючка», отвертеться от кузин, по техническим, так сказать причинам. Но... ха, так я и поверил, что Громовы не успели оценить мои возможности. Даже того мизера, что я успел продемонстрировать, достаточно, чтобы определить хотя бы минимальный уровень моих умений. Вывод? Проверочка, однако. Сто процентов. Эх, ладно. За бескровный выход на свободу, можно и заплатить. И если такой платой будет ученичество двух безбашенных девок, что ж, так тому и быть. Вот только условия уточним...

Память доставшаяся мне от Кирилла хранит довольно много сведений, но, четырнадцать лет, они и есть четырнадцать, и пробелов в моих знаниях хватает. В том числе, и об упомянутом дядькой ученичестве. Впрочем, объяснение не заставило себя ждать. Заметив мое недоумение, Громов-младший с удовольствием растолковал, о чем идет речь. Так, я узнал, что помимо боевых школ и домашнего обучения одаренных, существует еще одна «форма образования», древняя, как египетские «куличики». То самое ученичество. В Европах с Америками она почти не применяется, ввиду традиционности и закоснелости. При существующих альтернативах, слишком мало находится желающих заключить договор, по которому власть учителя над учеником столь же безусловна, как власть боярина над боярскими детьми. Правда, и ответственность соответствующая... Но это не единственная закавыка. По традиции, учитель должен быть выше ученика хотя бы на ступень, и обучение длится ровно до тех пор, пока ученик не достигнет того ранга, в котором учитель пребывал на момент заключения договора. Исключение составляют лишь «ярые», или в случае с «эфирниками», гранды. Они сами определяют срок ученичества для своих «падаванов». Ну, и еще одно, договор ничтожен, если «потолок» ученика, ниже ранга учителя. Этика. Правда последнее касается только стихийников, поскольку считается, что любой одаренный способен стать грандом. Хм. Я бы поспорил...

Вот так и получилось, что на следующий день после визита в гимназию и Герольдию, я, вместо поиска подходящей квартиры неподалеку от боярского городка, вновь ехал с Гдовицким, на этот раз, в одну из государственных боевых школ, где и должен был состояться мой экзамен.

Можно было бы провести испытание и иначе, пригласив в качестве комиссии нескольких мастеров из бояр, которые проверили и засвидетельствовали бы мой уровень владения Эфиром, но старый Громов был категорически против и, не объясняя причин, отправил меня в официальное учебное заведение...

Станным оно оказалось. Начать с того, что, несмотря на лето, здесь было полным-полно учащихся... форма которых, ничуть не походила на школьную, зато, несмотря на свой вполне цивильный вид, вызвала стойкую ассоциацию с военными. Или это выправка учеников в сочетании с единообразием в одежде, произвела на меня такое впечатление? Не знаю, но оказавшись в здании и немного оглядевшись по сторонам, я уверился в своих подозрениях. Атмосферу военного учебного заведения нельзя перепутать ни с чем. А здесь, «родная стихия» так и перла изо всех щелей.

Впрочем, странно было бы ожидать иного от государственной боевой школы. Здесь не место

бояричам и боярышням. Отсюда, одаренные простолюдины начинают свой путь в доблестную русскую армию и флот, воздушный ли, надводный или подводный, сие уже не так важно. Беспокоит меня только одно. Ни на одной табличке, ни на одном плакате, да что там, даже в местной альтернативе всемирной сети я не нашел никакой информации о специализации этого учебного заведения. Странно это...

Долго размышлять над особенностями школы, в которой предстояло пройти экзамен, мне не дали. Гдовицкой доставил меня на второй этаж и, взяв обещание никуда не исчезать, скрылся за массивными двойными дверями с «говорящей» табличкой: «Учебная часть». А уже через четверть часа, мы, то есть, я, Владимир Александрович и трое хмурых разновозрастных дядек, уже были в гимнастическом зале школы, сейчас пустом и темном. Но вот, щелкнул выключатель и высоко над нами начали один за другим разгораться забранные металлической сеткой плафоны, освещая огромное помещение, окна которого оказались закрыты стальными жалюзи. Ничего так... бункер.

Экзамен начался без предисловий. Просто, один из приглашенных, указав на центр зала, вдруг, не дожидаясь, пока я доберусь до указанной точки, попытался ударить меня эфирной волной, вроде той, что недавно так удачно свалила Алексея. Вот только, в отличие от «моей» волны, эта была пустая. То есть, совершенно не наполненная эмоциями. Непривычно. Голая сила и контроль...

Решив отвечать точно в меру, чтобы, не дай бог, не переборщить, я пустил навстречу атаке свою волну и, тут же закрывшись от докатившегося до меня рассеянного удара, напряг чутье.

Экзаменаторы, стоявшие чуть в стороне, от атаковавшего меня мастера, накрылись куполом от подслушивания и о чем-то тихо говорили между собой. Чуть мутноватый блеск защиты не давал прочесть по губам, о чем именно они ведут речь. Поняв по жесту усмехающегося противника, что от меня ждут взлома этого купола, я пожал плечами. Зачем ломать? Сначала надо попробовать обойти.

Вспомнив свои эксперименты с воздушными мембранами, я довольно хмыкнул. А что? Принцип работы один и тот же. Главное, не ошибиться с фильтрами... Эфир вокруг меня послушно искажился, и часть его, словно впитавшись в пол, покатила в стороны, как круги по воде. Вот, невидимая глазу волна свободно миновала границу купола, еще раз и, ударившись о стены зала, покатила в обратную сторону, неся с собой необходимую информацию. Уверившись в том, что защита от прослушивания не распространяется на доски пола, я успокоил эфир и, сформировав своеобразную нить, отправил ее в сторону купола, таким же образом, как и волну до этого. Зачем биться в стену, если можно пролезть под ней? Оказавшись за границей защиты, эфирная «нить», вынырнув из пола, растеклась по поверхности, обернувшись подобием мембраны, стала послушно передавать мне вибрации изнутри купола. Подобный прием не был для меня чем-то сложным, учитывая, что похожие подслушивающие техники я неоднократно сплетал с помощью воздуха, когда хотел узнать очередные планы родственничков по моему «низведению»... В общем, ничего запредельно сложного. Я кивнул экзаменатору, что внимательно следил за моими манипуляциями, чутко слушая Эфир, и тот, хмыкнув, подал знак своим коллегам. А когда те сняли купол, вся троица, опять не промолвив ни слова, уставилась на меня. Тоже мне, молчуны. Ну да ладно. Оттарабанив подслушанный короткий диалог, я замолчал. Теперь пришла моя очередь сверлить взглядом дырки в «собеседниках».

А вот дальше произошло то, чего я никак не ожидал... даже Тут. От одного из экзаменаторов, угрюмого даже на фоне своих коллег, довольно молодого человека, пришел настолько четкий вопросительный образ, что его можно было бы принять за чистую мысль-вопрос, вложенную

мне в голову: как ты это сделал?... Честно, не будь я уверен, что телепатия невозможна, давно занялся бы этим направлением сам.

Я на мгновение растерялся, и уже принялся было за демонстрацию адаптированной мною подслушивающей техники, но вовремя одумался. Никто не сказал, что экзамен закончился, а значит, скорее всего, от меня сейчас ожидают адекватного ответа. Ой, облажаюсь...

Сформировав мысленный образ, я постарался максимально полно очистить его от помех и искажений и, приправив солидной порцией эмоций, сопровождавших создание «жучка», до предела сконцентрировавшись, толкнул получившееся нечто в сторону экзаменатора.

Неопределенный хмык в ответ... и молчаливая троица, развернувшись, покидает зал. Э, а как же я?

Гдовицкой, так и не отошедший от двери, заметив мое недоумение, махнул рукой.

— Идем, Кирилл. Подождешь на улице, пока я поговорю с нашими коллегами. — И у этого по лицу ни черта не прочитаешь. Да что за хрень такая?! Сдал я или не сдал?

— Хм. Надеюсь, меня просветят об итогах этого... испытания? — Вздыхнул я, смиряясь с необходимостью ожидания.

— Не волнуйся. Скоро все узнаем. — Бывший тренер ткнул меня кулаком в плечо и, кивнув в сторону выхода из здания, помчался следом за моими экзаменаторами. Дурдом.

* * *

— Ну, Степа, что скажешь? — Коротко стриженный мужчина лет сорока, с явной военной выправкой, выжидающе взглянул на одного из своих собеседников, молодого но угрюмого человека, с невыразительным, словно стертым лицом. Встретишь такого в толпе и не заметишь.

— Не тянет он, Игорь. Пока не тянет... Впрочем, в его возрасте... Владимир Александрович, сколько вашему парнишке лет, четырнадцать?

— Почти пятнадцать. — Хмуро ответил Гдовицкой. Ему явно не понравились слова Степана.

— Да ладно, Игорь, что ты его слушаешь? Степка же у нас перфекционист. А паренек талантливый, и защиту обошел лихо! Какие его годы, подтянется еще... — Вступил в беседу третий и мечтательно добавил, — эх, мне бы его хоть годик погонять, такой материал пропадает...

— Степан? — Короткий взгляд Игоря, и угрюмый, со вздохом, махнул рукой.

— Да согласен я. Пиши, заверю. — Заскрипело перо, влажно хлопнула печать... всё.

Получив украшенное личными вензелями мастеров и печатью школы удостоверение, Гдовицкой коротко поблагодарил учителей и, лишь покинув кабинет, заглянул в выданный на имя Кирилла документ.

— Хм-м... И что теперь делать? — Начальник СБ покосился на лист, словно в надежде, что надпись изменится и, вздохнув, решительно мотнул головой. К черту. Пусть с этим Громы разбераются.

Глава 5. Определенное место жительства

Гадство. Старался же не накрутить... и все равно спалился. Но самое паршивое, я понятия не имею, на чем именно. Не, учиться мне надо. Ликвидировать собственную безграмотность... и заблуждения Кирилла, причем срочно, пока опять во что-нибудь не вляпался... Как сейчас.

Мастер. Приятно, конечно, что господа экзаменаторы столь высоко оценили мои скромные умения, но... Покрутив в руках сертификат с затейливыми подписями экзаменаторов и невзрачной темно-синей печатью школы, я тяжело вздохнул. Это ж, сколько мне теперь возиться с сестрами, а?! Нет, это точно Безноса отомстила за то, что ушел не по сценарию. Твою дивизию...

— Хм. Вижу, ты не очень рад полученному званию? — С ухмылкой поинтересовался Гдовицкой.

— Что, так заметно? — Снова вздохнул я. В ответ, мой бывший тренер только пренебрежительно фыркнул. Ну да, взглянув в боковое зеркало громовского автомобиля, к которому мы, как раз, подошли, пришлось согласиться. С такой кислой миной, я действительно был мало похож на человека, только что успешно получившего свой первый серьезный аттестат.

— Знаешь, а ведь Прутнев тобой заинтересовался. Всерьез. — Протянул Владимир Александрович, когда мы забрались в салон машины.

— Прутнев?

— Михаил... ну, это тот мастер, что ставил купол от подслушивания. — Пояснил Гдовицкой. — Между прочим, заместитель директора этой школы... и один из лучших «эфирников», которых я знаю. Так что, если вдруг надумаешь идти на военную службу, советую сначала заглянуть к нему в гости.

— Непотизм в ходу не только у бояр, а, Владимир Александрович? — Хмыкнул я, постепенно приходя в себя, после осознания примерных сроков грозящего мне «кармического» наказания... двойного, да.

— С кем поведешься, Кирилл Николаевич, с кем поведешься. — В тон ответил Гдовицкой и, поняв, что вступать в обсуждение моих возможных планов на жизнь я не собираюсь, тут же круто развернул разговор в другую сторону. — В «Беседы», или ты уже подобрал варианты квартир для просмотра?

— Когда бы я успел? — Развожу руками. — Может, вы что-нибудь посоветуете... так, в продолжение темы непотизма?

— Вот уж, в чем я точно не смогу помочь, увы... — Покачал головой бывший тренер. — Разве что, советом. Попробуй заглянуть в Сокольники. Район тихий, спокойный и расположен чуть ли не вплотную к боярскому городку... да и цены кусаться не должны. Дорогого жилья там никогда не было. — И, подумав, добавил... — Опять же, дикий парк рядом...

— Это вы, сейчас, к чему? — Не понял я.

— Хм. А где ты собираешься учить девчонок? Во дворе, что ли... или ты настолько богат, что можешь позволить себе собственный зал для тренировок? — Ювелирно вписывая машину в

поворот, пожал плечами Гдовицкой.

М-да. А ведь прав господин начальник. Ой как прав... Я покивал головой и искренне поблагодарил Владимира Александровича.

— Спасибо. Я ведь, действительно думал, что придется арендовать какой-нибудь подвал для этих целей. Но летние тренировки в парке, это куда как лучше... — И, подумав, добавил под одобрителный смех Гдовицкого, — впрочем, если будут доставать, то можно и зимой там же тренироваться...

— Огневики же. — Хмыкнул Владимир Александрович, напоминая. — Поддерживать комфортную температуру, для них не проблема. Или забыл?

— Ничего. Гонять буду так, что они и без терморегуляции не замерзнут.

— Ну-ну... — Протянул Гдовицкой... и замолчал до самого нашего приезда в «Беседы».

В отличие от меня, боярин с наследником восприняли новость о статусе «мастера» с неожиданным воодушевлением. И я вынужден был признать, что они и в самом деле надеются серьезно поднять уровень близняшек, а не просто пекутся о независимости рода Громовых.

Впрочем, какое мне теперь дело до их желаний? Договор заключен, обязательства оглашены и приняты... не без возмущенного пыхтения со стороны близняшек, но тем не менее. А вечером того же дня, Лина и Мила ознакомились с договором об ученичестве и засвидетельствовали его прочтение своими подписями. Вот теперь можно заняться и личными делами.

Паутинка — здешний аналог интернета, довольно бедный аналог, надо сказать... так вот, «паутинка» одарила меня кучей объявлений о сдаче жилья внаем, но ничего интересного среди вороха предложений я так и не нашел, хоть и объездил добрый десяток адресов... пока, вспомнив совет Гдовицкого, не залез на сайт... то бишь, «инфор» Сокольнического района, правда, больше от безысходности, поскольку муниципалитеты редко выставляют жилые объекты. Но, чем черт не шутит, пока бог спит?

Сначала, я даже не понял, за что именно зацепился мой взгляд. Потом бегло перечитал текст, и уже хотел было недовольно фыркнуть и перелистнуть страницу, когда до меня дошло... Десятин! Ну, даже самые просторные квартиры не меряют такими единицами площади, обходясь привычными квадратными метрами. А тут, такой казус. Заинтересовавшись, я вызвал подробное описание объекта и понял, что завтра поеду смотреть предложение. Весьма оригинальный вариант... но кто сказал, что это плохо?!

Вообще-то, объект был не из разряда жилых, тех на инфоре вообще нашлась лишь пара штук, но я в упор не понимаю, зачем бы мне понадобилась квартира в триста или пусть даже двести квадратных метров. Тем более, что стоимость аренды сих апартаментов была в два и, соответственно, полтора раза больше, чем у заинтересовавшего меня объекта... Правда, у него был свой минус, который я таковым, честно говоря, не считал. Долгосрочная аренда. Минимальный срок — пять лет... максимальный же, ограничен лишь законом, то есть, сорок девять лет. Большой срок, наше законодательство автоматически определяет, как скрытую передачу права собственности, и... тут же взимает с арендодателя пятнадцатипроцентный налог на доходы, исходя из рыночной стоимости недвижимого имущества, а арендатора штрафует на ту же сумму. Наверное, чтобы арендодателю обидно не было.

Когда Гдовицкой упоминал о «диком парке», я и подумать не мог, что под этим эвфемизмом, мой бывший тренер понимает самый обычный лес, лишь малая часть которого, оказалась

прорезана десятком просек, соединенных тремя кольцевыми дорожками. Здесь же, десяток павильонов, разбросанных меж просеками, беседки... а за пределом третьего, самого большого кольца — лес. Правда, неплохо ухоженный. Ни сухостоя, ни буреломов... впрочем, судя по аккуратным дровницам у одного из павильонов, и выставленному рядом ценнику за дровишки «для мангала», парковые служители стараются не за «спасибо»...

— Господин Громов, если не ошибаюсь? — Окинув меня внимательным взглядом, кисло спросил молодой парень в мундире муниципального работника. Пенсне на его носу блеснуло солнечными бликами.

Я утвердительно кивнул, поднимаясь с гранитного бортика фонтана, у которого устроился в ожидании представителя муниципалитета.

— Он самый, а вы...

— Младший советник Ренн, Андрей Иванович. — Отрекомендовался, иначе не скажешь, мой визави.

— Рад знакомству, Андрей Иванович. Можете звать меня Кириллом.

— Как скажете. — Взгляд моего собеседника изрядно помягчал. Ну да, наверняка, только-только после института, вон как чином форсит... А тут, вместо ожидаемого серьезного человека, какой-то сопляк. Хм... может, стоило заставить его по имени-отчеству ко мне обращаться? Впрочем, нет. Наблюдать кривящуюся рожу этого типа, каждый раз когда он будет выдавливать из себя это самое «Кирилл Николаевич», увольте. Только настроение себе портить.

— Желаете посмотреть объект, или сначала взглянете на документы? — Поинтересовался Ренн.

— Пожалуй, начнем с осмотра. — Кивнул я.

— Тогда, следуйте за мной. Здесь недалеко.

И в самом деле, заинтересовавшая меня муниципальная собственность оказалась в пяти минутах ходьбы, и расположилась с внешней стороны третьего кольца-дорожки. Двухметровый забор из толстой внушительной доски скрывал за собой довольно просторный двор с длинным одноэтажным срубом.

— За домом, конюшня, но сейчас она, разумеется, пустует. Там же, песчаная тренировочная площадка... извините, не знаю, как она правильно называется. — Ренн на миг замаялся.

— Не переживайте, я тоже без понятия. — Ухмыльнулся я.

— Э-э? А... Ну, ладно. — Андрей недоуменно покосился на меня, но тут же опомнился. — Да, давайте пройдем за дом, взгляните сами. А потом уже осмотрим дом.

И мы пошли. Осмотр бывшего конного клуба, где когда-то содержались лошадки для прогулок по парку, затянулся на добрых полтора часа. Но зато, я облазил его от и до. И единственный обнаруженный мной минус состоял в разрушенном водопроводе... Точно, какой-то «водяной» побуянил. Впрочем, собственно скважина, кажется, была в порядке. Осталось только починить сам водопровод. Дело несложное, но недешевое. Сам же дом порадовал меня простотой, основательностью и... как ни странно, удобством. В общем, договор аренды на десять лет, я, к

огромному удивлению советника, подписал тут же, и, связавшись с банком, отдал распоряжение о переводе арендной платы за полгода на счет муниципалитета.

Вот так я и обзавелся собственной берлогой. По крайней мере, на ближайшие десять лет.

Глава 6. Дом, это не только стены...

Лина выжидающе посматривала на сестру, пока та перечитывала ученический договор, заключенный три дня назад с мелким. В четвертый раз перечитывала, между прочим... Наверное, все никак поверить не могла в такую каверзу со стороны деда и отца. Нет, мать пыталась их отговорить от этого шага. Все уши Грозовым прожужжала, что, дескать, мелкий ни за что не устоит перед местью, и жизнь сестер превратит в ад... но ни отец, ни дед на этот шум не обратили ровным счетом никакого внимания. Разве что, глава рода бровью недовольно дернул. Мол, раньше думать надо было, когда родную кровь гнобить вздумали. Как будто, сам этому не попустительствовал...

Тут Лина фыркнула. Подумаешь! Почти пять лет младшего гоняли, что теперь-то должно измениться? Пусть он хоть грандом Эфира будет, против стихийных техник все равно не потянет...

— Если только убить не захочет. — Неожиданно раздался голос сестры, и Лина поняла, что последнюю мысль высказала вслух.

— Хм?

— В прямом противостоянии, мы его, может, и укатаем, но если он вздумает нас убить, ни ты, ни я даже мяукнуть не успеем. — Со вздохом пояснила Мила. — Подвал помнишь?

— Случайность. — Махнула рукой Лина, и впервые за долгое, очень долгое время, увидела сестру в ярости.

— Закономерность! — Прошипела Мила и, резко ткнув в близняшку пальцем, проговорила, сверля ее злым взглядом. — Короче, не вздумай его доставать. Я, знаешь ли, привыкла к тому, что у меня есть дура-сестричка, и не хочу отвыкать. Ясно?

— Да ладно-ладно. Что ты взвилась? — Отступила на шаг Лина, автоматически потирая то место, куда ткнулся палец сестры. — Не буду я его доставать... больно надо. В гимназии и без меня желающих найдется предостаточно.

Мила недоверчиво покосилась на изображающую пайнуку сестру и тяжело вздохнула. Иногда, у нее создавалось впечатление, будто Лина при рождении получила всё упрямство и безбашенность, что природа определила им на двоих.

А тут еще упоминание о гимназии... Мила покачала головой. А ведь действительно, учеба в их школе, далеко не сахар. Даже выходцам из бывших княжских родов порой приходится с боем отстаивать свою независимость и доказывать силу, что уж говорить о новоявленном простолюдине с пусть и не очень громкой, но все же довольно известной фамилией? А если еще и сестра примется втихую подзуживать окружающих, чтоб те «пощупали» Кирилла...

— Не дай бог, он поймает тебя на горячем... — Вздохнула Мила. Но ее сестра тут же состроила из себя самую невинность.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, сестренка. — Улыбнулась Лина.

— Ну-ну... Я предупредила, так что потом не жалуйся.

— Хм... Кстати, о братце. Ты не знаешь, куда он подевался? Второй день его не вижу... — Перевела тему Лина.

— Не знаю. — Мила нахмурилась. — Они с Санычем пару раз куда-то ездили, может он знает?

— Давай спросим?

— Ну уж нет. В последнее время, тренер не в духе... может и не ответить. А то и режим «отредактирует»... опять. — Прикусив губу, проговорила Мила.

— Ладно. Тогда, можно отца спросить... или деда. — Предложила сестра.

— Ага. Хочешь еще на одну лекцию нарваться? — Отвергла идею Мила.

— Тогда... тогда, пусть спросит кто-нибудь другой, например...

— Лёшка. — В унисон договорили сестры, и Лина тут же отправила вызов на браслет брата.

Алексей выслушал шепотной дуэт, но вместо того, чтобы пообещать исполнить волю любимых сестренок со всей возможной скоростью, только фыркнул.

— Я не узнаю вас, девочки. — Проговорил он, улыбнувшись виду недоуменно-удивленных мордашек Лины и Милы на небольшом экране. — Вы же слывете самыми информированными барышнями в гимназии. А тут, за новостями в одном имении не уследили. Уехал Кирилл.

— Как уехал, куда?! — Взвились сестры. Ну, еще бы! Такая новость и прошла мимо них. Действительно, нехорошо.

— Вот, чего не знаю, того не знаю. Нашел какую-то квартиру, вроде бы где-то в Сокольниках, туда и съехал. Саныч ему вчера помогал вещи в машину перетаскивать, он мне и сообщил.

— Сбежал, засранец мелкий. — Констатировала Лина. Но на это замечание, брат с сестрой только разочарованно покачали головами. Неисправима...

* * *

Из имения я съезжал без помпы. Собрал по-тихому вещички, попрощался кое с кем из обитателей, попутно расстреляв охранника Колю еще на одну пачку сигарет румянцевской фабрики, «отвесил поклон» главе рода с наследником и, воспользовавшись щедрым предложением Гдовицкого, закинул собранные чемоданы в просторный багажник его личного «вездехода» с громким названием «Медведь». А потом, мягко рыкнул пятидесятикубовый движок, джип качнулся пару раз на лежачих полицейских у въезда в поместье и, вырулив на шоссе, мы покатали в город.

Новый дом встретил меня тишиной и пылью. Так что, Гдовицкой еще шарился по «расположению», когда я принялся за наведение порядка... в первом приближении. Натаскал воду парой найденных в подсобке ведер, распустил шторы на тряпки... и алга!

Увлёкся так, что не заметил, как начальник СБ Громовых возник на пороге общей комнаты, где

я, как раз, драил дощатый пол.

— Пустовато здесь у тебя... — Заметил Владимир Александрович.

— Это временно. Самое необходимое есть, а недостающее сегодня же докуплю. Денег должно хватить.

— Сумма немалая получится... — Оглядевшись, покачал головой Гдовицкой. — Одна канализация пару тысяч сожрет...

— Ничего, переживу. — Улыбнулся я. — К тому же, благодаря арендатору, счет каждый год пополняется на неплохую сумму. Да и проценты капаят... В общем, если не шиковать, то до конца учебы мне этих денег должно хватить, еще и сумма основного вклада останется. А если учесть, что за обучение в гимназии, платят Громы... Получается, очень даже неплохо. Может даже на оплату высшего образования останется. Не первого эшелона, конечно, но мне туда и не надо...

— Хм. Да ты, я смотрю, уже всё просчитал, а? — Задумчиво проговорил мой бывший тренер.

— Ну так, мои расходы Громы теперь не оплачивают, вот и пришлось... — Развел я руками.

— Понятно-понятно. — Покивав, Гдовицкой присел на широкую лавку и, порыскав в карманах пиджака, выложил на массивную крышку стола солидную пачку радужных бумажек в банковской упаковке.

— Вот, наследник велел тебе на обустройство передать...

— Уберите, Владимир Александрович. — Я покачал головой. — Эмансипация подразумевает, в том числе, и финансовую независимость, разве нет?

— Уверен, Кирилл Николаевич? — Прищурился Гдовицкой, но, смерив меня взглядом, кивнул, словно в чем-то убедившись, и деньги убрал.

— Они мне без надобности. А понадобятся, так сам заработаю. — Я отжал грязную тряпку и, бросив ее на пол, уселся за стол, напротив начальника СБ.

— Экий ты самостоятельный стал, Кирилл... Смотрю на тебя и не узнаю. — Со вздохом констатировал Гдовицкой, и мне не оставалось ничего иного как развести руками. Мой собеседник, глядя на эту пантомиму, хмыкнул и кивнул. — Да понимаю, помнится и сам после госпиталя изменился так, что мать родная и та с трудом узнала... Но, уж больно резко все это произошло. Не видел бы тебя в медблоке, подумал бы, что подменили моего ученика... Ладно, что-то я заболтался, словно кумушка на завалинке. Пора мне возвращаться. У тебя же, все одно, даже чаю в доме нет. — Вдруг, резко сменил тему Гдовицкой и, поднявшись из-за стола, протянул мне руку, которую я и не замедлил пожать.

— Ничего, Владимир Александрович, это временно. Вот, заглянете через пару дней, я вас и чаем попотчую и ватрушками с баранками. — Улыбнулся я.

— Ловлю на слове. С тебя новоселье. — Гдовицкой рассмеялся и, махнув рукой, исчез за дверью. Пришлось догонять, чтобы вежливо проводить гостя, и запереть за ним крепкие дубовые ворота.

Лишь убедившись, что «Медведь» начальника СБ скрылся из виду, я облегченно выдохнул. Это

было близко...

Успокоившись, я вернулся в дом и, окинув взглядом просторную комнату, вынужден был согласиться с Гдовицким. Насчет всего необходимого, это я хватил. У меня здесь даже чайника нет, чтоб воды вскипятить! Пришлось лезть в рюкзак за ручкой с тетрадь, и браться за составление списка покупок.

Глава 7. Уют — такая зыбкая штука

Для составления более или менее полного списка мне пришлось пройтись по всему дому, и не один раз. В результате, посчитав многочисленные пункты получившегося перечня предстоящих покупок, я тихо охнул и даже на мгновение пожалел, что отказался от щедрого предложения Громовых. Правда, задавив квакнувшую было жабу, все-таки справился с моментом слабости и, накинув на плечи ветровку, отправился по магазинам, на рекогносцировку, так сказать.

Можно сказать, разведка удалась. Точнее, разведка боем. Спустя четыре часа, я вернулся в свой новый дом и, сгрузив на стол в общей комнате многочисленные пакеты с неотложными покупками, вновь взялся за ручку и список. Теперь, нужно было вычеркнуть приобретенное и записать забытое или пропущенное. Управился я как раз к тому моменту, когда за воротами послышался протяжный сигнал клаксона. Это приехал мой заказ из мебельного магазина... ну да, не удержался. Перспектива ночевать в спальнике на лавках меня не устраивала, а бывший кабинет начальника конного клуба, ныне абсолютно пустой, идеально подходит на роль спальни.

Когда сборщики закончили устанавливать мебель и, получив по рублю на человека, довольные свинтили из моего нового дома, я зашел в спальню и, окинув довольным взглядом просторную кровать, шкафы и тумбочки, потянул из кармана пресловутый список. Устроившись на подоконнике, я добавил в него ковер, шторы и пару ламп для прикроватных тумбочек, вздохнул и отправился разбирать вещи. Благо, теперь у меня есть куда их сложить и повесить.

Рассортировав одежду и постельное белье, я вернулся в общую комнату, мимоходом полюбовался нарочито грубо сложенным камином из дикого камня, отделявшим основную часть комнаты от закутка с древней, как кости мамонта, плиткой и рукомойником в дачном стиле, и, покрутив носом, принялся искать в Паутинке специалистов по установке сантехники... Нашел, и даже связался с подходящей фирмой. Объяснив ситуацию, получил обещание, что мастер прибудет не позже завтрашнего полудня, чтобы определить фронт работ и составить примерную смету. Замечательно... Ну, а пока можно заняться приготовлением ужина...

Остаток недели, то бишь, пять дней, прошли для меня на полномасштабной стройке. Спецы по сантехнике, за это время, успели, с матами, переделать обнаруженную в пристройке душевую, в нормальную такую ванную комнату с огромной деревянной лоханью в качестве, собственно, ванны, привести в порядок канализацию и септики, и заменить насосную систему, давно приказавшую долго жить. Об установке на «кухне» нормальной мойки, можно и вовсе промолчать. Обошлось мне все это счастье в круглую сумму, разом ополовинившую бюджет, отведенный мною на остаток года. А мне ведь еще мотоцикл покупать!

В общем, на фоне этих сантехнических затрат, обстановка кухни, с покупкой большого холодильника, нормальной плиты с духовкой и кастрюль-кружек-ложек-вилочек, обошлась мне в смешную сумму в триста рублей... Между прочим, месячное жалованье муниципального

чиновника среднего звена! Ну и ремонт декоративного прудика во дворе встал еще в полторы сотни рублей. Зато, к исходу недели я почувствовал, что в доме, наконец, можно нормально жить. В вычищенном камине, весело потрескивали дрова, заглушая шум дождя за окном, а на столе «запел» огромный сверкающий золотыми боками самовар, распространяя вокруг терпкий аромат горящих сосновых шишек. Ле-епота-а...

— А у тебя тут уютно... — Констатировал факт приехавший на «новоселье» Гдовицкой, с интересом оглядывая обстановку комнаты. — Вот уж не подумал бы, что без опыта такое сотворить можно.

Да уж, насчет опыта, Владимир Александрович прав. Ну так, не в первый раз дом обставляю... Эх, как же библиотеку жаль, наверняка ведь сожгли ироды, вместе с «детинцем».

— Я старался. Да и нашлись добрые люди, помогли советом. — Скромно киваю. Незачем Гдовицкому знать, где четырнадцатилетний паренек набрался таких знаний. Подвигаю к гостю миску с айвовым вареньем и мечтательно говорю. — Вот, думаю, вместо конюшни баню поставить...

Гдовицкой с изумлением косится на меня, но от поглощения пирогов не отвлекается.

— Сейчас?! — А в голосе такое удивление, словно я, так, между делом, сообщил ему, что на луну слетать собираюсь, красивых камешков насобирать...

— Да нет. В следующем году. Летом, скорее всего. — Я пожал плечами.

— М-да... А ты оказывается, у нас хозяйственный парень, а Кирилл Николаевич? Я-то думал, что ты, от присмотра избавишись, так и рванешь гулеванить... а оно, вон как вышло... — С усмешкой констатировал Гдовицкой. Ну-ну, шутки шутим, да?

— Кто знает, глядишь, действительно рвану... когда от присмотра избавлюсь. — Улыбнулся я в ответ. Начальник СБ вопросительно приподнял бровь. — Что, Владимир Александрович? Можно подумать, по парку сотни машин катаются... с громовскими номерами. Или вы думали, что я совсем слепой и наблюдателей не замечу? Единственный автомобиль на моей просеке, с меняющимися дважды в день обломами внутри, после которых обочины больше похожи на «бычковые» посадки? Я же им даже урну притащил специально, чтоб гадить прекратили... Так ведь нет, как разбрасывали окурки, так и разбрасывают. Вы уж повлияйте на подчиненных, Владимир Александрович, объясните, что негоже в лесу мусорить!

— Эк... — Мой бывший тренер побагровел, втянул носом воздух и, сверкнув глазами, завернул такую тираду, что я аж заслушался.

— Хм. Это вы сейчас с кем разговаривали? — Поинтересовался я, когда начальник СБ умолк.

— Извини, Кирилл. Это я не о тебе, а о тех самых подчиненных. — После недолгого молчания, проговорил мой бывший тренер и окинул стол ищущим взглядом. Правильно его поняв, я хмыкнул и, прогулявшись до холодильника, поставил перед Гдовицким запечатанную бутылку водки и стопку. Отвернул крышку, налил до краев стограммовый стаканчик и пальцем подвинул его ближе к гостю.

Тот задумчиво взглянул на меня, потом на бутылку, перевел взгляд на стопку и, махнув рукой, закинул содержимое стограммовки в рот. Закусил мясным пирожком, отодвинул в сторону опустевшую стопку и кивнул на бутылку.

— Тебе не рановато ли, Кирилл? — Поинтересовался Гдовицкой.

— Так я ее и не пью. Это для протирки...

— Чего? — Не понял гость.

— Оптических осей. — Ухмыльнулся я, но, заметив, как нахмурился мой бывший тренер, поспешил его успокоить. — Окна я ей мыл. Лучше любого моющего средства... и дешевле. Вот, после уборки одна бутылка осталась. Не выкидывать же?

— Ш-шутник, чтоб тебя. — Проворчал Гдовицкой и, покосившись на предмет разговора, махнул рукой. — Ладно. Верю. Убирай ее с глаз моих. Тебе, все одно, рано, а я один не пью... да и за рулем сегодня. Нет, но каковы мерзавцы, а?! Ведь просил же, аккуратно, незаметно... «Будет сделано, Владимир Александрович... невидимками будем, Владимир Александрович... никто-ничего...» Тьфу! Бестолочи.

— Вот кстати, а зачем вообще их ко мне приставили, а? Неужто, дед с дядькой потребовали?

— Ну, не то чтобы потребовали... — Вздохнул Гдовицкой. — Скорее, намекнули. Да и я за тебя переживал. Вот и... а, чего уж теперь. Извини, Кирилл. Завтра же их отзову.

— Так, они мне вроде бы и не мешают... особо. — «Пока», добавил я про себя, но словам начальника СБ откровенно порадовался. Все-таки, слежка, даже такая топорная, спокойствия не добавляет. Да и, мало ли, чего они там «наподсматривают»... Впрочем, слова Гдовицкого не повод расслабляться. То, что он собирается отозвать этих наблюдателей, вовсе не говорит о том, что вместо них не будут применены иные, более незаметные способы наблюдения... Я бросил взгляд на браслет, который как раз замерцал руной вызова и, отметив про себя необходимость заменить устройство, ответил на звонок.

Развернувшийся экран продемонстрировал две надменные, но симпатичные мордашки моих двоюродных сестер...

— Ты куда сбежал, мелкий? — Лиана, как всегда, олицетворение терпения и вежливости.

— А что, вы успели соскучиться по тумакам? — Удивленно протянул я, одновременно состроив извиняющееся выражение лица для Гдовицкого.

— Хам. — Фыркнула неугомонная Линка, но тут же получила толчок локтем под ребро от сестры.

— Извини ее, Кирилл. Мы только хотим узнать, когда начнутся наши занятия. Все-таки, лето скоро заканчивается, и нам нужно распланировать оставшееся время. — Спокойным, даже деловитым тоном проговорила Мила.

— Вот как... Ну, думаю, вы можете свободно распоряжаться вашим временем до начала учебного года. Первое занятие... ну, пусть и будет первого сентября, сразу после уроков... Хм. У вас ведь их шесть будет? Вот и отлично. У меня тоже. Тогда же и расписание уточним. — Ответил я.

— А где ты... — Тут же влезла ее неугомонная сестра и снова схлопотала локтем в бок.

— Извини, Лиана хотела спросить, где мы будем заниматься. В городской усадьбе? — Вновь сыграла дипломата Мила.

— Увидите. — Ответил я и, погасив экран, повернулся к Гдовицкому. — Могу я надеяться, что до начала занятий, они не узнают о месте моего проживания? Хотелось бы хоть немного отдохнуть.

— Договорились. — Кивнул мой бывший тренер, нацелившись на следующий пирожок. Вот и славно...

Глава 8. Праздник празднику рознь

Целых десять дней без близняшек... Жаль, что они почти прошли. Я вздохнул и, окинув взглядом свое отражение в зеркале примерочной, неопределенно хмыкнул. Портной — дядечка «сильно за сорок», длинный, словно жердь, чуть сутулый, но шепотливый, как электровеник, крутился вокруг меня, умудряясь сохранять при этом вдумчивое выражение лица. Потом, что-то тихо пробормотал себе в усы, покрутил выдающимся носом и вдруг, резко затормозив, щелкнул пальцами. Его помощницы, явно давно привыкшие к закидонам мастера, понятиливо кивнули и тут же исчезли из виду, чтобы, спустя минуту, вновь появиться в примерочной с какими-то коробочками в руках...

Ремень с пряжкой-гербом гимназии, небольшие серебряные запонки и красный наплечный шнур, в цвет канта на черном френче. Мрачно и пафосно... ну так, куда деваться? Место учебы у меня теперь такое... выпендрёжное. Это еще что, в следующем году... если доживу, конечно, кант будет белый, вообще эсэсовцем расхаживать буду... Одно хорошо, форма старшего класса полностью черная, включая наплечный шнур, и пресловутый кант. Тоже мраченько, конечно, но зато, почти без пафоса...

Смирившись со своим внешним видом, я повернулся к портному, а тот все хмурил брови, и поглядывал на меня так, словно что-то забыл. Наконец, он хлопнул себя рукой по лбу...

— Мар-рина! Где? — Отчаянно гассируя, возопил мастер и его указующий перст ткнулся куда-то в левую сторону моей грудной клетки.

— Ой! — Одна из помощниц испарилась, и тут же материализовалась рядом с портным, держа в руке небольшой кусочек алого шелка... Не понял. Меня, что, снова принимают в пионеры?

Впрочем, дальнейшие действия портного поставили все на свои места. Одним единственным, четко выверенным движением, больше похожим на фокус, он свернул этот кусок шелка и, не глядя, вручил его подскочившей Марине. А в следующий момент, стремительная барышня уже оказалась рядом со мной. Так это плато-ок, а я-то думал... Аккуратно разместив его нагрудном кармане френча, Марина разгладила ладошкой какие-то невидимые складки ткани и, окинув меня взглядом, улыбнулась.

— Такой лапушка получился! — Умиленно заключила девушка, отходя в сторонку.

— Хм, ну вам, конечно, виднее, Ма'иночка, — усмехнувшись, проговорил портной, — но я бы сказал, настоящий кавалег. Ки'илл Николаевич, вас все уст'аивает? Замечания, п'едложения? Нет? Замечательно. Инга, себе'и и упакуй костюмы, молодого человека Да, Ки'ил Николаевич, п'язнаюсь, аботать с вами было одно удовольствие, надеюсь, увидеть вас снова в моей ск'омной масте'ской. Ма'иночка, ассчитай, пожалуйста, Ки'илла Николаевича.

— Конечно, Иосиф Маркович. — Пропела девушка, улыбнулась еще шире, увидев мои заалевшие в ответ на ее замечание уши и, плавно покачивая бедрами, поцокала каблуками в

сторону прилавка. Ну почему мне всего четырнадцать?!!!

Справившись с совершенно неожиданным смущением, я облегченно вздохнул и, перебравшись в любимые джинсы и водолазку, вручил посмеивающейся Инге «освободившийся» костюм и туфли, после чего, «впрыгнув» в свои кроссовки, двинулся к кассе, где меня дожидалась Марина... с чеком наперевес. Вот, что за дела? Я еще до свидания с ней не дорос, а деньги уже утекают. Эх, жизнь моя — жестянка.

Расставшись с внушительной суммой, я печально улыбнулся Марине и, приняв из рук ее напарницы огромные пакеты с формой и обувью, попрощавшись, двинулся на выход. Расходы, расходы, расходы... Два комплекта повседневных, один выходной. Пять сорочек, две пары туфель, ремни и запонки... хорошо еще спортивную форму не шьют на заказ. Точнее, может быть, и шьют, но в гимназии еще не додумались требовать подобного изврата от учеников.

Добравшись на трамвае до дома, я развесил приобретенную одежду по шкафам и, глянув на часы, раздраженно зарычал. Шестой час. Слишком много времени было потрачено на ателье. Ну, не рассчитывал я, что Иосиф Маркович вздумает устроить «финальную» примерку каждого пошитого им костюма и не успокоится, пока не убедится в идеальности своих «творений». И ведь не переупрямишь его... не человек, а каток какой-то, честное слово!

Наскоро перехватив пару бутербродов и запив их холодным квасом, я в очередной раз глянул на часы и, подхватив в прихожей заранее приготовленный рюкзак, выскочил на улицу. На сегодня, у меня осталось еще одно дело, пожалуй, не менее важное, чем покупка формы. И если я не потороплюсь, то могу опоздать. А переносить решение этого вопроса на завтра, мне совсем не хочется. Поскольку завтра, у меня праздник... день рождения. И пусть, гости на нем не предусмотрены, но планов на этот день у меня, что называется, громадье!

Вопреки опасениям и всем законам Мерфи, трамвай подошел к остановке буквально через минуту, так что, в салоне я был за полчаса до закрытия. И, пока продавец оформлял документы на мою покупку, я успел подобрать подходящую экипировку. Ну да, Воздух воздухом, Эфир эфиром, но кто сказал, что это повод пренебрегать шлемом?

Из салона я вышел, точнее, выехал гордым обладателем пятикубового дорожного мотоцикла производства товарищества Ярцева и Ко. Симпатичный такой, рыжий агрегат, чем-то похожий на Тамошний классический «триумф». Мощностью, конечно, поменьше, но... изящная, легкая и резвая машинка. В общем, то что надо для города.

Шлем на голову, зажигание... поехали! Мотоцикл взвыл и сорвался с места. Влившись в довольно редкий поток машин на Стромынском тракте, я прибавил ходу, и уже через десять минут остановился перед воротами своего нового дома. Замечательно! Дело осталось за малым... получить «права». Хм...

Утро началось, как обычно, с зарядки, комплекса техник и медитации. Потом, легкий завтрак и... поход на аттракционы. Ну да, я еще и мороженое люблю. Детство? И что? Мне, вообще-то, всего четырнадцать... то есть, уже пятнадцать, конечно. А кто не верит, могу и паспорт показать. Вот.

Укатавшись на аттракционах до головокружения, расстреляв все мишени в тире и сожрав полкило пломбира, я добрался до маленького открытого кафе, расположившегося почти у самого фонтана в центре облагороженной части парка и, устроившись под бело-зеленым полосатым навесом, с наслаждением принялся за уничтожение принесенного официантом обеда. Ну и что, что жарко? У меня растущий организм, его надо правильно и много питать...

вот. Тем более, что окрошка на квасе, штука холодная... и очень вкусная.

— Нет, вы только посмотрите на него! Мы ему названиваем, уже перепугаться успели, а ну как что-то случилось с нашим дорогим братиком, а он здесь... жрет! — Голос Лины, раздавшийся за спиной... стал траурным маршем для моего настроения. Я обернулся и обреченно вздохнул, увидев близняшек и стоящего за их спинами Гдовицкого, всем своим видом пытающегося показать, что его вины здесь нет. Он действительно надеется, что я в это поверю?

— Хм. Как невежливо, Лина. — Покачал я головой и, приподнявшись с лавки, отвесил гостям короткий поклон. — Впрочем, здравствуйте.

— Добрый день, Кирилл Николаевич. — Первым отреагировал начальник СБ и, указав взглядом на свободное место рядом со мной, проговорил, — вы позволите?

— Разумеется, Владимир Александрович, разумеется. Присаживайтесь. — Я растянул губы в улыбке, одновременно следя за вытягивающимися личиками кузин и, выдержав паузу, повел рукой в сторону лавки, напротив. — Дамы, прошу...

Те, наконец, пришли в себя от такого показательного пренебрежения и, вздернув носики, надменно кивнули, после чего, не промолвив и слова, устроились напротив нас, сохраняя самый неприступный вид.

А дальше было добрых полчаса беседы с моим бывшим тренером, беседы ни о чем, то есть о погоде, московских новостях и перспективах долгосрочных вложений, и все это высоким штилем, при полном молчании сестер. Впрочем, если тронуть Эфир, от них можно было уловить такой шквал эмоций и бурление «чуйств», что только держись! Еще немного и взорвутся. А Громову-старшему потом убытки возмещать...

— Итак, Владимир Александрович, могу я узнать, что привело вас сегодня в этот чудесный парк? — Свернув бессмысленный треп, поинтересовался я.

— Ох, — Гдовицкой демонстративно хлопнул себя ладонью по лбу и выудил из-за отворота пиджака, небольшую плоскую коробочку. — Совсем забыл. Заговорил ты меня, Кирилла. С днем рождения.

— Хм. Спасибо. — Я покрутил подарок в руках, открыл... Портсигар. Добротный такой, тяжелый...

— Раз уж ты, все одно, куришь, так делай это красиво. — Ухмыльнулся Гдовицкой. Принято.

Я покосился на зло сощурившихся кузин. Хотя-я... вроде бы Мила не так уж и сердита. Скорее даже, изображает злость, поддерживая сестренку. Близнецы, что с них взять?

— Мы тоже хотим тебя поздравить. — Поджав губы, проговорила Мила, пока ее сестра сверлила меня взглядом. Щелкнул замок сумочки в руках кузины, и на стол лег небольшой аккуратный сверток. Даже гадать не буду, кто им прика... напомнил о подарке.

— Это герб гимназии. — Объяснила Мила, заметив, с каким интересом я рассматриваю крошечные щиты на подаренных ею запонках.

— А теперь, может, покажешь свое жилье, братик? А то, мы слышали, ты поселился на конюшне. Хотелось бы убедиться, что это только слухи... — Все-таки, Лина не смогла сдержать свой язычок.

— Я здесь не причем. — Тут же открестился Гдовицкой, поймав мой взгляд. — Они сами...

Глава 9. Особенности воспитания

Сами-сами. Наверняка, опять влезли в базу данных имения. Или у отца с браслета инфу стянули... Вот только мне от этого не легче. Вроде бы, какая разница, увидят они мой дом сейчас, или спустя несколько дней, на первом занятии? Но... я ведь и в самом деле надеялся, что до окончания каникул смогу побыть в одиночестве. А теперь, на этой сладкой мечте можно поставить крест. Жирный такой, черный крест. Зная близняшек, могу с уверенностью предположить, что они не дадут мне спокойно отдохнуть, и наверняка постараются испортить оставшиеся до учебы дни. Так или иначе. М-да...

Вполне ожидаемая критика, градом посыпавшаяся из их уст, во время осмотра моего нового жилища, была наименьшей из возможных бед. И я, устроившись с сигаретой и чашкой кофе на низком подоконнике, просто старался пропускать их язвительные замечания мимо ушей. Так же поступил и Гдовицкой, молча и невозмутимо пивший чай всё то время, пока сестры шарились по дому. Наконец, близняшки выдохлись, устроились за столом рядом с моим бывшим тренером и потянулись за чашками. А Гдовицкой, словно только и дожидавшийся этого момента, вдруг поднялся, отвесил мне короткий поклон и, поблагодарив за угощение, сообщил, что их теплую компанию уже ждут в поместье. Надо было видеть, как близняшки смотрели на нетронутое варенье и сдобу на столе... Ну да, «сбалансированное питание», диеты и прочие ужасы правильного питания, тоже входят в сферу ответственности тренера... И как раз сейчас, он одним движением и парой фраз с лихвой отыгрался за весь тот словесный мусор, что выдали кузины с момента появления в моем доме, заодно лишив их такого вредного, а потому редко достающегося девочкам сладкого.

— Кирилл, ты не будешь возражать, если я продемонстрирую Федору Георгиевичу обзорную запись о твоём доме? Ничего личного... просто, он очень интересовался условиями твоего проживания. По-родственному, так сказать. — Уже стоя в дверях, проговорил Гдовицкой.

— Хм... пожалуйста. — Я повел рукой, предлагая бывшему тренеру пройти по дому, но тот только улыбнулся.

— Нет-нет. Не стоит. Я уже сделал коротенькую запись, пока мы пили чай. Думаю, ее будет вполне достаточно. — Ха! Владимир Александрович, гений. Честное слово. Интересно, что скажет наследник, услышав звуковое сопровождение этой записи?

Я бросил короткий взгляд на сестер и удовлетворенно кивнул. Выглядели близняшки откровенно бледно. И если Лина просто испугалась, то в эмоциях Милы явственно мелькали нотки злости... на сестру.

— У меня нет никаких возражений, Владимир Александрович. Надеюсь, Федор Георгиевич останется доволен увиденным.

— Ручаюсь, Кирилл. Ты подобрал просто замечательное жилье. Честно говоря, я и сам бы от такого не отказался. — Гдовицкой ухмыльнулся и, развернувшись, подтолкнул сестер к выходу. — Идемте, идемте девочки. Дома нас уже заждались.

Просторный седан с громовскими номерами, тихо, но эдак значительно рыкнул, и покатил по просеке, увозя в своем железном брюхе изрядно присмиривших девиц и моего бывшего тренера. Всё. Избавился, наконец-то.

Заперев ворота, я глянул на темный дверной проем и, поразмыслив несколько секунд, решительно направился в обход дома. Хотя, Гдовицкой и нивелировал эффект от присутствия кузин, но успокоиться мне все же не помешает. Спустя час, «выгладив» воздушной линзой вспаханное мною же песчаное покрытие «полигона», я вернулся в дом, окинул взглядом «недоразоренный» стол, вздохнул и, покосившись на запястье левой руки, решительно уселся на лавку, не менее решительно отложив поиск в паутинке подробной информации о гимназии на потом. В конце концов, не одни близняшки страдали от отсутствия сладкого в своем рационе, а на столе такая роскошь... Самое время, чтобы порадоваться недоступной ранее вкуснятине... И да, я помню, что мне уже пятнадцать, но вкус выпечки-то от этого хуже не становится, правда?

* * *

Нагоняй сестры получили знатный. Отец, увидев запись, сначала ревел белугой, потом грозился выдрать дочерей как сидоровых коз, а после, устав и утомившись, рухнул в кресло и объявил наказание.

— Это ж надо было так опозориться, а? Прийти в гости и облить дерьмом дом хозяев! Да двадцать лет назад, за такую выходку вас бы спустили с лестницы! А полвека назад, подобное оскорбление вообще могло обернуться войной родов. Остолопки! — Рыкнул Федор Георгиевич и, с сожалением глянув на сестер, покачал головой. — Завтра же, в имение прибудет Агнесса и займется с вами этикетом! Лично прослежу. Нет, это ж надо было додуматься до такого, а?!

— Милый, успокойся. Ведь ничего страшного не произошло. — Тихо заворковала неслышно вошедшая в комнату супруга наследника, и протянула мужу чашку успокоительного отвара. — Ну, какое оскорбление, какая война? Кирилл теперь, обычный простолюдин. Что тебе до этой ерунды?

Блямс! Чашка, выбитая из рук Ирины Михайловны ладонью наследника, разлетелась вдребезги, ударившись о стену. Мужчина взмыл над креслом, распространяя вокруг волны душливого сухого жара...

— Еще одна идиотка на мою голову! Какая разница, что написано в бумажках? Он — Громов. Плоть от плоти, кровь от крови боярской! Десятки поколений воинов за спиной. Ты что думаешь, это так легко вытравить? Тиснули штампик в паспорте, и вместо боярина получили бродягу безродного? Да хрен вам! — Обведя налитым кровью взглядом дочерей и отпрянувшую в испуге жену, наследник прекратил ор, прикрыл глаза и медленно втянул ноздрями воздух, пытаясь сдержать обуревавшую его ярость. Чуть помолчал и тихо, почти шепотом проговорил, — уйдите... клуши. Уйдите от греха.

— Что, детки, бушует тятка? — Встретив в коридоре тихо переговаривающихся с матерью близняшек, проскрипел дед, наконец выбравшийся из-под опеки Иннокентия Львовича.

— Злится. — Вздохнула Ирина Михайловна. Старик хмыкнул.

— Ну ничего, позлится и перестанет. Федька у нас отходчивый... не то, что Коленька. Вот уж у кого память долгая была... никогда зла не забывал. Но и доброту младшенький помнил до-олго. Ладно. Не о том речь. Идемте внучки, научу кое-чему, как раз за то время и отец ваш остынет. А ты, Иринушка, ступай к себе... выпей отварчику, успокойся. Он у тебя, ох какой хороший получается, добрая вещь. Иди-иди...

Ох уж это женское любопытство, никогда оно до добра не доводило. Вот и сейчас так же

вышло... Пошли внучки следом за главой рода, аккуратно до знакомого им подвала...

— Ай! — Линка дернулась, неудачно задев бедром дверной косяк на входе в их с сестрой комнату, и зашипела от боли... — Ну, дед...

— Что, нарвались? — Насмешливый голос Алексея, заставил девушку зашипеть еще сильнее. — Да, вижу, правду говорят, что у деда рука тяжелее, чем у отца.

— Издеваешься? — Зло прищурились сестры.

— Да нет, куда уж мне... — Хмыкнул тот и посерьезнел. — Отец велел передать, чтобы на первом же занятии вы перед Кириллом извинились. Вот только, за что, не сказал... Ну, колитесь, что вы там опять с мелким учудили?

— Не твое дело. — Отрезала Мила, одновременно наградив сестренку тяжелым взглядом.

— Ну, не хотите говорить, и ладно. У Саныча узнаю. — Деланно беззаботно пожал плечами Алексей.

— Смотри, аккуратнее. — Буркнула Лина. — Это он...

— Молчи. — Мила качнула головой, и сестренка послушно умолкла.

— Нет-нет, договаривай. — Заинтересованно подался вперед Алексей, но вынужден был отпрянуть от захлопнувшейся перед его носом двери. И как бы ни силился он подслушать, о чем там спорят сестры, не получилось.

— Но почему? — Протянула Лина.

— А зачем? — В тон ей, переспросила сестра.

— Ну... — Девушка на миг задумалась и пожала плечами. — Он же наш брат.

— Кирилл тоже, забыла? — Усмехнулась сестра.

— Подумаешь... — Фыркнула Лина.

— Так. Стоп, сестренка. — Вдруг посерьезнев, нахмурилась Мила. — Заруби себе на носу. Если я, из-за твоей нездоровой тяги к мелкому, в третий раз получу по заднице, тебе не жить. Веришь?

— К-какой-такой тяги? Сдурела?! — Подпрыгнула Лина, ошарашено глядя на сестру.

— Откуда я знаю, какой? — Огрызнулась та. — Но я тебя предупредила.

— С ума сошла. — Покачала головой Лина.

— А что еще прикажешь думать, если ты дня не можешь прожить, чтобы не зацепить Кирилла?

— Да ну тебя. Выдумываешь ерунду какую-то. — Девушка даже фыркнула от бредовости предположения и, проковыляв к окну, попыталась усесться на подоконник, но тут же снова зашипела от боли. С ненавистью покосившись на ни в чем неповинную деревяшку, Лина обиженно засопела, и, по примеру сестры, устроившись на кровати, активировала браслет. Развернувшийся перед лицом, экран блеснул логотипом Паутинки, и в комнате воцарилась

тишина.

Глава 10. А я иду, гуляю по Москве

Дом им мой не понравился... Говорил уже, и чую, еще не раз повторюсь: дуры и есть. Я потянулся и, улыбнувшись солнечному свету, льющемуся в окно, вскочил с кровати. Тело только что не распирало от бурлящей энергии, а настроение уверенно ползло к отметке: превосходное. Эх!

Короткая пробежка через весь дом и выходящую во двор веранду, закончилась у небольшого пруда. Декоративный-то он, декоративный, но достаточно глубокий, чтобы плюхнуться в него с разбегу и не расшибиться о дно. Что я и доказал, подняв целый фонтан брызг. Хорошо!

Вынырнув на поверхность, я довольно отфыркался и, выбравшись на выложенный палубным тиком бортик, пошлепал обратно в дом. Умыться, одеваться... и на зарядку. А потом, в душ...

В общем, к моменту начала приготовления завтрака я был чист, свеж и благоухал честно скоммуниженным в имении одеколоном. На сковородке зашкворчало сало, следом за ним на раскаленный чугун плюхнулось четыре яйца, соль и через пять минут я уже уплетал свой завтрак, запивая глазунью апельсиновым соком.

Расправившись с едой, я помыл посуду и, заварив кофе, принялся строить планы на день. Щелкнула полированная крышка подаренного Гдовицким серебряного портсигара, и струйка табачного дыма устремилась в открытое окно. Отвлекая от размышлений, тихонько завибрировал браслет на руке, подавая сигнал о пришедшем на почту письме, и я отчеркнул первый пункт своего плана на день. Обзавестись новым браслетом. Можно было бы, конечно, ограничиться и покупкой лишь нового кристалла-идентификатора, но... кто его знает, сколько закладок от СБ Громовых, прячется в системе самого девайса? А значит, машинку лучше сменить целиком. Хотя и жаль, аппарат подобного класса мне не потянуть, так что придется обойтись более дешевым вариантом. С этим домом, я и так серьезно выпал из бюджета... Шестьсот рублей за полгода аренды, две тысячи на ускоренное восстановление водоснабжения и небольшой, но очень скоростной косметический ремонт, еще шестьсот рублей ушло на закупку всего необходимого для нормального жилья, плюс двести... целых двести рублей за новую форму, да еще пять штук долой за мотоцикл... В общем, если не считать основной суммы вклада, которую мне все равно со счета не снять, осталось у меня меньше двадцати семи тысяч рублей свободных средств. Много? Да, немало. Но скорость, с которой эти средства начали таять, меня, честно говоря, несколько напугала. Впрочем, пока других крупных расходов я не планирую, так что можно спокойно перевести дух... но все равно, немного обидно. Я-то думал до конца года уложиться в семь-восемь тысяч, а получилось, что не прошло и трех недель, как уже выбрался за установленный для себя лимит. Нехорошо.

С другой стороны, вариант с бывшим конным клубом, хоть и вылился в круглую сумму, нравится мне куда больше, чем аренда обычной квартиры. Опять же, свежий воздух, собственный мини-полигон... пруд, в конце концов. Ну, чем не дача? Да еще и в городе. Лепота.

Победив внутреннее земноводное, я потянулся, затушил в пепельнице окурок, и, наскоро сполоснув опустевшую кофейную чашку, отправился на улицу. Стоя на пороге сеней, чуть поколебался, но все-таки махнул рукой и решил пройтись до магазина пешком. А что? Лето, светло, тепло... отчего бы и не прогуляться до Каланчовой площади^[2] на своих двоих? Тем более, что тут идти не больше получаса.

Сказано-сделано. Шлем отложен в сторону, дверь и ворота заперты, и я двинулся по просеке, к парковому фонтану, а оттуда, по главной аллее, мимо храма Воскресения, до самой площади.

Этот город похож и не похож на Тамошнюю Москву. Здесь нет засилья безликих бетонных коробок, и город, разрастаясь, как и «тот», во все стороны, умудряется оставаться зеленым и малоэтажным... Хотя, ближе к окраинам, дома высотой в семь-восемь этажей, совсем не редкость. И честно говоря, вспоминая «вставные зубы» тамошних новоделов и архитектурных «изысков» постсталинских времен, эта Москва мне нравится куда больше. Здесь сохранилось Бульварное кольцо и большинство храмов, а в кварталы постройки времен позапрошлого царствования не врезаются зеркально-стальные махины бизнес-центров. И красивейшие фасады публичных зданий не уродуют гигантские рекламные панно. А самое главное... тут удивительно чисто. Может быть, это от того, что урны и плевательницы установлены на каждом углу, а может из-за наличия суровых дядек в длинных холщовых фартуках, набрасывающихся на любой мусор с совершенно неописуемой яростью. А уж какой порядок царит во дворах, являющихся их вотчиной... Не далее как пару дней назад, заглянул я в один тихий дворик, так и минуты не прошло, как нарисовался рядом со мной бугай с метлой, черенком которой можно, наверное, и медведя завалить, и вежливо так поинтересовался, а что это господин хороший, я, то есть, забыл на подведомственной оному дворнику территории? Честно признался, что ищу отхожее место. А этот оператор метлы и совка только кивнул понимающе, и пустил в туалет при своей дворницкой. Культурный шок, вот как это называется. Вот такая вот замена пресловутому «Макдаку». В общем, воспользовался я на диво чистым ватерклозетом, восхитился умному подходу к нуждам человеческим и, оставив пять копеек в специальной копилочке на подоконнике, пошел себе дальше.

А ведь с такими вот дворниками, никакие полицейские наряды не нужны. Он выйдет вечером к буянам, крутанет в руке свое бревнышко с прутиками и молодцам уже не «луноход» нужен, а сразу «карету» скорой помощи подавай. Мудро, разве нет?

Конечно, я не говорю о старых рабочих районах, там наверняка свой уклад, вот только один момент в глаза мне бросился. Полазил я по Паутинке и выяснил, что здесь на всю Москву, ровно полсотни полицейских участков, и в каждом не больше тридцати сотрудников. Правда, есть еще гарнизон внутренней службы, насчитывающий порядка двух тысяч человек, но это особ. статья.

За такими раздумьями я и не заметил, как добрался до Каланчовой площади и Алексеевских торговых рядов, раскинувшихся на месте памятного мне магазина «Зенит». Вот здесь, я, пожалуй, и отыщу то, что надо. А именно, недорогой браслет и новый кристалл-идентификатор.

Поиск не затянулся надолго и уже в третьей по счету лавке я наткнулся на вполне приличный девайс. Конечно, ни о каком титановом корпусе, равно как и о выращенных алмазах-накопителях речь здесь и не шла. Но, с другой стороны, для хранения больших объемов информации мне достаточно и нынешнего браслета, а для переговоров, серфа по Паутинке или обмена письмами, вполне подойдет и что-нибудь менее емкое и навороченное, например, вот такой вот стальной образчик с заключенными в упругие коконы кристаллами кварца. Да, функционал победнее, да экран до полуметра по диагонали не растянуть, и качество звука чуть похуже, ну так мне на нем фильмы не смотреть и музыку не слушать... да и игрушки гонять я не собираюсь. Так что, беру. Пятнадцать рублей, бюджетный вариант. То, что доктор прописал.

Пробежавшись по менюшкам и убедившись в добротности системы, гляжу на продавца. Парень лет семнадцати, явно студент на подработке, замечает мой взгляд.

— Вас заинтересовал этот браслет? Прекрасный выбор. Линейка этого производителя

пользуется уверенным спросом у рисковых. Ударопрочные артефакты, не боятся влаги и пыли, сбалансированный набор функций... — Тут же оказавшись рядом, начинает разливаться соловьем консультант... Пользуется спросом среди «рисковых»... Ну да, убойный аргумент для пятнадцатилетнего паренька. Рисковыми здесь называют экстремальщиков. И ведь не соврал ни словом, подлец. Другое дело, что «линейка», еще не означает конкретно эту дешёвенькую модель, ну так и продавец конкретно о ней не говорит.

— Да, вот интересуюсь... хочу купить... только, я паспорт... забыл. — Изображаю бегающий взгляд и алеющие щеки, благо с моими возможностями, последнее не сложнее первого, старательно разыгрываю отчаянно врущего и одновременно стесняющегося своей лжи малолетку.

— Хм. — Консультант окидывает меня «суровым» взглядом и, откашлявшись для солидности, задает ожидаемый вопрос. — А идентификатор?

Обреченно развожу руками.

— Пятерка. — Заговорщическим шепотом сообщает консультант. Отрываю взгляд от пола и резко киваю. Есть!

— Замечательно. — Расплывается в улыбке продавец и кивает в сторону прилавка. — Идемте к кассе, оформим вашу покупку.

«Левый» кристалл-идентификатор, здешний аналог сим-карты, обошелся мне примерно вдвое дешевле, чем я ожидал. Пятерка перекочевала из моего кошелька в ладонь продавца, а в формуляре контракта появились данные совершенно другого человека. Незаконно? Да. Опасно? Ничуть. Ни для меня, ни для того бедолаги, чьи паспортные данные использовались для оформления договора. Контракт предоплатный, так что кредит на нем не повиснет, да и военные и банковские сети с этого браслета я взламывать не собираюсь... в смысле, вообще не собираюсь.

Довольный своим новым приобретением, я нацепил его на правую руку, и бросил упаковку в рюкзак, где уже лежали приобретенные в этом же магазине дешевые кварцевые кристаллы-накопители. Покинув ряды, я на миг застыл в раздумьях, но, почти тут же вспомнив про пустеющий холодильник, устремился на другую сторону площади, туда, где шумел и гомонил сокольнический рынок. Вперед, за едой!

ЧАСТЬ III. КОГДА Б Я БЫЛ БОЛЬШИМ

Глава 1. Четвертый раз в первый класс

Гимназия. День первый. Я покрутил головой в поисках места, где можно приткнуться моего «Лисенка» и, не обнаружив у въезда на территорию школы даже подобия автостоянки, решительно порулил к полосатому шлагбауму. Если нет снаружи, надо поискать внутри. Логично? Остановился перед этим воплощением лозунга: «Не пущать» и надавил на клаксон. Вотще. Спокойно минующие калитку для пешеходов, ученики с интересом косились то на меня, то на изображающего египетскую мумию охранника, замершего в своем «аквариуме», но так, мельком... Поняв, что сей жутко занятой дядечка не имеет ни малейшего желания убирать полосатое препятствие, я хмыкнул и, откатив мотоцикл на пару метров назад, вывернув руль,

внаглую объехал злобное «коромысло».

Пыхтящий охранник тут же выкатился из своего убежища, и устремился ко мне с явно недружелюбными намерениями... но замер в двух шагах. По-моему, в его голове никак не укладывался тот факт, что я не собираюсь никуда удирать. Конфликт прописанного алгоритма и реальности, да. Ну как же... «я догоняю, ты убегаешь». Вот мне делать больше нечего, кроме как устраивать кольцевые гонки вокруг здания гимназии... Да и было бы с кем состязаться! Даже если допустить, что сей господин будет использовать воздушные техники, о чем ясно говорят вибрации Эфира вокруг, за Лисенком ему все равно не угнаться... ну, может быть полкруга и продержится, при должном умении, но потом-то все равно отстанет...

— Добрый день. Прошу прощения за вторжение. Не могли бы вы присмотреть за моим мотоциклом, пока я получу разрешение на его парковку на территории гимназии? — Протараторил я, стоило охраннику открыть рот. Тот поперхнулся. — Благодарю. Это очень любезно с вашей стороны.

Широко улыбнуться и линять, пока мой собеседник не пришел в себя от такой наглости.

— Э-э! — Обернувшись на этот многозначительный звук, я снова благодарно улыбнулся и, помахав рукой, ускорил шаг.

— Я вернусь через десять минут с разрешением, еще раз спасибо. — Под смешки учеников, наблюдавших эту картинку, последние слова я почти прокричал и, поправив лямку рюкзака, устремился к главному входу в здание, на ходу стаскивая с головы шлем, рыжий, как и мой мотоцикл.

Административная часть заведения, судя по указателям, находится на верхнем, четвертом этаже, так что, не теряя зря времени, я понесся по лестницам. Единственная заминка случилась, когда я увидел свое отражение в зеркале, пробегая через фойе второго этажа. Всклопоченные волосы, расстегнутая кожаная куртка, мотоциклетный шлем на сгибе локтя, плохиш, да и только. Хулиган и бунтарь... в общем, не совсем то, как должен выглядеть приличный школьник. Не, так дело не пойдет. Сказано же мудрыми: «встречают по одежке...» Надо срочно привести себя в порядок.

Покрутив головой и заметив в двух шагах дверь с характерным обозначением, я решительно ухватился за ручку и скрылся в туалете. Шлем долой, куртку тоже. Вжикнула молния рюкзака и на свет появился скатанный валиком форменный черно-красный френч. Почему именно так? Меньше мнется. Теперь, скоренько разгладить немногочисленные складки разогретыми воздушными линзами, и можно надевать. Куртку свернуть все тем же валиком, и вместе со шлемом, отправить в рюкзак. Снова вжикнула молния, скрывая в недрах сумки мотоциклетные причиндалы. Замечательно.

Повернувшись к зеркалу, окидываю свое отражение критическим взглядом, поправляю белоснежные манжеты сорочки, сверкающие подаренными близняшками запонками в виде герба школы и, чуть пригладив растрепавшиеся лохмы, вываливаюсь из туалета уже вполне себе примерным гимназистом. Вперед-вперед. До начала учебного года осталось чуть меньше часа, и кто его знает, сколько времени займет получение разрешения на хранение Лисёнка на территории школы? А если еще и местная администрация заупрямится?

Администрация предстала передо мной в образе уже виденного мною в прошлый визит, секретаря директора, вот только, тогда я не обратил на нее особого внимания, занятый беседой с начальником учебной части. И зря. Секретарь оказалась улыбчивой статной дамой лет

тридцати, с такими... глазами невероятного изумрудного оттенка и таким чудесно мягким контральто... ой-ёй-ёй! Куда-то меня понесло... не туда, да...

В общем, госпожа Нелидова не стала мурыжить нового ученика и в два движения решила проблему приюта для Лисенка, на все время моей учебы в гимназии. Раз, и под мою диктовку, из «печатника» вылезает голубоватый лист разрешения с номером мотоцикла, два — хлопает печать-автомат. И вот, я уже счастливый обладатель парковочного места за номером сорок шесть. Отлично.

— Благодарю вас, любезная Катерина Фоминишна. — Поклонившись, я прижал к груди полученную бумагу, и госпожа секретарь вдруг разразилась теплым грудным смехом. Заразительным таким, и ничуть не обидным. Я млею.

— Хорошо, хоть Катериной Матвеевной не назвал. — Белозубо улыбаясь, покачала головой женщина. Застываю на миг в ступоре, но, вспомнив, что и здесь имеется своя версия «Белого Солнца Пустыни», улыбаюсь в ответ.

— Ладно, иди уже... «Сухов». А то на линейку опоздаешь. — Махнув ухоженной ручкой в сторону выхода, фемина дает понять, что уединения окончена. Послушно выкатываюсь в коридор. Как-кая жен-щи-на... Я в восторге!

Пришибленным ёжиком скатываюсь по лестницам до первого этажа, никак не реагируя на происходящее вокруг и, миновав двустворчатые двери, оказываюсь во дворе гимназии. Порыв по-осеннему холодного ветра кое-как выбивает сладкую муть из головы и я, тряхнув многострадальным «вместилищем знаний», и чуть придя в себя, уже куда более уверенно направляюсь к пышущему яростью охраннику.

— Ты... — Рычит «хранитель великого полосатого коромысла», но я только радостно и, наверное, глуповато улыбаюсь.

— Вам привет от Катерины Ма... Фоминишны. — Да-а... В который раз убеждаюсь, красота — страшная сила. Охранник тут же хекает и затыкается. Только в глазах вдруг этакая мечтательность проскользнула. Понимающе глянув на моего визави, вздыхаю и, чтобы вернуть охранника из горних высей, куда он, кажется, успел воспарить, нарочито громко откашливаюсь и протягиваю ему бланк разрешения. Тот, на автомате берет листок и, глянув на него абсолютно невидящим взглядом, бездумно кивает... А нет, кажется, зафурычил.

— Сорок шестой... Это, вон там. Видишь, комаровский «вездеход», здоровый такой, черный, сразу за ним и будет сорок шестая площадка.

Я откуда знаю, какой из них комаровский?! Тем более, что на стоянке больше половины джипов, и все здоровые и черные... Хм.

— Не туда смотришь, левее. — Комментирует охранник. Послушно скольжу взглядом в указанную сторону и... беру свои слова обратно. Джипы, вообще, агрегаты не маленькие... но ЭТО! Нет, не лимузин, скорее, горилла. Эдакий одиннадцатиместный монстр, сверкающий черной полировкой и хромом, с огромной хромированной же «люстрой» на крыше, и чуть меньшей на не менее блестящем переднем кенгурятнике. Апофеоз маразма... На фоне сего шедевра польского автопрома, мой Лисёнок будет смотреться, как детский трехколесный велосипед рядом с «жуком».

— Вот это комплексы... — Не удержавшись, бормочу себе под нос, и услышавший меня охранник согласно кивает.

— Не без того... но тут, вообще, у многих такие тараканы в головах бегают, что это... — кивок в сторону гигантского джипа, — даже на эксцентричность не тянет. Так что, имей в виду.

— Спасибо за предупреждение. — Киваю охраннику и, улыбнувшись друг другу, мы расходимся в разные стороны.

Припарковав на отведенном месте свой мотоцикл и, полюбовавшись гротескностью получившейся картинке, отправляюсь на поиски затевающегося представления, под названием: «линейка». Долго рыскать по расположению не приходится. Из-за здания гимназии доносится эхо чьих-то голосов, и Эфир бурлит от присутствия большого количества стихийников. Значит, мне туда.

И точно. Свернув за угол, обнаруживаю скопление френчей и белых блузок с разноцветными манжетами и воротниками. Народ уже разбился на одноцветные группки, но тяги к построению во фрунт пока не выказывает. Значит, время еще есть. Прибиваюсь к компании щеголяющей красными наплечными шнурами, увлеченно флиртующей с будущими одноклассницами... и с невольным неудовольствием отмечаю, что юбки здесь не в почете. За редким исключением, дамы предпочитают строгие брюки. А ведь на дворе почти лето... эх. Хотя-я... Поглядев на будущих одноклассниц и учениц старших классов, прихожу к выводу, что сравнения с Катериной Ма... да что такое, а?! Фо-ми-ни-шной, вот. Так вот, конкуренции с госпожой Нелидовой ученицам гимназии не выдержать... Разве что, пара-тройка выпускниц еще как-то, где-то... остальные же, пока не доросли. Впрочем, полагаю, это временно...

За проведением сего анализа, я и не заметил, как толпа вдруг взбурлила, и очнулся лишь в тот момент, когда один из будущих одноклассников предупреждающе толкнул меня в бок. Выстроившись в подобие строя, внимаем директору, радостно объявляющему о наступлении нового учебного года. Началось.

Глава 2. Сделал гадость, сердцу радость

Класс, с которым я вынужден буду провести следующие три года, если, конечно, меня раньше из гимназии не выпрут, оказался невелик. Всего шестнадцать человек, при полном гендерном равновесии. Я было подумал, что это школьная традиция, но нет, в остальных классах такого равенства вроде бы нет. Значит, случайность.

Все мы новички в этой гимназии, и среди учеников нашей параллели, оказалось не так уж много знакомых. Чаще всего это были либо соседи по кварталу, так сказать, либо, отпрыски боярских детей одного рода. И да, к моему удивлению, в гимназии, оказывается, учатся не только бояричи и боярышни, но и некровные представители именитых родов. Претензия на демократию, очевидно... Хм.

Наш первый «Б» оказался сборной солянкой. Да, здесь были и именитые, но без свиты, и отпрыски боярских детей, но, опять же, без своих покровителей. Выяснилось это на первом же уроке, после проведенной классным руководителем переключки. Собственно, уроком это назвать можно было только номинально, поскольку все время, от звонка до звонка, господин Расторгуев Иван Силыч — наш классный «папа» посвятил знакомству учеников опекаемого им первого «Б» и пространному монологу о гимназии, в которой мы теперь учимся... Кстати, деление классов на первые, вторые и третьи, здесь оказалось не в ходу. Иными словами, в гимназии предпочитали именовать классы младшими, старшими и выпускными. Вот так, пришел в первый класс, а оказался в младшей группе, ха... Хорошо еще, что не в яслях.

— Кирилл... Громов! — Возникший передо мной, наследник Бестужевых хлопнул ладонью по лежащей на краю парты тетради, чем заставил-таки меня отодрать голову от прохладной деревянной поверхности этого эрзац-стола. Открыв глаза, сонно смотрю на невысокого белобрысого паренька, хмурающего выгоревшие брови. Вот только на его подвижное лицо, явно так и лезет ехидная ухмылка...

— Оставь меня, белокурая бестия...

— Ч-чего-о? — Не въехал Бестужев. Тяжело вздыхаю и, вытряхнув из головы остатки одолевшей меня на большой перемене дремоты, откидываюсь на жесткую спинку стула.

— Забей. Чего надо?

— Ничего особенного. — Хмыкает парень. — Скоро звонок, а ты храпишь...

— О. Спасибо, что разбудил, Леонид Валентиныч.

— Не за что, Кирилл Николаич. — Ухмыльнулся Бестужев. — Кстати, ты проспал выборы старосты.

— И? К кому теперь идти со всеми горестями и бедами? — Я вздернул бровь, но, увидев, что Бестужев меня не понимает, перефразировал вопрос. — Другими словам, кто этот несчастный?

— ...

— Издеваешься? — Осведомился я, в ответ на многозначительное молчание Леонида. — С какого перепо... то есть, перепугу?! А меня вы спросили?

— Зачем? — Пожал плечами, не прекращая ухмыляться, Бестужев. — Ты так сладко спал, что мы решили тебя не беспокоить. В общем, держи кристалл. Это тебе классный оставил. И занимай трон.

Поспал на большой перемене, называется... Я обвел хмурым взглядом наблюдавших за нашей беседой одноклассников, но те старательно делали невозмутимые лица, вроде как, они здесь не при делах. Разве что пара девчонок, нет-нет да стреляли глазками в мою сторону и о чем-то хихикали между собой. И это тоже не добавляло мне хорошего настроения.

— Ла-адно... попрыгаем. — Я прищурился и ткнул в Леонида указательным пальцем. — Но потом, чур, не жаловаться. Будете пиццать, но бежать.

— В смысле? — Напрягся Бестужев.

— В смысле, вы сами это выбрали. — Я растянул губы в широкой ухмылке и чуть ли не кожей ощутил, как в классе содрогнулся Эфир.

— Мне кажется, или это действительно прозвучало угрожающе? — Отходя в сторонку, пробормотал Леонид, под скрестившимися на нем взглядами учеников. Поиск крайнего можно считать законченным. Ну и плевать. Не до него сейчас. Кристалл утонул в гнезде и я, не обращая никакого внимания на сгустившуюся в помещении тишину, принялся сливать инфу на свой новый браслет.

Звонок прервал чтение «памятки старосты» на самом интересном месте... Нет, я не из тех, кто наслаждается чтением параграфов и подпунктов, просто, эта информация, была необходима

для объяснения всей глубины допущенной моим одноклассникам ошибки, и тут такой облом... В прямом смысле этого слова!

Вошедший в кабинет дядька отличался габаритами матерого медведя... а уж пенсне на его бородатой физиономии, выглядело и вовсе комично. И это наш «математик»? Да он же рывкнет, полкласса сдует!

Ненавижу алгебру. Знаю, помню и от этого ненавижу ее еще больше... Вздыхнув, вслушался в рокошующий голос учителя и, поняв, что еще немного и сдохну от тоски, вернулся к чтению памятки старосты.

К последнему уроку, план был готов и, едва учитель покинул класс, я потребовал внимания.

— Итак, господа одноклассники, раз уж вы повесили на меня обязанности старосты, получайте. В соответствии с правилами гимназии, я, как староста, должен следить за успеваемостью в классе, морально влиять на ленивых, и помогать отстающим. Во исполнение этой обязанности, объявляю: отныне, каждый из вас, утром, перед началом занятий будет сбрасывать мне на почту информацию о выполненной домашней работе. Специально замечу: не сами работы, а только сведения об их готовности.

— Зачем? — Бестужев и здесь оказался самым шустрым.

— А я эти данные буду учителям предоставлять, чтобы они не тратили драгоценное учебное время, поднимая тех, кто будет по-коровьи мычать вместо того, чтобы продемонстрировать выполненную работу. Какие оценки ждут забивших на «домашку», ясно? — Я улыбнулся. Леонид дернулся.

— Своих подставляешь... Кирилл. — Пропела сидящая за первой партой девчонка, отвлекаясь от доводки ногтей пилочкой. Эдакое брюнетистое чудо с большими наивными глазами... Верю-верю.

— Ну, начнем с того, что степень моего «свойства», так сказать, вы замечательно и очень наглядно показали на большой перемене. — Вздыхнув, я выжидающе уставился на Бестужева.

— Хм, Кирилл... может быть, договоримся? — Оправдал мои ожидания «белокурая бестия». И куда только подевалась его хитрая ухмылочка?

— Я открыт для диалога. — Развести руками и улыбнуться. Улыбнуться, а не оскалиться, я сказал!

— Замечательно. Для начала, позволь объясниться. Я согласен, наш класс поступил опрометчиво, исключив тебя из процесса обсуждения кандидатур на должность старосты. — Начал витийствовать Леонид, поддерживая славу Бестужевых, как прирожденных дипломатов. — Но поверь, в этом не было злого умысла. Скорее, просто неудачная шутка.

— Хм... То есть, это не было подставой? — Уточнил я.

— Что ты, конечно, нет. Правда? — Повернувшись к классу, повысил голос «переговорщик» и четырнадцать человек поддержали его согласным гулом и кивками. Какие умные дети... Мигом все осознали.

— Что ж, тогда я, наверное, должен извиниться за свою резкость...

— Нет-нет, Кирилл, ты был в своем праве, шутка и впрямь получилась... не веселой. — Тут же ответил реверансом на реверанс Леонид. — Это нам впору извиняться. Мы бы могли провести новое голосование, но, сожалению, учебная часть уже уведомлена о назначении старосты, и столь скорая замена...

— Негативно скажется на репутации всего класса. Согласен. Переигрывать поздно. Что ж тогда закончим расшаркивания и перейдем к конструктиву. Чтобы не ставить класс в неудобное положение перед учителями, я согласен исполнять обязанности старосты до следующего триместра, при условии должной поддержки с вашей стороны.

Облегченный вздох... и острый, явно ожидающий неприятностей, взгляд Леонида, стали мне ответом. Правильно ждешь, белобрысый. Уверен, идея с моим назначением, твоих шаловливых ручек дело.

— Но? — Не выдержал Бестужев.

— Но поддержка должна быть действительной, а не номинальной. Староста ведь не просто так мешает жить. С него, то есть теперь уже с меня, за отсутствие результатов, учителя будут стружку снимать. Отсюда вывод: меньше дергают меня, меньше достается вам.

— Что ты предлагаешь? — Брюнетистому «чуду», внимательно слушавшему наш с Бестужевым диалог, явно надоело ходить вокруг да около. Да и остальные ученики уже начали ерзать.

— Две вещи. Первое: вы выбираете мне заместителя, который, помимо того, что снимет часть нагрузки, в следующем триместре сменит меня, например, Леонид замечательно подойдет. Второе: для демонстрации учителям нашей активной позиции, каждый ученик в классе должен выбрать себе факультатив.

— Че-его? — Не знаю, кто сказал, но человек этот явно выразил общую мысль всего класса.

— Да что хотите. Хоть модели кораблей клейте, хоть на пальцах вышивайте, хоть личную жизнь древних поэтов исследуйте. Главное, чтобы у каждого нашлось дело, и учителя не трепали мне нервы внеклассными занятиями. Или вы хотите, чтобы нас дергали на все школьные мероприятия? Лично мне совсем не улыбается мотаться после уроков по городу, изображая массовку при театральной студии.

Надо ли говорить, что в обмен на отмену «засады» с домашними работами, класс, в единодушном порыве принял оба моих предложения, невзирая на протесты нашего «дипломата»? Проголосовали, что называется одним пакетом... А уж какими глазами смотрел на происходящее сам Бестужев, м-м... Ам-матор!

Глава 3. Не ошибается только тот, кто ничего не делает

Пока шел к выходу из школы, я успел немного успокоиться. Да, выходка одноклассников меня не порадовала, равно как и полученный статус. А уж Бестужев... хореk пронырливый, так и вовсе вызвал серьезное желание пересчитать ему ребра. Но больше всего, бесила не столько сама подстава, сколько время, которое потребует от меня новая должность. Время, которое я мог бы потратить с куда большим толком... Ну, Бестужев...

Я вздохнул и взялся за дверную ручку. Открыв дверь, я уже было шагнул за порог школы, как со спины пахнуло опасностью. Ускорение, рывок в сторону, и пролетевший мимо воздушный

удар, ушел в распахнутую дверь. Хорошо, что за ней никого не было. Интересно! У кого мозгов хватило стихийными техниками тут разбрасываться?! Да еще и без предупреждения? Кто этот мечтающий о смене школы идиот?

Не выходя из ускоренного режима, оборачиваюсь и, словив волну раздраженного недоумения пополам с яростью, аккуратно подхватываю своего новоявленного помощника. Зафиксировав Бестужева, замедляюсь и, улыбнувшись дернувшемуся от неожиданности и боли в заломленной кисти руки пареньку, уверенно выволакиваю его на улицу. Со стороны, это почти незаметно, но Бестужев даже дернуться толком не может. А потому, ему не остается ничего иного, как шипеть от ярости и боли, но ковылять рядом.

Завернув за угол, подальше от любопытных глаз расходящихся по домам школьников, отпускаю руку новоявленного заместителя старосты и, не дав даже вздохнуть, вцепляюсь пальцами ему в ключицу.

— И что это было, господин Бестужев? Вам жить надоело?

— Ы-ы... — Мой противник бледен, а на ресницах уже блестят слезы. Да, больно... А на какое еще обращение может рассчитывать нападающий со спины придурок? — О-отпусти.

— Чтобы ты снова попытался всадить мне что-нибудь убойное в затылок? — Усмехаюсь, но, заметив «поплывший» взгляд Леонида, все же расслабляю пальцы. Болевой шок мне здесь совсем ни к чему. — Итак. Я внимательно тебя слушаю. — Молчит, собака. Трет плечо и молчит...

— Так, понятно. Обиделся маленький, что кто-то его игру испортил, да? Не дали самоутвердиться за счет одноклассника?

— Да что ты понимаешь?! — Вскинулся Бестужев, заслышав презрительные нотки в моих словах. — В классе, половина боярских детей без покровителей... А ты со своими выходками... Ста-ароста.

— Твою дивизию, и из-за такой херни, ты меня едва в больницу не отправил? Дебил! — Я чуть не сплюнул с досады. — Сила в жопе заиграла, решил меня уронить, чтобы авторитет свой поднять? Так ты, придурок, его сейчас вообще в унитаз спустил. А если я сейчас запись в администрацию скину?

Бестужев вдруг резко побледнел и охнул. Скорость с которой его ярость уступила место пониманию, меня удивила. Очень. Не человек, а калейдоскоп какой-то!

— Опять не подумал. Опять! — Пробормотал он, и с каким-то остервенением сам себе заехал кулаком в лоб. Потом поднял на меня взгляд, и заговорил уже совсем другим тоном. — Кирилл, извини. У меня... я... в общем, меня там за эту шутку дурацкую, чуть не разорвали... Вот я и взбеленился. Спускаюсь по лестнице, а там ты... вышагиваешь. Вот я и... не подумал, в общем. — К концу своей речи Бестужев совершенно смутился и закончил говорить чуть ли не шепотом. Искренне смутился, уж я-то чувствую! Да, черт, ему же стыдно! Ребенок, етить коромысло...

Мне стало не по себе. Посмотрел на кривящегося от боли паренька и, вздохнув, ткнул его в пару точек, снимая последствия своего захвата. Лицо Бестужева тут же разгладилось, и он удивленно охнул.

— Прошло...

— Ясен пень. Готов слушать? — Хмуро спросил я. Леонид кивнул. — Тогда так. На нападение я глаза закрою. Один раз. Попробуешь повторить, так легко не отделаешься.

— Понял... — Тихо вздохнул Бестужев.

— Дальше. Пахать, господин заместитель, будешь, что тот конь в страду. Возражения?

— Нет. — Леонид испустил вздох еще печальней предыдущего. — Я и так увиливать не собирался.

— Еще лучше. Так, глядишь и вытащишь себя из той... лужи, в которую сел. Если потрудишься на совесть, глядишь, одноклассники сами за тобой пойдут. Тем более, что тут я тебе не конкурент, мне до этих ваших боярских заморочек и игрищ с будущими вассалами, дела нет, от слова «совсем». Не интересно. Говорю один раз, и больше повторять не буду. Усек?

— Да. — Кивнул Бестужев и вдруг плеснул любопытством. — Значит, это правда?

— Что? — Не понял я.

— Ну, что ты изгнанный? — Замявшись, проговорил Лёня.

Не понял.

* * *

Сидя на заднем сиденье отцовского «вездехода», Леонид вспоминал события первого дня в гимназии и озадаченно хмурился. По недолгому размышлению, Бестужев-младший понял, что вел себя как... как ребенок, и осознание этого факта, больно ударило по самолюбию наследника рода.

Да, его попытка вырваться в первый же день в лидеры класса, оказалась неудачной... да что там, провальной! Ну, что стоило подумать о последствиях заранее, прежде чем назначить Громова козлом отпущения? А всё, эта неосторожность и бездумность, в которой его так часто упрекает отец. Сначала думай, потом делай, так он говорит. Вот только, у Леонида это получается не всегда... И результаты, обычно бывают соответствующие. Вот, как сегодня, например. Хорошо еще, что Кирилл оказался не такой уж сволочью... по крайней мере, дальше угроз дело не пошло... Тут, Леонид с ужасом представил, в какой кошмар превратили бы одноклассники его жизнь, если бы обманом назначенный на должность старосты, «изгнанник» Громов воплотил свою угрозу по поводу проверки домашних заданий... Стоп-стоп-стоп! Слух об изгнании Громова — ложь, и Кирилл легко это доказал. Аргумент был прост как две копейки и абсолютно неотразим. Леонид мысленно поблагодарил отца за вбитую в сына привычку писать всё, вся и всегда, и включил запись разговора с Громовым во дворе.

— Кто тебе сказал эту чушь? — Недоумение в голосе Кирилла было абсолютно неподдельным, уж тут Леонид был уверен. Недаром тренировался с утра до вечера в Эфире. Отец говорил, что с его умениями, он даже начинающего гридня «прочесть» сможет. И у Леонида не было оснований сомневаться в этих словах. Старший Бестужев всегда был весьма скуп на похвалы...

— Э-э... да так, слышал от кого-то на большой перемене. — Заметив, как он суетливо выглядит, вот так вот пожимая плечами, Бестужев недовольно скривился. Несolidно.

— М-да... — Громов, от удивления, даже не обиделся на «изгнанника», но, после недолгого

молчания, все-таки решил объяснить, выдав тот самый аргумент. — Ты головой-то подумай, Леонид. Совет попечителей гимназии состоит из бояр. И что, они позволят принять сюда изгнанного?

— О-о... О-оо! — До Бестужева дошел весь идиотизм такого предположения, и он хлопнул себя ладонью по лбу. И почти тут же задумчиво проговорил. — Хм... Кирилл, но если всё так, то у тебя проблемы. На пустом месте такие слухи не появляются, и без последствий не обходятся. Я это точно знаю...

Хм. А эту информацию можно было бы и придержать... Тут Бестужев остановил запись и задумался. А действительно, стоило сообщать Громову свои выводы?

Взвесив все «за» и «против», наследник Бестужевых, все-таки пришел к выводу, что поступил правильно. Может быть, сохранение этой информации при себе и способно было принести в дальнейшем какие-то дивиденды, но... отец, помимо прочего, учил его такой вещи, как умение быть благодарным, и правильно эту самую благодарность выражать. И предложение Громову своих выводов в данном случае, он мог считать вполне адекватным ответом на действия Кирилла. В конце концов, тот совсем не обязан был спасать и без того подмоченную давешней шуткой репутацию Леонида. Да и в том, что Громов вполне мог устроить показательную порку в фойе гимназии, вместо того, чтобы разобраться с нападавшим в приватном порядке, Леонид не сомневался. Равно как и в том, что после такого завершения учебного дня, ему не осталось бы ничего иного, кроме как уведомить отца о своем переходе в другую школу. В общем, легко отделался... Бестужев-младший побарабанил пальцами по украшенному вставками карельской березы подлокотнику, и снял запись с паузы.

— Может, ты и прав, Лёнь. Спорить не буду... — Протянул Громов, в ответ на заключение Бестужева. — Но пока, это только твое предположение. Будут доказательства, буду копать. А сейчас... не хочу разбрасываться. У нас теперь, и без слухов дел неуворот будет.

— Ты про обязанности старосты?

— И его заместителя. Кстати, вот тебе первое задание. Пока ребята будут ломать головы над факультативами, поговори с ними. Кто чем увлекается, кому что нравится... глядишь, и поможешь определиться с внеклассной работой. Опять же... авторитет свой многострадальный чуть поправишь...

Бестужев покивал, одновременно с собой же на записи. Но, когда его видео-двойник открыл рот, чтобы задать собеседнику какой-то вопрос, тот вдруг скривился и, извинившись, активировал один из двух своих браслетов. На этом, собственно их беседа и закончилась. Леонид не стал дожидаться, пока Кирилл договорит со своим абонентом, кивнул, молча прощаясь и, получив такой же кивок в ответ, устремился к уже ожидающему его у ворот отцовскому «вездеходу», на ходу отключив запись разговора.

Глава 4. Кто о чем, что почему...

Бестужев несколько секунд бездумно смотрел на пиктограмму свернувшейся записи, после чего вздохнул и, отключив экран, вновь сосредоточенно забарабанил пальцами по подлокотнику.

Действительно, никто не примет в эту гимназию отщепенца. И отец не мог этого не знать. Но тогда возникает другой вопрос, зачем он предоставил Леониду заведомо ложную информацию?

И откуда эти слухи в школе... Впрочем, второе пока можно отставить. А вот первый вопрос...

Леонид тихо застонал. Наверняка, это был еще один из «неожиданных» экзаменов отца. Очередная проверка на сообразительность, которую Бестужев-младший феерично, с грохотом и помпой, провалил! Замечательный день, просто великолепный...

Ученик первого «Б» класса высшей гимназии имени Святого Равноапостольного князя Владимира, Леонид Валентинович Бестужев уставился невидящим взором в спинку сиденья водителя, но уже через несколько минут встрепенулся. Он просто не умел подолгу пребывать в одном и том же состоянии. Вот и сейчас, меланхолия вызванная ожиданием выговора от отца, сменилась деловитостью, с которой Леонид принялся систематизировать всё произошедшее за день, старательно выискивая все ошибки, свои и окружающих. От нудной отцовской лекции, это его, конечно, не избавит, но если Леонид сам перечислит все свои косяки, батюшка вполне может сменить гнев на милость, и обойтись без наказания нерадивого чада... Ну а нравоучения, дело привычное. Выдюжит.

* * *

Я хотел было толкнуть Леониду еще пару идей-заданий для наших одноклассников, но в этот момент мой старый браслет дал о себе знать.

— Кирилл, ты где? — Мила, или Лина? Хм... Вот ведь как интересно получается, когда я их вижу вдвоем, то отличить одну близняшку от другой, не составляет никаких проблем, а вот когда передо мной лишь одна из них, определить которая именно, дело совсем не простое.

— Тебя здороваться не учили? — Отвечаю на молчаливое прощание Бестужева, и тот, махнув рукой, тактично сваливает.

— Да-да. Привет. — Нарочито активно машет рукой кузина на маленьком экране. — Так, где ты есть? Занятия окончены, и кто-то обещал нам сегодня первую тренировку!

— Ну, раз обещал... Буду дома через четверть часа. Подъезжайте.

— Будем с нетерпением ждать тебя на конюшне. — Фыркнуло изображение и погасло. Вежливые у меня кузины, что тут скажешь. Особенно, Лина.

Хмыкнув, я сменил френч на куртку и, подхватив вытащенный из рюкзака шлем, отправился на стоянку, за своим Лисёнком.

Промчавшись по боярскому городку, я вылетел на Стромьинский тракт и, прибавив ходу, помчался в сторону Каланчовой площади. Не доезжая Алексеевских рядов, свернул к Полевым переулкам и уже через три минуты въехал на «свою» просеку. Затормозив у распахнутых ворот, я снял шлем и, хмыкнул, глядя на маячащую в проеме, обширную задницу очередного черного «вездехода», блистающую хромированным бампером. Госномер, прячущийся от этого блеска в тени специальной ниши, явственно намекал на принадлежность рыдвана громовскому гаражу. Кто бы сомневался...

Вдоволь налюбовавшись почти закупорившим въезд джипом, я чуть поддал газу и, вильнув, четко вписался меж автомобилем и воротным столбом. Ну, а что крыло этому мастодонту поцарапал, так это, право же, такие мелочи. Пусть даже водителю джипа так и не кажется. Ишь, как зыркает... Ну, так думать надо было, прежде чем идти на поводу у близняшек и ставить машину так, как они говорят. Только вежливость осветит гостю путь к сердцам

хозяев... Ха.

Честно говоря, я бы ничуть не удивился, если бы по приезду обнаружил сестер, всю шарящих по моему дому, не взирая на официальное отсутствие у них ключей. Но нет. Загнав Лисёнка во двор, я увидел кузин, сидящих эдаким куцым рядочком на ступеньках маленького крыльца у дверей в сени. При моем приближении, эти наряженные в шортики и маечки, юные особи подскочили, словно ошпаренные...

— Рядовой Громова прибыла для прохождения службы. — Одинаково выгнув грудь колесом, в один голос заявили близняшки. Ха, зря стараются. После видов декольте Катерины М-Фоминишны... м-м, в общем, у них нет шансов. Ни одного...

— Прибыла, значит... Хорошо. — Протянул я. Тогда, слушай первый приказ, рядовой Громова. Пятнадцать кругов вокруг расположения. Бегом марш!

И, не дожидаясь их реакции, шагнул на крыльцо. Отперев дверь сеней, я хотел было уже двинуться в дом, но раздавшийся из-за спины голос, заставил развернуться.

— Зачем? — Это Лина, вон как пыхтит.

— Рядовой Громова! Что за вопросы-на?! Команды говорить не было! Три наряда вне очереди. Вперед, к здоровью, бегом марш. Двадцать кругов.

— Кирилл! — Чуть ли не зарычала Лина. Ах, так? Пробежать каких-то четыре километра, влом?

— Не хотите по-хорошему, будем по-плохому. — Я пожал плечами и повернулся к охраннику, игравшему роль водителя. — Подавители где?

Через секунду, больше похожие на обычные спортивные «напульсники», хитрые артефакты защелкнулись на правых запястьях сестренок. Отбиваться они не стали. В условиях договора, такие ограничители были прописаны, так что дело ограничилось недовольным фырканьем и моим выразительным стуком по мигающей руне фиксатора на браслете. Запись занятий, по тому же договору, я должен отправлять на почтовый ящик деда. Не знаю уж, что он там хотел увидеть, но, как оказалось, в качестве стимулирующего воздействия на строптивых красавиц, такое напоминание тоже годится.

Убедившись, что ограничители действуют, я удовлетворенно кивнул и ткнул пальцем в сторону ворот.

— Уже двадцать пять кругов. — Уточнил я. Сестры смерили меня недовольными взглядами, но поплелись-таки на выход. Ну уж нет, так дело не пойдет. Мне здесь черепахи не нужны!

Сформированные мною, вращающиеся воздушные диски ткнулись плоскостями в ягодицы сестер, и те, взвизгнув и опалив меня горящими жадой убийства взглядами, помчались во всю прыть. А куда им было деваться? Подавители не дают воспользоваться стихийными техниками, снять их раньше чем через два часа, смогу только я. Отбиваться же от воздушных дисков-обжигалок эфирными техниками... так у барышень таковых в арсенале нет... В общем, пущай полетают...

Территория клуба не так велика, так что спустя двадцать пять минут, кузины пробежали свою честно заработанную «пятерку» и ввалились во двор. Походили, отдышались... Вот, вроде бы и злости в глазах поубавилось, да... Правда, вместо нее, там появилось что-то другое. И сверлят меня взглядами, и сверлят... Хм.

Внимательно осмотрев себя, я наткнулся взглядом на надкушенный многослойный бутерброд в руке, вооружившись которым, я и следил за бегуньями, удобно устроившись на крыше дома. А! Так они голодные! Ну, это мы поправим.

— Рядовой Громова, слушай мою команду. — Спрыгивая с крыши, улыбнулся я чуть запыхавшимся сестрам. — В наряд по кухне заступить!

— Че-его? — Опешили сестры.

— Не «че-его», а «так точно». — Воздев указательный палец в небо, поправил их, и вздохнул, увидев абсолютное непонимание во взорах. Пришлось пояснять. — Жрать хотите?

Сдвоенный кивок в ответ.

— Ну так, вперед на кухню. Холодильник и плита в вашем распоряжении. — Я махнул рукой в сторону дома и сестры сорвались с места. Только пыль столбом. В доме что-то загрохотало, зазвенело, потом хлопнуло и...

— КИРИЛЛ!!!

— О, да. — Я расплылся в довольной улыбке. Ну а что? Зря я, что ли, на рынок ходил? Подмигнув, ошалевшему от звукового удара охраннику, я потопал в дом. Миновав сени, прошел в общую комнату и, склонив голову к плечу, довольно хмыкнул. Сестры стояли у распахнутой двери холодильника, всем своим видом изображая вселенскую печаль и обиду на весь мир.

На полке холодильника лежал одинокий пакет с брокколи. Они ненавидят брокколи. Сколько гневных од и уничижительных эвфемизмов высказывали близняшки, когда в имении к обеду подавали сей продукт. Сколько скандалов и сожженных в приступах ненависти скатертей, вызвала эта капуста. У-у!

— Сожалею, барышни, но ничего другого, у меня для вас нет. — Я развел руками, и капелька кетчупа, сорвавшись с моего бутерброда, упала на пол, точно между нами. — Кхм.

— А это откуда? — Гневно сощурившись, прошипела Лина, кивая на еду в моей руке.

— По дороге купил. — Лучезарно улыбнувшись, признался я.

— У-убью-ю!!! — Какой дуэт! Какая экспрессия! Ну, просто прелесть... А теперь, ходу во двор!

Глава 5. Злой, язвительный и мстительный... одним словом, настоящий учитель

А я бегу-бегу-бегу по гаревой дорожке... Хм. Кстати, надо будет озаботиться дорожкой вдоль забора... Все удобнее, чем по кочкам прыгать. Так, а что это мои сестренки отстают? Непорядок.

Оглянувшись на бегущих следом за мной близняшек, машу им рукой. Во-от, другое дело, сразу прыти прибавили. Ну, теперь и я могу чуть-чуть ускориться... Еще кругов пять, и можно приступать к работе...

Бежим-бежим, девочки. Не отставать. Выдавая импульс за импульсом в Эфире, я тащил сестер за собой, словно на буксире. Злость у них давно прошла, и двигались барышни на чистом упрямстве, постепенно уступающем место автоматизму. То что надо. Скорость понижай, и

начали...

Импульс, еще один, поймать ритм... В такт шагу. Ступня касается земли, импульс в Эфире, ступня, земля, импульс. Удар-импульс... держим темп, держим. Во-от, выравниваем дыхание... еще чуть-чуть. Есть. Всё, они в трансе. Получилось. Ура! Ну, и чем я хуже Гаммельнского крысолова? Правильно, я не хуже, я лучше. Тот придурок крыс водил, а за мной вон какие девчонки бегают... сволочи, правда. Но это лечится.

Постепенно, все так же используя эфирные импульсы, замедлил ход до шага и, как по ниточке привел сестер во двор. А сколько удивления во взгляде охранника... Ну да, зрелище то еще. Глаза у девчонок закрыты, движения мерные, неестественно согласованные. Пугающая картинка, что уж тут...

Отмахнувшись от высунувшегося из окна «вездехода» водителя-бодигарда, веду учениц на свой мини-полигон, уже даже не подправляя импульсами скорость и направление движения. Сами за мной идут, словно загипнотизированные. Впрочем, почему «словно»? Это и есть гипноз. Ну, почти...

— Сели. — Подкрепляю слова соответствующим старательно контролируемым посылом в Эфире. Усаживаюсь наземь, сложив ноги «по-турецки». Есть контакт. Близняшки садятся на песок, повторяя мои движения. Так, теперь надо заставить их чуть-чуть «всплыть», и можно начинать учебу. Понеслась!

В чем проблема всех стихийников, почему их способность к оперированию Эфиром начинает развиваться по-настоящему, лишь, когда они достигают своего «потолка» в управлении родной стихией? Отец считал, что ответ на этот вопрос лежит в области чувственного восприятия одаренного. Ведь, что такое стихийные техники? Это, пропущенная одаренным через себя, преобразованная его разумом и волей энергия все того же вездесущего Эфира. И первая сложность при создании эфирных техник возникает у одаренного от того, что его тело и разум, привыкшие преобразовывать энергию Эфира в родную стихию, пытаются действовать тем же путем, когда это совсем не требуется.

Именно победой над своевольным телом и разумом мы сейчас и занимаемся. Способность к оперированию техниками у сестер перекрыта, но это не значит, что они не могут пропускать эфир через себя. Я же, проконтролирую, чтобы, вбирая энергию, они выплескивали не огонь, а все тот же эфир. В трансе, сделать такой фокус куда проще, чем сходу добиться осознанного контроля над течением энергии. Отец, помнится, именно так меня и учил, когда ему надоело, что я, вместо ровного потока Эфира, выдаю легкие порывы ветра. И ведь сработало. Разум, привыкший в трансе абстрагироваться от текущей через тело энергии, в конце концов, перестал пытаться сходу преобразовывать ее в родную стихию. Да и в моих «прежних» воспоминаниях, транс был действенной частью обучения новичков, правда, тогда у нас не было таких проблем с неосознанным преобразованием энергии, собственно, как не было и всех этих стихийных заморочек. Но цель обучения была та же: я старался «сроднить» своих учеников с прививаемыми умениями. Так и тут. Надо? Выдал стихийную технику. Нет? И через тело течет ровный поток Эфира. Как-то, так.

Два часа спустя, вывожу девчонок из транса, и они тут же заваливаются друг на друга. Ну, тут уж ничего странного. Вымотались они сегодня до предела. Ладно, в первый раз всегда трудно. Это я по себе помню, да и кое-какие из моих учеников могли бы подтвердить. Из тех, у кого был дар, и кому я достаточно доверял, чтобы обучать «несуществующим штукам», вроде отвода глаз и прочего «мракобесия».

— Пруд за вашими спинами, халаты на веранде. У вас есть четверть часа, чтобы привести себя в порядок. Следующее занятие, в понедельник. Всего хорошего. — И, пока близняшки хлопают глазами, я, стараясь держать спину прямо, поднимаюсь с песчаного покрытия площадки и, засунув руки в карманы, чтобы скрыть дрожь, ухожу в дом.

Запершись в доме, я доплелся до ванны, наскоро принял душ и, не обращая никакого внимания на тарабанивших в двери сестер, кое-как перебрался в спальню и, рухнув на постель, с наслаждением зевнув, отрубился. Не только ученикам тяжело дается первый урок.

Проснувшись утром, отдохнувший и довольный жизнью, я принял душ и, с сожалением покосившись на измятые брюки и посеревшую сорочку, которые я вчера не успел сменить перед тренировкой, полез в шкаф за чистой одеждой.

Покрутившись по дому, заглянул в холодильник и, вспомнив вчерашнее шоу, отправился в подсобку. Откинув в сторону кучу ветоши, сваленной в дальнем углу этой маленькой комнатки, я хмыкнул. Вовремя. Энергия десятка кристаллов, из комплекта, купленного мною недавно в Алексеевских рядах, за сутки почти иссякла, и запитанный от кварцев воздушный пузырь еле-еле держал нужную температуру. Полюбовавшись на затейливо расписанную морозными узорами полусферу метрового диаметра, чуть искрящую в лучах света льющегося в распахнутую дверь подсобки, я осторожно отключил почти сдохшие кристаллы и... легко хрустнув, узорчатая полусфера рассыпалась снежинками, чтобы тут же взвиться вверх небольшим искрящимся облаком, тающим, исчезающим прямо на глазах. Красиво.

Вздохнув, я вернул продукты, спрятанные мною от сестричек, в холодильник и, сварганив себе быстрый завтрак из чая с лимоном и бутербродов с сыром, помчался в школу, радуясь, что сегодня пятница, и завтра — выходной.

Школа-школа... Лисёнок миновал въезд, под моментально взлетевшим вверх шлагбаумом. Охранник сегодня был другой, но... вот, что пропуск животворящий делает!

Запарковав рыжего рядом все с тем же гигантским джипом, принадлежащим некоему Комарову, я сложил свои мотоциклетные причиндалы в рюкзак и, тут же, не сходя с места, облачился в «уставной» френч. Вот, теперь я готов к труду и обороне. Где этот булжик науки, подать сюда, я его грызть буду!

— Кирилл! — Я покрутил головой и, заметив шагающую в мою сторону сестру, демонстративно постучал по браслету... левому. Дескать, время-время, цигель-цигель ай-лю-лю...

Не, не понимает. Подхватила под руку и повлекла меня несчастного, в холодные подва... а, собственно, куда это меня так вежливо тащат? И с какого перепугу?

— Стоп, Мила. — Влив энергию и, «вцепившись» ногами в асфальт, застыл на месте. — Куда ты меня так настойчиво ведешь?

— В класс. — Неожиданно зло рявкнула кузина, тряхнув локонами.

— Хм. Понятно. Но... я, как бы, и сам прекрасно могу дойти. — Пожав плечами, я позволил сестре сдернуть себя с места и, перехватив инициативу, решительно двинулся вперед. — В чем дело, Мила?

— Ну... а как ты догадался, что это я? — Невпопад ответила кузина. Это что, она, таким образом, пытается тему перевести?

— Слишком серьезная. У Линки такого умного выражения лица сроду не было. — Вздыхнув, пояснил я, не забывая поглядывать по сторонам... и чем больше глядел, тем больше мне не нравилось происходящее. На нас пялились. Не смотрели, нет. Именно пялились, провожая взглядами, пока мы шли через фойе, по коридорам, поднимались по лестницам... И Эфир бурлил эмоциями, разными... но чаще всего проскальзывало удивление, непонимание и... неприязнь. Хм? — Мила... а что здесь происходит?

— Ничего. — Сестра отвела взгляд.

— Ну-ну... Ладно, сам разберусь. — Пробурчал я.

А когда мы остановились у входа в мой класс, кузина и вовсе вогнала меня в ступор. Отпустив руку, она нервно улыбнулась, «клюнула» в щеку и, растрепав мою, и без того пребывающую в хаосе, прическу, проворковала что-то по поводу удачного дня и хорошей учебы. После чего, развернувшись и поплыла куда-то по своим старшеческим делам. И... что это было?!

Постаравшись сохранить невозмутимое выражение лица, я окинул беглым взглядом заполненный учащимися коридор и, вздохнув себе под нос: «охренеть, не встать», направился в класс.

Правда, для этого мне пришлось отодвинуть стоящего в дверном проеме Бестужева.

— Хороший ход. — С самым задумчивым выражением лица проговорил Леонид и, тут же встрепенувшись, кивнул. — Привет, Кирилл.

— Здорово. — Я пожал Бестужеву руку и, окинув его настороженным взглядом, спросил. — Тебе что-то известно... об этом?

— Кхм... Скажем так. У меня есть предположения. Но они подождут до большой перемены. А пока, взгляни на список факультативов. Я тут пробежался по ребятам, набрал кое-какие варианты, но есть затыки... Что-то не подходит для внеклассной работы, кое-что слишком специфично и не встретит понимания у учителей... В общем, глянь. Может, что посоветуешь?

Ой, ма-а-а! Посадил себе на шею «энтузиаста»...

Глава 6. Театр начинается с вешалки... вешайтесь

Мила, шатаясь, подхватила падающую от усталости сестру под руку и, стараясь не обращать внимания на шум в голове, двинулась в указанную этим... чудовищем, сторону. Шум в голове? А, это Линка что-то бормочет... Мила попыталась прислушаться, но мозг совершенно отказывался расшифровывать издаваемые ею звуки.

Добравшись до пруда, сестры кое-как стянули с себя запыленную, покрытую грязными разводами одежду и, не сговариваясь, дружно рухнули в теплую воду. Прудик оказался невелик, но на то, чтобы сестры смогли с комфортом устроиться в воде, места хватило.

Постепенно, головная боль ушла, а тело перестало стонать от усталости... почти... Мила открыла глаза и тут же зажмурилась от полоснувшего по ним солнечного луча.

— О, проснулась! — Слабым, но уверенным тоном проговорила Линка и окатила сестру водой. — Выбирайся давай, пойдем этого... гипнотизера хренова пинать.

— Пинать? — Вновь открывая глаза, отозвалась Мила и, выбравшись на тиковый бортик пруда, не вставая на ноги, окинула сестру изучающим взглядом. — Да, мы его сейчас отпинаем... ты на себя посмотри! Бледная, дрожишь и... тушь потекла. Чем ты его пинать собралась? Грудью? Так, не выйдет. Мягкая, пружинить будет.

— Милка, ты чего! — Лина присела на корточки рядом с валяющейся на бортике сестрой и, обеспокоенно заглянув ей в глаза, попыталась пощупать лоб. Схлопотала по рукам и надулась.

— Шестнадцать лет, «Милка»! — Нахмурившись, проговорила та, даже не делая попыток подняться на ноги. — А ты дура. Не поняла еще? Это он после медблока с катушек съехал. Не знаю, откуда у него эти умения, но он же, сейчас, хоть тебя, хоть меня, хоть Лёшку на тот свет отправить может. Гипнотизёр... представь, что он вот так вот тебя загипнотизирует и под ближайший грузовик шагнуть уговорит, или с крыши сигануть...

— Ну уж... это вряд ли. — Неуверенно покачала головой Лина. — У меня же голова на плечах имеется.

— Ага. Что ж ты, тогда, за ним, как хвостик сегодня бегала? Или понравилось? — Фыркнула Мила. — Нет? Ну так, надо было головой воспользоваться, и остановиться. Хотела? Не получалось? Вот и у меня то же самое. А ты... пинать.

— Слушай, так может это дядькины знания у него... ну...

— Чего «ну»? — Кое-как вставая на ноги, и накинув на плечи протянутый сестрой халат, проворчала Мила.

— Отец говорил, что дядька Николай в эфирных техниках разбирался не хуже, чем дед в огненных. И специализировался на менталистике... Ну, там, внушения, гипноз... — Голос Лины постепенно затих.

— Хочешь сказать, что он своему сыну в голову залез и... вот это вот всё заложил? Бред. — Помотала головой Мила, но, подумав, хмыкнула. — Хотя... Про дядьку я много всякого слышала.

— Ну да. — Обрадовалась Лина. — А еще, отец с Санычем теперь довольные ходят, словно дед обещал еще лет двести прожить и их от дел отстранил.

— А это здесь причем? — Удивилась Мила.

— Так, ведь они в таком состоянии пребывают с тех пор...

— Как Кирилл эмансипировался и подписал договор о нашем обучении. — Безэмоциональным тоном договорила Мила за сестру. И встрепелась. — Ой, как мне это не нравится, ой не нравится... Надо потолковать с... ним.

— С ума сошла? — Опешила Лина. — Это ж, Кирилл!

— Вот именно. Внук главы рода Громовых. Наш брат... двоюродный, но брат! — Резко махнула рукой Мила. — И вокруг него идет какая-то нездоровая суета.

— Да какое тебе до этого дело, а?! — Взбеленилась Лина. — Пусть он хоть сдохнет, уродец мелкий! Мало тебе сегодняшнего опыта, хочешь, чтоб он и дальше из тебя куклу делал?

— Прав Кирилл. Ты — дура. — Выслушав гневную филиппику сестры, заключила Мила. — Скажи мне, Малина Федоровна, чем он отличается от нас? Ну, кроме пола и нашей красоты, конечно. Он такой же внук боярина Громова, как ты и я. Где гарантия, что завтра такая же возня не начнется вокруг нас? Или вокруг Алексея?

— Отец не позволит... — Фыркнула Лина.

— И вся разница. — Тихо заметила Мила и, задумавшись на секунду, договорила вовсе почти неслышно. — Вот интересно, а если бы дядя Коля был жив, он бы такое позволил?

Они молча переглянулись, но Лина почти тут же отвела взгляд. Мила вздохнула и, не дожидаясь сестру, пошла к дому Кирилла. Вот только на стук ей никто не ответил.

— А я Инке в школе намекнула, что Кирилла изгнали. — Призналась Лина, когда их машина уже миновала Садовое кольцо...

Мила смерила сестру изумленным взглядом и, хлопнув себя ладонью по лицу, тихо застонала.

* * *

Сопоставляю два момента. А именно, сообщение Бестужева о гуляющих по школе слухах насчет моего изгнания, и поведение Милы. Что получается в итоге? Правильно. Кузина пыталась показать всем и вся в гимназии, что слухи беспочвенны. Но есть один нюанс. Где вторая близняшка? Нету? Почему? Вопрос, какая сволочь назвизз... в смысле, насвистела, больше не стоит. Лина заработала пару-тройку... десятков дополнительных кругов вдоль забора моей маленькой усадьбы и отдых в медблоке.

Я побарабанил пальцами по краю парты, но решил оставить разбирательство до окончания учебного дня. Уроки закончатся, тогда и пойду искать эту засранку. А сейчас, надо заняться школьными делами.

— Леонид, давай вернемся к нашим баранам. Уточни у ребят, кто определился с внеклассными занятиями, что им нужно для начала, сколько места займет это «что-то», и скинь мне результат на почту. После уроков пойду в администрацию, повожу жалом насчет помещений. Сделаешь? — Я поднял взгляд на сосредоточенно бьющего по невидимой для меня клавиатуре Бестужева и тот, на миг оторвавшись от ввода какого-то текста, кивнул, но тут же нахмурился.

— Хорошо, но... А остальные? У нас еще шесть человек не определились.

— Не вопрос, гимназия большая, думаю, и для них место найдется. А сейчас, нам нужно просто засветиться. Так, даже лучше будет. Одно дело, если мы притащим список сразу на весь класс. Учителя не идиоты, точно насторожатся. И другое дело, если проведем нашу тихую диверсию, так сказать, по частям.

— Не понимаю, что в этом такого. — Пожал плечами Леонид, и шум в классе как-то резко стих. Ушки греют, однокашники...

— Ну, сам посуди, Лёнь! Вот, организует гимназия выездное мероприятие и, в приказном порядке назначает «крайних». Из кого будут выбирать?

— Гхм...

— Именно, в первую очередь, на карандаш попадут незанятые в общественно-полезной деятельности, ученики. А у нас уже все расписано. Кстати, есть в классе любители лицедейства? — Ученики переглянулись, пожимая плечами и качая головами. Разве... а что это, наше брюнетистое чудо с большими наивными глазами так зарделось? — Мария свет Анатольевна... Госпожа Вербицкая, вы меня слышите?

— Да. — Выпрямив спину и вызывающе глянув на меня, проговорила та. Угадал! Точно, угадал.

— Поздравляю, господа. В случае, если отвертеться от участия в устраиваемых гимназией театральных постановках, кому-то из нас не удастся, Мария Анатольевна с радостью поможет сему несчастному на пути Мельпомены, дабы не ударил сей сын... или дочь народа своего лицом в...

— Это он сейчас о чем? — Вот, второй раз слышу этот голос и опять не успел засесть его владельца.

— Перевожу на русский. — Вдруг поднявшись со своего места, звонко заявила Мария. — Если попадетесь под гребенку нашей театральной студии, обращайтесь ко мне. Помогу и научу. Хоть столбами на сцене выглядеть не будете.

— А с чего, вообще, такое беспокойство о театральной студии? — Спросил один из учеников. На экране браслета тут же выскочило короткое сообщение от Леонида: «Осип Резанов, из боярских детей рода Смолиных. Первый из младшего поколения рода учится в нашей гимназии». Понятно.

— Осип, а ты читал информацию о гимназии в Паутинке? — Оторвав взгляд от экрана, поинтересовался я. Неужели есть кто-то, кто не знает, что в этой школе лицедейство, чуть ли не профильный предмет? Да девяносто процентов дипломатов заканчивали именно нашу гимназию!

— Ну...

— Мария Анатольевна, просветите господина Резанова о том, куда именно он пришел учиться?

— С удовольствием, Кирилл Николаевич. — Девушка сверкнула белозубой улыбкой и, повернувшись к Осипу заговорила, вроде бы для него одного, но так, чтобы любой в классе мог слушать... даже не выдавая своего интереса. — Наша гимназия по праву считается одной из лучших в столице...

Глава 7. Пора-пора-порадуемся на своем веку...

В связи с моим визитом в администрацию, встречу с сестрами пришлось отложить до понедельника. Все равно ведь на тренировку явятся. Правда, не могу сказать, что меня так уж расстроила эта перспектива. Уж очень не хотелось, после второй встречи с Катериной Ма... вот же привязалось, а! Фоминишной! портить себе настроение, проторившее дорожку на новую высоту и уверенно замершее на отметке: превосходно-благодарное. Госпожа Нелидова высоко оценила рвение старосты младшего «Б» класса, и снисходительно приняла мое уточнение, что, дескать, без помощи некоего Бестужева, мне не удалось бы так быстро определиться с внеклассными занятиями однокашников. Кстати, я не соврал. Меня действительно удивила стремительность, с которой действовал Леонид. Достаточно вспомнить, что половину класса он опросил в короткий промежуток времени, между появлением учеников в кабинете, и,

собственно, началом учебного дня. А это, меньше часа, между прочим. Вот только, есть одна странность. Если уроки начинаются в девять тридцать, на хрена приезжать в школу в полдевятого? Или я опять что-то не понимаю? Надо будет у кого-нибудь спросить... например, у Катерины Фоминишны... м-да.

Шарах. От размышлений о высоком меня отвлек удар в плечо. Потерев пострадавшую часть тела, я вернулся на грешную землю и огляделся. В паре шагов от меня с асфальтового покрытия парковки поднимался высокий парень... из старших классов, судя по «эсэсовскому» сочетанию цветов его френча. А рядышком, но чуть в стороне, столпилось человек пять «независимых наблюдателей». Хм... Я что-то пропустил?

— К-куда прешь, босьяк? — Вызверился на меня старшеклассник. Ну, детский сад... Хм, сад? Я прислушался к своим ощущениям. Э, нет... Вот, сестрицы с кузнечиком, действительно, ощущались мною как дети, а это... Чёрт, никогда не мог понять, чем руководствуется мой дар в таких вещах. Но чуйка уверенно сообщала, что передо мной совсем не ребенок.

— К своему мотоциклу. — Пожал я плечами, выметая из головы, лишние на данный момент мысли. — Учеба закончилась, пора и по домам. А вы?

— Что? — Разрыв шаблона... перезагрузка и возврат к незаконченному алгоритму. Старшеклассник двинулся на меня, с явным желанием что-нибудь сломать или вывихнуть. — Да я тебя... нищеврод, босьяк, изгой хе...

Хрясь. Удар в солнечное сплетение остановил словесный понос идиота, а вместе с ним и движение. Парень остановился и, багровея, с выкаченными глазами попытался втянуть в себя хоть капельку воздуха. Склонив голову к плечу, с интересом наблюдаю за этой оригинальной аквариумной рыбкой. Окружающие молчат.

— Повторяетесь, господин невежа. А теперь, простите, я тороплюсь. — Обхожу застывшего столбом ученика, но не успеваю сделать и пары шагов, как из-за спины раздается сдавленный голос несостоявшегося агрессора.

— Завтра в два, у Егерьского пруда, господин торопыга. — Надо же, сколько пафоса, а! Обернувшись на голос, согласно киваю. Наблюдатели тут же исчезают.

Следующая встреча состоялась непосредственно у мотоцикла, правда, этот персонаж решил не размениваться на прелюдии.

Рывкнув что-то, вроде: «всякой швали здесь не место», бугай картинно замахнулся пудовым кулаком... захват, бросок, какой-то подозрительный треск, и мой противник утыкается лбом в асфальт. Больно, да... ну так, я же аккуратно, и вообще... нечего лезть к безобидному младшекласснику. Я нервно хихикнул, но тут же одернул себя. Что здесь творится? Поветрие у них, что ли?

Дурдом какой-то... и этот еще тут, шипит что-то, в землю глядячи... Хм. Теперь понятно, что трещало. Брюки на бугае разошлись по шву... Лучше надо было ателье выбирать, да.

Я поморщился. Ничего не понимаю. Налетают, кулаками машут... не проще было начать со стихийных техник? Подумал, и еле успел уйти от удара водяной плети, прилетевшего откуда-то из-за спины. Накаркал!

Ускорение, разворот, прыжок. Удар в челюсть, и смазливый юноша-старшеклассник, не успев стереть с лица ухмылку, отправляется в короткий полет, заканчивающийся на капоте чьего-то

«вездехода». Перевожу взгляд с выключенного «водяного» на поднимающегося бугая, старательно прячущего руки за спиной, и меня накрывает... Да уж, тылом он теперь точно ни к кому не повернется.

Смеясь, совсем невежливо тычу пальцем в багровеющего от смущения и злости здоровяка.

— Завтра, у Егерьского пруда, в три. А этому, — Всклипнув от смеха, киваю в сторону распластавшегося на капоте красавчика, — передай, что буду ждать его там же, но в четыре.

Бугай открыл было рот, но я его перебил.

— Только умоляю, ни слова об опозданиях и обрезанных ушах! Моя душа не вынесет такого... такого умиления.

— Ч-чего? — Не понял здоровяк, но я уже завел Лисёнка и рванул прочь со школьной парковки. Пока еще что-нибудь не случилось. М-да.

По счастью, никаких приключений по дороге не было, и я, не преминув вновь напомнить себе о получении «прав», спокойно добрался до дома. Но, прежде чем заняться домашними делами, я решил созвониться с Бестужевым, уже не раз удивлявшим меня своей информированностью. Надо же прояснить ситуацию, а то, вдруг я ошибся с выводами?

Не ошибся. Уж не знаю, сама Лина придумала затею со слухами, или же ей кто-то подсказал, старый такой, с трубкой в зубах и тростью в руке, например... но попытки больно мне напирать, вызваны именно пущенным ею слухом. Неужто, дедушка решил продемонстрировать, чем чреваты споры с ним? Или, Ирина Михайловна подсуропила? Черт его знает. Но тему надо прикрывать. Хорошо еще, что в классе на эти слухи забили. Спасибо Лёне, объяснил однокашникам всю несостоятельность этих дурацких шепотков...

— Кхм... Кирилл. — Я поднял взгляд на все еще активированный экран. Леонид дождался, пока яотреагирую, и проговорил. — Тут вот какое дело... Вчера я об этом не сказал, нас прервали. Но слух о твоём изгнании, первым сообщил мне отец... вечером, накануне начала учебного года.

— Оп-па. А он где это услышал? — Неприятно удивился я.

— Хм... — Бестужев демонстративно замолчал, внимательно глядя на меня.

— Ладно-ладно. Достану я тебе это приглашение. — Вздохнул я. — На следующей неделе, жди.

Он меня полдня доставал фотографиями военной техники, и все вздыхал, что никак не может уговорить родных на поездку в посвященный этим взрослым игрушкам, музей. Родичи-де, все время отговаривались отсутствием билетов в свободной продаже, и необходимостью их предварительного заказа, желательно на группу. Ну, откуда мне было знать, что этот самый музей находится под плотной опекой Громовых? Пока дошло, чертов Бестужев мне все нервы вымотал.

— Ага! — Леонид довольно потер руки. — Спасибо, Кирилл!

— Оставь свои восторги, и ответь на мой вопрос, наконец... — Вздохнул я.

— Да-да. Так вот, шепоток этот, мой батюшка услышал на приеме у Томилиных. Тридцатого, их младшей двенадцать лет исполнилось... Вот, они и устроили ей «домашний» выход в свет.

Томилины? Значит, Ирина Михайловна, так? Или, все же... Мало, очень мало информации.

— А от кого он это услышал-то?

— Кирилл, ну что ты, как маленький, честное слово... — Нарочито поморщился Леонид, явно копируя кого-то из взрослых. Впрочем... кого еще он мог копировать, как не обожаемого батюшку. Старший Бестужев, для младшего, кажется, бо-ольшой авторитет.

— Не крути, сын дипломата! Отвечай четко, ясно и без кривляний!

— Есть, отвечать четко, ясно и без кривляний. — Изобразил стойку «смирно» Леонид, и неожиданно вздохнул. — Ну, не знаю я, Кирилл. Там же народу было, под полтысячи приглашенных... А учитывая, что такая информация проверяется в Герольдии на раз, никто не стал бы открыто светить свое авторство. Зачем ему... или ей, такой конфуз?

— Поня-ятно. — Разочарованно протянул я. — Значит, определить, кто именно запустил слух на приеме, не получится.

— Пф. — Отмахнулся Бестужев. — Можно подумать, тебе так важно это знать. Среди своих-то, поди, проще болтуна найти. Вон, хотя бы тех же кузин... ой.

Тут Леонид словно споткнулся и вдруг стал убийственно серьезным.

— Приношу свои извинения, Кирилл Николаевич, я не должен был позволять себе лезть в дела вашей родни.

— Ты белены объелся? Сойди с трибуны, сын дипломата. — Я было отмахнулся, но Бестужев только упрямо покачал головой. Пришлось соответствовать. — Я принимаю ваши извинения, Леонид Валентинович.

— Вот и ладушки. — Тут же ухмыльнулся, как ни в чем ни бывало, Бестужев. — Так, когда, говоришь, билеты будут?

Ну, дитё дитём...

Глава 8. Прозвища надо оправдывать, хотя бы частично...

Да, беседа с Леонидом оказалась весьма показательным примером отношений в здешнем боярском обществе. Оплатить услугу деньгами — дурной тон, а вот отдариться «борзыми щенками», совсем другое дело.

Я не стал тянуть время и, сразу после обеда стал названивать дядьке. А что? Насколько я знаю, Федор Георгиевич фанатик тяжелого вооружения, не меньший чем Бестужев-младший, и лично курирует дела музея, так что к кому и обращаться за «щенками», как не к нему. Да и... к кому еще я мог бы обратиться? К деду, что ли? Ну, на фиг. Вот с кем с кем, а со старым драконом я вообще не желаю пересекаться. Пока. К тому же, даже если отставить в сторону тот факт, что боярин Громов находится на почетном втором месте в моем «черном списке», просить что-то у этого хапуги, глупость несусветная. Даже такую мелочь. Он же, за это идиотское приглашение, с меня последние штаны снимет... и я ему еще должен буду. В общем, не пойдет.

Можно было бы обратиться к Гдовицкому, но... в конечном итоге, он сам, почти наверняка,

решит этот вопрос через все того же наследника рода. А я, опять же, стану должен. Нет, понятно, что долг образуется, как ни крути и к кому не обратиться. Но, лучше уж быть чуть-чуть обязанным вполне вменяемому дяде Федору, чем должником начальника службы безопасности. Опять же, Гдовицкой состоит на службе у боярина Громова, и мне совсем не климатит перспектива, в один прекрасный момент получить от деда напоминание, вроде: «а помнишь, Володя тебе помогал... вот и ты теперь НАМ помоги»...

Стоп... Я покрутил так и эдак пришедшую мне в голову мысль, и усмехнулся. Почему бы и нет?

— Добрый день, Федор Георгиевич. — Не успев стереть улыбку с лица, кивнул я появившемуся на экране моего старого браслета наследнику.

— Хм. Ты меня еще господином Громовым назови. — Фыркнул тот, откладывая в сторону ручку. Ну да, дед вроде как снова встал в строй и дядька тут же сбежал к любимой работе, с радостным визгом сдав пост главы рода обратно батюшке. Вот и сегодня, судя по размытому фону за спиной, дядька заседает в офисе. — Здравствуй, Кирилл. Как дела, как гимназия?

— Дела, замечательно. С гимназией... — я чуть-чуть запнулся, и тут же договорил, — тоже все в порядке.

— М-да? — Недоверчиво хмыкнул мой собеседник. — Точно?

— Точно-точно. — Закивал я, но «заметив» как нахмурился дядька, остановился и, «вильнув» взглядом, нехотя протянул, — ну-у, есть, конечно, кое-какие шероховатости, но я с ними справлюсь.

— Кирилл, — помолчав, заговорил наследник, проникновенно глядя на меня. — Я понимаю, что ты теперь человек самостоятельный, взрослый, и хочешь решать все свои проблемы сам. Это похвально и достойно уважения. Но... не забывай, что помимо знаний и умений, для принятия правильных решений необходим опыт. И поверь мне, если ты сомневаешься в чем-то, или просто не знаешь как поступить, спросить совета у старших, не зазорно. В любом возрасте... Понимаешь?

— М-м, да... — Я задумчиво глянул на серьезную физиономию собеседника и кивнул. — Понимаю.

— Хорошо. Расскажешь мне, что у тебя там за «шероховатости» возникли в гимназии?

— Да ничего серьезного. Так, мелочи. — Я махнул рукой, очень сильно надеясь, что дядька сейчас не кивнет согласно, и не переведет тему на причины моего звонка.

— Кирилл. Дело, конечно, твое, но... Кхм. — Наследник крутанул в пальцах ручку и, недоуменно глянув на нее, вновь отложил в сторону. — Ладно. Не буду влиять. Кирилл, твое прежнее обучение на дому, и нынешнее в гимназии, вещи очень разные. Учись ты в любой другой школе, и я бы сказал, что это не так уж важно, но... эта гимназия, совсем другое дело. Здесь важна не только хорошая успеваемость, но и... общение, так сказать. Отношения между учениками. Большая часть учащихся в будущем неоднократно будет пересекаться друг с другом, по службе, или на приемах, это не так уж важно. И сейчас, вы нарабатываете свои будущие связи. Поверь мне, в таких условиях, мелочей не бывает.

— Понял. — Я сделал вид, что немного удивлен словам наследника и, изобразив мучительные раздумья, заговорил. — Наверное, вы правы, дядя Федор. Но, елки-палки, это же действительно сушая ерунда, а не проблема. Я уже даже знаю, как ее решить. Собственно, из-за этого

решения и звоню.

— О? — Дядька заметно повеселел. — Ну, тогда не отвертись. Ладно-ладно, не сверкай глазами. Допрашивать я тебя не собираюсь. Просто расскажи, что придумал. Ты, конечно, парень умный, но кому и когда мешал взгляд со стороны? Может, я чего и присоветую, а?

— Эх. — Я покачал головой. — Деду бы надо у вас учиться искусству переговоров. Никаких угроз, а всё равно, всё по-своему повернули. Ладно, слушайте.

По мере того, как я рассказывал Федору Георгиевичу о бродящих по школе слухах, довольная улыбка на его лице всё больше увядала. А к концу моей короткой речи, от наследника рода можно было, по-моему, сигареты прикуривать. По крайней мере, листок лежавший на столе перед ним, обуглился почти что полностью. Я сделал вид, что ничего не заметил.

— Вот я и подумал, если устроить нашему классу экскурсию по музею военной техники, слухи тут же захлебнутся. Ведь все знают, кому он принадлежит...

— Кхм... интересная затея. — Помолчав и немного успокоившись, натянуто улыбнулся Федор Георгиевич. — Думаю, мы решим этот вопрос. В понедельник я свяжусь с гимназией, обговорим условия и время визита. Хорошая идея, Кирилл. Молодец! Только... прими добрый совет. Утром понедельника, поговори на эту тему с кем-нибудь из учителей, а лучше, из администрации. На предмет, не будут ли они возражать против такой экскурсии...

— А что, могут? — Я еле удержался от того чтобы не хлопнуть ресницами. Это, точно, был бы перебор.

— Могут — не могут... не в том дело. — Мой собеседник окончательно успокоился и откинулся на спинку кресла. — Это усилит эффект твоей затеи. Одно дело, если я сам позвоню с предложением экскурсии, к подобному вниманию со стороны боярских родов, чьи отпрыски учатся в гимназии, там уже привыкли. И другое дело, если заранее станет известно, что поездка в музей, это твоя идея, полностью поддержанная нашим родом. Понимаешь?

— Понимаю... и согласен. — Я кивнул.

— Вот, о таких моментах я тебе и говорил. Вроде бы мелочи, но из них складывается мнение о человеке. Общественное мнение, Кирилл. Изменить которое, впоследствии, будет ой как трудно. Поэтому, я и прошу тебя. Не стесняйся обращаться за советом. Я всегда тебе помогу. — Наставительным тоном проговорил наследник и выжидающе посмотрел на меня. Само собой, всенепременно, дражайший дядюшка.

— Обещаю, дядя Федор. Буду советоваться. — Серьезно глядя на собеседника, я снова кивнул.

— Ну и замечательно. — Дядька улыбнулся, но улыбка почти моментально исчезла. — Хм... слушай, Кирилл, а как сестры отнеслись к этим слухам, не знаешь?

— Знаю. — Я хмыкнул. — Милка меня чуть ли не у КПП встретила, так и тащила, через полшколы до самого класса, под ручку, словно кавалера по лавкам. Мог бы, сбежал, честное слово. Я еще недоумевал, с чего вдруг такая забота... но, когда сам те шепотки услышал, тут же догадался.

— Ну да, не могла же она оставить такие разговоры без внимания — Задумчиво проговорил Федор Георгиевич, и тут же встрепенулся. — А Лина, что?

— Ничего. — Пожал я плечами. — Я ее после тренировки и не видел.

— Поня-ятно. — Протянул мой собеседник. И прозвучало это довольно угрожающе. Кажется, у кого-то сегодня будут неприятности. Ставим плюстик. Тут, Федор Георгиевич вынырнул из своих, явно нерадушных мыслей и, чуть рассеяно глянув на меня, вздохнул. — Ладно, Кирилл. У тебя есть еще какие-то вопросы, или просьбы?

— Нет-нет. — Я помотал головой.

— Ну и хорошо. Тогда, давай прощаться? А то у меня тут еще дел... — Наследник кивнул на солидную пачку бумаг на краю стола.

— О, да. Всего хорошо, дядя Федор. Извините за беспокойство. — Кивнул я.

— Ерунда, Кирилл. Я всегда рад тебя видеть. Звони, если что. Удачи. — Экран, потемнев, свернулся и я, отхлебнув из кружки ароматный кофе, с наслаждением затянулся сигаретой. Выдохнув облачко дыма в форточку, я поудобнее устроился на подоконнике и, насвистывая веселую песенку, принялся набирать номер Леонида. Надо же порадовать заместителя? И, кста-ати, я совсем забыл! Мне же нужен сви... в смысле, секундант на завтрашнем «тройном свидании». В конце концов, я ж не Д`Артаньян без денег и знакомств. Во-от... Интересно, как отнесётся Бестужев к перспективе встречи с тремя старшеклассниками, а?

— Ты с ума сошел! — От вопля Леонида, кажется, экран выгнулся. — Конечно, я с тобой! А... с кем драться-то будешь?

— Без понятия. — Честно признался я. — Я их именами не интересовался. Как-то не до того было.

— Хм... Ладно, что-нибудь придумаю. — Нахмурился Леонид и вздохнул. — Стволы брать?

Он охренел?

Глава 9. Во имя пафоса

Нас утро встречает прохладой... Ага, особенно, когда выпрыгиваешь из пруда, и тебя тут же прохватывает холодный сентябрьский ветерок. Моментально покрывшись пупырышками, я передернул плечами, с которых тут же во все стороны полетели брызги и... хлопнув себя ладонью по лбу, пустил вокруг тела теплый поток воздуха. Вот, совсем другое дело!

Довольно хмыкнув, я обозрел свои владения, и, пребывая в приподнятом настроении, пошлепал на веранду, где меня, такого предусмотрительного, поджидал сварливо бурлящий, но радостно сияющий надраенными боками, самовар, водруженный на него сверху носатый заварочный чайник, и накрытые крышкой, чтоб не успели остыть, тосты. Чай с лимоном, тосты с сыром и ветчиной... и сваренные «в мешочек» яйца. Еще один идеальный завтрак.

Удобно устроившись на широкой лавке, урча от удовольствия, я с энтузиазмом накинулся на еду, а спустя четверть часа, с недоумением окинув взглядом разоренный стол, вынужден был констатировать, что просчитался. Можно было бы приготовить на парочку тостов больше...

Прикинув, стоит ли пара лишних тостов того, чтобы вставать с такой удобной лавки, и идти в дом возиться со сковородкой, чтобы через пять минут возвращаться обратно с двумя

кусочками поджаренного хлеба, плюнул на всё и решил следовать мудрости буддийских монахов. Они были уверены, что человек должен вставать из-за стола, будучи чуть голодным, и кто я такой, чтобы с ними спорить?

Ну да, лень. И что? Имею я право расслабиться в выходной день? Особенно, учитывая все произошедшее в последнее время? Ведь, ни дня покоя! А говорят, каникулы... Тьфу.

К небольшой деревянной пристани, на берегу Егерьского пруда, я подошел загодя, как мы и договорились с Леонидом. И вовремя.

Стоило деревянному настилу под моими ногами легонько скрипнуть, как на спуске к чаше пруда показался сияющий Бестужев. Глядя, как одноклассник легко сбегает вниз, я невольно, и уже не в первый раз, задумался о том, не сделал ли ошибки, пригласив Леонида на предстоящую встречу... Не то что бы я так уж опасался за его безопасность, но, в конце концов, что я знаю о своих противниках? Ну, кроме той, довольно скудной, надо признать, информации, что предоставил все тот же Бестужев, получивший запись стычек, сделанную фиксатором моего нового браслета.

С другой стороны, наблюдатель мне действительно нужен. Ведь, одно дело запись фиксатора, пусть ее и нельзя подделать, и совершенно другое, свидетельство наследника рода... не верить которому, значит, сомневаться в честности всей фамилии.

Поприветствовав довольного, словно обожравшийся сметаны кот, Леонида, я еще раз пробежался взглядом по составленному им короткому списку моих противников, с небольшими примечаниями. Заметив, что я вожусь с браслетом, Бестужев молча уселся рядом и, кажется, ушел в свои мысли. Надо же, он еще и молчать умеет, оказывается. Это что-то...

Итак, номер первый... это тот Портос, что налетел на меня уже у мотоцикла. Алексей Стародубов, шестнадцать лет, «новик» стихии земли, отпрыск боярского сына рода Юсуповых. А Юсуповы, судя по примечанию, это, медицина и фармакология. Старшеклассник, входит в «свиту» Ильина Ильи Ильича. Номера второго в моем списке. Оригинальное ФИО, надо сказать... Так. Ильин... боярич. Единственный сын главы рода Ильиных, здесь все классично, сельское хозяйство, торговля сельхозпродукцией, мясные производства... А что же сам Илья-Атос? Тот же возраст, та же ступень той же стихии. Старшеклассник, член клуба рукопашников нашей гимназии. И третий, как легко понять, Арамис, в миру Григорий Винокуров. Тоже свитский Ильина, второй сын наследника рода... Ну, тут все понятно, обширные владения в Крыму, виноградники и винное производство. Новик? А вот и нет. Вой, ступень получил два месяца назад. Стихия — вода... член философского кружка гимназии. Ну точно, смазливый богослов Арамис... Все. М-да. Негусто. С другой стороны, Леонид сумел отыскать эту информацию всего за полдня, вне школы и... на второй день учебы. Впечатляет, знаете ли... Да, пусть большую часть сведений он узнал, просто воспользовавшись базой отца, как он сам признался, но это не отменяет самого факта...

Бестужев заерзал. Ему явно надоело сидеть молча, но не успел он открыть рот, чтобы опять утопить меня в очередном потоке информации, как на спуске показалось сразу три машины. Опять вездеходы, опять черные... они что, других цветов не знают?

Пока я задавался этим вопросом, автомобили заглушили двигатели. Следом, захлопали двери, и к пруду потянулась длинная цепочка людей.

Свернув экран браслета, я с интересом уставился на шагающих друг за другом гостей...

— Хм. У меня что-то со зрением, или я разучился считать? — Пробормотал сидящий рядом

Леонид. — По-моему, их здесь несколько больше, чем должно быть.

— Согласен. — Кивнул я.

Визитеры, тем временем, уже преодолели большую часть пути... Охрана. Интересно, «господа мушкетеры» кого-то испугались, что притащили с собой аж по два чернопиджачных бодигарда, на брата?

Ну вот, весь ход пьесы порушили. Как теперь быть с текстом? Что делать с беседой о причинах дуэли... Вот, обломы. Они ж должны были по одному появляться. Нет, это явно не мушкетеры. Судя по количеству, это гвардейцы кардинала... Придется менять всю сцену.

Леонид как-то странно покосился в мою сторону, и я поймал себя на том, что весело улыбаюсь. Ну да, как-то не к месту, согласен...

— Надо было назначить встречу на школьном полигоне. — Явно решив забить на мое неадекватное поведение, проговорил Леонид.

— А смысл? — Я хмыкнул. — Первым меня пригласил на встречу «атос», именно здесь. Ну а после знакомства с «портосом» и «арамисом», я решил, что мне лень мотаться меж Егерским прудом и гимназией.

Ну, не говорить же Бестужеву, что я просто не знал о наличии такой вещи, как школьный полигон?

— М-м... а почему ты их мушкетерами обозвал? — Поинтересовался Леонид.

— Ну, я же тебе рассказывал, как все произошло. — Пожал я плечами.

— О? — Бестужев на миг задумался. — Ну, плечо, понятно... этот смазливый «водяной», тоже. Но причем здесь перевязь?

— Ее роль сыграл лопнувший шов брюк. Сверкать голой задницей, или неказистым видом перевязи... согласишься, у него был повод никому не показывать свой тыл?

На этот раз, улыбались мы оба, а остановившиеся в пяти метрах от нас «гости», недоуменно переглянулись. Впрочем, не все. Охранники, как и положено крутым бодигардам, демонстрировали абсолютно каменные физиономии. Им вообще, для полноты образа не хватало только жевательных резинок и солнечных очков на поллица. И всё, Сикрет Сервис, как она есть...

Краем глаза я заметил, как недоуменно переглядываются Ильин с Винокуровым, и побагровел Стародубов, явно подозревая, что мы смеемся именно над ним. Ну, он был недалек от истины. Впрочем, зареветь сиреной, как явно намеревался, «портос» не успел. От скрытой подъемом улицы раздался истошный визг тормозов, хлопки дверей и на спуске показались... близняшки. Вот ведь... Принесла нелегкая!

А следом за ними шагал Гдовицкой, с уже, кажется, ставшим привычным для него, при встрече со мной, выражением лица, а-ля «Я здесь не причем. Это все они.».

— Братик, привет! — Блеснув белозубой улыбкой и простучав стремительным стаккато каблучков по деревянному настилу, Мила подлетела ко мне, мимолетно коснулась губами щеки и, только после того, как подтолкнула ко мне свою сестру, кисло протянувшую нам свой

«привет», Мила огляделась по сторонам и соизволила заметить остальных присутствующих. — Кирюша, скажи мне, пожалуйста, а что за дела у тебя с этим... прохвостами?

— Небольшие разногласия. — Пожал я плечами, под ошарашенными взглядами моих противников.

— Лина! Я не поняла! Ты же староста их класса! Что, так трудно было присмотреть, чтобы эти лоботрясы не лезли к новеньким? — Стремительно развернувшись к насупленной сестре, протараторила Мила, но в этот момент она заметила Леонида, и тут же принялась его тормозить.

— А ты кто? Одноклассник Кирилла, да? А как тебя зовут? Нет-нет, молчи, я угадаю. У тебя очень интересное лицо, необычное. Я точно недавно видела кого-то с таким же овалом лица. Лина, ты не узнаешь?

Надо признать, что на фоне старших ребят, да и моей довольно плотно сбитой фигуры, невысокий и худощавый Бестужев смотрелся даже младше своего возраста. В общем, ничего удивительного в том, что изображавшая ураган, Мила накинулась на Леонида, не было.

— Мама. Помогите. — Отчетливо, чуть ли не по слогам проговорил Бестужев, в ужасе покосившись на меня. А что я? Я сам в шоке! Терпи, казак. Атаманом будешь, если выживешь в стальных объятиях моей сестры... Вот теперь, верю, что в гимназии не зря делают такой упор на актерское мастерство.

Но тут, Мила временно прекратила теребить Леонида, и снова обратилась к сестре.

— Линка! Я кому говорю! Гони от Кирилла этих идиотов, или я позвоню Ромке, и скажу, что ты назначила им свидание!

Всё. Взглянув на яростно раздувающую ноздри кузину, могу заключить: хана карапузикам.

Глава 10. Иногда, чтобы сказать правду, достаточно промолчать

Стародубов, кажется, хотел что-то вякнуть, но Григорий, явно просчитав ситуацию, толкнул его в плечо и что-то тихо сказал Ильину. Бровь «атоса» выгнулась в удивлении, но он кивнул и, отдав короткий приказ охранникам, вдруг широко улыбнулся близняшкам, правда, при этом довольно настороженно покосившись на буквально пышущую жаром и злостью Лину. А «портос» с «арамисом» тут же сделали шаг назад. Дескать, не наше это дело, разговоры разговаривать.

— Извините, дамы, но, к сожалению, мы очень спешим и вынуждены откланяться. Прошу нас простить. — Ильин с Винокуровым отвесили короткий полупоклон и, взяв на буксир молча разевающего рот растерянно-злого Стародубова, ретировались... Сбежали, проще говоря. М-да. Такого итога нашей встречи я не ожидал... Хотя, если принять во внимание весь идиотизм нашего столкновения... а как еще она могла закончиться?

Впрочем, еще не успели хлопнуть двери их вездеходов, как я почувствовал дрожь Эфира, и по склону прошла узкая волна. Но никакой атаки не последовало. Зато, на деревянный настил, прямо к моим ногам вынесло клочок бумаги, подняв который, я обнаружил внутри пару коротких фраз.

— Что там? — Тут же поинтересовалась еще не успевшая выйти из образа Мила.

— Извинения от одноклассников Лины. — Коротко улыбнулся я, свернув листок и запихнув его в карман джинс. — А теперь, будь добра, оставь в покое моего заместителя.

— Эм? — Мила отпустила взъерошенного, сверкающего глазами Леонида и, окинув его взглядом, ущипнула себя за мочку уха. — Заместителя?

— Леонид Бестужев, заместитель старосты младшего «Б» класса. — Пригладив растрепанные волосы, представился Лёня.

— А-а. Кхм. Людмила Громова, старший «А» класс. А это моя сестра Малина Громова, староста старшего «В» класса.

Я покосился на насупленную Линку, но та по-прежнему молчала, даже на свое полное имя не отреагировала. Хм, кто-то вновь получил по нижним полушариям мозга? Что-то, она больно тихая...

— Подожди, Леонид, ты хочешь сказать, что мой кузен стал старостой? — Вдруг дошло до Милы. Неслышно подошедший, Гдовицкой тихонько хмыкнул. Вот уж ни на секунду не сомневаюсь, что он в курсе. Сестра же, окинув меня взглядом, вновь обратилась к Бестужеву. — А ты его заместитель?

— Ну да. — Кивнул Леонид.

— Интересно-о. — Протянула Мила.

— Не очень. — Оборвал я ее. — Лучше поведай, что за цирк вы устроили?

— Цирк? — Деланно удивилась кузина, но короткое покашливание Гдовицкого за спиной, заставило ее отбросить игру и стать серьезной. — Ладно-ладно... В общем, так сложилось, что в школе кто-то пустил слух о твоём изгнании.

— И ты решила таким образом продемонстрировать всю его несостоятельность. — Кивнул я. — Представь себе, это я понял еще вчера, когда ты тащила меня через полшколы, словно на буксире. Хочешь сказать, что внезапно вспылала «сестринской» любовью, и решила оградить меня от возможных конфликтов?

— Н-ну... да. Как-то, так. — Чуть замявшись, кивнула Мила, бросив короткий взгляд на сестру.

— Знаешь, если бы слух появился только в школе, я бы, наверное, даже посмеялся над этим бредовым предположением, поскольку наверняка знаю, кого ты на самом деле пытаешься выгородить. Вот только, есть одна маленькая проблема. В произошедшем, есть вина не только Лины...

В этот момент, от упомянутой кузины прямо-таки плеснуло злостью в и так бурлящий вокруг нее Эфир.

— Держи себя в руках. — Тут же бросила Мила, и Линка послушалась! Даже отступила на шаг назад, смещаясь за спину сестры, точно так же, как это проделали подручные Ильина, пятью минутами раньше. Эфир понемногу начал успокаиваться, и Мила вновь повернулась ко мне. — Поясни... пожалуйста.

— Насколько мне известно, этот слушок впервые прошел на последнем приеме у Томилиных. И Лины там не было. В отличие от тебя и Ирины Михайловны.

— Я не... мама?

— Кхм. — Гдовицкой, как всегда выразителен...

— Да, Владимир Александрович? — Я уставился на своего бывшего тренера, но прочитать по ставшей профессионально непроницаемой физиономии что-либо, было невозможно.

— Я могу поручиться, что Людмила Федоровна непричастна к этому... инциденту. — Медленно проговорил Гдовицкой. — У нас имеются записи фиксатора ее браслета с того вечера. Непрерывные записи, и в них нет даже намеков на эту тему...

— Мои записи?! — Ошеломленно переспросила Мила. — Да как... это же, это... возмутительно!

— Извините, но моя прямая обязанность, следить за вашим благополучием. Если вас что-то не устраивает, обратитесь к боярину Громову. — Сухо отрезал Гдовицкой.

— Спасибо, Владимир Александрович. — Я кивнул бывшему тренеру и повернулся возмущенно сопящей Миле. — Я рад, что ты оказалась умнее сестры. В понедельник жду вас обеих в четыре часа дня. А сейчас, позвольте откланяться. Лина, Владимир Александрович...

— Всего хорошего, Кирилл. Рад был увидаться. — Махнул рукой начальник СБ. Сестры отделались короткими кивками. Впрочем, Мила пыталась что-то сказать, но я уже отвернулся.

— Леонид, ты идешь?

— Иду-иду. — Бестужев поравнялся со мной, и мы вместе поднялись наверх, туда, где был небрежно припаркован вездеход Громовых. Но стоило нам оказаться на тротуаре Большой Бахрушинской, как рядом тормознул просторный седан...

— Тебя подвезти? — Кивнул на автомобиль Леонид.

— Хм... В принципе, тут идти всего-ничего. — Протянул я.

— О! Ты живешь недалеко отсюда? — Поинтересовался Бестужев. — Тогда, тем более. Садись-садись. Хочу видеть, как живут эмансипированные старосты! Куда едем?

— Прошу прощения... — Услышавший громкий голос Леонида, шофер выскочил из-за руля. — Я только уберу кое-что с заднего сиденья...

Хм, судя по мелькнувшим под завернувшимся уголком одеяла, «сошкам» этого самого «кое-чего» и общему абрису, на заднем сиденье седана лежало что-то профессионально-убойное из арсенала снайперов. Ну да, кто бы сомневался, что родители отпустят Леонида на такую встречу, не обеспечив ему достойной подстраховки.

— Я так понимаю, еще пара человек засела на крыше той пятиэтажки, да? — Махнул я рукой в сторону старого доходного дома, выстроенного чуть в стороне от пруда. В ответ, шофер только плечами пожал. А Леонид хихикнул.

— Угадал. Геннадий всегда мрачнеет, когда кто-то угадывает. — Объяснил Бестужев.

— Так тут и угадывать нечего. Других таких удобных мест здесь нет. — Хмыкнул я и заслужил

заинтересованный взгляд шофера-стрелка. А, понятно. Геннадий хмурится не тогда, когда кто-то что-то там угадывает, а когда ему надоедают этими самыми угадайками.

— Так мы едем? Кирилл! — Дернул меня за рукав ветровки Леонид.

— Вот ведь настырный. Ладно, поехали. — Кивнул я, забираясь на заднее сиденье седана. Интересно, а что же тогда лежит в багажнике, если там не нашлось места для снайперской винтовки? И куда делся кофр, или чехол от этой самой винтовки? Или... хм, а зачем так прямо намекать на свое беспокойство?

Задавать вслух этот вопрос я не стал и, устроившись поудобнее, что не так-то просто, когда под ногами болтается почти полутораметровая железка весом в несколько килограмм, попросил усевшегося за руль шофера отвезти нас в парк.

Если Геннадий и удивился, то виду не подал. А вот Леонид хмыкнул так, что мне сразу стало ясно. Нынешнее мое место проживания, секретом для него не является.

Впрочем, это не помешало ему вполне искренне восторгаться моей «усадьбой», когда мы до нее добрались. Его радовало все. И расположение... ну кто может похвастаться тем, что живет в парке? И то, что в доме я живу один, и прудик, особенно после того, как я сообщил, что при необходимости, температура воды в нем регулируется.

Тут Леонид сходу требовал с меня приглашение в гости на рождественские каникулы. Уж очень захотелось ему поплавать на открытом воздухе зимой.

Через полчаса моя голова уже просто раскалывалась от мельтешения этой сумасшедшей ракеты. Бестужев, как хореk, умудрялся забраться в какие-то совершенно немыслимые уголки дома, обшаривая его от и до. В конце концов, мы с Геннадием, таки отловили этого неугомонного на чердаке и усадили за стол. Но, посмотрев на чумазую физиономию и припорошенную пылью одежду, вздохнули и отконвоировали в ванную... откуда этот гад просто смылся. На конюшне он, видите ли, еще не был...

Нет, мне интересно, ему пятнадцать или пять?!

ЧАСТЬ IV. КОМИССАРЫ В ПЫЛЬНЫХ ШЛЕМАХ

Глава 1. Память-то, девичья...

Напичканный медартефактами, автомобиль из хозяйства Иннокентия Львовича, укатил, увозя Лину под крылышко штатного доктора Громовых. В принципе, было совершенно необязательно вызывать этот реанимобиль из имения. Лубки на переломанные конечности мы наложили, так что, Николай вполне мог доставить Линку в имение на том же «вездеходе», на котором привез сестер на тренировку. Благо, подвеска у этого черного монстра достаточно мягкая, а задний диван достаточно просторен, чтобы с комфортом разместить пострадавшую, и довезти ее без риска смещения сломанных костей ног и рук.

— Кирилл, тебе не кажется, что на этот раз ты переборщил? — Тихо проговорил охранник, пока мы дымили на крыльце. После чего выразительно посмотрел в сторону застывшей у ворот Милы, смотрящей вслед катящемуся по просеке фургончику эскулапов. В ответ, я только

хмыкнул.

— Коля, начиная с десяти лет, я не помню ни одного месяца, который обошелся без посещения медблока. Примерно каждый пятый из таких «послетренировочных визитов», я совершал, так сказать, не приходя в сознание... Почему тогда, никто не сказал моим двоюродным родственникам, что они, «кажется, переборщили»? Молчишь? Правильно. Дедушка сказал следить и не вмешиваться, пока нет прямой угрозы жизни. Знаю, Гдовицкой мне это объяснил. Как и то, что сейчас, у вас имеется такой же приказ в отношении близняшек. Что, не так? Опять молчишь. Так.

— Так это что, месть?

— За мое «веселое» детство? Нет. То, дело прошлое, да и я никогда не оставлял их выходки без ответа. Другое дело, что у меня духу не хватало загнать сестер в реанимацию, это да. — Я автоматически отобрал у Николая только что вытащенную им сигарету.

— Ну и... зачем тогда было сейчас вот это делать? — Хмуро глянув на дымящийся цилиндр в моей руке, спросил Николай. — Что, теперь духу хватает?

— Говоря высоким штилем, у меня кончилась вера в их разум. Аккурат, после инцидента с подложенным боевым артефактом и самого длительного отдыха во владениях Иннокентия Львовича.

— Кхм... и?

— Что «и»? Я пообещал им визит в медблок каждый раз, когда они будут вести себя неподобающе... Как считаешь, пущенный по школе слух об изгнании младшеклассника Кирилла Громова, это подобающее поведение для отпрыска столь древнего и уважаемого рода? Я уж молчу про последовавшие за этим неприятности... А обещания надо держать.

— Неприятности? — Насторожился Николай, при этом, не выказав никакого удивления по поводу слухов об изгнании.

— Хм... ну, если назначение старостой можно рассматривать как курьез, то три, пусть и не состоявшихся, но объявленных дуэли за один день, это несколько многовато, а? — Пожал я плечами.

— Три? Но...

— Ильин, Стародубов и Винокуров. Все из класса Малины Федоровны. Правда, усилиями Милы, нашу встречу с этими господами удалось перенести на школьный полигон... Послезавтра сойдемся.

— Вот это новости... А Владимир Александрович был уверен, что у тебя дуэль только с Ильиным...

— Ну-ну... Можешь передать господину начальнику службы безопасности моё нелестное мнение о работе подчиненной ему структуры. — Я хмыкнул, когда Николай, в ответ, состроил непонимающую гримасу. Ну да, ну да. И спрашивает он меня, исключительно из приятельского интереса. Как же, как же. А я, разумеется, из тех же соображений, тут распинаюсь.

— Я, между прочим, тоже там служу. — Недовольно ворчит Николай.

— Вот, видишь, как здорово! — Улыбаюсь я. — Теперь ты в курсе слабых сторон службы и, если правильно себя поведешь, можешь подсидеть нашего дорогого Владимира Александровича. Это ж какая перспектива, а!

— Да ну тебя, клоун. — Фыркнул в ответ Коля и, вздохнув, сам отдал мне почти полную пачку «румянцевских» сигарет. Вот, что значит правильная дрессировка! — Ладно. Поеду я, надо боярышню домой отвезти. Время.

— Счастливого пути. — Кивнул я. Николай потоптался на месте, но, так больше ничего и не сказав, махнул рукой и направился к загнанному в угол двора вездеходу.

Машина уже выруливалась на просеку, когда неожиданно затормозила. Хлопнула задняя дверь и, выскочив из салона, Мила решительно зашагала в мою сторону.

Оказавшись в паре метров от крыльца, девушка замерла на месте и, растерянно глянув, выдавила:

— Почему?

— Я предупреждал. Разве, нет? — Пожал я плечами.

— Я о другом. Почему ты избил только ее? — Тихо, но непреклонно проговорила Мила.

— Не избил, а продемонстрировал превосходство умения над дурной силой. Но, если ты так хочешь, могу и тебе что-нибудь сломать... чтобы завидно не было. — Я удивился, честно.

— Но... но... я ведь... я тоже...

— Она нагадила, а ты попыталась за ней прибрать. Получилось не очень, согласен. Ну так, какие твои годы? Научись еще. Это всего лишь вопрос практики, а уж Линка-то тебе ее обеспечит, сколько угодно. — Я ухмыльнулся и кивнул в сторону автомобиля и терпеливо ждущего в нем Николая. — Всё. Езжай. Следующее занятие в четверг, в три дня.

Говорить, что отправка Лины в медблок, это не только ее наказание за дурость, но и прозрачный намек Ирине Михайловне, я не стал. Умному достаточно... Нет, в разум тетки я не верю, но у нее есть муж. Вот он пусть и объясняет...

* * *

Пока машина катилась по шоссе в сторону имения, Мила молча перебирала в уме события заканчивающегося понедельника и... всё. Оценивать и анализировать произошедшее, мозг отказывался напрочь, но при этом непрерывно крутил одни и те же картинки сегодняшней «тренировки».

Начать с того, что сразу по приезду к Кириллу, оправившаяся за воскресенье от событий прошлой недели, Линка вновь «прошла» по новому жилью двоюродного брата. А тот, даже не отреагировал. Спокойный как удав, не размениваясь на лишние слова и эмоции, Кирилл вновь погнал сестер на пробежку, правда, на этот раз дело обошлось без подавителей и жалящих техник. Но закончилась пробежка точно так же, как и на предыдущем занятии, трансом и долгими упражнениями по прокачке Эфира через себя. Разве что, по окончании тренировки, тело уже не болело... Так, чуть-чуть, в первые десять минут. А потом... Сестры как раз выбрались из пруда, когда показавшийся на веранде, Кирилл неожиданно размазался в

воздухе и возник рядом. Милу парализовало. Она только успела почувствовать «пулеметную» очередь довольно болезненных уколов пальцами в район позвоночника, и безвольно осела на бортик пруда. А дальше, ей осталось только смотреть и слушать. Благо, по-прежнему неувовимо-стремительный двоюродный братец «позаботился» о ней, оперев спиной на ствол росшей рядом рябины, так что, Мила имела возможность видеть все происходящее... и никак не могла в нем участвовать.

Лина замерла в ступоре, наблюдая за нападением на сестру, а когда очухалась, перед ней уже оказался Кирилл. Абсолютно невозмутимый, двоюродный брат легко и незаметно сместился в сторону от любимого огненного хлыста Лины и, ни на секунду не изменившись в лице, влепил сестре кулаком в корпус. От чудовищной силы удара, близняшку снесло. А когда она поднялась на ноги, материализовавшийся рядом, Кирилл нанес еще один удар. Вскрик, хруст, и упертая Лина пытается подняться с песчаного покрытия полигона, куда ее унесло ударом двоюродного брата. Левая рука висит плетью, а правую она прижимает к боку, куда угодил первый удар Кирилла. Лина рычит и вокруг нее вырастает огненный кокон защиты. Ей нужно хотя бы полминуты, чтобы уйти в боевой транс и избавиться от боли. Но ее противник этого времени не дает. Кирилл вновь размазывается в воздухе, и рдяной кокон лопаается с громким хлопком и вспышкой, от которой Мила тут же начинает моргать. Единственное доступное ей движение. Даже кричать не получается.

В отличие от Лины, чей истошный крик внезапно раздается над полигоном и тут же обрывается. Проморгавшаяся Мила увидела сестру, валяющуюся в центре площадки, словно сломанная кукла, и идущего от нее, по-прежнему невозмутимого двоюродного брата. Вот, он, не обращая никакого внимания на Милу, исчез в доме, чтобы, через минуту, вернуться вместе с Николаем, несущим подмышкой какой-то сверток. Тихо переговариваясь, они склонились над сестрой, и принялись что-то с ней делать. А потом, охранник, бережно подняв Лину, чьи руки и ноги уже «закованы» в лубки, унес ее в дом.

Кирилл, шагавший следом, останавливается перед сидящей под рябиной, обездвиженной Милой, и наклоняется так, что в его глазах она видит отражение собственного испуганного взгляда... А через секунду, что-то щелкает, и ей кажется, что тело окатили кипятком. Но это такая мелочь, по сравнению с возможностью двигаться. Вот только слезы почему-то не слушаются и текут, текут по щекам...

Глава 2. Школьные заботы...

Полигон при гимназии оказался довольно просторной площадкой, с довольно плотно утрамбованным песчаным покрытием. Хм. Может и мне такое же сделать? А что, моих сил воздушника хватить должно. Правда... Я прикинул сколько времени мне понадобится, чтобы утрамбовать домашнюю площадку и вздохнул. Нормальный вой проделал бы такой фокус минут за десять, раз пять применив «стопу великана». Мне же придется потратить полдня, как минимум. На «стопу» у меня просто не хватит сил, а доступный аналог имеет радиус всего полметра... Обидно? Разве что, чуть-чуть.

— Кирилл? — Раздавшийся за моей спиной голос, отвлек от размышлений и я обернулся. Ну да, кто еще это мог быть, кроме моего верного заместителя... Да, Леонид прочухал все положительные моменты своей должности и действительно впрягся в работу. При этом, весь контроль, официальные бумажки, общение с администрацией и прочие «радости» он свалил на меня, а сам на себя взял общение и взаимодействие с одноклассниками, и развил такую бурную деятельность, что я только диву давался. За несколько дней, он, кажется, умудрился

узнать об учениках нашего класса то, что не знали даже их родители. Кто по какому предмету не успевает, и кто из учеников может взять такого неуспевающего «на прицеп», кто какую музыку предпочитает, у кого когда день рождения... Вроде бы, мелочи. Но когда они выстраиваются в систему... Авторитет Леонида ощутимо пополз вверх. И все потому, что он не пытался ни на кого давить или лезть с советами и руководством. Нет. Но когда этот улыбающийся парень вежливо просит увлекающуюся вышивкой одноклассницу помочь с подарком на приближающийся день рождения кого-то из ребят, вручает ей профессионально собранный набор из всяких ниток-иголок и прочих, абсолютно неизвестных непосвященным «примочек» для вышивки, о каком давлении тут может идти речь? Или, два загоревшихся идеей авиамоделизма орла грустят над каталогом миниатюрных двигателей и систем беспроводного управления для моделей, и тут же, с подачи Леонида, рядом появляется увлекающийся артефакторикой Осип Резанов, который, просмотрев информацию по представленным в каталоге изделиям, разносит их в пух и прах и, не отходя от кассы, на каком-то обрывке начинает рисовать свой вариант... а полюбовавшиеся на выходящее из-под его руки творение, моделисты, в ответ, клятвенно обещают сделать ему маленькую, летающую бабочку... которую тот подарит первой леди нашего класса... Вербицкая же делает вид, что ничего этого не слышит, но довольно улыбается. Все заняты, все при деле и довольны... и благодарят Бестужева. В общем, жизнь кипит. Ну, а раз этот говорливый сын дипломата отыскал меня, значит, пришло время и мне включиться в этот процесс.

Я выудил из кармана приглашение в музей, привезенное вчера Николаем и, покрутив его в руках, передал Леониду. Но, вопреки моим ожиданиям, он не стал вскрывать неподписанный конверт сразу, а спрятал его во внутренний карман френча. Хм... Интересно...

— Что у тебя? Еще один запрос на помещение? — Вздохнув, присаживаюсь на одну из лавочек, что спускаются к полигону, образуя эдакий куций амфитеатр.

— Нет. С помещениями, всё. — Довольно ухмыляется Леонид. — Даже с запасом, получилось.

— Не понял?! С каким запасом? — Возмутился я. — Да я за каждую комнату бился, аки лев! А у тебя оказывается, какой-то запас имеется?!

— Ну да, ну да... — Покивал Бестужев. — Бился. Правда. До последнего издыхания... За что тебе большое человеческое спасибо от нашего класса. А запас, случайно образовался. Осип с моделистами в одном кабинете засел и уходить не хочет. А им и в радость... Вот, у нас пустующее помещение, по соседству с ними и образовалось... Но, это ненадолго, знаешь ли.

— Вот как?

— Ага. Я посмотрел списки факультативов и ужаснулся. — С деланной горечью проговорил Леонид, и тяжело вздохнул. — У меня остался «неохваченный» кадр. Признавайся, Кирилл Николаевич, чем ты в свободное время увлекаешься?

— Твою же медь...

— Помимо бюрократии и воркования с Катериной Фоминишной, я имею в виду. — Уточнил этот... этот. Хорек белобрысый!

— На святое покушаешься, ирод! — Нахмурился я. Леонид, в ответ хохотнул, но тут же посерьёзnel.

— Кирилл, правда... Даже я факультатив себе подобрал. И вообще, это была твоя идея, между прочим. Так что, нечего отмазываться.

— Ла-адно... — Я кивнул. — Пиши: кулинария.

— Че-его? — Вытаращился на меня Бестужев.

— А что такого? — Пожал я плечами.

— Хм, и чем тебя не устраивает наша столовая? — Не понял он.

— Люблю домашнюю еду. Не заговаривай мне зубы. — Фыркнул я. А что? Умывальник в помещениях, выделяемых под факультативы есть всегда. Найти плиту и маленький холодильник, тоже не проблема. Паутинные барахолки мне в помощь. Равно, как и посуду, по минимуму.

— То есть, ты серьезно? — Уточнил Бестужев.

— Ну да... А что? Готовить я люблю, и возможность поесть горячей домашней еды, сразу после уроков, когда желудок урчит от голода, вполне неплоха. Да просто чаю попить на большой перемене, не толкаясь в столовой, уже хорошо... А потом, на сытый желудок, можно и домой ехать.

— Хм. Ладно. Запишу. — Помедлив, кивнул Леонид и, развернув экран браслета, принялся стучать по клавиатуре. — О! А ведь у гимназии уже был такой факультатив... Закрылся пять лет назад...

— Вообще замечательно. Если окажется, что их «реквизит» не сдали в утиль, Катерина М-хм Фоминишна подпишет бумаги с легкостью... и не придется ее уговаривать. — Порадовался я.

— Ну да, ну да. А в крайнем случае, можно будет обратиться к Осипу. Если уж он движки для моделей делает, то с холодильником и плитой, тоже должен справиться, как думаешь? — Проговорил белобрысый и свернул экран браслета. — Вот так. Кстати, Кирилл. До начала урока осталось семь минут.

— Понятно. — Вздыхнул я и, бросив короткий взгляд на площадку полигона, нехотя поднялся с нагретой нежарким осенним солнцем, лавки. — Тогда идем.

Заметив мой взгляд, Леонид неопределенно хмыкнул, и мы потопали в сторону главного корпуса.

— Осматривал будущее поле боя? — Поинтересовался Бестужев, которому явно не нравилось идти молча.

— Можно и так сказать. Кстати, я тут искал информацию о правилах поединков, но ничего не нашел, кроме обязательного присутствия представителя школы, в качестве судьи. У тебя нет сведений на этот счет? — Поинтересовался я.

— Да, какие там правила... — Махнул рукой Леонид. — Это же не официальная дуэль. Так, скорее жесткий спарринг. Бой до падения одного из противников, запрет на дистанционные техники.

— На все?

— Нет, конечно. Только на те, что бьют по площадям. Всяческие «хлысты» и «кулаки» с «таранами», разрешены. В общем, как-то так.

— Понятно.

— Волнуешься? — Поинтересовался Леонид.

— Не сказал бы. — Я в ответ пожал плечами. — Скорее, просто не хочу сделать что-то идущее вразрез с правилами. На кой мне нужны обвинения в неспортивном поведении, согласишься?

— Это да... — Покивал Бестужев. — Кстати, о спорте. Ты не знаешь, куда делась Лина Громова?

— Хм... Нормально. И причем здесь спорт? — Не понял я.

— Так ведь, вчера, они с сестрой чуть ли не половине школы разболтали, что после уроков едут к тебе на тренировку. Вот, кстати, а что за тренировки?

— Да так, по рукопашке их подтягиваю. — Отмахнулся я. — А то стыдно даже. Вой, а в ближнем бою, один пшик.

— Я-асно. — Протянул Леонид. — Кхм. Я-то думал. Ну ладно. Так что случилось с Линой?

— Неудачно упала.

— Как это? — Не понял Бестужев.

— Ну... вот, как-то так. Упала, поломала ноги и руки. Да ничего, к пятнице ее Иннокентий Львович приведет в порядок, и госпожа Громова вернется, чтобы продолжить муштру вверенного ей подразделения.

— Упала. Неудачно. Ну да, ну да. — Тихо проговорил Леонид, и согласно покивал. — То-то, наверное, ее мамочка расстроилась. Небось, теперь и на тренировки к тебе пускать не будет.

— Расстроилась? Не знаю, может быть. Но, насчет тренировок... это решает дед. А боярина Громова такими мелочами, как пара переломов, не переубедить.

— Верю. — Хмыкнул Бестужев. — Отец мой, такой же. Особенно, когда дело касается серьезных тренировок. Говорит, без пота и крови не бывает результата.

— Что, и ноги-руки переломать не боишься? — Протянул я, и Бестужев кивнул.

Мы дошли до класса, и разговор, сам собой увял. Впрочем, главное было сказано и услышано...

Глава 3. Чистописание и угольки

Я сидел за столом в своем доме, и пытался понять логику этих долбанных бояр. Один устраивает из жизни внука полосу препятствий, другой подталкивает своего сына к тренировкам, на которых переломы рук и ног считаются рабочими моментами... Как, вообще, это сословие смогло выжить с такими-то нравами?!

Я фырчал, как закипающий чайник, бросая недовольные взгляды на узкий конверт кремового цвета, валяющийся на столе, и никак не мог успокоиться. Да уж, задал мне Бестужев задачу. Я ведь отказал ему в тренировках... и не учел, просто не понял, что эта завуалированная просьба исходила не столько от него самого, сколько от боярина Бестужева. Просчитался.

Вот, результат этого просчета сейчас и мозолил мне глаза. Аккуратный прямоугольник дорогой бумаги, лежащий на дубовой столешнице, надписанный от руки, четким уверенным почерком с сильным наклоном...

Полюбовавшись на витиевато выведенный адрес, я хмыкнул, вспомнив слова нашей учительницы по этикету, Агнессы Поляковой.

— Знаете ли вы, какое дело каждый боярин без исключения считает самым муторным? Рассылку личных приглашений на торжества. Будь то бал или прием, свадебный пир или именины, всем личным гостям, хозяин торжества обязан собственноручно написать приглашение и указать адрес получателя на конверте. От руки. И вам придется когда-нибудь заниматься тем же самым, так что не ленитесь в чистописании, дети. Ведь ваш почерк увидят влиятельнейшие люди нашего государства... — Приятный голос с мягким, почти незаметным киевским акцентом, округлое лицо и добрая улыбка. Ну прямо ангел во плоти... пока не провалишь какое-то из ее заданий. Стоило оконфузиться, и Агнесса превращалась в самую настоящую фурию. Ее боялись больше, чем изощренных наказаний тренера. Страшная женщина. Она могла смешать неудачника с грязью всего двумя словами и одним взглядом. Даже дед, уж на что старый солдафон, и тот старался держаться с нею подчеркнуто вежливо. Какое счастье, что занятия этикетом закончились еще до моего «появления» здесь. Хм...

Я вынырнул из воспоминаний Кирилла и вздохнул. Именно такой, лично подписанный конверт сейчас и лежал передо мной. Приглашение в городскую усадьбу Бестужевых, присланное от имени главы рода. Отвертеться можно, только улегшись в гроб или, на худой конец, оказавшись в коме.

Раздавшийся со двора, грохот ударившихся о стены, распахнувшихся ворот, отвлек меня от созерцания чертова письма, и я скривился, представив, кто именно мог заявиться в мой дом, с такой «помпой». Но тут же нахмурился. Не сходится. Мила, вроде бы, была в адеквате, во время нашей последней встречи, а Лина, раньше пятницы точно не вылезет из медблока. Интенсивное лечение, даже проводимое таким высококлассным специалистом как Иннокентий Львович, все же требует времени... Алексей?

Впрочем, гадать было поздно. В сенях хлопнула дверь, потом распахнулась следующая, и я понял, что ошибся.

* * *

— Игорь, а куда это старшая боярышня отправилась... да еще и одна? — Заметив выезжающий за ворота золотистый «Сапсан», задумчиво поинтересовался Гдовицкой у дежурного.

— Вроде бы, на трек собралась. Развеемся. — Пожал плечами тот. — Отвлекись от переживаний за дочку... так она, кажется, сказала.

— Понятно. — Владимир Александрович кивнул и, покинув пультовую, направился в библиотеку, куда его вызвал Громов-младший. Сегодняшний день, наследник решил провести дома, но это не значит, что он собирается бездельничать...

После долгого разговора с Федором Георгиевичем, во время которого он получил вожделенное добро на модернизацию давно дышащей на ладан системы наблюдения на одном из производств, Владимир Александрович вышел из библиотеки в приподнятом настроении. Но, по дороге к своему кабинету, Гдовицкой вдруг понял, что хмурится, а руки его непроизвольно сжимаются в кулаки. Что-то было не так... какое-то смутное беспокойство все больше

охватывало начальника СБ, но с чем оно связано, Гдовицкой не понимал.

Владимир Александрович остановился, не доходя нескольких шагов до двери, замер на месте, пытаясь справиться с неожиданно возникшим порывом куда-то бежать и, пересилив, наконец, себя, все-таки добрался до своего рабочего места.

Усевшись в удобное кресло за широким столом, на котором не было ничего кроме выключенного стационарного вычислителя, он некоторое время просто сидел, откинув голову на спинку кресла и, прикрыв глаза, мысленно перебирал все недавние разговоры, в попытке выцепить ту подсказку, на которую так нервно отреагировало его подсознание. Утренняя беседа с боярином... Чисто. Ничто не ёкнуло, не отозвалось тревожным звоном. Завтрак... то же самое. Планирование визита в подразделения, охраняющие личные владения рода... ничего. Обед? Нет. Разговор с наследником об ужесточении контроля на объекте-два? Нет...

Пусто. Ни-че-го. Но Гдовицкого не оставляла мысль, что он что-то упустил. Она билась в голове, противно пищала, но... не давалась. Прямо, гонка за комаром в темной комнате... Гонка? Стоп. Есть! Гонка... машина... трек...

Перед внутренним взором Владимира Александровича промелькнул вызывающе золотистый спортивный автомобиль, выезжающий за ворота поместья и, фоном, слова охранника. «Поехала на трек»... Но, сегодня вторник, и на Кубинском кольце проходят квалификационные заезды Большой русской десятки. А значит, для частных «покатушек» трек точно закрыт...

Дернувшись так, что кресло недовольно скрипнуло под немаленьким весом одного из лучших боевиков рода Громовых, Гдовицкой с силой шарахнул ладонью по идентификатору вычислителя, встроенному в столешницу и, едва перед ним развернулся экран, вызвал одного из наблюдателей.

— Басов, где сейчас находится Ирина Михайловна?

Охранник, ответственный за контроль браслетов всех членов рода, моментально уловил, что шеф не в настроении, и его пальцы запорхали по невидимой клавиатуре с удвоенной скоростью. Не прошло и тридцати секунд, как наблюдатель выдал ответ.

— Гимназия в боярском городке. Стоп. Объект смещается... поворачивает на запад. Все. Сигнал потерян.

— На запад? Что там?

— Да ничего, парк. — Пожал плечами охранник и отшатнулся от экрана, увидев, как исказилось лицо обычно невозмутимого начальника СБ.

— Тревога по городской усадьбе. Уровень А-2, группе захвата на выход. Объект — «лес». Действовать по «сонному» варианту. — Скороговоркой произнес Гдовицкой и, заметив, что наблюдатель замер, рявкнул, — чего ждешь, идиот?!

— Приказ сформирован, прошу подтверждения. — Экран перед начальником СБ мигнул и он, шипя от злости, вновь хлопнул ладонью по идентификатору. Текст приказа исчез с экрана вычислителя и сменился лицом наблюдателя. Тот кивнул. — Пост «Беседы». Приказ принят.

— Пост «Город». Приказ принят. Готовность группы — две минуты. — Тут же продублировал получение распоряжения наблюдатель из городской усадьбы, подключившийся по требованию коллеги.

— Работайте. — Гдовицкой погасил вычислитель и, вздохнув, поднялся из-за стола. Нужно ехать к месту событий. Но прежде... прежде, придется доложить о случившемся боярину... и его сыну.

Вездеход с громовскими номерами неся через Москву, словно ужаленный, гудком сгоняя в сторону оказывающиеся на его пути автомобили, но, несмотря на сумасшедшую скорость, подъезжая к парку, по вьющемуся над деревьями дыму, Гдовицкой понял, что опоздал.

Автомобиль вкатился во двор, почти одновременно с пожарным расчетом, через развороченные ворота, створки которых теперь валялись на земле. Впрочем, brave пожарные, глянув на потушенные одним из боевиков рода остатки конюшни, почти тут же свернулись и уехали, не забыв перед этим заставить Гдовицкого, как старшего представителя рода Громовых, присутствующего здесь, подписать кучу бумаг. Впрочем, бюрократия сейчас беспокоила Владимира Александровича в самую последнюю очередь, так что, он едва дождался отъезда пожарных.

— Докладывайте. — Повернулся он к командиру группы захвата.

— Группа прибыла на объект через шесть с половиной минут, после получения приказа. Живых на территории обнаружено не было. Материального урона объект не понес... если не считать конюшни.

— Живых нет... а мертвых? — Тихо спросил Гдовицкой, вглядываясь в поляризованное забрало шлема своего подчиненного...

Глава 4. Фильм, часть седьмая, здесь можно поесть...

Когда в комнату вошла Ирина свет Михайловна, я ох... как удивился. А вот когда следом за ней нарисовалась парочка абсолютно незнакомых мне мордovorотов в городском камуфляже, понял, что время эмоций вышло. Я дернулся в сторону от стола и, уже уходя в ускорение, заметил, как медленно осыпается осколками оконное стекло, и дубовая столешница украшается чуть изогнутым, но частым рядком вонзившихся в нее стальных оперенных игл.

Очередь длинная, но вот она стихает и я, не дожидаясь продолжения, рвусь к окну. Чуйка работает на полную и я знаю, там только один противник. От дверей раздается стрекот, и стену перечеркивает еще одна очередь. «Камуфляжник» не успевает за мной, и я рыбой ныряю в окно, прямо на поднимающего ствол «тихушника», разворотившего окно моего дома. Удар отбрасывает слабо замерцавшее тело в сторону, и я вновь мчусь вперед. Опять меня зажимают в собственном доме, и опять за стеной лес и свобода... Но, теперь, теперь все будет иначе.

Передо мной вырастает стена конюшни, оббегать которую, просто нет времени. Взлетаю вверх и, ужом ввернувшись в узкое чердачное окно, несусь к противоположному скату крыши. Там спуск к дренажному колодцу и выход в овраг, к старому руслу ручья, куда выведен сток от моего пруда...

Я буквально ощущаю, как Эфир за спиной поднимается чудовищным валом, и понимаю, что опоздал. Вспышка, треск огня и я лечу наземь, отброшенный взрывной волной. Хана конюшне.

С этой мыслью и выбитым от удара о землю воздухом из легких, сознание меня покидает.

— Гаденыш... — Я прихожу в себя от неумелого, смазанного удара по ребрам, гляжу на

нависающую надо мной фигуру Громовой, но не успеваю даже подумать о сопротивлении, как чьи-то руки подхватывают мое тело, а в следующую секунду, слышу знакомые щелчки. На моих запястьях оказываются подавители...

— Оставь его, сестренка. У нас найдется, чем отплатить этому за Малину. — Меня мутит, и глаза застилает какая-то пелена, но я вижу, как один из камуфляжников обнимает Громову за плечи и отводит в сторону, одновременно кивая удерживающему меня бойцу. Удар...

Просыпаюсь от писка браслета на руке. Вокруг, темно, хоть глаз выколи... и тесно. Похоже, я в каком-то ящике, но... Благодарю провидение за то, что подавители не глушат Эфир, и пытаюсь ощупать пространство за пределами коробки. Тщетно. Кажется, меня закопали...

— Очнулся, уродец? — Голос Громовой доносится из самостоятельно активировавшегося браслета. Понятно, кто-то в нем поковырялся.

— И? — А в горле, словно наждачкой провели... Это ж, сколько я здесь провалялся?

— И все. Вот, хочу полюбоваться, как ты сдохнешь. Да, можешь не надеяться, что кто-то тебя найдет. Браслеты полностью очищены от всех «маячков». Так что, можно сказать, что здесь, только ты и я. Романтично, не находишь?

— Хм... Нет, не хватает мне душевной тонкости, очевидно. — Подумав, вздыхаю я.

— Ну что ты... — А голос такой ласковый-ласковый. Так и хочется удушить. — Смерть воздушника от асфиксии, всю нелепую красоту такой смерти должен оценить даже такой ублюдок, как ты...

— Не дожدهшься. — Обволакиваю браслет коконом от прослушивания и, убедившись, что никакие звуки не слышны, пытаюсь определить, в каком направлении копать. Нет, я вовсе не собираюсь изображать крота. Тем более, что наверху, наверняка, есть наблюдатель. Если они не совсем идиоты, конечно. Я поступлю иначе...

«Прощупав» подавители, я довольно хмыкнул и принялся накачивать их питающие кристаллы Эфиром. Десять минут деструктивной деятельности и «напульсники» едва не падают мне на колени. Еле успеваю удержать их от этого. Вот что значит вера в печатное слово... Покажи я реальные возможности в управлении Эфиром, и давешние экзаменаторы долго бы еще ломали головы, какой ранг вписывать в сертификат. А так, мастер, и баста. И мои захватчики поверили в написанное. А если бы не поверили, то и возиться с подавителями не стали... да и со мной, скорее всего, тоже. Забили бы до смерти, и все.

Острая воздушная игла разогревается, шипит, соприкасаясь с металлической стенкой моего «гроба» и я чувствую, как по лицу струится пот. Жарко... Но я старательно удерживаю концентрацию и выплесками эфира затираю следы воздушной техники. Оперировать стихией и Эфиром одновременно, чрезвычайно сложно. Но надо. Я не знаю, что именно передает мой «почищенный» браслет на экран этой твари, но очень не хочу, чтобы у нее, или еще у кого-то из наблюдателей возникли какие-то подозрения, насчет происходящего здесь.

Облизав пересохшие губы, расширяю получившееся отверстие, а потом, та же игла с легкостью вворачивается в еще не слежавшийся грунт. А еще через полчаса, уже чувствуя, как мутнеет в глазах, и тело наливается слабостью от нехватки кислорода, я делаю глубокий вдох и легкие наполняются живительным свежим воздухом... Получилось.

Пора. Снимаю кокон с браслета и довольно натурально сиплю, выпучивая глаза. Сжимаю горло

руками и, дернувшись, замираю, старательно изображая труп. Даже сердцебиение замедлил и скрыл в эфире.

Слышу довольный смех Громовой и голос «камуфляжного».

— Вот видишь, Ириша. Согласись, это лучше, чем марать руки его кровью?

— Согласна. Спасибо за хорошую идею, Рома. И за помощь.

— Мы же, родня, сестренка. — Усмехается «камуфляжный» и тут же добавляет, явно куда-то в сторону. — Убирайте охрану.

А еще через час, браслет на моей руке осыпается пеплом. Пора идти...

* * *

Установить, куда делся Кирилл, удалось только к утру и, то лишь благодаря личному визиту боярина Громова в полицию, которая, поворчав, все-таки предоставила ему доступ к архивам системы наблюдения.

— Ты уверен, что он должен быть где-то тут? — Хмуро поинтересовался Федор Георгиевич.

— Других удобных мест, поблизости нет, а на записи следующего дорожного фиксатора, ее машина отсутствует. — Ответил Гдовицкой, обращаясь одновременно к обоим Громовым. И дождавшись кивка боярина, махнул рукой своим подчиненным. Те тут же рассыпались цепью и принялись прочесывать карьер.

Солнце как раз показалось над верхушками сосен, когда охранники вытащили с трехметровой глубины металлический ящик, больше всего похожий на запаянный мусорный контейнер. Огненное лезвие с легкостью срезало плохо приваренную крышку и, откинув ее в сторону, Громов-младший заглянул внутрь.

— Живой. — Выдохнул он, доставая из контейнера осунувшегося племянника.

— Как же ты...

— Всё потом, Володя. Организуйте ребенку воды, ну и... прочее. — Рыкнул Громов-старший и Гдовицкой, кивнув, тут же утащил Кирилла к машине.

— И все-таки, я не понимаю. Почему было не вернуться домой для допроса Ирины? Хотя бы одному из нас? — Тихо проговорил наследник, глядя вслед начальнику СБ. — Насколько быстрее управились бы!

— Кому, например? Мне? И кто бы вас пустил в полицейский архив, в мое отсутствие? Или, ты сам хотел бы допросить свою жену? Смешно. — Боярин вздохнул и кивнул в сторону автомобилей, куда Гдовицкой увел Кирилла. — Или он? Ты готов доверить допрос первой женщины рода, собственной СБ? Однако. В общем, не говори ерунды, мы поступили правильно. А с Ириной, я сам побеседую. Пора уже.

Спустя полчаса, Кирилл сидел на заднем сиденье громовского вездехода и, уплетая огромный бутерброд из запасов охраны, довольно бодро отчитывался о своих приключениях... Вот только рассказ этот был довольно куцым и, самое главное, Кирилл не узнал никого из нападавших. Громовы переглянулись с Гдовицким.

— Если бы близняшки не сломали на прошлом занятии подавители, я бы до утра не дожид. — Замкнул спасенный и зло договорил. — Знать бы, кто меня туда замуровал...

Федор Георгиевич хотел было что-то у него спросить, но в этот момент зазвонил браслет Гдовицкого, а через секунду и его собственный. Наследник рода и начальник службы безопасности обеспокоенно переглянулись и, развернули экраны. По мере того, как они выслушивали то, что говорили абоненты, лица Громова и Гдовицкого вытягивались все сильнее, но они так и не сказали ни слова.

— По машинам. — Отдав приказ охране, Владимир Александрович тяжело вздохнул и, забравшись на водительское сиденье вездехода, завел двигатель. Хлопнула задняя дверь, и рядом с клюющим носом Кириллом на сиденье уселся явно недовольный дед. Глянул искоса на внука и вздохнул.

— Судьба, наверное.

— Примите мои соболезнования. — Тихо проговорил Гдовицкой, обращаясь к сидящему рядом наследнику. Тот, в ответ только кивнул и махнул рукой.

— Дядя Федор, что-то случилось? — Нахмурившись, спросил Кирилл, когда вереница автомобилей уже вывернула на шоссе. Но, вместо ушедшего в себя наследника рода, ответил дед.

— Тетка твоя представилась. Сегодня ночью. Опоздали...

Глава 5. Ходячие мертвецы, неходячие мертвецы

Выкапывался я долго, чуть ли не дольше, чем срезал приваренную жестяную крышку моего «гроба», но не потому, что было так уж сложно или тяжело. Хотя, назвать простым этот процесс, у меня язык не повернется. Жутко мутное и... «неудобное» занятие, осложнявшееся тем, что выкапываясь, я одновременно пытался «прощупать» пространство надо мной в эфире. И, лишь убедившись, что в радиусе полукилометра нет ни одной живой души, я, наконец, обрушил тонкий «потолок», который удерживал над собой слабым кинетическим щитом.

Выбравшись, в конце концов, из этой могилы, я на всякий случай огляделся по сторонам и, узрев «лунный» пейзаж вокруг, невольно выматерился. В сгущающихся сумерках, песчаный карьер, на дне которого меня похоронили, производил весьма унылое впечатление. Но причина моей реакции, была в другом. В городе нет мест, подобных этому. А значит, я за пределами Москвы... Плохая новость, учитывая мои планы...

Да, я решил не пускать дело на самотек и как можно скорее вернуть долг Ирине Михайловне. А если повезет, то и ее «брату Рому». Не дурак ведь, и понимаю, стоит мне теперь «засветиться», и в ход пойдут куда менее изощренные, зато более надежные способы убийства. Оно мне надо? Вот уж, нафиг. А значит... значит надо действовать. И первым делом, необходимо добраться до города.

Выбравшись из карьера, и оказавшись на шоссе, я, мысленно поблагодарив родителей Кирилла за наследственность, очистил воздухом свою одежду... насколько это было возможно и поднял руку. Автостоп, он и в другом мире, автостоп!

Движение на трассе оказалось довольно оживленным, так что спустя каких-то десять минут, я

уже забирался по высоким ступенькам в о-очень просторную кабину огромного седельного тягача. К моему удивлению, кресло в нем было только одно, понятное дело, водительское. Оно оказалось расположено точно на продольной оси кабины, а сам водитель в нем, в результате, больше напоминал пилота какого-то футуристического аппарата. А панорамное лобовое стекло, изящной дугой обогнувшее «подкову» приборной доски, и вовсе наводило на мысли о «звездолетах», как их показывали в старых фантастических фильмах Там. В общем, место для меня нашлось только на расположенной за спиной водителя, широкой спальном полке. Очень широкой полке...

Грузовик неожиданно мягко тронулся с места и тут... в общем, я понял, что забыл сделать одну важную вещь. Сообщив об этом водителю, я удостоился легкого смешка и снисходительного объяснения.

— Парень, это же континентальник! Спустись в прихожую, дверь в туалет будет справа от тебя... Только, смотри, не перепутай, а то еще вылетишь на дорогу. — Бросил мне водила этого монстра.

Честно говоря, находясь под впечатлением от такого «сервиса», я даже на время позабыл о своих планах. Спустившись обратно в закуток у входной двери, прозванный водителем «прихожей», я покрутил головой и заметил справа от себя низкую неприметную дверцу, отодвинув которую в сторону, оказался в небольшом помещении, расположенном, кажется, аккурат под спальным местом водителя. Точнее, нижней полкой. А я еще удивлялся его ширине и понимающе хихикал. Однако... Да, места в туалете оказалось совсем немного, пожалуй, даже меньше чем в санузле пассажирского вагона, зато, здесь даже душ имеется! Хочу такую машину. Вместо полуприцепа засандалить нормальный кузов с кухней и спальней, и готова натуральная «вилла на колесах»... Мечта!

Насладившись достижениями цивилизации, я вернулся в кабину тягача и, устроившись на полке за спиной водителя, уставился на пролетающий за изогнутым стеклом, пейзаж.

Первым моим порывом, когда я выбрался из карьера, было добраться до дома, а уже оттуда рвануть в имение, но после недолгих размышлений, я отбросил эту идею, как неподходящую. Кто его знает, что меня там ждет. А значит, мой путь лежит напрямую в имение. Сомневаюсь, что супруга наследника рода Громовых, позволит себе не вернуться вечером домой. По крайней мере, раньше такого не было, а визиты в гости, тем более не на вечер, а, так сказать, с ночевкой, всегда обговаривались заранее. Очень, заранее.

Мимо промелькнула кольцевая и наш тягач, шипя, притормозил и скатился по «лепестку» на его внутреннюю сторону. А через несколько минут, и вовсе остановился у башен подвесного пешеходного перехода и автобусной остановки.

— Приехали, парень. — Констатировал водила, кивая в сторону пустого навеса, подсвеченного табло расписания.

— Спасибо, Виктор Кузьмич. Выручили. — Я пожал руку водителю и, пожелав ему счастливого пути, выбрался на улицу. Тягач тихо загудел и покатил по кольцу, плавно набирая скорость.

Перейдя на другую сторону кольца, я запрыгнул в подошедший полупустой автобус и, продемонстрировав голые запястья, скорчил шоферу извиняющуюся мину.

— Что, ограбили? — Оценив мой слегка потрепанный вид, спросил тот, закрывая двери.

— Если бы. Друзья пошутили. — Вдохнул я. — Заснул на пикнике, а проснулся... ни друзей, ни

шашлыка... ни денег с браслетом. Вот, теперь до дома добираюсь.

— Ладно... занимай место, жертва обстоятельств. — Покачав головой, усатый шофер махнул рукой в сторону салона и, захлопнув двери, тронул автобус с места. Нет, можно было бы, конечно, попробовать укрыться отводом глаз, но тогда водитель просто проехал бы мимо остановки. А что? Выходящих нет, под навесом пусто. Имеет право. Вот и пришлось выдумывать...

Через сорок минут, я уже был недалеко от имения. По прямой, от кольца до «Бесед» не больше пяти километров, так что, действительно недалеко. Вот только добираться до бывшего дома по шоссе, я не стал и свернул в лес. На кой мне светиться на дорожных фиксаторах?

Добравшись до знакомой опушки, я взглянул на темную громаду каменного забора опоясывающего имение и, предельно аккуратно, можно сказать, нежно тронув Эфир, прислушался к откликам. Раз, два, три... шесть разных датчиков. И на удивление компактно расположенных. Нет, стоп. Должно быть что-то еще... Припав к земле, отправляю легкий эфирный посыл в сторону стены и довольно киваю. Вот и «подстраховка». Так, а теперь надо решить, как их обойти...

Покинув, на всякий пожарный, опушку, я добрался до небольшой полянки в лесу и, усевшись на поваленное дерево, задумался. Можно было бы, конечно, просто выжечь фиксаторы, как браслет Гдовицкого, тогда, на заимке... но, могу поспорить, стоит мне это проделать, как к месту «обрыва» сбегутся жутко недовольные тревогой охранники. Оно мне надо? Нет. И как быть?

Опомнившись, я скинул отвод глаз, под которым рассматривал систему защиты поместья и...

Стоп! А что я, собственно, мучаюсь? Ведь здешние датчики-фиксаторы, это не Тамошняя техника. Они реагируют не на реальное изменение физических параметров в контролируемом объеме, а воспринимают эфирные искажения, возникающие в результате тех самых изменений. А потом уже переводят их в понятный любому неодаренному вид. Считается, что такие записи невозможно подделать, и нельзя пройти через фиксируемый датчиками объем, незамеченным. Ха... Ну-ну. Но ведь отвод глаз, как раз, и создан для того, чтобы снижать возмущения в эфире! Он не делает человека невидимым или неосязаемым, а лишь выравнивает эфирный фон, размывая те возмущения, что укрытый отводом глаз объект вносит в окружающую среду одним своим присутствием... Конечно, для идеального размытия, вплоть до полного исчезновения всех «лишних» возмущений, нужна огромная концентрация и филигранная работа с эфиром, но, кто сказал, что мне это не по плечу? Ничего принципиально невыполнимого здесь нет. А значит... за работу.

Я глубоко вздохнул и, одним отработанным до автоматизма усилием накиннул на себя давно ставший привычным отвод глаз. Тронув эфир, оглядел себя со всех сторон и принялся за работу. Максимально выровняв биение потоков силы в теле, я начал потихоньку сливать их с окружающим меня морем энергии. Через минуту я чувствовал себя так, словно погрузился в воду, температура которой идеально совпадает с моей собственной. Я уже не мог сказать, где кончается энергия тела, и начинается то самое море эфира, да и само тело почти не ощущал, оно будто растворилось в окружающей среде... Зато... поморщившись от возмущения эфира, разошедшегося от меня в разные стороны волнами, словно кругами по водной глади, я окинул себя взглядом «со стороны» и улыбнулся. Сработало...

Поднявшись на ноги, и старательно поддерживая концентрацию, я сделал несколько шагов из стороны в сторону, подпрыгнул, пробежался по полянке и, убедившись, что поддержание

отвода не требует слишком уж больших усилий, ускорившись, ударил кулаком по бревну. Хруст треснувшего дерева, да легкая, почти мгновенно растаявшая рябь в эфире, вот и все последствия. Замечательно. Я скинул с себя доработанную технику и, прислушавшись к ощущениям, тихонько хмыкнул. Теперь понятно, почему гранды так не любят распространяться о своих умениях. За такое, пожалуй, и убить могут... е с л и смогут.

* * *

Сон не шел. Стоило Ирине чуть глубже погрузиться в дремоту, как она слышала сдавленное сипение и хрип, а перед внутренним взором представало бессмысленно разевающее рот лицо пятнадцатилетнего мальчишки... Ирина вздрагивала и тут же просыпалась в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем. Вот и сейчас, вынырнув из дремы, она тяжело вздохнула и, открыв глаза, вдруг замерла в ужасе. Сон не закончился! Лицо Кирилла, бледное, отрешенное нависло над Ириной, и... растворилось в темноте... вечной.

Глава 6. С корабля на бал

Самым сложным в моем экспромте, оказался вовсе не вопрос незаметного проникновения на территорию поместья, и даже не маскировка убийства столь чутко спавшей в своей спальне супруги наследника рода, под обычный insult. Нет, куда сложнее оказалось закопаться обратно в тот ящик, что по задумке братца покойной, должен был стать моим гробом. А уж выгresti из него весь сброшенный на дно, во время выкапывания, песок... а потом еще и заварить проделанное в крышке бака отверстие, вот это было по-настоящему трудно! Но я справился. Хотя, как подумаю, на каком волоске висело все это мероприятие, дурно становится. Ведь с момента моего «самозахоронения», до появления в карьере вереницы громовских «вездеходов», прошло всего полтора часа! Повезло, что по дороге в Москву мне попался тот водила, и не пришлось тратить время на общественный транспорт. За городом он ходит куда реже. В этом случае, я прибыл бы на место не раньше полуночи. И вдвойне повезло, что о поисках проводимых Гдовицким и Громовым-младшим, я услышал в имении от ночной смены охранников, убивавших время дежурства болтовней. Из-за этого, я даже отказался от идеи допроса Ирины Михайловны, на счет ее «помощников». Пришлось ограничиться беглым просмотром инфы с ее браслета... А потом бежать под ускорением добрых сорок километров. В результате, когда меня изымали из «гроба», я действительно чуть дышал... правда, тут дело было не только в выматывающем беге на пределе сил, но и в самом процессе «закапывания». Клянусь, никогда больше не пойду на такую авантюру. Ведь, и вправду, чуть не сдох...

Передернувшись от дурных воспоминаний прошедшей сумасшедшей ночи, я не заметил, как задремал на заднем сиденье джипа, под чутким присмотром, вдруг ставшего чрезвычайно внимательным ко мне, деда.

А проснулся уже в постели, в знакомой комнате... Имение «Беседы», моя бывшая спальня. Хм. А неплохо. И не скажешь, что здесь ремонт делали... если, конечно, не знать, куда смотреть. Вот, например, новенький подоконник и оконная рама. А здесь, чуть отличающиеся по цвету, явно замененные плашки паркета... Стол, шкаф, тумбочка... ну, тут ничего нового. Огонь их пощадил, так что, стоят себе, как стояли... Мысли медленно ворочались в голове, сонно, неторопливо. Я зевнул и, бросив взгляд на часы, висящие над дверью в ванную, скривился. Половина третьего! Подскочив с кровати, я метнулся в ванную... наскоро приняв душ и почистив зубы, я вернулся в комнату и, надев свои шмотки, к счастью, не очень-то пострадавшие этой ночью, распахнув окно, сиганул прямо на клумбу.

— Кирилл? — Я оглянулся и мысленно застонал. Ну почему, именно он?!

— Здравствуй, Алексей. — Я кивнул стоящему на дорожке двоюродному брату, и окинул его настороженным взглядом. Знает. Лицо осунувшееся, бледное. Веки красные... Ну извини, Лёша, никто не заставлял твою мамочку живьем закапывать племянника. По делам и награда.

— Ты слышал? — Проигнорировав мое приветствие, тихо проговорил Алексей.

— Дяде Федору при мне сообщили. Сочувствую... — Коротко ответил я.

— Да что ты... — Алексей осекся и, шумно выдохнув, продолжил уже мягче. — Извини. Кому и понимать, как не тебе. — И тут же сменил тему. — Ты сбежать хочешь?

— Да. — А как еще объяснить мои прыжки в окно? Лучше уж правду сказать.

— Давай, подброшу до метро. — Неожиданно предложил Алексей и, заметив мой недоуменный взгляд, пояснил. — Не хочу здесь оставаться. Все носятся, суется... и каждый норовит со своими соболезнованиями в душу влезть. Достали...

— Буду благодарен. — Кивнул я.

До машины Алексея мы добрались без приключений, а на КПП нас даже ни о чем не спросили. Только Гдовицкому доложили... и шлагбаум взвился вверх.

— Что ты там с Линкой сотворил? — Поинтересовался Алексей спустя четверть часа полной тишины.

— За длинный язык наказал. — Пожал я плечами. — Она по гимназии слухи обо мне распускать начала... мягко говоря, нехорошие. Вот, и огребла.

— Понятно. — Коротко кивнул в ответ Алексей, не сводя взгляда с дороги. — Доигралась, все-таки.

— А тебя это не... хм-м... не раздражает? — Спросил я. Честно говоря, сидя рядом с человеком, матери которого, совсем недавно организовал то, что раньше именовалось апоплексическим ударом, я чувствовал себя не в своей тарелке. Неуютно... Не могу сказать, что у меня кошки на душе скребли от осознания совершенного убийства... сколько их за моей спиной... привык. Вот только, тогда была служба, война... И мне не приходилось общаться с родственниками моих противников. А сейчас, глядя на вот этого хмурого семнадцатилетнего пацана, сжимающего рулевое колесо и вперившего взгляд в дорогу, я чувствовал себя... совсем не хорошо. И я, действительно, сочувствовал Алексею. Да, его мать, мягко говоря, не была образцом добродетели, но ведь это не его вина... правильно? С другой стороны, других вариантов она мне не оставила. Так что... Совесть, к ноге.

Алексей, в ответ на мой вопрос, только неопределенно дернул плечом.

— Не знаю, Кирилл. Я, сейчас, вообще ничего не знаю... — Автомобиль резко затормозил и прижался к обочине. Алексей кивнул на вход метро. — Ладно. Выходи, приехали.

— Спасибо за помощь. — Я распахнул дверь и спрыгнул на тротуар.

— Не за что. Похороны послезавтра. Если надумаешь, позвони, я пришлю машину. — Покачив отрицательно головой, я захлопнул дверь и «вездеход» Алексея сорвался с места.

Посмотрев вслед автомобилю, я тряхнул головой и устремился к метро. И, только оказавшись у турникетов, вспомнил, что у меня нет ни копейки денег. Ну, не хожу я по своему дому с кошельком в кармане. Не хожу. Ну и черт с ним. Ускорение, и злобные турникеты захлопываются уже за моей спиной. Короткая пробежка по эскалатору, и вот я уже на станции метро «Пресненская»^[3]. А полчаса спустя, выйдя на Каланчову площадь и, не увидев ни одной машины, я плюнул на правила и помчался напрямик через проезжую часть. Времени до встречи на полигоне остается все меньше, а значит, надо поторопиться.

Запах гари достиг моего носа раньше, чем глаза увидели снесенные ворота бывшего конного клуба. Я прошел через пустой проем в заборе, с покосившимися воротными столбами и, оказавшись во дворе, решительно двинулся в дом. У меня еще будет время оценить весь ущерб. А пока, нужно собрать запасную одежду, оседлать мотоцикл и ехать на школьный полигон...

Рыжий взревел и, выбросив из-под заднего колеса облако пыли, рванул по просеке. Дуэль не самое важное дело на сегодня. Но, если я ее пропущу, о нормальной учебе можно будет забыть. А это, три года, между прочим, и я совсем не хочу, чтобы они были потрачены на постоянное доказывание своей силы и самостоятельности окружающим.

— Кирилл, ты рехнулся? — Бестужев нервно вышагивал по скамейке, за моей спиной. Я же, просто наслаждался хорошей солнечной погодой и сигаретой, последней в пачке, как оказалось. Нервное состояние после прошедшей ночи и короткой беседы с Алексеем, нехотя растворялось в ароматном дыме, и таяло вместе с ним. Хо-ро-шо.

— Лёня, успокойся. Ну, хочется нашему старосте оказаться в больнице. Так, кто ему злобный доктор? — Лениво взглянув на мечущегося Бестужева, спокойно проговорила Вербицкая, и вновь вернулась к своему чрезвычайно важному занятию: доведению ногтей до совершенства.

— Маша! И ты? — С интонациями умирающего Цезаря, возопил Бестужев. — Их же трое! Трое, понимаешь? Да, они и поодиночке-то его к врачам отправят. А всей компанией сразу, вообще в могилу уложат... И не надо мне говорить, что это спарринг а не дуэль! Все равно, закопают!

— Кто-нибудь, уговорите этого белобрысого. — Пробормотал Резанов, сидевший на лавке, следующей за той, по которой метался Леонид. — У меня уже голова от его беготни кружится...

— Лен, действительно, сядь уже и успокойся. — Я дернул приятеля за штанину, и тот, нехотя, с сопением опустился на лавку.

М-да, когда я сообщил Бестужеву, на каких условиях хочу провести «спарринг», он чуть не рехнулся. Но, вздохнув и успокоившись, пошел договариваться с противной стороной. Я же, просто не желал тратить свое время... и очень сильно рассчитывал пресечь этим шагом дальнейшие наезды, хотя бы на полгода... Естественно, что посмотреть на представление собралось чуть ли не полшколы. Кому-то было просто интересно, кто-то желал полюбоваться на то, как старшеклассники «раскатают в блин наглого новичка»... а кто-то и вовсе на полном серьезе утверждал, что таким образом, я решил покончить с собой, не в силах вынести позора изгнания... М-да. В общем, равнодушных не было. Я окинул взглядом забитый зрителями «амфитеатр», и хмыкнул. Но насладиться этим зрелищем, мне не дал усиленный эфирной техникой, голос распорядителя, роль которого взял на себя наш физрук.

— Поединщики, в круг.

Не знаю, как Леонид умудрился договориться о варианте боя с условием, трое против одного,

но он это сделал. Мало того, этот реактивный белобрысый хорек еще и тотализатор успел организовать... нелегальный, разумеется. Так что, сейчас, заняв свое место в круге, и наблюдая, как противники расходятся по своим местам, я отрешенно пытался подсчитать свой будущий барыш, и ждал отмашки судьи.

Глава 7. Ловкость рук и никакого мошенства

Вспоминаю школу Кириллова отца, и начинаю «отыгрывать стихийника». Прыжок в ускорении, сопровождаемый легким «воздушным шлейфом» за спиной, по внешнему виду и ощущению в Эфире, мало отличается от техники «паруса», используемого «воздушниками» для быстрого перемещения на короткие расстояния. А диск кинетического эфирного щита в воздушной оболочке, очень похож на «лезвие». Жаль, что его мощь уступает настоящей «воинской» технике. Пришлось добивать «каменную кожу» Стародубова, изображавшего в ней бетонную статую, эфирной «иглой», охлажденной до температуры жидкого азота. Вот. Защита новика с хрустом рассыпается мороженной каменной крошкой, и удар простейшего кулака опрокидывает первого противника наземь. Долго? Для зрителей, с начала нашего боя прошло не больше пяти секунд. Ильин, за это время, успел швырнуть по моей «стартовой» площадке, гравийной «шрапнелью», разогнанной до бешеной скорости. Мимо. А вот «арамис», в бурлящем коконе щита, принялся смещаться в сторону. Сокращает дистанцию?

Увернувшись от очередного удара гравием, я пустил в сторону Ильина пару таких же замаскированных кинетических щитов, каким «угостил» Стародубова, но «атос», удивительно точно просчитав траекторию их полета, просто развернулся боком, одновременно наращивая мощь собственного щита с атакуемой стороны. Есть! Повинуясь моей воле, кинетические щиты резко сменили направление, в попытке слиться в один и... грохнули с двух сторон по Илье. Удержать равновесие, когда тебя с двух сторон лупит, словно тараном, довольно трудно, а если в этот момент еще и получить мощный удар ногой в лицо, пусть и защищенное стихийной техникой... Ильин ошибся, ему надо было привязывать щит не к себе, а к собственному местоположению, но он не захотел терять подвижность, и проиграл. Ошеломленный сразу двумя ударами, «атос» не успел отследить мое приближение и закономерно проиграл. Хотя щит его так и остался активированным. А вот теперь пришла очередь Винокурова.

Пока я бегал по полигону, выводя из строя «твердолобых», этот ушлый парень, после первой попытки приблизиться, разорвал дистанцию и внимательно наблюдал за моими действиями, не делая ни единой попытки помешать. Некрасиво? Зато, он сделал выводы из поражения приятелей. Его бурлящий кокон преобразился. Теперь это был нестесняющийся движений диск, зафиксированный на левой руке, словно настоящий щит. А в правой возник уже виденный мною водяной хлыст.

Честно говоря, увидев приготовления Григория, я разочаровался. От «воя» я ожидал куда большего. Кажется, накрылся мой выигрыш...

Или нет? Увернувшись от полоснувшего воздух хлыста, я еле успел прикрыться эфирным щитом от ударившего во все стороны ледяного крошева, взорвавшегося там, где удар плети пришелся по земле.

Ринувшись вперед, я едва ушел от следующего удара хлыстом и, поднырнув под руку Григория, засветил ему по ребрам. «Арамис» отшатнулся и, скользя «водяной дорожкой», подался в сторону. Понимая, что на средней дистанции мне ничего не светит, я рванул следом за отступающим противником, пытаясь сократить расстояние. Облом. Здесь меня встретил

неожиданно разросшийся в стороны щит Григория. Трансформированная техника, словно локомотив, снесла меня к самому куполу, вдавила в него и, спустя секунду, рассыпалась водяной пылью. А я с облегчением сполз по вибрирующей от удара стенке купола, наземь.

Глянув на вяло махнувшего рукой зрителям Григория, я с легким удивлением понял, что он не очень-то доволен исходом боя, да и косится в мою сторону с каким-то странным выражением лица. Ну и ладно. С этим можно и потом разобраться. А пока, у меня есть куда более важные дела...

Купол сняли, и одноклассники бросились на полигон, растаскивать тела «гладиаторов». Рядом со мной тут же оказался недовольный Леонид и улыбающаяся Вербицкая.

— Ты специально это сделал. — Ткнул меня пальцем в грудь Бестужев, когда вокруг не осталось никого, кроме все той же, довольной, словно придавившая мышку кошка, Вербицкой.

— Кхм...

— Ай, оставь. — Отмахнулся Леонид, проследив мой выразительный взгляд, обращенный на Машу, тут же состроившую из себя олицетворение наивности. Ну да, ну да, это у нее замечательно получается. — Она в курсе дела и поставила ту же сумму и на тот же исход, что и твой агент.

— МОЙ агент? — «Удивился» я, и Леонид надулся. Правильно. Если уж не смог сохранить в тайне такое дело, то не надейся, что с твоими секретиками не поступят так же.

— Ладно-ладно. Это был мой агент. Доволен? — Бестужев тяжело вздохнул. — И все-таки, ты сделал это специально. Я уверен.

Засунь свою уверенность подальше, дорогой друг-товарищ. Я не собирался устраивать шоу мастера Эфира. Кто знает, тот знает, а остальным и не надо.

— Машенька, милая, скажи пожалуйста, тебе не стыдно? — Вздохнув, обратился я к однокласснице.

— Стыдно? За что? — Захлопала ресницами наша актриса.

— Ты же ополовинила мой выигрыш. Фактически, ограбила сироту. — Улыбнулся я.

— Хм. Прошу прощения, но... где доказательства? — Мило улыбнулась девушка. — Я вообще, не понимаю о чем ты говоришь, д о р о г о й...

— Она воспользовалась услугами того же агента. — Вздохнул Леонид. — Ну, и сам он тоже поучаствовал.

— А думать надо было, кого в агенты выбирать. Солидарность рода, слышал о таком? — Рассмеялась Вербицкая. — Твой агент, Леня, мой родной брат. Неужели, заметив, как вы с ним секретничаете, я не поинтересовалась, о чем шла речь?

— Издержки системы. — Фыркнул я, в ответ на печальную гримасу, скорченную Бестужевым.

Это был очень долгий день. И слишком насыщенный, тем более, для пятнадцатилетнего пацана. Так что, добравшись до дома, я даже не стал заморачиваться с приготовлением ужина и, бросив сверток с выигрышем на стол... почти две тысячи рублей, между прочим... поплелся в

спальню.

Утром, я поднялся отдохнувшим, но вот насчет свежести... Хм. Мда... Приняв душ, я вышел в общую комнату, и мой взгляд упал на брошенные на столе конверт и сверток. Мотнув головой, я решил разбираться с делами на сытый желудок и двинулся готовить завтрак.

С подозрением осмотрев имеющийся в холодильнике выбор, я решил, что сегодняшний завтрак должен быть посущественнее и, выудив из морозилки солидный шмат мяса, принялся пластать его куцыми «воздушными лезвиями». Получилось четыре порции. Воздух вокруг разложенного на разделочной доске мяса, нагрелся, и через несколько минут я бросил первые два куска, прямо на раскаленную ребристую поверхность плиты, предварительно сбрызнутую маслом. Пока мой завтрак подрумянивался, я как раз успел порезать овощи и приготовить лимонный соус.

На все про все, у меня ушло едва ли четверть часа, но я все равно, чуть слюной не изошел, когда по комнате пополз сногшибательный аромат жаренного мяса.

Стейки на тарелку, крупную соль в плошку, салат в миску, и все это на стол. Оголодавший за прошедшие сутки, желудок что-то радостно рявкнул и... Через десять минут я задумчиво глянул на опустевшую посуду, покосился в сторону кухни, но, в конце концов, оставил мысль о добавке и решил заняться делами.

И тут меня ждал облом. Браслетов-то, нет... а значит, ни позвонить кому, ни в Паутинку залезть, не получится. Пришлось отбросить мысль о созвоне с Леонидом с последующей отмазкой от посещения гимназии и, вздохнув, выбираться из дома.

Алексеевские ряды встретили меня непрекращающимся гомоном снующих туда-сюда покупателей. Нырнув в первый же попавшийся магазин подходящего профиля, я недолго думая, выбрал себе «Дакомовский» браслет из той же линейки, что и прошлый, купленный в этих же рядах, разве что, на этот раз, артефакт был из разряда действительно «неубиваемых». Но и цена у него оказалась соответственная. Почти шестьдесят рублей. И еще десятка ушла на «чужой» кристалл-идентификатор. Гады. А в прошлый раз было дешевле... в два раза. У-у... крохоборы.

Скинув свой новый номер Леониду, я ничуть не удивился тому, что спустя минуту, браслет задрожал сообщая о входящем вызове.

— Кирилл, здорово. — Тут же затараторил Бестужев. — Слушай, а можно увеличить количество человек в группе? А то, у нас желающих сходить в музей набирается, чуть ли не в полтора раза больше.

— Извини, Лёнь, но мне кажется, пока не время обращаться к Федору Георгиевичу с таким вопросом. У него, сейчас, другим голова забита... Извини. — Покачал я головой.

— О... И ничего нельзя сделать? — Погрустнел Бестужев.

— Вряд ли. Я, по крайней мере, не возьмусь.

— А...

— Можешь попытаться узнать у своего отца, но если я не ошибаюсь, и он достаточно информирован, то скажет тебе, то же самое. — Перебил я приятеля.

— Понятно. — Медленно проговорил Леонид, и тут же повеселел. — Ладно. Ты как, сегодня почтишь гимназию своим присутствием, или будешь изображать раненого героя?

Глава 8. Иногда, читая между строк, рискуешь вычитать не то

Мне нужно отдохнуть. Это очевидно. Вал событий скоро просто погребет меня под собой. И в то же время, я понимаю, что времени на отдых у меня нет. Дамокловым мечом нависает ситуация с братом Ирины Михайловны. Ждет встречи глава рода Бестужевых, нервнрует странная суета Громовых... а тут еще и Григорий Винокуров нарисовался.

Вот он, стоит передо мной, и ждет ответа на свой вопрос. И что я ему должен сказать?

— Господин Винокуров, я не понимаю, о чем вы говорите. — Развожу руками.

— Вы, господин Громов, могли выиграть, но не стали. Вы мастер Эфира, это я знаю точно. Так, почему? — Григорий сверлит меня сердитым взглядом и, кажется, совершенно не намерен отступать. А придется. Я не намерен всем и каждому объяснять свое нежелание становиться инструментом для доказывания чьей-то силы. А полная победа в тройном поединке стала бы красной тряпкой для желающих показать свою крутизну «мажоров». С другой стороны, бился бы я с каждым из этих «недомушкетеров» по отдельности, сам прослыл бы забиякой. То есть вошел бы в когарту все тех же меряющихся своими... хм, техниками, юных балбесов. Те же яйца, вид сбоку. Нет уж. Частичный проигрыш был золотой серединой... заодно и денег поднял. Будет на что баню поставить вместо сожженной конюшни, не залезая в и так уже основательно распотрошенную кубышку. Но объяснять все это? Увольте.

— Это ваши домыслы. На полигоне я сделал все, что мог. — Качаю головой.

— Скорее, все что хотел. — Хмыкнул Винокуров... и сменил направление атаки. — До меня дошли слухи, что вы тренируете своих двоюродных сестер, могу ли я поинтересоваться возможностью присоединиться к этим занятиям?

— Хм. Мы привыкли тренироваться вместе. Это единственная причина, почему, время от времени, сестры составляют мне компанию. Извините, господин Винокуров, но мне пора идти...

Вот ведь вцепился, а... Я отвесил своему собеседнику короткий поклон и, не дожидаясь ответа, слинял. Благо, до звонка осталась всего пара минут.

Хм. Интересный вопрос... и ведь он не первый, кто мне его подкидывает. С чего бы это, спрашивается...

Но, поразмышлять на эту тему, мне не дал вошедший в класс учитель. История... для меня, человека из другого мира, этот урок должен был бы стать одним из самых интересных. Если бы не одно «но». Память Кирилла хранила, пусть и в общих чертах, довольно большой объем знаний. В том числе и об истории. Вот только, сравнивая наши знания, я так и не понял, когда же здешняя история пошла иначе, чем Там. Когда выжил и занял престол Иоанн Иоаннович, сын Ивана Грозного, здесь зовущегося Монахом? И, кстати, заслуженно зовется. Оставив власть сыну, он, действительно, принял постриг и ушел в Кирилло-Белозерскую обитель под именем монаха Ионы... Так ведь нет. В том же веке, только чуть ранее, Франция и Испания дружно поделили Наваррское королевство, и семисотлетняя монархия исчезла с карты Европы, куда раньше, чем это произошло Там. А объединенная в XV веке Италия, которой до

сих пор правят Сфорца? Да и с Византией, как-то неудобно получается. От нее, правда, остался лишь небольшой огрызок по ту сторону пролива, и Никейские цари до сих пор время от времени плачутся, что гады-болгары у них отобрали Константинополь, начисто забывая о том, что болгары отбили этот город у крестоносцев, кстати, не без активной помощи Руси и давно ушедшей из под власти «иконоборцев», Греции, и до самого издыхания Османской империи поддерживали никейцев войсками и деньгами. Но ведь осталась же!

В общем, все не так... И непонятно, когда оно все так изменилось. Или, это результат появления бойцов-стихийников? Так, не похоже. Если верить историкам, то до правления все того же приснопамятного Иоанна Монаха, никаких упоминаний о подобных войнах почти нет. А вот позже... Хроники, просто-таки, начинают пестрить описанием богатырей, повелевающих огнем и водой, воздухом и твердью... А потом и вовсе появляются сведения о царской академии, готовящей знатных механикусов, гранильщиков и... божьим соизволением, воинов пламени, воды, ветра и тверди...

Но что интересно, в Европе о стихийниках всерьез начинают говорить еще позже, примерно во второй половине семнадцатого века, и большей частью речь идет о представителях старых дворянских родов.

Звонок прозвенел неожиданно... и вовремя. Я снова проголодался. А потому, едва учитель покинул класс, кинулся в столовую. Где меня и поймал удивленный Леонид.

— Кирилл, ты что здесь делаешь?

— Ем. — Честно ответил я, нагружая поднос тарелками и плошками.

— А кабинет кулинарии на что? — Прищурился Бестужев.

— Так, там же и оборудования никакого нет? — Удивился я.

— Да ты что? — Деланно покачал головой Леонид и, раскрыв небольшую папку, продемонстрировал мне какой-то лист. — Подпись узнаешь?

— Ну? — Заметив свою закорючку на бумаге, кивнул я.

— Что «ну»? Сам запрос подписал. Утром из запасников притащили все необходимое. Хоть сразу к плите становись. — Усмехнулся Леонид.

— Замечательно. Продукты тоже из запасников вытащили? — Вздохнул я, обходя Бестужева, и опуская поднос на стол.

— Кхм... Ну, тут уж ты сам. — Развел руками Леня.

— Когда бы я успел, а? — Отмахнулся я. — Я же в том кабинете еще не был ни разу.

— Кстати, о кабинетах. Тут «параллельные» интересовались на предмет присоединиться к нашим внеклассным занятиям... — Проговорил Бестужев, опускаясь на стул, напротив меня.

— И в чем проблема? — Пожал я плечами. — Хотят, пусть присоединяются. Наши же не возражают?

— Нет, конечно. Вопрос в другом. Как это оформить?

— Леонид. Есть такая штука, называется: «разумная инициатива». Например, берешь лист

бумаги и пишешь на нем: Заявление о допуске к участию в факультативных занятиях младшего «Б» класса гимназии имени Равноапостольного святого князя Владимира, от гимназиста «имярек». Потом, этот самый имярек добывает разрешающую резолюцию от ответственного за факультатив, и я, заверив указанную цидулю, тащу ее в администрацию. Но, можешь придумать что-нибудь другое...

— Ты где такому научился, а? — Ошарашено проговорил Леонид. В ответ, я активировал экран браслета и сбросил ему содержимое новенького кристалла-накопителя положенного по уставу каждому старосте, полученного мною этим утром у Катерины М-Ф..., да черт с ним, просто Катерины.

— Читай и наслаждайся. Здесь, мудрость веков и тысяч наших предшественников. — Пафосно провозгласил я, и улыбнулся, глядя на кислую физиономию Бестужева, впечатленного объемом информации.

* * *

— Значит так, да? — Рослый мужчина, лет сорока на вид, прошелся из угла в угол небольшой комнаты и, остановившись перед Григорием, окинул его внимательным взглядом. — Интересно. Очень интересно... А ты знаешь, что вчера, он мог вообще не явиться?

— Как это? — Не понял молодой человек. — Да ему, за такое, потом жизни в школе не дали бы.

— У него были очень серьезные основания для отмены встречи. Пока вы пытались с ним справиться, Громы вовсю готовилась к похоронам супруги наследника рода, неожиданно скончавшейся той ночью.

— Он знал? — Нахмурился Григорий и, получив в ответ кивок, вздохнул. — И все равно пришел.

— Именно. Но есть еще кое-что. Все пока не расскажу, но... Вот. Послушай. На территории, арендованной Кириллом, сгорает постройка, и там же обнаруживается полноценная группа захвата, которой руководит Гдовицкой. Команда сворачивается и, потушив пожар, уезжает в неизвестном направлении. Той же ночью умирает Ирина Михайловна, с которой, судя по слухам, в том числе и тем, что она сама распускала о племяннике, Кирилл находится в очень натянутых отношениях... На следующий же день, этот самый Кирилл, изрядно потрепанный, кстати, п р и е з ж а е т домой и, оседлав мотоцикл, мчится на полигон, где раскидывает двух друзей и... спотыкается о тебя. На чем зарабатывает две тысячи рублей.

— Так вот, зачем он проиграл! — Восклицает Григорий. Но его собеседник только качает головой.

— Ты не понял. Ничего не понял. — Вздыхает взрослый. — Он продемонстрировал, что не может справиться с тобой, воем Воды. А Ирина Михайловна, между прочим, была гриднем, слабым, но гриднем...

— Хочешь сказать, ему нужно было продемонстрировать, что он не мог убить тетку?

— Да, я крутил так и эдак, информации, конечно, маловато, но если не брать в расчет совсем уж сказочные варианты, то позавчерашней ночью Гдовицкой доставил в «Беседы» юного Громова для судебного поединка с Ириной. Парень эмансипирован и, в отличие от родичей вполне мог объявить таковой. Хотя, судя по пожару, очень этого не хотел... Ну, да, зная старого Георгия, он, наверняка, нашел подходящий аргумент для заартачившегося внука... А это означает, что

Громы разорвали союз с Томилиными.

— Хм. А если ты ошибаешься? Как-то это все... слишком притянута за уши. — Вздохнул Григорий,

— Просто, есть тут кое-какие моменты, о которых рано говорить. Но... они имеются, и не учитывать их нельзя. Да и... мы же не собираемся действовать наобум. Подождем, присмотримся... — Усмехнувшись, протянул мужчина. — Нам ведь одного знака хватит, чтобы определиться, а там... Повоюем, сынок?

Глава 9. Есть время разбрасывать камни, и время собирать камни

Дома, конечно, хорошо. Но, только не в тот момент, когда на тебя вот-вот начнется охота. А я ни на секунду не сомневался, что стоит тому Роману узнать, что я выжил, и он приложит все силы, чтобы избавиться от своей несостоявшейся жертвы. И до момента, когда эта информация дойдет до родственничка покойной Ирины Михайловны, кажется, осталось совсем чуть-чуть. Так или иначе, но сомнений у меня в этом нет. Зато, есть ощущение, что точкой отсчета, с которой я начну жить, так сказать, «в кредит», станет момент, когда гроб Громовой-Томилиной опустят в землю... То есть, завтра после полудня. Надо что-то делать...

Окинув взглядом общую комнату, служащую мне и столовой и гостиной, я задумался, но ненадолго. Как говорилось в одном старом анекдоте: «Что тут думать? Прыгать надо». А значит, вспоминаем приключения в одной очень жаркой и очень душной стране, и вперед... за покупками. Конечно, ствол мне не продадут, возрастом не вышел, да и в местных стрелковых клубах не числюсь, так что, приобретение даже охотничьего ружья становится проблемой. Но кто сказал, что покупка, это единственный способ разжиться чем-то стреляющим? Вспоминая ту самую жаркую страну, со всей уверенностью могу заявить: Обойдусь. Равно, как и без покупки карманной артиллерии... тем более, что гранаты, как и автоматическое оружие, к продаже частным лицам, запрещены. Но, пара заходов по хозяйственным лавкам-магазинам и несколько часов муторной возни в подсобке, решат эту проблему. Так что, за работу...

Составив список, я почесал затылок, и тут мой взгляд упал на деревянную тарелку, где были сложены выпарапанные из стен, стола и пола, оперенные иглы, с помощью которых, подручные Романа Томила пытались превратить меня ежика. Хм. А кто сказал, что обязательно нужно делать все так же, как тогда?

Подбросив на ладони одну из игл, больше похожую на миниатюрный, полностью металлический дротик для «дартс» с гибким оперением, я внимательно осмотрел иглу через мощную линзу, тут же сотворенную из воздуха, и невольно улыбнулся. Кажется, и здесь есть такая штука как переснаряжение... Или инженеры состряпавшие сей боеприпас, просто, так удачно расположили на иглах гнездо для кристалла. В самой что ни на есть, кхм... короче, между стабилизаторами. Повезло, вставить новые кристаллы труда не составит... А вот над остальным придется немного подумать. Рунескрипты и правила их составления, хоть и были очень хорошо знакомы Кириллу, но то, что я хочу сотворить, он никогда не делал. А значит... значит, запускаю на браслете редактор, и за работу... Сложного здесь ничего нет, но нужно учесть форму, массу и размеры иглы, чтобы нанесенные руны не унесли ее, хрен знает куда. И обсчитывать подобные вещи, все же удобнее на комп... вычислителе, пусть даже и таком вот, облегченном его варианте.

Описание объекта и переменных, описание действия, контроль... не забыть учесть те самые переменные... триггер... Не-не-не. Стоп. Помимо самого действия, нужно внести кое-что еще...

или? Ладно, проверим. Пары иголок мне не жалко. Вроде бы все просто, но, черт возьми, если бы не знания Кирилла, хрен бы я чего сейчас написал. Ну, далек я был в той жизни от этих заморочек. На компе, разве что, какую-нибудь игрушку мог запустить, не больше. А тут... не знаю, то ли Кирилл был гением, то ли это результат его исступленных поисков возможных способов собственного усиления... А может, действительно, это очень просто... но через полтора часа корпения за экраном, я получил вполне устраивающий меня результат. Осталось только его проверить...

Сохранив введенные данные и скомпилировав рунескрипт, я бросил взгляд на часы и, выматерившись, свернул экран браслета. Время-время-время...

Подхватив куртку, я выбежал из дома и, оседлав «рыжего», помчался за покупками... Но, не успев вырваться на просеку, как вынужден был затормозить, заметив впереди какой-то отблеск. Тронув эфир, я прислушался и хмыкнул. Автомобиль, большой, тяжелый. Внутри двое... и кажется, я их знаю.

Откатив Лисенка за угол, образуемый стеной моей «усадьбы», я заглушил движок и, накинув отвод глаз, метнулся на противоположную сторону дорожки. Серая куртка и джинсы, не лучший камуфляж, но с помощью Эфира, это не так уж важно... хотя...

Я сделал в памяти зарубку насчет покупки подходящей одежды и затаился. Рокот двигателя «вездехода» приближался, и уже через минуту я смог разглядеть тяжелые рубленые обводы машины, блистающую хромом решетку радиатора, такой же «кенгурятник» и номер... громовский. Ну конечно, сегодня же Мила должна была прийти на занятие... Но, честно говоря, я не думал, что она появится. Все-таки, сейчас несколько неудачное время... Да и сомневаюсь я, что она сможет нормально заниматься, когда дома готовятся к похоронам ее матери.

Вездеход аккуратно въехал во двор, хлопнули двери, и Мила удивленно покосилась на до сих пор валяющиеся на земле створки ворот. Ну-ну. Это, она еще не видела во что превратилась конюшня...

— Николай, что здесь произошло? — Тихим голосом спросила девушка у водителя. Тот хмыкнул и выудил из кармана пачку сигарет. Удачно. Мои, как раз, закончились... позавчера.

— Гости у меня были... веселые. — Ответил я вместо Николая. Тот дернулся. Рука метнулась к кобуре, но увидев меня, охранник только прошипел что-то невнятное сквозь зубы и попытался вытащить из зажатой в левой руке пачки, сигарету. Вотще. Ни пачки, ни сигареты там не обнаружилось. Я успел раньше.

— С-стрелок, твою дивизию. — Николай явно хотел сказать что-то другое, но покосившись на Милу, сдержался. Почти.

— Вернуть? — Протянул я ему пачку. Но охранник только обреченно махнул рукой.

— Оставь. Тебе их не продадут, значит, все равно стрелять будешь.

— Беспокоишься о репутации фамилии Громовых. — Понимающе кивнул я. — Конечно, просящий сигарету отпрыск боярского рода, это дурной тон. Правильно-правильно.

Я обернулся к серьезной и грустной Миле, отрешенно наблюдающей за нашим разговором, и кивнул.

— Здравствуй.

— Привет. — Тихо ответила девушка. — Ты куда-то собрался? А наше занятие?

— Честно говоря, я не думал, что ты сегодня приедешь. Все-таки... — Я не закончил, но Мила меня прекрасно поняла.

— Я хотела позвонить, но твой браслет не отвечал. А когда обратилась к отцу, он только пожал плечами и сказал, что если я не могу договориться об отмене занятия, то должна на него идти... Вот, я здесь.

— Ясно. — Кивнул я. — У меня действительно случилась неприятность с браслетом. Вот, запиши новый номер... только учти, он левый, так что информацию на него лучше не присылать. Это только для звонков. Ладно?

— Неприятность? — Мила покосилась на створки ворот.

— Да, небольшая неприятность... — Подтвердил я. — Может, пройдем в дом? Разносолов не обещаю, но чай с вареньем и ватрушками точно есть.

— Ты приготовил ватрушки? — Удивленно хлопнула ресницами Мила, на миг вынырнув из своего безразличия.

— Нет, пока руки не дошли. Купил в лавке напротив Алексеевских рядов. Там замечательная выпечка, не хуже чем у вашего Ратмира.

— У нашего. — Поправила меня сестра. В ответ, я только пожал плечами.

— Извини. Но мне надо отвыкать от отождествления себя с Громовыми. — Заметив тень недоумения, мелькнувшую на лице кузины, пояснил я.

— Понятно. — Станным тоном протянула Мила. — И что, даже на похороны ма... Ирины Михайловны не приедешь?

— Зачем? Изображать скорбь по усопшей? Это будет лицемерием. Сочувствие? Я выражаю его тебе сейчас. С Алексеем и дядей Федором я уже объяснился. Мне нечего делать на похоронах Ирины Михайловны.

— Наверное, ты прав. — Задумчиво проговорила Мила, и попыталась улыбнуться. — Ты действительно мне сочувствуешь? Это не то лицемерие, о котором ты только что говорил?

— Я всегда думал, что в своем поколении, ты самая умная в роду Громовых. — Я хмыкнул, отворяя дверь в сени. — Не разочаровывай меня, Мила. Ты не единственная, кто потерял мать.

— О... извини. — Надо же, она смутилась... Однако.

— До Алексея это дошло быстрее. — Покачал я головой. И махнул рукой в сторону распахнутой двери. — Заходите, не стойте на пороге.

— А что, заниматься сегодня не будем? — Заглянув в дверной проем, спросила сестра.

— Нет. В таком состоянии тебя к Эфиру на километр подпускать нельзя. — Вздохнул я. — Да и у меня уже есть планы на оставшуюся часть дня, отменять которые, я бы очень не хотел. Идемте в дом.

Николай попытался было отвертеться, но не вышло. Я усадил визитеров за стол, выставил перед ними чашки-сласти, и занялся самоваром. А через каких-то полчаса мы уже вполне мирно беседовали, запивая теплые ватрушки крепким чаем. Даже странно, как-то... В гости, того и гляди один неудавшийся убийца нагрянет, а я, убийца вполне состоявшийся, с другой неудачницей чай гоняю. Полный сюр...

Глава 10. Любимые мужские игрушки

Впрочем, разговор наш довольно быстро угас. Мила все чаще замыкалась в себе и смотрела невидящим взглядом куда-то за окно, а потом и вовсе замолчала и за столом воцарилась тяжелая тишина. В общем, через час мои гости решили, что пора и честь знать, и свалили в неизвестном направлении. Выпроводив визитеров, я облегченно вздохнул и, глянув на часы, поспешил на выход. В принципе, времени у меня было более чем достаточно, но... кто его знает, как пойдет дело с рунной затеей? Вдруг, что-то засбоит, и мне придется обратиться к старым проверенным способам? Так что, пусть лучше будет запас, тот самый который карман не тянет.

Лисёнок выстрелил песком из-под заднего колеса и, выбравшись на просеку, прибавил ходу. До закрытия магазинов еще часа три, а то и все четыре, но стоит поторопиться. Чем меньше времени я затратю на покупки, тем больше его у меня останется на работу...

Казалось бы, имея вполне рабочий вариант, к чему я решил выдумывать что-то новое... Но тут есть одно «но». Обычным огнестрелом, тем более, такой «плевалкой», которую я только и способен собрать в условиях ограниченного доступа к нормальному металлу и инструменту, стихийника можно завалить, разве что во сне. Мало того, что любой одаренный в с е г д а чувствует направленное на него негативное или, скорее, агрессивное внимание... ну, за исключением случаев, вроде моего «отвода глаз», да и то не уверен, что этот прием, такая уж панацея. М-да... Так вот, мало этого, каждого одаренного, вне зависимости от его происхождения, первым делом, обучают рефлекторной постановке стихийного кинетического щита, в ответ на конкретное возмущение Эфира, сопровождающее выстрел. Причем, хватит даже такого щита, какой мог бы выставить я сам. Собственно, именно поэтому поделщики тетки и орудовали «заряженными» стрелками, а не обычным огнестрелом.

Это правило было введено в «Уложение о выявлении и обучении обладающих Даром» в восьмидесятых годах девятнадцатого века, то есть почти сто пятьдесят лет назад. Тогда, как раз, в моде оказался превентивный отстрел одаренных вероятного противника. Правда, практика эта достаточно быстро сошла на нет, ввиду того, что стихийники разных стран, поняв, к чему идет дело, моментально забыли все межродовые склоки и, скооперировавшись, зачистили затеявших этот отстрел умников, последовательно, в каждой стране. Кстати, ни на Востоке, ни в Азии и Африке, почему-то стрелки не действовали, в отличие от Европы. Почему, уж бог весть. Соответственно, и досталось больше всего именно Европе, по которой стихийники прошли частым гребнем, причем, кое-где, как, например, во Франции, под ответный удар попали и первые лица государства. Так, на оставшийся вакантным трон, после смерти Наполеона IV, сел Антуан де Бурбон, принц Конде.

Хотя нет, была страна, вляпавшаяся куда глубже, чем вся Европа вместе взятая. САСШ, бедная на одаренных, молодая держава, в которой нашла свою опору католическая церковь, давний и последовательный противник одаренных, она с удовольствием спонсировала своих европейских «друзей» и, в результате, получила десант из двухсот «ярых», или, по европейской классификации: «экселенц», которые, недолго думая, просто выжгли столичный Бостон,

причем, умудрились прихватить вместе в городом, расположенную в пятидесяти километрах от него, так называемую, «заморскую резиденцию Римского престола» и духовную академию святого Игнатия^[4], после чего, вдвое увеличили Гудзонский залив, на берегу которого был возведен финансовый центр САСШ, под названием Новый Амстердам^[5]. Там, кстати говоря, постарались члены рода Оранье-Нассау, так и не забывшие голландцам отказ от института штатгальтера, хоть этот давний казус и привел в свое время представителя их рода, Вильгельма Оранского на английский престол. Вот, что значит, настоящая злопамятность!

Так, размышляя об извивах здешней истории, я сам не заметил, как добрался до магазинов, которые должны были дать мне все необходимое для создания небольшого арсенала. Вот, чем хороши Алексеевские ряды, так это тем, что здесь можно найти все что угодно. В том числе и вполне приличные прицелы... Нет, я не собираюсь делать снайперскую винтовку. Да и без серьезной мастерской, это гиблое дело, а я вовсе не гениальный механик. Так, с миру по нитке... как говорил один мой друг Там: «я — дилетант широкого профиля... Ну, если не касаться основной профессии». Вот он, как раз, был настоящим механиком. Жаль, сгинул во взрыве... И ведь, самое паршивое, не где-то в «зеленке» или песках погиб, хотя возможностей было, хоть отбавляй, а уже в запасе. Вернулся Испанец в мастерскую чуть раньше, окончания обеденного перерыва, а она возьми, да и взлети на воздух. Только дым и пыль из выбитых окон столбом. Хоронить, и то нечего было. Если б не запись камеры, на которой было видно, как он входит в подвал, Игоря до сих пор бы, наверное, в пропавших без вести числили.

— Извините, вы что-то выбрали? — Нарисовавшийся рядом, консультант выдернул меня из размышлений-воспоминаний, как морковку из грядки.

— Да. Вот, на этот прицел разрешите взглянуть? — Кивнул я, указывая на знакомую по тренировкам в имении Громовых, вещичку. Сам прицел мне ни к чему, а вот направляющее кольцо, идущее в комплекте с ним, это то, что нужно. Очень нужная штучка, которая должна исправить самый большой недостаток задуманной мною «плевалки», а именно, повысить точность боя до разумных пределов.

— О, увлекаетесь стрельбой из арбалета? — Улыбнулся консультант. — Это замечательный выбор. Подойдет как для легкого... спортивного варианта, так и для серьезной охотничьей машинки. Кольцевые направляющие обеспечат точность выстрела, можно сказать, что его даже не нужно специально настраивать... Достаточно выставить на планке по оси и... на расстоянии до ста пятидесяти метров попадание точно в цель, обеспечено. Да, направляющему кольцу для работы требуются стандартные питающие кристаллы типа ноль два. Лучше всего подойдут «горецкие» у них очень высокий коэффициент при преобразовании эфира в воздух. Да, забыл сказать, направляющее кольцо действует по принципу разреженного туннеля. Работа не постоянная, кольцо включается, только когда болт проходит его приемный контур. Это обеспечивает сравнительно долгий срок службы кристаллов и великолепную скрытность, что особенно ценно при охоте на животных, имеющих высокую чувствительность к эфиру... Впрочем, возможен и ручной режим включения, но я им, честно говоря, никогда не пользовался.

— Угум... — Я покрутил в руках прицел, соединенный изогнутой жесткой балкой с коротким цилиндром направляющего кольца, а консультант уже вытащил один из арбалетов, висевших на витрине за его спиной.

— Вот, смотрите. Здесь простейшее соединение, унифицированное. — Продавец сноровисто привинтил прицел к выступающей над каналом планке, так что закрепленное на балке направляющее кольцо оказалось вынесено за плечи. Щелкнул фиксатор на стремени, и вся конструкция уже жестко закреплена на арбалете, так что при выстреле, болт волей-неволей

пролетит сквозь направляющее кольцо. Ничего сверхсложного...

Кивая в такт тараторящему консультанту, оказавшемуся большим любителем самострелов, я мысленно прикидывал варианты и, в результате вынужден был согласиться с выводом моего собеседника, что уйти из его магазина без вот такого вот арбалета, я просто не имею права. Вот только, его аргументы были здесь совершенно не причем. Нет, самострел действительно стоил того, чтобы его приобрести, но... для меня он был, прежде всего, частью алиби. Было бы странно, если бы кто-то заинтересованный вдруг обнаружил, что некий Громов зачем-то приобрел прицельное приспособление, притом, что самострела, к которому оно только и подходит, у него и в помине нет.

Повздыхав над уменьшившимся на добрых две сотни рублей выигрышем, я сложил в рюкзак купленный арбалет со всеми его примочками, прицелом и сменной облегченной (специально выбрал раздельную, чтоб не портить высверливанием под магазин) «анатомической» ложей, и направился за дальнейшими покупками, оставив продавца с искренним убеждением, что он встретил родственную душу. Для этого, даже не пришлось прикладывать каких-то усилий, консультант говорил за нас обоих, отвечал на собственные же вопросы... в общем, фанат. Что ж, оно и к лучшему.

Как-то незаметно, с подачи продавца самострелов, моя идея «плевалки» трансформировалась в нечто странное, но... в строку же, честное слово, каждое слово в строку!

Вернувшись домой, нагруженный, словно мул, я заперся в подсобке и, рассортировав покупки по принципу: железо в одну сторону, химию в другую, принялся ваять. И начал с самого привычного, а именно, взрывчатки. Кто бы знал, что можно сотворить из пары коробок, купленных в хозяйственном магазине, некоторого количества реагента, взятого в аптеке, и пакета, приобретенного в цветочном...

Пока руки привычно отмеряли необходимые порции реактивов, я размышлял над одним важным вопросом: а собственно, кто такой этот «братик Рома»? Мало того, что в памяти Кирилла сей персонаж присутствует лишь в виде смазанного образа, смутно мелькавшего в массе родственников со стороны тетки, так он еще и ничуть не напоминает ни одного из ее родных братьев. Ирина Михайловна, в свои тридцать шесть, была младшим ребенком в семье, а Роману едва ли больше двадцати пяти. Но, как бы то ни было, очевидно, что он был довольно близок тетке, а значит, вполне может заявиться на ее похороны...

И кто бы сказал, почему у меня такое ощущение, что я уже где-то слышал об этом уроде?

ЧАСТЬ V. ЛУЧШИЙ НА СВЕТЕ БЛЮЗ

Глава 1. Иногда, смерть это только начало

Как говаривал Испанец: если имеешь возможность сделать хорошо, незачем делать плохо. Что ж, думаю, старый друг был бы рад увидеть то, что получилось у меня в результате полуночного приступа вдохновения, отягченного столь присущим Игорю перфекционизмом. Первый экземпляр «плевалки» я сделал, что называется, «на коленке» и, лишь опробовав на нем построенные рунескрипты, и убедившись в принципиальной работоспособности системы, принялся воплощать будущий автомат «а натюрель».

Работу я закончил только в третьем часу ночи, зато полностью! Даже доставшиеся мне от гостей, оперенные иглы проштамповал, снарядил кристаллами и, проверил работу... минус пять снарядов и окончательно превращенные в труху, недогоревшие остатки конюшни, эх. Оставшиеся шестьдесят штук, как раз забили два магазина... со свернутым оперением. Маловато, конечно, но ведь я и не собираюсь полагаться только на «плевалку» и самодельные гранаты. Черт, жутко не хватает нормального качественного огнестрела. Эх! Где мой верный «Яра»? Были у меня стволы и поухватистее и посовременнее, но вот прикипел я к «Ярыгину»...

Кстати, надо будет прошерстить Паутинку на тему тиров. Закончится вся эта бодяга, пойду восстанавливать навыки, точнее нарабатывать заново, поскольку это тело в жизни не занималось «стрелковкой». Хорошо еще, что ввиду отсутствия порохового заряда, моя самodelка лягается куда меньше обычной «плевалки», а то пришлось бы придумывать что-то другое.

Так, стоп, раз в голову полезла всякая несвязанная с предстоящим делом чушь, значит, пора идти спать...

Сбежать из школы, оказалось не просто, а очень просто. После второго урока, я отдал своему заместителю журнал и, соорудив умное лицо, вышел из класса. Добрался до туалета на первом этаже, переоделся в черные джинсы и водолазку, сверху накинул рыжую куртку, достал шлем, и, упиав форму в рюкзак к оружию, спокойно вышел из здания.

В одиннадцать ноль ноль я оседлал «Лисенка», а уже без четверти двенадцать был недалеко от фамильного кладбища Громовых. Все церемонии с участием священника и близких Томилиной-Громовой проходили в имении, и до выноса тела времени еще было достаточно, так что сейчас, собиравшийся на погосте народ в темных одеждах, просто ждал, когда прибудет процессия и приглашенный священник прочтет литию, чтобы бросить по горсти земли на гроб у... усопшей, высказать пару слов сочувствия ее мужу, и отправиться по своим делам. И если я не ошибаюсь, то где-то среди этих вот, не очень близких людей, не приглашенных в имение, и должен находиться искомый Рома. А может быть и нет... В любом случае, проверить не мешает.

Мотоцикл я оставил на стоянке в поселке, по другую сторону шоссе и, устроившись на пустой автобусной остановке, с которой открывался великолепный вид на кладбище, создал перед собой воздушную линзу, вместо бинокля, ага, принялся высматривать знакомое лицо.

Но, то ли я ошибся в расчетах, и Роман оказался приглашен на отпевание, то ли он пока просто не приехал... в общем, среди ожидающих его не оказалось.

— Здравствуй, Кирилл. — Черный джип лихо развернулся на пустой трассе и остановился четко передо мной. За опустившимся тонированным стеклом показалась физиономия Гдовицкого. — Мне когда доложили, что в периметре оказался какой-то любопытный «воздушник», почему-то сразу про тебя подумал. И угадал.

— И вам не хворать, Владимир Александрович. — Кивнул я, со вздохом.

— Приехал, все-таки. — Констатировал начальник СБ. — А что ж, в имение-то не зашел?

— Не хочу. — Пожал я плечами. — Там, наверняка, народу не протолкнуться, а здесь хорошо, тепло и солнышко светит.

— Ясно. — Кивнул Гдовицкой и ткнул пальцем в расползающееся передо мной белесое облачко, в которое превратился мой «бинокль». — Ищешь кого?

— Да нет, настраиваю, чтоб потом впопыхах не напортачить.

— А может, проще присоединиться?

— К умершей? — «Не понял» я.

— Да тьфу на тебя! — Скривился мой бывший тренер. — К прощающимся!

— Нет уж, Владимир Александрович. — Покачал я головой. — Нет там людей, которых я хотел бы видеть. Разве что, Федор Георгиевич, но с ним я и позже могу созвониться.

— Созвонись-созвонись, обязательно... Ладно, дело твое. — Проговорил Гдовицкой и, уже собравшись поднять стекло, вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. — Кстати, о звонках! Держи браслет. Там уже стоит твой новый идентификатор и записана вся информация, что была на твоём прежнем... ну, до тех пор пока ты не съехал, конечно. С основного вычислителя резервную копию залили. — Заметив мое желание отбояриться от артефакта, Гдовицкой нахмурился. — Не отказывайся, это не подарок, а средство связи с Громовыми. Не будет же Федор Георгиевич разговаривать с тобой по незащищенному каналу, правильно? Мало ли, что вы надумаете обсудить... или кого. Не маленький уже, сам понимать должен.

— Благодарю. — Я медленно кивнул и, взяв протянутый мне браслет, тут же пристроил его на правом запястье.

— Да не за что... и это, Кирилл, как надумает баньку ставить, со мной свяжись, я тебе с проектом помогу. — Слабо улыбнувшись, проговорил Гдовицкой и, не дождавшись моего ответа, махнул водителю рукой. Джип сорвался с места и вскоре исчез за небольшим перелеском, скрывавшим «Беседы» от любопытных взглядов с шоссе.

Вот он! Приехал! Картинка в заново настроенном «бинокле» дернулась, приближая изображение выбирающегося из шикарного седана, подтянутого молодого человека. Да, а в прошлую нашу «встречу», он показался мне чуть старше. Теперь же, я пришел к выводу, что парню не больше двадцати-двадцати двух лет. Ба, да он еще и с помощниками... Ну-ка, ну-ка. Точно. А вот этого я не видел...

На спине куртки одного из подручных Ромы, как раз протянувшего шефу небольшой аккуратный венок, виднелась какая-то эмблема. В этот момент, второй помощник повернулся спиной к машине и я увидел точно такой же знак и на его куртке. Внимательно рассмотрев и запомнив эмблему, вновь фокусирую изображение на Роме и, заметив аккуратно вышитый на нагрудном кармане герб, удивленно хмыкаю. Что за клуб такой? Проводив «клиента» взглядом до наибольшего скопления ожидающего народа, замечаю процессию, медленно идущую по устланной брусчаткой дорожке, ведущей от имения к кладбищу.

А вот следующий момент меня удивил... хотя, если сопоставить недавнюю попытку Милы развести боксеров «по углам», на Егерском пруду, и имя моего «могильщика»... в общем, ничего удивительного в том, что сей ходячий труп нежно обнимает бледную Лину за плечи, я не вижу. Равно, как и в недовольных и злых взглядах, которые бросает на эту парочку Федор Георгиевич. Как подумаю, чем может обернуться союз садиста и безбашенной эгоистичной дуры, так плохо становится. Не-не-не... придется позаботиться о будущем генофонда Громовых. А то, не ровен час, понаделают потомства, замучаешься выпалывать...

Убедившись, что по окончании погребения, мой должник направился не к поместью, а на стоянку, я свернул «бинокль» и припустил в поселок за своим мотоциклом, и, спустя пять минут, уже поджидал Романа, держа Лисёнка под парами. Чуть в стороне от поместья и

кладбища, как раз на пересечении поселковой дороги и шоссе. Заметив его приметный седан, я мысленно перекрестился и, тронулся следом. Вообще, ездить на мотоцикле под отводом глаз, последнее дело. Но, по обочине, и на пустой трассе... в общем, я рискнул. Правда, чем ближе мы подъезжали к Москве, тем больше машин становилось на дороге, так что, едва оказавшись за кольцом, я вынужден был снять свою «маскировку». Тем более, что в ставшем плотным потоке, в ней уже не было насущной необходимости.

Честно говоря, когда «Руссо-Балт» Романа свернул в сторону боярского городка, я было расстроился. Выходит, вся эта моя сегодняшняя слежка была просто бессмысленной. Уж место проживания Томилиных, мне знакомо... и неплохо. Но нет. Не доезжая Каланчовой площади, автомобиль должника свернул направо, чтобы тут же запетлять по старым кварталам. Да так шустро, что я еле успел «сбросить» браслет Гдовицкого. А потом пришлось снова накинуть отвод глаз и притормаживать чуть ли не на каждом повороте, рискуя быть сбитым каким-нибудь автолюбителем. Хорошо еще, что мой Лисенок куда приемистей, чем движок фасонистого «Руссо-Балта», на котором рассекал Роман, иначе бы я давно потерял его из виду. А так, отставая на перекрестках, я успевал догнать его на прямых.

Но вот, наконец, наши гонки подошли к концу и мой «ведомый» притормозил перед массивными воротами в высокой стене красного кирпича с выложенными на ней узорами, в стиле позапозапрошлого царствования. То ли старинная фабрика, то ли тюрьма... фиг разберешь. Понятно, что внутрь меня не пустят, но... Я тронул мотоцикл и, проезжая мимо закрывшихся за седаном ворот, заметил ту же самую эмблему, что была вышита на кармане пиджака Романа и на куртках его подручных... И что бы это значило?

Глава 2. Проблемы? У меня?! Не, не помню...

Наемник! Он, чертов наемник! Что ж мне так не везет-то, а?! Я с ненавистью покосился на экран купленного в Алексеевских рядах браслета, и выматерился. С черного щита, мне ехидно подмигивал стоящий на задних лапах золотой лев, вонзающий в землю крест-копье. Пафосно и с претензией на аристократичность... Причем, европейскую. Графы-бароны, герцоги-маркизы... Впрочем, если учесть наличие там некоего Романа, можно допустить, что в отряде, он не один такой... титулованный. Но самое паршивое, что кроме скупой информации о принадлежности этого знака наемничьему отряду «Гончие», никаких более конкретных сведений, ни об эмблеме, ни о самом отряде, я не нашел. Глухо... и непонятно. Другие «банды» куда серьезнее относятся к саморекламе, и информации о них в Паутинке, не в пример больше.

Звонок застал меня, когда я потрошил урну, в которую получасом раньше скинул «подаренный» Гдовицким браслет...

— Да. — Кажется, на моем лице было написано слишком много всякого интересно-нецензурного. Иначе, с чего Леониду так отшатываться от экрана?

— Кхм... Я, кажется, не вовремя? — Осторожно спросил Бестужев. Я глубоко вздохнул и, чуть успокоившись, покачал головой.

— Извини. Просто, я тут чуть не потерял новый браслет. Вот и перенервничал.

— Хм. Надеюсь, не так же, как преды... эм-м. Да чтоб его. — Леонид резко умолк, получив подзатыльник сильной, явно мужской рукой. Папа слушает? О... стоп. Он хотел сказать: предыдущий?

— Леонид, я рад тебя видеть, но не мог бы ты перейти к делу? Это касается моего сегодняшнего прогула?

— Э-аэ... м-м-м, нет. — Помявшись, выдавил Бестужев и, бросив взгляд в ту сторону, откуда только что прилетел подзатыльник, затараторил, — извини, Кирилл. Я понимаю, что сейчас у тебя довольно сложный период и не самое лучшее время для визитов вежливости, но не мог бы ты ответить на наше приглашение... сейчас. Это важно!

— Леонид... я... — Но договорить мне не дал появившийся в кадре отец одноклассника.

— Кирилл Николаевич, прошу извинить за резкость, но вам жизненно необходимо со мной встретиться. И чем скорее, тем лучше. — Кивнув вместо приветствия, хмуро проговорил Бестужев.

— Вот как? Мне необходимо? — Сделав ударение на местоимении, я удивленно вскинул бровь.

— Именно так, молодой человек. Жизненно необходимо. — На полном серьезе повторил дипломат.

— Что ж, Валентин Эдуардович, я верю, что столь мудрый человек не станет понапрасну разбрасываться словами. Куда мне ехать?

— Я рад, что не ошибся в вас, Кирилл Николаевич. Ждем вас в нашей городской усадьбе. — Скупой улыбнулся Бестужев-старший и экран браслета погас. Да что ж это такое-то, а? Ни секунды передышки. Я так не выматывался, наверное, со времен крайней командировки еще Там, на действительной службе...

Рыжий обиженно взревел и помчался вниз по улице. Поворот, еще один... Оказавшись на Стромынском тракте, я заложил полукруг по Каланчовой площади, и вылетел к Полевым переулкам. Еще один поворот и вперед по шоссе, вдоль парковой ограды...

Боярский городок я пролетел почти насквозь и, затормозив у обширной усадьбы на самой окраине, остановил было мотоцикл перед массивными стальными воротами, но в этот момент тяжелые створки разошлись в стороны и, показавшийся меж ними охранник махнул рукой, мол, заезжай.

Заехал.

— Добрый день. Прошу, езжайте по дорожке к Красному крыльцу, там вас встретят. — Неожиданно тихим голосом проговорил встретивший меня мордovorot с выразительным таким укороченным автоматом на плече.

— Благодарю. — Я кивнул и покатыл в указанную сторону по отсыпанной разноцветной галькой широкой аллее, обрамленной уже начавшими одеваться в желтизну и багрянец, кленами.

Крыльцо оказалось действительно Красным, в смысле, красивым. Белокаменные двойные арки в византийском стиле, резные подвесы на высокой шатровой крыше, набранной из серебристого осинового теса, выложенного хитрым узором, и низкие, но широкие мраморные ступени, поднимающиеся метра на два над землей. Да и сам дом... это даже виллой не назвать. Палаты, не иначе. Тот же белый камень стен, небольшие, забранные причудливыми переплетами, византийские-же, двухарочные окна в затейливом каменном кружеве... Век семнадцатый, должно быть, не позже. По крайней мере, по Тамошним меркам.

От разглядывания фасада, меня отвлек тихий, но отчетливый скрип двери, низкой, мощной, набранной из огромных дубовых досок, толщиной, по-моему, не меньше дециметра. Тараном не возьмешь. Хоть обычным, хоть стихийным. Наверное.

— Кирилл! — Показавшийся на крыльце, Леонид махнул мне рукой и тут же схлопотал еще один подзатыльник от появившегося на пороге отца. Я окинул взглядом боярина и впечатлился. Кажется, Бестужев-старший был полной противоположностью своего наследника. Темные волосы, глубоко посаженные серые глаза, нос-картошка и ухоженные, завивающиеся колечками усы над густой бородой-эспаньолкой... Высокий и широкий, что в плечах, что в пузе, он производил обманчивое впечатление эдакого добродушного увальня... панды, ага. Но только до тех пор, пока не начинал двигаться. Увидев, с какой легкостью и ненапряжной стремительностью, боярин шагнул в сторону, освобождая дверной проем, я тут же переменял мнение. Не панда... медведь. Причем, зараза, белый медведь. Олицетворение русской дипломатии. Ага. К такому, не захочешь, а прислушиваться будешь, и стеречься, чтоб голову не смахнул...

А потом, мысли из моей головы куда-то пропали... и я вместе с ними. Бестужев-старший, оказывается не просто так отошел в сторону. Стоило боярину освободить место, как мимо него, в дверной проем проскользнула девушка лет эдак семнадцати-восемнадцати на вид, с корцом в руках. Высокая, статная, ладная... красавица! Катерина? А что Катерина? Ну да, хороша, согласен, но это... М-м! Я даже о проблемах своих забыл, на это вот чудо глядя. Наверное, гормон память отбил... так что, ни о каких «могильщиках» даже не вспоминаю. Стою, люблюсь. Как шедевром, честное слово! Какая девушка! А глаза... а гр... губы... руки... Э-э. А зачем мне эта посуда? Пить? Все? Да ради твоей улыбки, хоть бочку!

— Кха-а! Бестужев, сволочь!

— Какой из них? — Улыбнулось это видение, наблюдая, как я прихожу в себя после хорошего такого глотка крепчайшей наливки, которая оказалась в корце. Думаешь, сбила с панталыку? Ну нет. Я хоть и не из посольских, но в дипломатии тоже мал-мала понимаю, правда, больше, прикладной, так сказать... В общем, какой привет, такой ответ. Я глянул на ухмыляющихся боярина и его наследника, и вот тут поверил, что они родня. Так похоже, практически одинаково похабно улыбаться, могут только близкие родственники. Вздохнув, я перевел взгляд на угостившую меня наливкой девушку и заключил, — оба. Однозначно.

— Ты бы закусил, Кирилла. — Насмешливо прогудел в ответ Бестужев-старший. И девушка, вдруг зардевшись, неожиданно согласилась с моим выводом.

— Точно сказал. Он меня заговорил так, что я про закуску забыла... а братец, под шумок, ее стянул... и наверняка, сожрал. Проглот.

Ну, как тут было не вспомнить о традициях Тамошней старины?!

— Ничего, мы справимся. — Я улыбнулся девушке и, подмигнув, осушил чертов корец до дна. А потом, пока она не успела ничего понять, закусил... ее губами. Сла-адко...

От мощной оплеухи я ушел под ускорением... под дружный хохот Бестужевых. Сместившись чуть в сторону и вернув обычное восприятие, я взглянул на алеющую боярышню. Но вот, смущение прошло и в глазах девушки мелькнули искорки веселья. Уф. Не сердится. Уже хорошо.

— Ну что за молодежь пошла, а? Имена друг друга узнать не успели, а уже целуются. Распустились, понимаешь! — Неожиданно забурчал неизвестно когда оказавшийся рядом,

Бестужев-старший, и мы отшатнулись друг от друга. Кажется, на этот раз, румянцем запылали оба. Е-мое, нет, это точно должны быть гормоны, просто обязаны... пубертатный период, да... точно-точно. Иначе, я пропал.

— Прошу прощения, Валентин Эдуардович. Извини, боярышня. Кирилл Николаев, мещанин из рода Громовых. — Кое-как успокоившись, я поспешил исправиться. Шутки-шутками, но меру знать тоже надо.

— Ольга, боярышня Бестужева. — Кивнула в ответ девушка.

— Ну вот, теперь и целоваться можете, сколько влезет. — Усмехнулся боярин, под хихиканье Леонида, наблюдающего за этим цирком с крыльца.

— Папа! — Взвилась Ольга и зыркнув на меня, неожиданно заключила, — это ты виноват. Он теперь мне месяц будет этот поцелуй поминать.

— Думаешь, твой брат меня меньше подкалывать будет? — Вздохнул я. Ольга присмотрелась к широко ухмыляющемуся Леониду, и сочувствующе хмыкнула.

— Ладно-ладно, идемте в дом, у нас не так много времени, а поговорить и решить нужно столько, что... — Боярин посерьезнел и, не договорив, аккуратно подтолкнул нас к крыльцу. Так что, нам с Ольгой не осталось ничего иного, кроме как следовать под его конвоем в царские палаты, которые Бестужевы скромно именуют своей городской усадьбой.

Глава 3. Личная жизнь? А что это?

Вас когда-нибудь били пыльным мешком по голове? Из-за угла? Нет? А вот нам «повезло». Нам, это в смысле, мне и Ольге. После объявленной нам Бестужевым-старшим информации, даже мои грядущие проблемы с Романом показались какими-то надуманными и несерьезными. О еле-еле нейтрализованном алкоголе, и вовсе речи нет. О чем я тогда? О помолвке. Вот-вот. Услышав от боярина сию ох... какую новость, я моментально отрезвел и чуть не впал в шок... даже восхищение красотой Ольги как-то незаметно отошло на второй план. Да и сама девушка уставилась на папеньку с оч-чень характерным выражением лица.

— Хм, Валентин Эдуардович, а можно поподробнее? — Попросил я боярина, чуть оправившись от известия.

— А что, ты имеешь что-то против? — Задал провокационный вопрос Бестужев-старший. Заметив настороженный взгляд, брошенный Ольгой в мою сторону, я вздохнул. Осторожнее надо, осторожнее. А то жизнь моя рискует стать еще веселей, чем была до этого и, возможно, даже короче... А я хочу жить долго и счастливо! И честно говоря, никакие помолвки и уж тем более браки, в эти планы не вписываются! Пока, по крайней мере.

— Отчего же? — Я пожал плечами. — Ольга, невеста завидная...

Тут Леонид сдавленно фыркнул, но, наткнувшись сразу на три внимательных взгляда, постарался задавить улыбку, что так и норовила вылезти на его физиономию.

— Так вот, — убедившись, что Бестужев-младший не собирается вносить коррективы в мой текст, продолжил я. — Ольга, невеста завидная, но мне хотелось бы узнать историю заключения помолвки. Поскольку слышу о ней, впервые в жизни. Оля, — я повернулся к

сверлящей взглядом боярина, девушке, — а ты в курсе дела?

— Я... — Начала было девушка, но смешалась и отец пришел ей на помощь.

— Оленька знает, что у нее есть нареченный жених. Но до сегодняшнего дня она не знала, что этот жених, ты. — Проговорил Бестужев-старший. — Одним из условий нашего соглашения с Николаем и Людмилой, стала отсрочка вашего знакомства до тех пор, пока тебе не исполнится пятнадцать лет.

— Ор-ригинально. — Только и пробормотал я, на что боярин снисходительно улыбнулся.

— Это, какие-то заморочки Людмилы. Она была очень сильным биологом... и евгеником. И настояла именно на таком условии, еще и мою жену подговорила. До сих пор вспоминаю, как они хихикали. Но добиться от жен признания, в чем дело, нам с Николаем так и не удалось... М-да. — Бестужев усмехнулся своим воспоминаниям, но почти тут же вернулся в настоящее и, переведя взгляд с меня на дочь, гулко хохотнул. — Но, честно говоря, стоило взглянуть на вас там, у крыльца, чтобы все смешки ваших мам, и их перешептывания, стали ясны как божий день. Вот уж, действительно, мастер евгеники!

— А биохимией она не увлекалась? — Поинтересовался я, и удивленный боярин кивнул.

— В том числе.

— Мастер? Скорее уж гений. Такое предусмотреть... Меня же, при виде Ольги, словно молниейшибануло! Как только мозги не спеклись? — Констатировал я, и от этого признания, принятого сидящей рядом со мной девушкой за неумелую лесть, Оля покраснела.

— И в чем же была выгода этой помолвки, кроме радости мам от биохимического взрыва в наших организмах? — Тихо поинтересовалась Ольга, и мои брови уверенно поползли куда-то на макушку. Да и Леонид вытаращился на сестру с каким-то странным выражением лица. С другой стороны, по идее матери нас и должно было накрыть обоих, иначе, какой смысл такое затевать? Так что, и удивляться вроде бы нечему... ну, разве что тому, как легко Ольга призналась, что я ее тоже «зацепил».

— Выгода... выгода была. — Задумчиво проговорил Бестужев-старший, теребя эспаньолку. — Кирилл, ты знаешь о своем наследстве? Не капитале матери, а об отцовской части?

— Кое-что читал, но... насколько я помню, в завещании отца речь шла только о некоем комплексе зданий в Костромском воеводстве и пая в товариществе, зарегистрированном там же, но у него нет ничего кроме уставного капитала. Счета заморожены, отчетность не сдается... — Пожал я плечами. — Вот, в принципе, и все.

— Да. Всё. — Бестужев вздохнул. — У твоего отца не было достаточно средств, одалживаться у родни он не пожелал, и деньги в это товарищество вкладывал именно я. Я же оплачивал и покупку зданий... Мы хотели создать школу, Кирилл. Школу, где твой отец смог бы передавать свои знания гранда Эфира. Не срослось. Та авария поставила крест на нашем начинании. Но! Незадолго до своей смерти Николай уверил меня, что ты сможешь продолжить его дело. Я не поверил, но сейчас, посмотрев на тебя и узнав о статусе мастера Эфира, я... скажем так... изменил свое мнение.

— Хм. — Честно говоря, слова Бестужева-старшего основательно выбили меня из колеи, а уж поймав изумленный взгляд Ольги, я и вовсе смешался. Но, вспомнив об изначальной постановке вопроса, справился с собой и обратился к боярину. — Идея школы мне по душе,

но... какое она имеет отношение к помолвке?

— О! — Вдруг в один голос протянули Леонид с Ольгой, словно что-то неожиданно поняли.

— По закону, принятому еще Иоанном Иоанновичем, подобные школы могут быть либо государевыми, либо родовыми, то есть, принадлежащими боярским родам. Более, никто на Руси не имеет права «учати отроков або мужей зрелых таинствам святого Ильи и Архистратига Михаила». Понимаешь? Нет, мы и без того мечтали, что когда-нибудь наши дети поженятся, а тут еще и перспектива со школой... своей, родовой. Это ж... это ж, на века!

— Понятно. — Мы с Ольгой переглянулись, и я вздохнул. — Вот только, боюсь, теперь эта возможность для нас утеряна. Я эмансипирован и, соответственно, выведен из рода. То есть, по меркам нашего в меру сословного общества, не более чем мещанин безродный, не забыли, Валентин Эдуардович?

— Вот уж мелочи, честное слово. В примачи пойдешь, к Бестужевым, в дети боярские, и всего делов. Или... — Боярин было отмахнулся, но тут же прищурился и вперил в меня настороженный взгляд. — Или ты решил от помолвки отказаться?

— Хм, это вы снова за нас все решить вздумали, что ли? — Насупился я в ответ. — То женить собирались, не спрося ни дочери, ни потенциального зятя, а теперь решили обратный ход дать?

— Стоп-стоп-стоп. — Покосившись на притихшую Ольгу, замахал руками Бестужев-старший. — Я на вас не давя и ничего не решаю. Сами определяйтесь.

— И определимся. — Неожиданно твердо заявила Ольга и повернулась ко мне. — Правда, Кирилл?

— Точно. — А что еще я мог ответить? Тем более, что идея школы мне нра... Стоп. Это гормон! Это все проклятый пубертат!

— И чего определяться, когда и так все понятно. — Тихо, но отчетливо пробурчал Леонид и схлопотал дежурный подзатыльник от отца.

— Вот и замечательно. — Улыбнулся боярин и повернулся на стук в дверь. — Что там еще?

— Ужин готов, Валентин Эдуардович. — Ответила женщина, проскользнувшая в отворенную дверь.

— Вот и славно. Ну что, молодежь, раз самое главное обговорили, может пойдем, поснедаем?

Отказываться никто из нас не стал и, через несколько минут мы уже сидели в небольшой столовой. Не знаю, как Лёня с Олей, а я проголодался страшно, и потому был почти недоступен для беседы. Бестужев-старший следил за тем, как с моей тарелки исчезают кушанья и довольно кивал, время от времени прикладываясь к лафитничку, и сопровождая каждый глоток горькой, большим количеством закуски. В результате, «медведь» ничуть не захмелел, но подобрел изрядно. А в конце ужина и вовсе огорошил...

— А что, Кирилл, может, погостишь у нас пару-тройку дней... — Вот только в глазах его, вместо расслабленности и довольства, холодное убеждение. Еще не приказ, но уже далеко не просьба... Хм.

— Можно и погостить. Если не стесню. — Киваю я. Правда, мысленно, признаюсь, что

причиной такого скорого согласия, вовсе не прислушивающаяся к нам Ольга, а банальный жизненный расчет. Усадьба Бестужевых, в отличие от моего дома в парке, куда лучше защитит меня от возможных неприятностей со стороны Романа. А в том, что «могильщик» непременно захочет закончить начатое, я ни на секунду не сомневаюсь. Но, если у него есть хоть капля разума, то сюда он точно не сунется...

* * *

— Отец, ты звал меня? — Возникший на пороге кабинета, Федор Георгиевич Громов настороженно взглянул на сидящего за рабочим столом главу рода, и удивился. Куда только девался усталый старик, каким выглядел отец после приступа. Сейчас, перед наследником был не магнат и промышленник из заштатного «клуба», а настоящий опричник, волчара. Воин из тех, что зачищали страну от оборзевшей от вседозволенности знати, и брали на копье непокорные городки удельных княжеств.

— Томилины окончательно потеряли берега, и требуют виры за дочь, в подтверждение союза. Ценой будет закрытие проекта «витязь»... и наша поддержка польского варианта. — Резко заговорил боярин.

— Роман подсуетился? — Скривился сын, моментально поняв, откуда ветер дует.

— Он самый... паскуда папская. — Кивнул в ответ Громов-старший и, ощерившись совершенно по-волчьи, приказал. — Переводи заводы на военный режим и поднимай бойцов, сынок. Мы идем на войну.

Глава 4. Швейцария? Я-а, я-а... Ни черта! Песчаный карьер!

Тень надежно укрывала меня от возможных наблюдателей, а полную уверенность в невидимости придавал отвод глаз, сейчас работающий на полную мощность. Да, в движении я под ним долго не продержусь, проверено в громовском поместье, но сегодня мне это и без надобности. Пока, я пришел просто посмотреть на хозяйство наемного отряда «Гончих», прикинуть возможное расположение охраны... ну и так, полюбопытствовать, в общем.

Московской базой наемникам служил отгороженный высокой стеной от общей территории старой фабрики, небольшой корпус, примерно в два этажа высотой, но с высокими, под самую крышу, окнами, старательно замазанными изнутри белой краской. Не любят наемники, когда на них через стекло пялятся. Стесняются, должно быть... Но самое паршивое, было не это. Все здание оказалось опутанным какой-то артефактной защитой, мутившей Эфир так, что даже мое чутье не могло пробиться через этот заслон. Плохо. Придется что-то придумывать... Соваться в эту коробку без предварительной разведки, будет величайшей глупостью. Все же, это далеко не имение Громовых, которое я помню до последнего закоулка, и минут смены постов, в любое время дня и ночи, и потому мог вломиться туда без всякой подготовки...

Спрашивается, почему я сижу на крыше бывшего барака и пытаюсь изображать из себя вуайериста, когда мои одноклассники дружно грызут гранит науки? Ответ простой. По моей просьбе, домашний врач Бестужевых сделал царский подарок, в виде справки. Короче, «болею» я, на зависть зашивающемуся врио старосты младшего «Б» класса, Леониду Бестужеву... А боярин оказался тем еще темной. Я ведь поначалу и не понял с чего это он так легко пошел мне навстречу, в деле получения липовой справки. Даже не дослушал выдуманные причины, по которым мне, якобы, было необходимо на неделю оставить школу. Прервал на середине

монолог и, вызвав из медблока врача, в приказном порядке велел тому написать нужный документ... Что интересно, врач с готовностью взял под козырек и тут же, не сходя с места, вывел на печать нужный бланк со своего браслета, быстренько вписал в него пару профессионально невнятных строчек и, прихлопнув сверху своим перстнем-печаткой, так же молча ретировался. Я даже удивиться толком не успел. Вот что значит, правильно поставленная служба.

Вообще, чем больше времени я провожу в усадьбе Бестужевых, тем заметнее становится здешняя повальная милитаризованность. Словно в родную часть вернулся, честное слово! Не хватает только пьяного «замка» второй роты, играющего со срочниками в «слоников», ну и казарм, само собой. Здешние палаты, на это «почетное» звание не тянут совершенно... да. Ну как же это, на всю усадьбу ни одной двухъярусной койки, приходится на пятиспальном траходроме ворочаться... одному. Тьфу ты, бисова сила! Опять Он!

Да уж, подкинули родители Кирилла проблему. И ведь не отмахнешься, дескать, вранье это все и чушь! Ибо документ соответствующий имеется. Да не абы какой, а зарегистрированный в Малом реестре Герольдии. Я проверил, зашел на государственный «инфор» и вбил номер документа. Действительно, зарегистрирован. Нет, можно, конечно, плюнуть на скрепленную подписями Громовых и Бестужевых, длиннющую цидулю договора о помолвке, да и послать подальше все эти матримониальные планы... Вот только, до этой возможности еще дожить нужно. Поскольку отказаться от заключения обговоренного брака, мы с Ольгой сможем только по достижении совершеннолетия... уточню, моего совершеннолетия, поскольку никакая эмансипация буквоедам Герольдии не указ. Сказано в законе — восемнадцать лет, и точка. Подкалывал меня Бестужев, как оказалось, когда решил допрос устроить на тему отказа от помолвки...

Хм... А девочка, умница, между прочим. Взбалмошная чутка, но... без перегибов. А так, самостоятельная и очень трезвомыслящая особа. В этом я уже успел убедиться. Но тут, как признал Бестужев-старший, скорее не заслуга его, а вина. Супруга Валентина Эдуардовича умерла, когда Ольге, меньше месяца до двенадцатого дня рождения оставалось, а других женщин в небольшой семье Бестужевых нет. Сам боярин вечно пропадал на службе, вот и пришлось боярышне учиться дом вести, да за озорным братцем присматривать. Конечно, женщины из подчиненных роду семей помогали, но... субординация, однако. Не могут боярские дети, пусть даже и самые близкие и доверенные, в доме сюзерена распоряжаться. Никак... Вот и легла вся ответственность за домашнее хозяйство, на юную боярышню. Тут поневоле самостоятельным станешь... Ох, что-то меня не туда понесло.

М-да, если б не теткино самодурство, глядишь, сейчас и близняшки такими же были... умницами-разумницами... Мечты-мечты... Впрочем, кажется, для Милы еще не все потеряно, а вот Лина! Черт знает, что делать с этой психованной дурой.

Мысли сами собой перескочили на полученное из рук Бестужева, письмо... и я нахмурился. Станным оно было, это послание от Федора Георгиевича. Нет, вопрос на тему: «как они меня нашли», здесь задавать бессмысленно. Чего меня искать, если браслет, свинья такая, стучит о моем местонахождении, как дятел. А вот содержание... С первых строк письма у меня возникло ощущение, будто наследнику рода Громовых известно о моих проблемах. Уж больно хорошо это предположение соответствовало изложенным в начале письма намекам на некую, грозящую мне опасность. Эдакий легкий намек, да... Я невольно замер, когда эта мысль возникла в голове, поскольку единственным результатом такой осведомленности Громовых, станет увеличение моих недоброжелателей. Причем, многократное. Ведь, одно дело, ничего не подозревающий о моих планах, Роман, с его отрядом наемников в два-три десятка человек, и совсем другое, боярский род, который может «поставить под ружье» до двухсот бойцов...

Сдохну же, и крикнуть не успею!

Но, справившись с оцепенением, я все-таки нашел в себе силы продолжить чтение и, пробежав взглядом следующий абзац, успокоено вздохнул. Не знают! В нем, дядька хвалил меня за то, что я навестил Бестужевых, настоятельно не рекомендовал появляться в бывшем конном клубе, и не менее настоятельно советовал принять посильную помощь Бестужева, когда тот ее предложит. Обратившись за разъяснением к присутствовавшему при чтении письма боярину, я с удивлением узнал, что наследник Громовых ему звонил и просил организовать для меня охрану, которая бы сопровождала меня в гимназию и обратно. Бестужев согласился. Вот интересно, а почему дядька со мной не связался по браслету?

— И звонил он вам не сегодня, а... позавчера, скорее всего. — Вздохнул я, выслушав боярина.

— Как догадался? — Усмехнулся Бестужев, с интересом глянув на меня.

— Просто. Именно позавчера доктор сделал мне справку. — Пожал я плечами и мой собеседник довольно кивнул.

— Соображаешь. — Это, типа, комплимент был? Я хмыкнул... но мысли мои тут же перескочили на письмо, и я потянулся за следующим листом дорогой плотной бумаги с вензелем Громовых. А дочитав его до конца, чуть не застонал.

— Какая интересная реакция. Дай, угадаю. Ты прочел о скором приезде двоюродных сестер. — Все с той же усмешкой, проговорил боярин, и кивнул в ответ на мой невысказанный вопрос. — Да, о них мы с Федором тоже говорили. И, учитывая ваши отношения, я счел возможным принять их в нашем доме.

— Отношения? — Меня аж передернуло.

— Я имею в виду их ученичество. — Уточнил Бестужев, явно заметив искажившую мое лицо гримасу.

— Вы с ними знакомы?

— Не имел чести. Но судя по твоей реакции, меня ждет что-то незабываемое. Не так ли? — Покачав головой, поинтересовался боярин.

— О да... мягко говоря. — Только и смог проговорить я в ответ. И задумался.

У Громовых явно что-то происходит, и они пытаются обезопасить молодежь. Кстати, а почему именно к Бестужеву? Что, других мест нет?

— Боярский городок, нейтральная зона. — Ответил на мой вопрос Валентин Эдуардович. — Государь не терпит шума в своей столице, так что, попробуй кто-то из бояр развязать здесь боевые действия, и гвардейцы сожгут его вместе с вассалами и имениями, одним ударом... если успеют.

— То есть, могут и не успеть? — Уточнил я.

— Ну, бояре тоже не любят шум рядом с домом. Так что, гвардейцам, если те не поторопятся, могут достаться только загородные имения буяна.

— Получается, Федор Георгиевич решил воспользоваться вашей усадьбой, как нейтральной

территорией. У вас такие хорошие отношения с Громовыми? — Спросил я, одновременно пытаюсь понять, с чего вдруг дядька так обеспокоился безопасностью младшего поколения рода. К войне, что ли, готовится?

— Хорошие отношения у меня были с твоим отцом. — Покачал головой Бестужев. — И тебе я помогаю, потому что ты нареченный моей единственной дочери. Будущий родственник. Ну а раз так, как я могу отказать в гостеприимстве твоим родичам, тем более, что речь идет о детях?

— Но... я же уже не член рода Громовых. — Нахмурившись, пробормотал я. Но боярин услышал.

— И что, штамп в паспорте отменяет кровные узы? Или лишает Малину и Людмилу «звания» твоих сестер? — Холодно осведомился Бестужев.

— Хм. Их и раньше этот факт не особо беспокоил. — Невольно вздохнул я, и боярин хмыкнул.

— Что, такие плохие отношения? — Я, в ответ, только рукой махнул, но, мой собеседник, кажется, прекрасно понял невысказанную мысль, и нахмурился. — А как же ты их тогда учишь?

— На совесть. Да и сестры, надо отдать им должное, чтут договор. Справляемся...

От воспоминаний меня отвлек шум, донесшийся от базы наемников. Ну-ка, что у нас там...

Глава 5. Работа не волк, но если догонит, мало не покажется

Я, все-таки, смог рассмотреть, что именно прячут наемники в фабричном корпусе. И то, что увидел, мне совсем не понравилось. В открывшемся проеме распахнувшихся ворот, была отчетливо видна боевая платформа... вроде полицейской, вот только я сильно сомневаюсь, что мощная спарка установленная на ней, это такой новомодный брендспойт для разгона толпы. Приземистая шестиколесная машина тускло поблескивала серо-стальным цветом отключенного маскировочного покрытия, призванного глушить собственные эманации эфира напичканного артефактной техникой агрегата, и менять свой цвет в угоду окружающему фону. Эдакий стальной хамелеон с десантным отсеком, вместо резервуара для воды. Как я это понял? Так, успел рассмотреть заднюю часть платформы, украшенную характерными люками, пока машину переставляли с места на место, чтобы без помех загнать в здание три морских контейнера, только что доставленные на базу.

Поднявшаяся суэта позволила мне хотя бы примерно прикинуть количество бойцов находящихся на базе. И судя по всему, их тут не меньше двух десятков... а то и больше. Неужто, весь отряд в Москву притащили? Или их просто больше, чем в обычных «бандах»? Черт. Нужна информация. И не только по «Гончим». Сведения о самом Роме тоже нужны, как воздух. Вот только, где ее взять? Бестужев?

Нет, старший тут же начнет интересоваться зачем, да почему, а младший, наверняка, не в курсе дела. Если же он полезет с вопросами к отцу... хм. Скорее всего, результат будет тот же, только еще и подозрений, не пойми в чем, у боярина прибавится. Да и как замотивировать этот самый интерес, особенно в отношении Романа? Нет, этот вариант не подходит. Гдовицкой и дядька? Ну-у, как-то, где-то... Попробовать завязать свой интерес на эмблемах и Лине... можно попробовать. Саму-то Лину, спрашивать об ухажере, явно будет бессмысленной тратой

времени с моей стороны. Ответа в этой жизни я от нее точно не дожусь. Действовать через Милу... кхм. Тоже не вариант. С момента приезда, обе близняшки сторонятся меня, словно прокаженного, даже на тренировках стараются не подходить на расстояние ближе двух метров... Конечно, можно было бы свалить их поведение на последствия нашей последней тренировки в моем доме, но это глупость. Страха у них нет, я бы почувствовал. Осторожность? Да, присутствует... но и только. И в чем тогда здесь дело?

Проводив взглядом закрывающиеся ворота фабричного корпуса, я вздохнул и, потихоньку убрался со своего НП. Пора домой... в смысле, к Бестужевым. Раиса-повар, которую, как хвастался боярин, он с боем отбил у лучшего ресторана столицы, обещала на обед свой замечательный борщ, и пропускать его я не намерен. Да и обещанную притихшим близняшкам тренировку, тоже не стоит сбрасывать со счетов...

Связываться по браслету с Федором Георгиевичем, я решил из усадьбы Бестужевых и не без причины. Пару дней назад я уже рискнул созвониться с ним, находясь в городе, и он прочел мне короткую, но крайне емкую нотацию, из которой следовало, что я вообще не должен покидать дом Валентина Эдуардовича, кроме как для поездок в гимназию. Тоже мне, заботливый родственник выискался. Где он был предыдущие годы, хотел бы я знать?

Кстати, действительно, а с чего вдруг у него проснулось такое чадолюбие? Что изменилось-то? Ну, если не учитывать нового витка обострения боярской вражды, из-за которой род Громовых вдруг перешел на военное положение... Да-да, именно так Федор Георгиевич объяснил причины, по которым он сплавил сестер из имения. А вот Алексей остался при нем. Вроде бы как, для учебы... Хм. Хорошо, что для подобного обучения, дядька счел меня слишком юным, или просто решил, что мне это без надобности. Не хотелось бы участвовать в войне родов, до которых мне, как мещанину, не должно быть никакого дела. Пусть и мещанин я вре... кхм. Прочь, гормон, фу, зар-раза такая! Я еще ничего не решил, совсем ничего, да. Сначала надо дожить до совершеннолетия. Ар-р... Гадство.

А ведь дядя Федор был в курсе матримониальных планов своего младшего брата и его супруги. Он сам это признал, в том же разговоре. Но почему никогда не говорил об этом с Кириллом, мне непонятно. Как и то, почему об этом не знал дед... Странно все это. Очень странно.

Я вздохнул и, спустившись по шаткой, давно проржавевшей пожарной лестнице, завел стоящего под ней Лисёнка. Вопросы, вопросы... разберусь с ними после Романа. Придя к такому решению, я поддал огня, вывернув рукоять, и рыжий запетлял по узким проулкам и дворам.

Пока мотоцикл катился по старому фабричному району в сторону Стромынского тракта, я размышлял об увиденном на базе наемников и, в конце концов, придя к выводу, что без личного осмотра фабричного корпуса изнутри мне не обойтись, сосредоточился на дороге, временно выбросив все мысли о Романи и его наемниках из головы. За стол лучше садиться в спокойном и расслабленном состоянии, иначе даже самая вкусная и лучшая еда не пойдет впрок...

* * *

— Нет, ты мне объясни, за какими мавками нас спихнули на попечение... этого! — Кипятилась Лина.

— Не «этого», а Кирилла. — Флегматично поправила ее сестра. Она сама не очень-то понимала, чем руководствовался отец принимая это решение, но недавно взятая за правило, мысль

придерживать экспрессию сестры, заставила Милу поправить Лину.

— Пф. Какая разница... — Серdito буркнула та. После смерти матери, она, в отличие от Милы не стала более сдержанной, зато злое ворчание, кажется, теперь прекращалось только, когда Лина засыпала. Все остальное время, срывавшийся с ее язычка яд, разве что одежду окружающих не прожигал. А уж когда она узнала о решении отца отправить их на попечение Кирилла, как учителя, даже Мила старалась ограничивать общение с сестрой, парой-тройкой минут за раз.

— Договор, Лина. Там прямо сказано, что мы должны проживать либо у родителей, либо у учителя, по их выбору. — Вздохнула близняшка, расправляя складки платья. Тут она краем глаза заметила идущую по двору Ольгу, и сама еле сдержала рассерженное шипение. С первой минуты их появления в доме Бестужева, хозяйка дома ясно дала понять, что к Кириллу она их не подпустит. Как будто бы им это нужно?! Вот только, один раз заметив, как эти двое весело смеются над какой-то немудрящей шуткой Леонида, Мила почему-то почувствовала какую-то иррациональную злость. Как будто она вернулась в детство и Линка снова отняла ее любимую игрушку... Как же так?! Это же моё!

Покосившись на сестру в надежде, что та еще не заметила Ольгу, действовавшую на близняшку, как красная тряпка на быка, Мила мысленно застонала. Поздно! Лина, с какой-то кривой полуулыбкой на губах, прищурившись, будто прицеливается, внимательно следила за каждым танцующим шагом хозяйки дома.

— И что она в нем нашла? — Тихо прошептала Лина.

— То, чего ты не видела никогда. Человека. — Неожиданно раздавшийся над головами близняшек, холодный и безэмоциональный голос Кирилла, заставил обеих дернуться. — Плохо. Совсем не следите за происходящим вокруг. А теперь, встали и побежали. Даю вам десять минут, чтобы войти в транс.

Перед сестрами упали на пол две пары подавителей, и близняшки, скривившись, надели их на руки. Кирилл застегнул затейливые замки «напульсников» и, глянув на недовольных сестер, покачал головой.

— Что стоим? Вперед! — Резкий, как щелчок хлыста, приказ заставил сестер бежать раньше, чем они осознали, что делают.

— Хоть бы переодеться позволил. — Буркнула Лина, злым взглядом провожая шагнувшего с гульбища на крыльцо Кирилла.

— Противника ты тоже будешь просить подождать, пока сменишь туфли от Ли Ен, на кроссовки? — Бросила ей сестра на бегу.

— О! Я прошу тебя, помолчи, а! — Закатила глаза Лина. — Мне и Кирилла с этой нудятиной хватает. А теперь и ты туда же?

— Как знаешь. — Фыркнула Мила и, пожав плечами, прибавила ходу, одновременно начиная мысленный отсчет и сопровождая каждую цифру эфирным выплеском под ноги.

Устроившаяся в беседке, Ольга заметила идущего в ее сторону Кирилла и, скрывшись в тени вечнозеленого плюща оплетшего деревянное сооружение до самой крыши, принялась наблюдать. Вот, юноша показался на дорожке, поправил соскользнувший было с руки рыжий шлем, и двинулся вперед, чуть расслабленной, но пружинистой походкой. Замер... Ольга

видела, как мгновенно напряглось тело Кирилла, а только что спокойный взгляд, вдруг став холодным и жестким, полоснул из стороны в сторону и, остановился на беседке... а в следующую секунду, Кирилл моргнул и наваждение пропало. Перед Ольгой снова был беспечный юноша, губы которого тронула легкая улыбка, а вовсе не боец, вроде командира папиной гвардии Аристарха Хромова, единственного неименитого ярого, проживающего в Москве.

Ольга поежилась от накативших воспоминаний о том, при каких обстоятельствах она видела у дяди Аристарха такой же вот, пустой и в то же время пронзительный взгляд, и вздохнула.

— Вот ты где! — Улыбающийся Кирилл заглянул в беседку, отвлекая Ольгу от тяжелых мыслей.

Моментально оказавшись рядом, он заговорщически подмигнул девушке и, выудив из шлема одуряюще пахнувший бумажный кулёк, покрытый фиолетовыми разводами, протянул его Ольге. Девушка втянула носом нежный аромат лесных ягод и благодарно улыбнулась. И как только узнал, что она обожает чернику?!

Глава 6. Ведь, ни словом не соврал...

Сидя за столом напротив Ольги, я все никак не могу избавиться от одной вопроса: а что она сама думает о нашей помолвке? Вроде бы не один день провели вместе, а ведь, так ни разу эту тему и не затронули. Словно, по молчаливому договору... Ну, со мной-то все понятно. Ольга, конечно, девушка замечательная, но брак в восемнадцать лет, это все-таки, совсем не то, о чем я мечтаю. А она? Сидит, вон, чернику клюет, аж жмурится от удовольствия... и до всего мира ей дела нет.

— Что ты на меня так смотришь? — Неожиданно поинтересовалась Ольга, вперив в меня взгляд своих ясных глаз.

— Любуюсь. — Честно ответил я.

— Понятно. — Девушка улыбнулась и, как ни в чем ни бывало, вновь принялась уписывать чернику. М-да. Я вздохнул и почувствовал на своей ладони руку Ольги. — Кирилл, не ломай себе голову. До твоего совершеннолетия у нас целых три года, так что расслабься.

— Тебя что, совсем не трогает вся эта ситуация? — Удивился я. В ответ, девушка пожала плечами и, отправив в рот очередную ягоду, улыбнулась.

— Не забывай, с того момента прошло больше двух лет. Так что, у меня было время подумать и принять свою помолвку, как факт. Хотя, когда папа рассказал мне об этом, я на него месяца три дулась.

— Да? Странно. Всегда считал, что девочки только и мечтают, как бы побыстрее выскочить замуж... — Пробормотал я. Ольга услышала и весело рассмеялась.

— У меня есть оправдание. К тому времени, когда отец решил «порадовать» меня новостью о помолвке, мне было пятнадцать, и я уже три года как управляла усадьбой. Успела, знаешь ли, привыкнуть к определенной свободе и самостоятельности, так что известие, что моя вольная жизнь продолжается ровно до тех пор, пока отец и жених не скажут, что пора идти в церковь, как-то не очень обрадовало. — Ольга зашуршала бумагой и, не найдя ни одной ягоды, вздохнула. Пришлось доставать второй кулек и мысленно благодарить Леонида за совет. У

меня бы от такого количества черники, давно уже скулы свело, а она трескается, как ни в чем ни бывало...

Увидев, как радостно подпрыгнула на месте девушка, при виде второй порции ягод, я не сдержал улыбки. Честно говоря, в ее эмоциях я просто купался. Чистые, яркие и такие... ощутимые, что ли? Нет, вот честное слово, здесь не обошлось без выкрутасов Кирилловой мамы. Я так отчетливо раньше ощущал разве что эмоции Лины, но там радостью и не пахло... А тут... Вот, кстати о Лине!

Я хотел было извиниться перед Ольгой и отправиться на поиски близняшек, которые, как раз сейчас должны завершать свою пробежку, но девушка меня опередила.

— Да-да... Ты должен идти на занятие. — На миг оторвавшись от поглощения ягод, покивала Ольга и, облизнув синие от сока губы, хитро прищурилась. — А хочешь, я тебя обрадую?

— Эм? — Честно говоря, я удивился...

— Пока будешь заниматься с сестрами, подумай вот о чем. Меня, например, никто не может принудить к браку, поскольку место уже занято, а сроки свадьбы не определены. А тебя? — Ольга взмахнула полупустым кульком в сторону выхода из беседки. — Кстати, о принуждении, там кузины бегут.

— Знаю. — Кивнул я. Действительно, приближение характерно пульсирующих в Эфире близняшек, я почувствовал еще минуту назад... Поднявшись со скамейки, я шагнул на выход, но тут же обернулся. — А за совет, спасибо. Идея помолвки, как защиты от покушений на «личную свободу», мне в голову не пришла.

— Всегда пожалуйста... Только, кхм, Кирилл, тут есть и отрицательные стороны. — Вдруг потупилась Оля. Я нахмурился, пытаюсь понять, на что намекает девушка, а когда до меня дошло, расхохотался в голос.

— Хочешь сказать, что как только твои знакомые узнают, кто именно является твоим нареченным, у меня могут начаться проблемы с некоторыми их представителями мужеска пола? — Уточнил я, и, получив в ответ смущенный кивок, вздохнул, стараясь сдержать рвущийся из глотки нервный хохоток. Покосился в сторону приближающихся близняшек и поинтересовался, — среди них есть гридни?

— М-м... нет. — На секунду задумавшись, качнула головой Ольга.

— Тогда, никаких сложностей. — Улыбнулся я. — если, конечно, они не решат воевать деньгами.

— Ты самоуверен. — Прищурившись, заметила Ольга. — А что если «они», как раз, и надумают воевать именно деньгами?

— Выпорю. А не поймут... Уж извини, рисковать своей жизнью, я совсем не хочу. — Полушутя, ответил я и, махнув девушке рукой, двинулся навстречу медленно и размеренно бегущим близняшкам. Биение эфира ровное, эмоций ноль... ну, ведь могут, когда захотят! Мне бы сейчас так... М-да.

* * *

Ольга проводила взглядом вылетевшего из беседки юношу и, прокрутив в голове окончание их беседы, невольно усмехнулась. Серьезный такой, самоуверенный... забавный. Нет, ну действительно, комично смотрится! Хм... Девушка посмотрела вслед Кириллу, на миг задумалась и, забросив в рот последнюю горсть черники, тоже выскользнула из беседки. Оглядевшись по сторонам, она прислушалась к своим ощущениям и, определив направление в котором исчез молодой человек вместе со своими сестрами, двинулась в ту же сторону. Ну, любопытно же, чему воздушный новик будет учить огненных воев? К тому же... нет, ну Кирилл действительно выглядит комично в своей «взрослости»...

Ольга замерла в тени старого раскидистого клена, и уставилась на происходящее на тренировочной площадке... А там было на что посмотреть. Близняшки, почему-то с момента своего приезда, сторонившиеся Ольги, как и своего кузена, закрыв глаза, сидели на двух неизвестно откуда притащенных валунах, предусмотрительно застеленных вспененными ковриками и... перебрасывались постепенно тускнеющим, непонятным шариком света. Вот он мигнул и пропал. Стоящий рядом, Кирилл тяжело вздохнул и, создав?! Как?! еще один светящийся комок, вбросил его меж сестрами. Ольга присмотрелась внимательнее и удивление ее выросло еще больше. Близнецы не касались шарика руками, они просто выставляли ладони на его пути, и шарик тут же менял направление. Эдакий пинг-понг... без ракеток.

Шарик летал все быстрее, мерцая всполохами от желтого до синего цвета. Кирилл морщился, но молчал. Но стоило только свечению пойти на убыль, как юноша что-то процедил сквозь зубы и подбросил сестрам сразу три шарика, одновременно включаясь в их противостояние. Пинг-понг превратился в жонглирование, скорость росла, шарики начали угрожающе гудеть и даже потрескивать.

Ольга видела, что девушки, несмотря на то, что находятся в трансе, уже порядком устали, но их учитель словно и не замечал этого. С легкостью, чуть ли не взглядом перенаправляя сгустки света, то Лине, то Миле, он, вдруг, начал резко менять скорость движения шариков, а потом еще и заставил их менять цвета. Теперь, девушки были вынуждены не только отталкивать сгустки света от себя, но и поддерживать именно тот цвет, который выбирал Кирилл. Отразить шарик, в ином случае, просто не получалось и он, судя по возмущениям Эфира, ударяясь о выставленные ладони, причинял несильную, но весьма ощутимую боль.

В конце концов, девушки окончательно выдохлись. Одна из близняшек не смогла отразить два шарика подряд, а другая просто опустила руки, и огненно-красный сгусток света на бешеной скорости впечатался... точнее, едва не впечатался в грудь Милы. Ольга не поверила своим глазам, когда стоящий в пяти метрах от близняшек, Кирилл вдруг исчез и появился точно перед летящим в Милу шариком пронзительно-алого цвета. Полыхнул розовыми отсветами неизвестно когда возведенный им эфирный щит, потоки алого света, расплескавшегося по его поверхности, потекли наземь, и застыли идеально ровной дугой мутного моментально потрескавшегося наплыва на песке.

Кирилл сделал неуверенный шаг назад, поморщился и, утерев со лба выступивший пот, что-то тихо сказал близнецам, указывая на закрепленные у девушек на руках, широкие черные «напульсники». Мила опустила взгляд на спекшийся в стеклянистую массу песок в полуметре от ее валуна и, побледнев, что-то быстро-быстро заговорила. До Ольги не долетали фразы, только отдельные слова в захлебывающемся монологе... А вот Лина, кажется, была просто в ступоре. Но... она даже не смотрела на след, оставленный пойманным Кириллом сгустком света. Взгляд сестры Милы был прикован к сердитому Кириллу, а Эфир вокруг Лины так и кипел недоумением и изумлением... Этого Ольга не поняла совершенно. Зато, не упустила момент, когда на полигон ворвался зло зыркающий по сторонам командир бестужевской гвардии, Аристарх Хромов, и попытался прореветь что-то об идиотах, устраивающих бурю в

Эфире, вместо нормальных тренировок, отчего половина охранных артефактов с ума посходила. Не упустила она и реакцию Кирилла, который, с видимой легкостью выдержав наезд гвардейца, выслушал все его матерные рулады и вдруг, рывкнул так, что клен над головой Ольги тут же потерял половину своего золота и багрянца.

— ВОН ИЗ КРУГА! — Аристарх Хромов, опешив от такой наглости, воззрился на пятнадцатилетнего подростка, Эфир вокруг которого, вдруг взбурлил совершенно чудовищной по своей концентрации яростью, и также внезапно опал, словно ничего и не было. А в следующую секунду, близняшки рухнули на песок, в облаках каменного крошева, которым в момент осыпались их валуны. Ничего подобного, Ольга еще никогда не видела... А уж того, что последовало за этим «шоу», и подавно.

— Прошу простить, мастер. — Неожиданно для присутствующих, прогудел Хромов и, поклонившись, исчез, словно его и не было. Ольга, в неверии, помотала головой. Что это было?!

Глава 7. Если гора не идет... значит, было мало травы

Что это было? Или я чего-то не понимаю, или этот ярый в чем-то ошибся... В смысле, да, по здешней классификации, я, действительно, мастер Эфира, но Хромов сказал это, как-то... не так. Тьфу ты! У меня точно мозги со страху заплелись. Идиот! Это ж надо было ТАК спалиться с уровнем контроля... То-то, он так ёрничал! Удивительно, как сюда, вообще, вся бестужевская гвардия не сбежалась!

Правда, у меня имеется оправдание. Я действительно испугался, что могу не удержать этот чертов комок энергии. Хорошо еще, догадался сбросить возмущения в камни... а то ведь и окружающих приложило бы... Чертова Мила! Трудно ей было уклониться от заряда, что ли?!

Покосившись на озирающих сотворенный мною бардак, абсолютно невредимых близняшек, я тяжело вздохнул и, отбросив Эфиром каменные осколки в сторону, хлопнул в ладоши. Сестры вздрогнули и, отвлекшись от созерцания груды щебня, перевели на меня взгляды, в которых явно читалось недоумение.

— А вы думали, я просто так вас на контроль натаскиваю? Эфир, это вам не стихийные техники. Не удержите концентрацию, сгорите нахрен. Что встали? Бегом в душ, и на обед!

Глянув вслед тут же испарившимся кузинам, я тяжело вздохнул. Если б не «радостная новость» Ольги, черта с два, я бы так сорвался. М-да уж... И дело даже не в том, что объясненный ею финт с помолвкой полностью меняет весь расклад, что я уже состряпал у себя в голове. Лучше так, чем ошибиться в выводах и наделать глупостей, только из-за того, что не знаешь и, соответственно, не учел чего-то важного. Но вот намек на неких молодых людей, что ищут внимания Ольги, и могут возжелать освободить место ее нареченного, дабы не мешал самим туда забраться, мягко говоря, совсем не обрадовал, как бы я не хорохорился. Ревность? Если бы. Банальное желание жить, и жить спокойно... хотя, конечно, отрицать действие некоего собственнического инстинкта, я тоже не стану. Девушка хороша. Но, это уже лирика...

Короче, еще одной головной болью стало больше. Кстати...

— Оля, ты долго собралась в засаде сидеть? — Повернувшись в сторону единственного растущего на краю площадки клена, спросил я.

— Я просто мимо проходила. — Выходя из-за дерева, пожала плечами девушка.

— Ну да, с полчаса назад. — Хмыкнул я. В ответ, Ольга только руками развела, и улыбнулась. Но поболтать нам не дали. Примчался из дома Леонид, даже не поздоровавшись, поволок нас на обед.

До вечера, я занимался накопившейся за прошедшие дни домашней работой, задания которой, мой заместитель с ехидной улыбкой притаскивал ежедневно из гимназии. Вот, ни на секунду не сомневаюсь, что идею загрузить «больного, чтоб не скучал» принадлежит именно его хорячьей светлости. А после ужина, меня позвал в свой кабинет, вернувшийся из Приказа, Бестужев-старший. Хмурый и сосредоточенный...

— Кирилл... присаживайся. — Боярин указал мне на кресло в углу кабинета, устраиваясь в соседнем с ним. Пожав плечами, я воспользовался предложением и, усевшись в кресле, воззрился на сосредоточенно потирающего кончик носа Бестужева. А тот молчал.

— Кхм. Валентин Эдуардович... — Услышав меня, боярин вынырнул из своих мыслей. Вскинул головой и наткнувшись на мой выжидающий взгляд, кивнул. На журнальный столик между нами упала небольшая кожаная папка, с засургученным замком.

— Вот. Именно из-за этого я тебя и позвал. — Протянул Бестужев. — Не стесняйся, бери. Открывай и читай.

Я с опаской покосился на папку. Неужто, еще какие-то новости сейчас свалятся мне на голову? Я еще и от уже имеющихся-то, не отошел толком...

— Что это? — Не торопясь брать в руки этот «подарок», поинтересовался я.

— Хм... документы твоего отца, кое-какие записи о школе. Пара личных дневников... в общем, всякое-разное... Почитаешь, поймешь. — Тихо проговорил хозяин дома. — Ну а если в чем-то не разберешься, обращайся. Помогу.

— Поня-ятно. — Протянул я и, опомнившись, кивнул. — Спасибо, Валентин Эдуардович. Дома у меня не было почти ничего от родителей. Разве что отцовы досвадебные фотографии и семейный альбом.

— Ну да, а архивы рода, место чересчур скучное. — Хохотнул боярин. Стоп! Какие-такие архивы?!

— Ну-у, да. — Изобразив виноватую улыбку, ответил я, мысленно проклиная инерцию мышления. Все-таки, иногда, память Кирилла подкидывает подлянки. Точнее, мое к ней отношение. Вот, как сейчас, например. Кирилл знать не знал, ни о каких родовых архивах, но я-то должен был понять, что семьи обязаны сохранять и беречь важную информацию, документы и свидетельства о своем прошлом. В конце концов, традиционность здешнего высшего сословия просто требует такого отношения к предкам и их деяниям! А вот поди ж ты... Не сообразил. В очередной раз положился на память четырнадцатилетнего паренька, не подумав, что он был совсем не всезнающим и... дьявольщина!

Услышав легкое покашливание рядом, я понял, что теперь сам слишком глубоко ушел в себя.

— Простите, задумался. Это все? — Вскинув голову, спросил я боярина.

— Хм... Полагаю, пока да. — Кивнул тот в ответ. — Если ты не собираешься читать документы прямо сейчас, конечно.

— Не хочу вас стеснять, Валентин Эдуардович. — Я отрицательно покачал головой.

— Ну, что ты, Кирилл. Мы же как-никак будущие родственники. — Добродушно усмехнувшись, пророкотал боярин. — Какое тут стеснение! Ладно, иди, читай. Будут вопросы, сразу обращайся. Обязательно отвечу и поясню, если что-то будет непонятно.

Слиняв из кабинета Бестужева, я добрался до выделенной мне комнаты, и уже хотел было сломать сургуч на замке папки, как почувствовал вибрацию «громовского» браслета, напяленного мною сразу по возвращении из «разведки».

— Кирилл, здравствуй. — Изображение Гдовицкого странно дернулось. Это ж, куда он закопался, что эфир так искажается?!

— Добрый вечер, Владимир Александрович. — Кивнул я.

— Как сказать. — Явно о чем-то своем, буркнул мой собеседник, но тут же спохватился. — Добрый, добрый. Кирилл. У меня не так много времени, поэтому просто слушай и не перебивай. Боярина Бестужева, Федор Георгиевич уже предупредил, теперь на всякий случай, предупреждаем и тебя. Томилины. После смерти Ирины Михайловны, у нас возникли серьезные трения с их родом. Близнецы не в курсе, но все очень-очень серьезно, понимаешь?

— Война родов?

— Умный мальчик. Я не прошу тебя быть их телохранителем, в сложившихся обстоятельствах, это идиотизм, но... пожалуйста, присмотри, чтобы у них не было контактов с Томилиными. Особенно, с одним из них. Романом Вышневецким. Ты его должен был видеть, на похоронах он стоял рядом с Линой.

— Владимир Александрович, а вам не кажется, что мне не должно быть никакого дела до того, с кем общается Малина Федоровна? — Тихо проговорил я, мысленно потирая руки. На ловца и зверь бежит, а?

— Хм... у меня нет времени на долгие уговоры, Кирилл. — Хмуро ответил Гдовицкой, явственно поморщившись от моих слов. — Поэтому, скажу просто. Боярин Громов обещает тебе поддержку рода в твоих начинаниях, если ты поможешь Валентину Эдуардовичу оградить Лину от общения с этим...

— В каких начинаниях?

— В любых, не связанных с нарушением закона. — Отрезал Владимир Александрович, но тут же смягчился. — Кирилл, я понимаю, что для тебя, выполнение этой просьбы, только лишняя обуза, но... ты учитель Лины и Милы, и в какой-то мере, это соответствует принятым тобой обязательствам. Уж ты-то знаешь, что Ирина Михайловна слишком многое позволяла своим детям, и потакала Лине в ее интересе к этому молодому человеку. Но наш род не может позволить, чтобы кто-то из его членов связал себя официальными отношениями с сыном изгнанника и бывшим папистом. Томилины могут как угодно относиться к Вышневецкому, он их родич. Но не мы.

— Бестужев в курсе? — Вдохнул я.

— Да. Я же говорю, твоя задача, помочь ему в этом деле. — Слабо улыбнувшись, проговорил Гдовицкой. Думает, что уже победил? Зря.

— Хорошо, Владимир Александрович, я соглашусь помочь роду Громовых, но при одном условии.

— Кхм. Слушаю. — Напрягся тот.

— Это будет последнее вмешательство в личные дела представителей рода Громовых с моей стороны, и последнее вмешательство представителей рода Громовых в мои личные дела, соответственно. Георгий Дмитриевич готов подтвердить такое соглашение?

— Хе. Сознательное вмешательство, без твоего и нашего согласия. Такая формулировка тебя устроит... внук? — Неожиданно появившийся на экране браслета, боярин Громов пыхнул трубкой

— Устроит, Георгий Дмитриевич. — Я растянул губы в широкой улыбке и, решил добить ситуацию до конца. — Жду информацию по этому самому Вышневецкому. ВСЮ информацию.

— Вова, озабочься. — Бросил в сторону Громов-старший и, смерив меня полным странного любопытства взглядом, отключился.

Глава 8. Самое логичное обоснование

Глупо было бы рассчитывать на то, что дед столь быстро изменит свое поведение и станет воспринимать меня всерьез. Но кто сказал, что мнение людей невозможно изменить? Вот и посмотрим, насколько изменится отношение ко мне Громовых, после моей «помощи»... Ведь, просьбу оградить Лину от общения с Романом, как оказалось, Вышневецким, можно понимать по-разному. Очень, по-разному...

Я мотнул головой, вытряхивая из нее преждевременные мысли, и взялся за папку. Как раз, будет чем заняться, пока Гдовицкой соберет информацию по «объекту», и пришлет ее на мой браслет.

Итак... что мы имеем? Документы о школе. В сторону. Слишком рано. Переписка о школе... туда же. Дневники. Хм. А как дневники отца и матери могли оказаться в распоряжении Бестужева? Почему они здесь, а не в упомянутых боярином, архивах рода Громовых? Интересно... А еще интереснее, почему эта папка попала ко мне в руки именно сейчас... Впрочем, могу поспорить на что угодно, это результат нашей сегодняшней тренировки с близняшками. Сдал-таки меня господин Хромов. С потрохами сдал...

* * *

Когда «накрылся» целый сектор охранного периметра, прилегающий к тренировочному полю, Хромов было решил, что кто-то наплевал на все правила и негласные договоренности между боярскими родами, и атаковал городскую усадьбу Бестужевых, чтобы добраться до гостей. Всякое бывало в истории, и не всегда традиция нейтралитета соблюдалась. Зря, что ли, Громовы решили укрыть детей в чужой усадьбе, а не в своей, хотя имели такую возможность? Значит, береглись, опасались, что их противники могут заранее уговориться с соседями и те пропустят штурмовиков через свои кварталы... Тут сердце ярого захолонуло. Если это так, то получается, соседи слили Бестужевых! Это с какой же силой должен был столкнуться род Громовых, чтобы такое случилось?! Ведь две трети соседей связаны с Бестужевыми союзными договорами. Что же теперь, все прахом?!

Ноги сами понесли Аристарха к месту возможной атаки, а разум в это время пытался прощупать Эфир, стараясь заменить собой чувствительные датчики охранной системы. Вот, загрохотали сапоги дежурной смены, по постам прокатилась команда-переключка и гвардия, что называется, встала на боевой взвод. А в Эфире странная тишина. Словно, противник сам оказался в шоке от собственной дерзости и теперь затаился, будто чего-то выжидая. Все эти мысли пронеслись в голове Хромова за считанные секунды, а потом он вылетел к месту предполагаемого прорыва штурмующих, и невольно затормозил.

Площадка, которую ярый ожидал увидеть развороченной мощными стихийными ударами, какие всегда оставались на местах боев, поразила Хромова идиллической картинкой... Ну, почти. Судя по страшно фонающему Эфиром стеклянистому следу на песке, ученички, вместе со своим недорослем-учителем, переборщили с силой!

Непроизвольно, Хромов выдал красочную тираду, поминая всех святых и малолетних идиотов, лишь соизволением первых оставшихся в живых. Но закончить ее, ярый не успел. Его просто накрыло волной обжигающей ярости, пронизывающий и без того бурлящее море энергии вокруг. А в следующую секунду, волосы на голове Аристарха встали дыбом. Пятнадцатилетний шкет с невообразимой легкостью подчинил себе клокочущую силу... и одним неуловимым усилием просто слил эту «пену» в валуны, на которых сидели бледные, боящиеся пошевелиться близняшки.

Камни покачнулись и, хрустнув, осыпались на песок мелким щебнем, подняв вокруг облака пыли. Твою же, через три клюза вперехлест! Это мастер?! Это?! Это, мать его за ногу, гранд! Безусый мальчишка с гормональным штормом — натуральный гранд!!!.. Хана городу...

— Прощу простить, м а с т е р. — Выдавил из себя Хромов. Единственное, чем он сейчас смог позволить себе выразить собственное мнение о действиях гостя дома, был ернический тон. Осталось надеяться, что Кирилл поймет смысл послания, и уймется в своих играх с Эфиром. А то, в следующий раз, он ведь может так и весь квартал на уши поднять. Объясняйся потом с боярскими детьми...

Аристарх покинул площадку, на ходу отменив готовность номер один, по взбаламученной ревом тревоги, гвардии. Оказавшись в одиночестве, ярый запрокинул голову, вздохнул, привычно успокаиваясь при виде бегущих по небу облаков и, восстановив душевное равновесие, вновь потянулся к браслету. Боярину Бестужеву следует знать, что только что произошло в его доме, и кого он приютил... на самом деле.

Не сказать, что Валентин Эдуардович был уж очень удивлен рассказом командира гвардии, но было видно, что сейчас, такого он не ожидал. А как еще можно расценить его восклицание: «Уже?!»

После прошедшего в полной тишине обеда, когда домашние уже расправились с десертом, Аристарх вдруг поймал на себе испытующий взгляд Ольги и печально вздохнул... который раз за день. Словно почуяв его состояние, поднявшийся из-за стола, Кирилл, услышав этот вздох, замер на пороге и вопросительно взглянул на ярого. В ответ, тот кивнул в сторону настороженно наблюдающих за этой пантомимой девушек.

— Что уж теперь? — Пожал плечами Кирилл и исчез за дверью.

— Это он сейчас о чем? — Спросил в пустоту Леонид.

— О любопытстве. — Буркнул Хромов. И все три девушки, покраснев, переглянулись. Молча.

Но Ольга не выдержала первой.

— Аристарх Макарыч, миленький, ну расскажи, что это такое было, там на площадке?

— Гранд там был... — Пожевав губами, нехотя ответил Хромов, проклиная Кирилла, спокойно улизнувшего от этого допроса. Впрочем, Аристарх сам виноват. Нужно было сваливать из-за стола сразу, а не устраивать театр из переглядываний. — Раздраженный гранд.

— Но... Кирилл же только мастер. — Непонимающе протянула Лина.

— А вы думаете, хоть один из них имеет бумажку, на которой написан настоящий уровень владения Эфиром? — Фыркнул Хромов. — К вашему сведению, даже ярые, и те не стремятся обнародовать свой настоящий статус. Вон, хоть боярина Громова взять. А уж эфирники...

— А что тут такого? Зачем им скрываться? Они же, слабее стихийников, правильно?

— Кхм, это, как посмотреть... — Протянул Хромов, усмехаясь. — Знаете, в чем разница между грандом эфира и любым другим одаренным? Впрочем, откуда? Об этом не говорят в открытую... Любой одаренный пропускает эфир через себя. Любой, кроме грандов. Они способны оперировать той энергией, что разлита вокруг... и это умение уже никак не зависит от их личной силы. Им достаточно лишь тоненькой связи с Эфиром, чтобы заставить его работать на себя. Но для этого, уровень контроля должен быть просто заоблачным. Да вы и сами это видели, сегодня.

— А... как же ярые? — Тихо спросил Леонид. — Аристарх Макарыч, ты же тоже знаком с эфиром.

— Я - подмастерье. И знаешь, что я тебе скажу, барчук? Ни один ярый, вставший на путь Эфира... точнее, тем более, ставший на путь Эфира, не пожелает перейти дорогу гранду, даже если тот — слабосилок в стихиях. Да, в прямом противостоянии, у меня есть преимущество, вот только... эти, — Хромов интонацией выделил последнее слово, так что слушавшие его боярские отпрыски прекрасно поняли, кого он имел в виду. — Эти предпочитают драться на своих условиях. И здесь, любому ярому проще самому застрелиться. Мы воины... и жить в ожидании, когда рядом с тобой возникнет гранд, вдруг решивший, что ты задержался на свете, ткнет пальцем и скажет: «бу»... Поверьте, смерть от страха — очень поганая смерть... Хм, вижу, не верите? Хорошо. Чтоб вы лучше поняли, расскажу вам одну поучительную историю... У ниппонцев, в свое время существовали целые кланы таких вот убийц. Шиноби... В конце девятнадцатого века, тамошним стихийным кланам надоело жить под дамокловым мечом, зная, что наемники-тени запросто могут убить любого из них, возникнув из ниоткуда, и исчезнув в никуда. Вечно воюющие роды объединились и, прошерстив свои острова, вырезали поселения всех шиноби, до единого. Так им тогда показалось, Жгли, топили, душили, не взирая на возраст, пол и силу. Мужчин, женщин, детей, стариков, всех подряд. Резали выживших в поселениях после стихийных атак, поскольку знали, что любой одаренный может стать грандом, а значит, каждый оставленный в живых ребенок-шиноби в будущем объявит им приговор. И вроде бы, кланы достигли своей цели. Как потом выяснилось, они упустили только пятерых... но этого хватило. Шиноби, в отличие от своих палачей, не стали казнить всех подряд. Нет... они поступили куда изощреннее. В течение следующих трех лет после «Солнечного ожога», как высокопарно обозвали кланы свою «победу», в родах стихийников кончились все, без исключения, дети старшей крови... Те, кто мог наследовать главенство в кланах. Это произошло в одна тысяча восемьсот восемьдесят девятом году.

— Открытие Ниппон, реставрация Мэйдзи... — Тихо проговорила Ольга.

— Именно. Год, когда император Муцухито взял всю власть в свои руки, открыл страну для гостей с Запада, и официально «позволил» браки с гайдзинами, и усыновление их детей.

— То-то у ниппонцев все стихийницы такие большеглазые и больше... кхм... — Поймав внимательный взгляд сестры, Леонид деланно улыбнулся и развел руками. — Я имел в виду, что представители ниппонских кланов очень сильно отличаются своей внешностью от остальных жителей Страны Восходящего Солнца.

— Я так и поняла. — Кивнула Ольга... и погрузилась в размышления, не заметив ни исчезновения из-за стола Леонида и Аристарха, ни откровенно бледного вида сжавшихся на стульях, молча переглядывающихся близняшек.

Глава 9. История не в событиях, она в людях что их творят

От чтения предоставленных хозяином усадьбы документов меня отвлекла настойчивая вибрация браслета. Отложив в сторону бумаги, я уставился непонимающим взглядом на собственное запястье и, потерев ладонями лицо, тяжело вздохнул. Это, «Санта-Барбара» какая-то, честное слово!

Один спор между отцом и дедом чего стоит! Шекспир нервно курит в сторонке. Любовь Николая к единственной дочери своего учителя, гранда и ярого Воздуха Никиты Силыча Скуратова, старого неприятеля боярина Громова и... по совместительству, дальнего родственника супруги Георгия Дмитриевича. Мужа ее двоюродной сестры, если быть точным. Именно бабушка, как раз, и давила деда, настояв отдать младшего сына в обучение Скуратову... где Николай познакомился с Людмилой Скуратовой.

Уж что именно не поделили эти два мастодонта прошлого века, я не знаю, но в результате, сюжет Ромео и Джульетты опять получил свое воплощение в жизни. Дело дошло до того, что молодая супружеская пара была вынуждена идти в боярские дети к... тадам! только что ставшему главой рода, школьному другу Николая и Федора Громовых, Валентину Эдуардовичу Бестужеву... Мра-ак.

Вот и ответ, почему дед оказался не в курсе помолвки его родного внука. Будучи боярскими детьми, то есть, членами уже другого рода, Николай и Людмила имели полное право не только не спрашивать разрешения боярина Громова, но даже не информировать его о подобных шагах.

А вот каким образом я оказался на попечении Громовых, это вопрос... Только кому его задавать? Бестужеву, или Громовым? Ну, начнем, пожалуй, с хозяина этого дома. Тем более, что он сам предлагал свою помощь в решении непоняток, связанных с этой папкой... А вот потом, можно будет поговорить и с Федором Георгиевичем.

Вспомнив о пришедшем на браслет письме, я вздохнул и развернул экран, который тут же оказался заполнен длинным перечнем пришедших файлов. Не-не-не. Стоп. Надо развеяться. Иначе, чую, моя бедная голова просто взорвется от избытка информации. Да и успокоиться не помешает, иначе в том нервном состоянии, в котором я сейчас нахожусь, боюсь, могу упустить или не заметить что-то важное...

Приняв такое решение, я свернул экран, запер документы из папки в ящике стола и выскользнул за дверь. Коридоры усадьбы встретили меня тишиной и темнотой. Ничего странного. Время уже глубоко полночь, и большая часть домочадцев Бестужевых давно спит.

Пройдясь по пустым галереям, я вышел в холл и, отворив дверь, выскользнул на улицу. Точнее, на крыльцо выходящее в парк. Прогуляюсь, проветрюсь... уложу в голове все прочитанное, а потом уже можно будет и за послание Гдовицкого браться.

— И куда это вы собрались, госпожа Громова? — Услышав тихий голос, раздавшийся со стороны подъездной дорожки, я вжался в стену, одновременно, на автомате, укрываясь за отводом глаз. И только после этого, выглянул с крыльца. Интересно же.

Темнота для того, кто владеет Эфиром, преграда небольшая, так что, уже через секунду я довольно отчетливо видел происходящее у подножия Красного крыльца.

Хромов возвышался над одной из близняшек, мнущейся перед ним, словно забывшая урок, нерадивая школьница перед учителем. Сопит, молчит, ничего не говорит... Хм.

— На прогулку. — Наконец справившись с собой, девушка вскинула голову и вызывающе взглянула на невозмутимого Хромова.

— Вот как? Я вас разочарую. По распоряжению боярина Бестужева, жителям усадьбы запрещено покидать ее пределы после двадцати трех ноль ноль, без персонального разрешения Валентина Эдуардовича. Усиленные меры безопасности, знаете ли. — Проговорил ярый. Сестра скисла.

— Но... меня же ждут! — Черт, кажется, Леня все-таки что-то упустил. Обидно.

— Позвоните, объясните ситуацию. Думаю, ожидающие вас друзья все поймут правильно. — Пожал плечами гвардеец.

— Не могу... мой браслет заблокирован, вместе с номерами. — Буркнула девушка и, поняв, что никто ее с территории не выпустит, махнув рукой, отправилась в дом. Хм. Наверное, все-таки Мила. Как мне кажется, Линка бы закатила скандал.

— Спокойной ночи, боярышня. — Прогудел за ее спиной Хромов.

— И вам. — Тихо отозвалась она, проходя мимо меня. Вот только... не-не-не. Так не пойдет.

Я проскользнул в дом, следом за кухней и, заметив, как она свернула к служебной части усадьбы, довольно хмыкнул. Умнеет... дура.

Наблюдая, как Линка крадется по темным коридорам и переходам в сторону запасного выхода из дома, я шел следом за ней, по пути пытаюсь сообразить, что делать, если ей каким-то чудом удастся-таки выбраться за пределы усадьбы...

Впрочем, зря только голову ломал. Стоило кухне оказаться у стены ограничивавшей территорию усадьбы, как рядом возник все тот же вездесущий Хромов и Лина, печально вздохнув при виде его громоздкой фигуры, ни слова не говоря, развернулась и, поникнув, двинулась обратно в дом, ежась под насмешливым взглядом ярого.

Не доверяя разумности Лины, мягко говоря, я «довел» ее до дверей в выделенную кухню комнату и убедившись, что она все-таки не решилась на третий заход, собрался было уйти к себе, но...

— Я же тебе говорила. — Из-за неплотно прикрытой двери раздался голос Милы.

— И что? — Фыркнула в ответ сестра. — Я должна была попытаться. Рома, вон, целую операцию провернул в гимназии, чтобы подкинуть мне эту записку. А ты... ты просто завидуешь! Не удивлюсь, если это ты сама и сдала меня этому... этому церберу!

— Сестренка, у тебя совсем мозги высохли. — Устало вздохнула Мила. — Забыла о запрете отца? Я ни на секунду не сомневаюсь, что он говорил не только с нами, но и с Бестужевым. Иначе бы, Роман спокойно пришел сюда, как гость. А записка говорит лишь о том, что никак иначе связаться с тобой он не может. Делай выводы, и не приплетай сюда меня. Ты бы еще Кирилла обвинила в том, что не можешь встретиться со своим рыцарем.

— Кирилл... — Задумчиво протянула Лина, но тут по коридору промчался легкий порыв ветра, и дверь захлопнулась, отрезав все звуки... Черт. Записки... да, лоханулся Леонид... а ведь обещал!

Оказавшись в своей комнате, я устало потянулся и, бросив взгляд на браслет, тяжело вздохнув, развернул экран. Спать хочется, но... надо ознакомиться с информацией о Вышневецком, хотя бы в общих чертах. Очень надо...

Итак, что мы имеем... Роман Авдеевич Вышневецкий, сын Авдея Томилина, изгнанного из рода в одна тысяча девятьсот восемьдесят втором году, двоюродного брата нынешнего главы рода Томилиных. Причины неизвестны, но есть свидетельства о том, что в деле не обошлось без дознавателей службы государственной безопасности. А это впрямую намекает, что причина, как минимум, связана не только с внутренними проблемами рода, но и затронула интересы государства. Тем более, что Авдей Томилин не был ни бездарным, ни даже слабым одаренным. Гридень Воды, ни много ни мало...

Ну да ладно. Изгнали, так изгнали. Авдей бежит в Польшу, и это понятно. В России ему ничего не светит, а вот за границей, сильный одаренный, при определенном старании, может найти применение своим умениям. Тем более, если перейдет в католичество... и женится на дочери магната. Нового магната, который не может похвастаться своим происхождением «от Гедмина».

В тысяча девятьсот девяностом, у Авдея, теперь уже совсем не Томилина, а вовсе даже Вышневецкого, по супруге, родился сын. Роман Авдеевич. Мальчик рос, учился у папеньки премудростям стихийных техник, правда, выше старшего воя так и не поднялся, а потом, вдруг рассорившись с родителем, Роман ушел из семейного предприятия, завещанного тестем своему зятю и, не желая заниматься торговлей военной техникой, организовал собственный отряд наемников. Да, на Балканах, как всегда, дым коромыслом и толковые бойцы, да еще и одаренные, там в цене. Отец проклял сына, тот в ответ перешел в православие и, вдоволь исколесив полыхающие огнем земли Центральной Европы, вернулся... в Россию, под крылышко умиленных таким патриотизмом Томилиных.

Красивая история. Если не обращать внимания на кое-какие... мелочи, видимые разве что некоторым специалистам, вроде того же Федора Георгиевича Громова... да и он их коснулся лишь мельком. С другой стороны, тоже правильно. С какой стати, он должен распинаться передо мной, сопливым юнцом, пусть эмансипированным и самостоятельным донельзя...

Да уж, особенно хорошо сказано насчет самостоятельности. Живу в чужом доме, опекаю ненужных мне, по сути, людей, да еще и перспектива свадьбы над головой висит, как гильотина... Это я еще не упоминаю явно имеющих у Громовых и Бестужевых далеко идущих планов на мою персону. А без них тут, явно не обошлось... М-да уж... Ну, прямо вершина свободы и самостоятельности. Нет, нужно выпутываться из этого клубка, рубить, к чертям, все

эти хитрымудреные узлы родственных связей и наконец, устраивать собственную жизнь, по своему усмотрению.

Свернув экран, я выключил свет в комнате и, забравшись в постель, закрыл глаза. Надо выспаться. Завтра будет тяжелый день... нужно слишком многое успеть, перед возвращением в гимназию.

Глава 10. Хлеба и зрелищ... хлеб желательно с мясом, а зрелища...

Утром следующего дня, я подскочил с самым рассветом. Очень не хотелось упустить Валентина Эдуардовича. А то сбежит в Приказ, и жди его до вечера. А мне просто необходимо переговорить с ним насчет кое-каких моментов из прочитанной вчера истории... Например, узнать, с чего началась вражда Громова-старшего и боярина Скуратова, и насколько она была серьезна. Поскольку, никаких упоминаний о войне с родом Людмилы Никитичны, в Паутинке я не нашел. А там, между прочим, есть целый «инфор», посвященный таким событиям. Конечно, реальной информации, там не больше одной десятой, да и та общего плана, но «кто, с кем и когда» узнать можно. И фамилия Скуратовых там не упоминается вовсе. Впрочем, о ней, вообще, на удивление мало сведений в Паутинке. Да, боярский род. Да, существует... точнее, существовал, но не более того. Впрочем, вру. Есть еще старый некролог в Военном вестнике, посвященный Никите Силычу. И на этом все. В общем, надо трясти Бестужева. А заодно, пусть осветит вопрос о передаче моей опеки в род Громовых, когда по закону, она должна была достаться сюзерену моих родителей...

— Должна была. — Кивнул боярин Бестужев, когда отловив его после завтрака, уже в конце нашей беседы о Скуратовых, задал ему этот вопрос. Правда, перед тем как начать на него отвечать, Валентин Эдуардович утащил меня в свой кабинет и, только убедившись, что рядом никого нет, заговорил. — Да, опека должна была быть передана мне, но... есть такая вещь, как воля государя. Понимаешь, я не «опричник», и не комнатный боярин. В Боярском Совете, мой голос даже не десятый, и даже то, что я занимаю должность окольного Посольского приказа^[6], не дает мне права в любой момент просить аудиенции государя, в отличие от Георгия Дмитриевича, который занимал «комнатную» должность^[7] не только при нынешнем государе, но и при его батюшке. Так что, вопросов о том, кто будет твоим опекуном...

— Но, зачем ему это? Из большой любви к внуку? Так, если она и была, то я ее так и не заметил, честно говоря. — Непонимающе протянул я.

— Любовь, да. Там ею и не пахло. Уж больно люто ненавидел боярин Громов отца Люды. До скрежета зубного. Почему, уж извини, не знаю... А ты ведь, очень на него похож, со скидкой на возраст, разумеется. Даже взгляд такой же, исподлобья. Голос, когда «петуха даешь», и то, точь-в-точь, как у Скуратова. Я его хорошо помню, знаешь ли. Есть с чем сравнивать. Да о чем говорить, если ты, как и он, воздушник, а не огневик?! Пусть и слабый... Кхм. — Бестужев покрутил в руке дорогую ручку, бездумно подхваченную им со стола и, помолчав, вздохнул. — Подозреваю, что у боярина Громова был довольно прагматичный интерес, ничего общего с родственными чувствами не имеющий. Понимаешь, как твоя мать была гением евгеники, так отец был гением Эфира. Гранд в двадцать восемь лет, это знаешь ли, не шутки! Сведения в твоей голове, вот чего хотел Георгий Дмитриевич. Возможность получить преимущество над другими одаренными, сделать эфир доступным с самого начала обучения стихийников...

— И с чего он взял, что я могу в этом помочь? — Пожал я плечами, одновременно вспоминая не такую уж и давнюю беседу «о наделении памятью». Черт, кажется, аукнется мне еще эта...

выдумка.

— Это говорит человек, в четырнадцать лет получивший звание мастера Эфира? — Хитро, эдак с намеком, усмехнулся Бестужев. — Твой отец не раз намекал, что ты непременно перещеголяешь его, если не в умениях, то в скорости обучения, точно. А Людмила с моей Ариной ему поддакивали... И непременно добавлял: «ежели гонять и спуску не давать»... Думаю, боярин Громов тоже был наслышан об этом.

— То есть, моим постоянным визитам в медблок я обязан желанию деда пробудить во мне заложенные отцом умения, так что ли?! — Фыркнул я.

— Постоянным? — Непонимающе нахмурился Бестужев, но я только отмахнулся.

— Бред какой-то. Сильно сомневаюсь, что условием активации, если таковые и были, отец установил бы экстремальные условия...

— Экс... — Брови боярина уверенно поползли вверх.

— Кхм. Не обращайтесь внимания, Валентин Эдуардович. — Спыхватился я. — Это... мысли вслух.

— М-м... ну ладно. Пусть будет так. — Медленно проговорил Бестужев и, смерив меня подозрительным взглядом, бросил взгляд на часы, висящие на стене.

— Извините, я вас задержал. — Посмотрев туда же, проговорил я.

— Пустое, Кирилл. Я ничуть не опаздываю. — Отмахнулся боярин. Это хорошо! Значит, есть возможность уговорить его на кое-что... в рамках помощи в защите близняшек, так сказать... И ведь уговорил!

От Бестужева, я вышел хоть и призадумавшись, но довольным и, отправив подготовленный для Гдовицкого список вопросов, потопал на тренировку. Благо, день субботний, и занятий в гимназии нет.

А придя на площадку, удивленно почесал пятерней затылок. Да-да, это некрасиво и вообще, не по этикету... Но вот, чего-чего, а изображать из себя лощеного аристократа, у меня желания нет. Может, когда-то оно и было у Кирилла, но занятия под началом Агнессы Поляковой напрочь его отбили...

Причиной же моего столь плебейского поведения, оказался набор учеников, ожидающих меня площадке. Вот что значит, один раз проколотся.

Помимо, так сказать, «военнообязанных», здесь почему-то оказался Леонид, с горящими глазами переминающийся с ноги на ногу, и Ольга, умудряющаяся соблазнительно выглядеть даже в обычном спортивном костюме. Кхм... Дверью прищемлю паршивца! Аррgh.

— Нет уж. Так дело не пойдет. — Покачал я головой, глядя на куций строй. — Это что за новости?

— А мы вот, тоже... — Протянула Ольга, рассматривая облака. Стоящий рядом, Леонид кивнул, а Лина с Милой сделали вид, что их происходящее никак не касается, и вообще, эти двое не с ними. Ну-ну...

— Мила, уверен, что ты, в отличие от сестры, внимательно читала договор. — Обратился я к

кузине, игнорируя обжигающий взгляд второй близняшки. — Скажи, какова стоимость вашего обучения?

— Тридцать тысяч в год. — Тихо проговорила та. Глаза Ольги «округлились».

— Это же в три раза больше стоимости учебы в родовой школе... — Протянула она.

— Мила. — Я выжидающе уставился на сестру.

— За каждую. — Вздохнув, договорила она.

— Не может быть. — Покачала головой Ольга.

— Это контракт ученика и учителя. — Пояснила моей нареченной, Мила. — Они бывают и дороже.

— О-о... — Тут Ольга смерила моих кузин таким подозрительным взглядом, что я удивился. Не понял. Это... что это было?!

— И контракт, наверное, с проживанием, да? — Прищурившись, осведомилась Оля... почему-то, у меня. Не понял... Глаза Лины подозрительно блеснули.

— С возможностью такого. — Пропела она... — Но, пока обстоятельства складываются так, что мы не имели возможности пожить с учителем...

Пожи... Че-его-о?! Да я лучше в змеином логоу заночую, чем с этими двумя под одной крышей!!! Ну, Лина, ну, с-стерва!

Леонид, кажется, первым сообразил, что к чему и слинял с площадки раньше, чем началось... это! Слово за слово, улыбочка на улыбочку, и через минуту, песок площадки пропахал первый огненный шар. Ответ Ольги не заставил себя ждать, и сестры были вынуждены прикрыться мощными щитами от рванувшего меж ними шрапнельного валуна-снаряда, оставившего на месте взрыва глубокую воронку...

Подумав и прикинув мощь столкнувшихся стихий, я плюнул на все и, переместившись на край площадки, уселся под кленом, за которым вчера скрывалась Ольга.

— Кирилл, бутерброд будешь? — Голос, раздавшийся сверху, заставил меня задрать голову. Надо мной, прямо на нижней ветке клена, с удобством устроился Леонид, умудрившись забраться туда с пакетом и термосом.

— Не откажусь. — Кивнул я и, взяв у приятеля предложенный сэндвич, тут же реквизировал одну из кружек-крышек термоса, парящую крепко заваренным, черным, словно деготь, чаем. Но, не успел я снова устроиться под деревом, как рядом раздался голос Хромова.

— Что дают?

— Бутерброды с колбасой и чай. — Отозвался Леня и, тут же прижав к груди объемистый пакет с провизией, насупился. — Но ты, дядька Аристарх, уже опоздал. Раздача слонов окончена.

— Да, я только что из-за стола... — Хмыкнул ярый. — И, вообще-то, спрашивал о представлении.

— «Твердь и Пламя» в современной обработке. — Отозвался я, прожевав откушенный кусок

сэндвича. Сверху послышался какой-то шорох, возмущенный вскрик, и Хромов присел рядом со мной, сжимая в руке отнятый у Лёни бутерброд. Бестужев-младший обиженно засопел и снова зашуршал пакетом.

— Хм, полюбопытствуем. — Пробормотал ярый, устраиваясь поудобнее. Театр. И там и тут.

ЧАСТЬ VI. ВОТ И ПРИШЕЛ АРХАНГЕЛ С ТРУБОЙ

Глава 1. Учиться, у... бегать, бегать и бегать

Здравствуй, школа... чтоб тебя все три года не видеть. Я выбрался из «вездехода» и, придерживав дверь для кузин, повернулся лицом к сияющему надраенными окнами корпусу. Да, теперь и я стал «как все» и езжу в школу на хромировано-черном монстре имперского производства. Хорошо, что не польского. Все-таки, к немцам, особенно в плане техники, у меня как-то доверия побольше...

Леонид, выбравшийся с переднего сиденья, толкнул меня локтем в бок и тут же зашипел от боли. Ну да, досталось ему вчера от сестры нехило. А нечего было смеяться над ее прожженным костюмом. Там вздохнуть надо было... сочувствующе, ага. Так что, теперь у Лени синяк на полплеча, а бестужевский доктор, вместо того, чтобы убрать последствия четко прилетевшего от Ольги удара, только пожал плечами и вручил моему заместителю слабенькую мазь. «Приказ Валентина Эдуардовича», и все тут. Типа, сумел вывести сестру из себя, прими наказание достойно. Ха. Интересно, а меня она не тронула, потому что я всем своим видом выражал сочувствие, или не решилась драться из опасений, что спортивный костюм и вовсе развалится?... Кхм... Катерина Фоминишна! Вспомни Катерину Фоминишну... Да, твою ж дивизию!!!

— Чего замер, Кирилл? Идем, урок через полчаса начнется. — Хмуро проговорил Леонид.

Я уже упоминал, что не понимаю этого дурацкого обычая, приезжать в школу за час до начала занятий? Вот-вот. Собственно, Бестужев-младший всю дорогу ворчал под одобрительное молчание кузин, о том, что из-за меня, засони этакого, они все рискуют опоздать... Ну, не глупость?

Впрочем, Бестужева можно понять. В нынешнем его ворчливом настроении виновато не только ноющее плечо, но и его собственный промах. А именно, попавшая-таки в руки Лины записка от Романа, из-за которого, позавчера ночью, кузина так настойчиво рвалась выйти с территории усадьбы. А ведь Леонид был уверен, что перехватил их все... Облом.

Да, о том, что Федор Георгиевич заблокировал все номера в браслетах сестер, кроме домашних, я узнал еще во время того разговора, когда он устроил мне разнос за мотыляния по городу. Учитывая, что встретиться с Линой в гимназии, Роман не мог, поскольку не является ни учеником, ни близким родственником ученика или представителем его рода, а в городе близняшки не появляются, передвигаясь только из усадьбы Бестужевых в гимназию и обратно, да еще и под бдительной охраной гвардейцев, я сделал вывод о единственном реально возможном способе передачи информации, доступном этой парочке... о классических и таких романтических записочках... ну и... позаботился, чтобы этот канал им тоже обрубил.

В общем, сейчас, Бестужев-младший старательно накручивает себя перед тем, как устроить

разнос своим агентам среди младшеклассников, что все время моего отсутствия в гимназии, крутились у КПП в ожидании некоего молодого человека, горящего желанием передать подружке записку. Интересно, а какое количество ухажеров, кроме Романа, естественно, обломалось с назначением свидания своим пассиям? Способ-то, оказывается, весьма популярный... И что будет, если они узнают имя устроителя этих обломов... в смысле, Бестужева?

Смерив взглядом шагающего рядом Леонида, гибкого и подвижного, словно ртуть, пришел к выводу: ничего они ему не сделают, если не скооперируются. Попросту, не догонят. Это и Ольге не удалось бы, если б не помощь близняшек...

Класс встретил меня буднично. Собственно, как и должно быть. Разве что, Мария Вербицкая осведомилась, когда я, наконец, соизволю открыть свой факультатив, а то, дескать, девочки из театральной студии уже интересовались... Прикинул свое будущее и побледнел. Надо было создавать факультатив финских дровосеков-природников... с топорами, ага. И чтоб никаких пил и стихийных техник...

Не думаю, что ожидаемое мною событие произойдет сегодня, но подготовился я, словно на очередной «выход». «Плевалка-трещотка», правда, устроилась на самом дне рюкзака, вместе со взрывпакетами... обозвать их гранатами, у меня язык не повернется. Подавители, туда же. Всю эту роскошь, прикрыла куртка, а взятый мною в охотничьей комнате усадьбы, ухватистый нож с привычной рукоятью из турьего рога, пристроился в ножнах на левом бедре. Жаль карман джинсов, но пришлось им пожертвовать в угоду скрытности. Хорошо, что здесь в обычае свободная одежда. Впрочем, женской моды это почти не касается, что не может не радовать... Черт! Чуть не забыл самое главное: записку Бестужева!

Время до большой перемены не летело и не шло. Оно тянулось. Ползло, как улитка и ехидно подмигивало мне двумя точками-разделителями с экрана часов, стабильно, один раз в вечность. А когда чертов звонок все же прозвучал, я с облегчением вздохнул. К счастью, браслет молчал, и мне не пришлось нестись сломя голову по лестнице, в попытке догнать прошедшую мимо одного из установленных мною у входов в школу, фиксаторов, Лину.

Не буду лукавить, решение о такой «опеке» я принял еще до того, как поговорил с Гдовицким и Громовым-старшим. Никакого альтруизма. Просто, в той ситуации, на мой взгляд, Роману банально неоткуда узнать о том, что я выжил. Предположение, конечно, но не лишенное логики. Из осведомителей у него, только Лина, и доступа в имение, где только и знали о моем «спасении», как показали похороны, не имеется. Вот я и постарался обезопаситься, насколько это возможно. Конечно, остается вариант, что Лина проболталась ему на похоронах, но... не верю, уж больно спокоен был Роман Авдеевич, когда садился в машину. А лицо у него, как мне помнится, весьма подвижное. Учитывая же, что на следующий день Громовы «сели в осаду» и заблокировали связь с чужими, шансы на раскрытие моего инкогнито падают еще ниже. Понятно, что все это только предположения, но я был бы идиотом, если бы не принял хоть таких вот полумер. Эх, жаль, я не могу размножаться делением, насколько проще было бы отслеживать ситуацию...

Мои размышления были прерваны явно ощущаемым и очень концентрированным вниманием, почти со всех сторон. Оглядевшись, я понял, что дошел до столовой, и сейчас на меня, с недоумением и ожиданием смотрит, как минимум, добрый десяток девушек... Ой-ёо! Что там Ольга говорила про поклонников? Кажется, у меня похожая ситуация... Хорошо еще, что им нужен только ключ от факультативной комнаты, а не обручальное кольцо на палец, или...

«Принюхавшись», я поколебался в своем мнении, но, поняв, что мое отступление сейчас будет

воспринято как сигнал к охоте, решительно шагнул вперед, к раздаточной. Интересно, а можно как-нибудь стравить тех и этих? А что, пока они друг друга пошинкуют, у нас с Ольгой появится фора во времени. Смоемся куда-нибудь на острова, где теплое море и много кокосов и заживем счастливо, в бунгало прямо на пляже... Стоп-стоп-стоп. Никаких пляжей и моря, а то оглянуться не успею, как размякну, а там, есть кольцо на пальце, нет кольца на пальце, природе это пофиг, природу это не колышет...

Избавившись от очередного приступа, я в момент срубал все, что, отвлекшись на борьбу с гормонами, так неудачно, потому что, почти не глядя, набрал на поднос... Три салата, это хорошо, конечно... но они же все овощные! А я мясоед...

Глянув на немаленькую, хоть и оживленно двигающуюся очередь у раздаточной, плюнул на возможность второго подхода и, быстренько свалив опустошенный поднос к приемке посуды, я двинулся к выходу. Ходу отсюда, ходу из этого царства хищных шпингалеток!

Стараясь сохранить невозмутимый вид, я направился по коридору, в сторону лестницы. Не бежать, не бежать... Фух, кажется, ушел. Ладно, смех смехом, но это было... хм... опасно.

Входя в класс, я заметил улыбку на лице Марии Вербицкой, которую она, заметив мой взгляд, тут же стерла с лица, словно надпись мелом на школьной доске... Не знаю, зачем и как, но вот чувую, что весь этот спектакль, ее наманикюренных ручек, дело. Интересно, чем же она их так сагитировала-то, а? И, для чего?

Сигнал от фиксатора у главного входа, пришел на мой браслет в середине урока. Глянув на ласково оглядывающего класс поверх пенсне, математика, я вздохнул и поднялся с места.

— Разрешите выйти?

— Это срочно? — Густая бровь поднялась над металлической оправой пенсне. Медведь удивлен...

— Очень. — Максимально убедительно ответил я.

— Что ж. Не смею задерживать, господин староста. — Ленивый взмах рукой и я, кивнув и подхватив рюкзак, вылетаю из кабинета. Вниз по лестнице? Не успею.

Подбегаю к окну в холле и, распахнув его настежь, прыгаю со второго этажа. Усиление, это вещь... Там, я такой прыжок сделал бы только в случае серьезной опасности, даже в лучшие свои годы. А теперь, вторая часть Марлезонского балета. Отвод глаз и ускорение... Бегом-бегом... Долетаю до угла и, на автомате притормозив перед поворотом, выглядываю, чтобы тут же отшатнуться от появившейся прямо передо мной компании. Лина, Мила, и еще пара незнакомых мне человек. Куда это они?

Дождавшись, пока группа старшеклассников пройдет мимо, следуя за ними. Две минуты ходьбы, и я разочарованно вздыхаю. Тьфу на вас, с вашим полигоном. Я-то уж думал!

О! А с той стороны, народу куда больше! Это что, они стенку на стенку устроить решили? Интересно. С удобством устраиваюсь на одной из лавочек окружающих школьный полигон и, нашарив в кармане рюкзака пакетик фисташек, сосредотачиваюсь на предстоящем действе. Хоть так отдохну.

Глава 2. Смотри не пэрэпутай, Кутузоу

Сегодня, наконец, случилось то, что я ждал с самого переезда к Бестужевым. По новостным каналам Паутинки прошли известия о пожарах в двух частных домах, и столкновениях каких-то неизвестных лиц на закрытых территориях, к северу от столицы. Там же мелькнула и тут же пропала информация о вовремя ликвидированном возгорании в одном из корпусов «Гром-завода», что на Урале. О пострадавших ни слова... Вот и признаки той самой войны, о которой меня предупреждал Гдовицкой. И по сравнению с нею, вчерашняя встреча старшеклассников на школьном полигоне, со всеми их фейерверками, хлопушками и фонтанами, выглядела возней в песочнице... а учитывая покрытие площадки, ею же и являлась. Правда, полюбовавшись на слаженную работу близняшек, могу признать, были они не только эффектны, но и эффективны. Можно было бы и погордиться за Кирилла, на котором они, собственно и обкатывали свои приемы, вот только воспоминания о медблоке как-то поумерили мой пыл. Но двух водяных-воев, кухни раскатали просто образцово. Хм... надо бы попробовать подвязать их на взаимоощущение. Помнится, Там, этот прием очень хорошо сказывался на слаженности работы групп, а уж у близнецов-то... сам бог велел развивать их чувствительность. Заодно, и по приемам эмоционального контроля их подтяну. Здесь, это база, вот пусть и учатся...

Браслет на руке тихо звякнул и я, прочитав письмо от Леонида, ощерился. Хорошо... то, что надо.

«Лёня, письмо должно оказаться у нее в кармане не позже шестого урока». — Отбив послание, я ухмыльнулся, но тут же вынужден был ответить на звонок своего заместителя.

— Кирилл, что ты задумал? — В голосе Бестужева-младшего, я ясно услышал беспокойство.

— Ничего страшного, Лень. Все в рамках задания Громовых. — Спокойно ответил я. — Они просили меня защитить Лину от притязаний Романа Вышневецкого, и именно этим я и займусь.

— По-моему, ты собираешься сделать какую-то глупость. — Тихо проговорил Леонид. Хм... Ну, глупость — не глупость, но в проницательности юному наследнику боярина Бестужева не откажешь. Я действительно решил не возиться с уничтожением базы наемников. Зачем в одиночку штурмовать крепость, если можно легко поймать ее «владельца», на выезде, и почти без охраны. Сильно сомневаюсь, что на встречу с Линкой, Роман потащит всю свою «гвардию». Максимум, его будет сопровождать пара все тех же лбов, что тащили венки на кладбище... иначе некомильфо. Да и романтики в телохранителях ни на грош... В общем, трудность будет только одна: уберечь Линку от возможного «дружеского огня». Иначе говоря, положить Рому, не задев кузину... Причем, здесь даже вопрос, как устроить эту встречу, скажем так, не самый важный. И его решение, уже в пути...

После окончания уроков, я спокойно отправился на свой факультатив. Жрать хотелось страшно, и забитый холодильник в небольшом кабинете, обставленном как неплохая профессиональная кухня, был достойной целью моего квеста. Почему, квеста? Потому что, иначе этот поход за обедом было не назвать. В кабинет мне пришлось пробираться под отводом глаз, чтобы курсирующие по коридору барышни не смогли повиснуть у меня на загривке. Клянусь, я узнаю, чем Вербицкая купила школьниц, что они объявили на меня натуральную охоту! По подсчетам ехидно ухмыляющегося Бестужева, на факультатив по кулинарии собирались подать заявки чуть ли не два десятка барышень младших и старших классов. И да, я не верю, что они просто любят готовить. В этом случае, кухонное оборудование установленное в кабинете, не провалялось бы в запасниках школы добрых пять лет!

Пробравшись мимо двух засад и трех «свободных охотников», я свернул за угол и... застыл на

месте. Ну да, самые прямолинейные решили дожидаться меня прямо у входа в кабинет. Этого следовало ожидать. Хм... безупречная засада, а? Вот уж, нет уж.

Не доходя до нужной мне двери, я свернул в кабинет наших моделистов и, оказавшись внутри, скинув отвод глаз, довольно громко хлопнул дверь. Вот, теперь на меня обратили внимание.

— Кирилла, в следующий раз мы потребуем оплату за проход через наши владения. — Улыбнулся Резанов, откладывая в сторону какой-то клубок деталей, в скором времени должный превратиться в очередной миниатюрный шедевр нашего «кулибина».

— Договоримся. — Я подмигнул Осипу и, ответив взмахом руки на вялое приветствие моделистов, погруженных в изучение очередного каталога, пересек комнату. Узкая дверь в самом углу тихо щелкнула незапертым замком, и я оказался на «своей территории».

А через пятнадцать минут, когда по комнате поплыл ароматный запах свежесваренного кофе, дверь, ведущая в кабинет моделистов, скрипнула и на пороге возникла троица моих «спасителей».

Хмыкнув, при взгляде на их заинтересованно водящие носами физиономии, я выудил из холодильника блюдо с пирожными и, махнув рукой в сторону посудного шкафа, вздохнул.

— Хватайте чашки, и садитесь за стол. Буду вносить аванс за завтрашний проход через ваши владения.

Повторять два раза не пришлось, и уже через пять секунд все трое восседали на высоких барных стульях за удобной, барной же, столешницей, отличавшейся от своих классических собратьев, лишь легко моющимся стальным покрытием. Блюдо с пирожными опустилось на полированный металл, а рядом с ним запарил дразнящим ароматом, кофейник.

Но, стоило нам взяться за чашки, как со стороны комнаты моделистов раздался характерный хлопок.

— Кхм... и какая сволочь забыла запереть кабинет на замок?! — Прошипел Резанов, окидывая грозным взглядом разом поскучевших приятелей-«летчиков».

Поздно! Тихо скрипнула дверь, соединявшая помещения... и я облегченно вздохнул.

— Добрый день, мальчики. — Кузина кивнула моим молчащим одноклассникам и, тут же забыв об их присутствии, повернулась ко мне. — Кирилл, ты не мог бы мне помочь?

— В чем, Лина?

— Мила. За прошедшие семь лет, мог бы и научиться нас различать. — Нахмурилась двоюродная сестра, но, вздохнув, махнула рукой. — Ладно... не важно. Мне нужно съездить в магазин, а охрана Бес... в общем, охрана ни в какую не желает менять маршрут. «Все что нужно, вы можете заказать в Паутинке»! Мужланы!

— Кхм, а в чем проблема? Разве они не правы? Через Паутинку можно купить все что угодно. — Пожал я плечами.

— Нижнее белье, по-твоему, я тоже должна покупать наобум?! — Тихо прошипела кузина, но Резанов, находившийся слишком близко, все равно ее услышал, судя по заалевшим щекам. Глянув на моего одноклассника, кузина это поняла и чуть смутилась. Но тут же перевела

взгляд на меня. — Кирилл, ну ты же можешь их уговорить. Пожалуйста!

— Ладно, — поморщившись, я кивнул. — Попробуем решить этот вопрос. Машины уже здесь?

— Ждут на стоянке. — Слабо улыбнулась девушка. — Спасибо.

— Но я ничего не обещаю. — Предостерег я ее.

— Я в тебя верю. — С пафосом провозгласила кузина. — Мы с Линой будем ждать внизу.

Хм. Вот и накрылся мой обед. Ла-адно. Сняв френч, я заменил его на выуженную из рюкзака куртку, после чего, кивнув одноклассникам, отдал Осипу ключ от своего кабинета и, разрешив им забрать кофейник и сласти с собой, двинулся на выход, следом за уже вылетевшей в коридор кузиной.

Уговорить охранников оказалось несложно. В отличие от сестер, у меня была кое-какая договоренность с боярином Бестужевым и, стоило намекнуть о ней старшему группы, как тот, вздохнув, согласился изменить маршрут... и даже, с некоторым облегчением, надо признать, согласился оставить охрану снаружи, у входов. Хм, я бы тоже не горел желанием торчать среди вешалок с нижним женским бельем...

Нужный сестре магазин оказался небольшой лавкой в Замоскворечье, буквально в нескольких кварталах от доставшегося мне от матери дома. В принципе, чего-то в этом роде и стоило ожидать...

— Я быстро. — Воскликнула кузина, дернув ручку двери, но замок так и остался заблокированным.

— А Лина? Ты что, одна туда идти собралась? — Незаметно удерживая кнопку блокировки на приборной доске, спросил я.

— Я не хочу. — Тихо проговорила ее сестра, безучастно глядя куда-то в окно.

— Понятно. Ладно, тогда я схожу с тобой. Сейчас не то время, чтобы вы могли в одиночку разгуливать по городу. — Обратился я ко все еще дергающей ручку двери, кузине.

— Ой, Кирилл, да ладно тебе! — Отмахнулась она. — Что со мной может случиться в магазине женского белья?!

— Черт с тобой. Иди! — Я отпустил кнопку, и довольная кузина выскользнула за дверь. Ее сестра, кажется, что-то заподозрила, и дернулась было следом, но тут же обмякла от моего удара ладонью по лбу. — Извини, МИЛА, но иначе никак.

Я обернулся к удивленному охраннику и, сунул ему в руку записку от Бестужева-старшего.

— Блокируйте входы в дом, никого не впускать и не выпускать. Действуйте! — Убедившись, что охранник прочел записку и проверил ее подлинность по приписанному коду, приказал я. Старший охраны кивнул и тут же принялся вводить команды на своем браслете. Молча. Замечательно. А теперь, мой выход...

Глава 3. Охотиться тоже надо с умом...

Торопливость, конечно, грех... Ну, так ведь я никуда и не спешу. Топаю себе, под отводом глаз, следом за довольно улыбающейся Линой, и всего делов. А что «плевалка» на плече, так это такие мелочи, право слово. Как и подавители в кармане джинс... целом, а не в том, где нож покоится. И да, я готов к тому, что цели у наших «романтиков» на этой встрече, оч-чень разные.

Так, «гуськом», мы миновали двери магазина, и подошли к стойке.

— Не подскажите, где я могу найти Романа Вышневецкого? — Улыбнулась продавщице Лина и та, отразив улыбку, кивнула.

— Идите за мной. Я провожу.

Наш состав вырос в полтора раза, но это ерунда. А вот тот факт, что нас ведут в подвал, убедил меня в правильности подозрений... Не очень-то романтическое место для встречи двух любящих сердец, а?

Спустившись по основательной каменной лестнице в подвал, мы остановились перед мощной стальной дверью. Мило улыбающаяся «продавщица» подбадривающее подмигнула застывшей рядом с ней Лине, и отстучала по металлу створки какой-то затейливый ритм. Где-то рядом плеснуло эфиром и я похвалил себя за предусмотрительность. Работающий на полную катушку, отвод глаз замечательно укрыл меня от заработавшего многоцелевого фиксатора. Хм. Ну, чего-то в этом роде, я и ожидал. Иначе не стал бы заморачиваться...

Очевидно, не усмотрев в стоящих перед дверью девушках никакой опасности, сидящий где-то внутри этого бункера, оператор дал команду на открытие. Торчащий из двери, «руль» кремальер дрогнул и, провернувшись на девяносто градусов, отпер тихо лязгнувшие замки, и дверь медленно и величественно, как и положено такой стальной болванке, отворилась. Хм. А вот переходного тамбура здесь нет. Непорядок.

Сразу за дверью оказалась небольшая комната, этакая кордегардия, перед уходящим вглубь коридором, в дальнем конце которого виднеется еще одна стальная дверь. Однако...

Проскользнув внутрь, я огляделся по сторонам. Четверо, считая Романа и продавщицу. А оставшихся двоих я знаю. Именно эти орлы приезжали с Вышневецким на похороны. Удачненько.

Пока я осматривался, Лина успела радостно взвизгнуть и повиснуть у Романа на шее. Тот как-то кривовато улыбнулся, а в следующую секунду стоявший по бокам от него, охранники, дружно шагнув поближе, защелкнули на запястьях девчонки знакомые браслеты. Да-да, точно такие же, как и те, что лежат у меня в кармане. Вышневецкий хмыкнул и оттолкнул девушку прямо в руки стоящей за ее спиной «продавщицы», тут же зафиксировавшей Грому в довольно профессиональном захвате.

— Рома? — Кажется, Лина поначалу, даже не поняла, что случилось. И, лишь увидев браслеты на своих запястьях, охнула... — Роман! Что это значит?!

— Грузите ее. — Мотнул головой тот. «Продавщица» попыталась сдвинуть девушку с места и тут же получила удар затылком в нос. А неплохо получилось, для первого раза. Надо поправить...

Аккуратно скользнув за спину чуть потерявшей координацию подручной Романа, аккуратно бью за ухо. В сторону.

«Продавщица», потеряв сознание, падает на спину и тянет за собой Лину. Роман матерится, лбы недоумевают.

— Что стоите?! Хватайте эту сучку и тащите в машину! — Рыкнул Вышневецкий... и лбы засуетились. Барахтающаяся на «продавщице», Лина ошарашено взглянула на своего «рыцаря» и, лишь когда подручные Романа начали ее поднимать, в глазах девушки появилось хоть какое-то понимание...

— Вы что, решили развязать войну?

— Идиотка, война идет уже неделю. — Фыркнул чуть успокоившийся Вышневецкий и... недоуменно взглянул на защелкнувшиеся у него на руках подавители. А в следующую секунду, державшие Лину, мордороты осели наземь.

Кое-как удержав начавшую заваливаться, снова ничего не понимающую девушку, я усадил ее в кресло, рядом с пультом, с которого нам открыли дверь, и обернулся к своему несостоявшемуся могильщику.

— Привет, Рома... — Двойка в корпус, и прямой в челюсть. Вот и поздоровались.

— Т-ты?! — Выдавил из себя мой собеседник, сплюнув кровь. — Ты же мертв!

— Хм... сведения о моей смерти, несколько преувеличены. И да, зря тянешься ручками к кобуре, там его нет. — Я продемонстрировал Роману выуженный из его «оперативки», пистолет. Жутко неудобный агрегат, а уж украшений на нем... тьфу, не люблю понты.

— Мальчик, положи ствол. Убьешься. — Прищурился Вышневецкий. Ну-ну.

— Проверим? — Три щелкающих выстрела слились в один, и лежащие на полу помощники Романа, дернулись, получив по пуле. Охранники в затылок, «продавщица» в лоб. М-да, все-таки, стрелки — грязное оружие. Разворотили черепа так, что у женщины и лица-то не осталось. Негигиенично. — Хм. Не убился. Надо же... Рома, ты не дергайся лучше, а то ведь, оружие действительно незнакомое, вдруг рука дрогнет, и я отстрелю тебе... что-нибудь важное. А Лина потом будет недовольна. Оно нам надо?

— Ки-кирилл... Что происходит?

— О, но ты же сама все правильно поняла. — Я пожал плечами, не сводя взгляда с нервно облизывающего губы Вышневецкого. — Война родов. Поводом к которой, стала смерть Ирины Михайловны.

Очередной щелчок выстрела раздался в помещении, и завывший Роман рухнул на колени. А вот нечего было дергаться. Поморщившись, я заключил Вышневецкого в кокон, заглушивший его рыдания...

— П-поводом? — Стараясь не смотреть на корчащегося «рыцаря», под которым быстро, очень быстро расплывалось красное пятно, проговорила Лина.

— Ну да... Думаешь, если бы она была причиной, этот стал бы тебя похищать? Да еще так грубо... Ну и, давай не будем забывать, что именно сей господин за несколько часов до смерти Ирины Михайловны, пытался похоронить меня заживо. Я хоть, и не видел ни черта, но можешь мне поверить, голос сказавший «грузите его», перед тем, как меня вырубili и бросили в мусорный бак, не забуду никогда.

Услышав эту цитату, Лина дернулась, как от удара.

— Сними с него «заглушку». — Помолчав, тихо попросила она.

— Зачем? Хочешь насладиться его криками? — Фыркнул я.

— Кирилл. Пожалуйста. Сними с него заглушку. — Медленно с расстановкой проговорила Лина. Хм. Губы белые, сама трясется, а туда же... Громова, етить. Ладно.

Комнату вновь наполняет вой Вышневецкого, но уже, вроде бы, потише...

— Рома... а зачем я вам? — Честно, я впервые вижу такой фанатичный огонь в чьих-то глазах...

— Казнили бы, показательно! — Скрипя зубами, выплюнул Роман. Вот, спасибо, дорогой, вот подфартил! И плевать, что он, кажется, уже не понимает, кому и что говорит... — На страх и в назидание...

Очевидно этот выброс ненависти окончательно истощил этого урода. Взгляд его замутился и Вышневецкий вновь застонал от боли в паху... Хм. Неужто, у меня действительно рука дрогнула? Что-то больно долго он трепыхается... Вроде бы должен был под корень ему там все разворотить. Хм...

— А... — Ошеломленно протянула Лина, переводя на меня взгляд, а Роман вдруг рухнул на бок и что-то заговорил, быстро и сбивчиво. Будто в бреду...

Я прислушался и... не теряя времени, включил запись на браслете. А он все бормотал...

— Твою...

— Что? — Не поняла Лина, когда я начал наворачивать круги вокруг корчащегося на бетоне Вышневецкого... Охренеть можно.

— Ничего, Лина. Ничего. — Покачал я головой. Роман умолк, закатил глаза и... меня в четвертый раз за этот день пробрало холодом чужой смерти. Жаль. Я уж надеялся, что он еще чуть-чуть поживет... Уж больно интересные вещи говорил пан Вышневецкий...

— Кирилл... — Лина осторожно коснулась моей руки. — А что теперь?

— А теперь, поедem к Бестужевым. — Вздыхнул я, снимая с нее подавители. — Только сначала...

Я набрал номер Гдовицкого и, дождавшись ответа, окинув взглядом усталую, с покрасневшими глазами и набрякшими под ними мешками, физиономию начальника громовской СБ, кивнул.

— Добрый день, Владимир Александрович. Передайте боярину, что я выполнил его просьбу. Роман Вышневецкий больше не представляет опасности, ни для рода Громовых, ни для Малины Федоровны. — Проговорив, я крутанул масштаб, позволяя Гдовицкому увидеть всю окружающую нас картинку.

— Твою ма-а... Кирилл, это точно он?

— Да. — Я пнул труп, развернув его лицом кверху. Лина тихо пискнула и побелела пуще прежнего.

— Где вы? Я вышлю людей для зачистки. — Собравшись с мыслями, отрывисто бросил Владимир Александрович. Я продиктовал адрес и, получив просьбу-приказ выметаться оттуда и не высовывать носа из усадьбы Бестужевых, повел заторможенную Лину к выходу.

— Кир, а как ты узнал, что я... мы... — Неожиданно спросила Лина, когда мы уже поднялись в зал.

— Подслушал ваш разговор, в тот вечер, когда ты дважды попалась Аристарху при попытке побега из усадьбы. — Я рассеяно пожал плечами... Честно говоря, сейчас мне было не до того... Из головы все никак не шла фраза, которую Роман прошептал перед самой смертью.

Глава 4. Гром победы, раздавайся

В усадьбу Бестужевых, мы возвращались в тишине. Лина с Милой молчали на заднем сидении вездехода, старший охраны, сидящий за рулем, хмуро кивал, в ответ на неслышимые нам реплики какого-то абонента, а я предавался сожалениям. Об убийстве? Нет. Свои поступки, я таковыми не считаю, давно отучен. Сожалел я о трех вещах. О том, что не удалось испытать вновь покоящуюся в рюкзаке, подальше от взглядов охраны, «плевалку-трещотку» в боевых условиях, о том, что пришлось бросить в бункере нормальное оружие, принадлежавшее Роману и иже с ним, и о том, что господин Вышневецкий так мало рассказал на своей исповеди... Да, я ни на секунду не сомневаюсь, что говорильня устроенная им перед самой смертью была ничем иным, как исповедью, причем, на латыни... а уж последние слова, и вовсе не давали мне покоя. Я знаю наверняка, что уже слышал эту фразу, но где и когда? Глориам, глориам... ну, откуда... А, чертовы латиняне!

Запиликавший браслет отвлек меня от размышлений. Я развернул экран... и непроизвольно охнул. Вот это да! Фиксатор оставленный мною на крыше барака, демонстрировал пару снайперов, деловито устраивающихся на моем НП, с которого так удобно было наблюдать за базой наемников. Наряжены они были в угрожающе-черные тактические костюмы и легкую защиту. А винтовки! Да, это не моя самоделка-скорострелка... Хищного вида длинные стволы немалого такого калибра, да с мощными комплексами наведения, которые язык не повернется назвать «оптикой», поскольку, никаких линз в них и в помине нет.

Аккуратно расширив зону охвата фиксатора, я с огорчением понял, что в радиусе его действия никаких шевелений больше нет. Пришлось переключаться на другие, разбросанные вокруг базы наемников датчики. Там картинка определенно была интереснее. А уж когда один из командиров готовящихся к штурму отрядов, откинул забрало узкого, совсем не похожего на знакомые мне образцы, шлема, и я узнал в нем Гдовицкого, интерес возрос многократно. Вот это, оперативность!

Видимая подготовка к штурму была недолгой. Впрочем, при правильном подходе, так и должно быть. Вся стратегическая часть оттачивается в штабе, а прикладная на полигонах. Так что, при наличии достаточной информации об объекте атаки, на месте, командованию остается только развернуть силы и, скомпоновав отработанные сценарии в наиболее перспективный вариант, дать команду на штурм...

Так произошло и на этот раз. По тому, как приникли к своим винтовкам снайперы, на «моем» НП, я понял, что штурм начался. Два негромких хлопка подорвали створки ворот в стене, и над въездом в корпус тут же взвизгнули разворачивающиеся автоматические турели. Вот теперь я понял, зачем штурмующим, при таких малых расстояниях, понадобилось столь мощное снайперское вооружение. Хлопнули винтовочные выстрелы и, стволы первых двух турелей

разнесло в клочья. Правильно. Единственное слабое место этих явно бронированных игрушек. Вот теперь, во двор посыпались штурмовики. Еще четыре турели, как оказалось расположенные на стенах так, чтобы на открытом пространстве перед фабричным корпусом образовался огневой мешок, выскочили из шахт, чтобы тут же получить свою порцию стали от снайперов. Причем, сейчас, как я понимаю, работала не только та пара, что устроилась на облюбованной мною крыше барака, но и еще, как минимум, двое спецов, расположение которых я мог лишь угадывать...

Покрутив так и сяк карту прилегающей местности, краем глаза следя за картинкой с поля боя, я пришел к выводу, что вторая пара должна была засесть где-то в районе фабричной трубы, метрах в трехстах к западу от НП. В этот момент с расположенного на нем фиксатора пришел большой «бэмс» и я, свернув карту, вернулся к просмотру штурма. Как оказалось, баккнула та самая боевая платформа, пытавшаяся, как я понимаю, пулеметным огнем выдавить штурмующих обратно во двор. За что и была перевернута сложенным ударом объединившихся в круг трех огневику. Стрелять в таком состоянии, обожженная, если не сказать запеченная, машина не могла и закономерно прикинулась веником. Жаль, что мне так и не удалось побывать в здании и установить там хоть парочку фиксаторов... Бой полностью переместился внутрь, так что мне осталось только слушать сухое стаккато выстрелов и редкие «бумканья» гранат.

А потом, машины замерли во дворе бестужевской усадьбы, и меня с двойняшками, ждавшие нашего приезда медики, чуть ли не насильно выковыряли из салона, чтобы тут же уложить на носилки и аллюром доставить в медблок. Пытаться отвертеться в таких случаях глупо и нерационально, все равно никто ничего не послушает, потому я со стоическим пофигизмом переждал этот, действительно, стихийно-неуправляемый процесс обследования и, облегченно вздохнув, хотел уже было сбежать на кухню к Раисе, но не судьба...

* * *

Мила, стоя у огромного окна в коридоре медблока, с жалостью смотрела на заторможенную сестру, бессмысленным взглядом пялящуюся в стену бокса, пока вокруг нее крутились медики Бестужевых. Но вот, осмотр завершен, и подскочивший к Лине доктор, профессионально-неуловимым движением, прижал к ее шее иньектор. Секунда, и тело сестры, обмякнув, осело на кушетке. Бережно придерживая отключившуюся девушку, пара медиков аккуратно уложили ее на спину и исчезли из поля зрения, уступив место двум молодым девушкам-медсестрам. Тут же, вокруг кушетки упали непрозрачные белые шторы, отрезая происходящее внутри от внешнего мира. Мила вздохнула...

В таком состоянии она не видела сестру... да никогда не видела. Она даже на смерть матери так не отреагировала, а этот Роман... Да, туда ему и дорога! Это ж надо такое придумать, а? Похитить одну из Громовых! И кто?! Свои же родственники, родители матери!

Наверное, только сейчас, до Милы начало доходить, что все эти заморочки с единством рода, не просто пафосный, выпренный лозунг отживающих своё ретроградов, а что-то большее. Если так ведут себя близкие люди, родные дед с бабкой, то чего можно ожидать от остального мира, и как от него защищаться? В одиночку? Бессмысленно. Сомнут, сожрут и не подавятся... А на кого можно опереться, кто поможет? Род. Свой род... вот, как помог сейчас Лине, Кирилл...

Людмила Федоровна Громова вдруг замерла на месте и побледнела... Мысль, ударившая ее, словно пыльным мешком по голове, была простой и незамысловатой, но... предельно, в прямом

смысле этого слова, убийственно точной. Кирилл, ведь, уже не член рода Громовых... Они сами, своими руками сделали все, чтобы вытурить его из своей жизни. Изгнать из рода, оставив один на один со всем миром. Пятнадцатилетнего парня... и... чем, тогда, они отличаются от Томилиных? От того же Романа?

— Почему? — Мила сама не заметила, как пробормотала этот вопрос вслух, как не заметила и катящихся по щекам слез. — Почему?!

— Люда? — В усадьбе Бестужевых, только два человека обращались к ней именно так. Леонид и Ольга. Остальные звали, либо по имени-отчеству, либо Милой... наверное, потому, что для них настоящая Людмила Громова была только одна... мать Кирилла, нашедшая новых родственников и новую семью не среди родни мужа, а здесь в усадьбе Бестужевых.

От накатившего понимания, что на самом деле, Кирилл был не единственным человеком, чью жизнь род Громовых переломал и искорежил, Мила не выдержала...

Ольга наткнулась на плачущую посреди коридора Людмилу, когда шла к начальнику медблока, узнать о состоянии ее сестры. Девушка стояла точно в центре прохода и, глядя куда-то вдаль, что-то тихо бормотала и даже не пыталась стереть влажные дорожки слез со щек.

Подойдя ближе, Ольга расслышала только тихое, монотонно повторяющееся «почему». Вздогнув от противно дрожащего вокруг девушки эфира, Бестужева окликнула ее по имени... и в ту же секунду глаза Людмилы полыхнули болью, граничащей с безумством... Ольга попыталась ухватить девушку за плечо, но та резко отшатнулась, и по коридору покатился, жуткий в своей тоске, рыдающий вой. Эфир вокруг заклокотал, вздымаясь, словно разъяренный бешеный пес и Ольга вынуждена была отпрыгнуть назад, от полыхнувшего вокруг бьющейся в истерике девушки, обжигающего багрового пламени.

Захлопали двери медбоксов и кабинетов, взвыла тревога. По коридору пронесся топот бегущих к месту происшествия врачей и гвардейцев, но первым, рядом с Ольгой и Людмилой, оказался выскочивший из-за угла, Кирилл. Окинув взглядом открывшуюся картину, он скривился и, в один момент переместившись на добрый десяток метров, оказался перед Ольгой, закрыв ее от накатывающего волнами нестерпимого жара.

— В сторону. — От холодного голоса, Бестужева вздрогнула и, даже не подумав спорить, послушно отошла на пару шагов. В ту же секунду, коридор оказался с двух сторон перекрыт полупрозрачным куполом щита, только что не гудевшим от мощи напитавшего его эфира.

Ольга во все глаза смотрела на происходящее, а по ту сторону купола, отделившего участок коридора с рыдающей в своем огненном коконе девушкой и стоящим напротив нее Кириллом, мялся взбудораженный персонал медблока и дежурная тройка гвардейцев. И они не сводили глаз с творящегося в куполе действия.

Впрочем, смотреть оказалось почти не на что. Кирилл, окинув взглядом багровый кокон, окруживший Людмилу, спокойно подошел к ней и, не обращая никакого внимания на обжигающий жар и моментально затлевшую одежду, просто обнял девушку. Спонтанный щит Людмилы полыхнул и схлопнулся, оставив за собой, только быстро исчезающий серебристый пепел. А в следующий миг, эфирный шторм, только что грозивший снести весь медблок подчистую, вдруг опал, и словно обернулся гладким зеркалом озера, каким оно бывает только летним, безветренным и солнечным днем.

Глава 5. Оплата по факту, или вот что такое, трофейная охота

Вымотанная истерикой, Мила уснула, едва ее голова коснулась подушки. Медики не решились выпустить ее из блока и, уложили в соседнем с сестрой боксе. Понаблюдав за суесящимися врачами, я вздохнул и, развернувшись, буквально, наткнулся на стоявшую за моей спиной Ольгу. Девушка хмыкнула, сделала маленький шаг назад и, склонив голову к плечу, с интересом уставилась на меня. Черт. Вот только допросов мне сейчас и не доставало.

— Кирилл, ты кушать хочешь? — Неожиданно спросила она. Нет, положительно, есть на свете умные жен... девушки, да. Пока... в смысле, пока еще есть, а не... поручик, молчать!

— Очень. — Признался я.

— Тогда, идем в набег на кухню. — Улыбнулась моему опешившему виду Ольга и, ухватив за руку, потащила следом за собой, прочь из медблока. Сопротивляться? Когда такая красавица ведет меня в самое важное для любого мужчины место в доме? Да ну, я еще не сошел с ума!

До самого окончания нашего позднего обеда, меня никто так и не побеспокоил с расспросами о произошедшем. Даже Ольга, хотя и видела, что после еды я значительно подобрел и успокоился, не торопилась закидывать вопросами на тему произошедших сегодня днем событий. Святая, ей-богу, святая. Вот же жена кому-то достанется! Эх...

Браслет завибрировал, отвлекая меня от довольно интересного обсуждения с присутствующими за столом боярышней и поваром Раисой, особенностей приготовления плова. Ольга насмерть стояла за так называемый «ферганский» рецепт, бестужевский гений поварешки давила на азербайджанский вариант, а я все никак не мог определиться, кого из них поддерживать в этом споре... В общем, звонок был очень кстати.

Извинившись, я поднялся из-за стола и, покинув кухню, вышел на опоясывающее первый этаж дома, гульбище.

— Кирилл. — Наследник рода Громовых коротко кивнул и вымученно улыбнулся. — Спасибо.

— Добрый день, Федор Георгиевич. — Уже привычно обезопасив себя от подслушивания, поприветствовал я его. — Не стоит благодарности. Я сделал то, о чем мы договаривались. Не больше и не меньше.

— М-да уж... Скажи, почему я не могу связаться ни с Линой, ни с Милой? — Спросил Громов-младший.

— Спят в медблоке. Им дали снотворное, уж очень они переволновались сегодня. — Успокоил я собеседника. — Сами понимаете, такая бойня...

— Да уж... Ну, хорошо, что они целы и невредимы... Честно говоря, мы не предполагали, что ты решишь вопрос так... кардинально. — Вздохнув, признался дядя Федор.

— Любой другой способ был бы слишком труден и... не гарантировал успеха. Я, все-таки, не телохранитель. — Пожал я плечами в ответ и поспешил перевести тему, пока Громову не пришлось в голову начать читать мне нотации об излишнем риске. Хотя... вроде бы он и не собирался, но, лучше все же не пытаться убедиться в этом на практике. Ведь, могу и не сдержаться... — Скажите, базу взяли?

— Хм... собственно, именно по этому поводу я тебя и беспокою. — Чуть помолчав, проговорил Громов-младший, и тут же вскинул голову. — Постой. Откуда ты знаешь про базу? Насколько мне известно, в переданной тебе информации она не упоминалась. Только адрес в боярском

городке...

— Я же был на похоронах... и видел, как Лина обнималась с Романом. Естественно, я пожелал узнать, что это за человек. В конце концов, Малина Федоровна моя ученица. — Тщательно взвешивая каждое слово, ответил я и, заметив скептический взгляд Громова, вздохнув, выдал из себя «настоящее признание». - ... Я просто беспокоился о своей безопасности. Кто знает, на что Лина могла подговорить своего... друга.

— Понятно. — Протянул Федор Георгиевич, но тут же перестал хмуриться, и усмехнулся. — Ладно. Дело прошлое, да и понятное, в общем... Но мы отклонились от темы. Итак... по поводу базы. По закону, следующие три дня мы имеем право не покидать ее территорию. Это время, что называется, дано на «поток и разграбление». Традиция. Все, что было для нас интересного, а для тебя запрещенного, мы вывезли. Оставшееся упаковали. Считай это частью твоей доли за Романа, законных десяти процентов от общего числа трофеев. Да... есть один момент. Я, конечно, пришлю тебе список и стоимость взятых трофеев после их точного подсчета, но уже сейчас могу сказать, что оставленное на базе имущество, это не единственная твоя прибыль. С того что мы вывезли, тебе тоже причитается определенная доля. Сам понимаешь, никто не позволит мешанину держать во дворе тяжелую военную технику, а стоимость ее перекрывает цену оставшегося на базе имущества, и изрядно. В общем, жди калькуляцию.

— Щедро. — Присвистнул я.

— Кирилл, это то немного, чем я могу тебе отплатить за сделанное. Если бы не ты, Томилины, наверняка, прислали запись убийства моей дочери... и умирала бы она долго. — Тихо проговорил Федор Георгиевич.

— Знаю. Роман говорил. — Кивнул я.

— Извини... а ты...

— Записал. Пришлю. — Коротко кивнул я. — Это будет адекватным ответом. Только учтите, я не настолько сумасшедший, и запись самой стрельбы не вел. Так что, у меня имеется лишь часть с записью нашей беседы с Владимиром Александровичем и, непосредственно, моментом смерти Романа... ну и его бормотание перед тем... как...

— Ты удивительно спокоен, для человека впервые в жизни совершившего убийство. — Помолчав, заметил Громов.

— У меня было время, чтобы взять себя в руки. — Криво усмехнулся я в ответ, и добавил после небольшой паузы. — Кроме того, не забывайте, что я знаком с эфиром, а это дает кое-какой контроль над эмоциями. Чуть-чуть, конечно, но и это лучше, чем ничего.

— Понятно. Все-таки, наверное, не зря говорят, что у эфира есть свои преимущества. — Заключил мой собеседник и округлился. — Ладно, Кирилл. Еще раз спасибо за помощь и... как проснутся, передай сестрам, чтобы позвонили мне. Я волнуюсь.

— Хорошо. Только один вопрос. Что с остальными Томилиными? — Поспешил я задать вопрос, пока Громов не отключился.

— Завтра будут переговоры. Наемники Вышневецкого были их основной ударной силой. Гвардию, мы частично заблокировали в родовых имениях, частично уничтожили вместе со складами готовой продукции в Севастополе. Оставшихся же, банально не хватит для полноценных боевых действий. Собственно, именно из-за твоей выходки, Томилины и не успели

отреагировать, и вывести наемников из-под удара. Шестьдесят два человека, одним махом. Слишком быстро все произошло.

— Хм. А когда вы успели собрать отряд? Неужели рассчитывали на что-то вроде моей выходки?

— Нет. — Громов с удовольствием рассмеялся. — Отряд мы собрали для атаки на их Волго-Донский перевалочный комплекс. Это всего в часе полета от Москвы, так что, после получения информации о смерти Романа, мы просто изменили направление удара. Благо, найти примерные схемы этой фабрики, не составило никакого труда. Все-таки, не родовое имение...

— Потери были большие?

— Двенадцать человек. — Посмурнел Федор Георгиевич. Эка у него настроение скачет-то. Устал? Наверняка. — Сильны наемники, ни одного ниже старшего воя... да и дрались отчаянно. Четверть от общих потерь в этой... склоке... А ведь у Томилиных тоже не мальчики с водяными пистолетиками лямку тянут...

— Однако. — Протянул я. — Федор Георгиевич, могу я рассчитывать, что мое участие в этом деле...

— Даже не сомневайся. Обещаю. — Громов кивнул и, глянув куда-то в сторону, вздохнул. — Ладно, Кирилл, давай прощаться. Как переговоры закончатся, я сообщу. Там видно будет, что дальше делать.

Экран погас и я, выудив из кармана последнюю сигарету из запасов Николая, прикурив, уставился на алеющую полоску заката, поднимающуюся над кромкой далекого отсюда, парка. Красиво...

* * *

— Ну, что сказал наш герой? Пришлет запись? — Поинтересовался боярин Громов, привычно посасывая трубку. Сын вздохнул, отключил экран вычислителя и, потеряв усталое лицо с красными от недосыпа глазами, уставился на отца.

— Знаешь, если бы я не был уверен, что у тебя, как всегда есть свои, бережно лелеемые и оберегаемые от всех причины, по которым ты пожертвовал Кириллом так же, как Колькой, я бы, наверное, тебя просто грохнул. И ни одна сука в роду не вякнула бы против. Уж можешь мне поверить. — Тихо проговорил Федор.

— Как ты правильно заметил, у меня есть причины, и пока не время их озвучивать. — Холодно отозвался старик, но по тому, как дрогнул Эфир, Федор понял, что тот не так спокоен, как хочет казаться.

— Доиграешься, отец. Ох, доиграешься. — Вздохнув, Громов-младший с сожалением покачал головой.

Глава 6. Два плюс один

Война. Я, честно говоря, предполагал, что она продлится несколько дольше... С другой стороны, это же не военные действия меж двумя странами, с их разбросанными по всей территории ресурсами и возможностью проведения всеобщей мобилизации. Так что, ничего

удивительного в такой скоротечности нет. Другое дело, что даже с учетом ограниченных возможностей и ресурсов сторон, и небольшого количества объектов для атаки, скорость с которой Громы вынудили Томилиных к переговорам, как минимум, наводит на мысль о серьезной подготовке к такому развитию событий. Хм. Дедушка предусмотрел смерть невестки? Да ну, ерунда... Впрочем, я же сам говорил Лине, что «уход» Ирины Михайловны был лишь предлогом для разворачивания войны. Так почему не допустить, что он оказался таковым и для самих Громовых?

Черт. Слишком мало информации. Кирилл просто не интересовался внешней политикой рода, а у меня не нашлось времени, чтобы узнать местные расклады... Да и когда бы я это сделал? За прошедшие три месяца с момента моего появления, у меня, фактически, не было ни одного спокойного дня. Все время куда-то бегу, что-то делаю... На-до-е-ло.

Надо остановиться, сест и хорошенько подумать над всем происходящим... но, чуть позже. Опять есть неотложные дела. В частности, надо бы наведаться на бывшую базу «Гончих», посмотреть, что именно соизволили оставить мне Громы. Времени немного... А еще, у меня из головы никак не идет та фраза...

Я перерыл всю Паутинку от и до, перевернул всевозможные ресурсы, но так и не нашел источник. Более того, чем дальше, тем больше у меня зрела мысль, что фраза эта знакома мне еще Оттуда. Но, тогда непонятно, почему я не помню подробностей... или Там это было совсем неважно? Эх, придется засесть с латинским словарем и переводить всю «исповедь» Романа. Глядишь, там и всплывет какая-то подсказка, и я, наконец, избавлюсь от этой навязчивой фразочки...

— Кирилл! — Ольга махнула мне из окна второго этажа дома. — Поднимайся!

— Иду. — Я вздохнул и, выкинув окурки сигареты, «стрельнутой» у старшего охраны, каждый день сопровождавшей нас в гимназию, двинулся к крыльцу. А за мной, уже почти привычной тенью, скользнула Мила. Последние два дня она не отходит от меня ни на шаг, но при этом напрочь отказывается говорить о причинах такого поведения. Только вздыхает и отводит глаза. Я пытался было привлечь к этому делу Ольгу, но она, коротко переговорив с Милой, покачала головой и посоветовала оставить пока все как есть. Мол, у девушки стресс, но скоро она оправится... От чего? Вроде бы, в бункере я был с Линой, но та себя так не ведет. Малина Федоровна, в отличие от сестры, предпочла прятаться от меня, словно ребенок от папы, пришедшего проверить несделанное домашнее задание... Только на тренировках ее и вижу. Но занимается Лина иступленно, чем-то напомнив мне Кирилла, когда он рвал жилы, осваивая свой невеликий потенциал. Хм...

За размышлениями, я не заметил, как добрался до кабинета Бестужева-старшего, из окна которого, Ольга меня и звала.

— Ольга, Валентин Эдуардович... — Я коротко кивнул присутствующим и, следуя предложению хозяина дома, уселся в легкое кресло у рабочего стола. Бестужев-старший покосился на Милу, остановившейся в дверях и, покачав головой, указал ей на кресло в углу комнаты, где девушка и устроилась. Молча и тихо... М-да уж.

— Кирилл, мы тут поговорили с Ольгой... — Протянул Бестужев, и я напрягся. Что-то было в его тоне, м-м-м... настаораживающее, я бы сказал.

— И... — С намеком проговорил я, поторавливая замолчавшего боярина. Тот, в ответ, усмехнулся, словно вспомнив что-то забавное и, пожав плечами договорил, уже совсем другим,

расслабленным тоном.

— Дети сказали мне, во сколько роду Громовых обходится обучение Милы и Лины... Сумма, конечно, впечатляющая, но... я готов потянуть и не такую. В отличие от многих и многих, я прекрасно представляю себе настоящие возможности эфирников. Ольга — вой, уверенный середнячок. Ей, даже к границе с гриднем не подойти. И она уже почти добралась до своего потолка. Эфир же, серьезно расширит ее способности. Леонид... ну, думаю о нем говорить пока рановато.

— Хотите предложить мне взять в обучение Ольгу. — Со вздохом проговорил я, и Бестужев кивнул. А Ольга аж вперед подалась... что с ее формами выглядело м-м-м... Господи, избавь меня от соблазна!

Я прикрыл глаза и попытался успокоиться. Нет, все-таки, что-то наши мамы точно перемудрили...

— Кирилл... — Обеспокоенный голос Бестужева-старшего вывел меня из медитации.

— Да. Я здесь. — Открыв глаза, я снова вздохнул и повернулся к старательно поправляющей полы сарафана Ольге. — Ты этого действительно хочешь?

— Да. — Коротко и ясно. Уверенный ответ, уверенный взгляд... вот только зачем было переводить его на Милу? Впрочем, близняшка, кажется, этого даже не заметила. Сидит себе в кресле, тихонько, как мышка, будто и нет ее...

И вот почему мне кажется, что забота о возможностях Ольги, у Бестужева стоит вовсе не на первом месте, а? Но... лишние тридцать тысяч на дороге не валяются. Я буду идиотом, если откажусь от такой возможности. Тем более, что присутствие Ольги очень неплохо уравнивает «удовольствие» от обучения близняшек...

— М-м, в принципе, я не возражаю. Но хотелось бы, сначала, обсудить условия. — Медленно проговорил я и, увидев, как на миг засияли глаза Ольги, почувствовал себя меркантильной скотиной. С другой стороны... все в дом, все в сем... Тьфу ты!

— С удовольствием. — Облегченно вздохнул боярин и, повинувшись его жесту, с полки сорвалась очередная папка. На этот раз незасургученная.

Честно говоря, я не особо удивился, когда увидел, что предлагаемый Бестужевым, договор мало чем отличается от того документа, что я подписал с Громовыми. Ну, чего-то такого и следовало ожидать. Почти не сомневаюсь, что Федор Георгиевич просто позволил старому приятелю посмотреть имеющийся у него документ, и на его основе Валентин Эдуардович и состряпал свою версию.

— Думаю, мы вполне можем его подписать. — Проговорил я, протягивая Ольге прочитанный мною экземпляр. Но она только покачала головой. Понятно, уже ознакомилась. Ну что ж, если и она не возражает... Ручка оказалась вложена в ту же папку. Я поставил свою подпись и в ту же секунду, меня чуть не сбил радостно визжащий ураган. Это было настолько неожиданно, что даже Мила, кажется, на миг выпала из своего меланхолического состояния и с удивлением уставилась на налетевшую на меня Ольгу. Кресло предательски качнулось и... с грохотом обрушилось на пол, вместе с нами. Глянув на нависающую надо мной девушку, я вздохнул. Нос тут же уловил исходящий от нее, нежный аромат... Не-не-не!

— Слезь с меня... сейчас же! — Тихо прошипел я, чувствуя, как определенная часть организма

реагирует на прижавшееся ко мне своими волнительными изгибами тело юной девушки. Твою ж дивизию! За что мне это?! Правильно говорят, жадность фраера сгубила!

— Оля, ты уверена в своевременности своих действий? — С ехидцей осведомился Бестужев-старший, взирая на нас из-за стола. Он даже со своего кресла приподнялся, чтобы получше рассмотреть композицию...

Я перевел взгляд на Милу, но та, только плечами пожала. Ну да, кто бы сомневался...

Кое-как разобравшись, с непонятно как и когда успевшими переплестись конечностями, мы с Ольгой поднялись на ноги. Нареченная тут же бросилась собирать разлетевшиеся по всему кабинету листы договора, старательно пряча пунцовые щеки, а я уставился на ухмыляющегося Бестужева, протягивающего мне второй экземпляр. Еще одна подпись украсила документ... Вот так. Школы еще нет, а количество учеников уже увеличилось в полтора раза. Надо что-то делать... Но, чуть позже. А сейчас, сейчас я, пожалуй, займусь чем-нибудь успокаивающим. Например, подсчетом трофеев. А заодно гляну, чем там обзавелись Громы. Благо, список трофеев они мне предоставили. Забрав свой экземпляр договора и, уведомив уже справившуюся с собой Олю, о времени начала следующей тренировки, я отправился в свою комнату, чтобы спокойно и в тишине почитать присланные Гдовицким списки.

... Не понял. А где? Неужто, зажилили? Ну, Громы... Стоп. Кирилл, соберись! Прежде чем обвинять кого-то в обмане, надо убедиться... Так, где мои записи с фиксаторов у базы? Надеюсь, они не сдохли в самый важный момент?

* * *

— Что там, Владимир? — Поинтересовался Федор Георгиевич, когда начальник СБ вошел в его кабинет, с весьма странным выражением лица.

— Да... как сказать? Кирилл, наконец, приехал на базу наемников за своей долей. — Задумчиво проговорил Владимир Александрович,

— Ну, замечательно. Значит, скоро можно будет выводить оттуда наших людей. — Пожал плечами наследник рода. — И что тебя так выбило из колеи?

— Он приехал на трех «континентальниках». — Пояснил Гдовицкой. Громов поперхнулся чаем.

Глава 7. Учет и контроль. А как иначе?

Я видел, как в ворота загоняли три морских контейнера, и не видел, чтобы они покидали базу, ни до штурма, ни после. Конечно, можно представить, что их содержимое вывезли по частям, либо сами наемники, либо громовские штурмовики, но... Так называемый «ланг», это двенадцатиметровая дура, высотой в три метра, и такой же ширины. Сто восемь кубических метров объема, при максимальной массе груза в сорок две с половиной тонны. Умножаем на три, и получаем триста двадцать четыре кубометра и общую массу содержимого в сто двадцать семь тонн с гаком. На чем можно вывезти такое количество «трофеев»? Да, даже если урезать осетра вдвое, это ж какой караван легковых авто нужно было подрядить для такого дела, чтобы незаметно вывезти такой объем? Очень незаметно, да. Так ведь, не было их. Ну, в сравнимых количествах, конечно. Наемники, разумеется, выбирались в город и не раз, но много ли увезешь в багажнике того же «Руссо-Балта», за шесть-семь ходок? Громы? Ну, судя по

записи, они-то, как раз, поживились на базе неплохо. Вывезли четыре зачехленных боевых платформы и пару тентованных грузовиков-десятитонников... А остальное-то куда подевалось? Где еще, ладно, не буду жадным, обойдусь «половиной осетра», еще пятьдесят тонн груза?! Оставили за ненадобностью? Да ладно... Не верю. Скорее уж, господа наемники, просто запрятали контейнеры, где-то на территории базы. А что один человек спрятал, другой завсегда отыскать может... Значит, значит, буду искать.

В общем, прикинув так и эдак, я созвонился с компанией-перевозчиком, чьи контакты отыскал в Паутинке и, практически мгновенно договорившись об аренде трех «континентальников» и места под контейнеры на складах перевозчика, я довольно потер руки. Потом перезвонил и обсудил с ними же еще пару интересных вопросов и, с еще более возросшим энтузиазмом, отправился на поиски Валентина Эдуардовича, чтобы договориться уже с ним. Осадное положение-то, установленное по усадьбе, сразу после нашего позавчерашнего возвращения со «свидания» с Романом, никто не снимал...

Мое приподнятое настроение можно понять. В конце концов, даже если эти самые контейнеры окажутся пустыми, свои две тысячи рублей, я все равно получу. Именно во столько обойдется их продажа все тому же «перевозчику», за вычетом стоимости аренды «континентальников», которые и доставят коробки на склад. А деньги, тем более в моей ситуации, лишними не бывают...

Николай, встреченный мною в охране у въезда на бывшую базу наемников, увидев трех многотонных «монстров», слегка спал с лица, за что и был показательно расстрелян на очередную пачку сигарет. Нет, надо что-то решать с покупкой курева... а то, прозвище «Воздушный стрелок» как-то... не очень нравится.

— Э-э... Кирилл, тебя, наверное, не предупредили... или кто-то пошутил, но трофеев здесь осталось не так много. Хватило бы и обычного микроавтобуса, чтобы все вывезти.

— А вдруг? — Ухмыльнулся я и кивнул в сторону возвышающегося корпуса. — Уверен, что там ничего серьезного не осталось?

— На все сто процентов. — Хмыкнул Николай. — Да вон, ворота открыты, загляни. Хоть шаром покати. Все твое уже сложено в ящики в входа. Антресоли тоже дочиста вычистили. Без вариантов, Кирилл.

— А я, все же, поищу. — Вздохнул я и двинулся к воротам бывшего фабричного корпуса.

М-да уж. Окинув взглядом абсолютно пустое помещение с десятиметровыми потолками, я почесал пятерней затылок и пожал плечами. А кто сказал, что это будет легко?

Пока водители «континентальников» беззаботно переговаривались с охраной, я обошел зал по периметру, шаря в Эфире, прислушиваясь и «принюхиваясь» к каждому его колебанию, но... все было тщетно. Помещение производило впечатление эдакой запертой коробочки. Непроницаемыми для эфира оказались не только стены, но и потолок и пол. Поднявшись на второй этаж, который Николай обозвал антресолями, я убедился, что граница эфирного щита проходит точно по перекрытию, а на самих антресолях было точно так же пусто, как и в нижнем зале... Чердак? Ну, не знаю. Сильно сомневаюсь, что кто-то будет затаскивать эти самые контейнеры на такую верхотуру. Даже если предположить, что их распотрошили, то куда потом дели тару? Да и штурмовики должны были облазить весь корпус сверху донизу, так что пропустить чердак, они не могли. Впрочем, что гадать, если можно подняться и посмотреть?

Пусто, как и следовало ожидать. Я окинул взглядом огромное пыльное пространство под двускатной крышей, часто пересеченное балками и, сделав по нему круг, вздохнув, потопал вниз.

Итак. Что мы имеем с гуся? Первый этаж — пусто, антресоли и чердак, аналогично. Стены? Здание стоит особняком, и если не считать изрядной толщины кирпичной кладки, так характерной для постройки конца девятнадцатого века, ничего необычного в них нет... Остается...

Я топнул подошвой тяжелого ботинка по рифленому металлическому покрытию пола. Да. Других вариантов нет. Оглядевшись по сторонам, я прислушался к ровному «гулу» Эфира под ногами и задумался. Хм. По логике, когда штурмовики заняли базу, они должны были бы озаботиться отключением системы охраны. Но, в этом случае, полагаю, эфирные «щиты» пронизавшие здание, тоже должны были быть отключены. Чего я не наблюдаю. Или их зачем-то включили заново?

— Да нет. — Пожал плечами Николай, когда я обратился к нему с этим вопросом. Почему, именно, к нему? А кому еще знать подобные вещи, как не помощнику Гдовицкого? — Никто их не отключал. Питание щитов выведено на основную магистраль. Здание старое, без такого вот укрепления, долго не простоит. Хотя, намудрили тут наши радетели истории, конечно, порядком. Можно было и стальными балками обойтись, а они, вишь, даже дополнительный блок питания поставили, на случай внезапного обрыва эфирной линии. Перестраховщики.

— О как... — Я почесал кончик носа. — А где этот самый «бесперебойник» находится? Я его не видел.

— В нише, под лестницей. — Ответил Николай и прищурился... — О как...

— Да иди уже, звони своему шефу. — Вздохнул я, заметив, как заблестели глаза охранника. — Все одно, как говорит Владимир Александрович, придется делиться.

— Хм... Полищук, Огарков! Сюда, немедленно. — Вдруг взревел сиреной Николай и перед нами тут же нарисовалась парочка крепких гвардейцев. Незнакомых... наверное, с одного из объектов. В «Беседах», я их точно не видел. Оба штурмовика замерли пред Николаем. Тот убедился, что они его слушают, и ткнул в мою сторону пальцем. — Идете с ним. Помогаете, присматриваете, чтоб не парень не вляпался в какую-нибудь гадость.

— Так, мы же там все уже почистили. Никаких закладок. Гарантирую. — Насупился... Огарков?

— Все, да не все. — Прищурился Николай. — И вообще, я что-то не понял... Хотите в химблок на вечное дежурство?

Штурмовики рьяно замотали головами.

— Никак нет.

— Тогда, что за бессмысленная болтовня? Выполнять! Бегом марш! — Рывкнул Коля. И гвардейцы потрусили следом за мной, старательно изображая стремительный бег. Правильные бойцы. Не важно, что ориентир идет прогулочным шагом. Была команда «бегом», они и ее и исполняют. А вот водителям «континентальников», такое шоу явно в новинку. Вон как уставились. А что? Бесплатный цирк-на...

На обследование единственного работающего в этом здании агрегата, у меня ушло добрых

полтора часа. И я, честно говоря, уже почти разочаровался в своих поисках, когда в очередной раз ткнувшись в толстый несущий канал питающего кабеля, вдруг обнаружил одну странную вещь. Вдоль мощного силового жгута, в эфире обнаружилась своеобразная тонкая сетка, еле заметная, и явно никак не сливающаяся с общим каналом. Да уж, без инструментария серьезного артефактора-мозглома, как здесь называют специалистов-железячников по вычислителям, такую вот дополнительную линию питания, фиг обнаружишь. Либо, нужен, как минимум, подмастерье Эфира. Уж больно она тонкая...

* * *

Гвардейцы рода Громовых, заметив, что порученный их присмотру, недоросль, добрых два часа, чуть ли не обнюхивавший блок стационарного «бесперебойника», в очередной раз полез в его внутренности, со скептицизмом переглянулись и одновременно вздохнули. Черт его знает, что этому пареньку нужно, но... деваться-то им некуда. Приказ получен, исполнение не обсуждается. Вот и ждут, пока дите натешится...

Открывший было рот, чтобы что-то сказать, Огарков чуть не поперхнулся от прокатившегося по залу, вибрирующего грохота. Не очень громкого, но явственно ощутимого. Оглянувшись, он тронул своего напарника за плечо и Полищук, проследив за взглядом Огаркова, выматерился в голос.

Часть пола в центре зала, вдруг просела и, прямо на глазах опешивших гвардейцев начала опускаться вниз, словно длинная аппарель.

Спохватившись, гвардейцы сдернули с плеч автоматы и, оттарабанив доклад, быстро разошлись в стороны, не сводя стволов со все расширяющегося отверстия в полу.

Спустя секунду, зал наполнился шорохом влетающих в ворота штурмовиков, а едва аппарель замерла, на нее, управляемая одним из громовских гвардейцев, жужжа и пощелкивая траками, вкатилась миниатюрная платформа робота-разведчика. Вкатилась, и канула в темноте спуска, будто ее и не было.

Глава 8. Торг — наше все

Вот они, мои замечательные синенькие коробочки. Стоят себе ровным рядком, прямо на полуприцепах. Все, как и должно быть. Я с предвкушением глянул на контейнеры, но, переведя взгляд на сосредоточенно рыскающих по залу штурмовиков, вздохнул. Да, пока они не обнюхают и не проверят каждый уголок и закуток этого подвала, не видать мне содержимого контейнеров, как своих ушей. Придется ждать. Нет, обязательно выставлю счет Громовым за аренду «континентальников»... А то, водилы, наверху, понимаете ли, прохлаждаются, анекдоты травят, а я за их отдых должен платить? Ну, на фиг.

Но вот, наконец, проверка закончена, а Николай даже и не думает давать отмашку на вскрытие коробок. И чего стоим, кому ждем?

А... теперь понятно. Народу в огромном подвале значительно прибавилось и по пандусу спустился Федор Георгиевич. Ну надо же, какие почести.

— Здравствуй, Кирилл. — Кивнул Громов. Затянутый в темно-серый комбез с черными защитными щитками, делающими его похожим, то ли на байкера, из тех, что так любят гонять

по ночам по окружной, разгоняя свои болиды до сумасшедших скоростей, то ли на эдакого футуристического латника. Сходства с обоими добавлял черный узкий шлем с Т-образным визором, подмышкой у Громова. Правда, длинный ствол, чем-то неуловимо смахивающий на артиллерийскую модель Люгера, на бедре, и небольшой пистолет в «тактической» кобуре, в специальном креплении на нагрудной пластиковой плите, хоть и смотрелись очень органично, но при этом напрочь выбивали из уже сложившегося образа, будь то, «хайтековый рыцарь» или безумный адреналиновый маньяк на двухколесной пластиковой ракете...

В общем, Громов, сейчас, меньше всего напоминал руководителя крупного военного концерна, каковым он и являлся по факту.

— Добрый день, Федор Георгиевич. — Ответил я. — Решили полюбоваться на мою находку?

— Да вот, интересно стало, как мы могли упустить такое... — Неопределенно проговорил мой собеседник и повернулся к подскочившему Николаю.

— Все готово. На закладки проверили, чисто. Можно вскрывать. — Протараторил Коля.

— Командуй, Кирилл. Твоя находка, тебе и карты в руки. — Кивнул мне Громов-младший. Ну-ну. Потешил мое самолюбие, ничего не скажешь. Я хмыкнул.

— А что тут командовать? Коля, отворяй. А то я сейчас от любопытства лопну. — Улыбнулся я, напрочь руша всю серьезность момента. Николай, в ответ, ухмыльнулся и махнул рукой моим недавним охранникам.

— Эй, «химики», открывайте! — Голос помощника Гдовицкого, эхом прокатился по подвалу, и непонятно, когда и на чем, успевшие «залететь», гвардейцы ринулись к первому контейнеру. Лязгнули запоры, упали на пол пломбы и двери коробки, с легким скрипом, разошлись в разные стороны. Ну и?

Какие-то кейсы, боксы, ящики... контейнер оказался плотно набит разнокалиберными «сундуками» явно противоударного исполнения. Интересно, конечно, но... что это такое?

— Кирилл. Скажи, а как ты вообще догадался, что здесь должен быть тайник? — Поинтересовался Федор Георгиевич, одним глазом следя за тем, как штурмовики вскрывают второй контейнер.

— У меня есть запись, на которой в здание загоняют три контейнера. Им даже пришлось одну из боевых платформ выкатить во двор, чтобы справиться с задачей. Так вот, контейнеры эти на базу приехали и больше никуда не перевозились. Значит, здесь они и должны были остаться. А в вашем списке о них не было ни слова... — Объяснил я. — Ну, я же не дурак, чтобы бросаться голословными обвинениями. Полез в архив и просмотрел все записи с момента ввоза контейнеров и до сегодняшнего дня... Сопоставил объемы, посчитал... и пришел к выводу, что контейнеры так и остались на базе...

— Стоп-стоп-стоп. — Нахмурился Громов. — Что за записи? Откуда?

— Записи с фиксаторов, расставленных мною вокруг базы, после того, как я выяснил личность приятеля Лины. — Пожал я плечами. — Кстати, из записи штурма может получиться очень неплохой обучающий ролик.

— Кирилл! — Неожиданно рявкнул Федор Георгиевич, но тут же осекся и договорил уже куда более спокойным тоном. — Ты... ты что, хочешь сказать, что понатыкал фиксаторы, и наши

спецы при осмотре местности перед атакой, их не засекли?

— Ну, я же не идиот, чтобы размещать их, где ни попадя. — Пожал я плечами. — Один я подвесил под ретранслятором. Там такая мешанина аппаратуры, что еще один маленький датчик погоды не сделает. Еще три присобачил к фабричной системе контроля загрязнений, ну и один сыграл роль дублера дорожного фиксатора на перекрестке.

— Николай... сбрось эту запись Владимиру. Пусть разберется с этими... халтурщиками. И... пошли кого-нибудь проверить ближайшие окрестности, с учетом полученной только что информации. — Федор Георгиевич выразительно глянул на Колю и тот, с готовностью кивнув, усвистал куда-то вверх. М-да. Достанется теперь спецам... С другой стороны, и правильно. Нечего было халтурить.

В этот момент грохнула крышка третьего контейнера, оказавшая в отличие от первых двух, откидной, и я потерял всякий интерес к горе-технарям, прозевавшим мои фиксаторы. В последнем контейнере оказался груз, ничуть не напоминающий боксы, найденные в первых двух. Я говорил, что Громов в своем комбезе и защите выглядит как эдакий хайтековый рыцарь? Чушь! Вот то, что открылось нашим взорам, когда упала крышка контейнера, действительно походило на глухие рыцарские латы, матового серого цвета, закрепленные в каких-то рамах. Шесть штук, в два ряда, а за ними все те же черные боксы... Не удивлюсь, если открыв те два контейнера с другой стороны, мы обнаружим точно такие же штуковины...

Покрытие этого изыска сумасшедшего дизайнера, явно было из той же серии, что и краска-хамелеон давешней боевой платформы... но смысл самого «рыцарского скафандра» от меня ускользал. В нем же двигаться невозможно. Он даже на вид, весит не меньше полутонны!

Впрочем, кажется, моего недоумения никто из присутствующих не разделял. Гвардейцы одобрительно гудели, а Федор Георгиевич, кажется, готов был танцевать джигу.

— Об чем радуетесь, дядя Федор? — Поинтересовался я.

— О! Поверь мне, Кирилл. Есть повод. — Воодушевленно проговорил Федор Георгиевич, потирая руки. — Знаешь, что это?

— Хм. Удивительно, но даже не подозреваю. — Развел я руками, но Громов не обратил никакого внимания на мое ёрничанье.

— Это, друг мой, Кирилла Николаевич, тяжелый тактический комплекс «Гусар», в количестве шести штук на каждый контейнер, произведенный компанией Вышневецких. И, судя по количеству сопровождающего груза, в полной комплектации. Точно такой же комплекс, польские паны хотели бы поставлять в нашу армию. Правда, мешает им в этом наш концерн... И это большая удача, что нам в руки попали эти образчики. Будет возможность хорошенько в них покопаться.

— Кхм. — Я покосился на «скафандры», но Федор Георгиевич, кажется, неправильно меня понял.

— Нет, Кирилл. Извини, но мне было бы проще выбить для тебя персональное разрешение у государя, на езду по городу за рычагами «Матильды», ну... одной из боевых платформ, что мы уволокли с базы, чем на право владения вот таким вот костюмчиком... — Ухмыльнулся Громов. — Подобные вещи в продаже отсутствуют, как класс. Более того, использовать их могут только в вооруженные силы государства.

— А... как же Вышневецкий? — Невольно заинтересовался я.

— Поляки. — Пренебрежительно пожал плечами Федор Георгиевич. — У панства всегда были несколько своеобразные понятия о дозволенном. Собственно, именно поэтому, большинство наемных отрядов, желающих иметь в своем распоряжении подобные комплексы, регистрируются в Речи Посполитой. Правда, я не совсем понимаю, на что рассчитывал Роман, притащив «Гусары» в Россию. Попадись он, или его люди на использовании ТТК на нашей территории, и церемониться с ними никто не стал бы. Скорее всего, в этом случае, государь даже не успел бы выказать свое неудовольствие, как бояре размазали отряд Вышневецкого по Красной площади, тонким и не менее красным слоем. Во избежание повторения инцидента... М-да.

— Понятно. — Протянул я и постарался свернуть на куда больше интересующую меня тему. — И что, дорого стоит такой ТТК?

— Сам по себе, не очень. Порядка десяти-двенадцати тысяч. Правда, без обвеса. И это неудивительно. Без той же системы усиления, комплекс, не более, чем высокотехнологичная бронированная консервная банка, в которой и пошевелиться-то, проблема. — Пожал плечами Громов. — А вот с обвесом... Даже в минимальной комплектации, цена на ТТК возрастает вдвое. Здесь же... Видишь рамы, в которых закреплены комплексы? Это сервисная система. Своеобразный стенд, на котором производится обслуживание ТТК. А он идет, только и исключительно, в максимальной комплектации. В общем, смело умножай цену самого комплекса на пять. Не ошибешься. Учитывая размер твоей доли... Считай, по пять тысяч рублей с каждого ТТК, твои. А здесь их восемнадцать... Умножаем на пять тысяч... Да плюс компенсация за остальные трофеи... Кирилл, а ты становишься богатым человеком! Сто двадцать тысяч... неплохой куш, а?

— Хм. Сто пятьдесят, звучат куда лучше. — Заметил я. Громов замер, хмыкнул... и расхохотался.

Глава 9. Старые новости, тоже новости

Сошлись на ста сорока. Громов все-таки сумел меня убедить, что все восемнадцать комплектов ему ни к чему, использовать он их все равно не сможет. А для разборки до винтика и изучения приемов и решений польских коллег, хватило бы и трех-четырех экземпляров. Остальные же, скорее всего, уйдут в государственную оружейную комнату, по минимальной цене, поскольку, опять же использоваться по прямому назначению не будут. В общем, уболтал меня Федор Георгиевич. Правда, оплату аренды «континентальников» взял на себя. Мелочь, а приятно.

А вот потом, когда мы покончили с приятной темой дележки трофеев, разговор зашел о вещах куда менее привлекательных, на первый взгляд. В частности, меня интересовал вопрос моих дальнейших взаимоотношений с Томилиными. И тут, наследник рода Громовых сумел меня порадовать.

— А с чего у тебя вдруг, вообще должны возникнуть с ними какие-то взаимоотношения? — Поинтересовался Громов.

— Хм. Ну, не знаю. Романа-то я грохнул. — Пожал я плечами.

— И кто об этом знает? Запись, ты, умник, включил «лучом», кроме тела Вышневецкого, на ней ничего и не видно. А, нет. Вру. Лину краешком зацепил, когда вокруг загибавшегося уroda

крутился. А записи местных фиксаторов, люди Гдовицкого благополучно потеряли. Полностью... — Громов на миг умолк и, выдержав паузу, в точности по Станиславскому, договорил, с легкой улыбкой. — Так что, о твоём неожиданном появлении в бункере, никто не в курсе... В том числе и Георгий Дмитриевич.

— Я предполагал, что информация о моём статусе окажется вам известна. В конце концов, я особо и не скрывал своих возможностей с момента выхода из рода. — Пожал я плечами и явственно почувствовал легкое разочарование, которым просто-таки пахнуло от моего собеседника.

— Вот как? И кто ещё... в курсе? — Медленно проговорил Громов.

— Командир гвардии Бестужевых, сам боярин, его дочь и Лина с Милой. — Перечислил я.

— Решил возродить идею школы? — Пожевав губами, поинтересовался Федор Георгиевич.

— Почему бы и нет? С учебой у меня получается неплохо, да и нравится. — Пожал я плечами в ответ.

— Хм... Что ж, дело неплохое, но тебе придется трудненько. — Подумав, заметил Громов. — Сейчас, у тебя есть два ученика, но где ты наберешь других? Ведь у нас, мало кто вообще представляет, что такое настоящие эфирники, и чем они отличаются от выпускников государственных ремесленных училищ.

— Три.

— Что «три»? — Не понял Федор Георгиевич.

— У меня три ученика. Ольга Бестужева присоединилась к тренировкам близняшек. — Пояснил я.

— М-да... И все-таки, это немного. — Помолчав, покачал головой мой собеседник, и неожиданно улыбнулся. — Если бы мы с тобой только что не торговались, я бы даже посетовал на то, как склонна молодежь ошибаться в отношении денег и их количества. Но, воздержусь... Как ни удивительно, но ты, кажется, прекрасно понимаешь их истинную ценность. Редкость, для людей твоего возраста, между прочим.

— Благодарю за комплимент. — Кивнул я.

— Брось, Кирилл. — Отмахнулся Громов... — Я вот к чему веду... Есть возможность пополнить твой ученический штат, правда, за счет некоторого снижения стоимости обучения.

— Хм?

— Скажем, вдвое. — Проговорил Федор Георгиевич, и теперь, пришла моя очередь качать головой.

— Не получится. — Развел я руками. — Уменьшение стоимости оправдано только при увеличении количества учеников до десятка, минимум. Но, сейчас это приведет к зеркальному снижению качества обучения. Мне ведь нужно контролировать каждое действие учеников на занятиях. И, естественно, что при увеличении числа обучающихся, это станет куда сложнее... И дело тут, совсем не в моем комфорте. Я действительно должен «вести» каждого ученика, контролировать эфир вокруг него. Ведь, если он хоть раз сорвется, закончиться все может

обожженным от переизбытка энергии, трупом. В общем, опасно это.

— И, какой же максимум ты можешь определить для себя? — Задумчиво поинтересовался Громов.

— С учетом моей учебы в гимназии... еще троих потяну, больше не получится. По окончании школы, можно будет разбить учеников на пару команд, тогда я смогу вести десяток. Но не больше. Иначе, могу просто не выдержать и свалиться с истощением. — Вздыхнув, ответил я.

— Однако... — Громов оглянулся на подошедшего Николая и, выслушав доклад об окончании возни с контейнерами и переговоров с перевозчиком, которому почему-то очень не понравилась смена места доставки груза, кивнул. — Замечательно. Кирилл, прокатишься со мной до наших складов? Надо еще кое-что обсудить... Так, в рамках общей ситуации.

Почему нет? Долго раздумывать я не стал, так что уже через пять минут мы грузились в бронированный вездеход, отличающийся от обычного средства передвижения наследника рода, лишь большей массивностью и рубленностью форм. В остальном же, такой же черный монстр с кучей хрома, как и прежний. Да уж, понты наше все...

За рулем был все тот же Николай, но Федор Георгиевич все равно закрыл нас заглушающим куполом и начал разговор о Томилиных, которые, вроде как, по его же собственным словам, не представляют для меня никакой опасности.

Я добрых полчаса слушал витиеватый монолог Громова-младшего о переговорах с главой, ставшего вдруг враждебным, и очень оперативно раздолбанного рода, и никак не мог понять, к чему ведет мой собеседник... пока он в третий раз не сказал что-то вроде: «...это они, аккурат, после смерти твоих родителей поднялись... да тут еще, и Роман вернулся с контрактами от батюшкиного завода в зубах»...

— Дядя Федор, если ты сейчас пытаешься навести на мысль, что мне неплохо бы присмотреться к причинам столь стремительно выросшего благосостояния Томилиных, и совпадения начала его роста со смертью моих родителей, то мне лучше прямо сейчас покинуть машину... пока ты лишнего не сказал... а я не сделал лишних выводов и глупых поступков. — Тихо проговорил я. Ну уж очень было похоже, что наследник рода пытается сделать из меня мстителя, причем абсолютно конкретным людям.

— Не скажу, Кирилла. Теперь, точно не скажу. — Громов напряженно наблюдавший за мной, вдруг облегченно улыбнулся и, убрав купол, окликнул Николая. — Коля, дуй на Трехпрудный.

Знакомое здание государственной боевой школы, в которой я получил свой статус мастера эфира, ничуть не изменилось за прошедшее время. Разве что народу в нем стало заметно больше... если судить по той кутерьме, что творилась у входа.

— Хм. И зачем мы сюда приехали? — Поинтересовался я.

— Чтобы обезопасить одного беспечного гранда эфира, и он не повторил судьбы отца и деда. — Нахмурившись, высказался Громов-младший.

— А подробнее? — Я поерзал на сиденье, всем своим видом демонстрируя, что не сдвинусь с места, пока не узнаю все детали...

— Эх... — Федор Георгиевич растрепал шевелюру и вздохнул. — Знаешь, со всей этой возней с Томилиными, мне пришлось изрядно закопаться в историю... Не такую дальнюю, не думай, я

не собираюсь грузить тебя байками о подвигах предков. Собственно, я сам был свидетелем тех событий, но... тогда не видел всей картины. А тут вот, начал разбираться и... в общем, сложно там все и некрасиво.

— Дядя Федор, а если без экивоков? — Вздыхнул я.

— Если без экивоков, то имеются у меня серьезные подозрения, что смерть твоих родителей и деда по матери была очень не случайной. — Резко ответил он. — И подтвердить эти подозрения, или опровергнуть их, могут только здесь.

— Так... Федор Георгиевич, я сейчас материться начну. — Честно предупредил я.

— Понял. Тогда, так. Поступим следующим образом. Сейчас заходим в школу, я здороваюсь с парой старых знакомых, мы узнаем кое-какую информацию, после чего, возвращаемся в машину, где я подробно рассказываю тебе все свои умозаключения. Устраивает такой вариант?

— Ну, хоть так. — Я вздохнул и выбрался из джипа следом за Грозовым. Вот, накрутил-то, путаник.

К моему удивлению, переговорив с кем-то из своих знакомых, Федор Георгиевич потащил меня в школьную церковь. Точнее, к мемориалу у входа в нее. Дюжина черных каменных досок, на которых золотом выбиты имена учеников, погибших в разные годы... Знакомая традиция, чего уж там.

Палец Грозова скользил по строкам, пока не замер напротив одной из фамилий: боярин Скуратов Н.С., генерал-майор Вооруженных сил России, погиб при исполнении служебного долга... дата. Ну, и чт... Что?! Как, при исполнении долга? В некрологе Военного вестника же черным по белому ясно было сказано: «острая сердечная недостаточность»?! Ну... и где правда? Или ее здесь вообще нет?!

— Сюда смотри. — Тихонько толкнул меня в бок Грозов, указывая на строчку ниже. — Это в газетах могут написать что угодно. А тут, ни один, даже самый прожженный безопасник врать не станет... Чревато.

Я опустил взгляд на указанную строку и уже даже не удивился: Скуратова Л.Н. капитан Вооруженных сил России, погибла при исполнении служебного долга... дата.

Совпадает... И что все это могло бы значить?

Глава 10. В чем сила, брат?

Предупреждение? Я взглянул на серьезную физиономию Грозова-младшего, с явным ожиданием смотрящего на меня, но задать крутившийся на языке вопрос не успел. С галереи окружающей внутренний двор школы с плацем и церковью, донесся чей-то голос. Обернувшись на звук, мы с Грозовым хмыкнули одновременно. К нам приближался один из моих экзаменаторов. Михаил... Михаил Прутков, точно. Отчества не помню, зато помню, что Гдовичкой отрекомендовал его как заместителя директора школы и одного из лучших известных ему эфирников.

— Федор Георгиевич, добрый день. — Подошедший к нам, Прутков обозначил короткий уважительный поклон в сторону Грозова и повернулся ко мне. — Рад видеть тебя снова,

Кирилл.

— Здравствуйте. — Кивнул я и замялся, но Прутков меня понял и представился сам.

— Михаил Иванович Прутков. Ну а должность моя, вам должна быть известна. Она обозначена в вашем удостоверении. — Усмехнувшись, представился наш собеседник.

— Здравствуй Михаил Иванович. — Кивнул Громов. — А мне сказали, что тебя нет в школе...

— Только приехал с полигона. — Пожал плечами тот. — Не успел войти, как Степан доложил, что вы здесь... вот и поспешил застать, пока не уехали. Так, что вы хотели, Федор Георгиевич, Кирилл?

— Михаил... — Укоризненно взглянул на него Федор Георгиевич, и тот развел руками.

— Ладно-ладно. Согласен обойтись без пустопорожнего трепа. Но я удивлен. Вы, все-таки, решили свои разногласия с Георгием Дмитриевичем?

— Хм. Я вам не мешаю, нет? — Поинтересовался я.

— Извини, Кирилл... — Опомнился дядя Федор. — Я, честно говоря, не думал, что придется так скоро говорить об этом, но недавние события и твое в них участие, изменили мою точку зрения...

— Вашу... или в а ш у? — Протянул я, только для того, чтобы заполнить паузу в речи Громова.

— Мою личную точку зрения. — Резко кивнул он. — Отец будет против, но это уже не его дело... Хватит. Итак... Михаил, просвети нашего юного друга, о чем идет речь.

— С радостью. — Невозмутимо кивнул тот и, повернувшись ко мне, заговорил. — Как ты знаешь, Кирилл, в нашем государстве существует довольно большое количество различных неформальных, полупоформальных и официальных объединений. Эдаких «клубов по интересам». Опричники, государственники, военные клубы, собрания аграрников и промышленников, союзы родов, в конце концов... Так вот, у нас, эфирников, тоже есть такой клуб, последним главой которого, являлся твой дед по матери, Никита Силыч Скуратов. Глыба! Один из десяти официально признанных грандов в стране. Сильнейший из них... по крайней мере, о других ярых-грандах, мне ничего неизвестно... А я, знаешь ли, волей-неволей обязан знать обо всех сильных эфирниках. Должность «кадровика» обязывает... Да.

— Хм. Кажется, сейчас я услышу предложение, от которого не смогу отказаться. — Я вздохнул.

— Угадал. — Улыбнулся Прутков. — Не знаю, чем руководствовался Георгий Дмитриевич, да простит меня его сын, пряча тебя от нашего «клуба», но ситуация эта совершенно неприемлемая. Нас слишком мало, чтобы клуб мог позволить себе такое транжирство... Особенно, в свете событий произошедших со Скуратовым и твоими родителями.

— Говорите так, словно я какой-то ресурс... — Нахмурился я, стараясь не выпасть из роли.

— Все мы, своего рода, ресурсы, Кирилл. — Развел руками Прутков. — И ты, и я, и даже боярин Громов. Исключений нет.

— Что, и государь? — Прищурился я.

— Хм... в каком-то смысле. — Глянув на старательно прячущего ухмылку Громова-младшего,

медленно проговорил Прутнев. Запнулся. — А ты умнее, чем я думал, Кирилл Николаевич...

В ответ, я только пожал плечами.

— Миша, не крути, скинь парню устав этого вашего клуба, и пусть изучает. Он, как ты верно заметил, не дурак, и выгоду свою видит. — Последние слова Федор Георгиевич произнес с отчетливой иронией в голосе. Прутнев взглянул на наследника рода Громовых и, хмыкнув, кивнул. Мол, как скажешь...

— Ладно. Так и поступим... Но, имей в виду, Кирилл, эта информация закрытая. То есть, о существовании клуба знает очень узкий круг людей. Тот же Федор Георгиевич, например, осведомлен только благодаря тому, что его младший брат был членом клуба, а Георгий Дмитриевич когда-то курировал нашу безопасность. Понятно?

— Комнатный боярин курирующий безопасность какого-то неформального клуба? — Удивленно протянул я. — Однако.

— Хм. Как ты думаешь, почему ни один из государей никогда не проходил испытаний на владение стихиями? Ну, если отбросить официальную версию, что подобные сведения о правящей фамилии, являются коронной тайной... — Вопросом на вопрос ответил Прутнев, но, по моему взгляду поняв, что я впервые слышу о таком казусе, вздохнул. — Род Рюриковичей, к твоему сведению, наследственные эфирники. А государь — новик, при существующем в нашем обществе культе личной силы, довольно странное сочетание, согласишься? Стоит ли удивляться, что комнатный боярин курирует безопасность клуба, чей костяк составляют члены правящего рода? И да, когда я говорил «отбросить» версию коронной тайны, это не значит, что на нее действительно можно наплевать. Понятно?

Твою дивизию... Только немислимым усилием воли мне удалось удержать себя в узде и не выматериться вслух. Наследственный эфирник, всегда слабосилок?! Тогда... многое становится понятнее.

— Разумеется. А Бестужевы в курсе существования клуба? — Поинтересовался я, убедившись, что ничем не выдал своего волнения.

— Хм... Нет. Им известно то же, что и большинству. — На секунду задумавшись, ответил Прутнев.

— Гдовицкой? — Я ведь с тебя не слезу...

— Член клуба, в ранге подмастерья. — Ответил вместо Прутнева, Громов.

— Поня-ятно. Скажите, а клуб был в курсе затеи моего отца и боярина Бестужева насчет школы?

— Еще бы! Там такой скандал был, что вся Москва была в курсе. — Усмехнулся Прутнев, но, бросив короткий взгляд на Громова, тут же стер улыбку с лица, и отговорился, — впрочем, Федор Георгиевич знает о тех событиях куда больше... так что, лучше расспроси его.

— Да уж. Лучше, если эту историю ты услышишь от меня, чем от кого-то еще. По крайней мере, обещаю, что никаких домыслов и фантазий в моем рассказе не будет. — Кивнул Громов.

Ну-ну. Сделаю вид, что верю. Вообще, надо разбираться с этими тайнами мадридского двора, а то, чувствую, не будет мне покоя... и вылезет в будущем какая-то бяка. Оно мне надо?

Я отвлекся от размышлений на вибрацию браслета, куда Прутнев скинул обещанный устав и, не став сразу его просматривать, поднял взгляд на автора послания.

— Если у меня возникнут какие-то вопросы, могу я связаться с вами, Михаил Иванович?

— Можешь. — Кивнул тот, и нахмурился. — Но на твои вопросы может ответить и Гдовицкой.

— Я ведь больше не живу в «Беседах». — Пожал я плечами. — Да и отвлекать начальника службы безопасности боярина Громова, от служебных обязанностей...

— Понятно. Согласен. — Медленно проговорил Прутнев, бросив короткий взгляд на спокойного, словно слон, Федора Георгиевича. О да, он все правильно понимает. Конфликт обязательств, штука такая...

Мы вышли на порог школы и, пропустив мимо компанию сосредоточенно-серьезных учеников, двинулись к ожидающемуся джипу.

Уже собирая вещи в усадьбе Бестужевых, перед возвращением в свой дом, я пришел к выводу, что чего-то в этом роде мне и следовало ожидать. Да, эфирников мало, да, их умения не кажутся чем-то серьезным на фоне сильных стихийников, способных на поле боя, заменить собой полк тяжелой артиллерии... но с другой стороны, гранд способен убить любого стихийника без особых проблем, и защититься тому, не помогут никакие способности. А значит, значит должен быть и контроль над таким оружием. У кого? Глупый вопрос. Кто, кроме государства может позволить себе содержать и десятилетиями растить очень специальное оружие? А ведь, эфирники, это не только средство устранения неугодных стихийников, это еще и мощный исследовательский аппарат. Именно на эфирниках держится вся здешняя технология... Понятно, что не всякий слабосилок-техник с завода, входит в этот самый клуб эфирников, но любой перспективный кадр, проявляющий волю и желание развиваться в этом направлении, наверняка попадет «под колпак».

Интересно, а зачем дед скрыл Кирилла от взора этого самого «клуба по интересам»? Да и вообще, как-то очень много вопросов у меня образуется к старому боярину Громову, по поводу его действий в отношении внука и, особенно, бездействия...

Я вытащил последнюю сумку на Красное крыльцо и замер в удивлении. У вездехода, в заднюю дверь которого, Аристарх Хромов уже закинул большую часть моих баулов (когда только успел разжиться таким количеством шмоток?), переминалась с ноги на ногу Ольга.

— Это что? — Подозрительно прищурившись, я кивнул на чемоданы у ее ног.

— Мои вещи. — Улыбнулась Ольга. — Я еду с тобой.

— Не понял? Зачем? — Опешил я.

— Согласно договору, ученик проживает в доме учителя. Забыл?

Эпилог

Яркий солнечный свет заливал кабинет хозяина поместья «Беседы», но самому боярину сейчас не было никакого дела до замечательного июньского утра за окном. Он мрачно смотрел в стену перед собой и пытался понять, где и что пошло не так. Когда он ошибся, и как, вообще, могло

случиться то, что случилось. Газета на столе задымилась под взглядом боярина, и пошла рыжими пятнами. Громов чертыхнулся. Дожил, уже над собственным огнем контроль теряет!

И все-таки, где он ошибся? Или... они? Мог ли предполагать старый недруг и соратник Никита, к чему приведет эта его евгеническая программа? Конечно, если посмотреть на Рюриковичей, то становится понятным, что толк в ней есть, но такой скорый прогресс... Кто мог ожидать, что этот мавкин ребенок будет так скоро расти в умениях? Или это для них нормально? Дьяволово болото! Тридцать лет в комнатных боярах, десять лет кураторства эфирников, и всё равно, так мало информации! Даже полный состав лиц, входящих в этот их «клуб» и то неизвестен. Только для ока государя, чтоб их...

Громов с силой сжал зубы и потертый эбонитовый чубук его любимой трубки, еле слышно хрустнул. Вот ведь!

Боярин со злостью отбросил треснувшую трубку, и та покатила по столу, рассыпая вокруг тлеющий табак. Хлопнув ладонью по газетному листу, на этот раз затлевшему от попавшего на него раскаленного пепла, Громов невольно остановил взгляд на заголовке первой полосы, прямо под которым расположилась большая фотография его младшего внука, в компании молодого боярина Бестужева и цесаревича Святослава, разрезающих ленточку у входа в небольшое двухэтажное здание. «Открытие школы Эфирного искусства в Москве»! «Высочайший патронат и высочайшая ответственность!», «Самый молодой мастер столетия обещает открытие секретов своего успеха!»... Скользя взглядом по тексту и спотыкаясь о каждый восклицательный знак восторженного визга этого идиота-журналиста, боярин все больше и больше зверел. Кто посмел?!

Зажатая в руке, газета вспыхнула снова, но на третий раз ей не повезло, и она осыпалась невесомым пеплом на зеленое сукно рабочего стола. Кто?!

Стук в дверь отвлек Громова от созерцания замусоренного стола, и он хрипло каркнул:

— Войдите. — Створки распахнулись, и в кабинет вошел наследник. Федор Георгиевич улыбнулся отцу и, весело насвистывая, даже не сел, а упал в жалобно скрипнувшее под ним кресло.

— Здравствуй, отец. Ты уже читал? — Взмах газетой подействовал на боярина, как красная тряпка на быка... Ну почти. Выбесивший его бульварный листок в руках сына, придал ускорение мыслительным способностям Громова-старшего. Шестеренки в его мозгу щелкнули и закрутились.

Довольный взгляд сына, кричащий заголовок, присутствие на фотографии члена правящего дома...

— Ты! — Дрожа от бешенства, боярин ткнул в сторону сына пальцем. — Твоих рук дело?!

— Догадался. — Совершенно невозмутимо хмыкнул тот, и кивнул. — Моих, конечно. Ну, и чуть-чуть, Владимира Александровича...

— Гдовицкой, с-сучий сын... Предатель! — Громов-старший грохнул по столу рукой.

— Наоборот. Знаешь, я поражен стойкостью нашего уважаемого начальника службы безопасности не меньше, чем терпением Кирилла... Почти пять лет мучиться от столкновения интересов рода и клуба эфирников, разрываясь между желанием уберечь будущего коллегу и невозможностью нарушить клятву сюзерену... Наверное, если бы не тот мавкин артефакт, что

использовали мои детки, Володя уже сошел бы с ума. Как ни прискорбно это признавать, но то ЧП произошло на редкость удачно. Иначе, Гдовицкой, вряд ли осмелился бы выложить мне всю историю жизни Кирилла в «Беседах». — Ровным тоном проговорил Громов-младший, и им же завершил свой пассаж. — Отец, ты мудак?

Боярин Громов слушал рассказ сына и мрачнел. То, что сделал этот своевольный... мальчишка, просто не укладывалось в голове! Как? Как можно было похерить семь лет работы?! Чертовы Томилины, чертов Колька... И теперь еще это?!

— Это, ты идиот. Благодаря твоей «доброте», этот мавкин выкормыш оказался абсолютно, полностью неподконтролен, а теперь его еще и защищает клуб! Да это же, просто прямое приглашение всем желающим: похитить этого вундеркинда и пожалуйста, секретная информация в кармане! Семь лет работы псу под хвост. Семь лет!

— Не понял. — Нахмурился Федор. — Какой работы?

— Нормальной оперативной работы. — Ощерился боярин. — Я семь лет растил из этого уродца замедленную бомбу для папистов. С самой смерти его родителей. Если б не вы, с Гдовицким и этой своей бессмысленной жалостью, я турнул бы Кирилла из клана в шестнадцать лет, а тот же Роман Томилин его подобрал бы... и прямая дорожка мальчишке под крылышко папистам. А там, ты хоть представляешь, что было бы, когда, войдя в силу, он узнал, кто на самом деле виновен в смерти его родителей? Никита, тварь такая, замечательно все рассчитал, пацан, действительно, потенциальный гранд эфира... Мне осталось бы только правильно довести нужную информацию, и всё! Это была бы такая победа!

— Ты рехнулся, отец? — Холодно спросил Федор, глядя на брызжущего слюной отца.

— Я? Это вы влезли в мои дела. Какого дьявола вам понадобилось отдавать его в клуб? Кто, вообще, позволил тебе брать на себя роль главы рода, и втягивать в это общество Кирилла? — Полыхнув еле сдерживаемой яростью, прохрипел боярин, сверля сына тяжелым взглядом. Но тот, кажется, даже не заметил отцовского гнева...

— Втягивать? Я обезопасил его. От тебя, прежде всего. В своей идиотской ненависти, ты уже превратил жизнь мальчишки в ад, забывая, что скоро, очень скоро он вырастет и тогда, только Бог сможет уберечь наш род от его мести. Ты этого не понимаешь?!

— К черту! Он не выживет. Сдохнет, но принесет пользу! — Грохнул по столу рукой боярин. А его сын вдруг отступил на шаг назад и неверяще взглянул на отца.

— Ты безумен, старик. О какой пользе ты говоришь? В чем? Ты уже пытался его изгнать из рода. Потом попытался превратить в собственного раба, иначе предложение создать младшую ветвь, я даже назвать не могу. А теперь и вовсе говоришь о его смерти. И все это во имя своей ненависти к папистам и Скуратову! Ты болен!

— Не смерти. Жертве. — Выдохнул боярин. — Ты ни черта не понимаешь. Интересы государства...

— Не имеют никакого отношения к моему племяннику! — Рывкнул Федор. — И теперь, ты со своими интригами можешь катиться ко всем чертям! Эфирники не выдадут тебе Кирилла.

— И гибель его родителей станет бессмысленной... — Прошипел боярин.

— Она станет таковой, если ты убьешь собственного внука, урод! — Бросил ему в ответ сын и,

швырнув в лицо боярину газету, вылетел из кабинета.

Боярин невидящим взглядом уперся в захлопнувшиеся двери и, со свистом выпустив воздух через плотно сжатые зубы, медленно опустился в кресло, сминая в руке тут же задымившуюся газету, на первой полосе которой красовался набранный огромным кричащим шрифтом, длинный заголовок.

«Открытие Первой Школы Эфирного Искусства, под шефством Его высочества, цесаревича Святослава». Один вид этой надписи вызвал у Громова-старшего приступ подсердечной злобы. Все планы прахом!

Закрыв за собой двери отцовского кабинета, Федор Георгиевич на миг замер, прислонившись затылком к холодной стене и, чуть успокоившись, тяжело вздохнул. Все оказалось куда хуже и непригляднее, чем он думал... А значит... Оборвав мелькнувшую мысль, он оглянулся по сторонам и быстрым шагом покинул здание. Оказавшись на улице, наследник рода забрался в автомобиль, где его уже ждал шофер и, лишь выехав с территории усадьбы и накрывшись заглушающим куполом, активировал экран браслета. Кажется, пришла пора что-то менять.

— Владимир, а не пойти ли нам на рыбалку? Помнится, Лёшка говорил, что Кирилл, на заимке как-то знатную уху варил... — Вместо приветствия выдал Громов-младший, когда на экране появился Гдовицкой.

— Можно, Федор Георгиевич... только, уха, она все ж, больше от повара зависит, чем от рыбы...

— Ну и что? Кирилл сейчас в Москве должен быть, пригласим. Неужто, он родному дядьке в такой малости откажет? Заодно и моих дядёв ухой накормим. Они тоже давненько на рыбалке не были...

— Понял. А что, хорошая идея. — Гдовицкой был бы никудышным начальником СБ, если бы позволил себе сейчас хоть как-то выдать посетившие его эмоции. Но вот блеск глаз... пусть на миг, но он выдал чувства боярского сына.

— Вот и займись. — Холодно улыбнулся наследник рода. — Позвони Кириллу, а я пока остальных гостей приглашу... — Да, про закуску не забудь. А то, уха, оно, конечно, хорошо, но мы ж не дети, знаем, чем настоящая рыбалка от детских забав отличается.

— Прослежу. На утреннюю зорьку пойдем?

— На нее, родимую. — Кивнул Громов-младший. — А то боюсь, вечернюю рыбалку, наши старики не оценят. Позасыпают над рю... удочками.

— А молодежь будем звать? Ну, помимо Кирилла, понятное дело... — Осведомился Гдовицкой.

— Алексей будет. Девчонки... на рыбалке? Полный сюр. Но если захотят... Почему бы и нет?

— Понял.

— Ну, а раз понял, работай. — Заключил Федор Георгиевич, выключил экран браслета и, погасив купол, кивнул водителю. — Давай в управление. Давненько я среди наших начальников-заводчиков шороху не наводил...

Николай кивнул, и вездеход, рыкнув мощным двигателем, прибавил ходу.

Я проснулся резко, словно толчком. Вынырнул из сновидений и, распахнув глаза, глубоко вздохнул. Вспомнил. Я вспомнил ту идиотскую фразу! Черт, почти год спустя, это ж надо?! Ad maiorem Dei gloriam... К вящей славе Господней. Девиз иезуитов... Твою мать! Кажется, я снова вляпался... или нет?

Звонок Гдовицкого застал меня вздрогнуть. Я нащупал на тумбочке звонящий и прыгающий браслет и, развернув экран, с удивлением уставился на подозрительно довольного Владимира Александровича.

— Здравствуй, Кирилл.

— И вам доброго дня. — Я зевнул и, спохватившись, извинился. — Прошу прощения, не выспался.

— Ничего-ничего, я все понимаю. — Отмахнулся Гдовицкой. — Наоборот, это я должен просить прощения за ранний звонок, но... приказ есть приказ. Вот и выполняю.

— О как! — Я хмыкнул. — Внимательно слушаю.

— Тут Федор Георгиевич наслушался рассказов о твоей ухе, и прямо-таки загорелся желанием попробовать расхваленный шедевр. Ты как, сможешь завтра к утренней зорьке на заимку приехать?

— Почему бы и нет? — Пожал я плечами и, покосившись в сторону, заметил. — Только, я не один буду, ничего?

— Можешь и близняшек взять, кстати говоря, если они пожелают, конечно. — Кивнул Гдовицкой и, подумав, добавил. — Чувствую, ухи много понадобится. Народу набегает порядочно...

— Сколько эти самые набегающие наловят, столько и будет. — Ухмыльнулся я и мой собеседник согласно кивнул.

— Договорились. Рыба с нас, уха с тебя.

— Не вопрос...

— Да, еще кое-что. С этого, правда, нужно было начинать, но... В общем, поздравляю с открытием школы. Говорят, цесаревич будет не только шефствовать, но и преподавать?

— За поздравления, спасибо, а насчет Святослава... Расстреляйте свою агентуру, она гонит вам сплошную дезу. — Рассмеялся я. — Кто ж позволит Его высочеству переквалифицироваться в учителя?

— Договорились. Тогда, кузин можешь больше на занятия не ждать. — Расхохотался Гдовицкой, но во взгляде мелькнуло предупреждение. Да, непорядок.

— Понятно. — Да уж, впредь надо быть повнимательнее, а то стукнет Святославу в голову преподать еще один урок, а близняшки растрезвонят. Не дело... Хм. Может, слово с них взять? Или... — Ладно, можете оставить их в живых. Все ж, неплохой доход... Я сам с ними поговорю о вреде распространения б е с п о ч в е н н ы х слухов.

— Ну, смотри... Я на тебя надеюсь. — Преувеличенно серьезно покивал Гдовицкой и, заметив, что я еле сдерживаю очередной зевот, поторопился закруглить разговор.

Экран браслета погас и я потянулся положить артефакт обратно на полку. Это ж надо было додуматься, звонить в восемь утра, а?! Изверг, Владимир Саныч, изверг и есть...

— Кто звонил?

— Гдовицкой. Приглашал нас на рыбалку завтра утром, на громовскую заимку. — Вздохнул я, забираясь обратно под одеяло. — Спи, рано еще.

— Завтра... можно. А спать? У нас еще будет время. — Мурлыкнула Ольга, и одним гибким движением вывернувшись из-под руки, оказалась на мне. Поцеловала, обдав жарким дыханием, и улыбнулась. — Сейчас, у меня другие планы... Ты же не будешь возражать, хм-м?

Я? Возражать? С чего бы вдруг?... В конце концов, надо же нам хотя бы отчасти компенсировать почти год шараханья друг от друга, свидетелем которому были близняшки? Вот уж кто вволю повеселился, наблюдая за нашим с Олей, обоюдным идиотизмом... Я взглянул в глаза склонившийся надо мной девушки, и все ненужные, да и просто дурацкие мысли покинули мою несчастную голову. Гормон вышиб, ага... Хотя, кому я вру?

Ну, мамы, ну... Спасибо, в общем.

Антон Демченко

ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК II

Пролог

Я поднялся на веранду и, глянув вслед дружно нырнувшей в пруд троице барышень, недовольно хмыкнул. Нет, виды были... кхм, замечательные, да, но сейчас, они меня совершенно не волновали. Точнее, волнение было, куда от него денешься, когда твоему телу всего пятнадцать и гормон правит реакциями? По крайней мере, физическими... но, проблема вставшая передо мной, с легкостью перекрывала этот факт...

Я просто не мог понять, что именно делаю не так. По всем расчетам, близняшки и Ольга уже должны были совершить качественный скачок в своем развитии, но... его не было. Нет, они продолжают развиваться, двигаются вперед, осваивая прием за приемом... Вот только, все их потуги даже отдаленно не напоминают успехи моих прежних учеников, не отягощенных такой мутью, как эфир или стихийные техники. Грубо говоря, имеем парадоксальный результат: одаренные, даже встав на цыпочки, не могут повторить достижения своих предшественников, для которых «огнешары» и «водяные плети» были не более чем элементами фэнтези, из книжек и фильмов. Хм... Не понимаю, что не так?

Устроившись на веранде, я налил себе горячего, парящего на холодном осеннем ветру, чаю и, обхватив ладонями здоровую трехсотграммовую кружку, уставился, что называется, в никуда.

Лес за забором моей «фазенды», уже потерял большую часть листвы и стал прозрачным. Яркое солнце почти не дарит тепла, а температура днем не поднимается выше десяти-двенадцати

градусов по дядюшке Андерсу... Осень... ноябрь уж скоро. А там и зима не заставит себя ждать.

Я покосился на плещущихся в подогретой воде пруда девчонок и хмыкнул. На ум пришла фраза из книги любимого автора: «Пора переходить на плавки с меховым гульфиком...» Прав был Владимир Маркович, ой прав. А мне ведь еще надо успеть сруб бани на месте конюшни сложить. Зря что ли, я убил целую неделю на согласование этой «стройки века» с арендодателем? До снега, надо успеть коробку поставить, пускай трещит всю зиму. Глядишь, следующей осенью доведу баню до ума, тогда, к зиме можно будет уже париться...

Вспомнив «бой» с представителями муниципалитета за мое право поставить на арендованном участке баню, я фыркнул. Ну да, чинуши нюхом почуяли возможность срубить денжат на эксцессе с конюшней, и уже было завели шарманку о расторжении договора, для ускорения процесса отъема дензнаков, но... Арендовал-то я землю «со стоящим на ней зданием общей площадью шестьдесят восемь квадратных метров», и сгоревшая конюшня в договоре если и упоминалась, то только в составе «иных временных сооружений расположенных на арендуемом участке», перечень которых начисто отсутствовал... А учитывая документы пожарного расчета, подписанные Гдовицким, любые претензии по поводу сгоревшего «сооружения» муниципальные чиновники должны были бы адресовать роду Громовых, взявшему на себя ответственность за то происшествие в бывшем конном клубе....

В общем, бодались мы недолго. Ровно до того момента, как мой спор с господином Ренном, представлявшим муниципалитет, стал известен его непосредственному начальству. После чего, вопрос рассосался словно сам собой, и мне было позволено возвести на месте сгоревшего сооружения, что пожелаю... в пределах разумного, определенных соответствующими положениями о строительстве в черте города, разумеется. Правда, договор, всё равно пришлось менять... да и денежек отдать немало, но зато, теперь, я могу строить на участке что хочу, и как хочу, никто и слова поперек не скажет. Даже суд. Точнее, особенно суд, благо он свое мнение по этому поводу уже высказал и решение его должно вступить в силу в октябре.

М-да, о чем бы ни думать, лишь бы не о делах... С другой стороны, после феерической встречи со старшими представителями рода Громовых, устроенной Федором Георгиевичем на заимке, моя жизнь немного устаканилась и, впервые за все мое пребывание здесь, перестала напоминать пожар в борделе во время наводнения. Так что желание отдохнуть от навалившихся дел и проблем можно считать вполне естественным. Я даже временно забросил изучение истории семьи, отчего тот же Бестужев-старший только облегченно вздохнул, поскольку во время своих, довольно частых, надо сказать, визитов к нему в гости, я перестал доставать боярина расспросами о моих родителях.

От грызни в роду Громовых я тоже самоустранился, вежливо напомнив трем братьям Георгия Дмитриевича, вместе с их детьми и племянником-наследником, о договоре заключенном между мной и родом Громовых, по которому, мы не вмешиваемся в дела друг друга. Да-да... «банк не торгует семечками, а я не даю денег в долг»... Но ведь договор заключен, а значит, должен исполняться. Господа бояричи поскрипели-покрыхтели, но вынуждены были сдать назад и исключить мою персону из своих, еще толком не сформированных планов.

Я вздохнул и, допив остатки чая, поднялся из-за стола. Четверть часа отдыха закончились. Пора вылавливать девчонок из пруда, выпроваживать их и... вперед, на разборку трофеев с базы наемников. Уже почти месяц прошел, о войне с Томилиными никто и не вспоминает, мой банковский счет пополнился внушительной суммой в почти полторы сотни тысяч рублей, а коробки с «хабаром», так и лежат неразобранными в подсобке, запертой на обычный навесной замок. Хм...

Впрочем, выуживать близняшек и Ольгу из пруда мне не пришлось. Сами вылезли и, приведя себя в порядок, устроились за столом. Хм. Ладно, полчаса погоды не сделают.

Я покосился на девчонок и, вздохнув, отправился на кухню за чашками.

— Кирилл, у меня к тебе просьба. — Прервала молчание Ольга, когда я вернулся и, усевшись напротив учениц, разлил по кружкам горячий чай. Лина с Милой сделали вид, что ничего не слышат, и вообще, полностью заняты оценкой вкуса и аромата плещущегося в их чашках напитка. Но, если бы у них были лисьи уши, клянусь, они выдали бы своих хозяек с головой.

— Слушаю.

— Через две недели, девятого ноября, у нас в доме будет небольшой пир... Приходи, пожалуйста. — Как-то уж очень неуверенно проговорила Ольга.

— Хм... Но, без приглашения... — Я нахмурился.

— Нет-нет, отец пришлет его тебе завтра или послезавтра, просто... — Проговорила девушка и закончила уже совсем тихо. — Просто, ты ведь можешь отказаться...

— А тебе очень нужно, чтобы я пришел. — Договорил я за нее.

— Я очень хочу, чтобы ты пришел. — Поправила меня Ольга. — Пожалуйста, Кирилл.

— А что за повод? — Поинтересовался я.

— Именины отца. Придешь?

— Почему бы и нет? — Пожал я плечами и, увидев расцветающую на лице Ольги улыбку, еле задал желание улыбнуться вслед за ней.

Как я и предполагал, чаепитие не затянулось надолго, так что уже через полчаса, ученицы покинули мой дом, и я, наконец, смог заняться делом, которое почти месяц откладывал на потом.

Лязгнул амбарный замок, тихо скрипнула широкая и низкая дверь пристройки-подсобки, и в залитом солнечным светом проеме тут же заискрился целый рой пылинок... М-да уж. Прочихавшись, я недовольно покосился на пыльные ящики и, вздохнув, запустил в подсобку небольшой, но очень работающий смерч повышенной влажности. Покрутившись по подсобке минут десять, он, уже заметно потемневший, вылетел на двор и распался. Только шматок грязи шлепнулся наземь. Хороший пылесос получился. Надо запомнить прием. В конце концов, должна же быть какая-то выгода от моих стихийных неспособностей, правильно?

Я вновь заглянул в подсобку и довольно кивнул. Ну вот, совсем другое дело. Сиять, конечно, здесь нечему, но и впечатления пыльной гробницы какого-нибудь давно сгинувшего Тутанхамона, сие помещение больше не производит.

Подхваченные телекинезом, ящики один за одним выплывали из подсобки и укладывались в эдакий штабель на веранде. Восемь, девять, десять... и две маленькие коробки сверху. Итого, дюжина. Обойдя вокруг получившейся кучи одинаковых ящиков военного образца, я вздохнул и решил заняться сначала «неформатом». Пластиковые контейнеры, несмотря на свои невеликие размеры, оказались довольно тяжелыми, а запах от них шел... кто хоть раз был в оружейке, тот поймет... И это уже интересно. Вроде бы, Громы не собирались снабжать меня

личным арсеналом, да и разрешения на него, у меня нет. Ладно, посмотрим.

Первый контейнер приземлился на убранный после чаепития стол. Щелкнули замки-зажимы, и, аккуратно сняв крышку, я принялся разгребать промасленную бумагу... Хм. Кажется, пора искать приличное стрельбище. Я окинул взглядом ящик и покачал головой. Тут же тысячи три-четыре выстрелов, и, кстати говоря, размерность у этих стрелок совсем другая. Я взял в руку одну из картонных коробок, в которые были упакованы боеприпасы и, попытался прочесть мелкий шрифт. Производитель: «Ruger Waffenwerkstatt» GmBh, Гамбург. 100 зарядов типа «Стандарт», 2/3R. Две третьих? Надо будет разобраться с местными калибрами... Кстати, раз есть боеприпасы, значит, должно быть и то, из чего ими стреляют, так?

Второй «неформатный» контейнер оказался на столе и был распотрошён в считанные секунды. Точно, вот они... О, какая интересная конструкция. Я вытащил из коробки один из двух лежавших в ней, завернутых в сбрую «пистолей», и попытался определить, что же такое несуразное попало мне в руки. А потом долго чесал пятерней в затылке. Такого... изврата, иначе не скажешь, я еще никогда не видел. Автоматический пистолет с подствольным боепитанием, это... сурово.

Зачем надо было так издеваться над конструкцией, я не понял... Сначала. И, лишь отыскав в Паутинке описание попавшего мне в руки оружия, смог немного разобраться в логике создателя этого оригинального устройства. В отъемный трубчатый магазин очень удобно вставлять стрелки. Тонкие «крылышки» стабилизаторов сворачиваются, фиксируя тем самым боеприпас в распор. В донце трубки расположен небольшой кристалл, одновременно питающий эфирную «пружину» и кольцо направляющих на довольно коротком стволе. А в рукояти расположен основной питающий кристалл и... пластина зарядного артефакта. Во как! Теперь понятно, почему мне отдали эти «гаубицы». **ЧАСТЬ I. И МИРНОЕ НЕБО НАД ГОЛОВОЙ**

Глава 1. Кот в мешке

Оружие для одаренных. Имея подтвержденную ступень, пусть даже всего лишь «новика», владелец ствола не нуждается в разрешении на его ношение. И в принципе, это логично. Если уж одаренный сам представляет собой ходячее оружие, то какой смысл в дополнительной волоките и оформлении каких-то разрешений? Достаточно записи в архивах, подтверждающей его ступень.

Единственное, что мне нужно сделать, это отослать уведомление в картотеку Сысского Приказа, с номерами оказавшихся у меня стволов.

Пара щелчков по браслету с моим настоящим идентификатором, и вот передо мной развернулись экран и небольшая клавиатура. Все-таки, хорошая штука, эта «Паутинка»! Да, особым разноцветьем, столь знакомым мне по Интернету, она не блистает, но и рекламы, мусорного контента и прочего хлама, куда меньше. При этом, в Паутинке есть всё необходимое, на мой взгляд.

Вот, например, как сейчас... Чем тратить время на поездку в Сысский Приказ, я просто вбил его в поиск и уже через минуту передо мной открылся лист небольшой анкеты. Паспортные данные, номер оружия, когда и как было приобретено. С последним пунктом вышел небольшой затык, но, полистав справку, я нашел подходящий ответ, и честно написал в соответствующей графе: награда от рода Громовых.

Всё! Я в восторге. Пробежав взглядом письмо-подтверждение из приказной картотеки, я довольно кивнул и... снова полез в Паутинку, на этот раз на поиски информации по имеющимся у меня, теперь уже на абсолютно законных основаниях, пистолетам «Ruger» модели «Seufzer». Рюгер Зёйфцер, а если совсем уж по-русски, то Рюгер «Вздых». Хм... интересно, это намек на низкую шумность выстрела, или просто свидетельство отсутствия фантазии у автора названия?

Итак, что мы имеем с гуся? Двенадцатизарядный автоматический пистолет, так называемого, «продольного» типа, внутренний диаметр ствола, две русские линии. Вот что значит та самая буква «R». А тройка, соответственно, означает длину пули. Три линии... эдакая «мосинка» поперек. Направляющее кольцо «мерцающего» действия, хм... ага, вспомнил. Так, кольцо обеспечивает разреженность от 0,2 до 0,7 от плотности окружающей среды. Однако... это получается, я сам могу регулировать плотность направляющего «луча» и скорость полета пули? Для чего такие излишества? А, кажется, понял. Больше плотность, меньше скорость, тише звук, и меньше возмущений, как в эфире, так и в видимом диапазоне. Помню-помню белесый след за летящими из «трещотки» стрелками. Хм... а что, неплохо. Точно. Начальная скорость заряда от четырехсот шестидесяти до двухсот девяноста метров в секунду. Вес, ну, тут я и сам убедился. Грамм шестьсот пятьдесят — семьсот, не больше. Рекомендуемый боеприпас... кто бы сомневался, всё тот же Ругер. Так, а теперь нужно найти место, где можно опробовать мои новые игрушки. Тир-тир-тир...

Стоп! Отставить. Прежде чем лезть искать тир или стрельбище, нужно разобраться с остальными трофеями, а вдруг, там еще что-нибудь интересное найдется... покрупнее. С чем в обычный тир не сунешься.

Придя к такому заключению, я убрал оружие обратно в контейнер и, закрыв обе коробки, потащил их в дом. Вернувшись на веранду, я окинул взглядом гору темно-зеленых ящиков и, довольно потеряв руки, принялся за их потрошение. Первый «пациент» тяжело грохнул о крышку стола, слетели металлические замки-зажимы и... я разочарованно вздохнул. Полный ящик питающих кристаллов и пустых «трубок» магазинов. На кой мне столько?! Вздохнув, захлопнул крышку, защелкнул замки и потащил ящик в дом, определив его в соседни к коробкам с боеприпасами и оружием. Следующий...

Похоже, ушлые интенданты Громовых решили надо мной поиздеваться. Открыв очередной ящик, я нашел в нем целых пять! разгрузочных жилетов и столько же совместимых альпинистских подвесных систем. Про веревки, репшнуры, ролики и прочие зажимы, вообще молчу. Они что меня в дивизию «Эдельвейс» собирают?!

По мере проведения «вскрытий», я все больше и больше убеждался в том, что человек составлявший этот вот набор, комплектовал его по принципу: на тебе боже, что нам негоже... Большой частью, трофеи состояли из разнообразной военной «снаряги», от фляг и тактических фонариков, до боевого тактического планшета и пяти шлемов с ик-подсветкой. Хорошие вещи, в принципе, но... разноразные и большей частью совсем не русского производства. А значит, не подходящие гвардии Громовых, ввиду невозможности интегрировать все это богатство в имеющиеся стандарты. Здесь нашлась даже неплохая так. сеть, на десяток гарнитур, в которую так же вписались и те самые угольно-черные шлемы, и пара выпотрошенных на предмет информации, вычислителей военного образца. Как я определил, что они выпотрошены? Так, заботливые «громовцы» к каждому из них пришпандорили бумажки-самоклейки веселенькой расцветки, на которых размашистым почерком были записаны пароли.

Перебрав все ящики, я разделил их на две части. То, что мне может пригодиться, и то, что мне на фиг не нужно... сейчас. Исходя из этого я и принялся растаскивать трофеи по углам. Что

обратно в подсобку, что в дом, что... вокруг дома. Да, по размышлению, я решил, что с меня хватит неожиданных визитов, заканчивающихся то смертью без похорон, то похоронами без смерти, и выгреб из ящика забитого всякой околотехнической фигней, добрых полсотни самых разнообразных датчиков. Включив один из доставшихся мне вычислителей, я «залил» в него программку из своего браслета, в свое время так подсобившую мне с наблюдением за базой наемников и школьными входами-выходами, и принялся уговаривать этот чёртов ящик «увидеть» разложенные рядом с ним датчики. Протоколы... шмратоколы...

Три часа шаманских плясок с бубном вокруг этого порождения забугорного гения, и вычислитель-таки доложил о том, что у него появилось аж пятьдесят восемь периферийных устройств. Есть! Запускаю тест...

Еще три часа возни и мата. Зато, теперь этот... этот выкидыш двоичной логики не только видит эти самые устройства, но правильно их определяет, а снимая сигналы со всех датчиков, правильно их интерпретирует, заодно еще и по-русски заговорил, продукт агрессивной военщины вероятного противника, понимаешь...

А все потому, что я снес к чертям собачьим его ущербную англоязычную систему и вклеил ОСО, открытую системную оболочку, разработанную студентами Тверского Политеха специально для совмещения импортных железок разных производителей. Очень неплохо получилось, между прочим...

Глянув за окно, я присвистнул, а переведя взгляд на часы, вздохнул и решил отложить установку сигнализации и системы наблюдения до завтра. Ползать в темноте по деревьям, удовольствие невеликое, а уж в полночь-то, и подавно. Так что, всё завтра, завтра. А сейчас, легкий ужин, душ и баиньки. Эх, хорошо, что завтра воскресенье...

М-да, воскресенье. Люди идут гулять, в парк, в центр города, в соседний сквер, на худой конец... А я тут, понимаешь, изображаю из себя дятла. Сажу на дерево и стучу, стучу, стучу... Хорошо, хоть, молотком, а не головой. А что делать, если крепление у датчиков не предусмотрено... или, что скорее, «громовцы» решили оставить крепежи себе. Наверное, они универсальные, а значит, и порядок в отчетности и возможность использования для собственных нужд сохранены. У-у, куркули... вот и приходится извращаться, чтобы разместить эти самые датчики, желательно так, чтобы их не было видно за километр. Эх...

— Кхм, Кирилл... если не секрет, а что ты тут делаешь? — Раздавшийся снизу голос, заставил меня дернуться. Понятно. Ольга пожаловала. Значит, скоро и близняшки объявятся.

— Что делаю, что делаю... — Пробурчал я. — Лешего зову, не видишь, что ли?

— Эм-м... Кирилл? — А в голосе натуральное беспокойство, между прочим. Ну-ну...

Закрепив, наконец, датчик, я спустился вниз и окинул взглядом выжидающе посматривающую на меня Бестужеву.

— Что? — Да, я груб. Знаю. Но это уже двадцать шестой датчик, а значит впереди их еще тридцать два. Тридцать два раза я должен буду залезть на дерево, найти местечко поудобнее и всандалить в него цилиндрок датчика так, чтобы он полностью соответствовал схеме в моем браслете... Тут не то что рычать на окружающих будешь, на луну завоешь от такой перспективы!

— Хм... У тебя что-то случилось? — Никак не отреагировав на мой тон, спросила Ольга.

— Случилось. — Кивнул я, постепенно успокаиваясь. Ну, она же не виновата в том, какую свинью я подложил сам себе с этой чёртовой сигнализацией. — Идем в дом. Попьем чаю, заодно и расскажу, в чем дело.

За чашкой чая, на этот раз не на веранде, а в доме, я поведал Ольге все перипетии своей эпопеи с установкой самодельной сигнализации... И сам не заметил, как на столе, рядом со сладостями и пиалами с чаем появился тот самый вычислитель на общем экране которого, развернулась сляпанная мною схема...

— Кирилл, ты меня умиляешь. — Покачала головой Ольга, рассмотрев то, что я навалял... — В пятнадцать лет измыслить такое... у тебя талант.

— Да какой там талант. — Поморщился я. — Чуть-чуть логики, чуть-чуть знаний...

— М-да, с логикой у тебя действительно все в порядке, а вот со знаниями... извини, но чувствуется их нехватка. — Проговорила Ольга и, заметив мой недоуменный взгляд, поторопилась добавить, — профессиональных знаний, я имею в виду.

— Поясни.

— Хм... это долго. А сейчас уже должны Лина с Милой прийти. Давай, после тренировки, а?

И действительно, стоило Ольге договорить, как в сенях раздались шаги и в комнату вошли близняшки. Ну что ж, отложим разговор до окончания занятия.

Казалось, с чего бы мне так внимательно прислушиваться к ее словам? Вот только я еще не забыл, что в свои семнадцать лет, эта девушка уже имеет сертификаты техника эфирных сетей и оператора БИЦ, а это штука посложнее пульта охраны, и не на один порядок. А сейчас, Ольга учится на втором курсе Павловского военного университета, и здешний аналог Тамошней «Можайки», совсем не то учебное заведение, где волосатая боярская лапа поможет сдавать сессии... **Глава 2. Предупрежден, значит вооружен**

Занятие прошло ожидаемо ровно. Лина и Мила уверенно выполняли упражнения, Ольга от них не отставала. А спустя четыре часа, когда тренировка закончилась, близняшки быстро привели себя в порядок, тихо попрощались и укатили по своим делам. Мысленно, я облегченно вздохнул. До недавнего времени Мила всеми силами старалась оттянуть время отъезда, и старалась не отходить от меня не на шаг, но... потихоньку-полегоньку, она начала приходить в себя, и наконец перестала изображать из себя мою тень. Даже улыбаться начала. Что ж, уже неплохо. Единственное, что меня беспокоит, так это время от времени бросаемые ею на меня взгляды... странные такие. И даже через Эфир не понять, чего в них больше: вопроса, опасения или... чёрт, да там такой коктейль эмоций, что без поллитры не разберёшься... А вот Лина, в отличие от сестры, возвращаться к своему прежнему поведению не собирается. После истории со смертью матери и Романа, она стала строже, язвительнее... и, похоже, именно в эту «ядовитость» и ушла вся ее прежняя вспыльчивость. Теперь, Лина не старалась устроить аутодафе каждому, кто ее вывел из себя, зато её злой язык не знает пощады. Правда, меня она задевать явно опасается, Ольга ее демонстративно игнорирует, так что весь яд достается Миле... и одноклассникам. А староста в раздраженном состоянии, это опасно. Мой класс тому свидетель...

Проводив близняшек и получив напоследок от Милы подозрительный взгляд, мы с Ольгой вернулись в дом, где нас дожидался собранный мною из доставшихся трофеев конструктор

«Сделай свою сигнализацию сам», и... конечно, чай. В Москве, этот напиток популярен как нигде. Традиция...

Пальцы Ольги запорхали над призрачной клавиатурой вычислителя, и по огромному экрану поползли строчки сервисной информации.

— Вот смотри, Кирилл. — Узкий коротко остриженный ноготок ткнулся в описание одного из датчиков визуального контроля. — Видишь, какой объем он может контролировать? А теперь вспомни площадь своего дома, вместе с прилегающей территорией... Она ведь примерно такая же. Так зачем тебе выносить этот тип за её пределы? Размести четыре штуки по вершинам. Два на крыше дома, один над пристройкой, и... вон, на столбе линии передач. Только последний датчик нужно будет перенастроить, чтоб не ловил помехи от эфирной линии. И всё...

— Хм... — Да, это я лоханулся. Иначе не скажешь. Инерция мышления... это ведь не Тамошние видеокамеры, а эфирные датчики. У них угол обзора постоянные триста шестьдесят градусов, по вертикали и горизонтали. А это, сфера диаметром в добрых полсотни метров. — Хм, ну, хотелось бы, чтобы контролируемый объем был побольше...

— Хорошо. Допустим, ты хочешь нечто большее, чем простую систему защиты от воров. — Кивнула девушка, ни словом ни жестом не показав, что она думает о такой «отмазке». — Тогда, вместо четырех видеодатчиков ты мог бы разместить десяток по периметру участка. Это уже даже не четырех, а десятикратное перекрытие территории самой ус... самого участка и двойное-тройное прилегающих территорий. То же самое с сейсмодатчиками. А вот систему датчиков движения уже нужно выстраивать иначе. Смотри...

Вновь тонкие пальчики порхают по клавиатуре, сменяются настройки, числа скачут как сумасшедшие, и на экране возникает довольно сложная сеть датчиков, выстроившаяся вокруг бывшего конного клуба.

— Ну вот, как-то так. При такой раскладке, у тебя под контролем оказывается не только сам участок, но и четыре гектара прилегающей территории. Считай, все подходы к бывшему клубу на глубину в пятьдесят-шестьдесят метров. Плюс, остается еще почти десяток датчиков, как раз на «усы» хватит. — Потянувшись, довольно кивнула Ольга. — Нет, в принципе, максимальную контролируемую площадь при имеющемся количестве и наборе датчиков, можно сделать и в три раза больше, но она будет слишком «тонкой».

— Тонкой? — Я соорудил непонимающую физиономию.

— Это значит, что в такой системе не будет зон взаимного перекрытия. Теперь понятно? — С легкой улыбкой осведомилась Ольга. — А «усы», это датчики, вынесенные за пределы общего объема, на наиболее опасных направлениях. Что-то вроде системы раннего обнаружения.

— Поня-ятно, хозяйка, чай, мы же ж, тоже ж не лаптем деланы, разумение имеем. — Покивал я, под хихиканье специалиста по системам наблюдения и контроля. Но стоило мне заговорить без ёрничанья, тут же посерьезнела. — Ладно, предложение я понял, и принял. А раз так, давай-ка, бери вычислитель, и пошли монтировать эту твою сеть...

— Кха. — Ольга с удивлением взглянула на меня, и получила широкую улыбку в ответ.

— Инициатива имеет инициатора, так что, подъем. Труба зовет. — Развел я руками.

— Ты все грозишься. — Тихо пробурчала Ольга, но не услышать ее с такого расстояния, было

невозможно.

— Красавица, не нервируй меня. Я ведь твои слова и за намек принять могу. — Хмыкнул я, в ответ на ее ворчание.

Девушка покосилась на меня с некоторым ошалением во взоре и подорвалась с места. Спустя пару секунд, она уже стояла у выхода на веранду, сжимая в руках противоударный пенал вычислителя.

— Мы идем, или как? — Поинтересовалась Ольга, старательно поправляя прическу. Ну да, ну да... А то я не заметил, как у нее уши заалели... и щеки, ага. Вот ведь! Детский сад, честное слово. И вообще, я что-то не догоняю: кто здесь, кого стесняться должен... исходя из физических кондиций и соотношения возрастов... официальных, разумеется.

— Идем-идем. — Полюбовавшись на пытающуюся справиться с румянцем девушку, вздохнул я и, подхватив поставленную у выхода коробку с датчиками и инструментами, толкнул дверь.

Первый час нашей возни с датчиками, Ольга молчала... Нет, что-то она говорила, конечно, но исключительно по делу, коротко и отрывисто. И только к окончанию работы, моя нареченная постепенно «оттаяла». Настолько, что в ней снова проснулось любопытство.

— Кирилл, а зачем тебе это? — Поинтересовалась она, когда я закрепил последний из датчиков и вычислитель писком подтвердил его регистрацию.

— Что «это»?

— Ну, вот всё это... система наблюдения, ор... — Начала Ольга, но тут же осеклась.

— О как. Интересно-интересно. — Я уставился на нареченную. — Неужто, ты забралась в мою спальню?

— Кхм. — Ольга поперхнулась. А пунцовый цвет ей к лицу... Жаль, на этот раз она справилась со своим смущением куда быстрее. — Не лазала я в твою спальню! Делать мне больше нечего!

* * *

От заявления Кирилла, Ольга смешалась. С чего он взял, что она забиралась к нему в спальню?! Да еще после той оговорки... Ну... ну что за день такой дурацкий, а?

— Тогда, откуда сведения об оружии? — Склонив голову к плечу, поинтересовался стоящий напротив нее мальч... да нет, не мальчишка. Парень. Подтянутый, спортивный... и спокойный, как слон. Хотя... Ольга присмотрелась к Кириллу и, поймав его взгляд, обреченно вздохнула. Издевается, гад. Смеется и издевается... Ну, ладно!

— А нечего ветошью измазанной в оружейном масле по дому разбрасываться. — Справившись с собой, фыркнула Ольга. — У тебя его запахом вся гостиная пропиталась. Да и ящики в сенях лежат... зелененькие такие... Кстати, откуда они у тебя?

— Трофей с базы наемников. Моя доля за их главаря. — Взгляд Кирилла, что называется, подернулся ледком, а из голоса напрочь исчезли веселые нотки. И Ольга смутилась. Опять...

— Кхм. Извини. — Пробормотала девушка, не зная, что еще сказать, но собеседник лишь пожал плечами.

— За что? Все в порядке. Кофе хочешь?

— Эм? — Ольга удивленно взглянула на Кирилла, но тот, казалось, был абсолютно серьёзен. Пятнадцатилетнего паренька ничуть не расстроило напоминание о не таком уж давнем происшествии, когда он вынужден был лезть на защиту идиотки-кузины, отчего-то решившей, что её никак не касается война родов, и ринувшейся на свидание к возлюбленному из стана противника... Тоже мне, Джульетта недоделанная! А ведь Кириллу пришлось за нее убивать...

— Так что, на счет кофе? — Повторил вопрос «малолетний убийца», и Ольга поняла, что слишком долго молчала.

— Лучше, чаю. У тебя хороший чай получается... — Слабо улыбнулась она.

— Как скажешь, звезда моя. Идем пить чай... У меня, как раз и ватрушки есть. Утром купил, свежие. — Подхватив под руку, пребывающую в несколько заторможенном состоянии девушку, Кирилл уверенно повел ее в дом.

Этих нескольких минут, Ольге хватило чтобы прийти в себя, и попытаться вновь настроиться на беспечную беседу... К тому же... ей действительно было интересно, зачем нареченный пытается устроить из своего дома эдакий эрзац загородной боярской усадьбы.

— Вот упертая. — Вздыхнул Кирилл. На этот раз, он не стал раскошегаривать самовар, и вскипятил булькавшую в нем воду одним точным и коротким воздействием из стихии воздуха, после чего принялся выставлять на стол чайные принадлежности. Но услышав вопрос Ольги, отвлекся и, поставив перед ней тонкую узбекскую пиалу, покачал головой.

— Ну, правда, Кирилл... мне же интересно! — Ольга обезоруживающе улыбнулась.

— Мой дом — моя крепость. — Всё-таки, нареченный решил ответить на ее вопрос и, разлив чай, уселся напротив. Покрутил в ладонях пиалу и договорил задумчивым, отстраненным тоном. — Дом должен быть самым безопасным местом для человека. Я так считаю, и хочу, чтобы мой дом был именно таким. Раньше, мне с этим как-то не очень везло, вот я и... стараюсь.

— Не везло? — Нахмурилась Ольга, но Кирилл встрепенулся и, криво ухмыльнувшись, развел руками. Мол, извини дорогая, но это не тема для застольной беседы... Ладно-ладно. Она и сама всё узнает. Благо, занятия с близняшками никто не отменял... **Глава 3. Учить и учиться**

Школа, гимназия, зоопарк... охотничьи угодья для мелких хищниц. За моими маневрами и уходами от девушек, желающих приобщиться к кулинарному искусству, с наслаждением наблюдает весь класс. А Леонид с Марией, кажется, даже устроили тотализатор. Забавно, да... было первые две недели, а сейчас уже как-то не очень. Пора прекращать этот маразм, и желательно, побыстрее. Заодно и затею с тотализатором ушлой парочке обломаю...

Вот только, как следует обдумать эту идею мне не удалось. Помешал завибрировавший на руке браслет.

— Да?

— Кхм... Кирилл, привет. — Появившаяся на экране, Лина нервно улыбнулась. О как. Это что за новости? Наша штатная змея подавилась собственным ядом?

— И тебе не кашлять... Слушаю внимательно.

— Эм-м... я бы хотела поговорить... с глазу на глаз. — Помявшись, проговорила Лина и, чуть помолчав, добавила, — и не только я. Ты не мог бы подойти к школьным воротам?

— Сейчас? — Я машинально покосился на часы над дверью, до конца перемены оставалось еще добрых четверть часа. Вдохнул. — Это не может потерпеть до конца уроков?

— Пожалуйста.

Хм... Она что, Милу съела? Откуда столько вежливости? В последнее время, Лина, насколько я помню, вообще предпочитала обходиться без этих «атавизмов современного общества», как высказался один п...ридунок Там. Нет, положительно, стоит выполнить её просьбу, просто для того, чтобы убедиться в реальности происходящего.

— Ладно. Через пять минут буду. — Кивнул я. Лина облегченно улыбнулась, кивнула и, пробормотав что-то вроде «спасибо», если мне не послышалось, конечно, отключилась.

Интересно, что же там такое произошло, что кузина наступила на горло своей песне и не выдала ни одного язвительного комментария? Впрочем, а что бы она могла прокомментировать, если вся беседа свелась лишь к паре фраз...

Двигаясь на выход из корпуса, я со вздохом миновал поворот к столовой, мысленно пообещав себе устроить небольшой перекус на следующей перемене. В холодильнике в моем кабинете еще должен оставаться мясной пирог... если его, конечно, не сожрали эти проглоты-моделисты, повадившиеся шариться в моих закромах, как на собственной кухне. Хотя, нет... если я правильно рассчитал, то теперь, после первой же попытки «взломать» холодильник, им должно стать не до еды. Совсем не до еды.

Так, улыбаясь собственным мыслям, я миновал стоянку и вышел к воротам гимназии, за которыми, прямо у кромки тротуара был припаркован массивный «вездеход» с характерными миниатюрными флажками на капоте, украшенными гербом Громовых, а рядом в нетерпении крутилась Лина. Интересно... И что на сей раз понадобилось боярскому роду от мещанина?

— Кирилл, здравствуй. — Когда я был уже в паре метров от машины, пассажирская дверь распахнулась и из «вездехода» вышел мой двоюродный братец.

— И тебе не хворать, Алексей. — Я мельком глянул на его левую ногу. Уж больно аккуратно он «переносил» ее через порог. Проследив мой взгляд, Громов неопределенно хмыкнул и пожал плечами.

— Ерунда. Каменной крошкой отрикошетило... Иннокентий Львович залечил за два дня.

— Понятно. Спортивная травма... — Кивнул я.

— Скорее, производственная. — Улыбнулся Алексей. — При штурме волгодонских складов зацепило. Дурака сваял, сунулся куда не надо.

— Хм... Понятно. — Чую, штатному эскулапу Громовых не только ногу Алексея лечить пришлось, но и исполосованную задницу. — Сочувствую. А теперь, поскольку у меня нет никакого желания говорить об этой мерзкой погоде, а с прочими экивоками мы покончили, я хочу спросить: что тебе от меня надо?

— С места в карьер... — Поморщился наследник. — Что так невежливо, Кирилл? Мы, все-таки, родственники.

— Ты, действительно, хочешь услышать, что я по этому поводу думаю? — Поинтересовался я. — Или, просто ляпнул, не подумав?

— Ладно-ладно. — Громов выставил перед собой ладони. — У меня, и правда, к тебе дело. Важное.

— Слушаю. Внимательно. — Ответил я, тем же тоном и покосился на Лину. Открывшая было рот, кузина тут же его захлопнула и, явно инстинктивно, подалась на пару шагов назад. Бойтся? Хм... Еще интереснее.

— Ну... не здесь же? — Оглянувшись по сторонам, проговорил Алексей.

— Не томи, родственник. Выкладывай уже. У меня урок через пять минут начнется. — Поторопил я Алексея и тот, смирившись, махнул рукой.

— Черт с ним. Слушай. Тут Гдовицкой шепнул, что в школу, где ты проходил экзамен, пришло аж три запроса от дедовых братьев... Ты же понимаешь, после той рыбалки, они основательно надели на деда. Так вот, это мягко сказано. Заключение от его имени договора шерстит целый отряд юристов из «Борга и сыновей», а родовую переписку читают все три Дмитриевича, причем друг другу и вслух. В общем, всплыл ваш договор ученичества, его же тоже дед подписывал, и теперь, старшие хотят увидеть, на что расходуются такие средства. Должно быть, решили зацепить его на перерасходе...

— Вот как? А почему он сам мне об этом не сообщил? — Нахмурился я и Алексей развел руками...

— Ты, действительно, хочешь услышать мой ответ? — Ехидно усмехнулся кузен... И до меня дошло. Гдовицкой — глава СБ рода, боярский сын, он НЕ МОГ сказать мне этого прямо, поскольку это было бы прямым нарушением его вассальной присяги. Я ведь больше не член рода...

— Нет, что ты. Это я ляпнул, не подумав. — Отразил я его улыбку.

Вот интересно, а почему же Владимир Александрович не передал это предупреждение через близняшек? Побоялся, что не поймут и не передадут? Тогда, выходит, он считает Алексея куда умнее сестер? Хм... спорно, конечно. С другой стороны, даже я не могу не признать, что кузен сильно изменился с тех пор, как дядька всыпал горячих нашей далеко не дружной компании...

А вот насчет того, что братья решили подловить Георгия Дмитриевича на перерасходе средств, боюсь, Алексей ошибается. В рамках тех средств, которыми может свободно оперировать род Громовых, эти шестьдесят тысяч, пустяк... Не копейки, конечно, но близко. Так что, сама по себе цена договора здесь не прокатит... А вот пойти довеском к более серьезным обвинениям, может вполне... заодно, сработает и как средство, чтобы пристегнуть меня к своим делам. Как? Да очень просто. По договору, мы не лезем в дела друг друга, но я же получаю «неоправданный» доход, а значит, нарушаю соглашение. В таком случае, род Громовых вполне может посчитать себя вправе подтвердить расторжение договора и снова всеми лапами влезть в мою жизнь. Ага, всем шестнадцатью, считая по четыре штуки на каждого брата... которые Дмитриевичи. Конечно, можно сказать, что эта идея притянута за уши, но общая ситуация проще от этого не станет. Паранойя? Хм... Как говорится, её наличие ещё не отменяет факта слежки. Неприятные новости, в общем, принес мне Алексей. Не плохие, но однозначно

тревожные.

— Кирилл! — Я поднял взгляд на Алексея и тот вздохнул. — Ну, наконец-то. А то я тебя зову-зову... Ты в порядке?

— В полном. Не о чем беспокоиться. — Пожал я плечами. — А когда деды хотят устроить проверку, Гдовицкой не говорил?

— Извини. Нет. — Развел руками кузен. — Но, скорее всего, до наступления нового года. Первого, дед Пантелей и дед Игорь уезжают на Урал, инспектировать перерабатывающий комплекс, а шестого января дед Григорий отправляется с тем же на двинскую верфь. Так что, считай, у тебя еще есть время до середины декабря, по крайней мере, так считает Владимир Александрович, а там...

— Хм. А что помешает им нагряться завтра? — Я приподнял бровь.

— Все должно быть показательно честно. — Поморщился Алексей — Полтора месяца слишком малый срок, чтобы достичь хоть чего-то... А вот три, это уже другое дело. Промежуточные экзамены в эфирных школах сдаются как раз через каждые двенадцать недель. Но, это не мое мнение, предупреждаю.

— Понятно. — Я перевел взгляд на беззастенчиво «греющую уши», а потому, тихую как мышка, Лину и усмехнулся. Вот сейчас ей счастья-то привалит. — Поздравляю, ученица. Отныне занятия будут проводиться ежедневно, а не три-четыре раза в неделю. Можешь пойти и обрадовать сестру.

Кузина насупилась и тяжело вздохнула.

— И чего стоим, кого ждем? — Поинтересовался я у нее. Лина гордо вздернула носик и поплыла к зданию школы.

— Бегом! — От моего рёва, девушка на миг сбилась с шага и припустила по дорожке, словно ужаленная. Великое дело, правильные рефлексy... Правда, через пару шагов, она опомнилась и сбавила ход до быстрого шага.

— Хм. Злой ты, Кирилл... мстительный. — Помолчав, проговорил Алексей и, поймав мой взгляд, грустно улыбнулся. — Неужели, никогда не слышал: кто старое помянет, тому глаз вон...

— А кто забудет, тому оба. — Фыркнул я. — Это не злость, Алексей и не месть. То, что было до реанимации, мы проехали, а за все косяки после, Лина уже свое получила. Больше, она подобных ошибок не делала.

— Тогда, зачем ты с ней... так? — Спросил кузен.

— За то, что не торопилась исполнить распоряжение учителя. — Я меланхолично пожал плечами. — Ничего личного. Ты же не обижался, когда Гдовицкой тебя на полигоне матом крыл за нерасторопность? Вот и здесь, то же самое. Обычный учебный процесс.

— Ладно-ладно. Тебе виднее. — Тут Алексей глянул на свой тихо запиликавший браслет и, резко свернув разговор, наскоро попрощавшись, полез на заднее сиденье «вездехода».

А я, проводив взглядом уезжающий автомобиль, хмыкнул и, развернувшись, потопал обратно. Учиться, ага. **Глава 4. И снова, и снова...**

Ничто так не успокаивает нервы, как хороший обед. А уже если еще и в приятной компании, так вообще, замечательно. Но, всё когда-нибудь заканчивается, так что, ровно в два часа дня, попрощавшись с Резановым и моделистами, насуплено взирающими на меня из-под зеленых бровей, я приоткрыл дверь кабинета и, убедившись, что снаружи нет ни одной из упертых «охотниц», вышел в коридор.

А вот ученицы меня расстроили. Сначала Ольга опоздала, хотя, когда я связывался с ней через браслет, чтобы сообщить об изменении нашего расписания, она клятвенно обещала, что будет вовремя. Потом Лина с Милой отчего-то взялись дурить, так что простейшие приемы, получавшиеся у них до сегодняшнего дня с первого раза, стали выходить какими-то кривыми и... в общем, невнятными.

— Мила, повтори сейчас то, что ты сделала. — Я уставился на хмурую кузину. Мила закусил губу и ответила мне непонимающим взглядом. — Что? Да-да, я имею в виду именно то непотребство, что ты пыталась выдать за «обманку».

Девушка тяжело вздохнула, сконцентрировалась и... м-да уж. Лучше было бы и не пробовать. Мысли у кузины явно не о том. Сделав пару шагов, она сбилась и неровные «рваные» движения смазались, превращаясь в невнятное дерганье, совершенно не напоминающее то, что требовалось.

— Не получается. — Развела руками Мила.

— Вижу. — Кивнул я. — Лина, твоя очередь.

Близняшка поднялась с лавки и, скользнув в сторону, на вдохе попыталась повторить упражнение, которое не получилось у ее сестры. И продержалась ровно четыре шага, после которых выдала тот же самый результат.

— Отставить. Это не обманка, ученицы. Это припадок эпилептика... пляска святого Витта, какая-то. — Я вздохнул и покачал головой. — О чём вы думаете, хотелось бы мне знать?

В ответ, сестры переглянулись и, одинаково тряхнув блондинистыми гривами, пожали плечами.

— Мы стараемся. — Тихо, но как-то отстраненно проговорила Мила. — Но... сконцентрироваться не получается.

— Предлагаете вернуться к трансным тренировкам? — Хмыкнул я. — Не выйдет. Время костылей прошло. Теперь всё своими силами... Впрочем, кое в чём, жизнь я вам облегчить могу.

Девчонки тут же вскинули головы, даже Ольга не удержалась, хотя, как раз у неё-то проблем с обманкой не наблюдается. Секунд десять-пятнадцать она уверенно выдерживает.

— Что нужно делать? — Спросила Лина.

— Хм... садитесь. — Я указал ученицам на вспененные коврики, лежащие на толстых досках веранды и, дождавшись, пока они займут указанные места, заговорил. — А теперь, смотрим четко перед собой. Да-да, на песок. Ваша задача, создать и удерживать эфирный поток, который «выглядит» дорожку от нижней ступени веранды, до вот этой черты.

Я провел ногой по песку метрах в трех от веранды. Девушки пожали плечами и принялись за

выполнение задания. А я... я устроился на лавке и тронул Эфир, прислушиваясь к создаваемым ими возмущениями.

Не то, что бы это упражнение само по себе поможет им в выполнении «обманки», но вот выравнивать поток силы, пропускаемый через тело, должно. А они в этом нуждаются, судя по тому, как возмущенно и резко вздрагивает побеспокоенный ими эфир. И если у Ольги дела обстоят вполне себе неплохо, то у близняшек, возмущения просто зашкаливают. Если сравнивать их действия, то сила нареченной струится несильным чуть вздрагивающим потоком, тогда как у сестер, эфир бьется и плюется, словно открытый на полную кран, в который только-только подали воду после долгого перерыва. Хм...

Четверть часа упорного пыhtения привели к тому, что перед Ольгой образовалась четкая, хоть и заметно волнистая дорожка «выглаженного» песка, а вот результат близняшек больше походил на след доброго десятка проползших по песку змей. Волны, росчерки... жуть и ужас.

* * *

— Рассказывайте. — Недовольно покосившись на «творение» сестер, резко проговорил Кирилл. Ольга тут же постаралась стать как можно незаметнее... пока не погнали. Впрочем, судя по брошенному «тренером» короткому взгляду, ей это не особо удалось... но гнать Ольгу, он не стал. Только хмыкнул неопределенно и вновь уставился на нервно заерзавших сестер.

— Ты о чём? — Состроив непонимающую гримаску, нарочито ровным тоном поинтересовалась Лина. А вот Мила нахмурилась, но промолчала.

— О том, что с вами произошло сегодня. Почему, уже отработанное до приемлемого уровня, действие вдруг стало вызывать у вас такие сложности. — Таким же тоном, холодно пояснил Кирилл. А стоило Лине открыть рот, как он со вздохом покачал головой. — Вот только врать не надо. Давно должны были понять, что любую вашу ложь я чую еще до того, как она срывается с языка. Итак, я слушаю.

Лина захлопнула рот и вопросительно покосилась на сестру. Та, в ответ, только пожала плечами. Близняшки некоторое время помолчали, после чего, Лина всё-таки решила ответить.

— Сегодня, по возвращении из гимназии в городскую усадьбу, дед Пантелей попросил нас показать, чему мы научились на твоих занятиях...

— И был крайне недоволен тем, что мы не смогли показать ему даже самых простых эфирных техник. — Закончила за сестру Мила.

— А... вот оно что. — Кирилл неопределенно хмыкнул и, саркастично усмехнувшись, озвучил невысказанную мысль своих кузин. — И теперь вы нервничаете, сомневаетесь и вообще готовы поверить, что всё это время занимались полной ерундой. Еще бы! Я же не научил вас никаким приемам, так?

Кирилл внезапно ткнул в сторону Лины пальцем.

— А ну-ка... За твоей спиной, на лавке лежит книга. Найди ее и передай мне. Эфиром, разумеется. — Резко приказал он. Девушка нахмурилась, но послушно прикрыла глаза и, спустя полминуты, дергаясь из стороны в стороны, а то и вовсе норовя улететь куда-то вдаль, небольшой томик исторических очерков, всё-таки переместился в руки Кирилла. Лина открыла глаза и выжидающе уставилась на «тренера». Тот взвесил на ладони книжку и фыркнул. — А

теперь назови мне техники, с помощью которых ты проделала этот фокус... или хотя бы их аналоги в стихийных приемах.

Ответом Кириллу стала полная и оч-чень глубокомысленная тишина. Сестры переглянулись, перевели взгляд на книгу в руке брата и... одновременно пожали плечами.

— Стихийные техники могут только уничтожить эту книгу... или забросить ее к чёрту на рога. — Тихо заговорила Ольга, и близняшки вздрогнули, словно не ожидали, что рядом еще кто-то есть... или просто забыли о присутствии Бестужевой.

— Правильно. Так что, неужели вы не могли продемонстрировать Пантелею Дмитриевичу хотя бы это? — Кивнул Кирилл.

— Я не подумала. — Покачала головой Мила и сестра поддержала ее долгим и выразительным вздохом.

— Техники-техники. Вы поверн... — Кирилл вдруг замер, потом обвёл сидящих перед ним девушек взглядом лихорадочно заблестевших глаз и внезапно расхохотался в голос. — Ну, конечно! Я болван! Вот, вот оно в чём дело! Вы повёрнуты на техниках. Моментальное сосредоточение, формирование посылы и мгновенный выплеск в стихиях... а в результате, получаем очередной стихийный выброс с громким и пафосным названием. Ла-адно. Диагноз ясен, осталось определиться с лечением...

Ольга недоуменно хмыкнула. Мысль Кирилла была ей почти понятна... почти, но... вот именно. Почти не считается, и Бестужева попыталась устроить мозговой штурм. Невовремя.

— Оля, не спать! — Оказавшийся рядом, «тренер» легко улыбнулся. — Давай-давай, поднимайся. Потом поразмысляешь над судьбами мира. А пока... продемонстрируй девочкам «обманку»... А вы, — Кирилл повернулся к сестрам, — попробуйте почувствовать, что она делает... в эфире. Принцип здесь тот же, что использовала Лина, когда я попросил ее «найти» и передать мне книгу, так что проблем с восприятием у вас быть не должно. Начали.

Хлопок в ладоши, и занятие продолжилось, словно и не было только что никакого перерыва...

По дороге домой, Ольга задумчиво рассматривала пролетающие мимо окна машины городские пейзажи и... мучилась от неизвестности. Как бы она не хотела переговорить с близняшками на некоторые темы, сегодня ей это явно не удалось. Во время тренировки, Кирилл жестко пресекал любые попытки общения между учениками, а по её окончании, близняшки вымотались настолько, что даже не остались на чаепитие, как это было обычно. Молча привели себя в порядок и поплелись к ожидавшему их «вездеходу», усталые и сонные... А еще Ольга не могла понять, за что же, в конце концов, Кирилл ее сегодня хвалил. За «обманку»? Так, вроде бы она уже не в первый раз выполняет этот фокус. Тогда, за что?

Вот ведь учитель малолетний! Хоть бы объяснил толком. Так ведь, нет! «Умница, Оля. Хорошо сделано, продолжай в том же духе...» В результате, злые взгляды близняшек в награду, и неутоленное любопытство... Нет, и надо было отцу позвонить и выдернуть ее из-за стола аккуратно в тот момент, когда Ольга собиралась как следует расспросить Кирилла, на тему спетых им в её честь, дифирамбах... И с сестрами «тренера» поговорить не удалось, и даже узнать, что их так выбило из колеи на самом деле, не получилось. Да, на самом деле! Уж Ольга-то понимает, что неудачная демонстрация своих умений не могла так повлиять на Милу и Лину. Там, совершенно точно, должно было быть что-то ещё...

И Кирилл был странно недовольным... Как она это узнала? Почувс... Стоп-стоп-стоп. Только вот

этого еще не хватало. Ольга восторгалась и, тихонько фыркнув, активировала браслет. Нужно срочно отвлечься... и Паутинка, как раз, подойдет для этой цели, как нельзя лучше... А о Кирилле... Выкинуть, выкинуть все мысли о нём из головы, пока не... поздно. **Глава 5. Весь мир — театр... или школа?**

Казалось бы, по логике я сейчас должен метаться в поисках ответов на очередные вопросы... или, как минимум, уточнений той информации, что донес до меня Алексей. А вместо этого, я устроился в доме и, вспомнив старую, ещё Тамошнюю привычку, взялся за чистку оружия. Этот нехитрый прием всегда позволял мне сосредоточиться на проблеме требующей решения, и частенько помогал это самое решение найти. Вот и сейчас я достал из своего «арсенала» все стреляющие игрушки, в количестве трех штук и, вооружившись необходимыми причиндалами для чистки, устроил оружию самый настоящий ПХД... как-то мимоходом заметив про себя и порадовавшись, что имеющиеся стволы, ввиду их специфики, требуют куда меньшего ухода, чем их Тамошние «собратья».

Итак, дано... Отвратительный контроль близняшек, да и у Ольги он, честно говоря, изрядно хромает, хотя и в куда меньшей степени, чем у сестёр-зажигалок. Вопрос, в чем причина этой бяки? Разберусь с первоисточником, можно будет подумать о решении. Хм. Ну, первое и самое очевидное, буквально бросающееся в глаза, это самая обычная, я бы даже сказал, оголтелая зашоренность. Они привыкли к разложенным по полочкам, до малейших нюансов и последней «запятой», так сказать, стихийным техникам. Заученным до автоматизма приемам и принципам их воплощения.

Желание, эфир, выплеск стихии. Результат будет именно таким, какой требуется. Отклонения при правильном исполнении почти невозможны... И когда речь идет о создании единомоментных эфирных техник, эта привычка не мешает. Принципы-то, те же. Разве что элемент «хочу» меняется на «надо»... Но! Здесь и кроется подвох, эфир куда более многогранен и... пластичен, что ли? И при попытке создать что-то более долговечное, нежели простой кинетический щит, может извернуться так, что сам репу чесать будешь недоуменно, по типу: это чего это я сейчас такое учудил?... Если выживешь и удержишь контроль над «поехавшей» техникой, м-да.

Там, такой проблемы не было. Любое действие, которому я учился сам и обучал других, всегда было построено на предельной концентрации, уточню, продолженной во времени концентрации. Как отвод глаз, например... или та же «обманка», которую некоторые неосознательные граждане ошибочно именуют «маятником»... хотя, задача и ее решение схожи, да. Заставить противника нажать на спусковой крючок не тогда, когда это нужно ему, а тогда, когда это не принесет вреда тебе... по крайней мере, в теории. Убедить его, что вот-вот, буквально в следующий миг ты окажешься на линии прицела... и обломать. Вот только «маятник» основан на чистой физике и человеческих рефлексках, а «обманка», как я теперь понимаю, на эфирном воздействии, когда даже чутьё противника ему отказывает. Эдакий «маятник» в Эфире, да...

Ха, да если бы не волнение близняшек, я бы еще долго не заметил, что они пытаются проделать этот прием не одним слитным действием, а чередой кратких возмущений Эфира. Можно сказать, повезло. Вот и вторая причина нарисовалась. Ошибка воздействия... и ошибка в обучении. Что? Сложно держать постоянный контроль над Эфиром? Так, просто в этой жизни, только дерьмо случается... впрочем, как и в той. В общем, будем исправлять.

Да, когда они занимались трансовыми тренировками эта проблема отсутствовала, но ведь, по

сути, тогда эфир контролировал я сам. Да, это здорово продвинуло девчонок в способностях к оперированию эфиром без постоянных срывов в стихии, но, к сожалению, не дало понимания правильного взаимодействия с этой нейтральной и довольно аморфной силой. А значит... значит надо придумать такие тренировки, при которых они научатся удерживать эфир в узде не на доли секунды, как это требуется при создании стихийных техник, а много-много дольше. На порядок дольше. Как минимум. Иначе так и будут изображать фыркающий кран на кухне.

Тихо щелкнул фиксатор, намертво закрепляя трубчатый магазин под стволом Ругера и я, оглядев дело рук своих, довольно кивнул. Оба пистолета вычищены, а «трещотка-плевалка»... я взглянул на детали разобранного самопала, разбросанные по столу и, вздохнув, всё-таки решил при первой же возможности переделать его. Хорошенько повозившись с нормальным оружием и изучив его рунескрипты, я пришел к выводу, что мою самопальщину, по-хорошему, стоило бы вообще выкинуть и забыть, как страшный сон... но, окоротив взбунтовавшегося внутреннего транжиру, чуть ли не мурлыкающего при взгляде на «ругеры», решил сохранить и доработать этот «нелегальный» ствол. Конечно, до стандартов оружия фабричного производства, мне его не дотянуть, но вот сделать более надежным и долгоиграющим, вполне...

Но, не сейчас. Я глянул на часы и, кивнув сам себе, принялся собираться. Через час, то есть в девять вечера, у меня назначена встреча в тире на Преображенке... точнее, в Преображенском. Здесь, этот район официально находится за территорией города и, по сути, представляет собой эдакий разросшийся военный городок с относительно свободным доступом. Когда-то на его месте располагались части Первого и Второго Преображенского полков, которые Государи России, по-моему, специально держали в непосредственной близости от боярского городка. Но, время идет, и теперь о прошлом Преображенского напоминают разве что названия улиц, здание Малого арсенала и десяток тиров и стрельбищ, разбросанных вдоль северных окраин села. По крайней мере, насколько я могу судить по Паутинке, картам и несколькими поездками в те места на Лисёнке.

Кстати, о времени... Покрутив головой, я вытряхнул из неё несвоевременные мысли и принялся за сборку «трещотки». Пора собираться, одеваться и выдвигаться. Хотелось бы появиться в тире немного раньше, чтобы успеть чуть-чуть принюхаться до того, как назначенный инструктор явится по мою душу.

Брать с собой «самопал» я не собирался. Это, всё-таки не законный трофей, и засвети я его в том же тире, получу вместо долгого и вдумчивого освоения «ругеров», не менее долгое и вдумчивое собеседование с полицией, а потом... В общем, нафиг-нафиг такое счастье. Но пат... э-э-э, пуль? Короче, выстрелов к нему надо будет прикупить. Думаю, там где есть такое количество тиров и стрельбищ, должны найтись и оружейные магазины. Не может быть иначе.

Регулируемая разгрузка, замечательная вещь. А уж когда она словно специально заточена под мой арсенал, и подавно. Впрочем, почему «словно»? Вполне возможно, что у неё был тот же владелец, что и у «ругеров», иначе, чем объяснить наличие идеально подходящей для ругера, нагрудной кобуры и доброго десятка своеобразных «газырей», не менее идеально подходящих под трубчатые магазины к моему оружию? А вот второй ствол пришлось пристроить в его собственной кобуре, на бедре. Благо двойное крепление позволяет. Туда же, в специальные гнезда отправились еще две «трубки». Хм... надо бы, наверное, еще пяток другой магазинов забросить в рюкзак. Хуже, точно не будет. Как говорится, боеприпаса бывает очень мало, мало и «маловато, но больше уже не унести». А уж с какой скоростью расходуется этот самый «припас» в тире и на стрельбище, у-у-у! Решено, возьму с собой еще десяток «трубок».

Облачившись, и почувствовав на плечах знакомую тяжесть, я вздохнул. На миг вернувшиеся ощущения из Той жизни, накатили волной и схлынули, зарядив меня совсем не вечерней

бодростью. Покрутившись так и эдак, я подтянул ремни-регуляторы и, убедившись, что разгрузка сидит как надо, потопал в спальню пополнять боезапас. А когда вошел и случайно глянул на себя в зеркало платяного шкафа, то не удержался от смеха. Всё-таки, пятнадцатилетний пацан в таком вот боевом «прикиде», выглядит довольно... хм, необычно, скажем так.

Закинув в рюкзак полтора десятка «трубок», я подумал и, отыскав в шкафу просторную кожаную куртку, купленную мною «на вырост», надел ее поверх разгрузки. Глупо? А зачем дразнить гусей? Ведь до тира еще добраться надо... Мысль сложить разгрузку вместе с оружием в рюкзак, мне и в голову не пришла. Это тело не привычно к тяжести военной сбруи, а судя по первым трем месяцам моей жизни здесь, навык ношения разгрузки мне еще может пригодиться. Да и наработать навыки обращения с необычным снаряжением, тоже не помешает. «Трубки», всё-таки, совсем не то же самое, что и привычные мне Там магазины... а сноровка сама собой не появится.

* * *

Когда ехидная дочка Старика сообщила Сергею, что на девять вечера у него забронировано время на «малой дорожке», инструктор недовольно поморщился. Вот ведь стерва! И как узнала, что у него на половину девятого назначена встреча с её сестрой? Всё никак прошлых обид забыть не может... Хотя, казалось бы, если кому и стоило обиды лелеять, так это ему, а не этой с-с... сероглазой язве.

А уж когда он прочитал в карточке заказа данные гостя, всё с той же милой улыбочкой предоставленной ему Настасьей, настроение и вовсе пропало. Хотя-я... Сергей Одоев ухмыльнулся и, покосившись на моментально напрягшуюся девушку, сегодня дежурившую на приеме, активировал браслет.

— Олег Палыч, добрый вечер. — Заговорил он, едва на экране появился владелец тира, нестарый еще, длинноусый и седобородый дядька, бывший гвардии полковник Брюхов, а ныне владелец стрелкового клуба «Девяточка», по прозвищу Старик.

— А, капитан! Слушаю тебя. — Глубоким басом пророкотал Старик. Сергей мысленно вздохнул. Он уже три года как в запасе, но объяснять это точно такому же «запасному» бывшему командиру, бесполезно. На это у Старика всегда один и тот же ответ: «Гвардейцы бывшими не бывают!» И точка.

— Кхм, Олег Палыч, просьба у меня. — Чуть помявшись, Одоев глубоко вздохнул и рубанул наотмашь. — Разрешите пригласить вашу дочку сегодня в тир.

— Кха! — Как раз в этот момент отхлёбывавший чай из кружки поданной ему девичьей рукой, Старик выплюнул набранный в рот напиток и вытаращил на Сергея глаза. — Ты оборзел, капитан?

Вопрос был задан тихо, так что Одоев отчетливо услышал чей-то сдавленный писк. Но была ли это сидящая за стойкой перед ним Настасья, или подававшая полковнику чай, Татьяна, не разобрал.

— Никак нет, господин полковник! — Вытянувшись во фрунт, лихо, как и было принято в их полку, отчеканил Сергей. — Имею в виду исключительно воспитательную цель! Для Татьяны это будет очень полезный урок, господин полковник!

— Не понял. — Помотал головой Старик, а Одоев аж поежился от сверлящего взгляда Настасьи. Но, отступить поздно, да и... Тут полковник прервал размышления Сергея и приказал, — излагай, капитан... только не ври. Кишки на кулак намотаю. **Глава 6. Учебы много не бывает**

И здесь близнецы. Это была первая мысль, которая пришла мне в голову, когда в холл стрелкового клуба, из двери за стойкой вышел обещанный мне инструктор в сопровождении точно такой же черноволосой барышни, как и та, что сидела у стойки приемной. У них не только фигурки и лица одинаковые, но даже одежда — полувоенного покроя неброского темно-серого цвета, один в один. Но одёжка, ладно. Судя по строгому военному френчу инструктора такого же серого оттенка, это здешняя униформа. А вот одинаково обиженные выражения лиц... на мой взгляд, это уже перебор. И судя по взглядам, которые сии едва ли двадцатилетние «чудесные видения» бросали на хмурого инструктора, причиной такого настроения был именно он. Я присмотрелся к девушкам и невольно хмыкнул. Всё-таки, они не так уж и похожи. По крайней мере, цвет глаз различается. У той, что сидела за стойкой, они серые, с таким стальным блеском, а вот у её сестры, идущей хвостиком за инструктором, почти зеленые... Интересно. Семейный подряд у них здесь, что ли?

Последний вывод я сделал, заметив на высокой груди сероглазой бэйджик, на котором значилось: Настасья Брюхова. Точно такая же фамилия, если верить Паутинке, была и у владельца этого клуба.

— Господин Николаев? — Подтянутый, с военной выправкой, довольно молодой инструктор остановился в четырех шагах и смерил меня изучающим холодным взглядом. Чтобы получить такой же, в ответ.

— Инструктор Одоев? — Поинтересовался я, копируя моего собеседника в интонациях и жестах. Ноги на ширине плеч, руки за спиной. Ну, прямо американский солдат по команде «вольно». Комично? Зато, вон, даже барышни заулыбались, глядя на мою карикатуру.

Одоев хмыкнул, покосился на стоящую чуть в сторонке, старательно давящую улыбку девушку, с которой вышел в холл, и явно чуть расслабился. Так что, ответил он на мое передразнивание довольно добродушно и без всякого следа агрессии.

— Он самый. Сергей.

Пожав протянутую мне сухую и сильную ладонь, я кивнул в ответ.

— Кирилл. — Я повернулся к сопровождавшей инструктора девушке и вопросительно на нее взглянул.

— Татьяна. — Тихо представилась она. — Помощник инструктора по физической подготовке.

— Очень приятно. — И правда, приятно. Девушка весьма привлекательная и спортивная... Вот только, я, вроде бы, не собирался здесь физо заниматься. Хм... Ладно, оставим пока.

— Вот и познакомились. Так. Время довольно позднее, на дорожках уже никого, поэтому предлагаю разместиться не в классах, а непосредственно в тире. Там и поговорим и постреляем. Если успеем. Возражения? — Бросив взгляд на меня и на свою спутницу, Сергей получил в ответ два согласных кивка и заключил. — Замечательно. Тогда, вперед.

— Кхм. У меня вопрос. — Чуть притормозил я уже развернувшегося Сергея. — Где можно вещи оставить?

— В тире скинешь. Там есть, где бросить куртку и рюкзак. — Махнул рукой в сторону ведущей куда-то в подвал лестницы, инструктор. Ну ладно. С собой, так с собой.

И мы пошли. Втроем. А спускаясь по лестнице, я буквально спиной чувствовал взгляд оставшейся в холле Настасьи, провожавший нас до тех пор, пока мы не скрылись из виду. Хм... Кажется, не у одного меня проблемы с «близнецовой коммуникацией». Ха!

М-да. А вот о чём я не подумал, так это о том, как буду выглядеть в глазах инструктора, когда сниму куртку... Про отвисшую челюсть его спутницы, я и вовсе молчу. Девушка вздрогнула, сдавленно ойкнула и спряталась за спину Сергея.

Хотя, вспомнив своё отражение в зеркале, не могу не согласиться с благоразумием такого поступка. Пятнадцатилетняя ремба, это... пугает. Кто знает, что ему, то есть, мне в голову взбредет. А ну, как начну палить из всех стволов куда ни попадя? Да уж.

С другой стороны, уверенный новик не уступит в убойности тому же ругеру, а их, пятнадцати-шестнадцатилетних по Москве немало бегают. Так ведь, помимо новиков, есть еще и вои... которых, при определенных обстоятельствах можно и с гранатомётами сравнить. Их-то, конечно, поменьше будет. В нашей гимназии, например, как я узнал от всезнающего Леонида, всего пять учеников этой ступени числятся, но всё равно... это не так уж мало. И что-то я не замечал, чтобы люди от стихийников шарахались, даже когда те в дождь, над головами щиты располагают, вместо зонтиков, ага.

— М-да. Всё еще хуже, чем я думал. — Задумчиво протянул Сергей, но заметив мой вопросительный взгляд, вздохнул. — Да нет, твоё дело, конечно, но чем ты думал, когда в таком виде по городу рассекал?

— Во-первых, под курткой не видно. — Ответил я. Инструктор выразительно глянул на набедренную кобуру и я пожал плечами. — А во-вторых, я не люблю грязь.

— А это здесь причём? — Не понял Сергей.

— На улице дождь и я щитом прикрывался всю дорогу, чтоб не стать похожим на поросёнка. Так что, рассмотреть что-то за вспененным потоком воды вокруг моего мотоцикла, было невозможно. — Пояснил я.

— Хм, не удивлюсь, если есть еще и в-третьих. — Повернувшись к своей спутнице, с улыбкой прокомментировал мои слова Сергей.

— А как же. — Невозмутимо кивнул я. — Жизнь у меня беспокойная, вот и приучаюсь на себе эту сбрую таскать.

— Кхм... разумно. — Посерьёзнев, кивнул инструктор и вновь обратился к своей знакомой. — Видишь Таня, как надо беспокоиться о целостности своей шкуры, по-настоящему? Учись.

— А по-моему... — Начала было девушка, но, очевидно что-то увидела в глазах отвернувшегося от меня Сергея и, запнувшись, договорила явно не то, что хотела. — Я приму это к сведению, инструктор.

— Вот и замечательно. Олег Павлович, несомненно, будет рад это слышать. — Ответил он, но

Татьяна его перебила.

— Кирилл, извини за назойливость, но... я, знаешь ли, сама люблю погонять с ветерком и... в общем, с каких пор на мотоциклы стали ставить щитовые артефакты? Или у тебя самоделка?

— Да нет. Я же новик. — Пожал я плечами. — Уж на такое «колдунство» моих силёнок хватает.

— О... поня-ятно. — Протянула Таня, победно взглянув на Сергея. Это что, она решила намекнуть на то, что я просто выпендриваюсь? Однако... А следующий ее вопрос доказал правильность моих подозрений. — Тогда, зачем тебе нужны пистолеты?

Переведя взгляд вновь на меня, девушка ткнула пальцем в «ругер». Не узнала оружие? Хм. Странно. И что ей ответить?

— В отличие от меня, в пистолете можно заменить боеприпас на такой, что даже вою не поздоровится. — Ответил я.

— Ну да, а учиться техникам и развиваться дальше, лень. — Тихо фыркнула Татьяна... и моментально побледнев, тут же зажала себе рот ладошкой. Очевидно, дошло, что разговаривает не со старым знакомым, а с клиентом клуба, в котором сама же и работает. — Прошу прощения, я не должна была... Извините.

О как... А у неё не всё так плохо с мозгами, как я успел подумать. Правда, речь все равно обгоняет разум, но судя по всему, не я причина её нынешнего состояния. Вот только мне почему-то кажется, что если дать девушке сейчас уйти, дальнейший урок мне сильно не понравится... а может быть, и все следующие занятия. Нет уж, этого я допустить не могу. Мне совсем не улыбается идея вновь названивать Прутневу с просьбой подыскать другой стрелковый клуб.

— Ничего страшного, Татьяна. У меня возраст такой, что люди не воспринимают всерьёз ни меня самого, ни мои затеи. Всё в порядке. А насчет развития... я почти достиг своего потолка. Выше слабого воя мне не подняться... так что, после недолгих размышлений, я пришёл к выводу, что там где мне не могут помочь природные способности, их можно дополнить, хм-м, техническими решениями. — Проговорил я, мягко удерживая за локоть девушку, уже собравшуюся задать стрелкача, пока Сергей не взорвался. Как я это определил? Ну, если лицо человека приобретает такой вот малиновый оттенок, легко предположить, что ему требуется сбросить давление, пока крышечку не сорвало. И в самом деле, не успел я договорить, как Сергей с шумом выдохнул и вновь сменил цветовую гамму... на более спокойную. А Татьяна, как раз, перестала тянуться к выходу, так что я отпустил её локоть и сделал пару шагов назад.

— Так. Понятно. Оружие у тебя, как кое-кому должно быть известно, из разрешенных для ношения одаренными. — Справившись с собой, проговорил Сергей.

— Разумеется. И зарегистрировано в Приказе, как положено. — Пожал я плечами.

— Твоё собственное? Или... — Всё тем же деловитым тоном продолжил инструктор.

— Своё. Для постоянного ношения, так сказать.

— Угу. — Сергей, нарочито игнорируя притихшую Татьяну, обошел вокруг меня, и неопределенно хмыкнул. — Но ходить в таком виде по улицам, это всё-таки перебор. Я бы рекомендовал тебе заменить разгрузку на оперативную кобуру. Ругеры, пистолеты небольшие, а ты парень габаритный, так что, особых проблем с размещением оружия под верхней одеждой

или даже пиджаком, быть не должно. А боезапас... раз уж ты такой жадный, носи в наручах. «Трубки» не длинные, мешать не будут... когда привыкнешь. Но о ветровках тогда и речи быть не может, сам понимаешь. Только свободные рукава...

— Понимаю. Куплю. Но хотелось бы потренироваться и в таком виде. — Кивнул я.

— Хм. Ладно, устроим. Я так понимаю, ты не хочешь брать готовый курс, а будешь заниматься на результат? Учти, свободный абонемент обойдется дороже, чем обычное обучение. — Получив в ответ еще один кивок, инструктор смерил меня странным взглядом. — Что ж, тогда у нас будет возможность покрутить разные варианты. Теперь так. Что у тебя с подготовкой?

— Ну-у... — Протянул я — Скажем так, в имении у меня не было достаточно практики, так что, могу ручаться только за технику безопасности и основные приемы.

Сергей глянул на лавку у стены, где тихо, как мышка, устроилась Татьяна и, вздохнув, взялся за работу.

— Что ж. Тогда, давай проведем небольшой экзамен... — Начал он. Понеслась. **Глава 7.**
Мнения и обсуждения

Занятие оказалось на диво плодотворным. Сергей даже фамильярность свою растерял. Сухо, жестко и дотошно он протащил меня через весь «комплекс», и честно говоря, мне было трудновато удержать некоторые привычки, въевшиеся за время службы. Хорошо еще, что моменты, которые скрыть просто не удалось, инструктор записал в заслуги моих гипотетических наставников в имении.

И в то же время, это было весьма познавательно. Работа с «ругерами», как я и подозревал, требовала немного иных навыков, чем привычный мне огнестрел. Ничего сверхнеобычного, но и отбрасывать подобные моменты в сторону, значило бы сделать глупость, которая могла дорого обойтись в боевой обстановке. А это, понятное дело, меня совсем не устраивает.

В общем, как инструктор, Сергей оказался на высоте, а его фамильярность перед началом занятия... Да черт с ней. Честно говоря, окажись я на его месте Там, тоже был бы не в восторге от перспективы возиться с пятнадцатилетним мажором. К тому же, если я правильно понял ситуацию, то всё устроенное Сергеем и Татьяной шоу, было если не запланированным, то великолепной импровизацией, точно. Уж очень отличалось поведение девушки во время беседы, и во время занятия. По началу, когда инструктор только начал гонять меня на предмет выяснения подготовки, я ожидал, что Татьяна не удержится от замечаний, но... Нет, девушка далеко не дура, и её изучающий взгляд, неотрывно преследовавший меня всё занятие, только укрепил в этом мнении. А если еще учесть попытки отследить меня в Эфире... коллега, что тут еще скажешь. Про постоянно ведущуюся запись занятия, я и вовсе молчу. Причем, запись шла не только в стационаре, Татьяна тоже активировала фиксатор своего браслета...

Впрочем, чего ещё можно было ожидать от протекции Прутнева? А в том, что «Девяточка» имеет непосредственное отношение к «клубу» эфирников, можно не сомневаться. Достаточно «принюхаться», и все сомнения отпадут. И Сергей и Татьяна, и даже Настасья за стойкой в приемной, уверенно себя контролировали, так что истечение эфира от них, характерное для любого одаренного, было минимальным. Собственно, если не «приглядываться» внимательно, их вообще можно было бы принять за обычных людей без крохи Дара... пока не увидишь, как ловко, буквально в два касания, тот же Сергей заполняет накопитель пистолета Эфиром, и как привычно и уверенно та же Татьяна активирует стационарный кинетический щит, перед

началом стрельбы. Это при том, что сам пульт находится у входа в зал, а девушка устроилась на лавке у стены, недалеко от дальней дорожки, которую, собственно, и облюбовал Сергей для нашего занятия. А это, навскидку, метров тридцать...

В общем, чего-то в этом роде и стоило ожидать. Хоть Прутков и говорил, что мой прием в «клуб» уже состоялся, но чтобы подобное дело обошлось без проверки? Не верю. И нынешнее поведение сотрудников тира, наилучшее тому подтверждение. Хотя, и грубоватое. Впрочем, они же рассчитывали свою игру на пятнадцатилетнего мальчишку, так что, нет ничего удивительного в том, что спектакль с язвительной помощницей инструктора по физо, ни в грош не ставящей стрелковое оружие, показался мне несколько топорным... А вот на прежнего Кирилла, он бы почти наверняка оказал своё действие. Парень бы из кожи вон вывернулся, и наверняка накосячил бы. Хм. А может быть, и нет... Всё-таки, к близнецам, тем более женского пола, у Кирилла было совершенно нетипичное отношение, описываемое кратко, но ёмко: тотальное недоверие.

И о чём это говорит? Прежде всего, о том, что теплая компания «Девяточки», как минимум, понятия не имеет об истории взаимоотношений Кирилла с сестрами, иначе бы постановка была совершенно иной. Значит, Гдовицкой молчит и не распространяется обо мне даже своим собратям-эфирникам. Правда, обольщаться таким благородством не стоит. Скорее всего, причина его молчания никак не связана с благожелательным отношением главы СБ Громовых к мещанину Кириллу Николаеву из одноименного рода, и предсказуемо проста. История моих прошлых взаимоотношений с Линой и Милой напрямую касается имени Громовых, а Владимир Александрович отличается абсолютной преданностью присяге, так что болтать о делах рода не станет. По крайней мере, без одобрения со стороны самой семьи... точнее, наследника главы рода. Проверено на личном опыте.

Я выключил душ и, насухо вытеревшись найденным в шкафу раздевалки новеньким полотенцем. Да-да, после двухчасового «экзамена» у Сергея, я чувствовал себя, как после хорошего марш-броска, и душ был мне просто необходим.

Одевшись и упаковав опустевшую разгрузку в рюкзак, я миновал зал тира и, поднявшись по лестнице, оказался в холле. Настасьи не было, зато на ее месте обнаружилась Татьяна, тихо воркующая о чем-то с облокотившимся на стойку Сергеем.

— Кхм. — Услышав мое покашливание, инструктор тут же отвлекся от флирта.

— О, Кирилл, ты уже здесь... — Проговорил он. — Полагаю, хочешь услышать об итогах нашего первого занятия?

— Хотелось бы. — Кивнул я. Когда я спросил его об этом, сразу по завершении «урока», Сергей только головой мотнул и отправил меня приводить себя в порядок. Дескать, как раз у него будет время подвести итоги.

— Ну, что я могу сказать... Основа у тебя есть, и даже больше. Твои наставники очень хорошо поработали. Вот только, тебя явно учили работать с другим оружием... Что-то, с довольно большой отдачей и иным способом заряжания. Я прав?

— Да. — Я коротко кивнул и замолк. Ну правда, не рассказывать же ему... правду. Хм, почти каламбур.

— Ясно. — После недолгого молчания, поняв, что объяснения не последует, продолжил Сергей. — В общем так, переучивать тебя, только портить. Поэтому, для начала поработаем над «доводкой» необходимых навыков, а там... там посмотрим. Жду тебя на следующем

занятии. Я здесь каждый день, во второй половине дня, до двадцати трех ноль ноль. О времени визита предупреждай за день. Вроде бы всё... А, да, и постарайся всё-таки приезжать в тир в цивильном. Лучше уж, тут свою разгрузку надевай, раз тебе так нужно к ней привыкнуть.

Поняв, что большего я не услышу, я попрощался и, махнув этой сладкой парочке рукой, потопал на выход.

* * *

— И что это был за спектакль? — Отставной полковник отключил запись только что завершившегося занятия, откинулся на спинку широкого, жалобно заскрипевшего под его огромным телом, кресла, и окинул недовольным взглядом Сергея.

— Хм, а по-моему, всё прошло очень даже неплохо. — Тихо проговорил тот в ответ, ничуть не смущаясь сверлящего взгляда бывшего командира и нынешнего работодателя.

— Я тебе покажу «неплохо». — Прорычал Брюхов. — Если на следующем занятии этот парень не появится, ты сам за ним отправишься и приведешь в клуб за руку. Понятно?

— Так точно. — Моментально вытянувшись во фрунт, отчеканил тот. И уже тише, добавил. — Но он придет... сам.

— Откуда такая уверенность? — Прищурился Олег Павлович.

— Татьяна... — Вместо ответа, Одоев повернулся к дочери Брюхова. — Твоё мнение...

— Вернётся. Он... ему любопытно. — После недолгого размышления, проговорила девушка.

— Ему... что, простите? — Густые седые брови хозяина клуба удивленно поползли вверх.

— Я не знаю, как объяснить. — После нескольких минут сосредоточенного молчания, заключила Татьяна и взглянула на сестру. Та хмыкнула, но всё-таки соизволила вставить свои две копейки.

— Кириллу интересно, почему Михаил отправил его именно в наш клуб. А уж после представления устроенного Сергеем и моей дражайшей сестрицей, любопытство и вовсе зашкалило. — Тут Настасья на миг прервалась и договорила уже куда более едким тоном. — Но учти Сергей, еще раз попробуешь «раскачать» нашего гостя и он, почти наверняка, плюнет на то, что всё это лишь спектакль и устроит тебе несчастный случай на производстве. Так что, не советую больше рисковать.

— Хотелось бы взглянуть. — Гулко хохотнул Брюхов. — Мастер Эфира против старшего воя... это должно быть весело.

— Хм, да я и не собирался его «раскачивать», это Танеч... прошу прощения, это Татьяна решила вдруг проверить протезе Прутнева на толстокожесть. — Развел руками Сергей. — Мне оставалось только подыгрывать.

— Надо же, впервые на моей памяти, капитан Одоев не выгораживает собственного подчиненного. — Фыркнув в усы, заметил бывший полковник и кивнул дочери. — Ну, что скажешь, Танюша? С чего вдруг ты поломала весь рисунок встречи?

— Да... — Девушка помялась и, выдохнув, решительно рубанула, — взбесил он меня.

Мальчишка же еще, а взглядом, чуть не до исподнего раздел, а потом... потом и вовсе стал смотреть, будто взрослый папа на выступление детей на утреннике. Бр-р. Вот я и решила его немного «потрясти».

— О... да у тебя, сестрица, гордость взыграла, а? — Захихикала Настасья, но под суровым взглядом отца, тут же осеклась.

— Неужели, он такой самоуверенный? — Поинтересовался у инструктора бывший полковник

— Скорее, просто уверенный. — Уточнил Сергей. — Уверенный в своих силах, умениях... и без зазнайства. Странный молодой человек. Чую, это будет очень интересная работа.

— А что Гдовицкой? Михаил же с ним разговаривал? — Поинтересовалась вдруг Настасья.

— Молчит боярский сын. Как рыба молчит. — Машинально ответил Брюхов, но тут же встрепенулся и нахмурился. — Та-ак. А ну, отставить эти ваши штучки! Взяли моду, понимаешь, на начальстве свои кунштюки отрабатывать!

— Есть. — Все трое встали по стойке «смирно». Хозяин клуба окинул дочерей суровым взглядом и, вздохнув что-то вроде: «все в мать», обратился к инструктору.

— Значит так. Отныне, работу по «Николаеву» ведешь один. Девчонок в нее не втягиваешь. Это тебе не полигонные испытания, да и кандидат не «кукла». По завершении работы, развернутый анализ и доклад мне на стол. Подчеркиваю: развернутый доклад! Это понятно, капитан?

— Так точно. — Кивнул тот.

— Уже хорошо. — Вздохнул Брюхов. — И постарайся обойтись без экстрима и этих ваших импровизаций.

— А мы? — В унисон проговорили сестры.

— А вы... вы идёте готовить ужин. Время полночь, а мы еще не ели. На этом, заседание считаю закрытым. — Проговорил полковник и, смерив дочерей деланно недоуменным взглядом, спросил, — вы ещё здесь? **Глава 8. Можно учиться на чужих ошибках... но эффективнее, на своих**

Я смотрел на стоящих передо мной Милу и Лину, и ждал. Просто ждал, когда преградившие мне путь к школьной стоянке, кухни, наконец, объяснят, что им нужно. А они стоят и молча переглядываются... Не решили, кто будет говорить, или не знают, как сказать то, ради чего вообще подошли? В принципе, ни тот ни другой вариант мне не нравятся. Заранее...

Поняв, что если их не расшевелить, они так и будут изображать двойной шлагбаум на моем пути, я вздохнул.

— Ну, и что у вас случилось на этот раз? — Поинтересовался я.

— Кхм... — Лина аккуратно, но точно заехала локтем под ребро сестре и та, наконец, заговорила. — Кирилл, ты же в курсе предстоящего пира у Бестужевых?

— Конечно. — Кивнул я, вспомнив доставленное мне вчера посыльным приглашение.

— Понимаешь, мы тоже туда приглашены... в смысле, Громы. Точнее, отец с Алексеем... и мы с Линой. — Проговорила Мила и, зависнув на секунду, закончила фразу откровенной скороговоркой. — Помоги нам собраться к пиру, пожалуйста.

О как. От такого поворота, я немного опешил. Ладно, ещё были бы очередные новости из дома Громовых, или... да хоть известие о всеобщей мобилизации одаренных... но вот такого заявления я никак не ожидал.

— Эм-м... Может, вам лучше поговорить на эту тему с Ольгой? — Осторожно поинтересовался я.

— Это будет невежливо. — Вздохнула Мила. — Кирилл, пожалуйста. А мы поможем тебе.

— Мне? Разве мне нужна помощь? — Не понял я.

— Неужели, ты уже пошил себе костюм? — В деланном удивлении приподняла бровь, молчавшая до этого Лина.

— Хм. Да у меня есть вполне приличные костюмы. Я же не с пустой сумкой из имения уезжал. Зачем заказывать-то? — В ответ, сестры одновременно осуждающе покачали головами и вновь переглянулись. И что такого я сказал?

— Ольга была права. — Тихо пробормотала Лина, а Мила, нахмурившись, согласно кивнула и перевела взгляд на меня.

О как... ситуация проясняется. Ну, нареченная, ну конспиратор! Ла-адно. У меня ещё будет время сказать ей спасибо.

— Кирилл. Так не пойдет. Этот пир, фактически, будет твоим первым выходом в свет. На тебе должен быть НОВЫЙ костюм. И не абы какой. — Проговорила наша мисс «Рассудительность».

— Стоп-стоп-стоп. — Я замахал руками. — Какой первый выход?! Я же уже был на пирах. У тех же Томилиных, например.

На лицо Лины, на мгновение словно тень наплыла, но она тут же справилась с собой. И поддержала сестру.

— Во-первых, появляться на разных пирах в одном и том же костюме, дурной тон. Уж это-то ты, должен знать, разве нет? — Заговорила наша язва, смерив меня подозрительным взглядом. — А во-вторых, прежние визиты не в счет. Ты там был, как домочадец рода Громовых, один из... А через неделю, тебе предстоит самостоятельный выход, от своего собственного имени. Понимаешь?

— Ладно-ладно. — Эти заморочки были мне напрочь неизвестны. О них даже Агнесса на занятиях не говорила, по крайней мере, мне и Алексею... но ведь у девчонок, как впрочем и у нас, были и отдельные уроки... и тут стоит вспомнить, что подготовка к пирам и к походам на таковые, всегда лежала на плечах женской половины рода. В общем, если допустить, что на тех занятиях речь шла именно о подобных нюансах, становится понятным, зачем вообще были нужны отдельные уроки этикета... Я покосился на выжидающе посматривающих на меня кузин, и вздохнул. — Когда идём по магазинам?

— Ателье, Кирилл! Только ателье. — Фыркнула Линка.

— Ха! До пира осталось всего шесть дней! — Воскликнул я. — Какое ателье сошьёт костюм за такой срок?

Сёстры в очередной раз переглянулись и сожалеюще вздохнули. Типа, что взять с убогого? У-у, буржуйки.

— То, в котором ты заказывал свою школьную форму. — Под негодующее фырканье Лины, проговорила Мила. — А как ты думаешь, почему в списке, предоставленном гимназией, нет ни одной лавки готового платья? Именно из расчета на такие вот случаи, когда срочно нужна официальная одежда. Это обычные ателье и портные могут себе позволить строить костюмы месяцами, а мастерские из гимназического списка, куда расторопнее.

— Хм... Ладно. Уговорили. И когда начнём? — После недолгого размышления, я согласился с доводами сестер. Мне откровенно не хотелось ударить в грязь лицом на пиру у Бестужевых. Там и так, наверняка, на меня будут коситься, как на «неведому зверушку», так что подводить хозяев, точнее хозяйку своими собственными «косяками», мне не хочется. И помощь Милы с Линой, будет кстати.

— В том-то и дело. — Вздохнула Мила. — Если мы хотим успеть к пиру, то начинать надо сегодня. — И уточнила. — Сейчас.

— Понятно. И одним-двумя визитами к портным, мы явно не отделаемся. — Кивнул я. На фоне грядущей инспекции старпёров, это напрягало. Впрочем... — Ладно. Но занятия не отменяются. Это ясно?

— Да. — Одновременно кивнули близняшки, и Лина махнула рукой в сторону школьных ворот.

— Машина ждет. Едем?

— А рыжего я здесь оставляю? Ну уж нет. Не хочу завтра добираться до гимназии на такси. Так что, поступим иначе. Скиньте мне адрес вашего ателье, я заеду домой, брошу вещи, и встретимся уже там. — Покачал я головой... и сёстры так же дружно повторили мой жест.

— Начинать нужно с твоего костюма. — Пояснила Мила и, заметив скептическое выражение моего лица, пояснила. — Его шить дольше. Так что, сначала в твоё ателье.

— Хорошо. — Я не стал спорить. Зачем? Девчонкам виднее. — Тогда, ловите адрес.

Отправив им на браслеты найденные в школьной Паутинке данные мастерской, в которой заказывал свою форму, я свернул экран и взглянул на сестёр.

— Ну что, погнали? — Лина с Милой довольно закивали и, развернувшись, поплыли к школьным воротам.

— Да, совсем забыл уточнить. — Бросил я им в спины. — После «забега» по ателье, жду вас у себя дома. Предупредите охрану, что вернетесь ночью.

Близняшки замерли на месте и, медленно обернувшись, уставились на меня в немом изумлении.

— Что? Я же говорил: занятия не отменяются. — Пожал я плечами и махнул рукой в сторону ворот. — Ну, и чего замерли? Езжайте-езжайте, Ольгу я сам предупрежу.

Кто бы знал, какая это мука, возиться с выбором тканей, фасонов и прочего! Насколько проще было с заказом формы. Есть установленный образец ткани, жестко регламентирован покрой, остается только подогнать всё это дело по фигуре, и аллес. А выходной костюм... Нет, в памяти Кирилла были воспоминания о визитах портных в имение, но тогда, выбор всей этой чепухи ложился на кого-нибудь из жен боярских детей рода, а от самого Кирилла, опять же, требовалось только присутствие на примерке.

В этот же раз, всё было совершенно иначе. Лина с Милой увлеченно переругиваясь между собой, умудрились втянуть в свой спор не только меня, но и отчаянно грассирующего Иосифа Марковича, вместе с обеими его помощниками в торговом зале...

В общем, до портного близняшек мы добрались только спустя три часа... и пробыли у него всего час. Оказывается, сёстры уже выбрали себе ткани и покрой, и моё присутствие нужно было лишь для того, чтобы оценить их же собственный выбор. Ну, что я могу сказать... Сложить два и два было не так уж сложно. Равно, как и понять, что надобности в моем присутствии здесь, не было ровным счетом никакой. А посему, я решил немного похулиганить. Так сказать, маленькая месть за шоу у Марковича...

Пока девчонки общались с помощниками своего портного, рассматривая образцы чего-то там... я подошел к их мастеру.

— Петр Николаевич...

— Да-да. Внимательно вас слушаю, молодой человек. — Тут же обернулся ко мне толстенький портной. Эдакий задорный колобок в вельвете, фонтанирующий неподдельным энтузиазмом.

— Кхм... я хотел бы с вами посоветоваться. — Тихо проговорил я. — По поводу платьев для моих кузин.

— О да, внимательно вас слушаю!

— Понимаете, какое дело... — Поглядывая в сторону сестёр, заговорил я...

Надо отдать должное господину Елину, он понял идею с полуслова и, довольно покивав, согласился с моими доводами. А дополнительная сумма, в виде пяти красных бумажек номиналом в десять рублей каждая, и вовсе сняли последние вопросы портного. Вот и замечательно, вот и договорились. Будет близняшкам сюрприз от кузена... А нечего из меня идиота делать! Тоже мне три лисы... Почему три? Потому что, без Ольги здесь дело точно не обошлось. Ну, с ней я тоже разберусь. Попозже... Есть у меня одна идеяка...

* * *

— Лина, тебе ничего не показалось странным сегодня? — Поинтересовалась Мила у клюющей носом сестренки, сидящей рядом с ней на заднем сиденье «вездехода». За окном мелькали залитые дождём ночные пейзажи Москвы, ярким желтым светом фонарей полосуюя салон несущейся в боярский городок машины.

— Хм... — Лина на миг приоткрыла глаза и, зевнув, пробормотала. — Если не считать странных улыбочек Кирилла, ничего...

— Вот и я о том же. — Задумчиво кивнула Мила и, почувствовав на себе взгляд близняшки, вздохнула. — Может, предупредить Ольгу?

— Ага. Хочешь, чтоб мы вдвоем отдувались за её идеи? — Проворчала Лина. — Нет уж... Да и не факт еще, что он действительно догадался... **Глава 9. Учения, как они есть**

Звонок от Прутнева застал меня аккурат в тот момент, когда я, как раз, собирался оседлать «Лисёнка», чтобы отправиться в гимназию. И честно говоря, выслушав Михаила, я почти не был удивлен. На мой взгляд, Гдовицкому с дядей Федором изначально нужно было организовать канал связи именно через него, а не передавать информацию, используя отпрыска наследника рода в качестве курьера... Тем более, что никаких особо «тайных» известий Алексей мне не предоставил. Или?... Тьфу. К чёрту! Ещё не хватало заморачиваться на эту тему. Мне и без конспирологии, есть чем заняться.

В общем, от души поблагодарив Прутнева за беспокойство и клятвенно пообещав прибыть к нему в гости не позже половины третьего, я поддал огня и Рыжий, сорвавшись с места, с рёвом рванул вперед по просеке, заставив шарахнуться в сторону какого-то, явно заблудившегося прохожего.

А в гимназии меня ждало сразу две замечательных новости. Очевидно, в качестве довеска к известиям Михаила. Что ж, когда-то же это должно было случиться? Да и... мне ли бояться какой-то контрольной по истории? Да, истории... хм. Кажется, меня ждут большие неприятности. В чём проблема? В том, что я помню ДВЕ истории... точнее, даже не так, я ЧАСТИЧНО помню две истории... А теперь, внимание, вопрос. Как мне отделить одну от другой? Я же их, наверняка, перепутаю! То-то будет радости преподавателю читать мою «альтернативку»...

— Хм, Кирилл, если не хочешь иметь долгую беседу с заместителем директора по АХЧ, советую отпустить край парты... Пока окончательно её на дрова не пустил. — Тихо проговорил сидящий рядом Леонид и я, опустив взгляд на свои руки, тихо зашипел. Лакированная поверхность столешницы, действительно, покрылась трещинами, расходящимися от небольших вмятин оставленных моими пальцами... Однако, нервы. Хм.

Ну да, я ещё в Той, как недавно казалось, прочно забытой школе терпеть не мог всяческие контрольные, тесты и прочие «срезы знаний», что бы ни значил этот идиотский бюрократический термин, каким-то образом приблудившийся в школьный, точнее, учительский «арго». Тьфу.

— Заместитель, у тебя есть шанс спасти начальство. — Вздыхнул я и имел удовольствие наблюдать удивленную физиономию Леонида. — С тебя подсказки на контрольной.

— Эм... не вопрос. — Пожал плечами тот, и я облегченно вздохнул. Минус одна проблема. Осталась ещё одна... но за её решение, ни Леонид ни наш штатный «худрук» спасибо мне точно не скажут... Впрочем, это уже будет не моя проблема. Это станет их проблемой. Ссориться с Катериной М-м... да что ты будешь делать?! Фо-ми-ниш-ной, я не собираюсь.

Раз уж Её Великолепие соизволили намекнуть на неподобающее старосте класса и, вообще, серьёзному человеку, поведение и недопустимость постоянных игр в «Охоту на лис» с желающими приобщиться к тайнам кулинарии... в общем, разочаровывать госпожу Нелидову я не хочу. А значит, настал окончательный и бесповоротный финиш моим пряткам. А жаль, хорошая тренировка была... эх!

Кое-как расправившись с контрольной по истории и отсидев оставшиеся уроки, я прикинул, сколько времени мне потребуется на решение вопроса с факультативом и... отложил его на

следующий день. Того полчаса, что имеется в запасе, мне явно не хватит. Разве что... Хм.

Ухитрившись остаться незамеченным и разместить на двери «своего» кабинета объявление, я полюбовался на ровный строгий шрифт и, развернувшись, потопал на выход, старательно избегая скоплений учеников, среди которых могли оказаться вездесущие «охотницы».

Известное здание на Трёхпрудном встретило меня уже знакомой суетой и тихим гулом курсантов, снующих по этажам с самым сосредоточенным видом. Лавируя между ними, и привлекая к себе внимание «неуставным» френчем и скромным букетом в руках, я таки миновал холл школы и, потянув на себя тяжелую дверную створку, шагнул во внутренний двор. Здесь, несмотря на холодную и пасмурную ноябрьскую погоду, то и дело «радующую» мерзкой моросью, народу оказалось не меньше, чем в самом здании. Тут и там мерцали поднимаемые эфирные щиты, неподвижно парили в воздухе и носились по самым причудливым траекториям пластиковые шарики для пинг-понга, небольшие камешки и даже книги. Впрочем, судя по обозленной физиономии какого-то курсанта, тут же принявшегося читать нотацию развлекавшемуся с литературой однокурснику, такое непрофильное использование типографской продукции, здесь не в почете.

— Молодой человек! Остановитесь! — Отвлекаясь от своей жертвы, вдруг заявил этот блюститель порядка. Должно быть, почувствовал на себе мой взгляд... Я активировал браслет и, убедившись, что время ещё есть, выжидающе замер.

— Стою.

— Кто вы, и как попали на территорию школы? — Скороговоркой протараторил курсант, оказавшись рядом. Ближайшая компания затихла, явно прислушиваясь к нашему диалогу. Я окинул взглядом своего собеседника. Высокий, лет семнадцати-восемнадцати, на лице прямо-таки написано: «ответственность и порядок». Что-то вроде старосты... или, как они здесь называются? Наверняка. Я покосился на наблюдающих за нами курсантов...

— Во-первых, вежливые люди сначала представляются, а потом уже задают вопросы. — Проговорил я. Мой собеседник нахмурился и чуть заметно покраснел. В глазах мелькнули отблески злости, а эфир вокруг него недовольно взбурлил. О как...

— Старшина четвертого курса Тормашев. — Катнув желваки, процедил курсант. — Повторяю вопрос, кто вы и что вы делаете на территории режимного объекта?

— Режимного? — Хмыкнул я.

— Наша школа относится к ведомству Оборонного Приказа, и доступ на ее территорию ограничен. — Выпустив воздух сквозь плотно сжатые зубы, проговорил старшина, сверля меня злым взглядом. И чего он так нервничает? Беспокоится о хихикающих однокурсниках за его спиной?

— Думаю, если дневальный на входе меня пропустил, то и у вас не должно возникнуть вопросов на тему обоснованности моего нахождения на территории данного учебного заведения. — Пожал я плечами. А что? Какой вопрос, такой ответ.

Такого... хм... витиеватого посыла, старшина не выдержал и, побагровев, зашипел на меня змеей.

— Издеваешься, мелочь?

— Ничуть. — Я даже головой помотал... но продолжать беседу не стал. У входа в часовню возникла знакомая фигура и я поторопился попрощаться. — А теперь, извините, старшина Тормашев, вынужден вас покинуть. Меня ждут.

Обогнув застывшего соляным столпом курсанта, я двинулся по дорожке в сторону Прутнева... Но далеко не ушёл. Старшина не выдержал смешков товарищей по учёбе и ухватился за мое плечо. Эфир вокруг него взревел и... бессильно опал, после первого же удара в солнечное сплетение. Вот ведь! Ну, кто его просил распускать руки?! Идиот...

Смех моментально смолк и рядом с согнувшимся пополам Тормашевым тут же возникли его однокурсники. Двое из них, взяли под руки хватающего ртом воздух старшину, а еще трое двинулись прямо на меня, с явно недобрыми намерениями...

— Отставить! — Громовой голос Прутнева, явно усиленный какой-то техникой, пронесся над нами, заставив дёрнуться всех присутствовавших во внутреннем дворе. Михаил же, убедившись, что все участники действия замерли на месте, не торопясь, прошел через половину двора и, оказавшись рядом, окинул нас долгим взглядом. — Гладышев, Волин! Отведите старшину к моему кабинету. Остальные... разойдись!

Двое курсантов, поддерживавших Тормашева, кивнули и преувеличенно осторожно повели уже отдышавшегося однокурсника в здание. Артисты. Трое же моих несостоявшихся противников исчезли, словно их и не было.

— Кирилл, ты что творишь? — Осведомился Прутнев, подняв вокруг нас прозрачный купол щита.

— Я творю?! — Изобразив саму невинность, я ткнул себя пальцем в грудь. — Неправда ваша, Михаил! Он первый начал!

— Ох. — Прутнев хлопнул себя ладонью по лбу и забормотал. — Пятнадцать... только пятнадцать. Ничего, это временно, это пройдет...

Я тихонько хмыкнул и Прутнев закончил этот спектакль. Отняв ладонь от лица, он устало взглянул на меня и, заметив небольшой букет, вздохнул.

— Ладно. Идём в часовню. Там поговорим, подальше от любопытных глаз и ушей. Заодно, познакомишься с одним интересным человеком. Он, как раз, должен подойти... — Щит исчез, и я двинулся следом за Прутневым, провожаемый заинтересованными взглядами курсантов. Ну да, вот ни на секунду не сомневаюсь, что среди них обязательно найдется десяток-другой умеющих читать по губам. Не зря же Прутнев устанавливал прозрачный щит от подслушивания. П-педагог, чтоб его...

Цветы, четыре идеально черных розы легли на подставку под каменной плитой с выбитым на ней именами и мы с Прутневым вошли в полумрак, под своды высокой, устремленной к небу часовни, увенчанной золотым восьмиконечным крестом.

А вот поговорить о делах наших сразу, не получилось. Поскольку обещанный Михаилом человек вошел в помещение, чуть ли не через пару минут, после нас.

— О! А вот и он. — Улыбнулся Прутнев, прерывая фразу на половине и поворачиваясь лицом ко входу, где как раз замаячила чья-то фигура. — Знакомьтесь. Кирилл Николаев, а это, Кирилл, наш отец Илларион.

Поп. Хм... а собственно, кого еще можно было дожидаться в часовне?

— Доброго дня, Михаил. Рад знакомству, Кирилл. — Ровный голос церковника, тихий, но глубокий, разнесся под сводами. Я пригляделся к стоящему напротив меня невысокому, крепко сбитому, чего не могла скрыть даже ряса, довольно молодому человеку с густой, но короткой бородой и темными, глубоко запавшими глазами на обветренном лице и... расслабился. Этот, не из толстопузых, явно. А учитывая, как он движется... Скорее всего, до службы горнему, батюшка успел послужить и земному... И тогда, вместо креста на груди, он наверняка носил погоны на плечах.

— Взаимно, отец Илларион. — Проговорил я, склонив голову. А что делать? Этикет... **Глава 10. Как много дум наводит он**

Отец Илларион... м-да. Если у него и были погоны, то исключительно с васильковыми просветами. Как ни забавно такое совпадение, но здесь, как и Там, некоторые службы предпочитают именно этот цвет... что на непривычно высоких околышах фуражек, больше напоминающих сильно урезанные кивера, что в отделке мундиров. Этот... отче всю душу из меня вытряс за время беседы. А ведь поговорили-то всего четверть часа.

Тряхнув головой, чтобы избавиться от воцарившегося в ней, после беседы с отцом Илларионом, шума, я тяжело вздохнул и постарался упорядочить мысли, скачущие, словно испуганные зайцы от волков.

Итак... Первое. Встреча со старшиной четвертого курса школы. Не знаю, была это проверка, или совпадение, но ввиду моей паранойи, буду предполагать проверку на реакцию, в рамках всё того же тестирования перед приемом в клуб эфирников.

И здесь, всё очень неплохо. Из образа быстрого на язык и удар юнца, я, вроде бы, не выпал. По крайней мере, ничего э д а к о г о в эмоциях Прутнева, когда он «наказывал невиновных и награждал непричастных», не ворохнулось. Ну, а если я ошибаюсь, и всё это было лишь случайностью, то... господин старшина получил неплохой урок на будущее. А вот не надо лезть не в свои дела, не имея соответствующих полномочий.

Часть вторая. Беседа с.... Ну да, этого Иллариона попом назвать, всё равно, что эсминец рыболовецким траулером окрестить. Тертый дядька, терпеливый... и дотошный, как наш бывший особист, ещё той, советской школы. Вот уж кто, совершенно точно, от «клуба» работал. Да он, собственно, этого и не скрывал. Ну, почти. Прямым текстом о своей причастности к этой теплой компании, отец Илларион не говорил, но намеки, недоговоренности и многозначительные переглядывания с Прутневым... Точно, коллега будущий.

Вспомнив беседу с этим мозговыворачивателем, я вздрогнул. Чёрт, да он же из меня чуть всю историю короткой жизни Кирилла не вытянул! Исподволь, потихоньку — полегоньку... ещё немного, и я бы ему содержание медицинской карты цитировать начал, с описанием всех событий, благодаря которым она пополнялась. Бр-р.

Но это бы ещё ничего... Я в своей жизни с кем только не встречался. Сталкивался и с такими же умельцами, как отец Илларион. А вот концовка нашей с ним «частной» беседы, это интересно. Очень.

Сей достойный муж, выслушав мою «исповедь» и отпустив грехи вольные и невольные,

наложил на меня епитимью. А если быть точнее, то отправил на богомолье. Вот так просто. И даже адресок подкинул, в каком именно монастыре, на это Рождество, ожидается самая устойчивая связь с небесной канцелярией.

Я бы может и послал подальше эту затею, и адресок в ближайшее мусорное ведро выкинул, да вот, не водятся таковые в часовне при военизированной школе эфиников... И Прутнев так многозначительно кивает, словно уговаривает: «Бери-бери, дурак, от счастья ж отказываешься!»

М-да... Аркажский монастырь, под Новгородом. Ничего так, каникулы у меня будут. Весёлые.

— Что нос повесил? — Поинтересовался у меня отчего-то довольный Михаил, когда отец Илларион, попрощавшись, покинул часовню.

— Да вот, думаю, как бы ещё пару лишних часов к суткам присобачить... — Вздохнул я. — Рассчитывал-то, хоть на рождественские каникулы отдохнуть, ан нет. Вот, в командировку наладили. Может, не ехать?

— Хм... Дело, конечно, твоё. Можешь и не ехать. — Легко кивнул Прутнев, а когда я на него заинтересовано взглянул, усмехнулся. — Вот только, я бы на твоём месте, не отказывался. Там тебя ещё одна беседа ждёт... с одним из наших. Если не хочешь вступать в клуб, пожалуйста. Сиди дома, празднуй...

— Понятно. Значит, ехать всё-таки придется. — Заключил я. Вот и третья часть проверки перед вступлением в «клуб эфирников», нарисовалась.

И ведь понимаю, что о настоящих причинах моего желания присоединиться к сообществу эфирников, Прутнев ни сном ни духом, что называется, а всё равно, сомнения имеются. Не предчувствия, нет. Просто... просто не хочется лезть в эти дела.

Чёрт его знает. А может сам факт, что решение о вступлении в клуб, вынужденное... и окончательное, так на меня давит. Другое дело, что принято оно было аккуратно после «рыбалки» с громовскими старпёрами. Именно тогда я понял, что из сложившейся ситуации, у меня есть только два выхода. Либо вступить в клуб эфирников, получив определенную защиту от посягательств со стороны ушлых бояр и иных ухарей, либо и дальше жить как ни в чем ни бывало, и ждать визита иезуитов или подставы всё тех же бояр... нет, не со зла или из мести, а из нежелания упускать из своих загребущих лап мастера Эфира. Конечно, мастер — не бог весть, какая птица, да только не любят именитые бесхозных вещей и... людей. Настолько не любят, что готовы прибрать их к рукам в любой момент, а то и организовать такую ситуацию, что иного выхода, кроме как проситься под их опеку, не найдется. А мастер эфира, это не стихийник-слабосилок, которого и из рода турнуть не зазорно... Применение такому всегда найдется.

Я вспомнил беседу с родственничками на заимке, и вздрогнул. Это была не самая простая встреча в моей жизни. Из трех присутствовавших братьев Георгия Дмитриевича, я знал только деда Пантелея, да и то, лишь потому, что пару лет назад Кирилла сплавил в тверское имение Громовых, где, как раз, и проживает многочисленная семья самого младшего брата боярина. Это было самое спокойное и веселое лето в жизни Кирилла, со времени смерти его родителей. С двумя другими братьями, я общался впервые, хоть и видал их прежде, на официальных мероприятиях рода. Но впечатление они на меня произвели... Хм. Особенно тем, что чуть ли не в первый же момент нашей встречи на заимке, предложили идти в боярские дети. И даже уточнили, к кому именно. Дед Пантелей, высокий, чуть сутулый дядька с побитой сединой

шевелюрой, порадовал меня своей фирменной кривой улыбочкой и тут же заявил, что его внуки будут рады увидеть меня снова, а некоторые девчонки из соседнего села изрядно выросли и очень даже округлились... в нужных местах. Конечно. А то я не знаю, что в Ратном живут только боярские дети и за попытку там «погулять», меня моментально приговорят к пожизненному закл... в смысле браку. И никакие помолвки не спасут.

— Честно говоря, это не совсем та тема, что меня сейчас волнует. — Вздохнул я, под тихий смехок дяди Фёдора. Ну да, ну да. Очень забавно, конечно. Спасибо маме с папой...

— Хм. Не хочешь вновь оказаться под опекой Георгия? — Прищурившись, поинтересовался сидящий рядом с дедом Пантелеем, Игорь Дмитриевич. Худощавый, как все старшие Громы, но, в отличие от братьев, небольшого роста, старший после главы рода, он больше всего походил на лиса. Старого такого, матерого лиса.

— Можно и так сказать. — Я осторожно кивнул.

— Историю-то, хорошо помнишь? — Одним неуловимым жестом уведя с тарелки соседа — деда Григория, кусок белорыбицы и тут же закусив им опрокинутую в рот рюмку водки, Игорь Дмитриевич довольно крикнул и договорил, — так вот, тогда ты должен знать такую формулу: вассал моего вассала, не мой вассал. Пойдешь в личные боярские дети к Пантелею, и Георгий ничего тебе ни сделать, ни приказать не сможет.

— Зато, он сможет отдать приказ самому деду Пантелею, как глава рода. — Развел я руками.

— А внучок-то с норовом. — Прогудел в бороду, молчавший до этого Григорий Дмитриевич. Единственный тяжеловес в компании сухих и подтянутых Громовых, если не считать Фёдора Георгиевича, но и тому до дядьки ещё кушать и кушать, жрать и жрать...

— Внучатый племянник, если быть точным. — Проговорил наследник главы рода, и тут же умолк под тяжёлым взглядом Григория Дмитриевича.

— Хм. Верно говоришь. — Кивнул мне дед Игорь, словно и не заметив реплик брата и племянника. — Верно, да не совсем. Тебя с Пантелеем слово свяжет. Рота. А по ней, ни он тебе, ни ты ему, зла совершить не сможете. Даже, если глава рода прикажет. Да Георгий и заикаться о таком не посмеет, это же прямой урон его власти над родом.

— Он и без прямых приказов обойтись сможет. — Вдруг тихо проговорил Фёдор Георгиевич. Дед Игорь тут же нахмурился и, вперив взгляд в наследника главы рода, проговорил, обращаясь тем не менее, именно ко мне.

— Ты, вот что, Кирюша... Сходи-ка, проверь снасти, что для рыбалки приготовлены. А там и мы подтянемся. Иди-иди...

— Успеется ещё, Игорь Дмитриевич. До заката еще часа полтора, время есть. — Покачал я головой, даже не делая попытки встать из-за стола. И на мне тут же скрестились взгляды всех трёх братьев. Уставились, словно говорящую лошадь увидели. — Что? Фёдор Георгиевич прав. До сих пор деду и приказов отдавать никому не надо было, чтобы устроить мне весёлую жизнь. Где гарантии, что с принятием присяги, что-то изменится?

— Однако. — Деды переглянулись. Точнее, Пантелей с Игорем, а вот Григорий смерил меня злым взглядом. — На рожон лезешь, мальчишка. — Зашипел он. — С кем пререкаться вздумал, недоросль! Сказано было идти снасти готовить, вот и иди.

— Хм. Кажется, мы друг друга не поняли. — Вздыхнул я, поднимаясь из-за стола, и повернулся к старательно давящему ухмылку дяде Фёдору. Старательно, но безуспешно. По крайней мере, скрыть свое эмоциональное состояние в эфире, он явно не смог. — Федор Георгиевич, спасибо за гостеприимство, за стол. Жаль, беседы толковой не вышло. Всего хорошего.

— Постой, Кирилл. — Вклинился, не дав ответить дядьке, Игорь Дмитриевич. — Не крути хвостом. Григорий всегда был скор на язык и скорбен на голову. Присядь... забылся братец, что не с младшим родовичем говорит, а со свободным мастером Эфира, пусть и юным.

— Тогда, желательно, чтобы он поскорее об этом вспомнил, и больше не забывал. — Вновь заговорил Фёдор Георгиевич, и на этот раз, в его эмоциях не было и намек на легкомыслие. — Отец дал слово, что род не будет сознательно вмешиваться в дела Кирилла, без его согласия. Так же, как и Кирилл обещал не лезть в дела рода. В свете нынешних событий, я подтверждаю этот договор, и советую, уважаемые родственники, вести себя соответственно.

Деды поворчали, но нехотя согласились, и разговор покатился так, словно и не было только что никакой перепалки. Показательно. Именно тогда я и решил, что «клуб» будет для меня меньшим из зол. А теперь вот, отдуваюсь... Нет, но монастырь?! **ЧАСТЬ II. ОБЛАКА — БЕЛОГРИВЫЕ ЛОШАДКИ**

Глава 1. Долг платежом красен... а вовсе не кровавыми брызгами заляпан

Щебетание младшекласниц может и осталось бы незамеченным Милой и Линой... если бы не касалось знакомого имени. И по окончании уроков, близняшки отправились по услышанному от младших адресу. Информация о том, что Кирилл открывает прием на организованный им факультатив, вызвала у них жгучее любопытство. Нет, слухи о каком-то диком количестве «клубов», организованных младшими классами в этом году, до них доходили, но... старшие классы, есть старшие классы. Какое им дело до затей и выдумок «мальков», пусть даже те и младше всего на год-два? В общем, ничего удивительного в том, что суэта вокруг факультативов обошла старшие и выпускные классы стороной, не было. Потому, и известие, что один из таких «кружков по интересам» открыл Кирилл, до сестер не добралось. До сегодняшнего дня.

Каково же было удивление близняшек, когда оказавшись у дверей нужного кабинета, они обнаружили, что тот представляет из себя знакомую им кухню, где и Миле и Лине пару раз удавалось перехватить чего-нибудь вкусного. Но, они-то считали, что это просто «находка» моделлистов. А получается...

— Кулинария?! — Вырвалось у Милы. — То есть, то что мы здесь ели, приготовил Кирилл? Сам?!

— Не вижу ничего странного. — Фыркнула Лина, в ответ на восклицание сестры. — Он и в имении, больше с обслугой общался. Наверняка, у них и выучился.

— Ни разу не видела его в кухонном блоке. — Заметила Мила. — Но, наверное, ты права. Хотя, после недавних событий и новостей, я с трудом могу представить Кирилла в поварском фартуке...

— Конечно, права. — Криво улыбнулась та и, оглядевшись по сторонам, хмыкнула. — Меня больше интересует, с чего вдруг такой ажиотаж вокруг этого факультатива и...

— Кирилл. — Закончила за неё, сестра. Но от улыбки удержалась. Уж больно подозрительно Лина на неё покосилась.

На близняшек начали обращать внимание собравшиеся у входа в кабинет добрых два десятка младшеклассниц. Действительно, атмосфера здесь была явно нездоровой и, кажется, сам факультатив волновал пятнадцатилетних учениц в последнюю очередь. В отличие от его организатора...

— Да что тут происходит? — Уже значительно тише, чтобы не привлекать внимания столпившихся у кабинета девушек, пробормотала Лина. И тут же получила легкий толчок локтем в бок от сестры. — Что?

— Взгляни, вон у поворота коридора... — Проговорила Мила, обратив её внимание на парочку, устроившуюся у окна. Младшеклассники, девчонка и парень, с любопытством наблюдали за толпой девушек и явно чего-то ожидали. Вот только на лицах у них было не нетерпеливое ожидание, а...

Лина присмотрелась к парочке. Девушку она, вроде бы, видела в театральной студии, а парень... Белобрысый, невысокий... хм. Бестужев? Ему-то что здесь нужно?

— Кажется, они не очень-то довольны происходящим, а? — Заметила Мила.

— Или ждут чего-то неприятного. Словно... словно им кто-то поломал какие-то планы. — Согласно кивнула Лина.

Близняшки переглянулись и одновременно выдохнули: «Кирилл».

— Зайдите к «моделистам». — Раздавшийся за их спинами голос явно принадлежал упомянутому кузену, но когда сёстры оглянулись, никого не обнаружили. Впрочем, знакомые с кое-какими фокусами Кирилла, они ни на секунду не усомнились в том, что действительно слышали его голос и, как послушные ученицы отправились по указанному «адресу». И естественно, не стали тратить время на удивление, обнаружив в кабинете моделистов сидящего на столе младшего брата.

— Это называется, на ловца и зверь бежит. — Ухмыльнулся Кирилл, после короткого обмена приветствиями. — Я уж хотел сам на ваши поиски отправиться...

— Кхм, а зачем? — Переглянувшись с сестрой, поинтересовалась Мила. Осторожно поинтересовалась. Уж больно не понравилась ей улыбка Кирилла. Недобрая такая ухмылочка.

— Не надо так напрягаться, Мила. — Тут же отреагировал Кирилл. — Я, всего-то, хотел, чтобы вы переговорили с одним из старшеклассников... к обоюдной выгоде, так сказать.

— А поподробнее? — Прищурилась Лина. — С кем, для чего... и почему, вообще, мы должны с кем-то о чем-то говорить?

— Не должны. — Тут же согласно кивнул Кирилл. — Дело не касается вашей учебы, а значит, это просто просьба, не больше. Как раз касающаяся столпотворения в коридоре за этой дверью. Выслушаете?

— Излагай. — В один голос заявили сёстры. Любопытство, страшная сила...

— Хм. Скажем так. Я хочу, чтобы кто-то из старшеклассников поспорил с Бестужевым и...

видели рядом с ним девушку? Они у окна стояли, дальше по коридору. Вот-вот, с ней тоже. Сможете устроить?

— И о чем нам с ними спорить? — Поинтересовалась Мила.

— Не вам. Тут они, наверняка, почуют подвох. С кем-нибудь другим. — Нахмурившись, проговорил Кирилл. — А спор... нужно поспорить на то, что после первого занятия, в клуб не запишется ни одна из присутствовавших девушек.

— На что спорить-то? — Не сводя взгляда с Кирилла, спросила Лина. — На какую-нибудь гадость, типа желаний?

— Нет-нет. Тысячи на две, больше, я думаю, они на своём тотализаторе не заработали. — Покачав головой, задумчиво проговорил кузен, напрочь проигнорировав издевку в голосе двоюродной сестры. Близняшки ошарашено переглянулись, и вот это Кирилл заметил. — Да не беспокойтесь, деньги на спор я дам. Десять процентов уйдет «агенту», и десять вам...

— По десять. — Тут же отреагировала Лина. Ну да, четыреста рублей, это же карманные деньги сестер за месяц. Лишними они точно не будут.

— Да не вопрос. Договорились. — К удивлению сестёр, отмахнулся Кирилл. — Мне не деньги нужны. Важен сам факт их проигрыша.

— Разбрасываешься наследством, Кирилл Николаевич. — Не удержавшись, пропела Лина. И взгляд кузена тут же похолодел, стал колючим и чужим, придавив и без того понявшую, что полезла не туда сестру.

— Не наследством, а трофеями. — Ровным тоном проговорил он и, прямо взглянув в глаза кузине, добавил, — Род Громовых неплохо платит за смерть своих врагов.

Лина дернулась, как от пощечины и во мгновение ока исчезла из комнаты.

Вот ведь. Так и знала, что рано или поздно Линка не удержит язык за зубами... и огребёт. Всё-таки, темперамента у неё куда больше, чем мозгов. Определенно.

— Извини, Кирилл. — Медленно проговорила Мила, оглядываясь на захлопнувшуюся дверь кабинета. — Линка, как всегда брякнула, не подумав.

— Это точно. — Хмыкнул брат, лицо которого успело утратить сходство с каменной маской, даже взгляд немного потеплел... кажется.

— Я пойду, поговорю с ней. — Вздохнула Мила. — И... на счет спора...

— Двадцать процентов ваши, как договорились. — Кивнул в ответ Кирилл.

— И рассказ о причинах толкнувших тебя на эту... это действие — Тут же добавила кузина.

— Вот уж точно не проблема. — Усмехнулся Кирилл. — Просто, Леонид решил «отплатить» мне за те «прогулы» школы, когда мы жили у Бестужевых. Забыл, что чувство зависти, лишь чуть менее бессмысленно, чем жадность. Вот я и решил его проучить.

— А эта... Вербицкая? — Не удержалась от любопытства девушка.

— А вот тут, я не разобрался. — Честно признался кузен, разводя руками. — Мария, барышня

эксцентричная, вполне могла пойти на это исключительно из любви к искусству. Буду признателен, если сможешь разгадать эту шараду. Прямолинейной мужской логике, она, чую, не поддастся. Только, сначала, спор. А то, до начала занятия осталось меньше полчаса...

Мила в ответ рассмеялась и, пообещав помочь, выпорхнула из кабинета. Теперь, ей нужно было срочно найти «агента», а потом... потом можно будет отправиться на поиски психующей Лины. Впрочем, если она действительно вышла из себя, то поиски будут недолгими. Всего-то и надо будет идти на звук боя, или, если у сестры хватит выдержки, то на полигон.

Кстати, а это идея... Мила улыбнулась. Кажется, она знает, кто именно подойдет на роль «спорщика»

* * *

Отпирая дверь в кабинет под нетерпеливыми, заинтересованными и просто обжигающими любопытством взглядами двух дюжин пятнадцатилетних «шпингалеток», я краем взгляда следил за всё так же стоящей у окна «сладкой парочкой» и... чуть не выронил из руки ключ, когда увидел возникшего рядом с ними «Арамиса». Ну, Мила! Это ж надо было так угадать с «агентом»! Вот уж кого точно не заподозрят в сговоре со мной, так это Винокурова... Нет, всё-таки теорию неравномерного распределения мозгов у близняшек, можно считать доказанной...

Я тряхнул головой и, отперев, наконец, дверь, сделал приглашающий жест рукой, и кандидаты на мой факультатив, чинно прошествовали в кабинет, на ходу «расстреливая» меня взглядами. Ну-ну...

Убедившись, что больше желающих присоединиться к нашей компании не наблюдается, я запер дверь и повернулся к успевшим разбрестись по всему помещению девушкам.

— Итак, приветствую вас на первом открытом занятии кулинарного факультатива. — Улыбнувшись во все тр... двадцать восемь, заговорил я... **Глава 2. Кулинария? Нет, сложная химия**

Проводив взглядом бледных, кажется, даже отдающих в зелень слушательниц, я довольно усмехнулся и, включив на полную мощность вытяжку, чтобы поскорее избавиться от витающих в помещении, прямо скажу, далеко не приятных запахов, принялся за мытье всей той химической посуды, что натащил в кабинет специально для этого «открытого занятия». Насвистывая незатейливую мелодию, я решительно смахнул «реактивы» в тут же недовольно загудевший утилизатор, явно еще не сталкивавшийся в своей недолгой жизни с такими ядреными отходами, а в следующую секунду вынужден был повернуться на звук открывающейся входной двери.

— Что здесь так воняет? — Воскликнула Лина, морща носик, и подталкивая в спину остановившуюся в дверях сестру. Та вздрогнула и, наконец, вошла в кабинет. Хм. Всегда знал, что при выборе между любопытством и злостью, женщина выберет первое... а второе отложит до первого же удобного случая, чтобы когда тот подвернется, припомнить сразу всё.

— Демонстрационный материал. — Невозмутимо ответил я на вопрос Лины, наблюдая, как следом за близняшками в помещение просочились грустные и явно недовольные Леонид с Марией... и Винокуров. Хм.

— Теперь я понимаю, почему ты был так уверен в своей победе. — Вздохнул Бестужев, кивая «арамису». Тот в ответ, только дернул головой и молча уставился на меня.

— Что? — Я не выдержал, когда взгляды всех «гостей» скрестились на мне.

— Рассказывай. — Наставив на меня свою боевую пилку для ногтей, прищурилась Вербицкая. — Как ты это сделал?

— А что, ты не чувствуешь этих убийнейших ароматов? — Скривился Леонид. Вот только на Марию его слова не произвели никакого впечатления.

— Если бы мне предложили блюдо с таким запахом, я бы бежал от повара без оглядки. — Согласно кивнул Винокуров.

— Ну, Кирилл, ну расскажи! — Моментально преобразившись, заканючила одноклассница. — Ну, я же умру от любопытства!

— Тебя не устраивает их версия? — Кивнул я в сторону Бестужева и своего бывшего противника.

— Я же не дура. — Вздернула носик Вербицкая. Пилочка указала на перемытые колбы и мензурки. — Это, совсем не похоже на горшочки для жаркого. Да и запахи сплошь химические, ну, если не считать легкой нотки гнили...

— И плесени. — Согласно кивнула Мила. — Такое впечатление, что здесь препарировали труп недельной давности.

— Хм. Какие интересные сравнения. — Ухмыльнулся я и, поняв, что еще немного и мои «гости» задымятся от любопытства, махнул рукой. — Ладно-ладно, расскажу. Но сначала, закончим с делами.

Правильно меня понявший, Винокуров выудил из кармана стопку купюр и, выложив её на столешницу, насмешливо улыбнувшись, кивнул Бестужеву и Вербицкой. Какой понятливый молодой человек, а? Мои одноклассники проводили деньги непонимающими взглядами, тут же ставшими возмущенными, едва я наложил на стопку купюр свою лапу. Разметав доли участникам аферы, я повернулся к недовольному Леониду.

— Понял, за что?

— Хм. За подставу под «охоту». — Вздохнул он, отводя взгляд. М-да, не дошло.

— Неверный ответ. — Я покачал головой. — Если бы дело было только в этом, я бы первым посмеялся над такой забавной шуткой. После того, как отомстил в том же духе, разумеется.

— А за что, тогда? — Склонив голову к плечу, спросила Вербицкая, кажется, уже позабывшая, что её только что развели на немаленькую сумму. Ну да...

— За жадность. — Ответила вместо меня Мила. Я всегда говорил, что у неё есть мозги. Еще бы пореже шла на поводу у сестры, и цены б ей не было. — Не надо было превращать месть в заработок. Это, скользкая дорожка.

— Ладно-ладно. Мы поняли. — Кивнула Мария, явно не пребывающая в восторге от начавшейся нотации. Да и Леонид рад был сменить тему. — Больше не повторится. А сейчас,

Кирилл, рассказывай давай, как ты от них избавился?!

Актриса... прирожденная. Так изобразить легкомысленную наивность, это ж какой талант пропадает, а?

— Баш на баш. — Предложил я. — Ты расскажешь, как умудрилась сподвигнуть всех этих школьников на «охоту».

— Договорились. Расскажу... хм, наедине, с твоего позволения. — Протянула Вербицкая. — Но ты, первый.

— Хорошо. — Согласился я. — В принципе, тут не было ничего сложного. Вспомни, с чего начинается первое занятие по любому практическому предмету, где используется оборудование или вещества, представляющие потенциальную опасность?

— С техники безопасности. — Ответил вместо Марии Винокуров.

— Вот, с неё я и начал.

— Не поняла. — Три голоса слились в один. Да и «арамис» с Бестужевым явно пребывали в недоумении.

— Ну, это же просто! — Развел я руками. — Какая первая опасность угрожает при обращении с продуктами? Истекший срок хранения! Знаете, как сложно было найти лежалую говядину? А протухшие яйца? Хорошо ещё, что с видеоматериалами проблем не было... хотя, отыскать изображения иллюстрирующие заражение человека ленточными червями было тоже непросто. — Я щелкнул пультом, и на стене появилась проекция одной из записей. Девчонки дружно охнули и отвернулись, а Бестужев с Винокуровым судорожно сглотнули.

— Хм... Но, ведь лекции по технике безопасности обычно читаются только один раз... — Нехотя протянула чуть побледневшая Вербицкая, отворачиваясь от неаппетитного изображения на стене. — А дальше...

— А темой следующего занятия я заявил сводку по простым однокомпонентным пищевым ядам и признакам интоксикации ими. Практика же... способы нейтрализации в домашних условиях. — Ухмыльнулся я. — Идея клизмы и рвотного не пришлась дамам по душе. Ну, и были еще варианты... вроде поиска и определения съедобных насекомых в полевых условиях и особенностей экзотических кухонь мира. Ну, знаете: жареные змеи, саранча в кляре, брюшки тарантулов во фритюре... В общем, у меня был неплохой план занятий. Жаль, кандидаты его не оценили... или наоборот, оценили слишком высоко, как посмотреть.

— Кто б тебе такое позволил в стенах школы? — Кое-как справившись с взбунтовавшимся организмом, заметила Мила.

— Главное, подача материала. — Я хмыкнул, глядя на моих собеседников. О как! Даже парней пробрало. — Никому из кандидаток даже в голову не пришло, что подобные эксперименты не будут одобрены администрацией.

— А какое это имеет отношение к кулинарии? — Вдруг спросил Винокуров, нервно облизав губы. — Я имею в виду яды.

— Самое прямое. — Состроив серьёзную физиономию, ответил я. — Учить готовить девушек, которых с малолетства наставляли в умении вести хозяйство, просто глупость. Зато

разбираться в ядах, их применении, симптомах и эффектах, что в вашем высшем обществе, совсем не лишнее, никто не учит. А ведь большинство ядовитых веществ проще всего подать цели именно в пище... И иногда достаточно просто знать, в какое блюдо какой «неучтенный ингредиент» можно подсунуть, чтобы «клиент» его не учуял, и принять соответствующие меры, чтобы не оказаться на том свете, например, от убойной дозы гликозида амигдалина в абрикосовых косточках.

— Но почему «кулинарный»? — Поддержал «арамиса» Леонид и заработал сожалеющий взгляд от Вербицкой.

— Ну конечно, почему бы сразу не обозвать это сборище «сообществом последователей Борджиа», или «клуб почитателей синьоры Тофаны»? Или нет, лучше «Медичи и Руджиери». — Язвительно заметила Мария и, повернувшись ко мне, мило так улыбнулась. — Кирилл, а можно я приду на следующую лекцию?

— Давай, я лучше просто скину тебе нужные тексты. — Вздохнул я. — Не зря же я их в Паутинке искал...

Через полчаса, то есть одно чаепитие спустя, мы дружной толпой вывалились из кабинета и разошлись в разные стороны. Впрочем, с близняшками мы вскоре пересеклись у моего портного, куда они приехали посмотреть, как идет постройка костюма, а после отправились на очередную тренировку, где дела наконец, стронулись с мертвой точки.

Сестры, всё-таки, поняли, что манипуляции эфиром, совсем не то же самое, что заученные стихийные техники, и здесь нет необходимости в формальном подходе и делении на те умения, что доступны старшему новику и совершенно недоступны младшему. Эфир, куда более гибок. Да, купол тишины радиусом в десяток метров, у начинающего эфирника, скорее всего не получится, но два-три метра, почему бы и нет?

Надо было видеть удивление на их лицах, когда следуя моим указаниям, Мила смогла поднять сестру в воздух, разместив под ней кинетический щит. Правда, сил на него у кузины ушло куда больше, чем даже если бы она развернула подряд пяток техник уровня воя. Концентрацию надо тренировать, концентрацию!

За то, что она уронила Лину с двухметровой высоты, я загнал Милу на медитацию и, всучив пару металлических шариков для последующей за ней отработки телекинеза, занялся шипящей от боли в отбитой попе, близняшкой.

Как результат, по окончании занятия, сестры на пару приводили в порядок нашу «песочницу», используя для выравнивания покрытия все те же кинетические щиты. Благо, той дури, что они могли вкачать в эти простые эфирные приемы, хватило бы, чтобы заменить ими двадцатипятилетний трамбуемый механизм.

В общем, толк был, и это не могло не радовать. Так что, засыпал я с улыбкой на губах. Волнение от грядущего визита громовских «инспекторов», с каждым проходящим днем подкрадывавшееся всё ближе, отступило, недовольно ворча, и я уже было совсем уснул... но тут до моего слуха донесся прямо-таки истошный вопль автомобильного клаксона, моментально сорвавший дремоту, словно теплое одеяло с плеч. Наученный горьким опытом, я скатился на пол, успев выдернуть из-под подушки один из «ругеров» и, скрывшись за отводом глаз, принялся сканировать окружающее пространство. Вездеход на улице. Один. Людей — двое. Знакомые. Теперь понятно, почему сигнализация не подняла тревогу. Гости из допущенных и, наверняка, дали нужный код.

Тьфу ты. Выбравшись из-под стола, я нацепил штаны и, так и не выпустив из руки ствол, отправился встречать гостей.

— Добрый вечер, Кирилл.

— Два вопроса. Ты на часы смотрела? И как, половина второго ночи, это, по-твоему, «доброе» время? — Вдохнул я и повернулся к сопровождавшему мою неожиданную гостью мужчине. — Здравствуйте, Аристарх Макарович... **Глава 3. Чего хочет женщина...**

Хромов кивнул и, бросив красноречивый взгляд на пистолет в моей руке, тоже прогудел что-то приветственное. Посторонившись, я пропустил гостей в дом и, закрыв за ними двери, потопал ставить самовар. Чую, это не просто поздний визит в гости... ну да, в середине ночи, куда уж позже-то... дальше только «раньше» получится. А раз так, значит, предстоит нам долгий разговор. Ну а какая беседа без чая?

С любопытством посматривая, как я вожусь с пузатым самоваром и прилаживаю к нему выведенную в форточку трубу, Хромов ходил вдоль немногочисленных пока полок с книгами, не зная чем себя занять. Ну да, Ольга, на правах «знакомой с домом», умчалась в кухонный закуток, в поисках заедок к чаю, я самоваром занимаюсь... молча. Вот и бродит по комнате ярый гвардеец, словно неприкаянный. Тоже мне, привидение отца Гамлета.

Но вот, на столе появились теплые ватрушки, медовики и пирожные, и самовар, отшумев, ворчливо забурился, словно подавая сигнал к началу чаепития.

— Я вас слушаю... внимательно. — Проговорил я, когда были сделаны первые глотки обжигающе горячего крепкого чая. М-да, сюда бы еще лесных травок... или хотя бы мяты. Цены б такому чаю не было.

Ольга переглянулась со своим телохранителем и, вздохнув, призналась.

— Я из дома сбежала.

— Ну и дура. — Хмыкнул я и, получив в ответ два изумленных взгляда, пожал плечами. — Что? Если уж бежишь из дома, то с собой надо прихватывать что-нибудь компактное и легко конвертируемое в «кров и стол», а шкафы таскать, последнее дело. Даже хуже, чем чемодан без ручки. Его тащить неудобно, а бросить жалко. А шкаф еще и тяжело.

— Какие шка... — Ольга перевела взгляд на Хромова и захихикала. А вот самому гвардейцу сравнение явно не понравилось.

— Издеваешься, Кирилл Николаевич? — Хмуро поинтересовался он.

— Я? Да ни в жисть. — Округлив для пущей достоверности глаза, замотал я головой. Но тут же посерьёзней. — Это вы надо мной издеваетесь. Или, скажете, что тоже в бега подались, Аристарх Макарович? А вам-то чем боярин Бестужев насолил? Ну ладно, Ольга. У неё, понимаете ли, уважительная причина, любит она меня больше жизни, а грозный папенька, что называется, не велит... А вам он чего запретил?

— Когда это я такое говорила?! — Возмутилась заалевшая Ольга.

— А что, нет? — «Удивился» я. — Тогда, тем более, не понимаю, зачем вам было сбежать из

дома, если только...

Я перевел взгляд с нареченной на Хромова и тот немедленно налился багровым цветом. Хм. Да уж, Ольга с алыми щеками выглядит куда как привлекательнее.

— Ты что имеешь в виду, охальник?! — Рыкнул Аристарх Макарович. Ольга непонимающе взглянула сначала на Хромова, потом на меня... а потом до нее дошло то, что я недосказал.

Уклонившись от просвистевшей над головой пиалы, с жалобным звоном разбившейся о стену, я проводил ее взглядом и вздохнул.

— Да. Согласен. Идея дурацкая, к тому же я только что получил доказательство ее несостоятельности. — Тираду эту я выдал, уже прикрывшись кинетическим щитом. Правда, услышав мою речь, Ольга взяла себя в руки, но... на всякий случай, обезопаситься не помешает. — Всё-таки, любит она меня, а не вас.

— И с чего же такой вывод? — Рассерженно осведомилась Ольга.

— Ну, чашки-тарелки ты уже колотить начала, так что, можно сказать, первая репетиция семейной жизни прошла удачно. И какие выводы еще я могу сделать из такой твоей более чем основательной подготовки? — Я развел руками.

— Стоп-стоп-стоп. Кирилл, притормози. — Старательно дав улыбку и косясь на растерянно-удивленное лицо Ольги, проговорил Хромов. — Хватит уже этих твоих выдумок.

— Хм... — Я снял щит и, поставив перед Ольгой послушно прилетевшую из шкафа целую пиалу, вздохнул. — Что ж, тогда, я вас внимательно слушаю... И надеюсь, вторая попытка выйдет удачнее

И действительно, история о том, как Ольга решила сбежать от подготовки к пиру, сбросив свои обязанности хозяйки дома на зазнобу отца, звучала куда лучше, чем короткое: «я сбежала из дома», сказанное сонному нареченному, в половину второго ночи, на пороге сеней его собственного дома. Задавать идиотский вопрос на тему нежелания Ольги отправиться в загородное имение Бестужевых, я не стал. Хотя, подозреваю, что ответ у неё уже был заготовлен.

В общем, через полчаса я перестелил собственную постель и, оставив спальню в распоряжении нареченной, отправился в общую комнату, где Хромов уже раскладывал кресло, превращая его во вполне удобную кровать. Обеспечив гвардейца постельным бельем и подушкой, я вздохнул и, отперев дверь в небольшую комнатку-закуток, изначально рассматривавшуюся мной, как гостевую, шагнул через порог. Над полом тут же взвились фонтанчики пыли. Я оглядел помещение, заваленное стащенным со всего дома хламом, и поморщился. Вот сколько раз обещал себе, разобрать эту барахолку и всё время ведь находились какие-то более важные дела. М-да.

Поднятый эфиром, вихрь вымел весь сор и пыль в предусмотрительно распахнутое мною окно и, протаскив мелкий мусор через двор, распался где-то за воротами. Вот, заодно и комнату проветрил.

На организацию спального места ушло еще минут десять. Благо, в комнате стояла вполне приличная кровать, купленная мною одновременно с остальной мебелью. Другое дело, что спихивая в «гостевую» всякий ненужный хлам, я успел завалить эту самую кровать кучей каких-то коробок... Пришлось перетаскивать их в свободный угол комнаты.

Окинув взглядом итог незапланированной уборки, я удовлетворенно кивнул и, постелив перетащенное из своей спальни постельное белье, со сладким зевком, рухнул на кровать. Глаза слипались, и спать я хотел просто невероятно. Но, не судьба...

Легкие шаги за дверью я расслышал позже, чем выкрученная для тренировки на повышенное внимание, чуйка сообщила, что по дому шарится одна неугомонная нареченная. Вот, входная дверь в мою комнату тихонько скрипнула.

— Кирилл, ты не спишь? — Тихий шепот раздавшийся в помещении, заставил меня вздохнуть.

— Нет, но предупреждаю, вопрос «почему», станет последним в твоей недолгой и такой яркой жизни. — Пробурчал я, открывая глаза. Не то, что бы я хотел что-то увидеть, но... если они останутся закрытыми, то чувствую, не пройдет и минуты, как я провалюсь в сон.

Открыл. Черт! Лучше бы я уснул. Моих собственных умений и лунного света, льющегося в окно, оказалось вполне достаточно, чтобы рассмотреть наряженную в полупрозрачное нечто, Ольгу. Как там... Обходя окрестности Онежского озера, отец Онуфрий обнаружил обнаженную Ольгу... Твою дивизию, ну за что?! Чёртовы гормоны, чёртовы евгеники... аргх!

— Девушка, если ты сейчас не исчезнешь из моей комнаты, одной девушкой на свете станет меньше. Это я тебе могу пообещать. — Прикрыв глаза и пытаясь избавиться от продолжающей маячить перед мысленным взором соблазнительной картинки, тихо проговорил я. Р-родители-экспериментаторы, чтоб им... ну мамы, ну подсуропили!

— Ты меня убьешь? — Так же тихо поинтересовалась Ольга. Вот только тон... и направление движения, как то не соответствовали предположению. Ей бы к двери податься...

— Это заразно. — Констатировал я, все еще стараясь избавиться от сладкого видения под закрытыми веками. Безуспешно, разумеется.

— Что именно? — А вот теперь в голосе нареченной явно слышалось любопытство.

— Дурость женская, обыкновенная. Судя по всему, она передается воздушно-капельным путем, и ты ею заразилась. От Линки, должно быть.

— Что?! — Кхм, кажется, я что-то не то сказал. Или меня не так поняли... Впрочем, разбираться буду потом. А пока...

Рывком переместившись за спину уже приготовившейся к удару Ольги, я мысленно перекрестился и... сжал ее в объятиях, пока нареченная не разнесла комнату к чертям... Один раз такой фокус мне уже удался, так почему бы и не повторить?

Кипевший вокруг девушки, Эфир неохотно улегся, но не успел я перевести дух, как входная дверь буквально впечаталась в стену, а в проеме возникла массивная фигура Хромова.

— Ох. Прошу прощения, я подумал... впрочем, неважно. — Рассмотрев Ольгу в моих объятиях, прогудел гвардеец и, заговорщически мне подмигнув, исчез, словно его и не было. И только тут я понял, что нареченная уже не прижимается ко мне спиной и... тем, что ниже, а неведомым образом развернувшись в кольцо рук, внимательно смотрит мне в глаза.

— Я поговорю с тобой о Малине Федоровне... утром. — Тихонько проговорила Оля, прижимаясь ко мне... и честно, я даже возражать не стал. Ни о времени, ни о теме. Не до того...

И чёрт с ним, со сном, на пенсии отосплюсь!

* * *

Валентин Эдуардович Бестужев перечитал записку, оставленную ему сбежавшей дочерью, после чего активировал браслет и заново прочёл присланное утром письмо от Хромова. Прикрыл глаза, вздохнул и... ухмыльнулся.

— Всех обошла. Все споры разом... Но, бедный Кирилл. Ему ж теперь от разъяренных ухажёров отбиваться и отбиваться. Впрочем... — вспомнив короткий рассказ гвардейца о способностях бывшего Громова, Бестужев хмыкнул, — большой вопрос, кому в действительности нужно сочувствовать. Ему, или его будущим противникам.

Тут браслет вновь подал сигнал и его владелец углубился в изучение ещё одного письма... по прочтении которого, довольная улыбка Бестужева превратилась в весёлый оскал, а потом Валентин Эдуардович разразился гомерическим хохотом.

— Ну Кирилл, ну затейник! Ладно, помогу и сообщу... вовремя. — Бестужев залил присланную копию чека в память браслета и, рассмеявшись, покачал головой. — Да. Вот уж действительно, два сапога — пара. **Глава 4. Карты, Ольга, два ствола...**

Утром выяснилось, что ни я ни Ольга, толком не знаем, как нам себя вести. У нареченной, это, вообще, первый опыт, а я... я попросту уже забыл, каково это, просыпаться в одной постели с женщиной и, от накативших, казалось, давно и прочно забытых ощущений, пребывал в состоянии томной задумчивости. Тормозил, проще говоря. А учитывая гормональный шторм в наших организмах, Ольгино смущение и ещё больше усугублявшие его, ехидные ухмылки Хромова... в общем, это было сложное утро. Хорошо ещё, что Оля оказалась в курсе кое-каких специфических лечебных техник, которые легко справились с некоторыми последствиями бурной ночи и изрядно облегчили её первый опыт.

А вот то, что меня периодически накрывает волнами её эмоций, в которых страшным коктейлем смешалась нежность, радость, смущение и старательно, но безуспешно подавляемое желание... стало для меня сюрпризом. Причём, мне даже не нужно напрягаться, чтобы уловить исходящий от Ольги эмоциональный фон. И кажется, этот процесс обоюдный. Нас словно что-то «настроило» друг на друга, как два передатчика. «Что-то»? Хм, а я был бы не против повторить процесс «настройки», м-да...

Стоп. Я поднял взгляд на девушку, сидящую напротив меня за накрытым к завтраку столом, и покачал головой.

— Оля, возьми себя в руки. Сосредоточься. — Медленно, с расстановкой проговорил я, но в себя Ольга пришла только после насмешливого фырканья Хромова, сидящего рядом и уничтожавшего завтрак с методичностью и скоростью шредера.

— Я... — Девушка бросила короткий взгляд на успевшего принять самый невозмутимый вид гвардейца, и замолчала. Ладно, после завтрака поговорим... А то, кажется, чем дальше, тем больше Ольгу охватывает смятение. Чёрт... как они, в смысле, женщины в этом ворохе чувств вообще разбираются?!

Разговор получился коротким, но довольно продуктивным. Как оказалось, в смятение Ольгу

привел тот факт, что в какой-то момент, она просто перестала чувствовать мои эмоции... и со свойственной слабому полу логикой, решила, что я в ней с какого-то переляку разочаровался и наша обоюдная «настройка» просто сбилась. А я, всего-то, пытался закрыться от ее чувств, захлестывавших меня с головой. Сняв боевые блоки, которыми не пользовался со времен службы, я «раскрылся» и в ту же секунду девушка облегченно вздохнула и, уткнувшись носиком мне в плечо... блаженно засопела.

— Эй-эй! Не время для эмоциональных оргазмов! Мне, вообще-то, в школу пора! — Воскликнул я, поняв, что Оля просто «купается» в моей нежности. Нареченная встрепенулась, ошарашено взглянула... и мы расхохотались. Да уж, фразочка, самое то...

— Чувствую себя извращенкой. Тебе же еще только пятнадцать. — Отсмеявшись, вздохнула Оля.

— Хм. Во-первых, не обманывай, ничего такого ты не чувствуешь. — Усмехнулся я. — Разве что, желание повторить... А во-вторых, я что, так похож на ребёнка?

Ольга чуть покраснев, улыбнулась и, окинув меня до-олгим взглядом, покачала головой.

— Хм... — Я демонстративно глянул на часы и нареченная, тут же встрепенувшись, повторила мой жест.

— Ой! Я опаздываю! У меня пара через час начнется! — И сбежала... Я даже слова сказать не успел.

Ладно. Мне тоже надо собираться. Сегодня, после гимназии у меня назначена очередная встреча в тире, так что, придется брать снаряжение с собой. Я нахмурился, вспоминая, перенес ли занятие с ученицами на вечер, но показавшаяся на пороге спальни, Ольга развеяла мои сомнения, одним вопросом.

— Кирилл, а если не секрет, чем ты будешь занят после гимназии? — Роясь в чемодане, спросила девушка. На миг, в ее эмоциях мелькнуло что-то такое... какой-то диссонанс, заставивший меня нахмуриться. А когда она ещё и смутилась...

— Ой-ёй-ёй, да вы, оказывается, собственница, Ольга Валентиновна! Кто бы мог подумать? — Я рассмеялся. Однако, о такой вот стороне нашей обоюдной чувствительности, я как-то и не подумал. И судя по ее вопросу, Ольга тоже... Моя нареченная попыталась изобразить оскорбленную невинность, но... что тут скажешь? Поздно пить боржоми, когда почки отвалились... хм, во всех смыслах, да. Я ухмыльнулся. — Занятие у меня. Не только же вам учиться надо, меня тоже не миновала чаша сия.

— О... А какое занятие? — Любопытство в один момент смыло и смущение и недовольство собой из эмоций девушки.

— Стрельба. — Я продемонстрировал Ольге выуженный из оружейного ящика «ругер» и, бросив в рюкзак десяток «трубок», отправил следом за ними сложенную разгрузку. М-да, таким макаром, скоро мой рюкзак превратится в полноценный туристический комплекс. Взвесив в руке изрядно распухший и потяжелевший баул, я вздохнул и, «словив» кое-чье недоумение, обернулся к Оле, ради наблюдения за моими сборами, даже прекратившей рыться в своём чемодане.

— И зачем тебе это? — Нахмурилась моя нареченная.

— Ты не забыла, что я слабосилок? А стволы могут стать неплохим козырем, в случае чего... — Объяснил я.

— Но, ты же гранд. — Пальчик девушки обвиняюще ткнул в мою сторону. — Аристарх Макарыч рассказывал нам о том, на что способны такие, как ты.

— Гранд, это не козырь, милая.

— А что? — Непонимающе взглянула на меня Оля.

— Джокер. — Улыбнулся я. — А сила джокера в его внезапности. Именно поэтому, мало кто вообще знает, что я гранд. И пусть так и будет дальше.

— Хм... а не боишься, что мы разболтаем? — Хитро прищурилась Оля, и почти тут же хлопнула себя по лбу ладонью. — Договор ученичества!

— Видишь, ты сама всё прекрасно поняла. — Развел я руками. — Жаль, конечно, что так поздно... но, ты ведь еще никому ничего не говорила?

— Н-нет. — Помотала головой Ольга. Искренне.

— Значит, всё в порядке. Но, на будущее, постарайся не забывать подобные вещи. Ладно? — В эмоциях девушки скользнули нотки вины, но тут же растворились под напором неугасающего любопытства.

— Но остаются дядька Аристарх, мой братец и отец... — Кивнув, продолжила расспросы моя нареченная.

— Ну, что касается, Аристарха Макаровича... думаю, его тоже связывает определенное слово, не так ли? — Я обернулся к неслышно появившемуся на пороге спальни Хромову и тот, нехотя кивнув, криво ухмыльнулся и, развернувшись, потопал обратно в общую комнату. Ну да, устав «клуба эфирников» еще никто не отменял.

— А папа и брат?

— Хм. Валентину Эдуардовичу совсем ни к чему, чтобы эта информация ушла на сторону, так что, ни он, ни Леонид не станут болтать.

— Уверен? — Медленно проговорила Оля, а когда я уверил её в этом, моментально переключилась, и тут же выгнала меня из спальни, под предлогом того, что ей нужно переодеться.

— Вообще-то, это моя спальня! — Проговорил я в «лицо» захлопнувшейся перед моим носом двери. — И вообще, можно подумать, я там еще не всё видел...

Мой диалог с дверью был прерван тихим смешком Хромова. Я обернулся и, смерив взглядом привалившегося к стене гвардейца, тяжело вздохнул.

— Молодёжь... какие же вы смешные. — Констатировал с улыбкой Аристарх Макарович и махнул рукой. — Идём, чаю попьем. Она, всё равно раньше чем через полчаса не соберется.

— Через полчаса? — «Удивился» я, нашаривая в кармане портсигар. Глянул на часы. — Но у неё же пара...

— Сами виноваты. Нечего было до самого утр... кхм. — Хромов оборвал сам себя и, недовольно покосившись на сигарету в моей руке, двинулся в общую комнату.

Открыв форточку, я устроился за столом и, включив самопальную вытяжку на воздушных техниках, выжидаяще уставился на разливающего по пиалам чай, гвардейца. Щелкнула зажигалка и дымок потянулся в сторону распахнутой форточки.

— Отвезёшь боярышню в университет? — Поинтересовался Хромов.

— С удовольствием. — Кивнул я.

— Замечательно. Тогда, давай договоримся. Каждое утро машина будет забирать ее отсюда и после занятий привозить сюда же. Если вдруг возникнет желание прокатиться с ветерком, предупреждайте заранее, хотя бы за час, чтобы не гонять машины попусту. Идет?

— Договорились. Вы, я так понимаю, уезжаете?

— Разумеется. — Пожал плечами Хромов. — У меня в усадьбе дел невпроворот. Да и... вас стеснять, тоже не хочется.

* * *

Рыжий, словно лисица, дорожный «Ковровец», окутанный слабым маревом какой-то воздушной техники, с утробным рыком промчался по бульвару и, не сбавляя хода, влетел на открытую стоянку перед вторым учебным корпусом Павловского военного университета. Остановившись в гостевой зоне, мотоцикл на миг полыхнул синевой и воздушный кокон окружавший его, опал, позволяя детальнее рассмотреть седоков. Впрочем, лица «всадников» были скрыты за поляризованными забралами одинаковых рыжих шлемов, так что смотреть особо было не на что... если не считать точеной фигурки пассажирки, затянутой в форму слушателя университета. Но вот, она скинула свой шлем и стоявшая невдалеке компания молодых людей в такой же форме, удивленно загудела. Бестужева? На мотоцикле?!.. А уж когда девушка заставила «водителя» снять шлем, и наградила его долгим, совсем не дружеским поцелуем, удивление наблюдателей и вовсе превратилось в ошеломление. Кажется, одним слухом в университете стало больше. И каким слухом!

Тем временем, признанная красавица и недотрога оторвалась-таки от своего спутника и, махнув ему на прощание рукой, уверенно двинулась к дверям учебного корпуса, мечтательно улыбаясь и не обращая никакого внимания на скрестившиеся на ней взгляды. Когда, куда и как исчез её спутник на рыжем мотоцикле, никто и не заметил. Впрочем, слушателям было не до того... **Глава 5. Всякой твари, по паре...**

Кто бы сомневался, что изменение наших с Ольгой отношений не пройдет незамеченным для Милы и Лины. Не то чтобы меня волновала их реакция, куда больше беспокоило, какое влияние это окажет на наши занятия, но... и в том и в другом случае, близняшки смогли меня удивить. Не скажу, что они встретили новость индифферентно, но даже Лина со своей язвительностью, ограничилась лишь парой почти беззлобных шуточек в адрес Ольги. Мила же, и вовсе обошлась хмурым взглядом в мою сторону. В общем, на серьезности отношения сестёр к занятиям, сие событие не оказало никакого влияния, и я успокоено вздохнул. Ненадолго...

— Не понимаете... — Я прошелся перед сосредоточенно нахмурившимися сестрами, только что

завершившими очередную неудачную попытку почувствовать друг друга. — Совсем не понимаете. Вы пытаетесь отыскать друг друга в Эфире, а нужно искать в себе... Попробуем иначе. Сейчас, я установлю контакт с Ольгой, а вы «принюхайтесь» к Эфиру вокруг нас.

Мне даже не понадобилось звать нареченную в дом, где проходило это занятие. Достаточно было просто потянуться к тому клубку чувств, что маячил где-то на краю моего сознания, чтобы уже через минуту, Оля покинула «песочницу» и вошла в дом. Я окинул взглядом близняшек.

— Ну, и чего ждём? — Мила с Линой переглянулись и внимательно уставились на нас с Ольгой. Девушка тут же вопросительно приподняла бровь.

— Они пытаются найти нашу связь. — Вслух ответил я. Нареченная тихонько хмыкнула и, пожав плечами взялась было за металлические шары для тренировки телекинеза, но бросила на меня взгляд и, заметив легкое покачивание головой, отложила тренажёр в сторону.

— Гр-р. — Внезапно подала голос Лина и, сложив руки на груди, зло фыркнула. — Ну, не чувствую я ничего. Вы, по-моему, вообще сейчас Эфиром не пользовались.

— Можно и так себе это представить. — Кивнул я. — Но, точнее будет сказать, что мы пользовались Эфиром в себе, а не вокруг. Связь уже есть, её и надо найти, а не создавать новую. Как? Ну, любое действие, событие, предмет или чувство оставляет свой след в Эфире. Вот и попробуйте поискать его в себе. Что может помочь? Просто, думайте друг о друге, покрутите несколько разных воспоминаний, найдите, чем они похожи в Эфире, это и будет та ниточка, что поможет вам почувствовать друг друга.

Я повернулся к Ольге, почуяв как от нее пахнуло недовольством и увидел, как нареченная явно читает что-то с экрана браслета. Хм. Что-то случилось?

Оставив близняшек разбираться с полученной информацией, я подошел к Ольге.

— Что там? — Оказавшись в шаге от неё, поинтересовался я. Нареченная бросила короткий взгляд на сосредоточенно пыхтящих над заданием сестёр, всё же решила ответить сразу.

— Отец прислал сообщение, что за Леонидом сегодня кто-то следил. Просит быть осторожнее и... в общем, он хотел бы, чтобы я чаще пользовалась машиной, которую он выделил.

— Мягкий намек на нежелательность поездок на мотоцикле со мной... — Хмыкнул я.

— Он не против! — Тут же покачала головой Ольга. — Просто... машина, в такой ситуации, безопаснее.

— Я бы мог поспорить с этим утверждением... — Протянул я. — На «Лисёнке» оторваться от преследования намного проще, чем на этих черных «гробах». А в случае покушения... хм, толковую атаку не переживет даже бронированный монстр, из тех, что делают для бояр... но подготовка к ней влетит в изрядную копеечку, что заметно снижает круг тех, кто может позволить себе подобную роскошь.

— Вот-вот. А на мотоцикле... — Ольга нервно передернула плечами. Тема нашей беседы явно была ей не по вкусу.

— Не факт, милая моя. Совсем не факт. Учитывая, что в седле рыжего будут крепкий вой и гранд... Хм, скорее уж, это нам на руку. Простора для действий куда больше, чем в «сейфе»

вездехода, где даже ярый не больше, чем пассажир, и даже контратаковать не может, не покинув машину.

Нареченная хотела было что-то сказать, но...

— И вовсе я не ревную! Дура! — Это восклицание заставило нас с Ольгой подпрыгнуть на месте. А развернувшись на голос, я не удержался от смешка. Мила, с самым невинным видом разглядывает темные потолочные балки, а стоящая в двух шагах от неё, Лина так и сверлит сестру злым взглядом. Однако...

— Хм. Полагаю, что-то у вас, всё-таки, получилось. — Взгляды близняшек тут же скрестились на мне. Один деланно спокойный, а второй злой и... смущенный? Не понял.

Но тут, Лина отвела взгляд, мимоходом мазнув им по Ольге, и на меня отчетливо пахнуло легким страхом... который тут же оказался смыт нарастающим любопытством моей нареченной... Чёрт, я свихнусь с этими эмоциональными взбрыками!

— Так. — Оля явно почуяла мое недовольство и хлопнула в ладоши. — Предлагаю сделать перерыв на чай... Кирилл?

— Да? — Вдохнул я, уже понимая, что сейчас будет. Ну, в самом деле, не возиться же девушкам с тяжеленным самоваром?

— У тебя он лучше получается... Заваришь? — Улыбнулась Ольга.

— Куда ж я денусь? Идите, мойте руки, собирайте на стол. — Я бросил взгляд на часы и присвистнул. — Однако, мы увлеклись... Время-то, к полуночи. Предлагаю на этом наше занятие и закончить. Возражения есть?

— Нет. — Вразнобой, но с почти одинаковым энтузиазмом откликнулись ученицы... и через секунду, комната опустела.

Эту ночь, я решил провести в своей, а не гостевой спальне... тем более, что и кровать там куда больше и удобнее. Это и Ольга подтвердила... после натурных испытаний, хм.

— Кирилл, а почему ты так уверен, что рыжий лучше, чем вездеходы? — Неожиданно поинтересовалась Ольга, когда я уже проваливался в сон.

— Я же говорю, больше возможностей для маневра и контратаки. К тому же, «Лисёнка» чёрта с два загонишь в засаду. Вёрткий. — Пробормотал я. — А вообще, всё это только наши с тобой домыслы. Кто его знает, как там на самом деле. Завтра поговорю с Валентином Эдуардовичем, глядишь, окажется, что ничего такого страшного и не случилось...

— Угум. Поговори... — После недолгой паузы, согласилась Ольга, и моментально переключилась на другую тему — Кстати о папе, ты уже приобрел подарок?

— Заказал. Послезавтра привезут. — Зевнув, проговорил я. — Слушай, давай спать, а? Нам вставать через четыре часа...

— Спа-ать? — Протянула Ольга, прижимаясь ко мне всем телом.

Да ну его в болото! Четыре... три... какая разница?

— Жора, ты узнал, кто владелец этого драндулета? — Молодой человек, невысокий, худощавый с серьезными черными глазами и тонкими чертами бледного лица, хлопнул стеком по голенищу форменного до зеркального блеска надраенного сапога и выжидающе уставился на переминающегося перед ним с ноги на ногу ровесника, в такой же темно-синей, почти черной форме слушателя Павловского университета.

— Извини, Платон. В базе «дорожников» его нет. — Пожал плечами тот и, заметив, как зло прищурился его товарищ, поежился. Кадык на худой шее судорожно дернулся, но Платон, кажется, не обратил никакого внимания на эти метаморфозы. Его занимали совсем другие мысли.

— Не понял. Как это «нет»? — Тихо, но с явной угрозой в голосе, спросил Платон, сжимая в кулаке украшенный изящной резьбой стек так, что тот едва не сломался. А в следующую секунду, голос «павловца» поднялся до «крещендо». — Какой-то хрен с горы, катает Бестужеву на рыжем угрёбище, целуется с ней... при мне! Слышишь ты... отрывка Эфира! При мне! А всё, что ты можешь сказать: «нет в базе»?! Жора, я за что тебе деньги плачу? Или ты хочешь снова жить на один государев кошт? Так ты не стесняйся, скажи прямо и я тут же заблокирую твой счёт. Ну? Что молчишь?

— Я... я узнаю. Не надо... счёт. — Забормотал тот, стирая со лба капельки выступившего пота. — Ты же знаешь... сестра...

— Короче, гений вычислений... Мне нужна информация по этому рыжему мотоциклисту. Кто, что, откуда... Сроку тебе, три дня. Если в понедельник ты не притащишь мне в своём кривом клюве то, что нужно... О деньгах на лечение твоей мелкой, можешь забыть. Сдохнет, туда ей и дорога... Ты меня понял?

Дождавшись судорожного кивка, Платон смерил собеседника коротким презрительным взглядом и, развернувшись, покинул комнату отдыха. И слава богу, что уходя, он в своем мнимом «величии» не обернулся, не почувствовал остановившийся на его идеально прямой спине, тяжелый взгляд замершего посреди комнаты Георгия. Иначе, тот вряд ли дожил бы до понедельника. Потому что, людей, которые смотрят с такой многообещающей ненавистью, именитые в живых не оставляют. Опасно.

Но, все делают ошибки, и Платон не стал исключением. Слишком сильно надавил, пережал, передержал... можно назвать это как угодно, и в результате добился эффекта противоположного тому, которого добивался.

А вот дожидавшийся Платона у входа в комнату, отпрыск боярского сына из его рода, кажется, что-то заметил... мельком, в тот единственный миг, когда фигуру побледневшего Жоры, можно было увидеть, пока за его требовательным собеседником закрывалась дверь...

— Ты не слишком круто с ним, а? — Поинтересовался неофициальный вассал Платона.

— Ничего. Ему это только на пользу. — Отмахнулся тот. — Батя, вон, миндальничал с отцом этого глиста, денег их малявке на лечение подкидывал... просто так, по доброте душевной, а толку? Всё равно, как только возможность подвернулась, тот... урод очкастый свалил под Бельских. Не-ет, Вова. С этими умниками только так и надо. Страх. Вот что их в узде держит. Точно говорю.

Владимир покачал головой, но промолчал. Не с его шестка донимать Платошу советами. Но

вот доложить отцу можно... и нужно. А то ведь, наломает дров будущий наследник, лишит род перспективного технаря. А это уже совсем нехорошо. **Глава 6. Коварство — ваше имя...**

Разговор с Валентином Эдуардовичем оказал на меня успокаивающее действие. Да, за Леонидом, в его поездке по городу после гимназии, следили, но топорно. Это была даже не любительская слежка, а... абсолютное дилетантство. Ни сменных филеров, ни машин, ни страховки. Только два «сыщика», толком, даже не пытавшиеся как-то скрываться. В общем, смех, а не слежка...

И, естественно, услышав мой рассказ, Ольга тут же потребовала, чтобы я доставил её в университет на мотоцикле. В отличие от гимназии, занятия у «павловцев» шли шесть дней в неделю, так что, тот факт, что нынче суббота, никак не освобождал мою нареченную от необходимости поездки в университет.

Рыжий радостно зарычал и покатыл по просеке, чтобы спустя полчаса, промчаться по центру города и, свернув на угрюмый ввиду подступающей всё ближе зимы, бульвар, замереть на стоянке перед серым учебным корпусом, громада которого безуспешно пряталась за черными скелетами деревьев, протыкающими своими острыми ветками низкое, затянутое облаками небо.

Стерев со щеки след помады, оставленный мне Ольгой на щеке и губах, я проводил взглядом уплывающую к крыльцу корпуса нареченную, вздохнул и, щелкнув портсигаром, задымил первой за утро сигаретой. Хм... надо будет потрясти запасы Николая, когда он привезет близняшек на занятие.

Докурив сигарету и, бросив короткий взгляд в сторону толпящихся у корпуса «павловцев», я нацепил шлем и только хотел завести мотоцикл, как услышал утробное урчание. Желудок «завелся» первым... Впрочем, это неудивительно, учитывая, что половину моего завтрака сегодня съела Ольга. Незаметно так, вытягала из тарелки все самые вкусные кусочки. То что осталось, завтраком назвать было уже сложно... так, перекус, не более того. Что ж, значит, надо искать «заправку», желательно, где-нибудь поблизости. Вот, ни за что не поверю, что в окрестностях такого большого учебного заведения, не найдется какая-нибудь кафешка. В конце концов, это же центр города!

Долго искать не пришлось. Стоило вырुлить со стоянки обратно на бульвар, как в глаза бросилась вывеска на соседнем здании. «Марон». Ну, «Марон», так «Марон». Надеюсь, он открыт. Время-то, ещё довольно раннее...

Мне повезло. В тот момент, когда я подкатил к витому чугунному навесу над входом в кафе, двери в него отпер нарядженный по всем правилам здешнего хорошего тона, официант... Молодой человек в идеально черных брюках, о стрелки которых, наверное, можно порезаться, в белоснежной рубашке и черном же атласном жилете. Не хватало только длинного белого фартука. Впрочем, когда я приземлился за столом, он уже исправил это упущение, так что заказ принимал, при полном параде. Блинчики с красной рыбкой, омлет, апельсиновый сок и черный кофе на десерт, под ещё одну сигарету и недовольный взгляд официанта. Хорошо хоть с замечаниями не полез... Такой завтрак, грех портить.

— Извините. — Браслет на руке пискнул и вырубился. Пришлось оторваться от чтения кое-каких материалов по этикету, которыми освежал свою, точнее, кириллову память, в преддверии грядущего пира у Бестужевых. А тут еще и гость... я поднял взгляд. Перед моим столом переминался с ноги на ногу высокий, чуть сутулящийся молодой человек в форме

«павловцев».

— Да? Я вас слушаю.

— Кхм... это... это, ваш мотоцикл, там на улице? Рыжий такой? — Кивнул на окно гость. Я бросил взгляд на лежащий на стуле шлем.

— «Ковровец», да. Мой. А что, с ним что-то случилось? — Вот только этого мне не хватало. Не дай бог, кто-то решил взять рыжего, «покататься». Покупать новый, в мои планы как-то не входило...

— Нет-нет, с ним всё в порядке. — Замахал длинными руками мой собеседник и тут же, запнувшись, уточнил. — По крайней мере, когда я входил, он был в порядке. Я, собственно, вот к чему... меня... меня просили передать хозяину мотоцикла, вот эту записку. Только не спрашивайте, от кого, я не знаю, как и содержание письма. Какой-то старшекурсник... я здесь, не причём.

— Хм. Понятно. — Протянул я, настороженно разглядывая моего визави и положенную им на стол записку. Вот, не верю я этому нервному... врёт он всё. И отправителя знает, и содержание записки... да и насчёт «не причём», можно поспорить. Ладно. Вздохнув, я смерил «почтальона» долгим взглядом, старательно запоминая каждую черточку лица. Я бы и фиксатор включить не постеснялся, вот только он вырубился вместе с браслетом. — Что ж. Благодарю.

«Курьер» резко кивнул и смылся... словно и не было здесь только что никакого долговязого «павловца». Шустрый... О! И браслет сразу заработал. Замечательно. Надо будет спросить у Ольги, знает ли она способы такого вот дистанционного отключения артефактов, не требующие личного эфирного воздействия. Очень интересно. А учитывая, с какой легкостью мой гость отрубил «военный» браслет... я хочу пообщаться с изобретателем. Пока его не отловили спецы из инженерного бюро тех же «Гром-заводов», например.

Вздохнув от пришедшего понимания, что раньше меня и громовских инженеров, «новатор» попадет на крючок Оборонному приказу, я вздохнул и развернул лежавшую на столе записку.

М-да. «Какая отвратительная рожа...», кажется, так говорил персонаж из «Джентльменов Удачи»? Вот-вот, полностью с ним согласен. Лощеная физиономия с презрительным прищуром, пляшущая на меня с распечатки, почему-то не вызвала у меня положительных эмоций. Это женщинам, такие вот «роковые красавчики» по нраву...

Прочитав короткую записку, приложенную к фото, я тяжело вздохнул и покачал головой. Никогда не любил мажоров. А судя по тому, что я прочел, герой письма принадлежит именно к этой когорте. Нет, я не имею ничего против детей обеспеченных или богатых родителей, но только тогда, когда эти дети пытаются доказать, что они не хуже своих предков и делают всё, чтобы не уронить доставшегося имени. А вот одуревших от бабла и вседозволенности, лишенных всяких тормозов идиотов, я органически не перевариваю. Хуже них, могут быть только умные отморозки.

К сожалению, образчик, представленный на фото, кажется, относится именно к последнему типу, иначе, в «павловцы» бы не попал. В остальном же, типичный мажор. Отпрыск боярского рода в пятом поколении, единственный сын наследника боярина Шутьева. Отец — глава Московского дорожного приказа, дед — заправляет небольшой строительной «империей»... А вот сынок ни на государеву службу, ни на семейное дело смотреть не хочет. Да и они по нему особо не плачут. Почему? Потому что с восемнадцатью административными взысканиями на

госслужбу такого вот орла не примут, ни за какие коврижки, а с висящим на шее условным сроком, о главенстве в семейном деле можно забыть. Слишком большой урон чести для любого рода, вести общие финансовые дела с уголовником... Сюда же, ночные гонки на «вездеходах», погромы в клубах... В общем, полный набор, если верить представленной мне краткой биографии господина Шутьева, Платона Ниловича. И вот «это» претендует на внимание Ольги... М-да уж.

Ладно. Верить анонимкам я не приучен, но проверить полученную информацию надо обязательно. Как говорится: praemonitus — praemunitus. Надо только прикинуть, где искать нужную информацию. Ну, первым делом, конечно, Бестужевы. Сначала, Леонид... этот всё что угодно найдет и узнает. Потом, Ольга... но тут надо аккуратнее, а то ещё подумает, невесть что. И только потом, можно будет обратиться к старшему Бестужеву. За официальной информацией и, чтобы узнать, так сказать, официальную же позицию рода по отношению к сему кадру... если таковая, конечно, у Бестужевых в отношении Шутьевых, или одного конкретного их представителя, вообще, имеется. Но беседу с Валентином Эдуардовичем можно отложить до вечера. А до тех пор, можно и другими каналами воспользоваться... Например, дядя Федор, вполне себе неплохой вариант.

Определившись с планами на следующие три-четыре часа, я расплатился по счету и, подхватив со стула свой шлем, двинулся на выход из кафе.

Вот это и называется: на ловца и зверь бежит... Кажется, знакомство с господином Платоном Шутьевым состоится несколько раньше, чем я мог предполагать.

* * *

Когда посреди пары, у Платона вдруг затрезвонил браслет, что тут же вызвало угрожающий взгляд лектора, Шутьев скривился и, извинившись, покинул аудиторию, мысленно обещая звонящему все кары земные и небесные.

— Жора? Ну ты попал, кривоносый. — Прошипел Платон, когда увидел на экране абонента. Тот испуганно поёжился. — Лекция идет, придурок! У Кощея! Он же с меня теперь три шкуры спустит, кретин ты безмозглый!

— Из... извини, Платон. — Проблеял тот. — Но... я тут... в общем, опоздать боялся.

— На тот свет? Не бойся, успеешь. Я тебе лично экспресс туда обеспечу. — Скривился Шутьев.

— Подожди-подожди, Платон. Он здесь.

— Что? Кто «он»? Совсем крыша от страха поехала?

— Да нет... этот... мотоциклист. — Чуть ли не заикаясь, проговорил Жора. — Он снова Бестужеву привез. Сейчас в «Мароне» сидит. Я видел.

— Ну надо же... И от тебя, оказывается, толк может быть. — Ощерился Платон, и договорил, уже отключая связь, — ладно, кривоносый, живи... пока.

Шутьев покачал головой. Жаль, что Владимир приедет только к следующей паре. Придется идти одному.

А в этот момент, Георгий, отключив экран, тяжело вздохнул и покосился на стоящую рядом

девушку.

— Ой, да не трясись ты так, Жорик. — Улыбнулась она в ответ. — Ты же хотел отомстить? Вот и иди, занимай места в партере. Обещаю, Платошу ждет бо-ольшая взбучка. **Глава 7.**

Готовились к бою, а получили наряд на ассенизационную колонну

Ну вот не верю я, ни на секунду не верю, что всё это обычная случайность. Во второй раз подвожу Ольгу до университета, и тут же сталкиваюсь с одним из ее воздыхателей. Так мало того, мне же, буквально за четверть часа до этой встречи ещё и информацию по нему предоставили. Ох, Оля, Оля... Кажется, рановато я расслабился. Что ж, значит, будем доводить шутку до логического конца. Но сначала, надо разобраться с пришедшим по мою душу, Платоном. Почему я уверен, что он сюда явился именно из-за меня, а не просто перекусить? Да потому что так виться вокруг «Лисёнка» будет либо фанат конкретно этой модели «Ковровца», либо тот, кому зачем-то понадобился хозяин агрегата. В общем, шанс, что Платона интересует совершенно рядовой «дорожник» можно отбросить, не только как близкий к нулю, но и как стремящийся к нему... с ускорением в десяток-другой тысяч Гал.

— Чем могу помочь, господин слушатель? — Окликнул я Платона, выходя на крыльцо кафешки.

— А... — Шутьев обернулся и, смерив меня брезгливым взглядом, чуть удивленно протянул. — Вот не думал, что Ольга западает на малолеток...

— Я, пожалуй, не буду отвечать банальностью на банальность... и рассуждать о проходящих недостатках. Чего надо?

— Да вот, хотел потолковать с ухажером Бестужевой, да не ожидал, что им окажется какая-то мелочь. Чем ты её купил, шкет?

Я вздохнул. Идиот, что с него взять. Вот никогда не мог понять этой «пацанской» логики, зачем нужно смешивать с грязью имя нравящейся девушки, да еще и за глаза? Форма самоутверждения, что ли?

— Шел бы ты учиться, болезный. Всё одно, нужной валюты, чтобы повторить мой успех, у тебя нет. А так, хоть чем-то полезным займешься. — Покачав головой, заключил я и подал эфирный сигнал на систему зажигания рыжего. Мотоцикл тихо рыкнул, и не ожидавший этого, опершийся на бак, Шутьев, выматерившись, отшатнулся в сторону.

— Нарываешься, зам-морыш. — Прошипел Платон, почти мгновенно разворачивая перед собой «водяной невод». Полупрозрачные струи воды, шипящие в местах пересечений, взбаламутили Эфир так, что у меня чуть зубы не заныли... или это от неприятных воспоминаний Кирилла?

Сорвавшийся в полет, «невод» просвистел над головой и впечатался в стену дома, за моей спиной. Мысленно поблагодарив привычный «разгон», позволивший мне уклониться от удара, я услышал, как треск разнесенной штукатурки, и тут же прыгнул вперед. Рыбкой перелетев через мотоцикл, я ударил по открытому, абсолютно уверенному в своем успехе Платону страхом. Эфир устремился вперед, глаза Шутьева, явно успевшего почуять этот бросок удивленно распахнулись, а в следующий миг, по ушам резанул дикий крик ужаса и Платон, как был, сорвавшись с места, помчался в сторону учебного корпуса, оставляя на асфальте за собой след из темных пятнышек... Хм. Странно. Первый раз вижу такую мощную реакцию. Переборщил, что ли? Да нет, не может быть! Иначе б он прямо тут концы отдал...

Я вышел из «разгона» и задумчиво взглянул на забрызгавшую сухой асфальт жидкость, пунктиром темных пятнышек отметившую путь такого неожиданного отступления противника. А потом до меня дошло... М-да. Давненько я так не веселился!

С другой стороны, Платону где-то даже повезло. Труссы от страха не умирают. Обоссаться, обделаться, это пожалуйста, вон на тротуаре реальное подтверждение высыхает, а вот сдохнуть от страха не могут. Они в этом плане, тренированные, так сказать. Закаленные... Мда. А ведь, Шутьеву, кажется, действительно повезло. Не рассчитал я. Будь на его месте, кто-нибудь более... хм-м... устойчивый, мог бы и копыта отбросить. Нехорошо получилось...

Задумавшись над причинами такой позорной утраты контроля над даром, я вздохнул. В голову пришел только один более или менее обоснованный вывод: это результат взбрыка памяти Кирилла. Уж больно паскудный опыт был у него связан с таким вот «водяным неводом».

Нет, определенно, Платоша, натуральный счастливчик! Ведь мог бы и с приступом грохнуться, а отделался... Я глянул на почти высохшие пятна на асфальте и не удержал смешка.

— Кирилл! — Голос раздавшийся от ворот, запирающих территорию университета, заставил меня замолчать. Я поднял взгляд на спешащую в мою сторону Ольгу и... поспешно возвел чувственный блок. Еще не хватало с ней сейчас делиться тем ворохом эмоций, что бурлили где-то в душе.

Девушка вдруг затормозила в паре метров от меня и явно к чему-то прислушалась. А-а, это она нашу связь ищет, ну-ну...

— Да? — Проговорил я, выводя её из задумчивости.

— Кирилл... — Ольга неуверенно взглянула на меня и нахмурилась. — Ты... ты опять закрылся, да?

Я кивнул.

— А зачем? — Тихо спросила нареченная, подходя ближе.

— Тебе совсем незачем испытывать мою злость. Не находишь? — Пожал я плечами.

— Но... Кирилл, не закрывайся, пожалуйста. — Прикусив губу, вдруг выдала Ольга. — Я себя очень неуверенно чувствую, когда не чувствую... в общем, ты меня понимаешь, да?

— Извини. Я, и вправду, сейчас слишком зол. Ты не сумеешь отстраниться, точно говорю. И зачем тебе нужны проблемы с однокашниками, на которых ты обязательно сорвешься из-за моей злости? — Я примирительно улыбнулся. А вот знать, что часть этой злости направлена конкретно на нее, Ольге тем более незачем. — А вообще, милая барышня, сообщите мне, что вы здесь делаете? Если не ошибаюсь, то сейчас у вас полным ходом должна идти лекция?

— Я... — Ольга запнулась, зажмурилась, и вдруг выпалила, — Кирилл, прости меня, пожалуйста!

— О как! И за что это?

Ольга, как-то незаметно подобралась ко мне вплотную и, уткнувшись носиком в плечо, тихо заговорила. Рассказ о том, как вчера после занятий её нашел один из студентов, тот самый долговязый технарь, если я правильно понял, и признался, что Платон запряг его собирать

информацию обо мне, как Ольга придумала простенькую двухходовку, чтобы наказать зарвавшегося Шутьева... в общем, рассказ этот не затянулся надолго и полностью подтвердил мои подозрения.

— Милая моя, ты уже второй раз делаешь одну и ту же ошибку. — Вздохнул я, когда Оля замолчала и выжидающе уставилась на меня. Будто приговора ждет, хм...

— Я должна была рассказать тебе всё заранее. — Кивнула она, не дождавшись от меня продолжения, но тут же нахмурилась. — А когда был первый раз?

— Когда ты подослала близняшек, чтобы они подобрали мне костюм под стать твоему платью. — Усмехнулся я. — И предупреждаю, пока не отомщу за обе попытки использовать меня «в темную», не успокоюсь.

— Ой. — Ольга дернулась, но я её удержал.

— Что такое?

— Да... кхм... рассказ Милы вспомнила, о том, как ты Лине отомстил за распускание слухов об изгнании. — Нехотя проговорила Ольга.

— Моя слава бежит впереди меня. — Я не удержался от хохотка. — Не волнуйся, руки-ноги тебе ломать, я точно не собираюсь. Как-то это... некомильфо, по отношению к собственной нареченной, не находишь?

— Ха! Попробовал бы только! — Вскинулась Ольга, но в глазах её я увидел облегчение... Уверена, что гроза миновала? Зря.

— И пробовать не буду. Ты мне нужна живая и здоровая. — Уверил я нареченную. — У меня, знаешь ли, огромные планы, и они целиком зависят от того, насколько ты будешь цела и невредима. Так что, «бьет, значит, любит», это не наш вариант, совершенно точно.

— О! — Протянула Ольга с легкой улыбкой. — Может поделишься своими планами? Или это и есть твоя жуткая месть? Будешь держать меня в неведении, как я тебя?

— Даже не рассчитывай, так легко меня купить, милая. Месть вдвойне слаще, когда жертва мечется в том самом неведении, о котором ты говоришь. — Фыркнул я в ответ. — А что касается моих планов... думаю, сегодня вечером я поделюсь ими с тобой. А может быть, мы даже кое-что из них попробуем воплотить. Главное, чтобы кровать выдержала.

— Пошляк! — Вздернула носик Оля... прислушалась к себе и, вздохнув, сменила тему. — Что, Платон действительно успел тебя так сильно разозлить?

— Не то слово. — Кивнул я.

— Но ты же его победил... Разве достойно воина, злиться на поверженного врага? — Подпустив пафоса в голос, поинтересовалась моя нареченная.

— Победил? — Я хмыкнул. — Да нет... это не победа. По крайней мере, победа формальная. Я его просто напугал... до мокрых штанов, а это немного не то.

— Как это? — Нахмурилась Ольга.

— Как-как... буквально. Я его в Эфире страхом ударил, а он... оно... описалось и сбежало. —

Вздохнул я.

— Платоша описался? Вой?! — Ольга неверяще взглянула на меня, всхлипнула... и зашлась в безудержном хохоте. — Ой, ой не могу! Кирилл! Только не говори, что у тебя не осталось записи! Умоляю...

— Да держи, мне не жалко. — Пожал я плечами и, активировав браслет, скинул ей резанный эпизод, начинавшийся аккуратно с того момента, когда я оказываюсь перед Шутьевым.

Ольга тут же прокрутила запись и, от души насмеявшись, блаженно зажмурилась. Хм. Мне на миг даже жалко стало этого самого Платона. Судя по всему, он успел весьма основательно достать Олю, а учитывая её мечтательный вид и наличие этой записи... Кажется, жизнь в университете у мажора скоро станет далеко не сахарной. М-да. Женщины, вот кому поголовно можно присваивать прозвище «Росомаха». Я покачал головой и... плюнул на всё. В конце концов, Шутьев сам виноват. **Глава 8. Дедка за репку, бабка за дедку...**

Стрельбище встретило меня шумом и оживленной суетой. Ничего удивительного, сегодня я приехал в Преображенское едва ли не к семи вечера. День будний, так что недостатка посетителей стрелковый клуб не испытывал. В общем, ничего странного в том, что большая часть «дорожек» в тире оказалась занята, не было. Тут и там слышались негромкие хлопки выстрелов, лязг перезаряжаемого оружия и тихое жужжание подъезжающих расстрелянных мишеней. Жизнь кипит, что называется. Ну и ладно.

Я втянул носом, кажется, на века въевшиеся в стены этого заведения оружейные запахи и, приветственно кивнув паре знакомых лиц, решительно направился к «своему» месту, в дальнем конце зала. Привычно разложив перед собой ругеры и заряды к ним, я довольно вздохнул и уже готов был приступить к расстрелу боеприпаса, когда завибрировавший на руке браслет, обломал весь кайф предвкушения.

— Да? — Развернувшийся экран продемонстрировал мне близняшек. Весьма обеспокоенных, судя по их виду.

— Кирилл, привет. — Мила махнула рукой и, помявшись, договорила, — а... ты где?

— Хм. На стрельбище, а что?

— Эм-м, просто, дед Пантелей только что спрашивал о тебе. Точнее, его интересовало, почему мы сейчас не на занятии, но... ты же понимаешь, что он имел в виду. — Мила пожалала плечами, вот только на лице у неё было написано беспокойство. В принципе, сестёр можно понять. Вопрос обучения эфирным воздействиям важен не только для них, а для всей семьи Громовых, как техника, потенциально способная повысить боевые возможности членов рода. Сомневаться же в том, что по завершении нашего договора, на близняшек повесят обучение боярских детей Громовых, не приходится.

— Понимаю-понимаю. — Кивнул я. — А фокусы показывать он больше не просил?

— Н-нет... но, Кирилл, а если... — Близняшки переглянулись.

— А вот «если», покажете ему телекинез. Пусть успокоится. — Фыркнул я, но взглянув на серьезные личики сестёр, и сам посерьёзнел. — Спасибо, что предупредили насчет деда. Но учтите, форсировать обучение только из-за того, что старшие Громовы чем-то там недовольны

и желают большего, я не стану. Это понятно?

— Поня-ятно. — В унисон вздохнули сестры.

— Вот и замечательно... Кста-ати! — Вспомнив об одной мелочи, я улыбнулся. Близняшки дёрнулись. — У меня есть к вам предложение... Насколько я понимаю, Ольга уже получила нужную информацию о моем костюме?

— Ну-у... — Мила с Линой переглянулись и насторожено уставились на меня.

— Если поможете, то я забуду о вашем участии в этой попытке использовать меня «втемную». — Предложил я, и сёстры согласно кивнули.

— Замечательно. — Я потер руки. — Тогда, жду от вас ответной любезности. Надо же нам восстановить попорченную справедливость, правильно?

— Кирилл, а если без пафоса? — Поморщилась Лина.

— А если без пафоса, то я хочу знать, в чём именно моя нареченная выйдет на пир. Желательно, вплоть до указания артикулов и количества тканей, пошедших на ее костюм. — Я ухмыльнулся, глядя на ошеломленных близняшек.

— Кхм... В принципе, это несложно. — Протянула Мила, а удивление в глазах сестёр почти моментально сменилось любопытством. — Но, если не секрет, а зачем тебе это?

— Между нами? — Уточнил я. Сёстры возмущенно зафыркали.

— Конечно! — Правильно говорят, лучшее «стерео», это два «моно». На диво сложенный дуэт.

— Скажем так, если выходка с костюмом была вполне безобидна и даже забавна, так что стоила не больше одной лёгкой шутки в ответ, то вторая попытка манипулирования мне не понравилась... от слова «совсем». Так что, ответ будет вполне адекватным... и честным.

— Да что ты задумал-то?! — Не выдержала Лина.

— Увидите. — Я хмыкнул но, заметив, как разочарованно вытянулись лица близняшек, сжалился. — Хм. Намекну, не только у вас были «специальные» уроки этикета. Нас с Алексеем, Гдовицкой гонял не меньше. Большого не ждите. Пусть это будет сюрприз. Для всех.

— Ла-адно. — Протянули сёстры. Вот, ни на секунду не сомневаюсь, что «кузнечика» ждёт планомерная осада, штурм и блиц-допрос в полевых условиях. Ха. Ничего, пускай тренируется, ему полезно.

— Скинете мне завтра информацию? — Поинтересовался я и, получив в ответ два очень задумчивых взгляда и осторожных кивка, округлился. — Вот и ладушки. Тогда, до встречи.

Близняшки попрощались и отключились, а я, наконец, смог заняться стрельбой. Правда, как выяснилось, ненадолго.

— Кирилл? — Неслышно появившийся рядом, инструктор остановился у соседней, пустой «дорожки» и, только дождавшись, пока я опустошу очередную «трубку», привлек моё внимание.

— Добрый вечер, Сергей. — Откликнулся я, меняя магазин.

— Самостоятельная работа, а? — Усмехнулся Одоев, кивая на ругеры.

— Именно. Не всё же под твоим чутким руководством заниматься. — Улыбнулся я.

— Тоже верно. — Инструктор помолчал и договорил. — Найдется пара минут для разговора?

— Не вопрос. Здесь? — Я пожал плечами и, положив ствол к его «собрату», окинул заваленный оружием и боеприпасами столик многозначительным взглядом. Одоев меня понял и, спустя секунду, на «кабину» опустился стационарный кинетический щит. Ага, значит беседа, всё-таки, будет не здесь. Ладно.

Миновав зал, а следом за ним и фойе, мы поднялись по узкой, явно служебной лестнице, и оказались в небольшом тамбуре, за которым расположился просторный, но аскетичный кабинет. Здесь, разве что, огромная видеопанель выбивалась из стиля «военного минимализма», в остальном же, всё было строго, лаконично и... добротно. Что называется, сделано на века. Никакого хрупкого пластика, только сталь и дерево. А, да! Ещё огромный ковёр мягкого медового цвета, устлавший пол от стены до стены.

Гвардии Преображенского полка, полковник запаса Брюхов, вошедший в кабинет спустя минуту, оказался довольно объёмистым дядечкой, седоусым и седобородым, но при этом... не старик, далеко не старик. И судя по тому, как он двигается, слава Преображенского полка, как одной из самых боеготовых частей русской армии, возникла не на пустом месте. У такого полковника, солдаты точно не будут огороды копать и генеральские дачи строить. Суровый дядечка.

А вот поднятая им тема меня откровенно... хм-м. Удивила? Да нет, скорее ввела в недоумение, причём полное.

— Рад познакомиться, Кирилл Николаевич. — Брюхов, не чинясь, пожал мне руку и, кивнув Сергею, тут же исчезнувшему за дверью, указал на диван, в углу кабинета. — Присаживайся. Ты же не возражаешь, если я буду обращаться на «ты»?

— Ничуть, господин полковник. — Я улыбнулся краем губ. Лицо Олега Павловича тут же «изобразило» знак вопроса. — Паутинка, великолепное изобретение. А уж узнать через него имя человека возглавляющего один из лучших стрелковых клубов столицы, и вовсе было делом четверти часа.

— Хм... Как-то не подумал. Ну да, нам старикам простительно. Все эти новомодные штучки... это для молодёжи. — Со вздохом покивал полковник, располагаясь в кресле напротив. Ну да, ну да... я бросил короткий взгляд сначала на огромную видеопанель в полстены, а потом и дорогой браслет «для рискованных», красующийся на руке собеседника. Титан и фуллеритовые накопители... ага, тысячи полторы такой стоит, как минимум. А учитывая значок родного «Гром-завода», могу предположить, что там и комплекс ЗАС найдется, причём полноценный, а не та коммерческая ерунда, что у обычных производителей именуется «системой шифропередачи данных». Отсталый старик, конечно...

Заметив мой взгляд, Брюхов тихонько фыркнул себе под нос и, нарочито громко вздохнув, развел руками.

— Ладно, оставим это, Кирилл Николаевич. — Полковник махнул рукой. — Я, собственно, вот зачем тебя пригласил... Просьба у меня имеется. Небольшая.

— Слушаю, Олег Павлович. — Я, помимо воли, насторожился.

— Только прошу, отнесись к ней серьёзно. — Медленно проговорил Брюхов и, дождавшись согласного кивка в ответ, договорил. — Воздержись пока от визитов в школу к Прутневу.

— Да я, вроде бы, и не собирался... Хм. Следят за ним, или за мной? — Перебил я сам себя. Брюхов озадаченно крикнул. Потом посмотрел на меня так, словно говорящего слоника увидел... розового. И умолк. Надолго...

— За тобой... — Прервав воцарившуюся в кабинете тишину, наконец, выдал полковник. Я кивнул. — А тебя это, кажется, не так уж и удивляет, а?

— За моим одноклассником тоже ведётся слежка.

— Что за одноклассник? — Нахмурился Брюхов.

— Леонид Бестужев. Но там, охрана вскрыла филеров в первый же день. Валентин Эдуардович сказал, что работали абсолютные дилетанты. А я... впрочем, я же тоже не профессионал, мог и не заметить, если за мной кто следил. — Развел я руками.

— Хм... Не знаю, не знаю. — Покачал головой полковник. — Как раз тебя ведут именно профессионалы. Серьёзно ведут...

Тут, Брюхов спохватился и, натужно улыбнувшись, поторопился меня «успокоить».

— Да ты не переживай. Приказ о твоём прикрытии уже получен. Так что, на каждого «их» филера, найдется пара-тройка «наших». В обиду не дадут. А информацию о Бестужеве-младшем мы проверим. Обязательно. Тут ведь, лучше перебдеть, чем...

Да-а... ошарашил меня господин полковник. Как есть, ошарашил. Интересно, и кому мог понадобиться пусть эмансипированный, но пятнадцатилетний мальчишка? **Глава 9. Бывают люди случайные, бывают лишние, но когда категории совпадают...**

То, что предупреждение Брюхова... точнее, стаи товарищей эфирников, вовсе не дурацкая шутка, я и так знал, вот только не предполагал, насколько скоро мне придется столкнуться с подтверждением слов полковника. Два дня спокойствия, ровно столько, как оказалось, отвела мне насмешница-судьба, за что я, с одной стороны, ей благодарен, а с другой... м-да.

Проводив Ольгу домой к отцу, благо до пира оставалось всего несколько дней, и ей просто необходимо было окинуть сотворённое Раисой, так сказать, хозяйским взглядом, Ну, а поскольку, нареченная моя, барышня основательная, она и взяла время с запасом, на исправление возможных огрехов... в общем, стоило мне выгрузить Ольгу не пожелавшую добираться на батюшкином вездеходе, у красного крыльца городской усадьбы Бестужевых и вывести «Лисёнка» за ворота, как неприятности покатила валом. Сначала, мне на хвост «упал» огромный черный внедорожник, в лучших традициях здешней моды, увешанный «люстрами», «лосятниками-кенгурятниками» и уделанный хромом по самые брови. А стоило выехать за пределы боярского городка, как это чудо польского автопрома взревело раненым бизоном и, рванув на обгон, попыталось прижать меня к обочине. Идиоты. Кинетический щит, это не только защита, при правильном подходе, он с успехом заменит трамплин. Что я и доказал. Сотворив на пределе сил давно тренируемую «горку», я просто перелетел через вездеход и, лишь приземлившись, позволил себе перепугаться. Выматерившись, я глянул в зеркало. Конечно, чёрта лысого в нём разглядишь!

Я ощерился. Удирать? Вот еще! Удар по тормозам, поворот руля и вывернутая на полную, подача огня. Взвизгнула резина покрышек, развернув рыжего на месте. Короткий разгон, торможение. А какие знакомые бледные лица в окне!

Спрыгнув с мотоцикла, я с ходу схватился за ручку водительской двери, и спустя секунду вытащил уродца на проезжую часть. Попытавшийся вмешаться, пассажир попытался вылезть следом за водилой, но получил дверь по башке, и обмяк.

— Здравствуй, друг мой. Тебя кто водить учил?! — Ухватив за грудки пытающегося подняться на ноги Шутьева, прорычал я.

— К-конец тебе, мразь. На боярича руку поднял. — Прохрипел тот.

Я вздернул уродца на ноги и, демонстративно отряхнув... точнее, размазав грязь на его форме, вежливо поклонился.

— Ах, извините, вашество, не признал-с. Как же, как же...

Честно, всё что я хотел, это отрихтовать этому придурку физиономию, но... не успел. Рядом раздался визг тормозов и из двух неприметных легковушек выскочили широкоплечие ребята с о-очень интеллектуальными лицами. Эфир взбурлил, а тело будто само прыгнуло в «разгон»... вот только этим интеллигентам от Калашникова, я оказался совершенно неинтересен. Миг, и Шутьев, вместе с пассажиром спеленаты и наряжены в подавители, по совместительству, наручники. А в следующую секунду хлопнули двери автомобилей и я остался на проезжей части в сугубом одиночестве. Как идиот. Эти орлы даже вездеход Платоши прихватили... могли бы и оставить, на память, так сказать. Скинув шлем, я почесал затылок и, глянув вслед укатившим прочь шустрикам, тяжело вздохнул. Как говорил один персонаж: «Что это было?» От размышления меня отвлек шум еще одного подъезжающего автомобиля.

— Кирилл? — И почему я не удивлён? Развернувшись, я выжидающе взглянул на выбирающегося из очередного, чтоб его! вездехода Хромова и вздохнул. Чую, скоро у меня на джипы разовьется самая настоящая аллергия.

— Да, Аристарх Макарович, внимательно вас слушаю.

— Что здесь произошло?

— Честно? Самому интересно. — Развел я руками. Ну, в самом деле, с чего я должен ему рассказывать о своих подозрениях и предположениях? — Только мы собрались поговорить по душам, как тут налетели, схватили, убежали... Вот не знал, что в Москве бояричей похищают прямо у боярского городка. Впору порадоваться своему статусу мещанина, не находите?

— И... с кем же ты хотел «поговорить по душам»? — Прищурился Хромов.

— Некий Шутьев. Очень ему не понравились наши с Ольгой взаимоотношения. Что будет, когда бедняга узнает, о помолвке, я даже подумать боюсь... Сляжет ведь от горя, болезный, точно говорю.

— Ну-ну. И его сейчас... украли? — Уточнил гвардеец.

— Ага, прямо из-под носа увели. — Развел я руками и, заметив выражение лица Хромова, заверил. — И я тут непричём, честное мещанское... Кстати, Аристарх Макарович. Извините за нескромный вопрос, а вы что здесь делаете?

— Кха! — Хромов аж поперхнулся. — Имей совесть, Кирилл! За тобой я ехал. Мне с пульта передали, что Шутьев с самого утра у нашей усадьбы кого-то поджидает... ну а когда ты Ольгу привез... В общем, я решил что надо за тобой присмотреть. Кто знает, что взбредет в голову этому... лоботрясу. Но похищать? Мне делать больше нечего...

— Значит, это были снусмумрики. — Заключил я. Хромов наградил меня совершенно нечитаемым взглядом и тяжело... очень тяжело вздохнул.

— Знал я, что влюбленные дуреют, но чтобы т а к... — Пробормотал он и, включив браслет, тут же окутался коконом защиты от подслушивания. Вроде бы, надо его успокоить, но... хотя, а что я теряю, собственно говоря? Короткое письмо-просьба ушло Одоеву. А через пару минут я уже получил ответ, правда, за авторством полковника.

Постучав согнутым пальцем по тут же недовольно загудевшему кокону и, дождавшись, пока Хромов его свернет, я продемонстрировал ему письмо за подписью Брюхова. Хорошо еще догадался письменно общаться, и то половину слов в его послании нужно вымарывать. Обсценная лексика, не самое лучшее украшение текста. А что было бы, если бы я с полковником по голосовой связи пообщаться решил? Уши бы в трубочку свернулись, наверняка.

— Какая интересная жизнь у некоторых. — Покачал головой гвардеец, прочитав послание Брюхова и, махнув рукой, открыл дверь вездехода. — Да чёрт с вами, приключенцами. Не надо и не надо. До встречи на пиру, Кирилл.

— И вам не хворать, Аристарх Макарович... и спасибо! — Откликнулся я, заводя Лисёнка.

— Не за что, неугомонный. — Уже устроившись на переднем сиденье авто, отозвался Хромов и, тут же посерьёзнев, погрозил мне кулаком. — Но не дай тебе бог втянуть в эти игрища Олю. Кишки на кулак намотаю.

— Обещаю обойтись своими силами. — Кивнул я. Гвардеец смерил меня долгим испытующим взглядом и, кажется, убедившись в серьёзности этих слов, что-то буркнул водителю. Тонированное стекло поднялось, закрывая от меня охрану Бестужевых, и внедорожник, лихо развернувшись на месте, умчался в сторону боярского городка.

Жаль, конечно, что пришлось засветить «стрелков» перед Хромовым, но с другой стороны, иных вариантов в данной ситуации у меня и не было. Опять же, полковник Брюхов, хоть и матерился, как прапорщик... м-да... но ведь и он возражать не стал, а значит... значит, буду считать это рабочим моментом. В конце концов, Аристарх и сам из той же «песочницы», так что болтать не будет. Чёрт, но как же неудачно получилось-то, а! И с филерами, похоже, дело — табак. Кто бы не следил за мной, увидев произошедшее с Шутьевым, наверняка насторожится. Если это, конечно, были не его люди... Но в этом случае, остается только ждать их визита. Должны же господа «следопыты» попытаться вызнать, куда делся их... кхм... работодатель. Да и самого Платона «эфирники», наверняка, расколуют до донышка. А вот если филеры не имеют к нему отношения... Вот тогда, точно швах. Затихарятся, затаятся, и фиг их выцарапаешь. Плохо? Не то слово. Но что сделано, то сделано... Остается только ждать.

Браслет тихо тирлинькнул и я, глянув на развернувшийся экран, выругался. Опаздываю! Рыжий сорвался с места и, влившись в редкий поток машин, покати́л в центр города. Подарок для Бестужева я заказал и давно получил, но ведь найти презент, это было только полдела, а ведь нужно было еще сделать на нём соответствующую гравировку, и именно сегодня мастер обещал закончить работу. Если быть точным, то мы договорились встретиться в два часа дня у

него в мастерской, а сейчас уже половина второго. Так что, поддать огоньку и вперед!

* * *

— Значит, говоришь, эфирники его «прикрыли»? — Нахмурившись, переспросил Бестужев.

— Две машины оперативников... как еще это можно понять? — Пожал плечами Аристарх, бездумно теребя браслет.

— Но не могли же они приставить к нему охрану, просто «на всякий случай»? — Боярин поднялся из-за стола и, совершив круг по кабинету, замер перед сидящим на диване командиром гвардии. — Там что-то должно быть. Чую, Аристарх.

— Я уже объявил готовность два, если ты об этом. — Откликнулся Хромов. — Но лезть к Кириллу не стоит. Видел я тех оперативников, это не гвардия и не частные охранники. Контора. Уж их ухваточки, мне знакомы, можешь поверить. Мы там только под ногами путаться будем, причём, как ты сам понимаешь, очень недолго. Буквально, до первого окрика...

— Хорошо, в крайнем случае, он... тот, кто он есть, и должен суметь позаботиться о своей безопасности сам. — Медленно проговорил боярин. — Но приглядеть... Аристарх, только приглядеть за ним, будет не лишним.

— Понял. — Хромов кивнул и тут же, насмешливо прищурился. — Всё же, беспокоишься о будущем зяте, а?

— Будет он мужем Ольги или нет, пока неизвестно, но вот то, что мой партнер должен быть способным решать свои проблемы самостоятельно, это факт. Иначе, даже затевать дело не стоит. — Вдохнул Бестужев.

— Э? — Глаза Аристарха удивленно округлились. — Но... они же...

— Я обещал матери Ольги, что дочь выйдет замуж за того, кого сама выберет. Будь то её нареченный или... какой-то другой счастливчик. — Отрезал боярин и тут же вздохнул. — Хотя, Кирилл представляется мне чрезвычайно удачным вариантом.

— А дочка в курсе такой вот «свободы воли», говоря языком вероятного противника? — Протянул Хромов.

— Я похож на мазохиста? — Ответил вопросом на вопрос Бестужев. Командир гвардии хохотнул.

— Ну, ты же хочешь отдать её замуж за человека, умудряющегося находить приключения на ровном месте.

— Главное, у него достаточно силы и удачи, чтобы выходить из них живым, здоровым и с прибытком. А удача, Аристарх, отличительная черта настоящего боярина. — Невозмутимо пояснил Бестужев. **Глава 10. Личный опыт, как часть учебного процесса**

Я откинул крышку строгой палисандровой шкатулки и, полюбовавшись сверкающим на черном бархате серебром украшенным тонким чернением, покрутил в ладони перьевую ручку стилизованную под кинжал, на «гарде» которого, был выгравирован чуть видоизмененный, но

узнаваемый девиз, от которого Здесь, до сих пор у знающих людей пробегают по спинам толпы мурашек. «Словом и Делом». Куда тут иезуитам с их «деи глориам»... Впрочем, Там, этот девиз тоже не забывали, хотя в последние сто лет, старались не упоминать. Другие лица, другая история. Хм. Хотелось бы мне взглянуть на Бестужева, когда он рассмотрит подарок как следует.

Аккуратно защелкнув миниатюрный замок шкатулки, я отложил её в сторону и покосился на второй из приготовленных мною «сюрпризов». Правда, этому предмету, подарком не бывать, но ручаюсь, говорить о нём будет весь московский свет... да новгородский тоже. Ведь, если я правильно помню, то Бестужевы ой как крепко сидят именно в тамошних землях. А Здесь, Новгород, все равно что Там Петербург. Тоже ведь не раз столицей становился, причем уже после правления Ивана Калиты... Да-да, всё тот же затейник Иоанн Пятый на целых шестьдесят лет утвердил Великий Новгород новой столицей России, и не побоялся, что дети примученных его батюшкой горожан, какую-нибудь пакость подстроят. Не подстроили... или сведения о тех каверзах до нынешних времен не дошли... А его внучатый племянник, в своё время сменивший на престоле бездетного внука Иоанна Иоанновича, вполне официально провозгласил Новгород Летней резиденцией русских государей, в каком-то качестве этот город до сих пор и пребывает. Но самое забавное, что зимними государевыми квартирами зовется... Ливадия, куда правители приезжают исключительно летом. Москве же остался столичный статус и полная неопределенность в статусе светском. Вот и кочуют бояре из Новгорода в Москву, из Москвы в Ливадию... И естественно, всюду натыкаются на «проклятых местных с их дурным укладом». Весело живут, короче говоря...

Вот и я сегодня присоединюсь к этому «веселью». Кстати! Бросив взгляд на часы, я уже хотел было начать вызванивать оператора, но в этот момент с улицы раздался басовитый гудок... вовремя. Заказанное для пущей авантюжности «такси», если конечно, можно так назвать этого длиннющего, черного как ночь монстра с гордым логотипом «АМО» над огромной хромированной решеткой охладителя. Хотя, будь моя воля, поехал бы на Лисёнке, но... увы. Этикет. Рыжий мотоцикл среди предстоящего апофеоза человеческого тщеславия будет выглядеть либо дурным тоном, либо тонким издевательством над остальными гостями. И хотя, я не против такой вот издёвки, боюсь те самые гости... «не поймут ведь, азиаты!»

Ну и чёрт с ними. Я подошел к ростовому зеркалу, с некоторых пор занимающему полстены в моей спальне и, окинув своё отражение придирчивым взглядом, вздохнул. Светло-серая «тройка», синий галстук-пластрон в цвет юбке Ольги, и такой же платок в нагрудном кармане, дневной костюм чтоб его! А ведь есть еще и вечерний, но он, по договоренности с хозяином дома, со вчерашнего дня дожидается меня в одной из гостевых комнат городской усадьбы Бестужевых. Всё тот же чёртов этикет!

Поправив манжеты, я подхватил с кровати серую же шляпу, накинул на плечи легкое пальто... конечно, того же цвета, а как же! Перчатки, трость... да-да, именно так. С некоторых пор, имею полное право, точнее обязанность, щеголять на приемах с этим дрыном. А что делать, если патриархи некоторых родов помнят еще те времена, когда выйти из дома без шляпы, трости и перчаток, для мужчины было просто немыслимо! Тому же боярину Громову, между прочим, в следующем году стукнет ни много ни мало, сто двадцать лет, и могу поспорить, что эта старая перечница рассчитывает прожить еще лет двадцать, как минимум!

Впрочем, именно сегодня, я готов смириться и с «удавкой», в цвет платью Ольги, и с понтовой заколкой для пластрона, и с запонками, и с печаткой и даже с тростью... Кстати, об аксессуарах! Чуть не забыл последний штрих... Самое главное!

Лимузин доставил меня к усадьбе Бестужевых точно в назначенное время и, прошелестев

широкими колесами по мерзлому гравию подъездной дорожки, остановился напротив Красного крыльца, где уже возвышался замерший в ожидании гостей, мажордом... конечно, Хромов. Кому, как не командиру своей гвардии Бестужев мог доверить такое дело, как встречу гостей. Бедняга! А ведь ему здесь придется торчать почти безвылазно. Сначала, он встретит всех «дневных» визитёров, потом их проводит, потом начнет встречать гостей, прибывающих на пир, среди которых, кстати, будут и уже переодетшиеся в «вечерние» наряды, «дневные» визитеры. На второй круг пойдут, ага.

— Кирилл Николаевич, ра... — Хромов окинул меня взглядом, задержался на руке без перчатки, сжимающей трость и, еле справившись с собой, всё-таки договорил. — Рад приветствовать вас в доме Бестужевых. Прошу...

— Благодарю, Аристарх Макарович. — Я вежливо кивнул и поднялся по лестнице, успев заметить тщательно, но безуспешно скрываемую улыбку гвардейца. А вот принявший у меня в холле пальто и шляпу, один из боярских детей Бестужевых справился с собой куда лучше. Каменная физиономия... образец игрока в покер. Ничего-ничего. Ещё не вечер.

Как и положено согласно всё тому же долбанному этикету и мнению некоторых именитых старпёров, я прибыл в тот самый промежуток времени, что и приличествует молодому неженатому мужчине, принятому в доме хозяев пира, то есть, чуть позже начала дневной части этого... Марлезонского балета. Первой его части, если быть точным.

Ну-с, есть будем еще не скоро, а значит... значит сейчас, я, как положено, должен обойти кучкующихся по залу, разодетых в пух и прах... по последней моде начала прошлого века, гостей, поприветствовать знакомых и представиться незнакомым. То, что надо!

Хм, судя по тому, как посматривают на меня окружающие, Ольга уже показывалась гостям. Что вы, какое совпадение? Всё есть так, как оно выглядит, не больше, не меньше... Отслеживая напряженной до предела чуйкой поползшие по залу шепотки, уже через пару минут, я, вслед за Хромовым, пытался удержать на лице бесстрастное выражение и не позволить губам изогнуться в довольной улыбке.

— Кирилл, ты ли это? Франт, настоя... — Взгляд неведомо откуда появившейся Лины упал на трость в моей руке, и глаза девушки ошеломленно расширились. Она замерла, но в конце концов не выдержала, и тихонько рассмеялась.

— Тс-с... Лина, что ты тут хихикаешь? Кирилл, привет. — Мила улыбнулась, окинула удовлетворенным взглядом мой наряд, но и её взгляд наткнулся на трость, а потом и на обмотанную вокруг её набалдашника Ольгину ленту. — Ки... ки...

— И эта туда же. — Деланно грустно вздохнул я.

— Ну ты даешь. — Мила неверяще покачала головой, вновь окинула взглядом мой наряд и, явно еле сдерживаясь, пробормотала. — А Ольга... пометила нареченного платочком, называется! И кто на кого здесь права заявил, а?

Сёстры переглянулись и, пробормотав какое-то подобие извинений, скрылись в холле, откуда тут же раздался их громкий и самозабвенный хохот.

Ладно-ладно. Я подожду до момента встречи с нареченной. Мне не трудно... Впрочем, вру. Это чертовски трудно! Наткаться на ошеломленные, удивленные и растерянные взгляды гостей, и удержать в себе смех... положительно, больше получаса я не выдержу! Эх, ладно. Пойду общаться с народом... боярским, ага.

— Елена Павловна, доброго дня, рад вас видеть... — Я поклонился удобно устроившейся в троподобном кресле в углу зала, вдовой новгородской боярыне Посадской, которую, по праву, стоило бы называть Филипповой, женщине знакомой Кириллу по визитам к тем же Томилиным, где эта дама наводила просто-таки панический ужас на представителей московского боярства своим неумным характером и полным пренебрежением к столичному укладу. Встретив её здесь, я не мог удержаться и не поприветствовать легендарную женщину из не менее легендарного рода. Достаточно сказать, что Здесь, её шесть раз прабабка никогда не выходила замуж за посадника Борецкого, зато, мстя ему за смерть своего мужа боярина Филиппа и старших сыновей, сговорила двух других дам высшего новгородского света и поддержала Иоанна Третьего в его войне с Казимиром Литовским. А когда услышавший о возможном отложении Новгорода, московский государь, потрепав Литву, повернул войска на непокорный город, именно Марфа Филиппова, в девичестве Лошинская, свернув шеи добрым двум десяткам Золотых Поясов, громче всех вопившим об отъезде Новгорода к литвинам, прибыла в Гнёздово на переговоры с Иоанном Васильевичем. Результатом был так называемый Гнёздовский мир, а Марфа стала-таки настоящей посадницей. Более того, государь позволил ей вести боярский род по женской линии, чего более никогда не бывало. Потом было много всякого, и хорошего и плохого, дочери и внучки Марфы даже побывали в заточении, когда Новгород, после ее смерти вновь попытался отложиться. И опять Иоанн Васильевич помог, только в этот раз уже Четвертый, прозванный Монахом. И опять Филипповы-Посадские оказались, что называется, на коне... В общем, богатая история, знаменитый род... Ну, как тут было пройти мимо, особенно, когда глава этого самого рода окликает гулким басом и, покрутив внушительным носом с нагло эпатирующей ухоженную публику, огромной родинкой в стиле Бабы-Яги, в голос, не стесняясь никого и ничего, интересуется, сколько раз юный Громов уже успел оприходовать боярышню Бестужеву?!

— Милая Елена Павловна, ваша проницательность воистину не знает границ, но как мужчина, я не могу ответить на этот вопрос... По крайней мере, во всеуслышанье, и без разрешения моей нареченной. — Улыбнувшись, я потерев ленту на трости, и услышал в ответ басовитый хохот матриарха одной из сильнейших боярских фамилий Новгорода... и не только.

— Ха! Юный повеса, да ты, никак меня, старую, в альков зазываешь, для «личной беседы»? Оха-альник. Эх, будь я лет на двадцать моложе, сама бы тебя туда затащила. А сейчас, уж прости... поздноватое. — Тут эта мощная тётка мне подмигнула, и договорила, не обращая никакого внимания на воцарившуюся в зале тишину. — Но, ежели хочешь, перед внучками за тебя словцо замолвлю. Глядишь, и сладите? А что, у тебя руда густая, злая! Знать, и моим девкам чуток той злости перепадет...

— Вы уж простите, Елена Павловна, но пять ваших очаровательных внучек, это уже перебор. — Вздыхнул я, разводя руками. — Вашим младшеньким-то, едва по десять лет исполнилось. Рановато. Да и Вере с Ниной еще расти и расти.

— Тоже верно. — Черные, абсолютно серьёзные глаза требовательно вперились в моё лицо и Посадская договорила, всё тем же весёлым громогласным тоном. — Сойдемся на одной. Жди, на днях пришло за тобой. Глядишь, и сговоримся, а, мастер?

Я кивнул в ответ, но почти тут же отвлекся, почуввав кое-чье присутствие. О да! Обернувшись, я улыбнулся и подмигнул застывшей в ступоре на пороге зала Ольге, в изумлении уставившейся на символ своего девчества, обвивший серебряный набалдашник моей трости. Месть? Ну что ты, милая! Это, всего лишь, воспитательный процесс... И он только начинается. **ЧАСТЬ III.**

ЗИМНЯЯ ГРОЗА

Глава 1. Милые бранятся? Нет, притираются... хм...

Бестужев смотрел на мечущуюся по его кабинету дочь, и старательно прятал ухмылку. Ну уж очень потешно смотрелась взбешенная, раскрасневшаяся Ольга наворачивающая круги по ковру и, буквально, искрящая во все стороны короткими трещащими разрядами, распространяя вокруг себя запах озона. Понаблюдав несколько минут за метаниями дочери, боярин покачал головой и звучно хлопнул ладонью по дубовой крышке стола. От удара вздрогнула стоящая на столе лампа, тихо звякнув узорчатым стеклянным абажуром, а дочь замерла на полушаге.

— Угомонись, егоза. — Тихо, но веско проговорил дипломат. На что, Ольга гордо вздернула носик, но не стала продолжать свой «забег» и, сделав шаг в сторону, присела на краешек кресла. Боярин, проследив за ней взглядом, кивнул. — Так-то лучше. Ну, а теперь, давай, сделай пару этих ваших дыхательных упражнений, успокойся и расскажи, с чего вдруг ты так взбеленилась?

— Как?! Ты что не видел, что этот... этот... сотворил на приеме?! — Ольга аж задохнулась от гнева, и боярин вздохнул. До чего же она сейчас была похожа на мать...

— Не понимаю о чём ты. — Нарочито отстраненным тоном проговорил Бестужев, отгоняя мысли-воспоминания.

— Что?.. Ты... ты с ним заодно, да?! — Возмутилась Ольга.

— Дыхание, дочь. Не заставляй меня думать, что я зря выбрасываю деньги на твоё обучение у Кирилла. — Покачал головой тот. Дождался, пока сверлящая его возмущенным взглядом, боярышня отведет глаза и примется за дыхательную гимнастику и, лишь убедившись, что та немного успокоилась, продолжил. — Я так понимаю, ты говоришь о своём учителе. Я прав?

Сердитый кивок в ответ.

— И что же сей уважаемый мастер и мой личный гость сделал не так, что ты на него взъелась? — Тихо поинтересовался боярин и, заметив, как дёрнулась дочь, остановил её одним жестом. — Без крика.

— Трость... Он пришел с тростью. — Старательно сдерживаясь, проговорила Ольга, почуяв нешуточное давление в эфире, исходящее от отца. Такое с ним бывало, разве что, когда он бывал чем-то о-очень недоволен... или кем-то.

— И в чём проблема? — Убедившись, что дочь готова слушать, проговорил Бестужев. — Он взрослый самостоятельный человек. Неженатый, не вдовый и не старый. Будь он офицером, таскал бы кортик или бебут, но он гражданский человек и ОБЯЗАН являться на пиры с тростью, если не хочет сидеть за детским столом. Ты об этом забыла? Или... или устроив представление с платком и пластроном в цвет своего платья, ты решила сделать из него эдакого юного паж, восхищенного твоей красотой и вздыхающей о тебе, с «детского» балкона над приемным залом? А теперь, значит, бесишься от того, что он поломал твою затею...

— Ничего такого я не хотела. — Нахмурилась Ольга. В словах отца был определенный резон, и теперь она не понимала, как могла упустить этот момент с тростью, обязательной для молодых людей, выходящих в свет. Вот только... лента! Эта мавкина головная лента, точно такая же, как та, что и сейчас удерживает ее волосы в кажущейся такой простой и незатейливой причёске!

Ольга и сама не заметила, как вновь затрещал воздух от разрядов электричества вокруг неё и подняла взгляд потемневших глаз на отца. — А ленту он тоже обязан был на трость повязать?! Дражайшая Елена Павловна была в полном восторге, а уж её комментарий...

— Знаешь, вот думать не думал, что ты у меня, оказывается, выросла такой дурой. — Неожиданно грустно заключил Бестужев, наградив дочь сожалеющим взглядом. Дескать, «это ж надо, а? И как у нас с твоей матерью могло получиться... такое?!»

— Но... но... — Ольга даже растерялась и непонимающе захлопала неправдоподобно длинными ресницами.

— Вот-вот. Только в блондинку покрасить осталось. — Кивнул боярин и, присмотревшись к лицу дочери, вздохнул. — Перед вечерним пиром отклеишь. И чтоб больше я этого убожества не видел. Только глаза уродуешь. Ясно?

Ольга заторможено кивнула.

— Замечательно. Вернёмся к Посадской. Ты что, не знаешь, что эта старая кар... почтенная боярыня славится своим презрением к условностям и готова высмеивать их где угодно, как угодно и когда угодно? А уж в интерпретации и без того запутанных значений всех этих символов, знаков и прочих забав великосветских затейников, ей и вовсе равных нет.

— Но ведь... — Начала было Ольга, но отец повторно махнув рукой заставил её умолкнуть.

— Итак. Раз уж ты столь плохо разбираешься в правилах этикета, давай разбирать «сотворённое» Кириллом, вместе. Начнем с трости. Слушаю.

— Па-ап.

— Не «папкай». Я жду. — Хоть давление эфира и исчезло почти полностью, но тон, которым боярин окоротил дочку, ясно подсказал ей, что спор неуместен... и неожиданно зачесавшаяся от неприятных воспоминаний, попа согласилась с разумом.

— Так. — Ольга глубоко вздохнула и, сосредоточившись, начала отвечать, словно на экзамене по этикету. — Трость — обязательный атрибут, без которого ни один самостоятельный неженатый человек не может появиться на пиру или ином официальном мероприятии, за исключением государевых приемов, где оружие, к которому приравнивается и трость, недопустимо, поскольку нет в государстве места безопаснее, чем под защитой ока Государя...

— Ну, и чего замолчала? Спросить что-то хочешь? — Спросил Бестужев.

— Да... Отец, но ведь у трости есть и другое значение. — Чуть помявшись, проговорила Ольга. — Ну... что молодые люди берут на прием трость... после того как...

— Не мямли. Ты дочь дипломата, или кто? — Резко оборвал дочь боярин.

— Охм. Существует мнение, что наличие трости говорит о том, что мужчина ее носящий, уже познал женщину. — Сосредоточившись, выпалила на одном дыхании боярышня. Отец хмыкнул, и Ольга развела руками. — Но ведь правда, многие молодые люди таскают с собой трости, именно поэтому. Сама видела... и слышала их похвалы.

— Разумеется. Но если бы ты была внимательнее, то несомненно заметила, что они всегда носят трость на малые, неофициальные вечера и... гулянки, но никто их не попрекает

ОТСУТСТВИЕМ трости, когда они сопровождают своих родителей на официальных пирах и мероприятиях.

— Э-э... — Ольга недоуменно взглянула на отца, но ответить не успела. Вместо неё это сделал знакомый голос, раздавшийся от дверей. А в следующий момент, девушка почувствовала, как ноющая пустота в груди, поселившаяся там с того самого момента, как Кирилл привез её в усадьбу, заполняется целым ворохом чувств и эмоций. И среди них не было, ни насмешки, ни удовлетворения от сделанной пакости. Только нежность, в которую девушка тут же и окунулась... «с головой». Да так, что не сразу поняла следующие слова Кирилла.

— Возможно, они так ведут себя потому, что знают, стоит им появиться на официальном приеме самостоятельно, без родителей, и никакая трость не спасет их от участи присутствия за «детским» столом, на «детской» же галерее?

— А... как это? — Прогоняя сладкий туман, помотала головой Ольга, но успела заметить, как переглянулись мужчины.

— Оленька, ты же сама только что сказала: «самостоятельный неженатый мужчина». — Со вздохом пояснил боярин. — А много ты знаешь самостоятельных и неженатых, среди боярских отпрысков? Вот-вот, система построена так, что они либо ещё несамостоятельные, либо уже женатые. Зазор слишком мал. Это Кирилл у нас выделился... опять. Впрочем, вру. Некоторое количество подобных счастливицов имеется и среди бояричей, но их число невелико. Весьма невелико.

Девушка резко запунцовела и только что не застонала от собственной бестолковости. Но, вспомнив о стоящем рядом Кирилле, под его же одобрительный хмык, тут же взяла себя в руки и, успокоившись с помощью всё той же, набившей оскомину дыхательной гимнастики, уставилась на нареченного.

— Но, если всё так, то зачем ты нацепил эту ленту? И, кстати, где ты её взял? — Спросила Ольга.

— Близняшки сдали твоего портного. Хотя я просил только указать тип и рисунок ткани. — Пожал плечами Кирилл.

— Э-э... Но... Я убью их. — Тихо заключила Ольга, отойдя от шока. Такой подставы от сестёр нареченного она не ожидала, а ведь они, вроде бы подружились...

— Не стоит. Они не виноваты, просто я умею быть убедительным. — Расщедрился на улыбку Кирилл.

— Так. Не сбивай меня, я сама собьюсь. — Нахмурилась Ольга. — Лента. Зачем ты её нацепил... если отбросить вариант этой... этой Посадской.

— Сынок, она не понимает. — Буркнул, давая широченную улыбку Бестужев.

— Какая недогадливая у меня невеста, батюшка. — Согласился Кирилл и, пристально взглянув на ошеломленное лицо Ольги, кивнул. — Не понимает. Кстати, эти идиотские реснички надо отклеить. Глаза портят.

— Дались вам эти накладки!!! И о чём вы, вообще, чёрт возьми, говорите?! — Взбеленилась девушка.

— Сынок, твои словечки. Проследи, чтоб она от них избавилась. — В деланном недовольстве покачал головой боярин, а когда Ольга уже была готова броситься на... да без разницы на кого из них, лишь бы глаза выцарапать, Кирилл сжалился.

— Понимаешь, по итогам подстроенной тобой встречи с Шутьевым, я решил, что таить нашу помолвку больше не имеет смысла. Всё одно, как показала практика, найдутся желающие потеснить меня в сторону. Так пусть у меня будут легитимные полномочия, чтобы размазать таких охотников по всем правилам этого вашего дурацкого света. В общем-то, именно для этого мне и понадобилась твоя лента. Более красноречивого знака нашей помолвки, никакие традиции не предусматривают. Ясно? Хотя интерпретация боярыни Посадской мне понравилась. Феерическая женщина. Настоящая капитал-фрау. Не знаю, поженимся ли мы с тобой, или откажемся от помолвки, но на моей свадьбе боярыня Филиппова-Посадская точно будет посаженной матерью.

Выслушав эту тираду, Ольга перевела неверящий взгляд с отца на Кирилла и, оценив их улыбающиеся лица, тихо застонала. Засада! **Глава 2. А скажи-ка друг любезный...**

Напомнив Бестужеву-старшему о его обещании помочь в образовательном процессе, я оставил отца и дочь наедине, а сам отправился переодеваться ко второй, вечерней части пира. Да и отдохнуть от этих мотыляний по залу для знакомства с ближним кругом боярина, мне совсем не помешает. Но... не судьба. Стоило мне переодеться в выделенной хозяевами комнате, кстати, той же, что я занимал, когда мы с сёстрами «скрывались» от Томилиных, и устроиться в кресле с развернутым на экране браслета очередным классическим произведением, которые я неожиданно полюбил перечитывать в поисках расхождений со знакомыми мне сюжетами, как в дверь постучали.

— Открыто! — Я свернул экран и уставился на отворяющуюся дверь.

— Фух. — Леонид тяжело вздохнул и, не спрашивая разрешения рухнул на кровать. — Как же я за-дол-бал-ся!

— Где ваши манеры, Леонид Валентинович? — Состроив брезгливую физиономию, поинтересовался я, наблюдая как одноклассник с наслаждением срывает с шеи завязанный пышным узлом пластрон.

— Не начинай, Кирилл. А то не посмотрю, что ты староста и, вообще, весь из себя... мастер. — Покосившись на меня, проговорил Лёня. — Кстати, насчет старосты... Ты, когда затеял всю эту возню с клубами, знал, что участникам надо будет отчитываться об их деятельности?

— Разумеется. — Кивнул я. — В правилах это было описано. А что? Трудно написать пару листов отчёта?

— А... понятно. Думаешь, самый умный, да? — Прищурившись, кивнул Леонид. — Так вот, я тебя сейчас спущу с небес на землю. Чтоб ты знал, помимо «пары листов» отчета, нужно представить администрации практическую часть. Проекты, Кирилл... проекты! Ладно, моделисты с артефакторами, они любую модель могут притащить, вот и готов полноценный проект. А остальные? Рукопашники, вышивальщицы, музыканты и хор... да ты сам, наконец, со своим «ядовитым клубом»... Кого травить будешь, в качестве проекта, а?

— Твою ж дивизию. — Протянул я. Как говорил наш ротный во времена оны: «Это залёт, боец!». Попал. Так, стоп. Спокойствие, только спокойствие. Леонид только что об этом узнал?

Ой, вряд ли. Вот не верю я, что этот самопальный букмекер и сын дипломата по совместительству, мог пропустить такую информацию мимо ушей. Не при его отношении к делу. А значит, кто-то просто решил мне попенять за то, что я забросил свои обязанности. — Та-ак. И когда же нас ждет это счастье? Завтра?

— Если бы показ проектов был назначен на завтра, ты был бы уже трупом. — С ехидной улыбкой просветил меня Леонид и, заметив недоумение в моих глазах, с готовностью пояснил, — мы бы тебя всеми младшими классами закопали на заднем дворе школы. И памятник поставили бы... с табличкой: «Посвящается ленивым старостам». В общем, всё не так страшно. Перед рождественскими каникулами будет общешкольный показ. Участвуют все клубы. Думаю, изначально предполагалось, что всё будет, как и раньше. То есть дело ограничится небольшим марафоном-попурри сцен из разных спектаклей, плюс открытое заседание дискуссионного клуба, ну и короткое выступление тех же фехтовальщиков... Говорят, классное представление, кстати. Но, тут влез один староста...

— Нечаянный староста, напомним. — Вмешался я в диалог Леонида и тот моментально сбился. Но тут же оправился от моего «подлого удара».

— Именно так, обиженный нечаянный староста. — Ухмыльнулся Бестужев-младший. Язва этакая. — И дело приняло совсем необычный оборот... В общем, двадцать шестого числа, для наших клубов выделяют основной зал. Места хватит всем... но никто не знает, что делать. Так что... у нас проблемы, Кирилл Николаевич.

— Понял. — Вдохнул я. — И вот надо же было тебе рассказать мне об этом именно сегодня, а Леонид Валентинович?

В ответ, тот только руками развёл.

— Кирилл, это ведь, действительно, была твоя затея. Помоги ребятам, а то, мы вчера после занятий и так три часа головы ломали, и ничего толком не придумали.

— Да я же не отказываюсь, Лёнь. Просто... чёрт, как же невовремя. — Я поднялся с кресла и, встав у окна, уставился на раскинувшийся за ним парк. — Ладно. Я подумаю, что можно сделать. Скинь мне последние данные по клубам. Кто управляет, сколько человек... и номера браслетов руководителей, для связи. У тебя они наверняка есть.

— Уже. — Голос заместителя повеселел. Вот интересно, с чего бы это? Неужто так верит в своего старосту? Я покосился на Лёню, сосредоточенно бьющего по невидимой мне клавиатуре браслета, и вздохнул. Вот кого надо на эту должность ставить. С таким старостой, класс будет как за каменной стеной. А я со своими вечными делами вне школы... нет, решено. После каникул проведем «перевыборы». Думаю, никто не будет возражать против замены «игрока». А Лёня? Хм... вот уж этот точно никуда не денется. — Кирилл, я, собственно, чего зашёл. Это правда, что ты фактически заявил о помолвке с моей сестрой?

— Да. — Кивнул я, отвлекаясь от размышлений и дёрнулся, когда младший Бестужев, вдруг подскочил с кровати и, оказавшись рядом, уставился на меня о-очень серьёзным взглядом.

— Обидишь Ольгу, станешь мне врагом. Я не шучу. — Неожиданно холодным безапелляционным тоном проговорил Леонид... и я ему поверил. Впрочем, уже через секунду, на меня смотрел всё тот же неугомонный заместитель с вечной полуулыбочкой на губах. — Итак. Когда свадьба?

— А её, может и не быть. — Пожал я плечами, разом стирая с лица приятеля его улыбку.

— А в лоб? Кирилл, я серьёзно. Ведь не посмотрю на разницу в силе.

— Да угомонись ты, Аника-воин. — Я толкнул насупленного Бестужева, и тот рухнул в кресло, не переставая сверлить меня недовольным взглядом. — Ни Ольга, ни я, пока не собираемся устраивать свадьбу.

— Но-о... вы же... вы... Да что, я не видел, как вы друг на друга смотрите, что ли?! — Возмутился Бестужев. М-да уж, заявочка. Р-романтик, чтоб его... — Да вы когда в одной комнате находитесь, Эфир с ума сходит... Я же не бездарный, чувствую!

Оп. А вот этого я не замечал... хотя, если подумать, то иначе и быть не могло. Мы же с Ольгой, постоянно в резонансе. Ничего удивительного, что сами этих возмущений вокруг нас, не чувствуем. А вот окружающие... М-да. Хорошо, что я разблокировался, только в кабинете Валентина Эдуардовича. Иначе, боюсь, никто из гостей бы и не подумал, что Посадская просто пошутила в своём репертуаре.

— Так, Леонид, угомонись. Во-первых, спасибо, что сказал насчет Эфира. Мы с Ольгой просто не замечали своего влияния на Эфир... в этом плане. Во-вторых. Да, мы действительно очень хорошо относимся друг к другу. Вот только не забывай, что это не просто наша с Ольгой влюбленность, а еще и результат воздействия наших мам. Уж не знаю, как и что наворотили эти биологи и евгеники, но крышу у нас сносит капитально. И именно поэтому, мы не хотим торопиться.

— Чтобы, если вдруг... то не пришлось пожалеть? — Понимающе протянул Леонид.

— Именно. Представь, года через полтора воздействие сойдет на нет, и мы с Ольгой вдруг поймем, что совершенно не подходим друг другу. А кольцо уже на пальце. И что, добиваться аудиенции у Государя, чтобы просить о разрешении на развод, которое тот еще может и не дать? Были бы живы мамы, можно было бы узнать у них, сколько продлится этот... эффект, а так... Лучше мы подождём.

— А я читал, что невозможно заставить двух людей полюбить друг друга... — Вздохнул Леонид. — После того разговора, помнишь, когда ты только-только к нам приехал? Вот, тогда я очень много информации нашел по этому поводу. И все источники сходятся в одном: невозможно насильно привить любовь к кому-нибудь. Заставить возжелать... э-э... физически, так сказать, пожалуйста. А вот, чтобы как у вас с Ольгой...

— Я не думаю, что родители делали что-то подобное. Скорее, воспользовались уже заложенным соответствием и как-то обеспечили срабатывание механизма «отбора», так сказать. Но как они это сделали, я не понимаю. И Ольга тоже. А рисковать мы не хотим. Так что, со свадьбой придется подождать, как минимум, до моего официального совершеннолетия. А там уж видно будет. — Я развел руками. Леонид покивал и, бросив взгляд на браслет, неожиданно выругался.

— Извини, Кирилл. Но я опаздываю. Вот-вот должны начать собираться гости, и мне нужно присутствовать. Сегодня, детский сад на моей шее. — Последние слова, Леонид договаривал уже с порога и, выкатившись в коридор, исчез. А через секунду, дверь вновь открылась, пропуская уже переодевшуюся к пиру, Ольгу.

Я окинул взглядом её точеную фигурку облаченную в какое-то невообразимое кремовое платье, одновременно облегающее и словно струящееся... и невольно замер в восхищении.

— Ты бесподобна. — Хрипло проговорил я, когда девушка, явно заметившая произведенное ею

впечатление, подошла... нет, скользнула по паркету, словно проплыла, и оказалась в шаге от меня.

— Спасибо. — Оля медленно кивнула, и вдруг, тряхнув головой, с улыбкой попросила, — Кирилл, закройся на секунду, пожалуйста! А то, так недолго и манию величия заработать. Ох. Вот так-то лучше. Честно говоря, никогда не верила, что мужчины способны на такое... такое чувство.

— Что ж мы, по-твоему, совсем «чурбаны бесчувственные»? — Возмутился я, когда ко мне вернулась способность говорить.

— Нет, конечно, просто... просто, я всегда считала, что мужчина так смотрит на женщину, когда... ну...

— Ну да, а факт, что мы способны восхищаться красотой как таковой, вам и в голову не приходит. — Вздохнул я. Ольга виновато развела руками. Но тут же улыбнулась и протянула мне... ленту. Под цвет вечернего платья, разумеется.

— Вот, возьми... — Проговорила Ольга и, помявшись, добавила. — И прости. Я больше не сделаю такой ошибки, как в случае с Платоном. Никаких игр «втемную»... Отец прав, это унижительно.

Я и не подозревал, что у Валентина Эдуардовича такой талант воспитателя... Хм. Что ж, честь ему и хвала. Я-то думал, что придется устраивать еще не один сеанс аллопатического лечения, а оно, вон как вышло. Отрадно!

Если бы еще не слуги, каждые пять минут долбящие в дверь, я был бы вообще счастлив, а так, пришлось прервать Ольгины извинения на самом интересном месте... Ну да ладно, пир не вечен, и у нас впереди целая ночь. **Глава 3. Хоть Бог и запретил...**

Поправив соскользнувшее одеяло, я полюбовался сладко посапывающей Ольгой и, осторожно выбравшись из кровати, побрёл в ванную. Закончив с утренними процедурами, я вернулся в комнату и, обзрев разбросанные по ней вещи, хмыкнул. М-да, зажгли, называется. Впрочем, ничего удивительного. Пир, хоть и не обязывал шататься по залу с приклеенной улыбкой, вежливо раскланиваясь с гостями, тем не менее, оказался штукой не менее тяготомной, нежели дневной приём. В общем, нам с Ольгой просто необходимо было сбросить пар... и вот, честное слово, получилось просто замечательно...

Впрочем, вру, кое-что интересное на пиру было, но не думаю, что нареченная одобрит произошедшее. Я бросил взгляд на явно не собирающуюся просыпаться Олю и, решив её не будить, полез в шкаф, куда вчера, по приезде в усадьбу, забросил свой бессменный рюкзак. Отыскав под сбруей с оружием спортивный костюм и кроссовки, я быстренько оделся и отправился на пробежку. Оля? Пускай, спит. Время, только шесть утра, а у меня, к тому же, есть одно дело, во время разбуливания которого, её присутствие совсем нежелательно.

Кивнув охраннику, я дождался, пока тот ответит на моё приветствие и откроет ворота, после чего, Рыжий взревел двигателем и буквально прыгнул вперёд, на пустынную по раннему времени улицу боярского городка. Понеслись мимо меня длинные каменные ограды, за которыми сливались в одну серо-черную пелену ветви голых деревьев. Редко-редко, навстречу попадались автомобили, среди которых, к моему удивлению не было ни одного столь любимого именитыми «вездехода». Впрочем, для них пока слишком рано. Сейчас время небольших

грузовичков доставки и легковых машин принадлежащих едущим по делам слугам или небогатым боярским детям. А вот за мной машин не было, хотя я и обогнал пару-тройку тихоходок. Я еще раз сосредоточился и, убедившись, что Эфир за спиной чист, облегченно вздохнул. Ну да, да, дую на воду. Но мне действительно очень не хочется повторения опыта с Платоном... кстати, надо будет заглянуть в «Девяточку», пострелять, поболтать. Заодно, узнаю, чем чёрт не шутит, может Шутьев что-нибудь сказал... интересное. Хотя... скорее, это ему что-то сказали. Уж больно тих и незаметен был боярич вчера на пиру. Даже не поел толком, хотя на столе, прямо перед ним лежали такие замечательные перепела... я пять раз просил его передать мне блюдо с этими птичками. А что? Они хоть и вкусные, но мелкие... на один зуб, буквально! А паштеты... нет, положительно, Валентину Эдуардовичу просто несказанно повезло с зазнойбой. Раиса, просто кудесница кастрюль и поварёшек...

Так, бубня про себя бессмертное Там творение Владимира Маяковского: «Ешь ананасы, рябчиков жуй...», я заглушил двигатель «Лисёнка» у спуска к памявному пруду и, закинув шлем на сгиб локтя, принялся спускаться к пристани. Судя по тому, что рядом с моим мотоциклом не оказалось ни одной машины, я сделал вывод, что приехал первым и, оказавшись у зеркала пруда, уверился в своей правоте. Тихо, прохладно... и никого. Уток с лебедями и тех нет, улетели по осени.

Глубоко вдохнув чистый воздух... ну, почти, чистый, но «новик» я или нет, в конце-то концов? Я огляделся по сторонам и, не увидев ничего интересного, уселся на небольшую скамейку под раскидистым боярышником, цепляющимся своими корнями за крутой склон. Но долго наслаждаться тишиной и одиночеством, в это холодное утро мне не пришлось. Чуйка, с самого утра работающая как папа Карло, доложила о приближении гостей. И в самом деле, не прошло и десяти секунд, как наверху раздался чуть слышный скрип тормозов, хлопнули двери и на спуске показалась троица ожидаемых мною... хм-м... собеседников. Точнее, к таковым относился лишь один из визитёров, остальные же должны были стать... ну да, да... секундантами они будут. Я же говорю, на пиру не обошлось без интересностей...

— Доброе утро, господа. — Я кивнул всем троим, но ответ получил лишь от двоих, тех самых будущих секундантов. Подтянутые, спортивные ребятки с невыразительными лицами, одинаково короткими военными прическами, в одинаковых костюмах, которые можно было бы назвать деловыми, если бы не кое-какие мелочи... человеку несведущему незаметными, но превращающими с виду обычный костюм во вполне удобную для активного движения одежду. Телохранители моего противника, собственно, как мы и договаривались. Ну да, тащить в качестве секунданта Леонида было бы тонким издевательством над вызвавшим меня бояричем. Это ж не поединок со школьниками, а полноценная дуэль меж взрослыми... м-да уж, людьми. Привлекать же того же Хромова, мне было бы не по чину... боярский сын рода Бестужевых, нет... никаких традиций я бы не нарушил, и никто бы ничего не сказал, но выводы, заинтересованные лица сделали бы. Они ж не знают, что у меня просто нет взрослых людей, знакомых настолько хорошо, что я мог бы доверить им право наблюдателя на дуэли... Так что, пусть будут люди моего оппонента. Тем более, наш разговор видело и слышало вчера достаточно людей, чтобы я мог не опасаться за честность поединка. Каким бы ни был исход нашей встречи, в случае смерти одной из сторон, разбираться в обстоятельствах будут скрупулёзно... и совсем не бояре. Ну а причин сомневаться в том, что и мой противник это понимает, у меня нет.

— Кирилл Николаевич. — Оказавшийся рядом со мной, один из «гостей» коротко, по-военному резко кивнул и представился, — Меня зовут Андрей Апполинарьевич Вешков. Я буду вашим секундантом, если не возражаете.

— Ничуть. Приятно познакомиться, Андрей Апполинарьевич. — Качнув головой, ответил я.

Помню его, весь вечер ходил за своим бояричем, как привязанный. Что ж, это даже к лучшему...

— Замечательно. Вы готовы? — Получив утвердительный ответ, Вешков извинился, и отправился навстречу ожидающему его в пяти метрах напарнику-коллеге. Мой противник же, остался стоять ещё дальше, метрах в десяти от своего секунданта.

Наблюдатели переговорили и через десять минут ритуальных «танцев с бубнами», вроде обязательного предложения о примирении, и перечисления запрещенных к использованию мощных площадных техник, из которых я не мог выполнить ни одной, в отличие от моего противника-«воя», молвой причисляемого к «старшим». В общем, спустя еще десять минут с формальностями было покончено и нас четверых накрыло артефактной полусферой диаметром в добрых полсотни метров, призванной защитить окружающее пространство от возможных разрушений.

Понеслась! Разгон, легкий кинетический щит возник передо мной, словно сам по себе и тут же развернулся под небольшим углом пропуская вскользь запущенную в меня метровую сосульку, по какому-то недоразумению названную «Ледяной иглой». Шустрый парень! Но ведь, всё равно не успеет...

Перелетая на полной скорости через замерцавший щит, я выпростал руки из-под куртки. Вперёд-вперёд-вперёд! Оказавшиеся в моих ладонях, ругеры захлопали, изрыгая напичканные под завязку энергией иглы, заставляя искажаться и расплзаться водяной щит моего противника. Изумлённое лицо боярича стало достойной наградой за преподнесенный сюрприз и вчерашнее поведение. А через секунду я вошел в его личное пространство, просто порвав не выдержавший двух десятков попаданий щит. Опустевшие пистолеты не успели упасть на деревянный настил пристани, когда мой кулак врезался в челюсть противника, сминая её и разбивая полные губы, вчера на пиру так кривившиеся от презрения, cedившие, прямо скажем, весьма неприятные слова в мой адрес. Не останавливаясь, другой рукой «правляю» картину, сворачивая челюсть боярича в противоположную сторону. Серия ударов в корпус, на которую ошеломленный, «поплывший» противник не может ответить, и, как завершение, мощный удар в нос. В стороны медленно, веером разлетаются брызги крови. В детстве, мы это называли «пустить юшку»... Хм. К моему удивлению, дуэлянт закрывает глаза и... падает, словно подрубленное дерево. Не расслабляя чуйки, выхожу из разгона и оглядываюсь на замерших на своих местах секундантах. М-да. Перевожу взгляд на лежащее, вытянутое, словно по струнке, тело противника. Мортал Комбат, чтоб его... Флоулесс виктории. Кхм.

— Господа? — Подтягивая «телекинезом» ругеры, обращаюсь к секундантам, уже успевшим прийти в себя.

— Кирилл Николаевич, у нас нет претензий. — Тихо произносит Вешков, знаком приказывая своему напарнику опустить выхваченный ствол. Тот морщится, но пистолет убирает. А вот молчать, он явно не собирается.

— Андрей, но он же стрелял!

— Когда Кирилл Николаевич получил вызов, он задал вопрос касательно оружия. Вячеслав Еремеевич ответил, цитирую: «Хоть из гаубицы пали...» конец цитаты. — Ровным тоном ответил мой секундант, опустив пару эпитетов своего шефа, которыми тот сопровождал своё «дозволение», и второй секундант сник окончательно. Ну да, стал бы я замораживаться с прямым нарушением правил? А так, боярич сам дал мне великолепную возможность для манёвра. Но даже если кто-то попыбует возмутиться... иглы были заправлены под завязку

чистой энергией, а не рунными зарядами, которые, кстати, только и могут нанести урон стихийникам... теоретически.

— Хм, Кирилл Николаевич, позвольте один вопрос. — Пока секундант боярича пытался привести своего валяющегося в отрубе шефа, в чувство и вправлял на место его перекошенную челюсть, всюсю фоня целительскими техниками, Вешков подошел ко мне и, наблюдая, как я меняю трубчатые магазины ругеров, поинтересовался. — А если бы я не успел остановить Артура?

Я кивнул за спину телохранителя, а когда тот обернулся, чтоб посмотреть, на что я указываю, скамейки, рядом с которыми, собственно, и стояли секунданты во время боя, взмыли в воздух и с грохотом обрушились наземь.

— Впечатляет. На такую атаку, мы бы могли и не успеть отреагировать. — Почесав бровь, секундант хмыкнул. — Но... впрочем, ничем другим, место для дуэли разметить здесь нечем. Вы предусмотрительный человек, Кирилл Николаевич. А...

Не знаю, что еще хотел сказать Вешков, его прервал слабый голос с трудом поднимающегося на ноги боярича Вердта.

— Поздравляю с победой. Это была самая хреновая дуэль в моей жизни. — Ну да, говорит невнятно, зато самоиронии хоть отбавляй. — Кирилл, вы не против, если я буду звать вас по имени? Все-таки, разница в возрасте у нас довольно большая...

— Десять лет, это две трети моей жизни, Вячеслав Еремеевич. Не возражаю. — Кивнул я.

— Тебе пятнадцать?! — Боярич было расхохотался, но тут же застонал от боли в отбитых рёбрах... и челюсти. — Ух... ё-ёо. Кому сказать, что меня так мальчишка отделал, не поверят. Камнедробилка, а не кулаки... Прошу извинить за вчерашнее, Кирилл. Честно говоря, увидев, кому повезло получить руку и... думаю, не ошибусь, если скажу «сердце» Ольги, я был несколько...

— Взбешён. — Подсказал я, и боярич снова попытался рассмеяться. С тем же результатом.

— Именно. — Вячеслав кивнул и, окинув меня долгим взглядом, протянул руку. — Мир, Кирилл? **Глава 4. Куда вас, сударь, к чёрту, занесло**

Вячеслав Еремеевич Вердт, гвардеец Московского легкого бронеходного полка, оказался типичным рубакой и повесой, словно сошедшим со страниц истории. Эдакий классический гусар. Бретёр, балагур, пьяница, ловелас и игрок. Честно слово, вот не думал, что такие еще есть! Впрочем, здешняя история сильно отличается от Тамошней, а некоторые традиции, как оказалось, гораздо легче переживают века, чем революции. В общем, так неудачно начавшееся знакомство, завершилось вполне мирно. Ну да, полапались, подрались... можно и мировую выпить. Кхм. А вот тут мне пришлось развести руками. Вячеслав сначала нахмурился, потом задумался, а уж после расхохотался во весь голос.

— Простите, Кирилл. Меня опять ввела в заблуждение ваша серьёзность. — Признался Вердт, когда, во время заказа завтрака в небольшом заведении у Каланчовой площади, я отказался от алкоголя. — Совсем забыл о возрасте. Но, может, все же по бокалу вина? Хотя бы попробуйте, что это такое.

— Извините, Вячеслав, но нет. — Я покачал головой.

— И почему же? — Приподнял бровь мой собеседник, одновременно принюхиваясь к принесенному официантом горячему паштету.

— Во-первых, потому что уже пробовал алкоголь и не нахожу его столь уж притягательным. Во-вторых, закон запрещает продажу вин лицам не достигшим совершеннолетия. Ну а в-третьих...

— Да-да? — С легкой усмешкой поторопил меня Вердт.

— А в-третьих, в отличие от вас, Вячеслав, я не мучаюсь с похмелья, и не имею нужды употреблять вино в... половину восьмого утра. — Я отразил улыбку моего собеседника. А когда тот демонстративно покаянно поник головой, договорил. — Кстати, советую лечиться не вином, а рассолом. Лучше всего, капустным... по крайней мере, мне он кажется вкуснее того же огуречного. Но это уже на ваш выбор.

— Кирилл, открою вам страшную тайну. — Прекратив изображать кающегося грешника, Вердт фыркнул. — Рассол, не панацея. Особенно, когда вечером угощаешься не водкой, а вином и коньяком.

— Что ж. Вам виднее, Вячеслав. — Пожал я плечами, налегая на рисовую кашу с изюмом, от вида которой, моего собеседника ощутимо передернуло. Да-да, по сравнению с заказанными им блюдами, мой скромный завтрак казался нарочито детским... Зато вкусным и сытным, в отличие от микроскопических порций «навороченных» закусок стоящих перед Вердтом.

— Кирилл, а где вы научились так стрелять? — Неожиданно перевел тему мой бывший противник. — Судя по тому, как расползался мой щит, вы били в одну и ту же точку. Хм... если посчитать... да, разброс был не больше десяти-пятнадцати сантиметров. На бегу, из автоматического оружия, с двух рук... Это была незаурядная стрельба, должен сказать.

— Что значит «научился»? — Я поставил на стол стакан с апельсиновым соком. — До сих пор учусь. Стрелковый клуб «Девяточка» в Преображенском. Замечательное место.

— Ого! — Вячеслав покачал головой. — Однако... Недешёвое место.

— Вы знаете этот клуб?

— Нет, именно «Девяточка» мне незнакома. Но в Преображенском просто нет недорогих заведений. Да и попасть без протекции, в большинство тамошних клубов почти невозможно. Ну да ладно. Собственно, я вот к чему веду... — Вердт побарабанил тонкими пальцами по столу и решительно кивнул сам себе. — Как смотрите на то, чтобы заглянуть на наше стрельбище? Мы хоть и бронеходы, но стрелковое оружие ценим, и среди моих однополчан найдется не один любитель пощеголять своей меткостью.

— Почему бы и нет? — Согласился я, и гвардеец мечтательно улыбнулся. Хм, вот я не я буду, если он уже не представляет себе, как собьет спесь с кого-то из своих сослуживцев.

Жаль, что нашу беседу вскоре пришлось свернуть. Одновременно зазвонили браслеты, и мы, переглянувшись, одинаково пожали плечами. В один голос рассмеявшись, мы с Вячеславом пожали друг другу руки и, оставив на столе плату за завтрак, потянулись к выходу. Каждый, по своим делам. Уж не знаю, кто вызывал бронеходчика, а мне пришло сообщение от Ольги, в котором нареченная очень вежливо интересовалась, куда это унесло её любовника, жениха и, по совместительству, учителя, из теплой постели, да с утра пораньше.

— Уже еду, милая. — Сбросив короткое послание, я оседлал «Лисёнка» и, захлопнув забрало рыжего шлема, поддал огня. Обогнав АМОВского «толстяка» Вячеслава, я просигналил ему на прощанье и, получив в ответ рёв клаксона, больше напомнивший мне вой корабельного «ревуна», прибавил ходу.

Вопреки моим ожиданиям, первым человеком, встретившемся мне в усадьбе, если не считать охранника на воротах, была вовсе не Ольга, и даже не Леонид. Бестужев-старший стоя на Красном крыльце, окинул меня внимательным взглядом и, довольно кивнул.

— Доброе утро, Кирилл. — Прогудел боярин, когда я поднялся по высокой лестнице и оказался рядом с ним.

— Доброе, Валентин Эдуардович. — Кивнул я и, заслужив еще один очень внимательный взгляд, не выдержал. — Что-то не так?

— Да вот, ищу страшные раны... и проверяю наличие головы. — Вздохнув, усмехнулся Бестужев. Но тут же стал убийственно серьёзным. — Кирилл, ты каким местом думал, ввязываясь в дуэль? Вердт старше тебя на десяток лет, он гвардеец, воин. А ты? Юнец, ты о чём думал, вообще? Или решил, что раз ты весь из себя такой монстр Эфира, то вой тебе на один зуб?!

— Валентин Эдуардович, давайте продолжим наш разговор в кабинете? — Тихо попросил я. И вот понимаю же, что человек просто волнуется за меня, но... желания попустительствовать таким наездам, этот факт мне не добавляет.

Бестужев, кажется, и сам понял, что несколько переборщил, поскольку, едва мы оказались в его кабинете, и устроились за журнальным столом, тут же заставленным чаем и заедками к нему, Валентин Эдуардович покосился на меня с некоторым смущением... может быть и деланным, но ведь дал же он себе труд, хотя бы продемонстрировать это чувство...

— Извини, Кирилл. Увлёкся. — Посетовал боярин, разливая по чашкам ароматный и горячий напиток. — Просто, когда охрана доложила, что ты куда-то уехал, да еще и с оружием... Хм. Жаль, что Хромов не успел просмотреть все записи с пира до твоего отъезда... Мы бы хоть охр... секундантами тебя обеспечили.

— Валентин Эдуардович! — Воскликнул я. — По-моему, вы утратили веру в человечество. Неужели, вы всерьёз предполагаете, что кто-то из ваших гостей мог оказаться настолько... непредусмотрительным, что при встрече с ними, мне было не обойтись без... своих секундантов?

— Не ерунди, Кирилл. — Покачал головой Бестужев. — Сам же всё прекрасно понимаешь...

— Не совсем. — После минутного молчания, ответил я. — Объясните, Валентин Эдуардович. Я ни на секунду не поверю, что вас беспокоит только возможное бесчестное поведение моих противников на дуэлях. В чём дело?

— Ты уже забыл про происшествие с Шутьевым? — Вопросом на вопрос ответил боярин. — Или думаешь, раз он затих, то и проблем не доставит? Ошибаешься. Я уж молчу про тех людей, что его похитили. Не просто так же они появились рядом с вами на той дороге? Кирилл... я пока не знаю, что вокруг тебя происходит, но что-то есть. Чую. А своему чутью я привык доверять, знаешь ли. Так что, послушай доброго совета, будь аккуратнее...

— Валентин Эдуардович, ну что вы такое говорите? — «Удивился» я. — Шутьев? Да, вам ли не

знать, с какой стати он на меня взъелся? Наверняка ведь, Ольга всё рассказала. Так? Так. Похитители? Так, об этом самого Платона нужно спрашивать. А может быть, кого-то из его родни. Того же боярина Шутьева, например.

— Не надо пудрить мне мозги. Хромов узнал в нападавших государевых людей. И я могу тебя уверить, род Шутьевых не имеет никаких проблем с законом и никогда не привлекал к себе такого... негативного внимания государя. Они, конечно, не опричники, но в политику не лезут. Уж в этом я могу тебя уверить со стопроцентной гарантией. А значит, дело касается тебя...

— Почему сразу меня? — Возмущился я. — Может, сам Платон что-то натворил, и род к его проблемам не имеет отношения?

— Потому что, в отличие от Шутьевых, при первой же попытке навести справки о тебе, мои источники в Преображенском Приказе резко замолчали. Ясно? — Бестужев на миг умолк и, вздохнув, договорил. — Ладно. Не скажу, что меня устраивает твое отношение к происходящему, но тут я ничего не могу поделать. Поэтому, просто прошу, будь осторожен. Подумай об Ольге...

Срезал.

— Я буду трижды осторожен, Валентин Эдуардович. — Помолчав, ответил я. — Обещаю.

— Вот и ладно. Вот и хорошо. — Облегченно вздохнул Бестужев, откидываясь на спинку кресла. Но уже через секунду, глаза его широко раскрылись. — Стоп! Что значит «дуэлях»?! Сколько у тебя их назначено?

— Сегодня была одна. — Честно ответил я. — Кстати, Вердт оказался совершенно замечательным типом. Мы договорились с ним, съездить как-нибудь на стрельбище его полка. Надеюсь, мне позволят там поручить боевой платформой.

— Мальчишка! Не заговаривай мне зубы. Сколько всего?!

— Хм... — Я открыл кондуит браслета и, пробежавшись по списку, кивнул. — Ещё четыре осталось.

— Отошлешь условия Хромову, он даст тебе секундантов. — Обреченно покачав головой, пробормотал Бестужев.

— Извините, Валентин Эдуардович, не хочу вас обидеть, но у меня уже есть секундант. — Усмехнулся я, отчего лицо моего собеседника перекошило.

— И кто же он, надеюсь, не Леонид? Такого издевательства тебе противники не простят. — Успокоившись, спросил боярин.

— Понимаю. Поэтому и отказался от его помощи, хотя Лёня настаивал. А секундантом на моих следующих дуэлях обещался быть Вердт. Я же говорю, совершенно замечательный тип...

Бестужев хлопнул себя ладонью по лбу и я, клянусь, услышал его тихие слова... Крик души, можно сказать.

— Да, два дебила, это сила... **Глава 5. Выходной, не повод для безделья**

Подумав над разговором с Бестужевым, я вынужден был признать, что легкость с которой я отнесся к происходящему вокруг, просто непозволительна. Дуэли? Да чёрт с ними. Но вот то, что я так просто и незатейливо забыл о своих разногласиях с Грозовым-старшим, иначе как шапкозакидательством назвать нельзя. Да и слежка, обнаруженная людьми Брюхова, как бы намекает... что не один Георгий Дмитриевич имеет на меня какие-то виды. Хм... А может, это, как раз, его рук дело? Но, зачем?

Я потёр лоб, словно это могло помочь ускорить мыслительный процесс но, заметив зашедшую в трапезную Ольгу, оставил размышления и, улыбнувшись, шагнул ей навстречу.

Может быть, мы с Олей так и проворковали бы до самого вечера, если бы не ворвавшийся в комнату Леонид. Успев заметить как мы отшатнулись друг от друга, Бестужев-младший фыркнул и выжидающе уставился на меня. Что?

— Проекты, Кирилл. У нас всего семнадцать дней, это две с половиной недели. Ты же не хочешь памятник? — Со вздохом напомнил мне заместитель. Точно. Ещё и это...

— Извини, Лёнь. У меня пока не было времени подумать над этим. — Признался я.

— Конечно-конечно. Ты ведь у нас теперь так занят... — Издевательски протянул боярич. — То сестру мою потискать надо, то по городу побегать, с утра пораньше...

— Кстати, Кирилл, ты так и не сказал, где был утром. — Заметила Ольга, пропустив мимо ушей замечание брата насчет «тисканья». Но если судить по эмоциям моей нареченной, это была только видимость. Да и то, что братец прервал нашу... хм... беседу, ей явно не понравилось.

— Решал дела связанные с моим новым статусом. — Развел я руками. Оля нахмурилась, что-то вспоминая, а через секунду её взгляд зашарил по мне, очевидно в поисках повреждений. Не удовлетворившись этим, девушка взмахнула ладонью, окутывая меня диагностическим воздействием и, лишь убедившись, что всё в порядке, облегченно вздохнула. — Мог бы и предупредить...

— Чтобы ты поволновалась зря? — Пожал я плечами. Вот только продолжить начинающееся препирательство нам не удалось, хотя желание Ольги хорошенько меня отчитать, читалось в её эмоциях очень чётко. Но вмешался Леонид, за что ему большое спасибо.

— Эй, вообще-то, я здесь. Забыли?! — Бестужев-младший уселся на стол и повернулся ко мне. — Кирилл, пожалуйста, свяжись с нашими, переговоры. А то они меня уже достали. Браслет звонит, чуть ли не с шести утра, не прекращая. У меня больше полусотни сообщений уже, и чую, будет ещё больше!

Мда, не забыть бы еще и о слежке за Леонидом... Надо будет поинтересоваться у Валентина Эдуардовича, может быть его люди уже выяснили, кто устроил этот фарс?

— Алло! Кирилл, ты меня слышишь? — Я взглянул на насупившегося, сверлящего меня недовольным взглядом Бестужева-младшего...

— Да, извини, Лёнь. Задумался. — В ответ на эти слова, заместитель побагровел, но тут же сдунул, услышав окончание фразы. — Я сегодня же всех обзвоню и переговорю. А в понедельник соберемся после занятий и устроим мозговой штурм. Устраивает тебя такой вариант, совесть старосты?

— Договорились. — Леонид просиял и, соскочив со стола, отправился на выход. Открыв дверь,

он повернулся к нам с Ольгой и, отвесив шутовской поклон, рассмеялся. — Шефа проблемами нагрузил, сестре удовольствие обломал... Надо же, еще и полдень не наступил, а день уже удался. Замечательно. Воркуйте дальше, голубки!

И, под аккомпанемент рассерженного шипения Ольги, скрылся из виду... язва. Правда, долго сердиться на брата, нареченная не стала, любопытство победило, и она вцепилась в меня клещом, пытаюсь вызнать, что за проблемы такие образовались у меня в школе. А ведь потом еще и до дуэли доберется... Эх. Лёня-Лёня, подложил-таки свинью, заместитель.

Но, как оказалось, переживал я зря. Ольга, дотошно выпросив меня на тему предстоящих демонстраций клубных проектов и, собственно, участвующих в этом деле школьных организаций, выкатила совершенно замечательную идею. Конечно, времени на воплощение её затеи у нас оставалось совсем немного, но были и плюсы, на которые нареченная и не преминула мне указать.

— Ты пойми, все эти ваши клубы... они же новые. И создавались людьми, которые уже чуть-чуть соображают в том деле, что собрались «продвигать в массы». Правильно? То есть, там не может быть много новичков-неумех, которые вообще ничего не понимают в выбранной стезе, но очень хотят научиться. А значит, у них уже есть что-то... ну, не знаю. У девчонок из клуба вышивки, наверняка найдутся дома старые какие-то старые работы. Про моделлистов ты сам говорил, что у них постоянно что-то жужжит и летает по кабинету. — Ольга с энтузиазмом взялась за агитацию. Как будто я в ней и в самом деле нуждаюсь. Ха!

— Понял-понял. Предлагаешь поскрести по сусекам, а? — Кивнул я.

— Именно. Давай, начинай обзванивать своих, пусть готовятся. А в понедельник соберем всю информацию по имеющимся возможностям и... будем определяться с концепцией вашего выступления. — Ольга подскочила и, выбравшись из моих объятий, нацелилась на выход.

— Э-э нет, милая. А ну, стоять! — Гаркнул я, и нареченная замерла на месте, в двух шагах от дверей. — Куда это ты собралась?

— К себе. — Честно призналась Ольга.

— А учиться кто будет? Или ты решила, что именины отца избавляют тебя от тренировок? Вот уж нет уж. Давай, садись на пол... ничего-ничего, он теплый и вполне удобный... и приступай к медитации. — Выщелкнув из трубки магазина все двенадцать игл, я подбросил их на ладони и положил на стол. — Приступай. Что делать с железками, сама знаешь. Вперёд.

— А ты? — Протянула Ольга, одновременно усаживаясь на пол.

— А я займусь обзвоном. Заодно и тебя проконтролирую. Чтоб не филонила. — Улыбнулся я в ответ, разворачивая экран браслета.

— Вот она, благодарность. — Вдохнула нареченная, бросив на меня обиженный взгляд. Вот только, в эмоциях её не было и следа демонстрируемых чувств.

По окончании тренировки, к которой присоединились и вызванные мстительной Ольгой близняшки, я продолжил заниматься уговорами руководителей наших школьных клубов. Надо заметить, что только малая их часть, отнеслась к предложению Ольги скептически. В основном, это были рукопашники и... моделлисты. Впрочем, здесь нет ничего удивительного. Если большинство «клубников» просто не могли представить какие-то серьезные проекты ввиду слишком малого времени отведенного на подготовку, то те же руконогомахатели вполне

могли отделаться показательными выступлениями, а у моделистов всегда можно найти пяток-другой летающих моделей, заброшенных ввиду того, что «там уже разбираться нечего, летают и ладно. А вот заставить порхать вот эту хреновину, вот это интересно...» Но, против лома нет приема, то есть против старосты. И плевать, что двое таких заартачившихся руководителей клубов, по какому-то странному стечению обстоятельств оказались «выходцами» из параллельных классов. Староста старосте глаз не... ну, в общем, понятно. Так что, два звонка коллегам, и упрямые главы клубов уже готовы сотрудничать со всем возможным рвением. В общем, дело сдвинулось с мертвой точки, и теперь всё будет зависеть от той концепции, как высокопарно обозвала сие действо Ольга, что мы выработаем послезавтра на общем сходе. Но самое главное, идею общей программы все приняли, дело за малым...

За всеми этими переговорами, я и не заметил, как пролетело время. Так что, когда Ольга отвлекла меня от составления очередного наброска проекта, за окном уже начало темнеть. Чёрт!

— Кирилл, ты куда? — Удивилась Ольга, когда я подорвался с места.

— У меня же сегодня занятие в «Девяточке»... — На ходу ответил я, судорожно обыскивая свой рюкзак и убеждаясь, что без визита домой дело не обойдётся. Боеприпасов почти нет, да и заниматься в вечернем костюме, равно как и в спортивном, значит привлечь к себе лишнее внимание. А мне его и так хватает, как самому юному стрелку в клубе...

* * *

— Значит так. Сергей, сегодня на занятие... наш вундеркинд же, сегодня придет? — Уточнил Брюхов и, получив в ответ кивок Одоева, продолжил. — Так вот, на занятие возьмешь Татьяну... Пусть разведет парнишку на спарринг.

— Зачем? — Не понял Сергей. — Олег Павлович, вы же сами говорили...

— Я лучше тебя знаю, что и когда говорил. — Жестом оборвав подчиненного, проворчал в усы Старик. — Но тогда, у меня не было той информации, что есть сейчас.

— Хм? — Одоев вопросительно изогнул бровь.

— Что, интересно? — Усмехнулся Брюхов. — Наблюдение притащило запись дуэли нашего пострелёнка. Противник, конечно, не преображенец, но московские бронеходы, тоже гвардия...

— Олег Палыч... — Начал было Сергей, но командир только покачал головой.

— Э-э, нет. Уж извини, но правила тебе известны. Не могу. Да ты не переживай. Раскрутит его Таня на спарринг, сам всё увидишь. Вживую, оно должно выглядеть ещё интереснее. Всё, иди... нет, стой. Когда закончите игры и пострелушки, загляните ко мне. Кирилл хотел поговорить? Вот и побеседуем.

Сергей коротко кивнул и вышел из кабинета начальства. Ну а что ему оставалось? Большого, полковник ему всё равно не расскажет, Старик высказанного мнения без причин не меняет, да и до приезда Кирилла времени осталось всего-ничего, а Сергею ещё нужно отыскать Татьяну и предупредить её о предстоящем... тесте. Хотя, судя по намекам начальства, тут еще вопрос, что это будет. Тест для Кирилла, или способ сбить спесь с «звездившейся» в последнее время рукопашницы... **Глава 6. Один за всех? Идите лесом**

Чтобы понять, чего добивается вновь оказавшаяся в нашей компании Татьяна, много ума не нужно. Но, чёрт возьми, неужели нельзя просто подойти и прямо задать простой вопрос: Кирилл, давай устроим небольшой спарринг? Так ведь нет, надо же ходить почти сорок минут вокруг да около, тяжело вздыхая и время от времени пытаясь довести меня до кипения своими замечаниями... Впрочем, от такого подхода тоже была определенная польза. Сохранять концентрацию, когда тебе постоянно зудят на ухо и, вообще, всячески стараются сбить настрой, да при стрельбе из незнакомого оружия, это... мобилизует. Что за оружие? Сегодня, Одоев притащил в дальний зал тяжелую штурмовую винтовку, самую настоящую. Первое увиденное мною в этом мире, нарезное оружие, естественно, вызвало огромный интерес, и зудящая над ухом Татьяна, была ну совсем не в кассу.

В конце концов, поняв, что дальнейшая работа с оружием, я имею в виду, нормальную работу, мне не светит, отложив в сторону легкую, несмотря на тип, винтовку, я вздохнул и повернулся лицом к стоявшей за моим плечом девушке.

— Достала. — Констатирую. Татьяна сделала удивленное лицо и отступила на шаг назад.

— Хм. Извини? — А вот непонимающее лицо делать совсем необязательно. Я покосился на демонстративно сосредоточенно набивающего магазин винтовки инструктора и, поняв, что тот не собирается вмешиваться, тяжело вздохнул. Ну да, а чего еще можно было ожидать? Наверняка, идея Брюхова. А что, увидев запись, он, скорее всего, просто не мог удержаться от небольшой проверки... может быть даже и помощникам своим показал то «видео».

В том, что запись дуэли имеется, я почти не сомневаюсь, говорил же Олег Павлович о «прикрытии»... а учитывая, продемонстрированное мною во время драки с Вердтом, м-да... ничего удивительного в такой реакции «клуба эфирников», нет. Как и в том, что спустя пять минут после того, как я отложил винтовку в сторону, мы с Татьяной оказались в небольшом спортивном зале, точнее у ринга, расположенного в самом его центре. Хм. А может, девушка просто решила похвастаться новым залом? Ну, хвастаются же они всяким туфельками-сумочками... маникюром... А то, что зал, если и не новый, то только что отремонтированный, просто бросается в глаза. Чистота почти стерильная, а запах... м-да. Краска, она везде краска.

Пока я оглядывался по сторонам, Татьяна успела скинуть кроссовки и взлететь на ринг.

— Кирюша, иди сюда... не бойся. Я тебя не больно побью. — Широко улыбаясь, подначила девушка, явно почувствовав себя в родной стихии.

Ну да ладно. Вы так, а я эдак. В конце концов, не одним «разгоном» жив человек. И ежедневные тренировки никто не отменял. С тем же Одоевым я, может быть, и не рискнул биться... честно, так сказать. Но с Татьяной можно попробовать. Разница в массе в мою пользу, опыт... хм, мда. Умения и скорость? А вот тут «будем посмотреть»...

В общем-то, чего-то подобного стоило ожидать. Татьяна оказалась сильным и быстрым, непредсказуемым противником... но, чересчур горячим. Одно меня удивило, в эмоциях девушки, как, собственно, и присутствовавшего здесь же Сергея, даже через пять минут поединка не было и намек на разочарование. Злость и недовольство присутствовали... у Татьяны. От Одоева только любопытство. Так что, получается, Брюхов не стал распространяться о дуэли?

Впрочем, стоило промелькнуть этой мысли, как Татьяна отскочила к канатам, Эфир вокруг неё знакомо взбурлил и я еле успел уйти в сторону от мощного огненного шара, расплескавшегося о замерцавший у стены зала щит. Ни черта ж себе?! Договаривались же о рукопашке! Ну нет,

идите вы лесом с таким честным спаррингом!

Разгон. Удар.

Ещё одно подрубленное дерево. Хм. Не переборщил? Вроде бы нет. Девушка приподнялась на локтях и, тряхнув головой, уставилась на меня. Точно, не видели они запись. И от Татьяны и от заставшего Сергея одинаково шибануло изумлением.

А что я? Договаривались о рукопашном спарринге, так нечего было огнемёт изображать...

— Цела? — Я протянул руку, на которую девушка, чуть помедлив, оперлась. Не доверяет, или не успела отойти от удара? Но, глаза вроде чистые... мути нет. Хм.

Помогая ей подняться, я постарался отследить движения. Да нет, всё в порядке, координация не нарушена. Да и бил я очень осторожно.

— Как ты это сделал? — Помолчав, спросила Татьяна, не торопясь отпустить мою руку.

— Подошёл и ударил. — Пожал я плечами. — А вот зачем ты устроила этот фейерверк?

— Я-аа...

— Рефлекс у нашей Танечки такой. Вредный. — Хмыкнул инструктор, раздвигая канаты, чтобы нам было проще выбраться с ринга. И добавил почти мечтательно. — Может, хоть это происшествие её исправит. А что? Метод кнута и пряника, говорят, действенная штука. Ты будешь кнутом... а я пряником.

— Смотри, Серёженька, ведь по шее получишь... пряник. — Прищурилась Татьяна. Может, она и хотела добавить ещё что-то, но её перебил громкий звонок браслета. Развернув экран и выслушав абонента, девушка скривилась, но, нехотя кивнув, повернулась к нам, — Олег Павлович ждёт. Идёмте?

И всё равно, не понимаю, зачем нужно было действовать именно так? Не проще было просто и честно попросить меня о спарринге?

Это был первый вопрос, который я задал Брюхову после обмена приветствиями. И далеко не последний.

* * *

Бывший гвардии полковник смотрел трансляцию спарринга и тихо матерился. Нет, идея была хороша. Раскручивая Кирилла на спарринг, Татьяна и сама завелась по полной программе, на что собственно и рассчитывал Олег Павлович. Вот только ушлый мальчишка, словно назло, вообще ничем не выдавал своих способностей, столь ярко продемонстрированных на дуэли. Нет, уровень показываемый Кириллом сейчас, довольно высок. Скупые, четкие движения, скользящие блоки, которыми он отводил и смягчал мощные удары ног своей противницы, но... это всё не то... Хотя... Брюхов чуть удивленно вздёрнул брови. Вот этот удар, доведи Кирилл его до конца, вполне способен был сломать Татьяне, как минимум, два ребра. А вот этот... полковник вздрогнул всем телом. Убийственный, в прямом смысле этого слова, приём. Хорошо ещё, что парень так хорошо контролирует себя и своё тело, иначе, как минимум, реанимация дочери была бы уже обеспечена. Кажется, это дошло и до Татьяны, вон как взвилась! И любимый огнешар... Ага!!!

Олег Павлович с какой-то смесью удовольствия и удивления хлопнул себя ладонями по коленям, когда фигура Кирилла на экране, вдруг исчезла и тут же появилась вновь, но уже рядом с падающей на ринг Татьяной. Как будто кадр сменили. Раз и всё. Был там, оказался тут. И никакого намека на стихийное перемещение... Иначе, даже если опустить все несоответствия вроде отсутствия характерного возмущения в Эфире, зрительного следа стихии на старте и финише, и совершенную невозможность подобного действия в исполнении новика... можно было бы увидеть хотя бы сам удар. Ан нет... Ладно. Посмотрим, что покажут записывающие приборы, которыми, бригада артефакторов полдня напичкивала спортзал, разворотив для этого три стены из четырёх, пол и потолок. Хорошо ещё, что успели всё привести в порядок... и то, в зале до сих пор краской воняет, никакие воздушные техники не помогают. Несильно, но... Ладно. Надо звать эту гоп-компанию, пока они второй спарринг не устроили.

Отключив видеопанель, Брюхов коснулся браслета и, развернув экран, передал приглашение через Татьяну. А когда вся троица оказалась в его кабинет, Кирилл снова смог удивить полковника, сходу задав неудобный вопрос. Ну, право, не отвечать же пареньку, что таким способом Олег Павлович хотел лишь правильно настроить дочь на бой... в её же присутствии?

Впрочем, Татьяна опередила бывшего полковника. Догадливая дочка.

— Чтоб я сама себя накрутила и на ринг вышла не для галочки, а с настоящим желанием тебя отметить. Папа, хоть и прикидывается солдафоном, на чувствах умеет играть не хуже профессиональных «мозголомов». — Пропела Татьяна, бросая на отца очень многообещающий взгляд. Брюхов вздохнул и, улыбнувшись в усы, развел руками. Мол, что поделаешь...

— А с вами иначе нельзя, вертихвостка. Иначе, на пару с сестрой на шею мне сядете и уздечку напялите. Слышишь, Сергей! Тебя предупреждаю, свяжешься с ними, сам не заметишь, как будешь на коротком поводке бегать. — Брюхов хохотнул, вот только Кирилла, кажется, этот показной дружелюбный тон для своих, ничуть не ввёл в заблуждение. Настороженный взгляд стал ещё холоднее, а появившаяся в дверях Настасья сделала большие глаза и замотала головой. Что ж, полковник никогда не был идиотом, и давно научился доверять чутью дочери, а потому, тут же сбросил маску доброго дядюшки.

— Ладно, оставим досужую болтовню. Присаживайся, Кирилл. Поговорим о делах. Сергей, Татьяна — свободны.

— А Настасья? — Склонив голову к плечу, поинтересовался гость. Увидеть её он не мог, стоит спиной ко входу... Значит, почуял. Всё интереснее и интереснее...

— И Настасья сможет вернуться к своим обязанностям, как только принесёт нам чаю. — Согласился Брюхов. Тихо прозвучали шаги молча удаляющихся Татьяны и Сергея, прекрасно понимавших, до какого момента можно спорить с полковником, а когда стоит умерить пыл и не отвечивать. И до того момента, пока за принесшей поднос с чаем и заедками, Настасьей не закрылась дверь кабинета, напроць отрезая оставшихся там хозяина и гостя от внешнего мира, в помещении царила полная тишина.

Разумеется, бывший полковник не преминул записать состоявшийся между ним и Кириллом Николаевым разговор и, когда молодой человек покинул «Девяточку», эта запись была запущена сразу после перемонтированного видео спарринга.

— Ну, что скажете? — Поинтересовался полковник у дочерей, когда обе записи были просмотрены по третьему разу.

— А что тут скажешь? — Пожала плечами Татьяна. — Возмущения в Эфире на записи практически отсутствуют. Он просто ОЧЕНЬ быстро двигался. Скорее всего, это следствие какого-то внутреннего воздействия Эфира на организм...

— Он решил нам раскрыться. — Неожиданно и вроде бы невпопад вдруг проговорила Настасья. — Чуть-чуть. **Глава 7. У нас в стране на каждый лье...**

Новости сообщённые мне бывшим полковником, ещё раз подтвердили недавнее решение смотреть в оба. Нет, господин Брюхов не был особо откровенен, рассказывая об итогах «наблюдения», таковых, судя по всему, особо и не было, так что снимать с моего хвоста «топтунов» пока никто не собирается. Но, вот о вежливой беседе в Преображенском приказе, состоявшейся между приказными и бояричем Шутьевым с его приятелем, Олег Павлович рассказал довольно подробно и, что интересно, больше надежд на то, что Платон прекратит преследование, Брюхов... точнее, приказные возлагают не столько на самого Шутьева, сколько на сопровождавшего его боярского сына, как оказалось приставленного к Платону заботливыми родичами, специально для того, чтоб тот купировал у боярина приступы несвоевременной активности. Когда же я поинтересовался, не приведет ли эта «беседа» к противоположному варианту действий со стороны рода неудачливого ухажёра Ольги, Брюхов только коротко рассмеялся.

— Кирилл, если бы именитые были столь вольны в своих действиях, как ты сейчас предположил, государство давно развалилось бы на лоскутки. — Не стирая с лица усмешки, пояснил Брюхов. — Ты совершаешь классическую ошибку родовитого, считающего, что принадлежность к боярской фамилии возвышает простолюдина над теми, кто не служит какому-либо из именитых родов.

— А что, это не так? — Удивился я. На самом деле, удивился. Ведь, если память Кирилла меня не подводит, то служить в боярских детях или даже просто работать по ряду в компании или на заводе принадлежащем боярскому роду, считается Здесь весьма и весьма почетным. — А как же защита рода, преференции сотрудникам родовых компаний?

— Точно так же, как запрет на любое участие в выборах, от голосования на избрании городского головы, до выставления собственной кандидатуры в гласные Земского Собрания... — Подхватил Брюхов, заставив меня покраснеть. — Пойми Кирилл, в России нет «ничьих» людей. Есть те, что находятся под защитой именитых, и государевы подданные. Понимаешь? Меж собой именитые могут устраивать хоть войны, хоть боины, хоть скачки на деревянных лошадках. Но нет более верного способа для боярина попасть в опалу, чем вляпаться в историю с нанесением ущерба государевым подданным. Любое подобное происшествие расследуется исключительно преображенцами, а «Слово и Дело» ещё никто не отменял. Так-то. В общем, учитывая твоё «обывательское» настоящее, ты можешь не опасаться неудовольствия со стороны Шутьевых. Нет, я не говорю, что всё так уж радужно... будь ты «беспризорным», а проблема чуть серьёзнее, род мог бы и закрыть глаза на твоё «мещанство». Ну, пропал мальчишка и пропал. Сделали бы всё чисто, глядишь, приказные и не ворохнулись бы... но, получив столь явное предупреждение вкупе со свидетельством о том, что ты уже находишься под наблюдением преображенцев, Шутьевы не станут ввязываться в это дело и окоротят разошедшегося отпрыска... Кхм, кстати, Кирилл, неужто ты действительно так его напугал? Чем?

— Уверены, что хотите это знать, Олег Павлович? — Я прищурился.

— Эфир?

— Да.

— Кхм... ну, скажем так, был бы не против узнать что-то новое, тем более, что по вступлении в «клуб», скорее всего, твоим ведущим стану именно я. — Развел руками Брюхов.

— Не могу не согласиться с вашим выводом, Олег Павлович. — Кивнул я. — Готовы?

В тот же миг Брюхов окутался странным почти невидимым коконом. Только легкий всплеск в Эфире, да дрожание воздуха, похожее на марево, поднимающееся над раскаленным асфальтом, выдавало наличие некой защиты.

Осторожно «прощупав» незнакомый щит, я на миг задумался о принципах его построения, но... решил, что у меня ещё будет возможность его изучить и, войдя, на всякий пожарный, в «разгон», отправил в сторону собеседника волну жути... Не очень сильную, а то ещё прихватит сердечко у бывшего коллеги, и амба.

Щит Брюхова чуть дрогнул, но сдержать атаку явно не смог. Полковник побледнел словно мел, зрачки его расширились, скрывая радужку, и тут же сжались в точку. По виску побежала капля пота, Олег Павлович вздрогнул, а в следующий миг тело старого вояки взметнулось вверх. Монументальное кресло с грохотом впечаталось в стену, а сам Брюхов вдруг оказался в центре комнаты, сжимая в ладонях пару самых настоящих огненных мечей... иначе, нервно подрагивающие в его руках продолговатые сгустки пламени, и не назвать. И всё это, меньше чем за пару секунд! Мда. А ведь хотел «полегче»... Аккуратнее надо быть. Аккуратнее и точнее.

Пока я, слиняв в угол комнаты, подальше от разошедшегося гвардейца, наблюдал за его реакцией, Брюхов, кажется, успел взять себя в руки. С легким шипением, огненные мечи в его руках рассыпались ворохом безобидных искр, а на закаменевшем было бледном, словно мраморном, лице, проступили первые эмоции. Страх, бешенство, растерянность и смущение промелькнули калейдоскопом. Полковник покосился в мою сторону, облегчённо вздохнул и, ощутимо расслабившись и, отпустив, наконец, Эфир, шагнул к валяющемуся у стены креслу. С легкостью подняв этот монументальный предмет обстановки и вернув его на прежнее место, полковник с удобством устроился в нём и приглашающее махнул мне рукой.

— Знаешь, теперь я, кажется, понимаю, почему Шутьев так отреагировал на твоё воздействие. — Задумчиво протянул мой визави, когда я уселся на диван. — Это... это было сильно.словно, снова оказался в Антарктике.

— Почему, в Антарктике?! — Удивился я.

— А, ты же не знаешь... Да было у нас одно очень жаркое дело в тех местах. — Всё так же задумчиво проговорил Брюхов, погружаясь в воспоминания. — Окопался там один «гений», с кучей приспешников, действовавших под лозунгом «Die Macht Эber alles»... Эдакий антипод папским выкормышам из-за океана. Давно это было. Я только-только пришел на службу в полк, безусый гвардеец, да... Половину империи пришлось перерыть, пока вышли на след этого «арийца». Тьфу! Скольким людям он головы задурил, сколько имперских семей лишились своих наследников... А под конец, когда этого мавкина сектанта дожали, смылся. Как раз в ту самую Антарктиду. Ну, а нас отправили за ним... Поганое местечко была эта Новая Валгалла, знаешь ли. А уж в тамошних лабораториях мы и вовсе чуть не свихнулись. Эти уроды ставили эксперименты на людях. Разных. Одаренных и нет, черных, белых, желтых... мужчинах, женщинах, стариках, детях... Жуткое место. Эфир вопил от боли так, что техники срывались

сами собой. Очень похоже на то, что ты сейчас продемонстрировал. Вот... Посмотрели мы на эти самые лаборатории, на то, что осталось от пленников, проблевались... а потом наш командир вызвал малый круг ярых.

— И?

— И всё. Теперь, там самый южный действующий вулкан в мире. — Пожал плечами Брюхов и, выпав из своих воспоминаний, тряхнул головой. — Ладно. Что-то, я... Кирилл, прошу, впредь будь осторожнее. Я же чуть в атаку не сорвался.

— Постараюсь, Олег Павлович. — Кивнул я. Что-что, а увидеть в действии, после такого удара, сбрендившую от выброса адреналина боевую машину, мне совсем не хочется.

— Полагаю, этот ужас не единственное оружие в твоём арсенале? — Удовлетворившись моим обещанием, поинтересовался бывший полковник.

— Чувство может быть любым... в принципе. — Пожал я плечами. — Другое дело, что не каждое годится для атаки.

— Ну, я же не только об эмоциональных проекциях говорю. — Пояснил Брюхов. — Например, показанная тобой скорость...

— Я слабосилок, Олег Павлович. — Сообщил я известный факт. — На дистанции от меня мало толку. Один огнешар и добро пожаловать в медблок. Вот, отец когда-то и научил простому упражнению. Скажу сразу, вам оно не поможет.

— О как... Почему же?

— Вы же гридень, не меньше? — Уточнил я и, получив в ответ кивок, продолжил. — Тело не выдержит потока Эфира. А оперировать малыми... хм... объемами, вы не привычны, слишком тонкая, филигранная работа здесь нужна. Напитывать придется не просто всё подряд и совсем не абы как. А синхронно питать и контролировать потоки Эфира наполняющие мышцы, кости, сухожилия, нервную систему, кровеносную, сердце и прочие внутренние органы... Нет, если займетесь всерьёз, лет через двадцать может и получится некое подобие «разгона», но... вряд ли. Один перекосяк в подпитке, на миг упущенный контроль и амба. Скажите «спасибо», если лишитесь только руки или ноги, но скорее, просто сгорите целиком. А из праха, даже наша продвинутая медицина вас не восстановит.

— Но у тебя-то получилось? — Нахмурился Брюхов.

— Правильно, получилось. Вот только, когда отец начал меня учить, я был совсем крохой. А у детей психика очень пластична. Начни я обучаться этому сейчас и наверняка свихнулся бы от напряжения. Кроме того, я новик, и это мой потолок. Максимум, что меня ждало, это сбой в работе внутренних органов или временное поражение тканей. — Пожал я плечами. — А рядом всегда был медблок, в котором все «косяки» исправлялись на раз. Да и матушка была с медициной на «ты». У вас же, любой всплеск силы просто обратит в пепел напитываемый орган.

— Но ведь можно выработать какую-то технику... — Предположил бывший полковник.

— Сомневаюсь. — Покачал я головой. — Слишком много переменных. Тело ведь не кирпич, оно слишком изменчиво и постоянно находится в движении, представляете, сколько параметров надо отслеживать? Точнее, даже не так. Технику создать можно, я тому пример, но... она будет

для каждого своя. Вариант: разбить «разгон» на приёмы и обучить им пару тысяч учеников, хорош только для клуба самоубийц... или мазохистов. Прежде чем они добьются положительного результата, девяносто девять и девять десятых процента погибнут или станут калеками, уничтожив собственную нервную систему.

— Ты уверен?

— Ну, если у вас есть на примете знакомый гранд Эфира, спросите у него. — Я развел руками. — Отец считал именно так.

Упоминание об отце в данном контексте действовало на Брюхова обескураживающе, и он переключился на другую тему, наверное, решил отомстить. Иначе объяснить поведенный мне факт исчезновения слежки, я не могу. Спугнули-таки. **Глава 8. Красавице и кубку...**

И вот понимаю же, что ожидать чего-то иного, после выходки приказных с «похищением» Платона и его «няньки», не стоило. Но... обидно, всё-таки, и тем более, я не могу понять той легкости, с которой отнёсся к потере «топтунов» Брюхов. И дело не в том, что в ответ на мой расстроенный вздох, он просто отмахнулся. Нет, даже будь у него время, чтобы успокоиться после провала наблюдения, какое-то недовольство всё равно должно было остаться. А тут... ноль. Словно, это несущественно. С другой стороны, моё сопровождение так и не было отозвано, а значит, и решения спустить дело на тормозах, не было.

Ну, хоть причины слежки за Леонидом стали понятны, и то хлеб. В общем, узнав, что за моим заместителем хвостом ходил один из прихлебателей Платона, решившим, оказывается, устроить тотальную слежку за всеми Бестужевыми в надежде, что один из них выведет его на меня, мне оставалось только развести руками. Ничего удивительного в том, что действия этих филеров оказались столь непрофессиональными, тут не было. Ну, не созданы повесы и нахлебники-дармоеды прожигающие жизнь в клубах для подобной работы. И плевать, сколько колен их предков, какому роду служили... и как.

Как бы то ни было, одной проблемой стало меньше, и я с более или менее спокойной душой пустился в круговорот подготовки к демонстрации проектов в гимназии.

Громогласное обсуждение программы продолжалось два дня... с перерывами, естественно, но голова у меня, после каждой встречи участников, просто гудела. А старшие классы вдруг стали обходить младших стороной. По крайней мере, тех, кто участвовал в «новых» клубах. Следили со стороны, этак ненавязчиво, и не вмешивались. Впрочем, оно и к лучшему. К тому моменту, когда мы, наконец, выработали стоящий план, нервы у всех были на пределе. Без ругани дело не обошлось и, хотя в результате, консенсус был достигнут, подходить к некоторым участникам дебатов было небезопасно, по крайней мере без асбестовых костюмов. Гурьба раздраженных, не успевших успокоиться пятнадцатилетних одаренных, это... хм, не фунт изюму, в общем.

Как бы то ни было, план был принят и работа закипела. Дело нашлось всем. Даже моделисты, у которых вроде бы все собранные агрегаты, включая созданные до поступления в гимназию, работали как часы, вынуждены были сдаться под напором своего штатного артефактора и, понукаемые Резановым, занялись проверкой моделей. Но больше и дольше всех бушевали вышивальщицы. Ну да, их кропотливая работа не терпит суеты, а тут требовалось сотворить кучу всего, да за столь малый срок.

Вот, кстати, сильно подозреваю, что сроки подготовки проектов для нас, были сдвинуты почти на месяц, не случайно. И Леонид был согласен с моими выводами... а уж когда, к тому же

мнению пришла и Вербицкая, мимоходом его озвучив на перемене и подтвердив свою осведомленность ссылкой на утверждение Екатерины Фоминишны, с которой ушлая девчонка умудрилась найти общий язык... или родственников, кто их разберёт... в общем, младшие классы заворчали ещё больше. Старшие сначала улыбались, а когда получили в ответ предупреждающий оскал, попытались «показать новичкам их место», и ожидаемо сели в лужу. Ну да, а как еще это назвать, если два самых «умных» старшеклассника не нашли иного способа, чтобы продемонстрировать свою удаль, иначе, чем прижав огрызнувшегося на них младшего. Промахнулись. Вздурораженный последним обсуждением, недовольный предстоящим количеством работы, что отнимет его личное время, и без того невеликое, ввиду идущей полным ходом домашней учёбы, младшеклассник ответил «воздушным копьем» и универсальным кличем на все времена: «наших бьют!».

Клич не остался без ответа, и два десятка его однокашников вынесли «удальцов» из школы стихийной атакой, да так, что за время своего полета к выходу, те ни разу не коснулись пола. Так и просвистели в распахнутые двери мячиками для пинг-понга, под веселый и злой рев младших и изумлённое молчание попавшихся на пути старшеклассников, нашедших в себе мудрость не вставать на пути у урагана.

Влетело всем. Младшим за непочтительность и разгул, старшим за то, что не остановили и не вразумили, старостам... за всё сразу. Но итог стоит признать скорее положительным. Одного выступления обозлённых младшеклассников хватило, чтобы старшие стали держать дистанцию. Ну а лично для меня, как для старосты, принявшего на себя всю ответственность за происшествие... да-да, «удальцы»-то решили устроить дедовщину в отношении Леонида... в общем, Совет учителей выслушал мою короткую речь и, ввиду очевидного раскаяния виновника и его содействия следствию, так сказать, ограничился решением лишить меня статуса старосты, сразу по окончании триместра. О, надо было видеть физиономию Леонида, когда он узнал об этом «приговоре». Ха! Как будто я не знал, что втайне, мой накосячивший заместитель холит и лелеет надежду, что так и останется на вторых ролях. Вот уж дудки.

На радостях, я даже сумел отловить с некоторых пор постоянно избегавшую меня Марию Вербицкую, и напомнил ей о нашей договоренности.

— Итак. Любезная Мария Анатольевна, я жду ответа на давний и, судя по вашей неуловимости, не забытый вами вопрос. Надеюсь, в своей снисходительности, вы всё-таки поведаете мне, что сподвигло вас на затею с «охотницами»...

— Ах, Кирилл Николаевич, право, я совершенно не понимаю, о чём вы говорите. — Захлопала ресницами первая красавица класса. Вот только нервно крутящаяся в ее руках пилочка, говорила о том, что барышня не так спокойна, как хочет казаться.

— А мы знаем... — В унисон пропели появившиеся непонятно откуда близняшки. Сёстры тут же взяли мою одноклассницу в «коробочку» и, зафиксировав её, схватив под руки, словно лучшие подружки, ласково улыбнулись.

Вот, как у них это получается, а? Один взгляд, одна улыбка, и вместо «зоикосмодемьянской» передо мной оказалась поникшая и готовая к сотрудничеству особа. М-да уж.

— Я сама расскажу. — Вдохнула Мария, бросив короткий и недовольный взгляд сначала на одну близняшку, а потом на другую. Я её понимаю. Ум Милы, в сочетании с характером Лины, сочетание убойнейшее, кого угодно до цугундера доведут.

Впрочем, не всё было так страшно и рассказ свой Мария начала только после того, как была

отконвоирована сёстрами в «кулинарный» кабинет, а на столешнице перед нами появился чай со всем к нему причитающимся. Так что, допрос довольно быстро превратился в дружескую беседу... По крайней мере, до тех пор, пока я не узнал, что вся эта эпопея с охотящимися на меня ученицами была инспирирована госпожой Вербицкой с одной незатейливой целью... Услышав которую, я, в очередной раз вынужден был признать, что не понимаю женскую логику. Вообще.

Устроить мне нашествие потенциальных невест, только для того, чтобы присмотреться получше к возможной «жертве» и оценить возможные и необходимые шаги для моего «приручения»... это выше моего понимания. А вот Мила с Линой глянули на Вербицкую с нескрываемым уважением... и толикой злости, со стороны Лины, если я правильно расшифровал её взгляд.

— Но сначала ты старательно избегал общения с ними, а вчера я узнала, что опоздала. — Развела руками девушка. — Ничего не могу сказать. Повезло Ольге Валентиновне.

— Ей? Не мне? — Уточнил я, находясь в полном обалдении от обрушенных на мою голову новостей.

— Ну, лично с госпожой Бестужевой я не знакома, так что о том, как повезло тебе, я судить не могу. А вот она, определенно, поймала удачу за хвост. — Вдохнула Мария.

— Ничего не понимаю. — Признался я. — Как мещанин может быть удачей для родовой боярышни? Маша, ты ничего не путаешь?

— О... понятно. — Протянула та, с каким-то даже сожалением посмотрев на меня. Перевела взгляд на сестёр, но те, кажется, были удивлены не меньше меня, и вдохнула. — Всё с тобой ясно. Кирилл, как будет время, загляни к нам в гости, без официоза. Просто приезжай на чай. Поговорим подробно. Только обязательно.

— Хорошо. — Я пожал плечами. — Значит, отложим продолжение до встречи у тебя дома?

— Именно. Школьный кабинет не самое лучшее место для таких разговоров. — Согласилась Вербицкая и, отразив мою улыбку, прощепетала уже совершенно иным тоном, — вот только, любезный Кирилл Николаевич, если вы думаете, что причиной моих действий послужило банальное увлечение или девичья влюблённость, я вас разочарую.

— Ну что вы, Мария Анатольевна, как могу я, презренный, даже смеять надеяться на такое счастье? — Я даже голову склонил для пущей убедительности.

— Хм. А что, неплохо. Совсем неплохо для дилетанта. — Кивнула Мария. — Не хочешь присоединиться к школьной трuppe?

— Сестрёнка, ты веришь в её искренность? — Громким шёпотом поинтересовалась Лина.

— Имеешь в виду отсутствие у этой милой девочки гендерного интереса в отношении нашего братика? — Так же «незаметно» откликнулась Мила.

— Именно. — Чуть ли не промурлыкала наша штатная язва.

— Фальшивит Машенька. Как говаривал дедушкин старый друг: «Не верю». — Со вздохом покачала головой Мила.

— Я тоже. Думаю, нам придется позаботиться о братике. Такая девушка может научить его плохому. — Кивнула Лина.

— Поможем Кирюше. — Согласилась сестра, и обе близняшки одарили застывшую на месте Марию ангельскими улыбками. Ну да, ну да. Помню. Подобное выражение лица бывало у них всякий раз, когда они собирались осуществить очередную пакость...

— Хм... Маша, думаю, тебе стоит уйти... немедленно. — Проговорил я. Вербицкая подняла на меня удивленный взгляд и я нажал, — я имею в виду, бежать. И быстро, пока они не могут пошевелиться. Долго я их так не продержу.

Только тут до Марии дошло, почему обе близняшки вдруг застыли статуями, едва мои руки коснулись их затылков.

— А... Кирилл?

— Беги, дура! — Уже прорычал я, буквально чувствуя, как утекает из-под ладоней контроль. Всё-таки, наши тренировки не проходят для девочек даром, так быстро прийти в себя от станнера, это... достойно. Наконец, до Марии дошло, что я не шучу и она, пискнув, скрылась за дверью. Хм. Вопрос... а мне-то что теперь делать? **Глава 9. Заранее заказан пропуск в рай**

Выбравшись из кабинета... точнее, улизнув из него при первой же возможности, воспользовавшись выходом в соседнее помещение, я запер за собой дверь и, привалившись к ней спиной, облегчённо вздохнул. Окинув взглядом изрядно помятый форменный сюртук, я скривился и принялся приводить его в порядок, но... именно в этот момент, почувствовал на себе чей-то взгляд.

Моделисты, вместе с Резановым, молча смотрели на меня, с любопытством и ожиданием... и прислушивались к шуму доносящемуся из-за двери. Это близняшки ломались следом за мной и, кажется, они уже дошли до такого состояния, когда становится плевать на правила, а значит, скоро в ход пойдут их любимые огненные техники.

Дверь дрогнула от слаженного двойного удара. Сильны... Взгляды моделистов стали удивлёнными. Потрогав горящие огнём царапины, виднеющиеся из-под разорванного ворота рубашки, я зашипел. Резанов вдруг растянул губы в улыбке и, подмигнув, и кивком указал на дверь в противоположной стене.

— Иди-иди. Мы её задержим. — Ухмыльнулся он.

— Их. — Машинально поправил я одноклассника, шагая к выходу в коридор.

— Две сразу?! Силеёо-он... — Присвистнул один из моделистов, когда я уже закрывал дверь. Больше озабоченный необходимостью привести себя в порядок, я не сразу обратил внимание на его слова, но когда они до меня дошли... Твою ж дивизию!

Вовремя спохватившись, я прибавил ходу и скрылся в туалете. Остановившись перед зеркалом, окинул взглядом своё отражение и вздохнул. Ну да... А что ещё они могли подумать, узрев меня в таком виде?! Сюртук нараспашку, рубашка, мало того, что не заправлена, так еще и разодрана чуть ли не в клочья, на груди алеют весьма характерные царапины, а на шее — синяк, который иначе как засосом не назвать. М-да... Попал. Такой подставы сёстры явно не ждали.

Вспомнив в каком виде я оставил их в кабинете, я вздрогнул, представив что будет, когда они вывалятся в гости к моделистам. Дела-а. Хотя, одноклассники будут в восторге. Видок у близняшек должен быть весьма и весьма... хм... пикантным, скажем так. Ладно. Пора домой. Хорошо, что на сегодня уроки окончены, а занятие с сёстрами запланировано только на завтра. Как раз, у них будет время, чтобы успокоиться. Да и мне не помешает чуть-чуть развеяться.

С этой мыслью, я наконец, кое-как привел себя в порядок и отправился на стоянку, где меня ждал верный «Лисёнок». К счастью, чтобы приобрести более или менее нормальный вид, мне оказалось достаточно пригладить растрепавшиеся волосы... кстати, надо бы постричься, а то зарос уже... и застегнуть многострадальный сюртук, скрыв под ним порванную рубашку и следы... нашего с близняшками тесного общения, хм. Так что, спускаясь на первый этаж, я не привлекал к себе особого внимания и, спокойно добравшись до стоянки, завел мотоцикл. Рыжий послушно взрыкнул двигателем и, окутавшись легким водяным щитом, покатился прочь от школы. Домой-домой-домой!

Браслет выдал очередную трель, и по экрану пробежали строчки цифр. Уже третье подобное сообщение на этой неделе. Я нахмурился и, покачив головой, пообещал себе заняться наконец этим вопросом. Сразу после обеда.

Не успел. Стоило мне выбраться из-за стола, как браслет отпартовал о новом сообщении, а пульт наблюдения, в унисон, выдал сигнал тревоги. Твою дивизию! Развернувшийся по моему приказу, экран системы продемонстрировал сразу пять объектов вошедших в контролируемый периметр. И судя по тому, что «усы» не отреагировали на их появление, шли сии гости отнюдь не самыми удобными маршрутами... Впрочем, судя по их виду, это вообще входит в привычку подобных визитёров. Пять размазанных силуэтов мелькающих в изображении, передаваемом с постоянно переключающихся с режима на режим датчиков, двигались неспешно, с оглядкой, но отнюдь не излучали добро и радость. Вообще, очень сложно считать добрыми людей идущих к тебе в гости с оружием наперевес. Чёрт, а ведь с этим наблюдением от «клуба эфирников», мне особо и не развернуться... А значит, придётся устраивать спектакль с пострелушками на свежем воздухе. Ведь сбегать из дома, который атакуют трое вооруженных неизвестных, вполне естественный поступок для пятнадцатилетнего, правильно?

На то, чтобы экипироваться у меня ушло не больше тридцати секунд. Еще столько же, заняло «откапывание» бывшего арбалета, уже прошедшего очередную глубокую модернизацию. Распотрошив такт. набор, доставшийся мне, как и «ругеры», от наемников Вышневецкого, я напялил на голову шлем... Щелкнула клавиша активатора, браслет на руке вздрогнул, распознавая новое устройство, и по визору перед моими глазами побежали строчки сервисной информации.

Узкая щель визора будто бы разъехалась в стороны, открывая полный обзор. Если бы не немногочисленные иконки режимов, маячившие в поле моего зрения, можно было бы подумать, что на мне вообще нет никакого шлема. Замечательно.

Переключив управление системы наблюдения с основного пульта на браслет, я упрятал коробку вычислителя в тот самый тайник, где ещё недавно обреталась моя «трещотка» и, убедившись, что информация продолжает исправно поступать на браслет и транслируется на экран шлема, тяжело вздохнул. Тут же мигнула иконка, сопровождаемая неслышным снаружи свистом. Ага, фильтр заработал. Вот и ладненько. Куртка скрывает амуницию, напроць незаконная «трещотка» отправляется в нижний карман рюкзака, под основным его дном. Быстро не извлечь, но... другого варианта у меня нет. Пока нет. Пробежав через весь дом, захожу в чулан. Три шага до следующей двери. Три, два, один.

Глубоко вздохнув, старательно, как тогда у громовской усадьбы, отвожу глаза возможным наблюдателям и датчикам слежения, если они есть у моих гостей. Приоткрыть дверь и шагнуть под навес поленицы. Осторожно, аккуратно... Жду.

«Гости» появились спустя семь минут и не все... Трое. Значит, я был прав, и какое-то средство наблюдения у них всё-таки было. По крайней мере, браслет уверенно передает мне на экран информацию о том, что оставшиеся двое визитеров как-то засуетились. Ищут место моего возможного выхода из не такого уж и гипотетического, к слову, подземного хода, не иначе... А, теперь двинулись к коллектору, до которого в прошлый раз я так и не успел добраться. Хм... Ладно, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не забеременело.

С удобством устроившись в тёмном уголке под навесом у ворот, я с интересом наблюдал, как трое «гостей» преодолевают забор. Точнее, воочию я видел лишь двоих, третий «оградопреодолеватель» оказался скрыт домом, но система исправно демонстрировала его мне в небольшом окошке на экране шлема. Вот интересно, и что же нужно сим достойным людям, от одинокого, юного и незащищенного мещанина? О как! А судя по стволам в руках, в моей незащищенности, гости сомневаются... Или им трещотки нужны чтоб от кого-то другого отмахиваться? Например, от моих незримых, но так легко спалившихся наблюдателей-преображенцев? Кстати, а ведь в пределах действия системы я не вижу ни одного из них. Почему?

Что ж, так или эдак, но я не могу винить «визитёров» в излишней осторожности. А слаженно действуют, кстати говоря. Вот только посуду им бить совсем не стоило. Я же специально из дома ушёл, чтоб не устраивать в нём бойни! Мне только погрома не хватало... Тьфу, гадство. Грохот упавшего шкафа, сопровождаемый звоном бьющихся тарелок, заставил меня скривиться. Нет, так дело не пойдёт... На схематической карте проецируемой системой на экран шлема, мерцали две точки целей, обшаривающих окрестности в поисках скрытого хода. Начинать надо с них. Прикрыв транслятор браслета щитом от прослушки, что когда-то так поразил Гдовицкого, я довольно медленно и аккуратно, не снимая отвода глаз, двинулся в их сторону.

Чем отличается стрельба обычными зарядами, от стрельбы стрелками, под завязку напитанными Эфиром? В данном случае, только одним. Вместо довольно аккуратной дырки в теле, они оставляют рваные раны.

Выйти за спины «гостям» под отводом глаз, оказалось не сложнее, чем прогуляться по набережной в летний полдень. Чуть сместиться к приметному камешку, дожидаться, пока расстояние между визитёрами станет максимальным, и...

Первый даже не успел понять, что его атаковали и, оглушённый, мешком осел наземь. Но как бы тихо я не действовал, его напарник всполошился не на шутку и, резко сменив направление движения, начал приближаться. Отвод глаз благополучно сполз вместе со щитом. А через несколько секунд, напарник моего «клиента» оказался в зоне видимости. Чёрт! Вот что значит, инерция мышления! Об ускоряющих приемах, вроде использованной им «Ледяной дорожки», я совсем забыл!

Разгон! Добрый десяток игл просвистел там, где я только что был, и большая их часть вспорола кору дерева на высоте метра от земли. Вперёд-вперёд-вперёд. Выхваченные в прыжке, ругеры изрыгнули короткие очереди, от которых мой противник попытался укрыться за воздушным щитом, но первые же три попадания порвали его в клочья. Впрочем, серьёзного урона, боец не понес, предусмотрительно развернувшись боком. А вот уйти перекатом в сторону, как собирался, он уже не успел. Небольшой доворот стволов, и лес огласил крик, в моём

ускоренном восприятии показавшийся низким рёвом. Я думаю. Когда тебе отрывают руку, это больно!

Побелевшее лицо, сжавшиеся в точку от болевого шока зрачки... Удар. Аккуратно, чтоб не убить. Осталось трое и, судя по картинке на экране, они уже вовсю спешат сюда... и ещё кто-то. Машины. Две. Едут по просеке... точнее, несутся на бешеной скорости. Подкрепление? Вопрос только в одном. К кому эти «чипэндэйлы» спешат на помощь?

Отвод глаз... После такого скоротечного, но очень затратного столкновения, укрыться от чужих взглядов оказалось не так просто, как хотелось бы. Оказывается, резкое переключение между «режимами» качает из меня силы не хуже насоса! Или это последствия глушения браслета? Однако. Хорошо, что во время давешней прогулки по усадьбе Громовых, я почти не использовал «разгон» под отводом. Лишиться сил в самый опасный момент, было бы катастрофой. Я покачал головой и медленно двинулся навстречу уже перемахнувшим через забор невежливым гостям. Хм... интересно, а куда это они намылились?!

Не-не-не. Так дело не пойдёт. Срываюсь на бег. Надо бы уйти в разгон, но где гарантия, что после очередного «двойного» у меня хватит сил на бой?

Не успел. Я как раз достиг края небольшого овражка, когда из него послышался гул двигателей, а через секунду оттуда буквально выпрыгнули три квадроцикла и, выбросив из-под колёс фонтаны грязи вперемешку со льдом, взревев, умчались прочь... Жаль. Ну да ладно, у меня ещё пара «языков» имеется и два чьих-то автомобиля, с которыми тоже надо разобраться. Точнее, с их пассажирами. Проводив взглядом петляющие меж деревьев квадрики, я вздохнул и, развернувшись, потопал обратно. **Глава 10. Бастилия, ещё не Гревская**

Разобрался, называется. Я обвёл взглядом белоснежные, без единого стыка, стены и скривился, бросив взгляд на сияющий одной огромной лампой, потолок, так раздражающий меня своим тихим, но очень неприятным гудением. Оригинальные камеры у господ преображенцев, оказывается. Эдакий белый кубик со сторонами в два метра, без каких-либо удобств. Впрочем, какие к черту удобства, если здесь вообще ничего нет. Даже какого-нибудь завалящего топчана... Унылое местечко.

Покосившись на еле видимый в стене абрис двери, я вздохнул и, усевшись на холодный, просто до жути холодный пол, в очередной раз погрузился в медитацию. Можно было бы попробовать подстелить под задницу кинетический щит, но... «кубик» оказался не только унылым и начисто лишённым комфорта. Он, зараза такая, был ещё и артефактом, вроде браслетов-подавителей. С той лишь разницей, что наручи вытягивают формирующиеся стихийные техники, а эта идиотская камера разрушает даже эфирные воздействия... правда, лишь те, что направлены вовне тела заключённого. Так что, с холодом пола я справился, воспользовавшись старыми, еще Тамошними методиками. Подкрепленные легкими эфирными воздействиями на мою пятую точку, они позволили начисто игнорировать пробирающий до костей холод. К сожалению, пока на этом мои победы и закончились. Что ж, зато у меня есть время, чтобы разобрать всё произошедшее у моего дома, и разложить по полочкам. Опять.

Не успел. Мой уже восьмичасовой, судя по внутреннему хронометру, отдых в этом «кубике» был прерван тихим шипением, с которым дверь камеры ушла в сторону.

— Задержанный, встать. Лицом к стене, руки за спину. — Равнодушный, усталый голос проговорил уже слышанную мною сегодня формулу приказа. Что ж, последую совету... Стук двух пар каблуков по полу. На руках щелкнули знакомые браслеты и руки охранников,

подхватив меня под локти, резко развернули лицом к выходу. — Пошёл.

И ведь знал же, что ничего хорошего от тех «чипэндэйлов» ожидать не придётся. И всё равно прозевал. Точнее, даже не так. Попал. Поняв, что прибывшие машины, это и есть та самая пресловутая «кавалерия из-за холмов», как говаривали представители нашего самого вероятного противника Там, я непозволительно расслабился. Ну как же, это ж «наши»! А то, что в Преображенском приказе народу служит не много, а очень много, и не каждый из них осведомлён о моём великолепии, как-то не учёл. В общем, получилось как в дурном анекдоте: я к ним с распростёртыми объятиями, а они меня мордой в пол... Расслабился. Впрочем, не воевать же мне было с государевыми людьми? Я человек наглый, но лезть в одиночку против тех, кого опасаются даже именитые? Хм... Да и приказных тоже понять можно. Выехала тревожная группа на автоматический сигнал опасности. А на объекте, вместо прячущегося под матрасом пятнадцатилетнего юнца, какая-то «минирэмба» стволами размахивает, с тактического шлема пот стирает, и ни следа супостата... Понимаю, да. Картинка настолько нетипичная, что сам господь велел действовать по инструкции. Но мордой в грязь-то зачем?!

Мимоходом бросив взгляд за спину и, чуть не схлопотав от дернувшегося было конвоира, предупреждающий окрик с «тычком доходчивости», с удовольствием замечаю грязные разводы на белоснежном полу, оставшиеся после моего пребывания в «кубике». Остальная грязь, к сожалению, до сих пор засохшим ровным слоем покрывает мои ботинки, штаны и руки. Куртку, вместе с прочей амуницией у меня отобрали ещё перед посадкой в машину. Хорошо ещё, что увидев характерную черно-красную расцветку вездеходов, я предусмотрительно припрятал свою «трещотку», перед тем, как выйти этим самым «вроде нашим»...

Вообще, всё это, конечно, ерунда. Больше всего меня беспокоит нападение, но за проведенное в «кубике» время, я уже успел прокрутить столько вариантов, что голова пухнет. И вывод прост и незатейлив. В отсутствие какой-либо информации, любые гипотезы будут абсолютно недоказуемы. А значит... Значит, придётся постараться прикрыться со всех возможных сторон и... искать, искать все возможные сведения. Хм... когда выберусь из здешних застенков, разумеется. Ведь, выберусь же, а?

Наш поход по широким безликим коридорам, выкрашенным в деловито-унылый серый цвет, подошел к концу. Окрик конвоя и я опять стою враскоряку у стены, пока открывается дверь... в кабинет. Ага. Значит, сейчас будет допр... впрочем, нет. Допрос, это для обвиняемых. А мне пока ничего не предъявили, только промурыжили почти девять часов в том идиотском «кубике»... Значит, беседа. Которая, конечно, может плавно перейти в допрос обвиняемого... ну, это в худшем случае и, надеюсь, до такого не дойдёт. Иначе, я буду очень разочарован в господине Брюхове лично, и «клубе эфирников» в целом.

Мне, наконец, разрешили отлипнуть от стены, и я смог толково рассмотреть помещение, только что увиденное мною, что называется, краем глаза.

М-да, это не Эрмитаж. Всё те же, уныло-серые, словно окрашенные шаровой краской стены, низкий и такой же серый потолок. Металлический стол со скругленными углами, привинченная к полу табуретка... тоже стальная. Ну да, аскетический подвиг моей задницы продолжается. Не отморозил на полу «кубика», продолжу в допросной, но доведу процесс до конца.

Да... а собеседника, похоже, мне подобрали с учётом соответствия общему декору помещения. Блёклое невыразительное лицо, какая-то усредненная вялая фигура, жидкие волосёнки неопределенно-мышинного цвета. Сонный взгляд... Снулая рыба какая-то, а не человек. Бр-р. И ведь, судя по обручальному кольцу, кто-то ж на него польстился! Впрочем, это я уже со зла

ворчу. Кто его знает, может сей господин просто образец идеального мужа. А что на рыбу смахивает, так... с лица воду не пить. Верно?

— Присаживайтесь, Кирилл Николаевич. — А голос... хоть бы масла выпил, что ли? Скрипит же, как несмазанное тележное колесо! — Жалобы, просьбы?

— Ага. Подстилочки не найдется? А то я в вашем «кубике» себе всю задницу отморозил! — Кивнул я. О! Оно живое! Вон как глазками залупал, болезный... и в эфире, кстати, что-то эдакое, колыхнулось. Ха... значит, не всё так страшно. Будем разговаривать. — И сигаретку бы, если не сложно... а?

— Полагаю, вы не знаете, что курение до совершеннолетия запрещено? — Почти моментально справившись с собой, проговорил мой собеседник...

* * *

— А ведь он тебя уел, Законник. — Досмотрев запись до конца, рослый и тучный майор в черно-красном мундире Преображенского приказа, крутанулся на вращающемся кресле, жалобно под ним скрипнувшем, и весело подмигнул сидящему напротив него коллеге из Следственного стола. Тот, в ответ, только лениво пожал плечами, отводя свой рыбий взгляд в сторону, но майор не отстал, наоборот растянул губы в улыбке и процитировал, — «насколько мне известно, запрещена продажа табачных изделий лицам не достигшим восемнадцати лет. А о запрете указанным лицам курить, нигде не сказано»...

— Да, я был непозволительно небрежен в формулировках. — Равнодушно кивнув, проскрипел его собеседник. — Больше такое не повторится, обещаю. И рекомендую подать от Приказа прошение на Высочайшее имя, о формировании в нашем законодательстве соответствующего запрета на курение для лиц не достигших восемнадцатилетнего возраста.

Майор тяжело вздохнул. У него опять не получилось раскатать этого... этого зануду, не сказать ещё хуже. Приказной махнул рукой и поставил запись на повтор.

— Ладно, давай ещё раз посмотрим, что там нагородил наш гость... — На широком экране опять потянулась тяготиная долгая трёхчасовая беседа. Правда, на этот раз, майор не стал крутить её от начала до конца, останавливаясь только на тех моментах, что зацепили его во время предыдущего просмотра.

— Проверили его слова об этом бывшем конном клубе? — Тормознув воспроизведение, спросил майор. Снулый кивнул.

— Да. Есть решение суда, по которому четыре гектара земли, где находится бывшая конная база, принадлежат Кириллу Николаеву на праве собственности. Так что, если следовать закону о защите частной собственности, наш «гость» был в своём праве, пытаясь изгнать незваных посетителей, доступными ему методами. Конечно, есть кое-какие огрехи в части отсутствия на территории соответствующих предупреждающих табличек, но в целом...

— И как он этого добился, интересно. — Пробормотал майор, небрежно перебивая собеседника. — Конечно, территория парковая лишь условно, но... вплотную к таковой прилегает, а та точно запрещена к продаже. Что скажешь, Законник?

— О! — В этот момент снулый преобразился. И куда только девалась его сонная заторможенность. Сейчас, перед майором сидел именно тот человек, от одного имени которого

дрожали все поверенные Москвы. Въедливый гений казуистики, с легкостью щелкавший любые «серые» схемы и процессуальные ловушки, словно белка кедровые орешки. Глаза горят, спина прямая... ну, хоть сейчас на парад! — Это, действительно, было красивое решение. Превышение лимита срока аренды указанного в договоре... на пятьдесят лет. Девяносто девять, вместо сорока девяти. Опечаточка. Документарная проверка выявила нарушение, дело было направлено в суд. Штрафы и сборы выплачены сторонами в полном объёме. Умысел чиновника, некоего Ренна, занимавшегося подготовкой договора, не доказан. За халатность получил выговор и... отправлен на курсы повышения квалификации. Скорее всего, по завершении их, будет поставлен на должность соответствующую его навыкам и знаниям, с испытательным сроком, разумеется.

— И? — Поторопил разливающегося соловьем приказного, майор.

— А после завершения разбирательства и уплаты всех присужденных сумм, господин Николаев подал иск о признании его права собственности на полностью оплаченную им недвижимость. Ввиду известных обстоятельств, суд принял положительное решение по делу, которое и вступило в силу, в середине октября.

— И никаких аукционов. — Восхищённо покачал головой майор. — Глава муниципалитета отделался лёгким внушением, исполнитель получил повышение в качестве компенсации за выговор, а наш пострел — четыре гектара земли в столице по минимальной цене. Хм. Надеюсь, ты догадался перевести его из карцера, в обычную камеру?

Но, глянув на вытянувшееся лицо коллеги, майор понял: нет, не додумался.

— Кошкин! Бегом, пока он не свихнулся, или не начал писать ещё один иск. — Пытаясь сдержаться, проговорил он. Законник с неожиданной прытью сорвался с места, хлопнула дверь кабинета, и майор, наконец, позволил себе выматериться. **ЧАСТЬ IV. ТУМАН ВОЙНЫ**

Глава 1. Вопрос не знания, но веры

Как засуетились-то все, как забежали. Приятно посмотреть. Неужто, где-то что-то сдохло, и клуб эфирников вдруг меня «нашёл»? Хм. Могли бы и пораньше отреагировать. А то за прошедшую ночь, я, кажется, переплюнул тибетских монахов, по крайней мере одной вполне конкретной частью тела. Чёртов «кубик»! Не знаю, как насчет психологического эффекта, но вот моё сродство со стихией Воды, в её ледяной части, кажется, продвинуло меня до «воя». Выйду, проверю. А я выйду... Даже, если приказные вдруг решат меня оставить здесь навечно. Клянусь. Вот только, тогда об идее школы придётся если не забыть, то отложить на неопределённый срок, точно. Потому как, я сильно сомневаюсь, что побег из внутренней тюрьмы Преображенского приказа мне простят...

Наверное, мне стоило поклясться раньше. Потому как, не успел я дать себе это слово, как дверь моего личного «саркофага», знакомо зашипев, отошла в сторону, и уже слышанный голос приказал подняться. Да-да, лицом к стене, руки за спину... разворот, и вот, двое конвоиров снова ведут меня по длинным подземным коридорам. Лязгают решетки, отрывисто звучат приказы стоять и идти вперёд... Снова «беседа»?

Как оказалось, нет. Камера-одиночка. Всё тот же серый цвет стен, но... тут, хотя бы есть топчан и вполне приличный, блистающий нержавеющейкой, унитаз за каменной загородкой. Учитывая сколько времени я здесь провел... замечательная новость.

Конвойные втокнули меня в камеру, и явно собрались свалить. Ку-уда?!

— Эй, орлы! Браслеты снимите. — Возмутился я. А что? Сидеть со сведенными за спиной руками? Нет, здесь, я и сам могу их снять, но... зачем пугать людей? А в туалет, между прочим, хочется. Очень.

— Одаренным не положено. — Выдавил хмурый детина. Самый разговорчивый из этой парочки.

— С позволения сказать, а струю я, эфиром, по-вашему, в очко направлять буду?! Так ведь, подаватели не позволят! Весь пол уделаю, сами отмывать будете. — Я прищурился. Нет, явно вовремя слово дал. Дебилы заржали в голос.

— Давай-давай. У нас тут самообслуживание. Сам обделаешься, сам и уберёшь. — С ухмылочкой заявил конвоир.

— Ладно, но ответственность за порчу государева имущества лежит на вас. Я предупредил.

С коротким звоном, цепочка соединявшая браслеты-подаватели лопнула, и я облегчённо повёл плечами. Конвоиры отпрянули, но тут же потянули из-за ремней классические «демократизаторы».

— Уверены, что страховка покроет множественные переломы? — Злость, плохой помощник, но двадцать часов в холодном «кубике» под выматывающее нервы гудение с потолка, и самого благодушного хомячка превратят в зверя, а я, далеко не хомячок...

Но продолжить «беседу» нам не дал истошный вопль, донёсшийся откуда-то из другого конца коридора.

— ПРЕКРАТИ-И-ИТЬ!!!

Снулый. Ну вот, не дал пар выпустить, скотина. Или... «Говорливый» конвоир явно что-то попутал и сунулся в дверной проём, с занесенной над головой дубинкой. О да, поехали! Ха!

Увернувшись от просвистевшего мимо «демократизатора», вновь ухожу в разгон и с наслаждением пробиваю идиоту в грудь. Аккуратно. Мне только трупов тут не хватало, для гарантированной прописки в этой чёртовой камере!

Тело атаковавшего меня приказного, пушечным ядром впечатывается в стену напротив «моей» камеры. Второй, с диким мычанием лезет вперёд, не обращая никакого внимания на топот ног и приближающиеся вопли Снулого. В челюсть! Она у него, судя по всему, железобетонная, особого вреда не будет. Сотрясение... чего? У него голова болеть не может, она кость!

— Стоять! Стрелять буду! — Что ж ты орёшь, как потерпевший, а? Стою я. Стою. А на душе так спокойно и благодно... хоть сейчас на полянку, бабочек ловить. Улыбаюсь снулому, уже успевшему навести на меня ствол и развожу руками.

— Стою. Только не говорите: «стреляю». Это слишком бородатый анекдот. — Вздыхаю.

— М-мальчишка! Ты что себе позволяешь?! — Начинает разоряться снулый, но его прерывает неизвестно откуда вынырнувший мордатый тучный дядька с майорскими знаками отличия. Рослый, куда там конвоирам-динозаврам. За два метра точно будет.

— Замерли. Оба. Кошкин, убрал ствол. — Прогудел майор и, не обращая на нас больше

никакого внимания, принялся осматривать постанывающих на кафельном полу конвоиров. — М-да. На вид, сопля-соплёй, а как вломил-то!

Покачив головой, майор разогнулся и, развернув экран недешёвого браслета, разразился целым потоком приказов. Завертелось... Медики, конвойные, какие-то чиновники... и всё это, при открытой двери в мою камеру.

— Ну, и долго ты там торчать собираешься, памятником свободе? — Осведомился мордатый майор, когда суета улеглась, и в коридоре остались только он сам и пара новеньких конвоиров.

— Хм? — Я смерил собеседника задумчивым взглядом и, придя к выводу, что попал всё-таки в дурдом, а не в ужасную и легендарную внутреннюю тюрьму Преображенского приказа, вынырнул, наконец, из размышлений. — О! Точно. Спасибо за напоминание.

Брови майора устремились вверх, почти скрывшись под козырьком фуражки, а когда я добрался до закутка в камере и расстегнул ширинку, приказной вдруг закатился совершенно конячьим... жеребьячим... короче, ржал он, куда там лошадям!

На счёт эфирников я оказался прав. В кабинете майора, оказавшегося старшим приказным Следственного стола, меня уже ждал его коллега в штатском, тут же, вместо представления, протянувший мне визитку Прутнева. Интересно, почему не Брюхова? Хотя... может, он не хочет светиться в Приказе? Или, таким вот хитровывернутым образом, Олег Палыч просто сваливает объяснения по поводу произошедшего на кадровика «клуба»? Не хочет встречаться со злым и продрогшим подопечным, которого он курирует по линии того самого «клуба эфирников»? Ничего, у меня память до-олгая, а вопросов к Брюхову мно-ого...

— И что дальше? — Поинтересовался я, изучив карточку.

— От имени Следственного стола Преображенского приказа, я приношу вам свои извинения за причиненные неудобства и преступную халатность младших приказных, по чьему недосмотру вы вынуждены были провести более двадцати часов в камере особого режима. — Проговорил «штатский». — Так же, я уполномочен объявить, что следствие по вчерашнему происшествию приостановлено.

— Ага. Уже хорошо. — Протянул я. — А что насчет моих «пленников»?

— Пленника. — Уточнил тот. — Тот, которому оторвало руку, мёртв. Второй в реанимационном блоке. Как только медики дадут разрешение на проведение допроса, мы незамедлительно им займемся. Собственно, только поэтому дело лишь приостановлено. Если ваши показания совпадут, выживший понесёт административное наказание за нарушение неприкосновенности частной собственности. Если же нет, следствие будет продолжено, а решение по делу будет принимать суд.

— Что ж. И то хлеб. — Протянул я и небрежно щелкнул ногтем по визитке. «Штатский» в ответ на миг прикрыл глаза. Понятно. Остальная информация у «эфирников». Что ж... съезжу, пообщаюсь. И побыстрее, пока ещё что-нибудь не произошло. Кстати. — Я так понимаю, что могу идти?

— Разумеется, господин Николаев. — Растянул губы в невыразительной «резиновой» улыбке «штатский». — Только помните, что в ближайшее время вам запрещено покидать пределы города. Подробности придут вам на браслет.

— Понял. Вот, кстати, а где я могу получить мои вещи? — Осведомился я. Приказные

переглянулись.

— Видите ли... ваши... ваша амуниция и оружие приобщены к делу, поэтому, вернуть их до окончания расследования мы не имеем права. — Развел руками майор. А вот это плохо. И ругеры жаль... но самое главное, шлем и браслет. Придется менять систему шифрования...

— Могу я, хотя бы, получить копию информации, хранящуюся на моём браслете? — Вздохнул я.

— Конечно. Я отдам распоряжение, чтобы вам передали носитель вместе с остальными вещами. — Кивнул майор.

С тем и разошлись. «Штатский» проводил меня к выходу, проследил, чтобы мне отдали моё имущество, и хотел было сбежать обратно в здание, но... не тут-то было.

— Одну секунду. Вы считаете, что в таком виде я могу выйти в город? — Я демонстративно развернул перед носом приказного заляпанную засохшей грязью куртку. Нет, в комплекте с такими же грязными штанами, руками и ботинками, наверное, этот наряд вполне мог сойти за изыск очередного сумасшедшего модельера, но после неполных суток в камере особого режима, я точно не был готов к такому эпатажу почтенной публики. «Штатский» на миг застыл, внимательно рассматривая представленный предмет одежды, но тут же решительно кивнул.

— Извините, не подумал. — Развернув экран браслета, он отдал короткий приказ и, спустя минуту, рядом с крыльцом остановилась невзрачная «студенческая» АМО-шка. — Лукьянов, доставишь господина Николаева, адрес он сообщит.

* * *

— Странный мальчишка. — Задумчиво протянул майор, испытующе поглядывая на своего коллегу, только что вернувшегося в кабинет.

— Чем? — Нехотя поинтересовался «штатский».

— Всем. Ты ему в лицо заявил, что он убил человека, а парень — ноль эмоций. И это после почти суток карцера...

— А это не первое его убийство. — Усмехнулся коллега. — Да и карцер ваш, по сравнению с закопанным железным гробом, вполне комфортабельная штука...

— Не понял. — Опешил майор.

— И не надо. Я ничего не говорил, ты ничего не слышал. Правда? **Глава 2. Не стоит кидаться чем попало... особенно если попался бумеранг**

Молчание, воцарившееся в кабинете после ответа «штатского», долго не продлилось. Майор побарабанил пальцами по пластиковой крышке контейнера стоящего на углу его стола и, вздохнув, кивнул на видеопанель. Знал коллега, на чём можно подцепить старого знакомого. Майор Веселов был любопытен... порой без меры. За что, частенько и огребал от начальства, а уж подписок на нём висело, как блох на уличном кобеле. Сам майор о своем недостатке был осведомлён прекрасно, но... бороться с ним даже не пытался. Натура... Вот и сейчас, лениво брошенные коллегой слова, заставили его подобраться в надежде, на новую интересную

загадку.

— Думаешь, на допросе он не врал?

— Без показаний «гостя», точно сказать не могу. — Пожал плечами тот. — Но, если подходить с точки зрения логики, его версия выглядит довольно правдоподобно. Обнаружить нападение и попытаться бежать через подземный ход, вполне нормальное решение для пятнадцатилетнего подростка, если он не страдает комплексом героя, конечно. Да и то, что на выходе он чуть ли не нос к носу столкнулся с противником... случайность, конечно, странная, но записи датчиков вполне это подтверждают. Сам знаешь, на таком расстоянии увидеть что-либо в толще земли, нереально. Да и его собственный браслет тогда потерял связь с вычислителем системы наблюдения, это мы установили точно. В общем, если не множить сущности...

— И подземный ход нашли... — Вздыхнул майор, и вдруг треснул кулаком по столу. — Ну, не верю я в эту сказку! НЕ ВЕРЮ!

— Почему? — Поинтересовался «штатский».

— Да потому, что этот твой подопечный ведёт себя насквозь неправильно. У меня в карцере, конечно, всякое случается. И пену в бешенстве пускают, и от страха скулят. Но, чтобы выйдя оттуда, начистить морду конвоирам и при этом вообще не испытывать ни страха, ни сожалений, это уже перебор.

— А что, он должен был от страха обделаться? — Фыркнул его собеседник.

— Да хотя бы! — Взвился майор. — Лёша, это же не игрушки! Должна была быть реакция. И не единомоментная.

— Вова, ты его досье видел? — С сожалением вздохнув, поинтересовался «штатский». — Он мастер Эфира. Ему твои штучки с купированием связи, что слону дробина.

— Ни черта ты не понимаешь. — Отмахнулся Веселов. — Этот карцер специально создавался для раскачки психики «клиента». У меня, через сутки отдыха в нём, бывало даже гридни рыдали, словно дети. Не все, конечно. Кое-кто и в ступор впадал. А этот... мальчишка пар сбросил, поссал и пошёл! Не бывает таких детей, Лёшенька. Это, я тебе точно говорю. Поверь профессиональному мозгоправу.

— Знаешь, я, конечно, твоей интуиции доверяю... — Медленно проговорил «штатский», убедившись, что майор полностью «заглотил наживку», — да, доверяю, иначе бы и не затеял эту возню с доставкой Кирилла к тебе «в гости»... В общем, давай так. Сейчас, ты даёшь мне подписку о неразглашении, а я выдаю его досье. Ознакомишься, а потом представишь свои выводы. В частном порядке, само собой. Идёт?

— Так и знал, что этим закончится. И зачем я только поступал на психолога? — Скривился майор, и обречённо махнул рукой. — Ладно. Давай сюда своё досье.

— Сначала, подписку, Вов. Ты знаешь правила. — Покачал головой тот. Его собеседник понимающе, хотя и недовольно кивнул, и через секунду браслет «штатского» пискнул, сообщая о получении документа. Прочитав полученный текст, приказной довольно хмыкнул и, одним жестом отправив файл досье любопытному майору, заметил, — да, ещё одно. Доказательств, как таковых у меня нет, но патологоанатом, осматривавший тело однорукого, сказал, что того, перед смертью, возможно... подчёркиваю, только возможно, подвергли интенсивному допросу. А может быть, ему это просто показалось. Короче, доктор не уверен, но я считаю, что для

полноты картины, ты должен об этом знать.

— Пф... — Майор откинулся на спинку своего монументального вращающегося кресла и пристально взглянул на собеседника. — Что за монстра ты мне подсунил, Лёша?

В ответ, «штатский» только развёл руками.

— Ладно. Почитаю, подумаю... на «беседу»-то его пригласить можно будет, или как? — Осведомился Веселов.

— Если только очень вежливо, Вов. Сам видишь, какая каша заварилась. Аккуратненько надо. — Вздохнул «штатский».

— Поня-ятно. То-то, я смотрю, грабители нынче богатые пошли... экипировочка, как у хорошего наемного отряда. — Пробурчал себе под нос майор. Его собеседник хотел было одёрнуть, но вспомнил, с кем разговаривает и махнул рукой. Наравне с любопытством у Веселова была развита и другая, весьма неожиданная черта. Он был абсолютно не болтлив в отношении тех вещей, что вызвали его профессиональный интерес. А уж если этот интерес был подкреплён соответствующими подписками, можно было утверждать, что даже те, кто имеет доступ к соответствующей информации, не вытащат из «вечного» майора ни единого бита информации... без санкции сверху. Собственно, именно поэтому один из самых информированных людей Преображенского приказа носил непонятное, да и просто неизвестное непосвященным, прозвище «Сейф». Он и был настоящим хранилищем секретов Приказа, чего совершенно невозможно было ожидать от известного «светского льва», блистающего в обществе красноречием и славящегося своими остротами, расходящимися по России с умопомрачительной скоростью. А уж какие легенды складывали о его пикировках с боярыней Посадской...

— Отвлекись от важных государственных дум, Лёша. — Потеребив за край рукава «штатского», Веселов заставил собеседника вынырнуть из так невовремя накативших размышлений и, убедившись, что тот его слышит, договорил. — Тебе как, общий психопрофиль нужен, или подробный «разбор» личности с возможными вариантами развития?

— Лучше и то, и другое. — Улыбнулся «штатский».

— Хм-м. Уйдет под «гриф», вытаскивать будешь сам. — Предупредил майор, и его собеседнику оставалось только согласно кивнуть и развести руками. Ну да, если «Сейф» сочтет, что его выводы следует «закрыть», воспрепятствовать ему в этом будет невозможно. Впрочем, в данном случае, это не большая проблема. Нужный допуск в отношении информации о Николаеве, он получит легко, кроме разве что государевой печати, но... в этом случае, лучше будет вообще забыть об этом деле, от греха подальше. Никакая благодарность не стоит головы, тем более головы старшего приказного Следственного стола.

* * *

Пока неприметная легковушка везла меня по городским улицам, я прокручивал в голове итоги моих последних злоключений и скрежетал зубами. Злость, нахлынувшая на меня ни с того ни с сего на пороге камеры, вроде бы утихшая после выпуска пара на конвойных, неожиданно накатила снова. Правда, теперь, я мог мыслить достаточно разумно, чтобы оценить весь идиотизм той выходки в тюрьме. Это ж надо было додуматься, лезть в драку с приказными?! Крыша что ли протекла?

Покрутив пришедшую в голову мысль о сумасшествии, я нахмурился и принялся исследовать собственное тело Эфиром. И увиденное-учуянное меня не порадовало. Нет, ничего особо страшного не произошло, если не считать сущей мелочи. Если раньше, я мог рассчитывать хоть когда-нибудь стать воем, пусть слабеньким и невнятным, то теперь, на этой «мечте», кажется, можно было поставить крест. Потому как, видимое сейчас говорит о том, что сегодня я достиг своего потолка, застыв почти на самой границе меж новиком и воем. Иными словами, если бы в здешнем ранжире существовал такой ранг как «старший новик», мне он подошел бы идеально. И я даже, кажется, догадываюсь, что именно могло столь серьёзно повлиять на развитие моего Дара. Точнее, что его застопорило. Чёртов «кубик»! Отсюда и агрессия и отказ тормозов. Хорошо ещё, что сидя в этой «выдумке палачей», я почти всё время провел в медитации, иначе нервный срыв грянул бы куда как раньше и был бы намного разрушительнее, как для меня самого, так и для окружающих... Остается надеяться, что это не окончательный приговор.

А теперь, вопрос. Тот, кто придумал этот дьявольский агрегат, знал, что именно он сотворил? А те, что меня туда запихнули? Впрочем, идею о том, что авторы задумки упихать меня в этот гребанный артефакт, не знали, что творят, можно отбросить. Не верю я в такую «простоту». Как не верю и в то, что господа наблюдатели из Приказа, приставленные ко мне эфирниками, не могли отреагировать на нападение раньше. Сюда же, абсолютный пофигизм Брюхова, во время нашего с ним последнего разговора... Хм. Кажется, я слишком поторопился с определением уровня доверия в отношении одного бывшего полковника гвардии... а может быть и всей «могучей кучки» эфирников, вообще. Потому как, если это был еще один этап проверки, устроенный ими, то... нахрен мне такое счастье?!

Мысли скакали, словно бешеные кузнечики, а в голове вновь замутило от накатывающей злости. Ещё немного, и кому-то очень сильно не поздоровится.

— На полигон. Любой. Срочно. — Проскрипел я водителю и тот, бросив короткий взгляд в мою сторону, не стал спорить.

— Преображенское в двух минутах отсюда. Там полно полигонов. Подойдёт? — Коротко спросил шофёр, тогда как машина, повинаясь ему, вдруг взревела двигателем и пронзительной сиреной, и начала стремительно набирать скорость. Вот теперь я понимаю, что такое на самом деле «бешеная табуретка»! Стрелка спидометра послушно «легла», кокетливо коснувшись числа «240», а потом я перевел взгляд на лобовое стекло, и почувствовал, как напряжение, нараставшее во мне всё это время, трансформируется из жаркой невыносимо душной злобы в дикий восторг. Так что, слова водителя до меня дошли не сразу.

— А что? Пойдёт... «Девяточку» знаешь, на Колодезной? — Губы мои, против воли разошлись в мечтательной улыбке. Шофёр нервно дернулся, но кивнул. Великолепно. Такой шанс отыграться за «кубик», выпустить пар и устроить полноценный допрос господину бывшему гвардии полковнику Преображенского полка, Олегу Павловичу Брюхову, я упускать не собирался.

Хотели увидеть, на что я способен? Увидите. Вот сейчас доедем и увидите. Разнесу к чертям эту богадельню, вместе со всеми ее обитателями, чтоб даже духу этой чертовой «Девятки» на свете не осталось.

— Приехали. — Голос водителя выдернул меня из охватившего тело оцепенения. Я благодарно кивнул в ответ и, вывалившись из машины, перевёл взгляд на основательное добротное здание стрелкового клуба. Тук-тук. Кто в теремочке живёт? **Глава 3. Прошла мимо, покосилась... только коса вжикнула**

Как говорится: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Стоило мне оказаться в холле клуба, и двинуться к стойке, где с удобством расположилась Настасья... кажется... В общем, узнать точно, кто из дочерей полковника нынче встречает гостей, мне не удалось. Уже на третьем шаге, увидевшая мою перекошенную рожу, девушка нырнула под стол, а навстречу мне ударила широкая полоса белесого пара.

Уйти в разгон я не успел. Точнее, не так... я даже кинетический щит выставил, и уже рванул вперед, чтобы на скорости пройти эту химию, но щит внезапно растаял, а в следующий миг, тело стало словно дубовым, ноги подогнулись... и всё. Темнота.

В себя я пришёл в незнакомом помещении, ярко выраженного медицинского назначения. Белые стены, небольшое количество компактных медартефактов в углу. Белый шкаф, пара коек, на одной из которых, кажется, у окна, лежу я в одних трусах... и ни одной живой души поблизости. За одной дверью санузел, за другой коридор. Тоже пустой. Дальше моего восприятия просто не хватило. Железобетон, такая штука, что через неё вообще, очень трудно что-то почуять.

Кое-как покрутив головой и «прощупав» окружающее пространство насколько мог, я пришел к выводу, что никаких фиксаторов здесь нет, и решил провести, так сказать, тест организма. А то мало ли? Может, пока я пребывал в сладких снах, мне уже успели чего-нибудь вырезать... или пришить, что тоже, в общем-то, не лучший вариант. Вот и разберусь, пока никого нет. А потом можно будет заняться и остальными насущными проблемами.

И начать я решил с головы. Как ни странно, глупая «тыква» вела себя вполне прилично, и даже не пыталась доказать, что алкоголь, это яд, изображая похмелье. Это действительно странно, поскольку «отключающие» препараты в большинстве своем оставляют за собой именно такой след. А тут...

Я попытался шевельнуться, но понял, что рано радовался. То, что должно было стать энергичным рывком-прыжком с койки, оказалось лишь слабым подергиванием рук и ног. А вот это уже хуже. Очень похоже, что меня приложили чем-то нервно-паралитическим. Гады... А я идиот. Ведь сразу догадался, чьи длинные уши торчат из этой истории с задержанием... и оказавшись на свободе, тут же радостно ломанулся бить морды причастным. И кто я, после этого?

Нет, у меня имеется слабое оправдание этой выходке. В том состоянии, в которое ввел меня «кубик», соображать трезво я не мог. Быстро — пожалуйста. А вот хорошо, уже не получалось. Ну и результат... соответствующий, да.

Хотел было треснуть себя по лбу, но рука только слабо дернулась, словно через нее ток пропустили. М-да, этак я ещё долго буду мыкаться... Впрочем, а Эфир-то на что?

Волна тепла, сначала еле ощутимая, прокатилась по телу, следом за ней ещё одна, уже куда горячее, я сжал руку в кулак и, убедившись, что конечность не собирается дальше «бастовать», принялся прогонять энергию по телу, до тех пор, пока не почувствовал его полностью. Упоительное ощущение, честное слово. Кажется, я мог определить, где находится и как чувствует себя каждая клеточка моего организма. Я облегченно вздохнул и тут же понял, что перестарался. Запуская процесс очистки, я как-то совсем позабыл о некоторых последствиях этого приема...

На этот раз, прыжок получился, что надо. Тело слетело с койки и я, метнувшись из стороны в сторону, матерясь на ходу, что было сил рванул на себя оказавшуюся запертой, дверь в

санузел. Лязгнула упавшая на кафельный пол «собачка» замка. А вот и белый друг.

Уже выходя из туалета, я не сдержал недовольного хмыка. Хорошо бы я был, застань меня кто в гордой позе горного орла... Нет, все-таки, кажется, история с «кубиком» не прошла для меня даром. Мог бы спокойно отложить очистку организма, по крайней мере до тех пор, пока не разобрался бы с происходящим вокруг, хоть чуть-чуть. Так ведь нет, опять сыдиотничал. И откуда только взялась эта бездумная импульсивность? Хотя, вопрос некорректный. Откуда, понятно. А вот как с этим бороться?

Но долго предаваться грустным и несвоевременным размышлениям, мне не дали. В конце коридора появился некто, целенаправленно движущийся в мою сторону.

«Растворившись», я замер в дверном проеме меж кабинетом и санузлом и приготовился. К чему? А к чему угодно. Дверная ручка уверенно пошла вниз и в помещение, прогулочным шагом вошёл мой «клиент».

— Кирилл, я тебе одежду... эм-м... Ки... — Больше ничего сказать, Настасья не смогла, потому как в этот момент мои пальцы сжали ей горло, а волна Эфира уверенно заблокировала любые попытки применить какой-либо прием из арсенала одаренных. Конечно, серьезную технику мне не заблокировать, но уж сорвать её, я точно смогу... Доказано на личном опыте.

Ну да, после истории с моими «похоронами», я был бы полным идиотом, если бы не попытался разобраться в действии «подавителей». Собственно, только то, что «кубик» был построен на каком-то ином принципе, и не позволило мне как следует его разломать. Я просто побоялся лезть в эту круговерть рунных связок.

— Ты ведь будешь умницей, и не станешь кричать? — Прошептал я на ухо Настасье, судорожно сжимающей в руках какой-то пакет. — Моргни, если я прав.

Моргнула. Действительно, умница. Не ослабляя контроль, я подтолкнул девушку к ближайшей койке и, дождавшись, пока она устроится на краешке, приступил к допросу. Пока вежливому.

* * *

Полковник смотрел на стоящего напротив него мальч... молодого человека, наряженного в чуть великоватый ему, но чистый, явно недавно выглаженный камуфляж и не знал, что сказать. А собеседник, покачиваясь с мыска на пятку, стоял в центре кабинета и следил за каждым жестом бывшего гвардейца, в ожидании ответа.

— Кирилл... — Брюхов, наконец, собрался с мыслями и, вздохнув, заговорил медленно и с расстановкой. — Я не могу объяснить тебе произошедшее. Постой...

Почувствовав, как и без того тяжелая атмосфера в комнате начала сгущаться еще больше, ощутимо давя на восприятие невообразимым напряжением Эфира, бывший полковник выставил вперед руку в останавливающем жесте... Эфир на миг дрогнул, но давление вроде бы нарастать перестало. Полковник вздохнул и хотел было продолжить, но Кирилл его перебил.

— Господин Брюхов, я не возражал ни словом, когда вы, несомненно, с подачи ваших коллег, начали устраивать мне проверки. Более того, я принимал их, как должное. Не дурак, понимаю, что постороннего человека в любой компании будут «проверять на вшивость». — Глухим бесстрастным голосом, проговорил собеседник Брюхова. — И за прошедшее время я ни разу не просил и не требовал рассказать мне об итогах этих проверок. Но последний эпизод нанес мне

вред, которого не простит ни один одаренный. Передайте «клубу» мой отказ от участия в их междусобойчике.

— Кирилл, это не была проверка! — Выпалил бывший полковник. — О том, что ты всё это время находился в управлении Преображенского приказа, я узнал только сегодня утром. А уж то, что тебя держали в карцере, это вообще вне моего понимания.

— И опоздание к моменту атаки на мой дом, тоже не было частью проверки, да? — Криво ухмыльнулся Кирилл, вот только взгляд его был совсем невеселым.

— Именно, Кирилл. — Покачал головой Брюхов. — В ситуации с нападением на тебя дома, имела место накладка. Группу наблюдения заменили вчера утром. Срочное задание. В результате, им на смену вышли две оперативные команды... скажем так, бывшие не в курсе дела. Им дали короткий приказ: наблюдать, в случае внештатной ситуации, пресечь...

— Я бы вам поверил, если бы один из приказных, тот самый, что меня выпустил, не вручил мне визитную карточку Прутнева. — Кирилл отвел безразличный взгляд в сторону и Эфир снова дрогнул. Полковник выпустил воздух сквозь плотно сжатые зубы. Кажется, его собеседник совсем не так спокоен, как хочет казаться... но додумать эту мысль, ему не удалось, бывший Громов сбил. — Считаете, что при имеющихся фактах я еще могу верить вашим утверждениям о непричастности клуба к моим неприятностям с Преображенским приказом?

— Не понимаю. — Брюхов опустил в свое монументальное кресло и озадаченно потел рукой лоб. — Я совершенно точно знаю, что никто ничего подобного не планировал...

— Это уже ваши собственные заморочки. Меня они не касаются. Всего хорошего, господин Брюхов. Надеюсь, больше, ни ваших коллег, ни вас, я не увижу. — Попрощавшись коротким кивком, Кирилл развернулся и вышел из кабинета, увлекая за собой грозовую тучу напряженного до предела Эфира.

Бывший гвардии полковник молча проводил взглядом удаляющуюся фигуру и, прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла. У него только что появились очень большие проблемы... и нужно было хорошенько подумать, прежде чем браться за их решение. А еще переговорить кое с кем из приказных, на тему своеволия и головотяпства...

— Таня, Настя, зайдите! — Раздавшийся по громкой связи голос заставил сестёр переглянуться. Кажется, папа не в духе.

— Думаешь, это из-за нашего вундеркинда? — Поинтересовалась Татьяна.

— А из-за кого? Он, когда очнулся, чуть душу из меня не вытряс... — Поежилась Настя, и неожиданно призналась. — Я ошиблась. Не надо было его парализатором глушить... Но от Кирилла, когда он пришел, так жутью несло, что я перепугалась.

— Ой, ладно тебе. Не может быть всё так плохо. — Ободряюще подмигнула Татьяна. — Ну, приложила ты его газом, и что?

— Хм... Что? Боюсь, теперь, он с нами вообще работать не захочет. Прикрыть от атаки его не смогли, хоть и обещали, а потом еще и на сутки в камеру законопатили. И ладно бы, оно может все и обошлось бы, да вот только когда он явился разобраться, я его еще и газом траванула. Как, тянет это на честное сотрудничество? — Грустно вздохнула Настя.

— Подожди, а разве в камеру его мы запихнули? — Удивилась сестра.

— Нет, конечно, но попробуй это докажи. — Развела руками Настя, поднимаясь с кресла и направляясь к кабинету отца.

— А что тут пробовать? Найти того, кто это придумал, да и представить его Кириллу, перевязанным подарочной ленточкой. — Пожала плечами Татьяна. Сестра споткнулась и, замерев на месте, окинула Таню изучающим взглядом.

— Ленточка... да. Надо проверить. Не факт, конечно, но... ищи, кому выгодно, да... **Глава 4. Проблемы, они такие разные...**

Один плюс у этого моего «боевого разворота» с последующей ретирадой, всё-таки имелся. А именно, в результате эскапады, я полностью успокоился, так что, по возвращении домой, смог мыслить трезво и не поддаваясь эмоциям. А подумать было о чём. Поведение полковника, его речь и искреннее недоумение тревожившее Эфир, свидетельствовали о том, что он действительно был не в курсе происходившего со мной, начиная с той вечерней атаки неизвестных. Другое дело, что это вовсе не показатель честности клуба. Могли его участники провернуть подобную операцию, не ставя в известность моего «куратора»? Запросто. Сам Брюхов не имеет никакого отношения к Преображенскому приказу, кроме разве что, совпадения названия этого учреждения и его любимого гвардейского полка... да и сведения о наблюдателях он мне представлял, как человек не имеющий к ним прямого отношения. Не показатель, конечно, но... думаю, среди эфирников имеются люди, куда более подходящие для организации подобного взаимодействия. Игры внутри клуба? Ради одного пятнадцатилетнего капи... мастера? Хм. Сомневаюсь, что-то. Но отбрасывать этот вариант сходу, тоже не стоит.

Что ещё? Ухажёры Ольги... Кто-то из «дуэлянтов», или из не решившихся на вызов? М-да. И как это определить? Стоп. С этим позже. Ещё варианты... Громов-старший? Но в роду сейчас идёт такая делёжка власти, что ему должно быть совсем не до меня. Томилины? Хм... Вспомнили о Роме Вышневецком и моём участии в его судьбе? Совсем-совсем, вряд ли. После поражения в войне родов, их очень быстро догрызли. Те же Винокуровы неплохо подсуетились, да. Так что, сейчас, от рода Томилиных осталось пять человек, больше озабоченных поиском хлеба насущного, чем мстью за дальнего родственника-наемника с подмоченной репутацией. Кто ещё? А всё, если я, конечно, чего-то, или кого-то не забыл... Ну что ж, с этим уже можно работать.

Я потёр виски и, прикрыв глаза, откинулся на спинку дивана. Работать, это хорошо, вопрос в другом. С чего начать? По логике, неплохо было бы допросить уцелевшего визитёра, и пообстоятельней, чем первого. А то, его коллега, кроме подтверждения участия в слежке, мне ничего толкового не сообщил. Отрубился. Эх, мне бы тогда побольше времени. Впрочем, судя по тому, что мой «клиент» благополучно подох, вряд ли пара-тройка лишних минут сильно мне помогли. Расколоть второго подранка, я бы за такой срок не успел. Минут за десять-пятнадцать, еще туда-сюда, но тогда уж точно без следов не обошлось бы, а это не есть гуд. М-да, было бы здорово добиться возможности пообщаться с ним сейчас, желательно, часа два и без свидетелей, но... кто ж мне такое позволит-то? Стоп. А это ещё кто?

— Привет, Кирилл. — Ольгу я почуял, когда её авто почти добралось до ворот моего дома, и встретил на пороге. Да, после всех событий, я решил, что несмотря на сложность, буду стараться удерживать чутьё постоянно. Можно было бы и раньше, но кто бы знал, как это мучительно и тяжело. Не физически, нет. Морально тяжело постоянно удерживать работающее чутьё.

Но тут... в общем, я решил поступиться своим комфортом и наплевать на головную боль, которая гарантирована мне вечером... И начал, сразу по выходу из так и не разнесенного в щебень стрелкового клуба. Скажу честно, удерживать в сознании окружающее пространство, куда легче, сидя в доме на отшибе, чем в городе. Я, пока добрался до парка, чуть сознание не потерял от количества информации, что на меня свалилось. Но ничего, справился. Даже головную боль сумел уgomонить. А сегодня, мне уже даже почти не нужно следить за тем, чтобы чутьё работало постоянно. Правда, к вечеру усталость всё-таки дала о себе знать, и это притом, что весь этот субботний день я просидел дома. А уж что будет, когда придется выйти с включенной чуйкой в людные места... бр-р. С другой стороны, другого выхода у меня все равно нет, а значит... справлюсь. Не впервой.

Поцеловав девушку, я обменялся приветственным кивком с сопровождавшим её Хромовым, пригласил обоих в дом, и пока гвардеец Бестужевых устраивался за столом, мы с Ольгой, не сговариваясь, взялись за приготовление чая. К счастью, самовар у меня был горячий, так что осталось только чуть-чуть его подогреть, да бросить свежей заварки в чайник. Чем я и занялся, пока Ольга перерывала шкафы и холодильник в поиске сладостей и печева.

— Ты какой-то заморенный, Кирюш. Что-то случилось? — Поинтересовалась Оля, когда мы устроились на лавках, а в руках у нас появились огромные цветастые кружки с горячим дегтярно-черным чаем, сдобренным малиновым листом и мятой.

— Ты же меня знаешь, Олюшка. — Вздохнул я, разводя руками. — Со мной постоянно что-то случается.

— Поэтому ты вчера не появился в гимназии, да?

— А что, Леонид не догадался прикрыть меня перед учителями? — Деланно удивился я, на что Ольга звонко рассмеялась, а охватившее её беспокойство изрядно сбавило в силе, почти перестав давить мне на мозги. Уже хорошо.

— Перед учителями, да. А вот твоим сёстрам, он голову задурить не смог. — Пожала плечами девушка. Я тяжело вздохнул, и молча сидевший рядом, Хромов не сдержал легкой ухмылки. — Так что, вчера вечером они заглянули к нам в усадьбу, вполне резонно предположив, что именно там ты и обретаешься, забив на реноме прилежного гимназиста, старосты и их учителя.

— Понятненько. Значит, скоро эти две... ученицы заявятся сюда? — Я ткнул пальцем в браслет на руке Оли. В ответ, умница-красавица смущённо кивнула, но тут же вспомнив, что при нашей с ней связи, никакой маской меня не обмануть, стерла с лица смущение и примирительно улыбнулась.

— Ну, у тебя же опять браслет не отвечает. Вот я и... Кстати, а что случилось с твоим браслетом? — Переключилась Ольга.

— Хм. Я бы предпочел поговорить на эту тему в присутствии Валентина Эдуардовича. — Медленно проговорил я. Ну а что? Логичный выбор. Уж, на его счёт я могу быть уверен, что никаких планов «во вред», так сказать, в отношении меня у Бестужева-старшего нет. Насколько вообще, в этом мире, можно быть в чем-то уверенным. Так что и выбор с кем посоветоваться о происходящем тут даже не стоит. Других вариантов у меня попросту нет.

Ольга понимающе кивнула, а вот Хромов напрягся. Нахмурился и, отставив кружку в сторону, уставился на меня.

— Что-то серьёзное? — Осведомился он.

— Скажем так... странное. — Я ушёл от ответа, но гвардейцу этого хватило. Он понимающе кивнул и, извинившись, вышел из-за стола. Могу поспорить, уже через минуту, Бестужев будет в курсе моего горячего желания пообщаться. Вот и славно. Значит, пока я могу немного расслабиться и чуть-чуть отдохнуть... перед предстоящим разговором. А он, чую, будет долгим.

— Мужчины. — Вздохнула Ольга. — Всё у вас тайны, да проблемы...

— Ну, уж какие есть, такие есть. — Я развёл руками, и, вспомнив кое о чём, встрепенулся. — Кстати, о тайнах... Скажи мне о великий специалист по безопасности, раскрой секрет...

— Какой? — Опешила Ольга.

— Я тут краем уха услышал о такой вещи, как газ... или не газ... взвесь? Короче, услышал, что есть некое летучее вещество, способное отрубить одаренного, даже если тот его не вдохнул. Это правда?

— Хм. А зачем тебе? — Нахмурилась Ольга.

— Затем же, зачем и система фиксаторов в доме. — Хмыкнул я. — Так что, это правда?

— Ну, как тебе сказать... есть разные вещества способные воздействовать на одаренных. — Медленно проговорила моя пассия, но тут же уверенно кивнула. — В том числе, и аэрозоли. Подожди. Ты, случаем не про легендарный «Стопор» говоришь?

— Легендарный стопор? Это что? — Не понял я.

— Ну, ходит такая байка о специальном аэрозоле в арсенале некоторых специфических государственных структур, проникающем за любой щит, вроде как, за счёт наполненности самой смеси, Эфиром. — Пояснила Оля, и покачала головой. — Говорят, он даже техники может рассеивать, поглощая энергию. Но это только байка, Кирилл, не больше.

— Да? — Я мысленно вздохнул. Можно было бы сказать ей, что со вчерашнего дня, это вещество выбыло из списка легенд, ввиду своей реальности, но зачем? А в том, что вырубили меня в «Девятчке» именно таким веществом, я почти не сомневаюсь. Иначе, с чего бы после пробуждения, у меня было такое чувство, будто из меня все силы вытянули? А уж ощущение наполнения эфиром «пустого» тела, я помню хорошо. Точно такое же было, когда я опробовал свои способности, обживаясь в усадьбе Громовых, сразу после «вселения». А ничего себе примочки, имеются в распоряжении эфирников, да... Ладно, это можно пока отложить в сторону, а пока... пока рядом со мной сидит красивая барышня, по которой я успел соскучиться, так что...

Но приступить к возникшим, словно сами собой, планам, нам не дал сначала появившийся в комнате Хромов, а потом и моё чутьё подало сигнал о приближении ещё одного автомобиля. Дорога здесь одна, и кататься просто так по грунтовке, номинально отделяющей парк от леса, никто не станет. А значит, пожаловали очередные гос...ти.

Вместе с близнецами в дом ворвался шум-гам, повальный энтузиазм... а следом за ними, в комнату, стараясь остаться незамеченным, просочился громовский водитель... ага, а вот и мои сигареты! Моментально расстреляв беднягу на очередную порцию никотина, я чуть приоткрыл форточку и, с благодарностью приняв из рук Ольги чашку растворимого кофе, устроился на

подоконнике. Хорошо... Но вот девичье щебетание как-то поутихло, чашка показала дно, а окурок отправился в пепельницу. Словно только этого и ждали, Мила с Линой переглянулись и уставились на меня. Молча.

— Что?

— Мы прощения хотели попросить. — Вздохнула Мила. — За то происшествие в гимназии.

— О как? — Удивился я. — Кажется, что-то большое в лесу сдохло.

— Нет, правда, Кирилл. Извини, пожалуйста. Мы не должны были так реагировать на эту... Вербицкую. — Лина явно хотела сказать что-то другое, но ограничилась лишь фамилией.

— Так и просили бы прощения у неё. — Фыркнул я в ответ.

— А мы уже. Но она сказала, что мы тебя оскорбили своими действиями. — Протянула Мила. — Вроде как, слабаком выставили. В общем, как-то так.

— Одна-ако. Какая буйная фантазия у некоторых девушек. — Я усмехнулся. — Ну, если вам от этого легче...

— Спасибо! — Разулыбавшись, в унисон выдали сёстры, а Лина тут же добавила. — Хм, Кирилл, а ты не мог бы объяснить в гимназии, ну не напрямую, конечно... Так, обронить невзначай, что... что...

— Что у нас с тобой ничего не было. — Выпала Мила, и я подавился остатками кофе. Охренеть, заявочка! **Глава 5. Кто ходит в гости по ночам**

Разговор с Бестужевым-старшим, по сравнению с допросом, устроенным мне Ольгой, по поводу заявления близняшек, оказался мирным и спокойным, как беседа двух кумушек за чаем. Хотя, кипел и фырчал Валентин Эдуардович не хуже моего любимого самовара. Причём, бочку он катил вовсе не на меня, согласившись, что участие в «клубе» эфирников, открывало для меня и, соответственно, для нашего будущего предприятия очень и очень неплохие перспективы. Но вот действия предпринятые клубом по защите своего неопита от возможной агрессии со стороны неизвестных «топтунов», вызвали у Бестужева-старшего только презрительное хмыканье.

— Вот тебе и результат отсутствия собственных структурных подразделений. — Успокоившись, проговорил Валентин Эдуардович, а когда мы с Хромовым молча на него уставились, вздохнув, пояснил, — да-да, неужели вы считаете, что готовясь к открытию ТАКОЙ школы, я не озаботился сбором необходимой информации об организации, которую Николай иначе как клубом по интересам не называл? И ведь я с ним согласен. Да, клуб обладает очень большой и разветвленной сетью участников, занятых в самых разных областях, но! У него нет ни одной самостоятельной структуры, подчиненной только клубу. Если им нужны боевики, то к делу привлекается гвардия какого-нибудь рода, чей глава участвует в работе клуба. Нужны серьезные инженеры? Дергается другая ниточка, пара звонков, и вот уже глава соответствующего КБ с готовностью предлагает своих лучших специалистов... и так во всем. Удобная, довольно слаженная схема, но... как и любая универсальная система, не лишенная своих недостатков. Огромная информированность организации зачастую нивелируется её неофициальностью и, соответственно, отсутствием собственных исполнительных механизмов, или хотя бы таких структур, для которых действие по выполнению заданий организации были

бы в безусловном приоритете. Как результат, имеем накладки подобные той, что произошла с тобой, Кирилл.

— Накладка, да? — Я прищурился. — То есть, к тому факту, что мне уже никогда не стать воем, я должен отнестись, как к... мелочи? В смысле, пожалть плечами и сказать: бывает?! Так что ли?!

— Не кипятись, Кирилл. — Выставил перед собой ладони Бестужев. — С этими последствиями мы ещё разберемся. Я, честно говоря, ни разу не слышал об артефактах, способных затормозить развитие Дара, хотя бы на малый срок. О том же, чтобы его купировать... — Отец Ольги покачал головой. — Это и вовсе из области фантастики.

— О! Из разряда летающих блюд и зелёных человечков, да? — Я скривился. — Что ж, тогда просто присмотритесь ко мне и скажите, каков сейчас потенциал развития моего Дара. Лично мои ощущения говорят, что «потолок» достигнут. И где тут можно записаться в «уфологи»?

— Разберемся. — Нахмурившись, буркнул Бестужев. — Но сейчас, у нас есть более важная задача, а именно, нужно понять, кто решил поиграть с тобой в казаки-разбойники, зачем ему это нужно, и когда ждать следующего удара.

Мы с Хромовым переглянулись.

— Поясните. — Чуть ли не в унисон проговорили мы.

— Хм... конечно, утверждать сейчас что-то наверняка, я не могу. Но... — Валентин Эдуардович поднялся со своего монументального кресла и закружил по кабинету, — в общем, мне очень и очень сильно кажется, что слежка, атака на твой дом и последующее пребывание у приказных, всё это происшествия одного ряда.

— То есть, считаете, что все это дело рук одной и той же силы? — Уточнил я.

— Хм... можно и так сказать. — Не прекращая хождения по кругу, кивнул Бестужев. — Это, пока только гипотеза и она еще требует доказательств, но...

— Каких доказательств?

— Пока не знаю. — Пожал плечами дипломат. — Не хватает статистики.

— О! Понял. — Вздохнул я. — То есть, будем ждать, что еще шандарахнет мне по темечку, и набирать таким образом эту вашу статистику, да?

— Хм... — Бестужев замер передо мной и, склонив голову к плечу, с интересом уставился мне в глаза. — Ну, ты же все равно не собираешься никуда уезжать, правильно?

— Куда? — Пожал я плечами. — У меня тут дом, гимназия, ученицы... невеста, в конце концов. Да и бегать от проблем, это совсем не метод их решения. Не находите?

— Ну вот, видишь, значит, по темечку тебе так и так будет прилетать. — Усмехнулся Бестужев. — А значит, и статистика будет набираться. Или ты считаешь, что твой неизвестный неприятель, в конце концов, угомонится и оставит тебя в покое?

— Валентин Эдуардович, — я покачал головой...

— Ладно-ладно. Насчет последнего, извини. Глупость сказал. — Развел руками Бестужев. —

Но, кто мешает нам объединить разные подходы? Вы с Хромовым займетесь поиском по-своему, а я пошарю по своим каналам и... буду набирать статистику. Я ведь прав, и вы уже что-то замыслили?

Хм. Утаить от прирожденного дипломата что-либо, не будучи специалистом его уровня, нереально. Тем более, когда одного из «заговорщиков», то есть командира своей гвардии, этот самый дипломат знает как облупленного.

— Скажем так, у нас есть одна идея, но оглашать ее мы не будем. — Задумчиво протянул Хромов, и это были его первые слова за все время нашего с Бестужевым разговора. Когда же глава рода недоуменно приподнял бровь, гвардеец только развел руками. — О некоторых вещах, боярину лучше не знать... до поры до времени.

— Он пока еще не знает, знает он или не знает... — Медленно протянул я, вспомнив старую потрепанную фантастическую книжку, читанную мною между еще Там, в один из спокойных дней между рейдами.

— Хм. Я понял. — Покосившись на меня, проговорил Бестужев и вздохнул. — Ну, вы уж там, поаккуратнее, не попадитесь.

Мы с Хромовым вновь переглянулись и уставились на боярина, а тот, окинув нас взглядом, вдруг махнул рукой.

— Хотя, о чём это я... гранд и ярый... это будут проблемы тех, кому вы попадетесь. Ладно, чёрт с ним. Делайте что хотите, но только попробуйте сдохнуть! На том свете найду!

Поняв, что разговор закончен, мы с гвардейцем поднялись с кресел и двинулись к выходу. Голос Бестужева догнал нас уже на пороге.

— Полагаю, глава клуба эфирников, тоже «еще не знает»...

— Именно так. — После небольшой паузы ответил Хромов, бросив на меня короткий взгляд.

Ну-ну. Не надо делать из меня идиота. Как будто я не понимаю что, не уведомив своего куратора в клубе, гвардеец ни за что не полезет в дело, которое может грозить обществу эфирников неприятностями... С другой стороны, тот же Хромов прекрасно понимает, что мне самому эти разрешения... хм, скажем так, до лампочки.

Спрашивается, зачем я вообще решил вовлечь в дело Хромова... А все просто. Если бы он, «подумав», отказался от участия, это стало бы знаком, что, несмотря на заверения Брюхова, из всей этой каши конкретно так торчат уши клуба. Возможен был и вариант с приглашением моей важнучей и наглючей персоны к кому-то из эфирников, повыше рангом того же бывшего полковника, с последующим душевным разговором. Тут можно было бы предположить некие внутренние игры самого клуба. Тоже информация, почему нет? Ну и последний, сработавший вариант — молчаливый одобрямс.

Откуда у меня такая уверенность? Хм... конечно, ветвей возможных решений и действий тут могло быть куда больше, если бы не одно «но». В Эфире, Хромов всего лишь подмастерье, зато в стихиях... короче говоря, не зря Бестужев интересовался у своего гвардейца мнением главы клуба. Кого еще и спрашивать как не его «крестника»? А значит, большинство возможных вариантов решений принимаемых на более низких уровнях, можно отсечь. Хотя, конечно нельзя исключить, что глава клуба просто подставляет неименитого ярого. Нет, я далек от мысли, что сей господин позволит себе разбрасываться такими ресурсами, как высший

стихийник из прогосударственного боярского рода, но вот позволить ему оказаться на некоторое время в местах не столь отдаленных, он мог. Только... тут появляется другой вопрос, а именно: на хрена городить такой огород?!

* * *

Холодный, пробирающий до костей, ветер ворвался в колодец старого доходного дома следом за въехавшим в услужливо распахнутые ворота, широким и низким седаном. Ворвался и, с разочарованным воем заметавшись по кругу в тесном дворе, смерчем взмыл вверх, звеня жестяным отливами под слепыми черными окнами. Ветер поднялся над крышами, разметав над ними облако подхваченных во дворе снежинок и, словно облегченно вздохнув, помчался дальше по своим делам. А замерший у одного из подъездов, «Руссо-Балт» погасил фары и, словно дождавшись, пока стихнут порывы неугомонной стихии, с щелчком отворил водительскую дверь. Из салона пахло теплым воздухом с легким ароматом дорогого табака, и на тротуар шагнул водитель авто. Мягко хлопнула дверь, машина послушно моргнула габаритами и затихла. Водитель бросил короткий взгляд на окна третьего этажа и двинулся к подъезду, скупо освещенному единственным со скрипом покачивающимся плафоном.

Мужчина поправил папку, зажатую подмышкой, и потянулся было к дверной ручке, но тут, матовый, источавший леденцово-желтый свет, плафон над его головой вдруг негромко хлопнул и погас, погружая подъезд в темноту. Рука человека автоматически дернулась, пытаясь ухватить рукоять табельного пистолета, но не успела. Ночные сумерки вдруг сменились непроницаемой мглой и мужчина безвольно повалился наземь. Почти. Размытые, почти невидимые в наступившей у подъезда темноте, тени в четыре руки подхватили бессознательное тело, так и не дав ему коснуться грязной кафельной плитки. Вновь моргнули габариты «Руссо-Балта», хлопнули двери, и машина, сделав круг, выехала со двора, чтобы уже через несколько минут раствориться в городском автомобильном потоке. **Глава 6. Попытка не пытка? А пытка что?**

Найти место для допроса было несложно. Давешний карьер, в котором меня чуть не похоронили, подошел для этих целей самым лучшим образом. Разумеется, рассказывать Хромову, откуда мне известно это место, я не стал. Да он и не спрашивал.

Неприметная «АМО»-шка, на которую мы сменили «Руссо-Балт» нашего пленника в одном из переулков Замоскворечья, запрыгала по замерзшим колдобинам карьера, и командир гвардии Бестужевых тихо заматерился, с бешеной скоростью вращая руль, в его лапищах кажущийся этаким бубликом, пытаясь объехать наиболее опасные ямы. В ночной темноте, та еще задачка, даже при условии использования «кошачьего глаза». А тут еще и наш пленник завозился, приходя в себя.

Скрипнули тормоза, машина застыла под боком у черной громады экскаватора, и мы с Хромовым принялись вытаскивать спеленатого по рукам и ногам типа, подсунувшего мне визитку Прутнева. Ну да, собственно, именно поэтому, Хромов с такой готовностью взялся помогать в этой затее... Все-таки, так легко козырять именем «кадровика» клуба эфирников, это ли не повод вызвать интерес организации, не желающей афишировать свой состав?

Привязанный к тракам экскаватора, пленник давно пришел в себя, но виду старался не подавать. Как будто подобное притворство могло ему помочь. Впрочем, этот факт очень быстро, хотя и несколько болезненно дошел и до нашего «гостя». Аккурат с первым ударом

ботинка сорок последнего размера прилетевшего пленнику по ребрам от Аристарха Макарыча.

От самостоятельного допроса я устранился. Ограничился лишь тем, что еще во время подготовки к беседе, передал Хромову список интересующих меня вопросов... ну и во время беседы подкидывал время от времени фразу-другую. И неплохо получилось, между прочим. Вопреки моим ожиданиям, господин Переверзев раскололся быстро и, что называется, до доньшка. Хотя, если вспомнить мой торг с дедом, в самом начале этой эпопеи... У ярых всегда находятся убедительные аргументы, мда.

Под давлением гвардейца, приказной пел, как соловей и почти не пытался хорохориться. Пел, разумеется, под запись и будучи предупрежденным о ней. Ну, а поскольку допрос вел Хромов, ничего удивительного в том, что большая их часть касалась клуба эфирников, не было. Короче говоря, Аристарх создал у нашего собеседника полное впечатление, что попал он именно в руки товарищей из клуба, заинтересовавшихся тем, что кто-то посмел приплетать их к своим делам. Узнать допрашивающих, находящихся под эфирными масками, искажающими не только черты лица и голоса, но и эфирные следы, гость все равно не смог бы, так что опознания можно было не опасаться.

Казалось бы, зачем такие сложности? Но убийство Алексея Переверзева совершенно не входило в мои планы. Я еще не настолько поехал крышей, чтобы вешать себе на заглавие такую структуру, как Преображенский приказ. А значит, после допроса, наш пленник должен вернуться домой целым и невредимым. Гарантией же того, что он не поставит на уши всё своё ведомство, послужит та самая запись его исповеди. Ведь, как бы ни было развито здесь такое явление, как nepoтизм, за использование служебного положения в личных целях, любому приказному грозит наказание... вплоть до смерти. Сторожевой пес должен служить только своему хозяину, а не тому, кто предложит шматок мяса побольше.

— Как видишь, Прутков, а с ним и клуб, здесь вовсе не причем. — Проговорил Хромов, когда мы устроили беспамятного Переверзева в его «Руссо-Балте», припаркованного у одного из замоскворецких дворишков.

— Да, вот только, кто именно здесь «причем», нам выяснить также не удалось. — Вздохнул я.

— Ну нет, Кирилл. — Аристарх решительно замотал головой. — Красть начальника этого Переверзева, мы не станем. Одно дело допрос мелкой сошки, исполнителя... за который нас, кстати, тоже по головке не погладят, и совсем другое дело, похищение начальника Следственного стола!

— Да у меня и в мыслях не было его похищать. — Фыркнул я. — Понимаю, что мне это не по зубам... да и жить, честно говоря, еще очень хочется.

— Ну да, и личные данные этого самого полковника ты выпросил просто из любопытства. — Хмыкнул Аристарх.

— Почему же? — Я улыбнулся. — Лишняя гарантия, что господин Переверзев не побежит докладывать начальству, которое сам же и сдал.

— Вот ведь! — Хромов витиевато выматерился, помолчал, заводя АМО-шку и заговорил, лишь когда машина проехала добрых полкилометра. — И что ты намерен делать?

— Хочу проверить, чья лапа волосатей. — Ухмыльнулся я. — Моя, или того неизвестного боярина, по чьей просьбе господин Переверзев так обо мне «позаботился».

— А подробнее? — Нахмурился Аристарх Макарович.

— А зачем?

— Кирилл, ну мы же уже выяснили, что клуб здесь не причём... и я не пойду вразрез с интересами Бестужевых, которым ты, между прочим, нужен живым, здоровым и довольным. — Вздыхнул Хромов.

— Это не вопрос доверия или недоверия, Аристарх Макарыч. — Покачал я головой. — Усомнись я хоть на секунду в вашей лояльности Бестужевым, и сегодняшнего «дела» не было бы. Просто, как показал недавний опыт, складывать все яйца в одну корзину, то есть полностью полагаться на компетентность клуба эфирников, я не могу... Что, впрочем, не должно особо помешать им действовать самостоятельно, исправляя свой косяк. Заодно и «протечку» прикроют, ту, что визитками кадровика клуба сорит, где ни попадя.

— А ты наглый, знаешь? — Хохотнул Хромов.

— Да ну? — Я, прищурившись, взглянул на гвардейца. Тот поймал взгляд и передернул плечами.

— Ну, в данном случае, признаю, у тебя есть некоторые основания для этого. — Хмыкнул Хромов и, помолчав, со вздохом заключил. — Ладно, я так понимаю, что твое решение окончательно и рассказывать о своих дальнейших планах, ты не собираешься. Так?

— Именно.

— Ну и чёрт с ним. Главное, не вздумай сдохнуть в процессе. Мне Ольга за такое голову открутит и на статус не посмотрит. — Пробормотал Хромов и умолк.

Дальнейший путь, почти до самых Сокольников, прошел в молчании. Не знаю, о чем думал Аристарх, а я прикидывал, насколько вежливо будет припереться в гости к одному суровому дядьке и в процессе знакомства, озадачить его «халтуркой на дом»... и получится ли у меня сегодня удрать из-под надзора Бестужевых. Впрочем...

— Аристарх Макарович, а можешь подбросить меня до дома? — Поинтересовался я.

— А что не к нам? — Пожал плечами Хромов.

— Завтра в школу, а все мои шмотки дома. — Вздыхнул я. — Да и рыжий... Привык я уже к собственным колесам.

— Понятно. Ольге только отзвониться не забудь. — Кивнул Аристарх и АМО-шка, заложив широкую дугу по кольцу Каланчовой площади, помчалась к Полевым переулкам. Поворот, еще один, а вот и знакомая просека.

Попрощавшись с Хромовым, я дождался пока его машина скроется из виду и, убедившись, что никаких «лишних» фиксаторов на территории моего дома не появилось, двинулся к подсобке, где меня, наверное, уже ждался «Лисёнок». Что бы я не говорил Хромову, но оставлять в покое господина полковника, я не собирался... да-да, те самые яйца и корзины.

Рыжий радостно рыкнул и, вырвавшись с территории бывшей конной базы, покати по просеке в сторону, противоположную той, куда уехал Аристарх. Время, половина второго ночи, так что, у меня есть еще несколько часов для решения поставленной задачи. Должен успеть.

Ветошный, дом семь. Муторный адрес... Пространство меж Красной и Лубянской площадями густо усеяно фиксаторами всех мастей. Да-да, Преображенский приказ Здесь, располагается на том же месте, что и ФСБ Там. Вот такое вот совпадение... А вообще, неплохо устроился господин полковник. И район спокойный, и за охрану из своего кармана платить не надо.

Именно поэтому я и не стал подъезжать напрямик к нужному дому, а покрутившись по ночному центру под полным отводом глаз, с облегчением оставив рыжего в одном из переулков у Тверской, отдышался, восстанавливая силы и нервы, после самоубийственного заезда «невидимкой», и отправился по искомому адресу, пешочком. Естественно, не снимая ни «отвода», ни эфирной маски, которой меня столь удачно и вовремя научил Хромов. Перестраховка? Ну да... лучше быть живым параноиком, чем мертвым оптимистом.

Миновав здание Боярской Думы, расположившейся на месте Тамошней многострадальной гостиницы «Москва», я поднялся к Красной площади. Оттуда, на Никольскую, и свернув за Верхними Торговыми рядами, оказался на нужной мне улочке. Здешний вариант ГУМа закрылся добрых два часа назад, а никаких увеселительных заведений, работающих сутки напролет, в Ветошном нет. Так что, сейчас тут пусто, тихо и... холодно. Бр-р.

Я посмотрел на сплошную стену зданий по левую руку и, сориентировавшись по встроенной карте на выведено на экран очередного дешевенького браслета, приобретенного мною в день освобождения из-под стражи, недовольно цокнул языком. Варианта два. Первый, обойти квартал по Никольской и попытаться подойти к дому с «парадного входа», что в Богоявленском переулке... отмечаем сходу. Хотя я и уверен в своей маскировке, но шляться мимо Рындова двора, мне не хочется, от слова «совсем». Вариант второй, найти проход меж домами выходящими непосредственно на Ветошный и, тенями... тенями...

Покрутив головой, я заметил метрах в двадцати от меня, мощные и высокие ворота в арочном проеме доходного дома времен позапрошлого царствования и, довольно хмыкнув, направился напрямик к ним. Судя по «козырному» местоположению, здесь должны обитать самые злые дворники в столице, но... надо же искать в людях лучшее, правда? Вот и я буду считать, что они самые лучшие в мире ребята... когда спят зубами к стенке. А чтобы не разочароваться в этом мнении, надо так немного. Всего лишь остаться незамеченным... и легкий ветерок заметающий мои следы на снегу, мне в этом поможет. Тут главное, не переборщить. Алле... оп! Господин Беннет, к вам гости. **Глава 7. Опоздание или Что такое «хорошо» и что такое «плохо»?**

Второй этаж, угловая квартира. Хм. Эти окна... или те? Ну, вот почему архитекторы так поздно додумались до типовой планировки, а?! А мне теперь, мучиться выбором. Тьфу.

Я перевел взгляд с одного окна на другое и, вздохнув, решил уже было попытаться пройти обычным путем, то есть через двери, чего мне очень не хотелось, но тут мой взгляд зацепился за приоткрытую форточку, из которой, неугомонный ветер умудрился вытащить часть шторы и теперь трепал ее так, что казалось, кто-то машет кому-то платком на прощание. Хм. А что? Этаж тот же... И даже если это не квартира полковника Беннета... Что я, не смогу пройти через нее незамеченным?

Спрашивается, зачем такие сложности? А все просто. Входные двери в подъезды этого чертова дома оказались снабжены специальными фиксаторами, реагирующими на открытие-закрытие. И все бы ничего, если бы не одно «но». Фактически, эти фиксаторы образуют единое целое с подключенными к ним дверьми. Это значит, что как бы я не укрывался отводом глаз, какие бы

техники скрыта к себе не применял, дверь-то все равно будет открываться-закрываться, чертов фиксатор это непременно определит, и даст сигнал на пульт. Могу только представить, как удивится охранник, получивший этот сигнал, взглянув на экран и не увидев там ровным счетом никого. Лично я бы в такой ситуации, точно сыграл тревогу...

Можно, конечно, заглушить фиксатор, чтоб тот не мог передать информацию на пульт, но сомневаться в том, что против такого вот логичного действия, у охраны найдется своя защита... не приходится, мда. В общем, открытая форточка подвернулась как нельзя более вовремя. А если мне повезет и окажется, что это окно в квартире Беннета... будет вообще замечательно.

Осмотрев стену, украшенную лепниной, я передернул плечами от пробирающего холода и, уцепившись за ближайший выступ, медленно и осторожно пополз вверх. Кажется, второй этаж, какая ерунда! Я бы может и согласился с этим, если бы речь шла о каком-нибудь типовом доме Там. Но это... Мало того, что окна первого этажа расположились на высоте трех с половиной метров, так высота самих этих окон почти столько же... в результате, окна второго этажа расположены на высоте примерно девяти метров. Хорошо еще фрамуга нужного мне окошка явно находится в хозяйственной части квартиры, а там окошки поменьше, так что мне не пришлось карабкаться еще выше, чтобы добраться до распахнутой форточки. Вот, кстати и еще один момент защиты нарисовался. Все стены прикрыты щитами, очень похожими на те, что были установлены на базе наемников. «Заглянуть» внутрь невозможно... и воздействовать телекинезом на запоры, не получится. Так что, открытая форточка разомкнувшая контур защиты, это просто очень, очень хорошо. Нет, я ни на секунду не сомневаюсь, что в случае надобности обошел бы все эти охранные навороты. Если не щиты, то фиксаторы на входных дверях, точно. Но... время-время! Нужно непременно успеть до утра, пока Беннет не укатил в управление. Кто его знает, на что способен господин Переверзев? Конечно, возможность того, что он пойдет каяться к начальству, совсем невелика, но сбрасывать ее со счетов, тоже нельзя. А значит, надо успеть раньше. И желательно так, чтобы ни одна сволочь не могла даже заподозрить, что сегодня кто-то побывал в гостях у Беннета.

Я поднапрягся и, убедившись, что никаких подлянок, вроде дополнительных фиксаторов на окне не имеется, аккуратно потянул рукоятку запора вверх. Окно послушно отворилось и я, просочившись внутрь, аккуратно прикрыл его за собой. Кухня? Хм... Оглядевшись по сторонам, я миновал темное помещение, с мерцающими в отсветах уличных фонарей медными боками, кастрюлями и сковородами, развешанными над расположившейся в центре комнаты плитой и, тихонько-тихонько двинулся вперед по коридору, не забывая заглядывать в попадающиеся по пути помещения. Чулан, санузел, пара небольших, и явно давно пустующих комнат для прислуги... гостиная. Две спальни, попавшиеся мне на пути, тоже оказались пустыми, хм... а ведь действительно, квартира Беннета. Я окинул взглядом стену, на которой красовался добрый десяток разнообразных грамот в которых упоминался мой будущий визави и, хмыкнул. М-да, а дядечка честолобив и скрытен, будь иначе, и грамоты с похвальными листами заняли бы место либо в каком-нибудь ящике в кабинете, или там же, но на стене... либо в гостиной, аккуратно над каминной полкой. Учтем. Кстати, если я правильно понимаю, то именно в кабинете и должен сейчас обретаться мой клиент. Больше, просто негде... ну, если, конечно, он вообще, дома. Хм.

Я покинул спальню и, сделав несколько шагов по короткому и довольно узкому коридору, попутно заглянув в пустую ванную, оказался у невысокой двери, из-под которой пробивалась тонкая полоска света. Напрягая чутье, я попытался прощупать пространство за дверью, и нахмурился. Неужели, действительно, его нет дома?

Отвод глаз зацепил дверь передо мной и я плавно потянул на себя тяжелую дубовую створку. После полумрака, в который была погружена квартира, яркий свет кабинета слепил глаза,

даже несмотря на то, что открывая дверь, я предусмотрительно сомкнул веки. А когда вновь их открыл...

Мля! Он дома... Но лучше бы его не было!

В центре комнаты, на дорогом шелковом ковре, распростерлось тело полковника Следственного стола Преображенского приказа, Германа Виллимовича Беннета. Остекленевший взгляд вперившийся в потолок, раскрытый в немом крике рот, аккуратное отверстие четко по центру лба... и липкая темная лужа растекшаяся из-под головы, успевшая основательно пропитать ковер. Труп.

Присев на корточки, я вздохнул. Тяжелый запах крови ударил в нос. Я коснулся кончиками пальцев шеи покойника... что вы, какой пульс, с дыркой в черепа-то? Я хотел знать время смерти. По крови, тем более впитавшейся в ковер, этого не определить. А вот температура тела... Хм. Градусов тридцать пять, а это значит, что смерть наступила не больше двух часов назад. Самоубийство? Сильно сомневаюсь. Стрелять себе в лоб не очень-то удобно, хотя... Нет, не уверен. Отдача здешних стволов куда меньше, чем у привычных мне огнестрелов, так что и на удобстве стрельбы в лоб, это должно сказаться...

Эту мысль я додумывал, уже выбираясь в окно. И прервал мои размышления шум моторов и захлопавшие двери автомобилей. О как. Вовремя я ушел.

Домой я приехал вымотанным донельзя. Еще бы! Три часа под полным отводом глаз, да по столице на мотоцикле, зимой! Хорошо хоть, ночь на дворе, и машин не так много. Иначе этот заезд был бы форменным самоубийством!

И лишь загнав Рыжего в подсобку, и оказавшись в доме, я позволил себе расслабиться и скинуть осточертевший «отвод». После чего, заварил себе кофе и, прихватив турку и сигареты, полез в горячую ванну, отогреваться после этого дурацкого вояжа, когда я не мог даже воспользоваться стихиями для защиты от грязи и ветра, чтобы не слетел отвод глаз.

Глупо пить кофе на ночь? Но иначе, я просто вырублюсь в ванной, а идея самозатопления меня как-то не привлекает.

Восемь часов утра наступили быстро и неотвратно. Покосившись на темноту за окном, которую кто-то посмел назвать славным теплым словом «утро», я тихо выматерился и, поднявшись с потели поплелся приводить себя в порядок. Зарядка, душ, завтрак... все это я проделал на полном автомате и, невыспавшийся и недовольный отправился в подсобку за рыжим. Слава богу, что уж сегодня я спокойно смогу воспользоваться своими невеликим возможностями, и защитить во время поездки и себя и мотоцикл от холода и грязи. Правда, глянув на заляпанного, покрытого какими-то серо-коричневыми разводами «Лисёнка», я понял, что поездка несколько откладывается. Впрочем, кто сказал, что я должен действовать руками и тряпками?

Небольшой туманный смерчик сорвался с моих ладоней и устремился к мотоциклу. Ему понадобилось всего несколько минут, чтоб очистить рыжего от грязи и соляных разводов, после чего «уборщик» был отправлен в лес, где и развеялся.

Я посмотрел на сияющий чистотой мотоцикл и, хлопнув себя ладонью по лбу, помчался в ванную. Отыскав там свою замызанную одежду, тихо выматерился и еще один «смерчик» нашел себе работу. Развеяв его где-то за территорией, я прошелся по одежде горячими воздушными линзами и, раскидав ее по шкафам, с облегчением вздохнул. Вот теперь другое дело. Не был, не знаю, не видел, не слышал. И вообще, спал дома, ага.

Школа-школа-школа... Подготовка к грядущему шоу шла полным ходом, народ носился по клубным кабинетам, как ошпаренный, а стоило мне появиться в пределах видимости, как я тут же становился объектом повышенного внимания. Всем что-то нужно, у каждого какой-то вопрос или проблема... и помочь им может, как оказалось, только староста младшего «Б» класса. Дурдом на выезде. Меня чуть не порвали на сотню маленьких Кириллов, честное слово!

Но, все когда-нибудь заканчивается, закончились и уроки, а следом за ними и «совет клубов», как язвительная Вербицкая окрестила наше сборище. Вот, кстати, и она.

— Мария Анатольевна, не уделите мне несколько минут вашего драгоценного времени? — Догнав Вербицкую у самого выхода из школы, проговорил я.

— Внимательно вас слушаю, Кирилл Николаевич. — Бессменная пилочка вновь появилась в ее руках, словно из ниоткуда.

— Хотел бы напомнить вам о недавнем предложении, навестить ваш дом...

— О! — Из глаз Марии тут же исчез столь присущий ей лукавый блеск, и девушка заговорила уже куда более серьезным тоном. — Буду рада тебя видеть. Когда думаешь почтить нас своим визитом?

— Если не возражаешь, то сегодня. — Ответил я.

— Хм. Выходит, не только нам от тебя что-то нужно... — Задумчиво проговорила Мария, коснувшись пилочкой губ и, неожиданно улыбнувшись, подмигнула. — Обоюдный интерес, а? Кирилл Николаевич?

— Не стану спорить, Мария Анатольевна. — Возвращаясь к преувеличенно вежливому тону, кивнул я.

— Что ж... Я не буду возражать, но... При одном условии. — Не прекращая улыбаться, протянула Вербицкая.

— Каком же? — Я уже приготовился выслушать что-нибудь вроде предложения поучаствовать в очередной постановке, в роли пятого телеграфного столба, или кофейного столика, но... В общем, Мария и тут сумела меня удивить.

— Подвезешь меня на своём рыжем, а? Всю жизнь мечтала прокатиться на мотоцикле. А родители запрещают. Невместно, видите ли! — Со вздохом попросила Вербицкая. И такая в ее голосе была надежда... Актриса, прирожденная актриса! **Глава 8. Ход конём по голове**

К счастью, мне удалось уговорить нашу классную «звезду», перенести визит в гости на вечер. Но от расплаты меня это не избавило. И до дома Мария доехала с ветерком и веселыми взвизгами. А я, развернув «Лисёнка», помчался домой, где меня уже должны были дожидаться мои ученицы. Собственно, так оно и получилось. Рыжий въехал во двор дома, и мне пришлось изрядно покрутить рулём, прежде чем я смог объехать аж три вездехода, занявшие немалую часть площадки перед домом. А вот чего я точно не ожидал, так это того, что вместе с близняшками, меня почтит присутствием сын наследника рода Громовых. Впрочем, нет. Была ещё одна вещь, которой я ожидать никак не мог. А именно, приём, который оказали мне мои ученицы. Витающую в воздухе злость и ревность, кажется, можно было резать ножом. Хм, не понял...

— Кирилл, когда девочки просили тебя продемонстрировать гимназии, что между вами ничего нет, они вовсе не имели в виду, что ты должен показать, насколько близок с некоей Марией Вербицкой. — От холодного тона Ольги у меня даже зубы ломить начало, как от глотка колодезной воды в жару.

— Не понял. — Честно признался я, усаживаясь за стол рядом с Алексеем. Ольга недоумённо моргнула, прислушалась к Эфиру и, повернувшись к насупившимся близняшкам, развела руками.

— Девочки, извините. Но он, кажется, действительно, понятия не имел, что творит.

И вот тут до меня дошло... Ну да, а как ещё ученики, чьё состояние можно описать одной фразой: «гормон пришёл», могли отреагировать на наш с Вербицкой, совместный отъезд? По их логике, я же её «проводить пошёл». Дьявольщина! Чёртова актриса! Наверняка, в отличие от меня, она этот момент прекрасно просчитала. Ну, спасибо, Машенька, ну удружила...

Заметив, что в Эфире ощутимо убавилось желания убийства, я огляделся и вздохнул. Они уже хохочут. Покопался на Алексея, но тот тут же сделал вид, что поперхнулся печеньем, и прижал ко рту белоснежный платок. Как будто это могло скрыть возмущение в Эфире! Впрочем, смеялись барышни недолго. Уже через пять минут они были отправлены на полигон с персональными заданиями, после чего, я налил себе кофе и, закулив, уставился на успевшего посерьёзнеть Алексея.

— Итак? Что привело сына наследника боярского рода в моё скромное жилище? — Поинтересовался я.

— На этот раз, я только посланник, Кирилл. — Развёл руками двоюродный брат и, поднявшись из-за стола, чуть ли не торжественно вручил мне письмо, из разряда личных официальных. По крайней мере, почерк...

— Хм, если я ещё не забыл уроки госпожи Поляковой, то родовой печатью закрываются только письма главы рода. — Протянул я, подняв взгляд на Алексея. — А Федор Георгиевич, чей почерк я пока, славу богу, тоже ещё не забыл...

— Советом рода признан новым боярином Грозовым. Георгий Дмитриевич отстранён от главенства, по состоянию здоровья. Два дня назад Государь прислал конфирмацию. — Алексей вздохнул.

Приглашение на пир, по случаю вступления в наследство. М-да. Дико звучит: «вступление в наследство», при живом-то наследодателе. Чёрт! И ведь не отвертишься теперь. Впрочем... отношения с дядей Фёдором у меня куда лучше, чем с остальной частью кровных родичей... да и близняшки, вроде бы, исправляются. Алексей? Хм, посмотрим-посмотрим. А вот остальные дедушки, это такие хинные пилули, что так и хочется плюнуть и забыть.

— Я приеду.

— Спасибо, Кирилл. — Алексей устало улыбнулся. — Мы будем ждать... и да, приглашение на две персоны, учти!

Ага. На невесту мою решили взглянуть, значит. Ну-ну. Распрощавшись с теперь уже наследником рода, я потёр лоб и... пришёл к выводу, что пора обзаводиться кондуитом, вроде лёнькиного. Иначе, того и гляди, что-то забуду. Леонид... вспомнив заместителя, я улыбнулся. Если бы не его «база данных» на наших одноклассников, я бы, наверное, и не додумался до той

идеи, что сегодня приведёт меня на порог дома Вербицких. Остается только надеяться, что поход в гости будет удачным.

* * *

Просторный кабинет, обитый темными фигурными панелями мореного дуба, заставленный многочисленными стеллажами книг, был тих и пуст. В высокие окна лился тусклый свет позднего зимнего утра, на высокой мраморной полке камина размеренно тикали массивные часы... Но, вот откуда-то из-за высоких двойных дверей накатил неясный гул, в котором по мере приближения, все яснее слышались уверенные шаги и голоса. Несколько голосов.

Дверные створки дрогнули и распахнулись, в кабинет стремительной походкой ворвался хозяин. Молодой человек, высокий, сухопарый, лет двадцати пяти на вид, он, недовольно хмуря брови, бросил на широкий двухтумбовый стол внушительную папку и, застыв на миг у окна, вдруг резко развернулся к притормозившим у порога сопровождающим.

— Нет, господа. Так дело не пойдёт. Меня совершенно не устраивают ни действия Приказа, точнее его бездействие, ни отговорки оперативников! — Чуть вытянутое лицо с характерным крючковатым носом, дернулось в недовольной гримасе. — Да пройдите же вы. Или я должен кричать на весь этаж?!

Топтавшиеся у входа, офицеры в парадных, сверкающих наградами мундирах, тут же шагнули за порог и, повинувшись единственному жесту хозяина кабинета, тяжелые двери захлопнулись за их спинами. А в следующую секунду у всех присутствующих заложило уши от заработавшего на полную мощность купола тишины.

— Слушаю вас, господа. Внимательно. Кто начнет? — Окинув взглядом обоих вытянувшихся перед ним офицеров, молодой человек, очевидно, что-то такое углядел. Кивок. — Полковник Вербицкий. У вас есть что сказать, по этой нелепой истории?

— Ваше высочество, смерть сразу двух приказных Следственного стола, вряд ли можно назвать нелепостью. — Тихим голосом проговорил названный полковник. Хозяин кабинета недовольно поморщился, но не стал окорачивать человека, присланного к нему отцом.

— Согласен, но я говорил не об их смертях, а той истории, что вскрылась в связи с ними.

— Ваше высочество, не стоит доверять непроверенной информации. Нет никаких оснований полагать, что офицеры Беннет и Переверзин замешаны в... — Тут же вскинулся низенький полноватый крепыш в мундире главы Преображенского приказа.

— Господин генерал, у вас ещё будет возможность высказаться. — Покачал головой цесаревич, жестом прерывая возмущённого офицера. — А пока, я хотел бы услышать доклад полковника Вербицкого. Итак, Анатолий Семёнович, отец уверял, что у вас есть, что сказать по этому поводу. Я слушаю.

— У меня есть, что вам показать. И есть о чём спросить. — Всё тем же мягким голосом поправил наследника престола Вербицкий. Цесаревич готов был уже вспылить, но, окинул полковника испытующим взглядом и неожиданно усмехнулся. Отец всегда умел подбирать толковых людей...

— Что ж. Давайте посмотрим. — Кивнул он и, сделав шаг к столу, подвинул расположенный на нём приемник поближе к собеседнику. — А потом поговорим.

Кристалл-накопитель утонул в приёмном гнезде и на видеопанели, развернувшейся на стене кабинета, появилось черно-белое изображение. Запись явно велась ночью и не профессиональным фиксатором, а скорее всего встроенным в браслет. На ней, прикованный к каким-то железкам, бледный человек сбивчиво и быстро говорил, отвечая на задаваемые глухим, явно изменённым голосом вопросы.

Четверть часа прошли в полной тишине, зрители, молча, ловили каждое слово записи. Но вот, экран погас, и приёмник выплюнул кристалл из своего артефактного нутра. Полковник хотел было забрать носитель, но наследник его опередил и кристалл оказался в одном из ящиков стола, рядом с десятком точно таких же накопителей, среди которых был и полный аналог принесенного полковником... вплоть, до содержания. Впрочем, Вербицкий особо и не возражал против такого «грабежа» и, пожав плечами, отошёл в сторону, заняв прежнее место.

— Как интересно... — Протянул хозяин кабинета. — И откуда же эта запись взялась у Пятого стола Преображенского приказа?

— Это частный источник, Ваше Высочество. — Улыбнулся одними губами полковник. — И могу вас уверить, на тот момент, когда он предоставил мне эту запись, этот самый источник даже не подозревал о случившемся несчастье.

— Господин полковник, давайте не будем ходить вокруг да около. — Возмущённо запыхтел генерал.

— И в мыслях не было. — Покачал головой Вербицкий, искоса глянув на своего формального начальника.

— Тогда, если вам известны лица, проводившие этот... «допрос», задержите их, и покажите, как это делается «по-настоящему». И я вам ручаюсь, тут же выяснится, что ваш источник замечательно осведомлён о происшествии. — Фыркнул генерал.

— Запрещаю. — Одно короткое слово и присутствующие замерли. А наследник, смерив долгим взглядом главу Приказа, тронул Эфир и, убедившись в готовности генерала чуть ли не распотрошить своего номинального подчинённого, но вызнать источник информации, покачал головой. — Дело под гриф «Корона». Полковник Вербицкий, моим указом как нового председателя Тайного кабинета, ведение расследования ложится на ваш Стол. Список допущенных к нему, будет прислан вам в течение часа. Лев Николаевич, передайте всю имеющуюся у вас информацию по этому делу полковнику.

— По убийству? — Отдуваясь, скривился тот.

— В том числе. И не забудьте все сведения по фактам изложенным в просмотренной записи. Ведь внутренние расследования находятся в ведении Пятого Стола, не так ли? Вот пусть и занимается своими непосредственными обязанностями.

— Будет сделано, Ваше высочество. — Покраснев пуще прежнего, кивнул генерал.

— Вот и замечательно. — Наследник растянул губы в улыбке и, присев в кресло за столом, устался на генерала. — А теперь, будьте любезны, поведайте мне, каким образом вверенное вам ведомство докатилось до жизни такой и вдруг взялось обслуживать интересы бояр? **Глава**

9. Ворон ворону...

Ушлый мальчишка, прав был Аристарх. Цесаревич подкинул на ладони пару кристаллов с одинаковыми записями и, хмыкнув, бросил их обратно в ящик стола. И додумался же... Впрочем, чего-то в этом роде и следовало ожидать, не даром же, он сумел эмансипироваться в пятнадцать лет? Да и тряхнуть организацию, пообещавшую ему защиту и так бездарно про... кхм, нарушившую своё слово... В общем, понятно. Но каков наглец, а? И ведь не побоялся рискнуть снова оказаться в камере... Правильно всё-таки говорят, что у их брата-гранда, мозги набекрень.

* * *

— Кирилл, ты понимаешь, что вот это... — Вербицкий постучал пальцем по кристаллу, только что извлечённому из приёмника. — Прямая дорога в следственный изолятор?

Понимаю-понимаю, Анатолий Семёнович. Но, думается мне, что долго я там не просижу. Если уж клубу эфирников так нужен внук и сын грандов Эфира, то меня оттуда вытащат быстрее, чем высохнут чернила на обвинительном заключении. Тем более, что эта самая запись даёт мне замечательное алиби на время смерти господина Беннета. Если же, междусобойчик моих «коллег» опять отличится... Хм. Что ж, значит, дождусь окончания разбирательства и свалю отсюда куда подальше. Думаю, Ольга не станет возражать против переезда.

— Изолятор в благодарность за раскрытие преступления совершённого приказным? Это говорит сотрудник организации, в чью обязанность входят внутренние расследования в Преображенском приказе? — Я чуть приподнял уголки губ. Отец Марии смерил меня долгим взглядом и тяжело вздохнул.

— Благодарность благодарностью, а похищение приказного и подозрение в двойном убийстве, это уже совсем другое дело. — После недолгого молчания, проговорил Вербицкий.

— Убийство? — Стоп. Какого-такого двойного?! Мне даже играть не пришлось. Удивление само собой расплзлось по морде. Ладно, Беннет. А кто второй? Неужели, Переверзев?! Ой, горячо... Ой, не хорошо-то как!

Так, надо собраться.

— Именно, Кирилл. Именно. — Покивал Анатолий Семёнович. — Вчера ночью были убиты и полковник Переверзев и полковник Беннет. А учитывая эту запись... Сам понимаешь, ты первый подозреваемый.

— Подождите-подождите, Анатолий Семёнович! — Замахал я руками. Вербицкий с интересом уставился на меня, в ожидании, а я... я принялся за дыхательную гимнастику. Наконец, мысли пришли в порядок и я выдохнул. — Время смерти?

— Чьей? — Приподняв бровь, спросил мой собеседник.

— Анатолий Семёнович, вот сейчас мне не до игр. — Прищурился я. — Обоих, разумеется.

— Хм. Эка тебя пробрало. — Усмехнулся полковник. — Ладно. Первый — Беннет. Смерть наступила в районе половины первого ночи. Предположительно, самоубийство. Переверзев, соответственно, второй. Время смерти около шести утра. И тоже, предположительно, самоубийство. Вот только, надо быть идиотом, чтобы верить в такое совпадение.

— Ну да. — Хмыкнул я, и кивнул на лежащий перед Вербицким кристалл. — Во время

«предположительного самоубийства» Беннета, я, как раз, беседовал с господином Переверзевым. Временные метки на записи, это подтвердят.

— Долгое дело, переставить часы на браслете. — Хмыкнул Вербицкий. Вот только в Эфире, от него так и несло любопытством и интересом... энтомолога, при виде неизвестной бабочки.

— Часы фиксаторов прошиты «намертво», и не зависят от времени выставяемого в браслете. — Покачал я головой. — Это знают даже пятилетние дети.

— Хм. Согласен. А что по смерти самого Переверзева? — Еле заметно усмехнувшись, проговорил полковник.

— А в это время я видел десятый сон у себя дома. — Развёл я руками.

— О! Ну это, конечно, замечательное алиби. — Преувеличенно серьёзно покивал Вербицкий и тут же с деланным сожалением заметил, — одна проблема. Кто его подтвердит?

— Хм-м... Преображенский приказ? — Улыбнулся я.

— Поясни. — Тут же нахмурился полковник.

— Ну, это же просто. У Оперативного стола есть приказ вести наблюдение за мной и не вмешиваться. Собственно, результатом нарушения последнего приказа и было то преступление, ради раскрытия которого я пошёл на «беседу» с полковником Переверзевым. Ни на секунду не сомневаюсь, что у наблюдателей имеется запись о том, как я вернулся домой после этой «встречи», а вместе с ней и подтверждение, что я не покидал территории своего владения до самого утра.

— Ех. — Вербицкий крикнул, помолчал... а через секунду, его брови устремились на встречу с прической, и полковник изумлённо вытаращился на меня. — Подожди. Ты хочешь сказать, что допрашивал приказного, фактически, под присмотром Оперативного Стола?!

— Ну да. — Пожал я плечами и добавил, — наверное. Прежде чем «пригласить» Переверзева на разговор, я покрутился по городу, но не уверен, что мне удалось скинуть наблюдателей «с хвоста».

— И откуда у тебя была такая уверенность, что ВАС не возьмут «на горячем»? — Мягко и прозрачно намекнув на количество участвовавших в допросе Переверзева, поинтересовался полковник.

— А вот это, извините, Анатолий Семёнович, я вам сказать не могу. — Вздыхнул я и, заметив, как нахмурился Вербицкий, чуть помедлив, договорил, — но могу заметить, что этот вопрос отпадёт, если знать, кто отдал приказ об установке наблюдения.

Да, последнее было блефом чистой воды. Точнее, я просто сделал предположение, исходя из известных мне фактов и... знания личности куратора Аристарха Макаровича Хромова от клуба «эфирников».

— Я ведь проверю. — Тихо проговорил полковник, сверля меня взглядом.

— Пожалуйста. — Я пожал плечами.

Вербицкий вздохнул и активировал свой браслет. «Отщёлкав» послание, Анатолий Семёнович

откинулся на спинку кресла и замер в ожидании. Ладно, помолчим-подождём... Ответ пришёл минуты через две. Полковник прочёл невидимое мне письмо и воззрился на меня с форменным недоумением во взгляде.

— Гриф «Корона»? Кирилл, какое отношение пятнадцатилетний эмансипированный мещанин-слабосилок может иметь к царской семье? Ничего не хочешь мне рассказать?

— Извините, Анатолий Семёнович. — Вздыхнул я, старательно давая радостные эмоции. Да! Да! Я был прав! Гриф «Корона», то есть, запечатано личным словом Государя!

— Хм. Если пять минут назад я был уверен, что наш разговор о будущем сотрудничестве не состоится, то сейчас... — Полковник сложил ладони в молитвенном жесте перед собой и, прикрыв глаза, замолчал, явно о чём-то задумавшись. Правда, стоило мне поёрзать в кресле, как он тут же вернулся на грешную землю. — Завтра, я буду на приёме у Государя, и выясню что к чему. А пока... Давай поговорим о том, ради чего я и звал тебя в гости.

— С удовольствием, Анатолий Семёнович. Только один вопрос. Что заставило вас передумать.

— Именно это... — Почти про себя проговорил Вербицкий и, вскинув голову, улыбнулся. — Ты очень необычный человек, Кирилла Николаевич. Очень. Умеешь выжидать, но умеешь и действовать быстро и без оглядки на авторитеты. Ты думаешь и делаешь и, кажется, совсем не собираешься, как говорите вы, молодёжь, «сидеть на попе ровно». Когда я приглашал тебя, то рассчитывал только приглядеться и, скажем так, навести мосты. Но... как ты правильно заметил, передумал. Причина проста. Я намеревался, присмотревшись, разумеется, в недалёком будущем предложить тебе одно дело, интересное и перспективное, после чего, «взять на буксир»... чтобы через несколько лет, ты мог выйти в свободный полёт, будучи уже знающим и опытным человеком...

— Анатолий Семёнович, а если не ходить вокруг да около? — Вздыхнул я.

— Как ты относишься к Марии? — Моментально перестроившись, вдруг спросил Вербицкий.

— Эм-м... как к однокласснице, умной и красивой. — Я чуть опешил от такой резкой смены темы и тона.

— И всё?

— Э, Анатолий Семёнович, у меня, вообще-то, как вам должно быть известно, имеется невеста. — Посчитав, что понял, к чему клонит собеседник, заметил я. Вербицкий хлопнул глазами, открыл рот и вдруг расхохотался, но почти тут же оборвал смех.

— Понимаю. Но, я и не говорю о браке. Точнее, не совсем о браке. — Я недоумённо уставился на полковника, а тот вдруг замолчал, покрутил в руках пресловутый кристалл-накопитель и, лишь спустя минуту, подняв на меня посерьёзневший взгляд, договорил. — Раз ты знаешь о моей должности, то должен знать и то, что род Вербицких не именит. Мы не бояре.

— Мне это известно. — Кивнул я. — Равно как известно и то, что вы уже третий человек подряд в роду Вербицких, принёсший личную клятву верности Государю. А значит...

— Значит, мой труд, труд моих отца и деда пошёл насмарку с рождением Машеньки. — С горечью заметил Вербицкий. — Она никогда не станет личным вассалом Государя... если, конечно, не прыгнет к нему в постель, но такой судьбы я ей не желаю. А значит, уже её потомкам придётся зарабатывать право вассалитета служением, чтобы пятое поколение

получило боярский титул.

— И причём здесь я?

— Мать Машеньки — дочь бастарда Скуратовых-Бельских. И если ребёнок Марии будет носителем линии того же рода, то для возрождения фамилии и передачи ему титула, нужно будет только подтверждение экспертизы...

Из меня хотят сделать быка-производителя?! Мама, роди меня обратно. **Глава 10. Пронесло... или нет?**

Впрочем, всё оказалось не так страшно, как мне нарисовало неуёмное воображение.

— Тебя никто не просит спать с Марией. — Вздыхнул полковник. — Хотя, разумеется, если отцом ребёнка станешь именно ты, это будет самый лучший вариант. Ты ведь не просто носитель линии, но и генотипа... Но тут я не настаиваю. Я, всё же не боярин, чтоб указывать своей дочери от кого ей беременеть и за кого замуж идти.

— А линия и генотип, разве, не одно и то же?! — Удивился я, мысленно облегчённо вздохнув. Да мне Ольга тёмную устроит за такие полигамные допущения!

— О... — Вербицкий хлопнул себя ладонью по лицу и тяжело вздохнул. — М-да, об этом я не подумал... Извини, что напугал, Кирилл. Но, ты же боярич, мало того, эфирник, как и все Скуратовы со времен Иоанна Монаха, и должен бы знать об этом.

— Напомню, что моих родителей нет на этом свете уже восемь лет... почти. А когда они были живы, я был слишком мал.

— А Громы, что... — Начал было Вербицкий, но тут же стушевался. — Извини. Не моё дело... Хм. Ладно. В общем, так. Линия, это наследственная схожесть Эфирного следа и предрасположенность носителей к определённому способу оперирования Эфиром. У тех же Громовых она выражена в особой любви к Пламени. У рода твоей невесты, это электричество на основе воздушной стихии. А у Скуратовых, это были чистые эфирные техники. Линию можно усиливать соответствующим воспитанием её носителей. Того генома, что унаследует будущий ребёнок Маши достаточно для претензии на право наследования боярского звания, а вот усиление его линии твоими техниками, по подсчётам моих евгеников даст стопроцентную гарантию получения титула. Я предлагаю тебе стать в будущем регентом наследника Скуратовых-Бельских.

— Иными словами, нянькой. — Вздыхнул я.

— Скорее, учителем и наставником. «Дядькой», если хочешь. — Поморщился Вербицкий.

— Вот, кстати, о дядьках. — Я встрепенулся, вспомнив один момент из досье Леонида на Вербицких... и его облом с агентом на тотализаторе. — А почему ваш сын не может взять на себя ту же ношу, что и вы?

— Потому что, он идиот. — Нахмурился Вербицкий и вздохнул. — Или я недосмотрел... но месяц назад Василий купился на посулы всё тех же Бельских, и ушёл к ним в боярские дети... по клятве. Эх... Теперь понимаешь Кирилл?

— Понимаю, но... а мне-то какая выгода? — Поинтересовался я.

— А для тебя это тоже возможность получить собственный титул. Причём, без многолетних мытарств нескольких поколений. Регент наследника, это, фактически, прямой билет в именитые.

— Вот как? А что мешает мне получить титул сейчас, как носителю и генома и эфирной линии? — Прищурился я.

— Противостояние Бельских, в чьём распоряжении сейчас находится титул, и отсутствие тех, кто замолвит за тебя сло... — Вербицкий покосился на свой браслет и побледнел. Что это с ним? А!.. Вспомнил про гриф, и того, кто его поставил на «моём» деле. Бедняга... то-то у него такой вид, словно ему «винчестер» с любимой порнухой форматнули... м-да. Надо спасать дядечку, а то, как бы его сейчас инфаркт не хватил.

— Анатолий Семёнович. — Окликнул я зависшего полковника.

— А? — Полковник перевёл на меня потухший взгляд.

— Я согласен. — Каменная маска на лице Вербицкого дала трещину и «осыпалась», открывая безмерное удивление.

— Почему? — После минуты молчания, хрипло спросил полковник.

— Я был бы идиотом, наживая себе таких последовательных врагов, как род Вербицких. — Пожал я плечами.

— Последовательных? — Явно ещё не веря в мои слова, нахмурился собеседник.

— То упорство, с которым вы идёте к цели, очень многое говорит о семейных чертах характера, и я не думаю, что это свойство распространяется лишь на стремление к титулу. А значит, в случае чего, и противниками вы будете не менее настойчивыми, не так ли? — Я улыбнулся. — Ну, а кроме того, зачем плодить врагов, если есть возможность обзавестись друзьями? Где мне расписаться, Анатолий Семёнович?

— Р-ра! — Полковник взвился над столом и, хлопнув по кнопке селектора, буквально прорычал в него, что абсолютно не вязалось с воцарившейся на устах улыбкой. — Саня, Марию сюда, немедленно!

Надо отдать должное девушке, слова отца о будущем учителе её ещё не существующего даже в проекте ребёнка, Мария встретила стоически. Внешне. Потому как Эфир всё-таки дрогнул от её смущения.

— Учителем... ага. Уже хорошо. — Вздыхнув, задумчиво проговорила девушка и взгляд её неуловимо изменился.

— Но-но! За избыток кальция в организме, Ольга нас обоих на электрический стул пристроит. — Фыркнул я, распознав засветившие Эфир эмоции. — А близняшки ещё и помогут зафиксировать, чтоб не дёргались.

— Э-э... — Лицо девушки приняло недоумённое выражение. — А ты с ними, что тоже...

Это называется, фэйспалм!

— И ты туда же?! — Это был стон души, честное слово!

— А, значит, правду про вас в гимназии говорят. — Торжествующе провозгласила Мария, под изумлённым взглядом своего отца. Да чтоб его!

— Маша, предупреждаю, ещё хоть одно слово этого бреда, и учителем твоих детей мне не стать никогда в жизни. — Со свистом выпустив воздух через сжатые челюсти, процедил я. — У покойников детей не бывает, знаешь ли.

— Да ладно-ладно... — Фыркнула улыбающаяся Вербицкая. — Не буду я разбалтывать твои маленькие тайны.

— Кажется, я зря тогда спас тебя от близняшек. — Кое-как успокоившись, проговорил я. И на этот раз, Мария промолчала. Слава богу.

— Вы закончили пикировку, надеюсь? — Осведомился Вербицкий и, вперив изрядно похолодевший взгляд в дочь, отчеканил. — Подобное отношение к будущему регенту наследника Скуратовых и кровному родичу, недопустимо. Я ясно выразился, Мария?

— Да, отец. — Улыбка нашей классной «звезды» поблекла.

— Не надо так строго, Анатолий Семёнович. — Я покачал головой. — Мы не на приёме, а там Мария Анатольевна просто не унижится настолько, чтобы вести себя подобным образом.

— Я... Извини, Кирилл. — После недолгого молчания, проговорила Вербицкая. — Это больше не повторится.

— Очень надеюсь. Не хотелось бы вновь включать в воспитательный процесс, розги. Мне казалось, мы прошли этот этап ещё три года назад. — Вместо меня ответил полковник и, убедившись, что дочь всем своим видом являет одно сплошное раскаянье, довольно кивнул. — Ладно. С этим разобрались. А теперь, Маша, что у нас с ужином?

— Матушка сказала, чтобы через полчаса мы были в столовой.

— Замечательно. Тогда, неси кофе и коньяк. Как раз, успеем чуть-чуть отпраздновать. — Покосившись на меня, проговорил Вербицкий. А что я? От глотка коньяка мне хуже не будет, это точно. Такие новости, вообще-то нужно запивать чем-нибудь успокаивающим... Кстати, о новостях. Пока Мария побежала исполнять приказ отца, я решил уточнить кое-какие моменты.

— Анатолий Семёнович, а если я вопреки всему, вдруг, всё же окажусь виновным в убийстве приказных? Неужели вы, начальник Пятого стола, вот так легко мне поверили?

— Ты прав, Кирилл, я не верю никому и ничему. На слово. Но в полученном мной отчёте наблюдателей, том самом, что под «Короной», есть замечание и о вашем с господином Хромовым, допросе «некоего лица», и подтверждение твоего алиби. — Ухмыльнулся полковник и договорил, — и, кстати, сей могущественный господин, через четверть часа после твоей доставки домой, был зафиксирован на въезде в «боярский городок», который он покинул в шесть сепятнадцать утра, что также было зафиксировано штатными системами наблюдения...

— И это тоже было в отчете? — Удивился я.

— Представь себе, было. — Хмыкнул Вербицкий. — История с твоим «гостеванием» в Преображенском приказе, только-только начала раскачиваться, а господа приказные уже

изображают такое служебное рвение, что только диву даешься. Знают кошки, чьё сало съели. А тут ещё и двойная смерть их коллег. Вообще забегают, как наскипидаренные.

— Ясенько.

— Так что, ты особо не расслабляйся. И не удивляйся, если вдруг снова в изолятор загремишь, как ценный свидетель. Не факт, конечно, но вполне возможно. А уж то, что тебе придётся ко мне на собеседование пару раз зайти, так это я тебе прямо сейчас обещаю. Как бы то ни было, но похищать приказных, это не та шалость, которую легко можно простить. — Неожиданно преподнёс пилюлю мой собеседник.

— Ну, если без карцера и ненадолго, то ладно. — Вздыхнул я. В самом деле, индульгенцию мне никто не выписывал, да и... знал я, на что иду. И когда за Переверзевым лез, и когда к Вербицким шёл. Хорошо ещё, что прямо сейчас никто в подаватели не закатывает.

— Кстати, а с чего у тебя такая нелюбовь к карцеру-то? — Вдруг поинтересовался полковник, а заметив мой взгляд, напрягся. — Нет, я понимаю, место неудобное и долго там не просидишь, но... два часа-то выдержать можно, разве нет?

— Не два, а двадцать. — Ощерился я. — Вечером доставили, запихнули в этот «кубик», через несколько часов вытащили на допрос и убрали обратно. И только перед тем как выпустить, перевели в обычную камеру, где я и получаса не пробыл. Как результат, купированный дар. Была надежда, что «доплетусь» до воя, а после карцера выяснилось, что новик, мой «потолок».

Вербицкий нахмурился и уже открыл было рот, чтобы что-то спросить, но тут в кабинет вошла Мария с подносом и, довольно улыбаясь, принялась выставлять на стол графин с плещущейся на донышке янтарной жидкостью, пару хрустальных «тюльпанов», кофейный прибор и... пепельницу. Наблюдательная дочка растёт у полковника, хм. Я благодарно кивнул и...

Затрезвонивший на руке браслет заставил меня дёрнуться. Этот сигнал я выставлял только на домашнюю сигнализацию... **ЧАСТЬ V. ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Глава 1. В тиши кабинетной...

По логике, я должен был бы бросить всё и мчаться домой, выяснять что там происходит и почему сигнализация, подав истошный вопль вдруг заткнулась, а все имеющиеся в доме, фиксаторы отключились ровно через шесть секунд после сигнала тревоги. Должен бы, но... признаю, некоторые стороны политики государственного nepoтизма мне начинают нравиться.

В общем, вместо меня в Сокольники отправилась группа «специалистов» Пятого стола. Благо, базируются они в «древнем пристанище» Преображенского приказа, а именно, чуть ли не в центре одноименного села. Вообще, весьма характерное соседство. С одной стороны, под боком зимние квартиры Преображенского полка, а с другой, до боярского городка рукой подать. Честное слово, иногда я начинаю думать, что государь неспроста держит такой «набор инструментов» по соседству со своими владетельными подданными. Впрочем, сейчас мне было не до того. Мне очень не нравилась воцарившаяся вокруг меня и моего дома суэта и, сидя в уютном кабинете Вербицкого, я пытался понять, кому и зачем вообще могло понадобиться устраивать весь этот переполох. Слежка... попытка давления приказных... и уже второе нападение на дом. Кому и зачем это могло понадобиться? Уточню, для кого эта игра настолько серьёзна, что он... или она... не остановился даже перед смертью двух сотрудников

Преображенского приказа, несмотря на опасность обратить против себя государственный механизм, со всеми вытекающими последствиями?

Чёрт! И почему во время первого налёта, у меня не было чуть больше времени? Хотя архаровца бы того с толком допросил бы! Так ведь нет. Налетели, скрутили... а теперь... хоть с ещё одной просьбой к Вербицкому лезь. Нет, не то что бы я его упрашивал помочь мне сейчас с проверкой дома, тут Анатолию Семёновичу хватило одного взгляда. Он моментально понял, что дело не в школьных проблемах и, парой вопросов уточнив ситуацию, вызвал «кавалерию», без единой просьбы с моей стороны.

— Кирилл? — Хозяин дома выжидающе взглянул на меня, когда я щёлкнул пальцами. — Ты что-то вспомнил?

— Да, Анатолий Семёнович. Полагаю, вся эта ситуация с нападениями и моим незаконным удержанием в карцере вас интересует не только в разрезе происшествия с двумя приказными? — Уточнил я.

— Разумеется. — Пожал плечами мой собеседник. — Я думал, ты это уже понял... тем более, в свете нашего недавнего разговора, у меня появились и личные причины в этом деле. А что?

— Да я вот сейчас вспомнил, что в больничном крыле Приказа должен находиться один из тех налётчиков, из-за которых я угодил в гости к вашим коллегам. — Протянул я.

Никогда не понимал выражения «сделал стойку»... до сего момента. Обозвать иначе произошедшие с Вербицким метаморфозы, я не могу.

Вопросы посыпались, как из рога изобилия. Кто, когда, зачем, почему... Успокоился мой собеседник, только связавшись с больницей и убедившись, что мой «трофей» на месте и покидать место своего нынешнего пребывания, то есть, реанимационное отделение, не собирается.

Дождаясь доклада посланной к моему дому группы, мы успели посидеть за столом, где я познакомился с матушкой моей одноклассницы. Весьма... эффектной дамой, возраст которой с трудом определил бы даже гений пластической хирургии. Впрочем, учитывая и без того немаленькую продолжительность жизни одарённых вообще, и контроль Эфира у этой дамы в частности, могу предположить, что скальпель врача никогда не касался её нежнейшей белизны кожи. Целитель... и явно целитель не из последних. Достаточно «принюхаться» к той ауре покоя и безмятежности, что с профессиональной «дозировкой» и точностью распространяет вокруг себя дражайшая Василиса Тимофеевна, чтобы тут же вспомнить штатного эскулапа Громовых... Очень схожие ощущения. А если вспомнить профессионализм Иннокентия Львовича, в общем... с интересами супруги хозяина дома всё понятно и прозрачно. Правда, судя по чёткости всё того же эфирного следа, она не мастер, подмастерье... может быть. Уровня того же Хромова, но медицинскими техниками явно владеет виртуозно. Хорошо...

Вопреки моим ожиданиям, ужин не сопровождался «светской» беседой, и был... по-домашнему уютен. Может быть, это и был результат старания женской половины дома показать себя белыми и пушистыми, и вообще самыми лучшими в будущем союзниками и друзьями, но я был благодарен им за подаренные минуты спокойствия, рассчитывать на которые, в свете имеющихся новостей я не мог.

Но, как бы то ни было, ужин не продлился достаточно долго, чтобы я окончательно расслабился, а потому, едва мы оказались снова в кабинете Вербицкого, вернулся к своим размышлениям... Было, было у меня ощущение, что я что-то упустил, и мне хотелось

восстановить весь ход нашей беседы с Вербицким до ужина, но... не судьба, кажется. Стоило закрыться двери кабинета, а на столе возникнуть бокалу гранатового сока для меня и уже знакомого коньячного набора для хозяина дома, как последний, раскурив ароматную сигару, тут же отвлёк меня от раздумий-воспоминаний.

— Кирилл, а ведь для тебя, известие о возможном возвращении в именитые было неожиданностью, а? Я имею в виду, главой собственного рода, а не вхождением в чужой, примаком или боярским сыном... — Поинтересовался Анатолий Семёнович.

— Не скрою. Прежде такая мысль мне и в голову не приходила. — Кивнул я и, окинув взглядом выжидающе посматривающего на меня Вербицкого, договорил. — Да и желание, тоже.

— Хм... Интересно. Ты настолько неамбициозен? — Тихо проговорил он. — Любой юноша твоего возраста, даже раздумывать не стал бы, представься ему подобная возможность.

— Я, может быть и юн, но не идиот. — Пожал я плечами. Ты хотел честности? Ты её получишь. — Не забывайте, я не только читал истории о богатырях и самоотверженных боярах, чья жизнь — служение трону и стране. Но и видел, как это выглядит... изнутри, так сказать. И не могу сказать, что нашёл много совпадений меж провозглашаемым и действительным. Гордости за предков, переходящей в надменность, хоть отбавляй. Надменности богатеев переходящей в форменное чванство, ещё больше. А вот со служением... как-то глухо.

— Хм... — Вербицкий кивнул, словно приглашая продолжить. Да пожалуйста.

— Знаете, после пира у Бестужевых, я, впечатлённый количеством гостей и их разнообразием в занятиях и интересах, решил поинтересоваться статистикой занятости именитых. — Медленно продолжил я. Глаза Вербицкого удивлённо распахнулись во всю дарованную природой ширь. А это немало...

— Какой... оригинальный интерес... — Справившись с собой, проговорил мой собеседник и закончил уже нормальным тоном... для обретения которого, ему пришлось смочить горло добрым глотком коньяка. — И где же ты отыскал такие сведения?

— Обычный запрос в поисковике Герольдии. — Пожал я плечами. И да, да, это была идея Ольги. Но ведь сработало же!

— Открытый запрос?! — Вербицкий подобрался.

— Ну да. — Кивнул я. Мой собеседник шумно выдохнул и добил оставшийся в бокале напиток.

— И?

— Что «и»? По сведениям Герольдии, лишь две десятых представителей боярских родов заняты на той или иной службе. Остальные же... «радеют о процветании рода на семейных предприятиях». Как-то маловато, для опоры трона и вернейшей части подданных, не находите, Анатолий Семёнович?

— Да уж. — Тихо согласился тот. — И какой смысл, спрашивается, в секретности, если закрытую информацию уровня «ДСП» и «СС» можно отыскать, просто заглянув на инфор Герольдии?! Бардак.

— От такого результата, я ещё полчаса в себя приходил. — Старательно пропустив мимо ушей слова собеседника, я продолжил. — И желание вращаться в свете, этот факт поубавил больше,

чем весь мой невеликий опыт общения с боярами.

— Хм. Понятно. А чем же ты собирался заниматься... вне света? — Вербицкий явно оправился от известий. Быстро он. Впрочем, чего еще можно было ожидать от руководителя такой структуры, как Пятый стол?

— У меня талант к Эфиру. И отец и дед были грандами... — Пожал я плечами. — А отец, так вообще успел заключить договор с Валентином Эдуардовичем... боярином Бестужевым, я имею в виду... об открытии школы.

— Талант, это хорошо. — Задумчиво покивал Вербицкий. — Но, когда ты сможешь подтвердить его статусом?

— Чисто технически, я мог бы уже сейчас преподавать... по стандартной методике. Но активы школы заморожены до моего восемнадцатилетия. — Я развёл руками. — Так что, придётся подождать.

— Кхм... Мастер в пятнадцать лет. — Полковник вздохнул и, плеснув себе ещё коньяку, щёлкнул пальцем по своему браслету. — А... он, в курсе?

— Да. И не в пятнадцать, а в четырнадцать. — С тщательно... э-э-э наверное, всё-таки демонстрируемой, чем скрываемой гордостью, ответил я.

— Теперь понятно, почему на твоём деле гриф «Корона». — Заключил Вербицкий и, потерев ладонью лоб, с интересом уставился на меня. — Знаешь, я в очередной раз поймал себя на мысли, что не зря поторопился с изложением своей просьбы. Думаю, приди я к тебе с предложением о боярстве хотя бы через три года, и не факт, что ты согласился бы на эту идею. Это, если бы я вообще, смог тебя отыскать под защитой Государя.

— Думаю, смогли бы, Анатолий Семёнович. — Улыбнулся я. — Уверяю вас, что моя школа Эфира к тому времени стала бы уже достаточно известна... хотя, почему стала бы, будет известна. Ручаюсь.

— Да-да. Вот только любой «неправильный» интерес к ней, будет грозить большими проблемами. Уж что-что, а травить неугодных умеют не только бояре. Государь наш, как и его родственники, тоже не отличаются в этом плане, особым добродушием. — Усмехнулся Вербицкий. Ничуть не сомневаюсь. У именитых, это, кажется, вообще искусство из искусств...
Хм. Глава 2. Экстатический восторг или экзотика кстати

На этот раз, налёт на мой дом почти удался. Силовики Вербицкого повязали визитёров как раз в тот момент, когда те уже увлечённо громили обстановку. Пяток мордоворотов явно криминального вида, были немало удивлены, когда ворвавшиеся через несколько минут после них, суровые дядьки в темно-серых комбезах без знаков различия, наставили на незваных гостей весь свой немалый арсенал. Ну а дальше... дальше всё было просто. Короткий предварительный допрос на месте, затем доставка в Преображенское, на базу Пятого стола и уже куда более серьёзная и вдумчивая беседа. Правда, выдавить из хитровской отморози хоть что-то полезное не удалось. Наняли их в какой-то забегаловке, предложив «по-быстрому сшибить деньгу на хулиганке». Обозначили объект, объявили цену и... отправили бить горшки. Кто нанял? Какой-то холёный тип, явно «не из их песочницы», холёный, но неприметный. Одет по погоде, легкое пальто, шляпа... ботиночки у него недешёвые и чистые, явно не пешком наниматель до той забегаловки добирался.

Искать этого типа по описанию, дело гиблое. Кафешка, где зависали «хитрованы» фиксаторами не оборудована... точнее, они там перманентно разбиты... как и на соседних с забегаловкой улицах. Ну да, среди криминалитета тоже умные люди имеются, что свои физиономии светить не любят. Было бы удивительно, если б было иначе.

В общем, как заверил меня Вербицкий, поиски будут вестись, но рассчитывать на результаты по имеющимся следам, было бы слишком оптимистичным. В худшем случае, ниточка оборвётся на краденых номерах авто, доставившего заказчика в «мертвую зону», а в лучшем... выяснится, что он сам просто посредник и в глаза не видел настоящего нанимателя. Ну да, значит, будем ждать следующей выходки моих недоброжелателей... Бесит. А тут ещё и эти дуэли, о которых я, признаться, успел позабыть. Спасибо Вердту, напомнил! Да что ж за херня вокруг творится, а? Будет у меня хоть несколько дней покоя?!

Я потёр виски, пытаюсь избавиться от накатившей головной боли, но, поняв, что таким примитивом дело не поправить, «нырнул» в себя. Медитация хороша не только, как метод сосредоточения... м-да. Если бы меня ещё не отвлекали от неё...

— Кирилл Николаевич, я вам не мешаю своим бубнёжем? — Наш «классный», чей урок как раз сейчас я и пытался скрасить процессом самолечения, остановился возле моей парты. Он ещё улыбается...

— Нисколько, Иван Силыч. — Протянул я и, не дожидаясь пока до «классного папы» дойдёт смысл моих слов, поднялся со своего места. — Разрешите покинуть занятие...

— Хм... Надеюсь, у вас есть уважительная причина для столь стремительного ухода? — Чуть прищурился Иван Силыч. М-да, эту выходку он мне ещё припомнит, кажется. Да и чёрт с ним.

— Есть. — Кивнул я, начиная собирать рюкзак.

— Ну что ж, тогда не смею задерживать, Кирилл Николаевич. Отметку о вашем отсутствии я проставлю сам. — Поняв, что более развернутого ответа он не дожждётся, проговорил учитель.

— Благодарю, Иван Силыч. — Я подхватил свой баул и вывалился из кабинета, чувствуя на себе взгляды всего класса.

Оказавшись на улице, в седле «Лисёнка», я облегчённо вздохнул и, защёлкнув фиксатор шлема, поддал огня. Другое дело. Мне просто необходимо немного развеяться. А что может быть лучше для проветривания мозгов, чем покатушки на мотоцикле? Впрочем... хм. А почему бы и нет? В конце концов, мне не только нужно обзавестись заменой рюгерам, но и приобрести что-то из «холодняка» для грядущей дуэли, а миллионы женщин Там уверяют, что шопинг тоже неплохо спасает от дурного настроения. Вот и совмещу проверку их утверждения с хорошим делом.

Движок ревёт, щит послушно принимает на себя потоки жижи, летящей из-под колёс, мотоцикл катит вперёд, легко и непринуждённо обходя попутные машины, пожирая километр за километром и приближая меня к Замоскворечью, где, если верить карте браслета, транслируемой на стекло шлема, располагался один из самых больших оружейных торговых города.

Действительно, большой. Упаковав шлем в рюкзак, на входе, я шагнул внутрь и невольно присвистнул. Это ж целый торговый центр! Огромное количество всевозможных лавок, площадью от нескольких квадратных метров, до огромных магазинов сияющих десятками натертых до блеска витрин. Всевозможная экипировка, от одежды до стропорезов, оружие, от

дамских «игрушек» и охотничьих длинностволов, до лёгких спортивных «винтовок» и штурмовых комплексов, увешанных грозными предупреждениями: «Только по лицензии»... И чего я, спрашивается, раньше не поинтересовался этим местом? Глядишь, и не пришлось бы заморачиваться с «трещоткой»... Хотя... «чистый» ствол, штука хорошая, нужная... Особенно, учитывая творящиеся вокруг непонятности. Нет-нет, да и пригодится. Хм, а вот обзавестись легальным оружием под тот же «заряд», было бы неплохо. Совсем неплохо. Унификация, наше всё... всегда и везде... правда, лучше не во всём. Мэру надо знать.

Не могу сказать, что кого-то из торговцев удивил пятнадцатилетний пацан фланирующий меж стоек с оружием и различным снаряжением, нет, поглядывали, конечно... но так, исключительно для порядка. А когда я заинтересовался парой «Берреров» Зауэра, мощными автоматическими стволами под знакомую мне «стрелку», один из приказчиков тут же нарисовался рядышком. И ничуть не смущаясь возрастом возможного покупателя, начал заливаться соловьём о непревзойдённом качестве творения сумрачного тевтонского гения, не забыв мимоходом упомянуть, что это оружие предназначено исключительно для одарённых. А то я не знаю... В «Девятке» не раз из такого стрелял. Хорошая машинка. Мощная, скорострельная... но не слишком. Под разгоном, с такой работать одно удовольствие.

— Сколько?

— Хм-м. — Продавец споткнулся на полуслове, хлопнул белёсыми ресницами... — Восемьсот семьдесят рублей.

— Две штуки, пожалуйста. И пару коробок зарядов к ним. С кристаллами, разумеется. — Кивнул я.

— Заряды... русские, немецкие? — Тут же, спохватившись, затараторил приказчик... сразу, как только сверил данные моего «официального» браслета. — Я бы рекомендовал немецкие, производства тех же Зауэр унд Зон.

— Благодарю, но нет. Вон там, на стойке я вижу у вас «Русские чёрные». Давайте их.

— Эм, но они «пустые». — Предупредил меня продавец. — И дороже.

— И всё-таки. — Я покачал головой. Приказчик, в ответ, пожал плечами и, замолчав, принялся выгружать на прилавок заказанное. А пока перед ним росла куча положенных «в нагрузку» прибабасов, я крутил головой, рассматривая то, что не успел увидеть, пока ходил от витрины к витрине. Вот за стеклом одной из них, я и увидел... их.

Лет десять назад, когда я уже обжился в Центре, приезжал к нам один удивительной судьбы дедок. Нет, я не знал историю его жизни, и личного дела не читал. Но кто скажет, что гуркха в средней полосе России, это не удивительно, пусть бросит в меня камень. А дедок был самым настоящим гуркхом и, несмотря на почтенный возраст, боевым донельзя. Кажется, его войны начались ещё до Фолклендов, которые он, кстати, тоже зацепил. И продолжались до середины девяностых в местах, историей не освещаемых. По крайней мере, при жизни участников.

Уж как этого джемадара занесло в наши пенаты, я не представляю, тем не менее, старичок великолепно устроился у нас в Центре и полюбил гонять чай в компании нескольких постоянных обитателей базы. Среди которых, был и я... Сдружились мы с этим служителем Кали, хоть и не одобрял он моего учительства... Правда, когда я попытался дознаться у него, что же заставляет «коллегу» общаться с человеком, чью работу он считает недостойной, и мало того, что общаться, ещё и учить его... жизни, старик только хмыкнул что-то вроде: «Ей нравится смотреть из-за моего плеча на того, кто стоит за твоим»... не дословно, конечно, но

как-то так. С русским у гуркха было и по трезвянке не очень, а уж после «чая»... в общем, чудо, что я хотя бы это разобрал. М-да уж... славный был дед. Одарённый, кстати, но, как я понял, среди ему подобных это было скорее правилом, чем исключением.

И вот, спустя десять лет, стою я посреди торгового зала оружейного магазина в ином мире и реальности, и самым пошлым образом пялюсь на знакомые хищные обводы ножей, занятием с которыми начинал когда-то каждое утро тот самый удивительный пьяница-гуркх. Уж поверьте, ЭТИ кхукри, украшенные «посвящением» Кали, я опознаю из тысяч.

— Сколько? — Наверное, что-то случилось с моим голосом, потому что перебивавший за стойкой мои покупки, приказчик нервно дёрнулся. Покрутив головой, он, наконец, определил, на что именно я указываю и еле слышно снисходительно фыркнул.

— Это вам надо спрашивать у их владельца. Но я думаю, он их вам не продаст. Он их уже лет пять на витрине держит и никому не продаёт... Зачем только выставил?

Да плевать мне, что думает торгаш! Я же этому чёртову джемадару за них чего только не предлагал! А он всё усмехался: придёт время, получишь. Как знал, старый... Кхм... А ведь я начисто забыл и о гуркхе и о его ножах... пока вот, не столкнулся.

Не знаю, что послужило причиной, но появившийся на зов приказчика владелец соседней лавки, обычный русак, кстати говоря, только окинув меня взглядом и услышав вопрос, кивнул.

— Пять тысяч. За каждый. — Обронил продавец и, клянусь, я услышал, как загрохотала по полу челюсть приказчика, всё ещё возившегося с оформлением моих зауэров.

Да уж, цена не детская, но... может прав был гуркх? Зачем-то ведь они попались мне на пути именно сейчас? А послезавтра, кстати говоря, у меня вторая дуэль... с холодным оружием, между прочим. Ха! Судьба, однако...

Я честно старался выглядеть невозмутимым, переводя со своего счета десять тысяч полновесных рублей, но... впрочем, давешний приказчик пребывал в таком заторможенном состоянии, что вряд ли смог бы оценить мои актёрские потуги по достоинству. А вот продавец кхукри, только что облегчивший мой счёт на круглую сумму, явно был доволен.

— Пусть они служат вам, как служили хозяйке. — Русак-то он русак, но до чего же знакомые повадки, а...

Приняв у продавца завёрнутые в ткань и уложенные в пакет кхукри, я вернулся к стойке, где меня уже дожидался кофр с Зауэрами. Избавившись ещё почти от двух тысяч рублей, я подхватил покупки и, кое-как упиав их в рюкзак, осторожно двинулся дальше. Осторожно, потому как совсем не горел желанием лишиться ещё большей суммы денег. А здесь, как оказалось, это проще простого. Впрочем, насладиться променадом мне не дал звонок близняшек. Учёба продолжается... несмотря ни на что. **Глава 3. Не суйте росوماху в колесо...**

Ольга проводила взглядом устало забирающихся на заднее сиденье вездехода близняшек и, махнув им на прощание рукой, побрела обратно в дом. Сегодня, Кирилл превзошёл самого себя... в учительском рвении. Так, за всё недолгое время занятий у него, девушки ещё никогда не выматывались. Бестужева прикусила губу и вздохнула. Можно было бы предположить, что этому «авралу» поспособствовали новости о грядущем визите одного из старших Громовых,

назначенном на двадцать пятое число... но, высказанное вслух предположение об этом, Кирилл встретил абсолютно равнодушно. Точнее, как подсказывала установившаяся между ними связь, причины нервного состояния, в котором находился наречённый, крылись в чём-то другом... Ольга задумчиво провела рукой по длинной царапине, неизвестно когда успевшей «украсить» обеденный стол, и нахмурилась. Этого не было в её прошлый визит.

Взгляд девушки заскользил по комнате, наткнулся на треснувший камень в каминной кладке, потом на треснувший подоконник... если можно так назвать дубовую доску двух дюймов толщиной... и ряд широких, ещё свежих царапин на деревянной обшивке потолка, словно оставленные когтями гигантской кошачьей лапы, а потом взгляд упёрся в новенький чайный сервиз, из которого их компания сегодня пила чай. Последней каплей стал замеченный боярышней помятый бок любимого самовара хозяина дома. Что здесь произошло?!

Тряхнув головой, Ольга решительно... но медленно двинулась к выходу на веранду. Быстро, после сегодняшнего занятия у неё всё равно бы не получилось. Зато с решительностью всё было в порядке.

Распахнув настежь дверь, в которую тут же с радостным свистом устремился холодный ноябрьский ветер, Ольга шагнула на порог и... застыла на месте.

Кирилл, закрыв глаза, медленно, стелящимся шагом перемещался по песчаной площадке своего импровизированного полигона, а вокруг него... сначала, Ольга приняла этот блеск за один из «активных» щитов Воды, но тут же усомнилась. Во-первых, для формирования «Капель», боец должен иметь статус, не ниже воя, во-вторых, эти самые «Капли» должны вращаться вокруг тела стихийника, а не следовать за его ладонями, а в-третьих... ну не гудит этот щит, как растревоженный пчелиный рой.

Словно почувствовав, что за ним наблюдают, Кирилл остановился, и мерцающие всполохи вокруг рук исчезли, оказавшись двумя странно изогнутыми ножами, рукояти которых сами собой легли ему в ладони... впрочем, почему «словно»? Именно, что почувствовал. Юноша обернулся к наблюдающей за ним Ольге, и улыбнулся. Только сейчас она поняла, что не чувствует в нём той взвинченности, переходящей в раздражение, которой он «фонил» весь урок. А сейчас, её и вовсе накрыло волной нежности накатившей от Кирилла, на которую Ольга не могла не ответить.

Очнулась она, только оказавшись в его объятиях, услышав чуть хриплый голос.

— Ой-ёй, милая... Полигон в ноябре, не самое лучшее место для таких занятий. — И словно подтверждая слова Кирилла, по площадке ударил снежный заряд, ничуть не ослабленный окружающим владение частоколом голых деревьев.

— Ну, уж на купол-то нас точно хватит. — Промурлыкала Ольга, сильнее прижимаясь к наречённому.

— Нет уж, нет уж. Я не намерен отвлекаться даже на такую малость. — Проговорил он, как-то неуклюже разводя руки в стороны. — Идём в дом.

Ольга с сожалением отстранилась и, сделав шаг назад, тихо хмыкнула. Теперь понятно, почему жест Кирилла показался ей таким неуклюжим. Ножи из его ладоней никуда не делись, и он просто не хотел, чтобы девушка порезалась об их странные вогнутые лезвия. Да и сама хороша! Додумалась же, когда в объятия кидаться...

Кирилл, поймав недовольство Ольги, успокаивающе кивнул.

— Всё в порядке. Просто, нам нужно немного привыкнуть... обоим.

И тут, её наречённый сделал нечто, что заставило Ольгу недовольно поморщиться. Как-то привычно и обыденно перехватив ножи, Кирилл сделал ими пару небольших надрезов на пальце, после чего, аккуратно протерев лезвия, так же стремительно и уверенно отправил странные клинки в ножны на поясе.

— Что? — Уловив недоумение наречённой, Кирилл приподнял бровь.

— Мальчишка. — Вздохнула Ольга, покачав головой. — Я всё время забываю, что ты всё ещё пятнадцатилетний мальчишка...

— Хм. Может быть. — Кирилл улыбнулся и, «закрыв» надрезы, вновь её приобнял, на этот раз за плечи, и проговорил, подталкивая в сторону веранды. — Идём домой. Холодно, и есть хочется.

Ольга покосилась на наречённого и, кивнув, двинулась вперёд. Медленно-медленно. И куда только делась та стремительность, с которой она оказалась в кольцо его рук, минуту назад?

— Нет, так дело не пойдёт. — Покачал головой Кирилл, обволакивая девушку своим сочувствием. И где оно было, хотелось бы знать, когда он гонял учениц по полигону?! — Эдак, мы ужинать сядем в полночь, а до кровати доберёмся и вовсе к утру.

А в следующую секунду, Ольга почувствовала, как её тело, подхваченное не по-мальчишечьи сильными и крепкими руками, взмывает в воздух. Миг, и она уже на руках у Кирилла. Мр-р...Всю жизнь бы так провела...

— Как мало нужно некоторым для счастья. — Фыркнул голос у неё над ухом. Послушная воле эфирника, дверь в дом распахнулась, а когда Кирилл перенёс Ольгу через порог, так же послушно захлопнулась.

* * *

После недолгого, ввиду нашего, разгулявшегося аппетита, ужина, мы устроились чаёвничать. Точнее, Оля с наслаждением пила чай, а я, вооружившись чашкой кофе и вечерней сигаретой, устроился на своём излюбленном подоконнике. Наречённая недовольно покосилась на тонкую струйку дыма, который, закручиваясь спиралью, вытягивался в приоткрытую форточку, для верности направляемый лёгкой воздушной техникой, но промолчала. И правильно. Мои невеликие возможности новика с лёгкостью удаляют все, без исключения, «внешние» последствия курения, а целительские эфирные приёмы гарантированно сводят на нет возможность появления любых заболеваний, связанных с этой дурной привычкой. Зато эффект релаксации остаётся. А мне большего и не надо.

— Кирилл, ты не хочешь мне рассказать, что здесь произошло? — Оля постучала ноготком по вмятине на блестящем боку самовара.

— Воры залезли. — Хмыкнул я. — Или хулиганы...

— Вот как... — Девушка демонстративно чиркнула пальцем по длинной царапине, пересёкшей стол. — А ты...

— А я, в это время был на важной встрече. Получил сигнал системы... за настройку которой,

кстати, я тебе до сих пор должен... и вызвал наряд полиции. Собственно, то что ты видишь, это результат их встречи.

— Однако... И кому мог понадобиться стоящий на отшибе дом, в котором и брать-то нечего... — Протянула Оля.

— Это для тебя или даже для меня. А для некоторых, одна только видеопанель стоимостью в шестьдесят рублей, уже прибыль, и немалый.

— Так у тебя же её нет. — Нахмурилась она.

— Ну, они же этого не знали. — Пожал я плечами. — Да ладно... ерунда это всё. Вчера приходил околоточный надзиратель с техниками, заключили договор. Так что, теперь, если кто и полезет ко мне в гости без спроса, наряд я вызову одним сигналом на пульт.

— Хм... — Оля смерила меня изучающим взглядом. — Значит, есть ещё что-то...

— В смысле? — Не понял я.

— Ты сегодня был очень взвинчен. Потом, вроде бы немного успокоился, а сейчас вот, снова начинаешь нервничать. Вторую сигарету закурил. — Объяснила она.

М-да уж, Шерлок Холмс в юбке... я перевёл взгляд на стройные ножки наречённой... точнее, в халате. Коротеньком таком, лёгком халатике, под которым...

— Кирилл! — Оля возмущённо уставилась на меня, явственно покраснев... и вряд ли от смущения. — Не сбивай меня!

— Всё-всё-всё. — Смеясь, я поднял руки в жесте сдающегося, одновременно чувствуя, как тугая пружина сжимавшаяся где-то внутри меня в последние дни, лопается, с почти слышимым звоном. Надо же, отпустило...

Ольга только взвизгнула, когда я, вновь подхватив её на руки, устремился в спальню. Нет, уже когда я был на пороге, она попыталась что-то сказать, но... трудно говорить, целуясь. Очень.

Утро... хмарь за окном... Да и чёрт бы с ней. В постели тепло, рядом уютно сопит Оля... хо-ро-шо.

— Кирилл... а тебе не пора? — Голос, раздавшийся рядом, заставил меня вздрогнуть. Надо же, я даже не заметил, как она проснулась. Повернувшись, я заглянул в глаза наречённой... и сна в них не было. Вообще.

— Ты зачем закрылась? — Поинтересовался я. Пора-то, пора, но ей откуда это знать?

— Мне надо было подумать. — Вздохнула Оля и повторила вчерашнюю фразу. — Ты меня не сбивай. Лучше ответь... с кем у тебя дуэль?

— Нет, ты не Холмс. За ночь я в этом убедился и не раз... — Вздохнул я. — Но в предках у тебя явно затесался не один десяток детективов. Как догадалась?

— А с чего ещё, вдруг, ты стал бы вчера упражняться с этими ножами? — Она пожала плечами. — Будь это обычная тренировка, ты выбрал бы другое время, согласишься... и не ограничился бы получасовой разминкой. Итак, с кем у тебя дуэль?

— С неким Аристархом Владимировичем Бродовым. — Признался я, и блок Ольги рухнул от поднявшегося страха.

— Кирилл! Он же бретёр! Профессиональный убийца! — Вот так, так... Я потёр переносицу. Интересно, а почему Леонид мне об этом не сообщил, когда готовил свою «справку», неужто не знал? **Глава 4. Росомаха не белка...**

На встречу с Бродовым я ехал в довольно мрачном настроении. И вовсе не потому, что был расстроен ошибкой Леонида. Вовсе нет. Бестужев-младший, действительно, вполне мог и не знать о том, что мой противник, фактически, наёмный убийца. Ольга, например, узнала об этом совершенно случайно, когда один из её однокурсников оказался втянут в дуэль с этим человеком. Точнее, подставлен под его клинок, с закономерным и печальным итогом.

Ничего удивительного в такой «неизвестности» я не вижу. Любой такой «бретёр» будет стараться избегать подобной славы, ведь одно дело, честная дуэль, и совсем другое, прикрываемое фиговым листочком дуэльного кодекса, убийство, за которое родные жертвы могут и отомстить... точнее, наверняка, будут мстить. И если «справочная» Бестужевых не владеет информацией относительно Бродова, значит... значит, он, как минимум, умён и предусмотрителен. Хм... собственно, такой вывод можно сделать и исходя из его выбора оружия. Чистая сталь... в двадцать первом веке, даже в таком патриархальном и традиционном обществе, как боярство, она довольно редко прописывается условием в дуэльных протоколах, как ни крути. И настоящих профессионалов обращения с острым железом можно пересчитать по пальцам. Нет, боярских отпрысков и неименитых родовичей, конечно, обучают обращению с длинноклинковым оружием, но проходит эта учёба по тому же списку, что и рукопашный бой. Исключение составляют лишь гвардейцы... по крайней мере, те из них, что используют ЛТК и ТТК... так называемая «кавалерия». А Кирилла, как и большинство родовитых, учили, фактически, только началам фехтования. А это значит, что сейчас я нахожусь примерно в тех же условиях, что и мои прежние противники... Поправка: находился бы, если бы не два ножа, что сейчас покоятся в ножнах на моем поясе и не школа старого пьяницы-джемадара...

Не могу сказать, что я такой уж титан обращения с кхукри, в этом деле до урождённых гуркха мне далеко. Эти сумасшедшие начинают обучение своих детей, когда тем лет пять исполняется, но... сомневаюсь, что Бродову доводилось сталкиваться с мастерами-гуркхами. Да и... что не даст умение, то можно нагнать скоростью и силой. Подло использовать Эфир там, где предполагается «честная схватка на мечах»? К чёрту. Мой противник, не ангел с крылышками, и настоящие причины нашей дуэли кроются отнюдь не в вопросах чести. Так что, главное прикрыть возмущения в Эфире, чтобы секунданты не засекли использование Дара, и моя совесть может спокойно спать дальше. Жаль только, что придётся отказаться от телекинеза. Как показал вчерашний недолгий опыт, попутно, кстати, раскрывший тайну некоторых фокусов джемадара, продемонстрированных им как-то... после чая... так вот, судя по вчерашнему опыту, самостоятельно «летающие» ножи, могли бы стать очень и очень неприятным сюрпризом. Ну да ладно, обойдусь. Это же не последняя моя дуэль, всё-таки. Успею ещё опробовать приёмы одаренного джемадара Шива... Хм. Стоп. А вот самонадеянность, это уже плохо. Надо успокоиться.

Оказывается, некоторые формы медитации вполне можно использовать, даже за рулём мчащегося по дороге мотоцикла... без последствий, в виде аварий и прочих неприятностей. Я притормозил на светофоре и, свернув в переулок, медленно покатыл мимо высоких домов, нависающих надо мной и превращающих переулок в эдакое ущелье. Ага! Вот и нужный мне въезд во двор.

— Кирилл, вы уже здесь! — Вердт, довольный, как обожравшийся сметаны кот, оказался рядом со мной, едва я заглушил двигатель «Лисёнка» в гулком дворе-колодце. Хм, а неплохое место выбрал мой противник. Я покрутил головой, отмечая слепые, замазанные белой краской окна явно пустующего дома и, «принюхавшись» к окружающему пространству, довольно кивнул. Пусто, как и следовало ожидать. Бродов в очередной раз подтвердил моё мнение о нём, как об умном человеке. Иначе, он непременно посадил бы в доме пару-тройку «помощников», вооружённых чем-нибудь стреляющим. Всё-таки, смерть от разрывного заряда во время дуэли на холодном оружии, была бы... несколько необычна, мягко говоря.

Я скинул с головы шлем и, устроив его на сиденье «Лисёнка» улыбнулся идущему навстречу гвардейцу.

— Здравствуйте, Вячеслав. Вот, решил приехать чуть пораньше, осмотреться на месте...

— Это дело. — Кивнул Вердт, окидывая взглядом пустой двор. — Кстати, Кирилл, не удовлетворите моё любопытство, пока наши оппоненты не прибыли?

— Слушаю вас, Вячеслав.

— Как получилось, что выбор оружия и места проведения дуэли остался за вызывающей стороной? Ведь по традиции, выбор оружия обычно остаётся за вызванной стороной.

— Случайность, Вячеслав. Обычная случайность. — Пожал я плечами. Ну не объяснять же, что ушлый Бродов специально выстроил наш диалог так, чтобы выбор хотя бы оружия остался за ним. Место? Это уже, действительно, случайность... по-моему. А вот время выбирал уже я.

— Странная случайность. — Потёр подбородок Вердт, но тут же задумчивость куда-то слиняла из его глаз. — Впрочем, если вас всё устраивает... кстати, а вот, кажется, и противник.

Из въездной арки действительно донёсся гул двигателя и на пустырь вкатил... ну да, очередной вездеход. Такой же толстяк «АМО», как и припаркованный у стены дома автомобиль Вердта. Хотя, в данном случае, подобный транспорт куда предпочтительнее. Всё-таки, перевозить в джипе раненого куда удобнее, чем в легковом авто... Да и труп, если такой образуется. Ну не в багажнике же его везти? Эдак можно и оконфузиться перед родными проигравшего, которым, по традиции, победитель и должен лично доставить тело, после дуэли.

Бродов, высокий подтянутый... движется легко, как танцор или... фехтовальщик, разумеется. Чуть тяжеловатая челюсть, небольшие глубоко посаженные глаза смотрят без всякого выражения. В них не заметно ни превосходства, ни скуки или азарта. Ничего. Так смотрит медведь... абсолютно невыразительное, хотя и запоминающееся лицо. Оружие? Тяжёлая шпага... почти меч. Не силен в истории холодняка, но кажется, это испанский вариант. А если речь об Испании... Дестреза? Хм...

Я заметил взгляд, который мой противник бросил на ножны у меня на бёдрах и попытался прислушаться. Нич... а, нет. Не прав. Господин Бродов удивлён, но виду не подаёт. А вот настороженности нет. Уже хорошо.

Пока секунданты были заняты последними приготовлениями и делали финальное предложение о примирении, мы с моим оппонентом так и стояли друг напротив друга. Молча смотрели, оценивали. Наконец, на наших запястьях замкнулись подавители... Главное, теперь, не показать настоящую скорость под разгоном и при этом остаться быстрее противника. Иначе, все мои ужимки по скрытию воздействий в Эфире, окажутся просто бесполезными. Не переборщить и... не медлить.

Вердт недовольно покосился на своего «подопечного». Да, дуэль на холодном оружии подразумевала некоторую вольность в выборе клинков, и Бродов согласился с тем, что его противник будет биться ножами. Да и сам Кирилл не возражал сойтись в схватке с ножами против шпаги... и даги. Но... не глупость ли это? С другой стороны, оружие необычное, и возможно заставит Бродова осторожничать хотя бы до тех пор, пока он не присмотрится к его возможностям. А это шанс для Кирилла...

Гвардеец-бронеходчик вздрогнул от неожиданного возгласа второго секунданта: «Бой»! И противники двинулись навстречу друг другу. Вердт ожидал, что вот сейчас длинные странно изогнутые ножи замелькают в руках Кирилла, в попытке сбить с толку Бродова, но нет, никаких финтов. Парень просто застыл на месте, внимательно следя за идущим по кругу Бродовым. Атака!

Кирилл, совершенно змеиным движением отпрянул в сторону от устремившегося к нему клинка шпаги и, пропустив стальное жало мимо, вдруг резко ударил по клинку, сбивая его в сторону. Зачем?!

Подшаг, удар! Изогнутое лезвие в этот раз бьёт по выставленной в защите даге... и в руке Бродова остаётся только рукоять и обломок клинка не более двух дюймов длиной.

Противники разорвали дистанцию и оппонент Кирилла вновь начинает наматывать круги... Вердт покосился на стоящего чуть в сторонке, дожидającego окончания дуэли, врача, потом на секунданта Бродова, но те, явно увлечённые боем, этого не заметили. А сам Вячеслав пропустил очередную атаку фехтовальщика. На этот раз, это не был пробный удар, проверяющий реакцию и скорость противника. Шпага со свистом разрежала воздух, в явной попытке обезоружить правую руку Кирилла. Но вместо того, чтобы заблокировать удар или снова разорвать дистанцию, парень, вдруг, скрутившись пружиной, с совершенно сумасшедшим ускорением рванул вперёд, прямо под летящий клинок. Два взмаха, и ножи окрасились в алый цвет, разбрызгивая вокруг веера крови. С глухим стуком упала наземь зажатая в отрубленной руке шпага и противник Кирилла, с каким-то бульканьем завалился на бок.

Восемь-десять секунд, на всю дуэль! Вердт с удивлением взглянул на поверженного противника своего «подопечного» и, лишь увидев алую кровь, толчками бьющую из длинного разреза на шее, понял, что произошло. Но не успел он облегчённо вздохнуть, как Кирилл пошатнулся и рухнул на колени, зажимая рукой бок, рубаха на котором быстро темнела от крови. Но как?!

— Сломанной дагой засадил, сволочь. — Выдохнул Кирилл, когда Вердт подлетел к нему на помощь, и договорил с мрачной ухмылкой. — Что не съел, то понаядкусывал... Посмотри там, за секундантом. Чтоб всё правильно...

Вердт поднял голову как раз в тот момент, врач осматривавший Бродова, глянув на его секунданта и отрицательно покачал головой.

— Перерублены шейные позвонки. Не жилец. **Глава 5. Отдыхать тоже надо уметь**

В себя я пришёл рывком. Бок тут же отозвался болью, но какой-то неуверенной... что ли? А через несколько секунд от неё не осталось и следа. М-да, здешняя медицина, это что-то... Я огляделся по сторонам и без удивления констатировал, что нахожусь в медбоксе. Хм, было бы

странно, если бы оказалось иначе. Осталось определить, чей он.

Впрочем, долго гадать мне не пришлось. Не прошло и минуты с момента моего пробуждения, как в бокс ворвался фонащий беспокойством и волнением ураган, при ближайшем рассмотрении оказавшийся Олей. А за её спиной маячила фигура бестужевского доктора, который тут же отогнал девушку в сторонку и пропустил её ко мне, только после основательного осмотра «ранетого» тела.

— Ну что ж, поздравляю, Кирилл Николаевич. — Удовлетворившись осмотром, степенно кивнул доктор. — Легко отделались, дражайший. Будь обломок хоть на дюйм длиннее, и сутками интенсивного восстановления, вы бы не отделались. Регенерация печени, процесс, хоть и отработанный, но очень небыстрый, знаете ли... И как вас угораздило так напороться?

— Вот именно, что «напороться». — Вздыхнул я, вспоминая бой. Вот, я «ввинчиваюсь» под атаку Бродова, уходя от удара в моё правое предплечье... бросок вперёд... и вправо. Левый нож «отмашкой» отрубает кисть руки... ничего удивительного, даже под таким минимальным разгоном. Бродова ведёт вниз, разворачивает... вот... вот этот момент! Будь я под привычным ускорением, он бы даже дёрнуться не успел, а так... времени хватило, чтобы в тот миг, когда я, разворачиваясь в броске, рубанул его правым ножом по шее, в мой бок вонзился обломок даги, направленный противником и невольно мною ускоренный.

Мда уж... Знатно я прокололся. Мне бы тогда не под клинок нырять, а уйти влево и, уже под прикрытием атаковавшей руки Бродова, рвать вперёд, тогда ничего подобного точно не случилось, и дело обошлось бы тем самым ударом по шее, только не справа, а слева... всего-то разницы... А всё моя самонадеянность и легкомыслие. Не помогли мне медитации за рулём, однако. Вывод: думать надо, а не буром переть, полагаясь на разгон... думать, и возобновлять тренировки с холодным оружием, чтобы больше так не подставляться.

— Кирилл, ты так вздыхаешь, будто проиграл. — Тихо заметила Ольга, выводя меня из задумчивости. В ответ, я только развёл руками. А что тут скажешь? Я действительно недоволен исходом боя. Точнее, своим поведением во время одного. Как говорил один очень одиозный дядечка: «Головокружение от успехов», да...

— Не проиграл, но... выехал, кажется, только за счёт везения. Если б обломок даги был хоть на дюйм длиннее...

— Да-да, доктор. — Настроение у моей наречённой, кажется, не очень. — Пришлось бы регенерировать печень. Вы это уже говорили. А сейчас, не могли бы вы оставить нас наедине?

Тот покосился на Ольгу, но ничего не сказал. Только усмехнулся и, развернувшись, потопал на выход. Правда, уже шагнув за порог, всё-таки не удержался.

— Только не увлекайтесь, молодые люди. Подождите денёк-другой, пока восстановление не будет завершено. — И исчез за дверью.

— За что ты с ним так? Хороший же дядька. — Поинтересовался я, когда мы остались вдвоём.

— За что? Он меня к тебе два дня не пускал! — Возмущённо заявила Оля, приземляясь на край моей постели.

В общем-то, на этом мои самокопания и завершились, до поры до времени. Потому что, очень трудно заниматься самоедством, когда в собственные чувства врывается совершенно крышесносный поток нежности, а тело... м-да. В общем, пожелания доктора, так и остались

только пожеланиями.

Следующим утром я проснулся совершенно здоровым человеком. Глянул на сладко посапывающую на моём плече Олю и, улыбнувшись, постарался аккуратно освободиться из сладкого плена. Почему, именно «плена»? Да потому, что она не только моё плечо «захватила», а умудрилась обнять всеми конечностями, так что, задачка передо мной стояла та ещё. И решить её желательно было побыстрее...

И я справился «на отлично». Правда, когда вернулся из ванной, Оля уже проснулась. Я замер на пороге и вздохнул. Нет ничего прекраснее, чем потягивающаяся в постели обнаженная женщина... моя женщина. Красота неопишная...

— Кирилл! — Очевидно, до Ольги докатилось моё восхищение, и она тут же закуталась в соскользнувшее было одеяло. Вот только блеск в глазах и явное удовольствие в эмоциях...

После полудня, мы всё-таки покинули медицинское крыло городской усадьбы Бестужевых и даже успели к обеду, собственноручно приготовленному Раисой, которая, несмотря на своё изменившееся положение в иерархии рода, наотрез отказалась сдавать «пост» шеф-повара.

Вернувшийся из школы, Леонид поглядывал в мою сторону, явно раздираемый любопытством, Оля вовсю изображала наседку, норовя покормить «раненого героя» чуть ли не с ложечки, и испытывая явное наслаждение от такого издевательства... или от того, как я воспринимал эту её гипертрофированную заботу, не разобрался. А Бестужев-старший с удовольствием наблюдал за этим представлением, время от времени усмекаясь в усы и бросая многозначительные взгляды на свою пассию. Раиса же, старательно делала вид, что происходящий за столом балаган её никак не касается. Но ответной стрельбы глазками в сторону хозяина дома это не отменяло.

Это был славный день. Уже вечером, точнее, ночью, когда мы с Ольгой уgomонились и почти уснули, я понял, что за сегодняшний день отдохнул так, как не отдыхал, должно быть, с самого своего появления Здесь. Понял и, умиротворённо вздохнув, уснул, с твёрдым обещанием самому себе, продолжить отдых на следующий день.

И ведь получилось... почти. Но, если забыть о делах, то рано или поздно они обязательно мутируют в проблемы. И увидев примчавшихся с утра пораньше близняшек, я понял, что ещё немного, и так оно и будет.

Взвинченные и нервные Лина с Милой так «фонили», что даже Ольга, получая от меня отголоски их эмоций, начала морщиться и недовольно вздыхать. Пришлось прервать тренировку для приведения учениц в тонус.

Окинув взглядом хмурых сестёр, я покачал головой.

— Ну, и что с вами происходит?

— Послезавтра дед должен приехать, а мы... кроме телекинеза ничему толком не обучились. — После недолгого переглядывания, Мила, очевидно, как наиболее уравновешенная из сестёр, взяла на себя обязанности переговорщика.

— Ага. Ничему не научились, значит... ну-ну. — Смерив учениц взглядом, я хмыкнул. В отличие от близняшек, Ольга вовсе не была недовольна темпом обучения. А может быть, до неё просто быстрее дошёл смысл наших занятий. — Ла-адно.

Ольга с интересом следила за наречённым. Не сказать, что она безоглядно верила в учительский талант Кирилла, истинная дочь дипломатов точно знала, что абсолютно бесспорных вещей в этом мире крайне мало, но в данном случае, она не видела никаких причин для сомнений. Тем более, что и Аристарх Макарович, будучи не только ярким, но и вполне профессиональным эфирником, увидев нынешние умения Ольги, был если не впечатлён прогрессом, то доволен уж точно. И теперь, девушке было очень интересно, как Кирилл собирается уговорить нервничающих близняшек и вселить в них уверенность в своих силах.

А тот, кажется, действительно придумал что-то... необычное. Предусмотрительно сваленные в углу тренировочной площадки, валуны, использовавшиеся в их тренировках, то вместо стульев, то в качестве пособий, послушно выкатились на середину полигона и замерли. По одному напротив каждой из учениц.

— Расскажите мне об этих камнях. — С абсолютно невозмутимой физиономией, заявил наречённый.

— Что? — В унисон протянули близняшки, недоумённо глядя на брата и учителя.

— А что узнаете, то и расскажите. — Легкомысленно улыбнулся тот в ответ, и повернулся к Ольге. — Тебя, это, кстати, тоже касается. Так что, вперёд...

Ученицы переглянулись и медленно и неуверенно потянулись к «учебным пособиям». Остановились в метре от камней и, вновь обменявшись непонимающими взглядами, одинаково вздохнули.

Полтора часа! Полтора часа они ходили вокруг этих чёртовых обломков, пытаясь понять, что о них можно рассказать и, самое главное, как узнать это «что-то». Обращаться к Кириллу за разъяснениями уже не пробовали. После первой же попытки, тот ясно дал понять, что не намерен вмешиваться в их «исследования».

Ольга бросила взгляд на укутавшегося в воздушную защиту наречённого, ограждающую его от порывов по-зимнему холодного, пронзительного ветра и попыталась «пробраться» в его эмоции. Ответом стал ощутимый щелчок по носу.

— Не меня, его. — Со вздохом, Кирилл ткнул пальцем в лежащую перед Ольгой глыбу. Кажется, учителю тоже надоело смотреть, как ученицы водят хороводы вокруг трёх камней.

О!.. Оля хлопнула ресницами, перевела взгляд на уже изрядно бесивший её камень... Серый, с редкими темно-красными прожилками и явно видимыми, длинными бороздами, с застрявшими в сколах и трещинах, давно высохшими клочками мха... Девушка сосредоточилась и попыталась коснуться его так же, как только что «прислушивалась» к эмоциям Кирилла. А в ответ тишина. Нет... гул. Больше всего, отклик походил на тяжёлый, напряжённый гул, к которому вскоре добавилось ощущение давления... словно со всех сторон его плотно сжимают мощные пласты земли, которым камень, сопротивляясь, не давая раскрошить себя в пыль. Глухой рокот и треск расходящейся земли... холод... потоки ветра, из год в год полосующие его шершавую кожу. Ветра, которые оказались крепче породившей глыбу земли и за многие тысячелетия сумевшие оставить на нём куда больше отметин, чем родная стихия... Ольга потрянула головой, приходя в себя, и изумлённо уставилась на усмехающегося Кирилла. Что это было?! **Глава 6. Некоторых не надо учить плохому, они уже и так всё умеют... от рождения**

Долгий отдых... М-да уж, в моём случае, такая роскошь, кажется, не предусмотрена. По крайней мере, на данном этапе. И визит «инспектора» от Громовых, прекрасно это доказывает. Впрочем, несмотря на то, что демонстрация невеликих пока умений близняшек заняла больше половины дня, под ехидные комментарии деда Пантелея, естественно, куда больше нацеленных на меня, нежели на сестёр, дело обстояло не так уж плохо.

Хм. Вообще-то, будь мне действительно лет пятнадцать, я бы уже давно кипел, как мой самовар... Но беситься на ворчание старого волчары, у меня желания не было. Тем более, что ему просто не за что было зацепиться. Естественно, программу промежуточных испытаний государственной школы, ученицы выдать не могли... просто-напросто потому, что подход к оперированию Эфиром я им поставил совсем иной. Никаких стандартных техник в нём нет, зато есть... чувственное восприятие Эфира. Когда ты ощущаешь текущую сквозь тебя энергию, как... часть себя, вопрос «дозировки» Эфира, необходимого для того или иного действия, просто не стоит. Ты просто з н а е ш ь, сколько именно сил потребуется для любого начатого воздействия, и можешь определить, потянешь такую нагрузку или нет... Это как с гирей. Достаточно начать её поднимать, и мышцы сами напрягаются ровно настолько, сколько требуется для выполнения приёма. Конечно, можно надорваться, если плюнуть на сигналы, которые посылает организм при перегрузке, но... именно, если плюнуть.

Дед Пантелей долго разорялся, когда не смог добиться от сердитых сестёр ни одной техники. Но...

— Задачи, Пантелей Георгиевич. — Проговорил я, подзывая мнушихся на холодном ветру сестёр на веранду.

— Что? — Кажется, «инспектор» реально удивлён. Его проблемы.

— Я говорю, что вы неправильно ставите задачи. — Повернувшись к протянувшему близняшкам чашки с горячим чаем Гдовицкому, я улыбнулся. — У нас же здесь имеется целый мастер Эфира, не понаслышке знакомый с системой обучения и экзаменации одарённых. Думаю, он может подтвердить мои слова. Не так ли, Владимир Александрович.

— О как... значит, неправильно экзаменую, да? — С каким-то странным интересом уставился на меня дед Пантелей и перевёл взгляд на начальника охраны. — Ну, и что скажешь... мастер?

— Кхм, Кирилл Николаевич, несколько резок, конечно, но рациональное зерно... — Медленно заговорил Гдовицкой, но был тут же перебит Громовым.

— Ну надо же! Рациональное зерно! Эка завернул, Вова... — Дед фыркнул с усмешкой, но тут же посерьёзнел. — Ладно, командуй парадом ты. Эй, пигалицы, ну-ка, быстро допили чай и на площадку!

Лина с Милой вздохнули и, отставив в сторону кружки, вышли из-под навеса. А следом, закрытую легким воздушным щитом веранду, покинул и Гдовицкой.

В отличии от деда Пантелея, Владимир Александрович не стал требовать от сестёр создания эфирных техник. Он поступил проще и правильнее.

Развернувшись в мою сторону, он чуть помедлил и, окутав нас куполом от подслушивания, попросил включить все имеющиеся у меня фиксаторы.

— Они и так работают. — Пожал я плечами.

— Замечательно. — Владимир Александрович развеял технику купола и обратился к сёстрам. — Определите количество имеющихся на территории пом... владения, работающих артефактов. — Дав задание, Гдовицкой тут же развернул экран браслета и отправил какое-то сообщение. А... понятно. Браслет Громова тут же пискнул. Ответ прислал, чтоб дедушка чего не заподозрил. Хм... вот только, чуя, ждёт их обоих большой сюрприз.

— Семьдесят восемь. — В унисон выдали сёстры.

— О как! Промахнулись, милые. — Покачал головой дед. А вот Гдовицкой, кажется, что-то понял. Вон, как головой закрутил.

— Ничуть. Они совершенно правы. — Откликнулся я. — Двадцать восемь штук в пределах ограждения, остальные пятьдесят на подступах.

— Володя? — Нахмурился дед Пантелей.

— Кхм. На таком расстоянии я их не чувствую. Тут другая техника нужна. — Со вздохом признал начальник охраны, прикрыл глаза и, постояв так почти минуту, начал медленно поворачиваться вокруг своей оси. Закончив оборот, побледневший от перенапряжения, Гдовицкой открыл глаза и вздохнул. — Да, что-то около того. В радиусе сотни метров, примерно.

— Хех. Система наблюдения, а Кирилл? — Хмыкнул дед.

— Да. — Кивнул я. — Очень полезная вещь, как выяснилось. Хотя и не панацея.

— Да уж, не панацея, это точно. — Вздохнул Пантелей Георгиевич. — А вот будь ты в роду, и вся охрана была бы в твоём распоряжении. Не пришлось бы обходиться полумерами...

Хм. Это намёк?

— А ты, Володя... неужели, хочешь сказать, что девчонки действительно отыскивали артефакты быстрее тебя, мастера Эфира? — Вдруг встрепенулся дед, переключаясь на Гдовицкого. «Хм» ещё раз. Как говорил один персонаж: «меня терзают смутные сомнения»... Хотя... нет, если с карцером в этом случае, становится всё ясно... Громы решили показать убежавшему колобку, как страшно жить без автомата... Но нафига было устраивать танцы с саблями насмерть? Да и убийства приказных к этому предположению как-то... не пристёгиваются. Или, это кто-то другой постарался? Например, один из неудавшихся Ольгиных ухажёров? Стоп. Не сейчас...

Я отвлёкся от размышлений и прислушался к разговору Гдовицкого с дедом.

— М-да. Но они явно использовали незнакомую мне технику. — Покосившись на меня, признался Владимир Александрович.

— Дуришь меня, Володя... — Тихим угрожающим тоном проговорил Громов но, заметив, как Гдовицкой покачал головой, пожевал губами и усмехнулся. — Ла-адно. Проверим. Ну-ка. Ты сейчас купол тишины ставил... Вот, пускай они его... пройдут.

Ни хрена ж себе запросы у старого! Да меня на экзамене на статус так гоняли!

— Но... это практика уровня подмастерья. — Нахмурился Гдовицкой... и осёкся. Ну да, а что тут скажешь. Громов, он Громов и есть. Только глянет и любые возражения в глотке застревают...

р-родственничек боярского розлива.

Услышав слова деда, сестрички явственно задёргались. Невовремя. Хм... А впрочем... Экзамен говорите? Я повернулся к близняшкам и, сосредоточившись, попытался проделать то же самое, что и на своём испытании. Эмоциональный пакет с образами волной ушёл в их сторону. Мила с Линой удивлённо взглянули на меня и... неуверенно кивнули. А вот это уже дед заметил.

— Кирилл, будь добр, отойди в сторонку... для чистоты эксперимента. — Безразличным тоном проговорил дед. Очень мне надо его дурить... Гдовицкой вернулся на помост веранды и, остановившись рядом с Громовым, снял защиту от ветра.

— Не вопрос. — Сделав пару шагов в сторону, я сошёл с веранды и, оперевшись спиной на деревянный столб, поддерживающий навес, принялся наблюдать. Вроде бы, они всё поняли правильно. Чёрт, всё-таки, насколько было бы проще, если бы проверку с самого начала вёл Гдовицкой. Уже давно бы закончили с этой тягомотиной и разбежались по своим делам. Ну вот как, как может человек совершенно незнакомый с Эфиром и его применением, проверять знания по этой дисциплине? Бред...

Я ощутил, как рядом развернулся купол тишины и плотнее прижался спиной к столбу. А Мила с Линой, сосредоточившись, «потянулись» прямым к выстроенной Гдовицким защите. Э-э, не-не-не... я чуть слышно притопнул каблуком по мёрзлому грунту. О, умницы, поняли. Да, заставить поисковик работать на разных поверхностях, они пока не могут, но сейчас им это и не нужно, не зря же я тут звукозаписчиком работаю...

Мила еле заметно кивнула и коснулась руки сестры. Ха, и работать над резонансом я их заставлял тоже не зря! Замечательно... Минута, другая... и Гдовицкой, заметив, как вскинулись белокрысы головы близняшек, снял купол.

— Только с разрешения учителя! — Эк они, в унисон-то!

— А ты что скажешь, Кирилл? — Поинтересовался дед, никак не отреагировав на выполнение задания. Ну нафиг!

— А о чём речь, Пантелей Дмитриевич? — Поинтересовался я... ну правильно, я же «ничего не слышал».

— Да вот, я тут, как раз Володе говорил, что Антуфьевы интересовались о возможности брачного соглашения...

— Рано им замуж. — Покачал я головой. — Вот обучение закончат, тогда пусть сами решают. А сейчас... Нет, если хотите через неделю после свадьбы платить виру за каждого убитого мужа... то, пожалуйста. Но я бы не рекомендовал.

Дед ощутимо дёрнулся. А ты что думал, старый? Если мне пятнадцать лет, то я от перспективы избавиться от учениц, голову потеряю, хвостом завиляю и сдамся? А вот выкуси.

Хм. Нет, когда тебя недооценивают, это, конечно, хорошо. Но вот когда считают идиотом...

— Экий ты резкий. ... — Громов вздохнул. — Можно же и таких мужей подобрать, чтоб и по статусу и по опыту...

— Не выйдет. Всё равно грохнут. — Развёл я руками и повернулся к сёстрам. Достал меня этот хитрымудренный дедушка... окончательно достал. — Девочки, давайте-ка, на касаниях

пурпурную серию, во-он в тот валун. А вас, Пантелей Дмитриевич, я попрошу установить «Щит Перуна» на него же... От души.

Необходимый «инвентарь» я телекинезом вытянул из кучи таких же камней, оставшихся после разборки фундамента бывшей конюшни, и установил точно по центру тренировочной площадки.

Дед неопределённо хмыкнул, пожал плечами, но просьбу выполнил, и двухметровый, в диаметре, валун затянуло пепельным маревом защиты уровня гридня... Древний щит, но очень мощный. От площадных дистанционных атак, самое то...

Сёстры переглянулись, улыбнулись... и в щит полетела длинная очередь мелких пурпурных шариков. Ё-оп! Переборщили, явно! Похоже, дедушка достал не только меня... Эту мысль я додумывал, уже падая наземь с криком «Бойся!».

Камень рванул, словно хороший фугас, и мы едва успели укрыться щитами, как нас накрыло дождём каменных осколков. **Глава 7. Экскурс в историю...**

Пантелей Дмитриевич был впечатлён... возмущён и ошарашен. Такой вывод я сделал, когда в ушах прошёл звон от близкого взрыва... хотя чему в том валуне было так «бахать», я до сих пор не пойму. А вывод был основан на той матерной руладе, что доносилась до нас из-под чёрного купола, окутавшего деда. Хм... кажется, уходя в отставку с должности командира тяжелой миномётной бригады, Пантелей Дмитриевич забыл сдать часть личной экипировки. По крайней мере, если меня не обманывает память Кирилла, то именно так и выглядит «Последний шанс» — личный щит, входящий в обязательный артефактный комплект каждого офицера русской армии.

Не ожидал дедушка такого выверта от пацифистских эфирных техник. Точно. А вот я не ожидал от него такой реакции. Ну, в самом деле, кто бы мог подумать, что бывший военный, старший вой может так перепугаться?

Но, вот маты стихли, щит свернулся и Громов, с кряхтением разогнувшись, поднялся с дощатого пола веранды. Окинул нас взглядом и... сбежал. Нет, честное слово, он просто развернулся и потопал на выход... очень быстро потопал. Ну и чёрт с ним. Зато теперь, совершенно точно никто не сможет сказать, что я плохо учу близняшек. Хотя, конечно, использовать такую мощную напитокку воздействий, им всё-таки, пока рановато. Вон как побледнели...

Переглянувшись с Гдовицким, я кивнул, давая понять, что позабочусь о пошатывающихся от перенапряжения сёстрах, и Владимир Александрович, ответив таким же кивком, отправился догонять Громова.

Я окинул взглядом близняшек и вздохнул. Вот ведь, чёртов Пантелей! Не мог, что ли, прихватить девчонок с собой?

Проводив сестёр в свою спальню, где они, что-то невнятно пробормотав, тут же завалились на кровать и моментально уснули, я вздохнул и отправился готовить обед.

А на следующий день меня ждал ещё один «экзамен»... Двадцать шестое ноября — день демонстрации клубных проектов. В моём случае, это означает, что первую половину дня, я вынужден буду провести у плиты... Хорошо ещё, что большую часть «подготовительной

работы» я провёл заранее, убив на это остаток дня после визита Громова.

* * *

Екатерина Фоминишна Белозерцева отключила видеопанель и, потянувшись, поднялась из-за стола. До начала просмотра проектов новых клубов осталось всего четверть часа, а значит, пора собирать учителей, назначенных директором «судьями», и идти в главный зал, где с самого утра стоит дым коромыслом.

Шум и гул учителя слышали ещё на лестнице. А спустившись на первый этаж, и вовсе замерли в удивлении. Всё пространство холла перед главным залом оказалось заполненным учениками гимназии, среди которых можно было увидеть несколько островков спокойствия, представляющих собой небольшие компании взрослых, получивших персональные приглашения на представление.

— Екатерина Фоминишна, а почему они все здесь... а не в зале? — Поинтересовался директор, окинув взглядом толпу. Но ответ на этот вопрос пришёл совсем с другой стороны.

— Потому что представление ещё не началось. Вы позволите? — Русоволосый младшеклассник, наряженный почему-то в костюм мажордома Большого протокола, выскочил из-за спин застывших на лестнице учителей и, спустившись на пару ступеней и провозгласил, иначе не скажешь, — дамы и господа, мы начинаем представление клубов гимназии имени Святого Равноапостального князя Владимира! Прошу вас пройти в зал!

Голос ученика с неожиданной лёгкостью перекрывший шум в холле, заставил будущих зрителей развернуться к нему. А Бестужев-младший, ничуть не смутившись таким вниманием, коротко кивнул и грохнул о ступень тяжеленным посохом увенчанным двуглавым орлом. В ту же секунду, высокие двери главного зала разошлись в стороны и холл наполнила музыка гимна времен начала прошлого царствования.

— Мне казалось, что сегодня мы будем смотреть совсем не выступление театрального клуба. — Тихо проговорил директор, оказавшись в своеобразном амфитеатре, выстроенном в главном зале.

— Не вам одному. — Согласилась Екатерина Фоминишна, покосившись на руководителя младшего «Б» класса. Но тот, поймав её взгляд, только невинно улыбнулся.

Зрители заняли места, и в зале тут же начал гаснуть свет. Музыка затихла и до слуха гостей донёсся негромкий приглушённый голос всё того же Бестужева-младшего — «Эта история началась в одна тысяча девятьсот тридцать пятом году...»

На самом деле, она началась на семь лет раньше... именно тогда, канцлером Второго рейха, по выбору имперских князей, стал Фридрих Отто Рейтнер, регент при малолетнем императоре Вильгельме Третьем. Именно благодаря его усилиям, поддержанным курфюрстами, герцогами и прочими владетелями, Второй рейх, с таким трудом собранный Бисмарком, оказался вновь раздроблен на куски. А в тридцать пятом году, русские князья созрели для повторения этого сценария у себя на родине. Благо, обстановка в стране соответствовала... за исключением регента. При шестнадцатилетнем Василии был не ставленник князей, послушный и сговорчивый, а опричный боярин. Но это означало только одно, перед дележом страны, нужно было устроить маленький дворцовый переворот...

Темное пространство в центре зала осветилось софитами, и зрители увидели интерьер

небольшой спальни, явно копирующий известную комнату в Старом дворце, когда-то объявленную мемориальной. Огромная кровать с балдахином, среди подушек которой потерялась фигурка дремлющего юноши, небольшое бюро в углу, отгороженном ширмой, за которым сидит человек и что-то пишет под тусклым светом небольшой лампы. Тени мечутся по стенам... зал прорезает вспышка, и тут же раздаётся грохот грома.

— Игнат! Слышишь?

— Спи, государь. Это гроза... это только гроза. — Оторвавшись от письма, говорит боярин... Но поднимается со стула и, словно прислушиваясь к чему-то, застывает на месте.

А в следующий миг, интерьер озаряет ещё одна вспышка, и боярин срывается с места к двум тёмным фигурам, неизвестно откуда появившимся в комнате. Бой короткий, и несколько секунд спустя в центре комнаты уже лежат тела убийц, так и не добравшихся до своей цели. Вот только они не последние, и спальня юного правителя наполняется людьми. Эфир дрожит от применяемых техник, холод и жар сменяют друг друга... В какой-то момент, боярин швыряет юношу себе за спину, и тот кубарем влетает в проход, неожиданно открывшийся в стене. Фальшпанель тут же встает на место... и бой продолжается... пока в комнате не остаются лишь распростёртые на полу тела регента и шести нападавших.

Сцену скрывает тёмный купол, а в зале вновь разгорается свет. Зрители, до этого молча наблюдавшие представление, начинают переговариваться, делясь впечатлениями, но раздаётся голос Бестужева-младшего, явно взявшего на себя роль ведущего этого странного представления, и в зале снова воцаряется тишина.

Василий Шестой бежал из столицы, а собранный тем же утром, совет князей объявил о его смерти... от руки регента. Начинаются гонения бояр, присягавших государю. Боярская Дума молчит. Династия правившая Русью на протяжении тысячи ста лет обезглавлена, и князья готовятся делить огромную страну на части, словно пирог. Но перед этим нужно задавить город, который никогда не смиритсся с таким дележом... не из какой-то неземной любви к правителю, а просто потому, что большинство тамошних бояр — личные вассалы государя, и их смертей рода князьям не простят. И спустя год после взятия власти, Княжеский круг отправляет свои войска «на подавление бунтов» в Новгороде.

Купол скрывавший «сцену» исчезает и перед гостями оказывается искусно сделанный макет Великого Новгорода и его предместий. К городу тянутся звенья миниатюрных истребителей, сопровождающих внушительные по сравнению с ними, тушки бомбардировщиков и им навстречу тут же бросаются самолёты защитников города. В воздухе завязывается бой, а по земле уже ползут коробочки танков, смешных, угловатых, ничуть не похожих на современные. Крошечные язычки огня вырываются из стволов и над позициями защитников взмываются султанчики взрывов. Но вот, артиллерию нападающих, долбившую по городу, вдруг накрывает настоящий огненный дождь, а следом за ним, рвущееся вверх столбом, облако блистающих в свете софитов снежинок промораживает насквозь целую группу танков... Меж атакующими машинами расцветают взрывы, а на позиции княжеских войск, появившись словно из ниоткуда, обрушиваются штурмовики с двуглавыми орлами на фюзеляжах, и бой постепенно превращается в бойню.

Разогнанные было, гвардейские полки появились под Москвой через две недели после неудачной для князей битвы под Новгородом. Вооружённые со складов опричников, под государевым стягом, они почти без сопротивления взяли столицу, где в это время уже шла резня всех со всеми. Князья добивали ослабевшие роды неудачников участвовавших в «подавлении бунта», уменьшая количество участников дележа «пирога», и не обращали

внимания ни на что вокруг. А может и обращали, да только времени, чтобы дать отпор государевым войскам у них просто не было. А тут ещё и переметнувшиеся к ним во время переворота, бояре решили напомнить, что предавший однажды, предаст не раз, и рьяно взялись резать своих недавних «благодетелей».

В результате, от изначального Княжеского круга из двадцати шести родов, до суда дожили только пять, да и то, изрядно прореженные. Настолько, что из прямых участников заговора, уцелели только трое князей...

Вновь, тёмный купол окутал «сцену», а когда он исчез, перед гостями оказались интерьеры Старого дворца. На плечи молодого государя ложится расшитая обережная рубаха, бояре подносят коронационное облачение... И вот, Василий уже в соборе, под пение хоров принимает царский венец... Чтобы первым своим решением на престоле, отправить оставшихся в живых князей на плаху, и изгнать их рода из пределов государства. А вторым указом становится объявление о мобилизации. Бушевавшая в Европе уже три года, война постучалась в двери России.

— На этом, первую часть нашего представления, объявляю закрытой... а столы уже накрыты и ждут. — Звонкий голос Бестужева вырывает гостей из задумчивой тишины, воцарившейся в зале, когда сцена вновь была скрыта уже знакомым куполом. **Глава 8. Лицедейные лицедеи в лицедействе**

Двое из приглашённых взрослых устроились в нише у высокого окна школьного холла и, время от времени прихватывая со стоящих на подоконнике тарелок канапэ, тихо перебрасывались короткими репликами. Предметом их обсуждения стал только что завершившийся показ проектов новых школьных клубов, созданных неутомными младшеклассниками.

— Хм, вот интересно, а кто-нибудь кроме господина «историка» понял, что именно показали эти детки? — Задумчиво протянул высокий и худой словно щепка, мужчина, тряхнув пышной седой гривой.

— Имеешь в виду концовку? Это самое... «продолжение следует», да? — Усмехнулся второй, являвшийся словно бы полной противоположностью своего собеседника. Приземистый, полный и абсолютно лысый. Он пощёлкал пальцами над тарелкой с закусками и, наконец, определившись, подхватил небольшой рыбный «завиток». — Хм... сиг? Интересно, где повар его достал?

— Ваня, не увлекайся. — Со вздохом покачав головой, проговорил «щепка».

— Что «не увлекайся»? Ты знаешь, как трудно найти в Москве свежего сига?! — Приземистый Ваня фыркнул.

— По-моему, он солёный, нет? — Седому явно показалось проще побыстрее разделаться с гастрономической темой, чем пререкаться с собеседником в попытках «вернуться на прежние рельсы».

— Игорь, мы с тобой знакомы уже... сколько? Двадцать? Двадцать пять лет?

— Двадцать два года, если быть точным. — Меланхолично заметил его собеседник, уже поняв к чему клонит Иван.

— Вот! И все эти годы я учу тебя правильно относиться к пище! И что же я слышу?! За всё это время ты так и не усвоил даже азов! Это сиг слабого посла, друг мой. Для такого подходит только свежайшая рыба. Утром она ещё бьёт хвостом в воде, а к обеду уже должна быть разделана и посолена. Никак иначе! Слышишь? — Воздев указующий перст к небу, провозгласил Иван. — Никак иначе.

— Понял я, понял. — Вдохнул худой Игорь. — Но с чего такой ажиотаж, Вань?

— С того, что я не знаю, где в Москве можно найти свежего сига, а какие-то малолетние повара выставляют его на стол, словно так и надо. — Сдвнувшись, недовольно проворчал его полный собеседник. Но тут же встрепенулся и, прищурившись, заинтересовался, — так что тебе в концовке представления, а?

— Ничего особенного, если не считать некоторой двусмысленности. — Пожал плечами Игорь. — Согласись, если провести определённые параллели, то в увиденном нами «шоу» можно найти весьма непрозрачные намёки на нынешнее положение в стране.

— Извини, не соглашусь. Ты, как всегда, ищешь подвох везде и всюду. — Помолчав, неожиданно серьёзным тоном проговорил Иван.

— Это профессиональное, уж извини. — Развел руками Игорь, с лёгкой полуулыбкой. — И всё же... Определённые параллели прослеживаются. Хотя, конечно, владетельные бояре, совсем не то же самое, что и князья...

— Угомнись уже, Игорь. — Покачал головой Иван и ткнул толстым пальцем-сарделькой в тарелку приятеля. — Вот, лучше съешь вот это... Всё больше толку будет.

— Умх... — Прожевав миниатюрный бутерброд, седовласый Игорь довольно покивал. — Вкусно. Что это?

— Не горчит? — С подозрением уточнил приятель, а когда тот отрицательно покачал головой, тут же ухватил с тарелки точно такое же угощение и мигом отправил его в рот. Лицо гурмана расплылось в довольной улыбке но, заметив, что Игорь до сих пор ждёт ответа на свой вопрос, вздохнул. — Это, друг мой, ещё одна закуска, которую в Москве найти практически невозможно. Печёночный паштет хариуса со специями на ржанных тостах... Нет, положительно, я просто обязан познакомиться с поставщиком здешнего кулинарного клуба. Это же просто...

— Да-да... просто возмутительно скрывать такое чудо от ценителя. — С ухмылкой договорил за приятеля седовласый.

— Чтоб ты понимал, бездарь! — Вздернул нос-картошку Иван. — К твоему сведению, такой паштет делается исключительно в домашних условиях. Промышленное производство нерентабельно... так что...

— Да понял я, понял. — Вдохнул худой, тряхнув седой гривой. — Сейчас найдём твоего кулинара. А вот насчет поставщика, уж будь добр, договаривайся сам... зануда.

Лысый толстяк довольно улыбнулся, никак не отреагировав на последнее слово собеседника, а тот уже крутил головой в поисках кого-то... Затягивать с выполнением данного обещания, Игорь явно не собирался.

* * *

Леонид отыскал нас с Ольгой в тот самый момент, когда моя наречённая с явным интересом слушала короткую импровизированную лекцию наших «моделистов». Да-да, возможности беспилотных летательных аппаратов заинтересовали её куда больше, чем особенности представленной рядом бережливой вышивки... от мощи которой Эфир просто-таки дрожал. Но не мог же я оставить незащищённую девушку в компании двух чрезмерно увлечённых разгорающимся спором одноклассников, просто ради удовлетворения собственного любопытства. Хотя взглянуть поближе на вышитые рунные цепочки очень хотелось.

— Кирилл, наконец-то я тебя нашёл. — Возникший рядом Бестужев-младший отдышался, словно после долгой пробежки и, фыркнув, кивнул в сторону уже начавшей горячиться сестры. — Это надолго. У неё курсовая на носу, как раз по всяким летающим штукам... не помню точно, как называется.

— Мобильные беспилотные комплексы воздушного наблюдения и их применение в условиях жесткого противодействия систем ПВО. — Кивнул я.

— Запиши мне это на бумажке... и я удивлю её этой фразой сегодня за ужином. — После недолгого молчания, хлопнув ресницами, удивлённо проговорил Леонид.

— С твоим куцым мозгом, ты даже прочесть её правильно не сможешь. — Обернувшись, улыбнулась Оля.

— Ничего, у меня будет время потренироваться до ужина. Уж как-нибудь справлюсь. — Фыркнул в ответ Лёня, а когда его сестра уже приготовилась вонзить следующую шпильку, выставил перед собой ладони. — Стоп-стоп-стоп, сестрёнка! Я, вообще-то, искал Кирилла по делу. Позубоскалим позже, ладно? Например, сегодня вечером, договорились?

— Завтра. — Вмешался я. — Оля вернётся домой только завтра.

— Ладно. Пусть так. — Неожиданно легко и без подколов согласился Бестужев-младший. Ого, и ни одного замечания о наших с Ольгой планах? Хм, кажется, Лёня действительно искал меня не просто так. Что он тут же и подтвердил. — Кирилл, идём, с тобой хотят познакомиться представители Совета Попечителей.

— Оленька, составишь мне компанию, или подождешь здесь? — Поинтересовался я. Ольга, в ответ, словно сравнивая, окинула взглядом окружающую стенды с участвовавшими в представлении проектами и окружающую нас толпу, перевела взгляд на двери, ведущие в холл и, чуть поколебавшись, вздохнула.

— Я, лучше, побуду здесь... когда ещё доведётся вот так поностальгировать? Альма-матер, как-никак. — С извиняющейся улыбкой, проговорила она. Ну и ладненько... кто знает, какие темы намерены обсуждать со мной господа из Совета?

— Хорошо. Я найду тебя сразу, как переговорю с ними. — Кивнул я и двинулся через толпу, стараясь не потерять из виду пробирающегося в нескольких шагах впереди Леонида.

Я что-то не понял. Бестужев поднял такой шум, только для того, чтобы вот этот вот гурман получил информацию о моём поставщике?! Хм... и ведь не спросишь его. Представил Толстому и Тонкому и слинял, словно его здесь и не было... Хм. Ладно.

— Честно говоря, уважаемый Иван Архипович, у меня нет каких-то специальных поставщиков. — Пожал я плечами. — А столь понравившаяся вам рыбка, это небольшой презент от одной моей хорошей знакомой. Узнав о скором представлении в гимназии, она

великодушно помогла решить мне вопрос с некоторыми рыбными блюдами и соленьями, подготовить которые самостоятельно, я не мог в силу отсутствия соответствующих помещений, как в гимназии, так и дома.

— Хм... — Мой собеседник чуть скис, но напора не утратил. — Понимаю. А могу я узнать имя этой вашей знакомой?

— Разумеется, это вовсе не секрет. Елена Павловна Филиппова. — Улыбнулся я, а толстый и тонкий одновременно поперхнулись. Один очередным завитком из сига, а второй квасом, которым, наравне с соками и минералкой, пришлось обходиться всем присутствующим, вместо вин и прочего алкоголя, ввиду полного запрета последнего на территории гимназии.

— Кхм... Речь идёт о боярыне Посадской, я полагаю? — Придя в себя, осведомился Иван Архипович.

— Разумеется. — Кивнул я. Приятель моего собеседника хотел было что-то уточнить, но тот не дал вымолвить ни слова.

— Извини, Игорь мы тебя оставим на пару минут... — И подхватив меня под локоть, потащил в сторону, не переставая тараторить о своей удаче и благодарности юному Бестужеву за помощь.

— Вы так радуетесь, Иван Архипович... просто удивительно. Неужто, найти в Москве ладожскую рыбу, такая проблема?

— Экранопланы, совершающие рейсы из Старой Ладogi в Москву, есть только у рода Посадских... — Вдохнул толстяк. — И они не коммерческие. Так что, возможность разжиться по-настоящему свежей рыбой из тех мест, выпадает нечасто...

Но тут мы удалились на достаточное расстояние от заполонившей холл толпы, и мой собеседник вдруг резко изменился.

— Кирилл, прошу прощения за этот спектакль. — Толстяк поднял вокруг нас купол приватности, каких вокруг и без того было немало и, выудив из внутреннего кармана пиджака письмо, протянул его мне. А на немой вопрос, только развёл руками. — Сами понимаете, некоторые вещи не стоит афишировать. А уж неформальное общение лица замешанного в следствии, с ведущим его главой Пятого Стола, тем более. Здесь кое-какая информация по известному вам делу, несколько рекомендаций и... на словах, Анатолий Семёнович велел передать, что, в отличие от него, у вас полностью развязаны руки. Единственная просьба: не наломайте дров. Это всё... А теперь, с вашего позволения, вернёмся к рыбе...

И купол над нами исчез. **Глава 9. Любо́й план живёт ровно до первого столкновения с реальностью**

В очередной раз развернув лист исписанный мелким, но уверенным и твёрдым почерком, я хмыкнул. Какие тайны плаща и кинжала, однако. Можно подумать, что всё написанное нельзя было передать посланием на браслет? Впрочем, если учесть, что уважаемый Анатолий Семёнович не знает о наличии у меня «левого» коммуникатора, и не доверяет защите официального, «громовского», подобная передача информации, вполне логична. Да и то, что он не пожелал передавать письмо через дочь, тоже понятно. Кому захочется втягивать своих детей в дела, папахивающие кровью и грязью... А в том, что здесь прямо-таки воняет, я не сомневаюсь ни на секунду. Такие вот убийства приказных, просто не могут обойтись без

соответствующего душка. М-да уж. Надо будет сообщить Вербицкому номер «левого» браслета, чтобы впоследствии обходиться без этих игр в «штирлицев».

Я вспомнил лысого гурмана и невольно ухмыльнулся. Забавный дядечка... а как он вцепился в тему поставки ладожской рыбки... и ведь не играл ни капельки. Уж, чтобы определить это, моего чутья хватит за глаза. Но вот лёгкость, с которой он скрывал реальную суть нашей встречи за гастрономическим интересом, меня, если не поразила, то удивила, точно. Неужто все выпускники этой гимназии, в будущем могут превратиться в таких вот монстров лицедейства, как этот любитель свежей рыбы?

Мысль непроизвольно перескочила на тему «поставщиков» этой вкуснятины, а точнее на встречу со старшей внучкой Филипповой-Посадской, заглянувшей в мой дом накануне школьного представления, во исполнение договорённости с её замечательной, во всех отношениях, бабушкой. Впрочем, думаю, в свете найдётся мало храбрецов, кто отважился бы так назвать новгородскую боярыню. Несмотря на то, что сама она себя спокойно называет старой каргой, я ни на секунду не сомневаюсь, что любой кто позволит себе назвать её так же, поймёт очень большие неприятности. И внучка от неё не отстаёт. Это, и Лина с Милой могут подтвердить.

Когда система наблюдения оповестила о приближающемся автомобиле, я как раз заканчивал чистить морковь, а девчонки всё ещё отсыпались после визита Пантелея Громова. Ольга дома, гостей я не ждал, так что повод напрячься у меня был, и встречать незваных я вышел во всеоружии. А когда увидел флажки с гербом Посадских на капоте вездехода, затормозившего у ворот... в общем, «красиво» встретил гостью... об обещанном визите которой, я, честно говоря, уже успел позабыть.

Впрочем, Елизавета даже бровью не повела, увидев у меня на поясе кобуру с «Беррером». Милое спокойное лицо, в глазах любопытство и интерес, подтянутая фигурка в брючном костюме... естественно, очень немалой стоимости. Именно такой я и представлял себе старшую внучку Посадской, возможную наследницу боярыни. Разве что, не чувствовалось в ней той уверенности и силы, что так и сквозила в каждом жесте и слове её бабки. Ну да, какие её годы... приложится, усвоится...

Поприветствовав гостью, я провел её в дом, где двадцатилетняя особа, увидев мои приготовления, тут же, без всяких намёков и просьб, нацепила фартук и принялась помогать, выстреливая при этом под сотню вопросов в минуту, обо всём подряд. Начиная от обучения контролю Эфира и заканчивая названиями блюд, которые я готовился подать на стол в перерывах меж частями демонстрации проектов в гимназии. И про сами проекты, и об одноклассниках и...

В общем, к тому моменту, когда Мила с Линой проснулись и выбрались из спальни, мы с Елизаветой уже общались словно старые добрые знакомые. Весьма располагающая к себе особа... была до того момента, пока Лина не смогла удержать за зубами свой острый язычок и осведомилась, где я поздним вечером умудрился найти себе кухарку...

Вот тут-то я и смог понаблюдать практическое воплощение поговорки о яблоне и яблоках. Елизавете понадобилось два взгляда, один жест и пять слов, чтобы заставить Лину замолчать. В фирменном стиле Посадских... коротко, доступно и не стесняясь жёстких выражений на грани приличия, очаровательная внучка Елены Павловны разъяснила Лине всю глубину её заблуждений, за что и заработала овации от меня и Милы. А когда услышала наши аплодисменты, вдруг покраснела и, пробормотав невнятные извинения, попыталась смыться. Ага, как же... от близняшек так просто не скроешься. Елизавету тут же ухватили в четыре руки

и усадили за стол, на котором, словно по мановению волшебной палочки появились все принадлежности для чаепития... Пришлось отрываться от шинковки овощей и идти ставить самовар.

К моему удивлению, девушка легко и естественно вписалась в компанию близняшек, так что по окончании чаепития, эта троица, вместо того, чтобы разъехаться по домам ввиду позднего времени, принялась помогать мне с готовкой. Что не могло не радовать, поскольку ещё с курсантских времён я терпеть не могу чистить картошку. Ну, как тут было не воспользоваться подвернувшейся возможностью? Я и воспользовался.

А следующим утром, когда я ждал заказанную машину для перевозки продуктов в гимназию, посыльный от Посадских привёз тугеса с теми самыми ладожскими деликатесами и запиской от Елены Павловны, в которой старая боярыня с присущим ей... хм... юмором, скажем так, поблагодарила за участие в судьбе внучки... Плюс ещё одна ученица. Хм... если так пойдёт и дальше, то школу Эфира впору будет назвать женской. М-да...

Впрочем, если дела действительно и дальше пойдут именно так, то вполне возможно, что до открытия школы я просто не доживу. Особенно, учитывая ту информацию, что передал мне в письме Вербицкий.

Разговорился отправленный мною в реанимацию наемник. И то, что он сообщил, заставило меня сильно обеспокоиться. Нет, нанимателя он не назвал. Просто потому, что ему, рядовому бойцу, никто таких сведений не доверял, но зато он совершенно точно знает, что заказчик из титулованных. Уж больно характерно, как он сказал, вёл себя командир отряда, плевался, как всегда после общения с боярами, на которых у него было что-то вроде аллергии. Ну не любит майор Шаховцев титулованных, не любит... но заказы от них принимает. А куда денешься, если достойную оплату найма в России могут обеспечить только они. Простому люду содержать наемные отряды запрещено, а идти в охрану фирм и корпораций, превращаясь из волкодавов в дворовых шавок, претит. Вот и крутится майор отряда «Северная звезда», как может. Зарабатывает денежку для доснаряжения своего отряда парой ТТК. Хм... майор желает свалить из страны? Похоже, очень похоже на то. Только в этом случае он может рассчитывать на приобретение тактических комплексов. Использовать их в России у него не выйдет. Запрещено.

Тогда становится понятной и безбашенная наглость наёмников, взявшихся пощипать мешанина. Какая разница, как отнесётся к этому закон, если самих «щипачей» к моменту раскачки бюрократической машины уже просто не будет на территории государства? Нет, понятное дело, что за имеющиеся у них грешки передо мной, максимум, на что способен закон, это оштрафовать наемников... или даже дать им условные сроки за нарушение права частной собственности... Ну, ещё, правда, могут ввести запрет на их найм на территории России, но это уже вряд ли. Слишком мал проступок. Но, это ведь не значит, что «Северная звезда» успокоится на существующем положении вещей. Судя по информации Вербицкого, слежку они не прекращают, хотя и стараются вести её тихо и незаметно. А значит... значит, я никак не застрахован от «продолжения банкета».

И это были ещё не все новости. Хотя, если честно, второе известие меня удивило... мягко говоря. С какой-то радости засуетился глава муниципалитета. Ушлый дядечка, нехило погравший руки на продаже мне земельного участка, вдруг дал указание своим подчинённым о проведении внутренней проверки... и те рьяно принялись за дело, явно копая под Ренна. И если аналитики Вербицкого не зря едят свой хлеб, то проделывается всё это с целью, сделать беднягу-юриста козлом отпущения... а в этом случае, у меня могут попытаться отсудить землю в пользу муниципалитета. Нехорошо.

Хм. Кажется, у меня есть повод для близкого знакомства с некоторыми представителями нашего общества. Как там сказал Иван Архипович про развязанные руки и ломание дров? Клянусь, я буду предельно аккуратен... по возможности. Уж очень мне не нравится замечание наёмника о возможно торчащих из этого дела ушах бояр. Ну как, «возможно»? Если сопоставить это с результатами допроса того приказного... это слово можно вычеркнуть. Жаль только, что он не знал, кто именно из бояр затеял эти «кошки-мышки». Биться с их армиями у меня нет никакого желания, а значит, надо попытаться обойтись без крови. Вот только для этого нужно, как минимум, знать личность устроившего мою травлю боярина, а ещё лучше, причины, сподвигнувшие его на этот шаг. Что ж, надеюсь, разговор по душам с майором «Северной звезды» прояснит этот вопрос. Да и к господину городскому советнику Коржину, главе Сокольнического муниципалитета заглянуть не помешает. Вопрос один. С кого начать?

Хотя... думается мне, что вариант с Еремеем Власьевичем... то есть, господином Коржиным, будет потише и обойдётся без стрельбы и смертей, чего нельзя сказать наверняка о встрече с наёмниками... А мне сейчас, активные действия, пусть даже и неформально разрешённые, если так можно выразиться, совсем ни к чему. Решено. Оставлю наёмника «на сладкое», а начну с советника.

Я поднялся из-за стола и, спалив письмо раскалённым потоком воздуха в пепельнице, прикурил сигарету. Но, не успев я сделать себе чашку кофе и устроиться на любимом подоконнике, как браслет на руке завибрировал и на развернувшемся экране появилась физиономия Леонида.

— Кирилл, привет. — Хмуρο кивнул мне заместитель.

— И тебе не кашлять. — Ответил я, уже понимая, что Лёня готовится сообщить какие-то неприятные новости. Сердце отчего-то вдруг замерло и, кажется, судорожно бухнуло о грудную клетку. — Что случилось, Лёнь?

— Можно и так сказать. Я сегодня был в гимназии, хотел договориться о предоставлении нашим рукопашникам права заниматься на полигоне. В общем... там, у Екатерины Фоминишны на столе лежала одна бумага... я в неё заглянул... случайно. — Он вздохнул. Ну-ну. Скорее уж, она позволила ему заглянуть в документ. — В общем, это жалоба по поводу кулинарного клуба. Вроде как, помещения, где готовились блюда не проверялись на соответствие сан. нормам, нет заключения о качестве исходных продуктов... Короче, если ей дадут ход, то клуб может и закрыться...

— Поня-ятно. Ладно, разберёмся. И... спасибо, Лёнь. — Плохо, конечно, но не смертельно... Чёрт, да что такое творится-то, а? Нервяк не проходит, скорее, даже усиливается. Что-то не так. Совсем не так... Хм, спросить?

— Да ладно, о чём речь! Если что, приезжай, отец обещал помочь разобраться в ситуации... — Заместитель улыбнулся. — И, слушай, скажи Ольге, пусть включит, наконец, браслет, а то Раиса со вчерашнего вечера до неё дозвониться не может. **Глава 10. В охоте на росوماху, охотников всегда двое. Но один из них заблуждается**

Та-ак. Я на миг завис, пытаюсь осознать то, что услышал от Леонида. А когда справился с собой и вновь взглянул на экран браслета, увидел побледневшее лицо Бестужева-младшего. Кажется, он что-то понял. Ладно. Потом.

— Отец дома?

— Да. — Лёня резко кивнул. — Сейчас позову.

— Не надо. Я перезвоню ему... сам. — Отключив картинку, я постарался успокоиться, но, поняв, что одного желания недостаточно, занялся дыхательной гимнастикой. Привычное упражнение быстро вымело из черепушки загромождённый мечущийся калейдоскоп каких-то догадок и идей и, взяв под контроль взбунтовавшиеся чувства, уже через пару минут, я вновь оказался способен трезво мыслить... относительно, конечно, но и это лучше, чем ничего. Пальцы, словно сами по себе, набрали знакомый номер, и передо мной возникло хмурое лицо медведеподобного боярина.

— Кирилл?

— Да. Леонид сказал, что Раиса не может дозвониться до Ольги. Это правда?

— Хм... то есть... ты хочешь сказать, что моя дочь не у тебя? — Да, скорость мышления это у них явно семейное.

— Именно. Я не видел её со вчерашнего утра. С того момента, как отвёз Ольгу на учёбу.

— А после обеда, один их охранников повёз её по магазинам. Потом был короткий звонок с предупреждением, что вернётся утром... и маячок её браслета до сих пор подаёт сигнал из твоих владений. — Хмуро проговорил Бестужев... Вот даже как?! Стоп... Успокоиться, взять себя в руки...

Не отключая браслета, я сосредоточился на ощущениях и, начал мысленно «отсекать» все известные мне в доме артефакты...

Коммуникатор Ольги нашёлся на крыше дома. Немудрено, что я его не чувствовал раньше. Маяк работает в импульсном режиме и подаёт сигнал раз в три минуты. А моему чутью, для проверки дома на закладки, хватает сорока-пятидесяти секунд, по истечении которых, я старательно отрешаюсь от «артефактных» возмущений... Вот так, вскрылась «дырка» в моей системе безопасности. Впредь, надо будет учесть такую возможность. Ведь маяк, это не единственная функция, которую могут нести «спящие» артефакты... Стоп. Отставить. Это сейчас неважно. Важно другое...

Спрыгнув с крыши, я вернулся в дом, и вывел на видеопанель вычислителя записи системы наблюдения.

— Кирилл... — Чёрт, совсем забыл про Бестужева, так и болтающегося на линии.

— Да, Валентин Эдуардович. — Кивнул я, подвесив экран браслета чуть сбоку от видеопанели вычислителя. — Браслет её, я нашёл на крыше моего дома. Браслет пустой, Если в нём и были записи, восстановить их не получится. Оба накопителя всмятку.

— Сигнал о выключении поступил сразу после её звонка из машины. — Ровным, глухим тоном ответил Бестужев и, на миг замолчав, договорил. — Соответственно, никаких записей о том, что было после, на вычислителе системы безопасности не приходило. Если не считать данных маячка, разумеется.

— Одну минуту, Валентин Эдуардович, я гляну, что есть на моём вычислителе. — Боярин кивнул и замер в ожидании. А я запустил ускоренную прокрутку записей домашних фиксаторов. Есть... Вот, по просеке проехала машина. Количество людей... Чёртовы фиксаторы. Будь у меня нормальная камера, было бы проще. А так... только силуэты, почти

непросматривающиеся. Надо будет заняться модернизацией фиксаторов... или попытаться купить что-нибудь из арсенала средств таможенного досмотра... просека, не трасса, скорость движения куда меньше, так что и проблем с обработкой возмущений будет меньше. Займусь на досуге. Ага. А ничего так, способности у этого кадра... или рогатка оказалась под рукой. Потому как, я бы даже под ускорением не рискнул без подготовки забросить довольно лёгкий браслет из окна едущей машины, через двухметровый забор на крышу стоящего в глубине двора дома... Хм. Время? Восемнадцать двадцать, то есть, меня дома ещё не было... Ну да, я бы непременно заметил, что кто-то едет.

Побарабанив пальцами по столешнице, я откинулся на спинку кресла, но подумать над сложившейся ситуацией мне не дал Бестужев, про которого я забыл уже во второй раз.

— Кирилл...

— Да.

— Есть идеи? — В голосе боярина проскользнуло нетерпение. — Или я поднимаю гвардию и объявляю открытый поиск.

— Открытый поиск? — Не понял я.

— Хм. Ну да... ты же из владетельных, а у них такой традиции нет. Да и мы, служилые, стараемся о ней не распространяться. — Вздыхнув, вспомнил он. — Объявление поиска означает, что все бояре — личные вассалы государя займутся этим вопросом. Никому не хочется, чтобы его дети стали способом давления... знаешь ли. Но, в отличие от тех же владетельных бояр, с их огромной финансовой и боевой мощью, мы можем защищаться лишь своей сплоченностью и... влиянием в государственных структурах. Поиск, метод довольно действенный... хотя и хлопотный.

— А личные трения? — Поинтересовался я. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь из противников Бестужевых воспользовался ситуацией и начал ставить палки в колёса.

— По боку. — Мотнул головой Бестужев. — Шантаж детьми... это, знаешь ли, не та вещь, которая может помочь в подковёрных играх. Таких любителей половить рыбку в мутной воде, свои же собратья служилые и задушат... собственно, бывало и душили. Больше, дураков нет.

— Понял... Я прошу четверть часа. — Подумав, медленно проговорил я. Есть, есть у меня одна идеяка...

— Хорошо. Буду ждать твоего звонка. — Кивнул Бестужев.

— Только, пожалуйста, до моего звонка никакой суеты, пожалуйста, Валентин Эдуардович. — Попросил я. — Очень прошу. До звонка, всё должно быть как обычно.

— Только не наделай глупостей, Кирилл. — Помедлив, вздохнул боярин и отключился.

Вот так, так... Второй, «левый» браслет мигнул и, отпартовав о наборе номера, с готовностью развернул экран.

— Мария Анатольевна, добрый вечер. — Улыбнулся я. — Замечательно выглядите.

— О! Гений-отравитель! Привет, привет! Ты в курсе, что ни одна из девушек нашей школы так и не рискнула попробовать твои блюда на демонстрации? — Улыбнулась Маша.

— Хм, зато парням больше досталось. — Ухмыльнулся я в ответ, но едва одноклассница собралась продолжить пикировку, покачал головой. — Маша, извини, я по делу. Можешь связать меня с отцом?

Умница, настоящая умница... почти как Ольга. Ни словом не выдала своего любопытства. Кивнула и, через пару минут, с экрана на меня уже смотрело усталое лицо главы Пятого Стола Преображенского Приказа.

— Добрый вечер, Кирилл. — Кивнул он. — Что-то случилось?

— Да. И хочу предупредить, разговор конфиденциальный. — Проговорил я. С «той» стороны донёлся приглушенный фырк. Мария Анатольевна изволили выразить свое «фэ», но удалились под строгим взглядом отца. Стена комнаты за его спиной словно подернулась рябью. Ага, защита установлена...

— Готово. Слушаю тебя, Кирилл.

— Замечательно. — Я растянул губы в улыбке... Судя по взгляду собеседника, получилось не очень. — Скажите, Анатолий Семёнович, вы действительно намерены вести со мной дела?

— Конечно! Что за вопросы, Кирилл? Мы же говорили об этом... — Изумился Вербицкий. Ну...

— Вот как? Тогда, будьте любезны объясните мне, как это желание соотносится с вашими действиями. Сначала, вы передаёте мне данные на «Северную Звезду», с явным намёком, что неплохо бы, дескать, навестить к ним в гости. Именно такой вывод я сделал из вашего письма и слов Ив... вашего представителя по поводу «развязанных рук». Или, вы можете как-то иначе объяснить присланные документы «заштатного сотрудника» и выдержку из законодательства о процедуре гражданского ареста? Решили сделать из меня наживку?

— Кхм... Я же настаивал в письме, чтобы ты сообщил боярину Бестужеву об... этом.

— Было такое. — Кивнул я. — Вот только, написана эта просьба так, что любой пятнадцатилетний мальчишка и не подумал бы делиться такой информацией с кем бы то ни было. Или вы хотите меня убедить в своей некомпетентности, уверяя, что ничего подобного не задумывали?

— Кирилл-Кирилл-Кирилл... Ты не прав. Сам знаешь, при тебе всегда есть команда поддержки. Они бы просто не дали тебе... защитили бы тебя от любой опасности.

— Вот так. Значит, всё-таки, наживка... Удобно и логично. Зацепить этих «северных», я так полагаю, не за что. Но если к ним в пасть сам полезет некий мальчишка, на которого у них явный заказ, можно будет разом взять их «на горячем»... Всё бы хорошо, Анатолий Семёнович. И я бы, может быть, повторяю, только может быть, даже согласился с вашей затеей, если бы вы соизволили объяснить мне это заранее. Господин Вербицкий, я НЕ ЛЮБЛЮ, когда мною пытаются играть втёмную.

Мой собеседник тяжело вздохнул... помолчал, развернул экран на полную и, поднявшись из-за стола, склонил голову, стоя при этом навытяжку.

— Я приношу свои извинения, господин Николаев. Чем род Вербицких может загладить свою вину?

— Мы союзники, Анатолий Семёнович... — Протянул я. — Надеюсь, больше таких разногласий между нами не возникнет. Что же до вины... мне нужна информация об этом эфирном слепке автомобиля сейчас, и всё, что есть на «Звезду»... до полуночи.

— Хм... — Вербицкий вернулся за стол и, кивнув, активировал экран вычислителя... А через минуту, удивлённо присвистнул. — Знаешь, Кирилл, а ведь это и есть их автомобиль... у тебя очень хорошие фиксаторы дома. Кто бы мог подумать? **ЧАСТЬ VI. СМЕШАЛИСЬ В КУЧУ КОНИ, ЛЮДИ...**

Глава 1. Два сапога... страшная сила

Ничуть не сомневаюсь, что Вербицкий был очень удивлён моими вопросами, если учесть, что за несколько минут до этого, ему пришлось извиняться за попытку подставить меня под разборки с «Северной Звездой». Рассказывать возможному союзнику об исчезновении Ольги и своих, теперь уже подтвердившихся подозрениях о причастности к этому происшествию столь долго мотавших мне нервы наёмников, я не стал. Почему? А потому, что он, всё равно, ничего не сможет с этим поделать. Иные неписанные традиции куда сильнее, чем тонны толстенных томов закона, а уж когда они подтверждены тонкими листиками внутренних инструкций... В общем, государевы люди старательно и показательно не вмешиваются в разборки меж именитыми, без их личной просьбы. А Бестужев-старший, хоть и входит в число служилых бояр, но при этом не перестаёт быть владельцем... и просить помощи у государства, поступаясь традициями и древними привилегиями, не станет. Общество не поймёт... а дипломат отвергнутый светом, это... В общем, пока не исчерпает собственные возможности, на поклон государю, Бестужев не пойдёт. Впрочем, возможно, после нашего разговора с Валентином Эдуардовичем, ситуация несколько изменится, посмотрим. Хотя, мне бы не хотелось привлекать Пятый стол к этому делу, даже в личном порядке. Чёрт, да в этих традициях nepoтизмa, хрен разберёшься! Что позволено, что не позволено, что прилично, а что... Ну его! Пусть, Бестужев сам разбирается с кем договариваться... он дипломат, ему и карты в руки. А я... я займусь тем, что умею лучше всего.

Может быть, Бестужев и хотел бы меня окоротить, вот только, к моему счастью, когда я позвонил ему после разговора с Вербицким, в кабинете отца моей наречённой оказался командир его гвардии. Аристарх Макарыч очень быстро уgomонил боярина, когда тот попытался взбунтоваться против предложенного мною варианта действий.

— Валик! Угомонись. Если не справимся мы, не справится никто. — Положив лапищу на плечо Бестужева, прогудел Хромов.

— Боевик и мальчишка! Великолепная команда. — Огрызнулся боярин, но опустил в кресло и действительно постарался взять себя в руки.

— Ярый и гранд, Валентин. Ярый и гранд. — Покачав головой, поправил его Аристарх и, убедившись, что Бестужев не собирается буянить, обратился ко мне. — У нас ещё одна цель. Охранник. По договорённости, после того, как он отвез Ольгу по её делам, Михаил мог считать себя в увольнении. Именно поэтому, мы и не стали поднимать шума, когда его браслет перестал подавать сигналы... дело молодое... Но теперь... — Аристарх скривился. — Миша, мой крестник, и я очень не хочу думать, что он в этом замешан.

— Попытаемся узнать это на месте. — Я развёл руками. — Никаких других вариантов у нас нет.

— Понимаю. — Хромов покосился на бледного Бестужева, молча уткнувшего взгляд в стол. — Когда начнём?

— Я начну прямо сейчас. У нас слишком мало информации о базе наёмников. Схожу на разведку, «принюхаюсь»... посмотрю, что к чему.

— Идиотизм. — Тихо пробормотал Бестужев и вдруг вскинулся. — Мальчишка! Тебя схватят, а моя дочь...

— Охолони, Валентин. — Рыкнул Хромов и криво усмехнулся. — Если он пойдёт так же, как... хм, недавно... То вряд ли, попадётся. Уж что-что, а быть незаметным Кирилл умеет. Я уже имел возможность в этом убедиться. Так что, просто поверь мне на слово. Он сможет.

— Всё равно. Один не пойдёшь. — Глухим невыразительным голосом проговорил Бестужев. — Аристарх тебя поддержит.

— Со стороны. Моих возможностей может не хватить, чтобы прикрыть Аристарха Макаровича.

— Ладно... Когда и где встречаемся? — Поинтересовался Хромов.

— У вас. Скоро буду.

— Хм. На фоне твоей просьбы изображать, что «в Багдаде всё спокойно», такое предложение не выглядит разумным. — Заметил Бестужев, кажется, начав приходить в себя. — Учитывая, где был найден браслет Оли, и почти стопроцентную гарантию наличия наблюдения за нашими домами, твой визит может взбудоражить похитителей раньше времени. А мы ведь стараемся этого избежать, не так ли?

— Никто ничего не заметит, Валентин Эдуардович, обещаю. — Я кивнул и, дождавшись ответных кивков собеседников, выключил экран браслета.

Оглядевшись по сторонам, я вздохнул, потёр ладонями лицо и, поднявшись из-за стола, на котором был разложен вычислитель, отправился собираться. Я не знаю, с какой стати наёмники ко мне прицепились и кто им платит, но выходка с Ольгой... Не надо было этого делать. Просто, не надо.

Сборы не заняли много времени. Комбинезон из «романовых» запасов, разгрузка, магазины для «Берреров»... и трещотки, которую я тоже решил прихватить с собой. А с нею и взрывпакеты, незаслуженно позабытые в закружившей меня суете.

Покосившись на россыпь мелких кристаллов-накопителей, я на миг задумался... и, нацепив тактический шлем, единственный, оставшийся у меня после изъятия приказными «вещдоков», быстро защелкал менюшками встроенного вычислителя. Есть! Теперь, вместо двух десятков «батареек», в моём распоряжении зарегистрированные маячки. Слабенькие, конечно, но при наличии активных сенсоров на шлеме, это не проблема. Пригодятся.

До базы наёмников мы с Аристархом добирались «огородами». Благо, с севера боярский городок граничит с Лосиным островом. Вот, через узкий перешеек, отделявший Сокольнический лесопарк от основного массива, мы и подбирались к небольшому загородному имению на Яузе, арендованному наёмниками.

Имение оказалось невелико. Всего-то, раза в два больше моих «владений». А вот защищено куда лучше... Один трехметровый забор со спиралью Бруно... или как она Здесь называется,

чего стоит. Вышки по углам, прожектора... фиксаторы на стенах и основном здании. Автоматические турели на тех же вышках. Дозоры вдоль стен... Серьёзно окопались наёмники.

Вообще, везёт мне на гостей нашей великой и необъятной. Уже вторая группа и опять с Балкан. Правда, в отличие от «романовских», здесь только бывшие подданные России и только неименитые. По крайней мере, именно такую информацию предоставил мне Вербицкий. Ярых и гридней нет. Зато, из двух десятков бойцов, пятеро — вои. Все достигли потолка, и ни один не дошел до старшего... Что не может не радовать...

Впрочем, сейчас я не собираюсь устраивать тотальный геноцид бывших подданных нашего государя. Моя задача — просочиться на территорию и, облазив её сверху донизу, попытаться отыскать Ольгу. Получится её вытащить самостоятельно, замечательно. Нет? Придётся звать на помощь Аристарха. Если же наречённой здесь нет... то наёмники будут умирать долго и очень неприятно... как минимум, до тех пор, пока не узнаем, где её спрятали. Обещаю.

Вот, сразу видно, что имение строил совсем не тот человек, что отвечает здесь за безопасность периметра. Иначе бы он ни за что не сделал одну из вышек в виде воротной башни. Красиво, конечно, но это даже не тропинка для диверсанта, а целое шоссе... восьмизарядное. Ну, если «гость», конечно, под отводом глаз и не желает терять время, перебираясь через колючую ленту спирали Бруно, вьющейся над каменными стенами ограды.

Оставив Аристарха на границе действия фиксаторов имения, я попрыгал на месте, проверяя, как закреплена моя амуниция и, убедившись, что дополнительных хлопот по скрытию не предвидится, двинулся в гости к наёмникам.

* * *

Рослый детина в темно-синем комбинезоне с шевроном «Северной Звезды» на плече, почесал бритый затылок и задумчиво уставился на тяжёлую металлическую дверь, за которой, в маленькой камере находился потенциальный доход отряда, запертый там командиром. Илья дёрнул перебитым носом и, бросив короткий взгляд на напарника, задремавшего на стуле, тихонько вздохнул. А хорош «доход»... такая красotka... Жаль, на неё препараты Доктора почти не подействовали, а брать девку силой, командир запретил. Эх, жаль.

О том, что девчонку собирались накормить какой-то химией, полностью срывающей тормоза, Илья услышал от самого Доктора, когда тот расписывал эффект от своих «колбочек-скляночек» командиру. Ох как обрадовался боец возможности спустить пар... Месяц же не выбирался за периметр! И тут такой облом. Только девке вкололи препарат, как её затрясло, а потом и вовсе вырубил. Напрочь! Доктор было оправдывался какими-то «личными реакциями», но командир ему всё равно чуть голову не снёс. Илья было сунулся с замечанием, мол, не всё ли равно, в сознании девка или нет... идиот. Тоже попал под раздачу. Два часа потом носовую перегородку сращивал... Сам. Потому как Доктора только утром в себя привели, да и то, кое-как. А девка так и спит себе в камере. И зачем было непременно нужно, чтоб она сама на мужиков кидалась?

Хотя-я... если подумать... Илья вновь заскреб неровно обрезанными ногтями по затылку, но, так и не придя ни к каким выводам, вынужден был ограничиться стандартным ответом на любую непонятку: «командиру виднее»...

Боец вздохнул, и уже хотел окликнуть своего дремлющего напарника, но когда повернул к нему голову, замер. Валерка сидел на стуле, запрокинув голову, а на его горле зияла кровавая «улыбка». Как?! Он же ничего не слышал!

Поднять тревогу Илья уже не смог. Мелькнула рядом стремительная тень, рассмотреть которую он не успел, и наёмник захрипел, когда лезвие перечеркнуло его шею... и, вздрогнув, замер на месте, пришпиленный к стулу странным изогнутым ножом, с еле слышным хрустом пробившим грудину.

Седой старик, неподвижно сидевший в кресле у растопленного камина и отрешённо наблюдавший за игрой лепестков тихо гудящего пламени, вдруг вздрогнул от звука пришедшего на браслет сообщения, неожиданно громко прозвучавшего в тишине погружённого в полумрак кабинета. Развернув экран, он прочёл несколько коротких строчек, и вздохнул.

— Не успели. Да... Что ж, туда и дорога. Молодец, мальчик, ещё одной мразью в государстве стало меньше. — Экран схлопнулся и старик, еле заметно усмехнувшись, вновь уставился на танцующий в зеве камина огонь. **Глава 2. Ожидая неожиданное...**

Первый, разведывательный выход прошёл... штатно. Скрывшись с глаз Хромова, я взобрался на вышку-башню и, «прислушавшись» к Эфиру, скользнул к люку ведущему на лестницу. Вот я и на территории противника. Подозреваемые? Не-не-не... я не следователь, я горлохват. Пусть на том свете доказывают свою непричастность и настаивают на презумпции невиновности...

Выглянув во двор, я пропустил мимо парочку скрипящих по щебню охранников, наматывающих круги по периметру и, оглядевшись по сторонам, неторопливо направился к длинному приземистому зданию, единственному, кстати говоря, на территории.

Здесь, у резного крыльца тоже оказалась парочка бойцов, расслабленно обсуждающих... пленницу? Ольга здесь? Какая удача... «Послушав» наёмников, я тихо втянул носом воздух. Ничего, ребята... заверяю, вам такие радости в будущем не грозят. Мертвецам красавицы ни к чему...

Один из бойцов вдруг поёжился и, оглянувшись по сторонам, резко затушил «бычок» о стоящую у крыльца урну.

— Ладно, Жор. Пойду я на пост... что-то мне как-то... — Протянул наёмник под короткий хохоток приятеля. Неужто почуял что-то...

— Я всегда говорил, что вы, эфирники, слишком мнительные. — С ухмылкой проговорил «Жора».

— Иди ты... Это не мнительность, а интуиция. — Огрызнулся тот и, поправив ремень автомата на плече, загрохотал каблуками по деревянным ступеням. О... кажется, это мой поезд.

Проскользнув следом за напряжённым «интуитом-эфирником», я, наконец, оказался в доме... О, а вот и пультавая. Он что, один здесь сидит? Удачненько. Та-ак, где у нас тут фиксаторы? Ех-х... Аж три штуки, нехорошо. Ну да ладно. Ты же у нас интуит, да? Чувствительный, значит...

Дождавшись, пока наёмник доберётся до кресла перед экранами системы наблюдения, я подгадал момент и, в ту секунду, когда этот «орёл» рухнул в объятия обтянутого кожей офисного монстра, аккуратно и очень нежно придавил кое-какую точку на его шее. Короткий эфирный разряд волной прошёл через тело замершего в кресле охранника и он тут же прикрыл глаза, чтобы уже через несколько секунд вновь их открыть и, выматерившись, вскочить на ноги. А дальше, правильно... на полусогнутых в туалет, быстро, но очень аккуратно, чтобы не

опозориться по дороге.

Есть! Не просматриваемое помещение без единого окна и... что может быть беззащитнее человека сидящего на унитазе со спущенными штанами?

Закончив короткий допрос охранника, я благополучно отправил его в небытие и, устроив тело поудобнее на унитазе, отправился обратно в пультовую. С новостями от наёмника, придётся кое-что изменить в нашем плане. Сомневаюсь, что мне удастся укрыть Ольгу под «отводом» от фиксаторов, а оставлять даже минимальную возможность доказать моё присутствие здесь, нельзя. Пусть, через десять-пятнадцать минут здесь разверзнется ад, но если выживет хоть один фиксатор, у меня будут проблемы. А значит...

Короткая пробежка до пультовой, вывести на экран схему здания... М-да, это всё-таки не крепость, и даже не боярское имение. Могли бы хоть пароль повесить, что ли? Ну, хоть для имитации какой-то защиты... Стоп! А вот это я уже видел...

Губы сами собой разошлись в улыбке... и я активировал меню связи на визоре своего шлема. Браслет послушно развернул клавиатуру.

— Ар — Мелочи.

— Слушаю.

— Диспозиция меняется. Дым без огня.

— Уверен?

— Абсолютно.

— Жду. Отбой.

Отыскать Ольгу в подвале длинного приземистого здания оказалось не просто, а очень просто, хотя на такую удачу я, признаться, не рассчитывал. Почему-то казалось, что здесь я смогу найти ответы на вопросы, но вот то, что надобность в большей их части отпадёт... удивительно. На месте наёмников, я бы побыстрее сбыл «заказ» с рук, а эти... Хм...

По мере приближения к камере, где эти идиоты заперли Олю, я старательно минировал все встречающиеся на моём пути фиксаторы. Взрывпакеты с маячками-детонаторами уютно разместились под вмонтированными в потолки металлическими полусферами. Моих сил вполне хватит, чтобы «замылить им глаза», но запись «снега» останется, как в самих фиксаторах, так и в накопителях пультовой, и кто знает, что смогут из неё вытащить специалисты того же Пятого стола, допустим. А значит, после отхода систему лучше уничтожить... на всякий случай.

Убрать двух боровов-охранников, было несложно. Закинув тела в камеру, запиравшуюся на единственный засов, я покачал головой и, подняв Олю на руки, вышел в коридор.

Фиксаторы послушно отключались на моём пути, пока я бежал по коридорам дома, а я не прекращал радоваться, что отвести глаза людям, куда легче, чем «спрятаться» от системы наблюдения.

Сдав невесту на руки мечущемуся по опушке Аристарху, я содрал с головы шлем и, пригладив взмокшие волосы, тяжело вздохнул.

— Ну? — Оторвавшись от диагностики Ольги, хмуро рыкнул Хромов. — Почему отменил атаку?

— Не отменил. Отложил. — Я облизал высохшие губы. — Аристарх, ты мне веришь?

— Хм... — Ярый смерил меня долгим взглядом, потом перевёл его на лежащую у ног Ольгу и медленно кивнул.

— Замечательно. — Я растянул губы в улыбке. Очевидно, получилось не очень хорошо, уж больно странно покосился на меня Хромов. Ладно... — Тогда поступим так. Я вернусь туда и начну... охоту. А ты... вызывай гвардию. Пригодится.

— Зачем такие сложности? — Не понял Хромов. — И что, по-твоему, должен делать я, всё это время?

— Это не сложности. Показательная карательная акция владетельного боярина в ответ на покушение на его дочь. В которой некоего Николаева и рядом нет. А ты, в это время, будешь заниматься охраной Ольги...

— Кирилл... ты уверен... — Помедлив, проговорил Аристарх. М-да, представляю, как это выглядит для него...

— Уверен. — Я кивнул и, уже напяливая на голову шлем, попытался улыбнуться снова. — Вызывай кавалерию...

Второй визит на базу наёмников ознаменовался быстрой смертью расхаживавших по периметру охранников. А потом, взвизгнувшие сервоприводы автоматической турели заставили меня шарахнуться в сторону. Чёрт, поторопился!

Направленным ударом я сжёг ближайшие ко мне фиксаторы и... тишина. Хм? Ла-адно, будем считать, пронесло. Покружив по обширному двору владения и убедившись, что больше здесь никого нет, я решил немного облегчить работу гвардии Бестужева и полез на башни, выводить из строя эти нервные устройства...

Ну вот, турели заклинены, можно и в курятник лезть. Добравшись до дома, я приоткрыл дверь... и тут же, чуть ли не нос к носу столкнулся с выходящим из пульта наёмником, тем самым, что так недоверчиво отозвался о предчувствиях своего приятеля. Что, потерял, да? Ещё одна полусфера фиксатора тихо треснула и испустила лёгкий, почти незаметный дымок.

Взмах ножа, и наёмник кулём осел на пол, заливая его кровью. Восемь минут до подхода «кавалерии»... Аккуратненько, аккуратненько...

Выстрелы начались за минуту до того, как Хромов сбросил инфу о прибытии гвардии. Чуть раньше, но... ладно. Пусть так. Еще две минуты и в доме разом грохнули взрывпакеты, уничтожая большую часть фиксаторов и пультую. Штурм!

* * *

Сдав Ольгу на руки подъехавшим вместе с гвардией медикам, Аристарх обвёл взглядом выстроившихся перед ним старших «пятёрок» и, вздохнув, принялся отдавать приказы. Раз, на браслеты прилетели схемы объекта. Два, гаснут выключенные Кириллом турели. Три, обозначаются опасные места...

Минута и в окнах дома сверкнула вспышка под глухой раскат серии взрывов. Штурм начался.

— Аристарх! Четверо в гараже, я до них добраться не успею. Бей прямым и потяжелее! Если они доберутся... — В наушнике раздался голос Кирилла. — Сил не жалея. Там броня!

Удар ярого, это страшно. Над головами штурмующих пронёсся чудовищный порыв холодного ветра и нечто невидимое, оставляющее в воздухе снежный хвост, впечаталось в дом, прямо в левое крыло, где виднелись широкие ворота гаража. Двухобхватные брёвна сруба затрещали и, осев, рассыпались мерзлыми кусками, открывая взорам атакующих покорёженную металлическую клетку, искрящую в местах прорыва. Неровно мерцающий щит выдержал ещё два удара ярого и, вспыхнув напоследок, рассыпался искрами. А ревущий поток пламени окончательно разметал то, что несколько секунд назад было частью дома, построенного из огромных брёвен... Это была точка в штурме. Наёмники попытались бросить оружие, но... ворвавшиеся в дом гвардейцы не оставили им шансов. По крайней мере, так заключили следователи Пятого стола, неизвестно какими путями пронюхавшие об этой атаке и заявившиеся к Аристарху с претензиями. В ответ, тот кивнул своим бойцам, и те, даже не подумав пропустить приказных на территорию захваченного объекта, просто притащили к ногам визитёров тела наёмников.

— Исследуйте, осматривайте... можете даже попытаться их допросить. — Усмехнулся Аристарх. — Но на базу вы не пройдёте... три дня. Как и положено по Правде.

— Но... они же не бояре. — Заикнулся было один из следователей, и получил в ответ уничижительный взгляд.

— Похищение дочери боярина Бестужева требует компенсации. Мы в своём праве. — И, развернувшись на каблуках, удалился. Ему ещё нужно было узнать, зачем Кирилл так истошно требовал зачистить гараж... **Глава 3. Один раз — случай, два раза... уже даже не совпадение**

Это, кажется, уже становится традицией... или по крайней мере, тенденцией, которая мне очень, просто очень не нравится. Я вздохнул и, пнув валяющегося связанным у моих ног командира наёмников, покачал головой. В отключке. Слишком сильно я его приложил... Ну, да это не удивительно. Защищался сей кадр просто отчаянно и времени на то, чтобы с ним совладать у меня ушло немало. Собственно, если бы не он, я бы наверняка не упустил ту четвёрку одарённых, что ломанулась в гараж, и мне бы не пришлось взывать к Аристарху, за помощью. Впрочем, если бы не моя просьба, гвардейцам Бестужева пришлось бы несладко. А майор «Северной Звезды» меня удивил, да... Такая реакция и скорость... Если б не мой разгон, сильно сомневаюсь, что мог бы справиться с этим воем... Вот что боевые коктейли с одарёнными творят.

— Итак. — Аристарх появился рядом неслышно. Возник, словно гигантский бесшумный кот из темноты и остановился рядом, вглядываясь в поляризованный Т-образный визор моего шлема. Если меня и увидят «наблюдатели», пусть у них не будет доказательств присутствия некоего мещанина Николаева в месте где «веселилась» боярская дружина. А лёгкое искажение в Эфире, только добавит неопределённости. — Что же такого ты здесь нашёл, что понадобилась поддержка гвардии?

В ответ, я топнул ногой по рифленому металлическому полу бывшего гаража.

— Слышишь?

— Пустоты? Ничего удивительного. Под нами должен быть подвал. — Пожал плечами Хромов.

— Ага. Вот только попасть в него из той части, где держали Ольгу, невозможно. — Ухмыльнулся я. — Я проверил.

— И что? — Пожал плечами ярый, но в глазах его явно проскользнуло любопытство. И я кивнул.

— Именно. Зачем возводить подвал, в который невозможно попасть? Учитывая, что дом расположен на небольшом возвышении, грунтовые воды далеко... Расточительно, а?

— Не тяни. — Вдохнул Аристарх. Что ж, как скажете, господин ярый. Тем более, что помимо сюрприза, у меня ещё есть одно желание, воплотить которое, мне не позволили медики, внаглую отогнав от сладко спящей Ольги. Эх... придётся ждать.

Убедившись, что командир бестужевской гвардии достаточно заинтересовался, я подвёл его к установленному у задней стены дома мощному генератору с огненным движком и, совершив уже знакомые манипуляции с силовым кабелем, кивнул в сторону уже очищенной гвардейцами от мусора площадки на месте гаража. Загудели сервоприводы и, под удивлёнными взглядами боярских детей, часть пола пошла вниз, превращаясь в аппарель.

Правда, в отличие от «романовской» захоронки, здесь нашлось только два контейнера и лишь в одном из них были ожидаемые мною ТК... на этот раз, немецкие легкие «Визели». Для разнообразия, должно быть. Ничего удивительного. Если я не страдаю амнезией, то в команде «Северной Звезды» было только пять операторов ТК, так что, большее число комплексов им было просто ни к чему. Зато второй контейнер был достоин того, чтобы на него поместить вывеску «Оружейный магазин». Добавлю, Военный Оружейный Магазин. Именно так, с больших букв, поскольку его содержимое на сто процентов было представлено военными образцами вооружения. От лёгкой «стрелковки», до тяжёлых станковых стреломётов и автоматических гранатомётов. Всё для ведения городских боёв. Чёрт, да с таким вооружением, запросто можно было бы взять «на копьё» какую-нибудь «банановую» республику... или кокосовое царство, ага.

Трофеи... С одной стороны, это, конечно, хорошо, а с другой... мне очень не нравится, что это уже второй подобный схрон. Закрадывается подозрение, что всё это вовсе не совпадения. Одинаковые по типу «зачапки», одинаковые способы хранения. Это, не то что намекает, а прямо-таки вопит об одном и том же хозяине... которому, я, получается, уже дважды наступил на хвост. Не хорошо. Совсем нехорошо. И ведь не докажешь же, что это только совпадения. Впрочем...

Мда. Какие уж тут совпадения?! В первый раз, столкновение произошло, когда Томилины решили повоевать с Громовыми. Второй раз, когда неизвестному заказчику о-очень захотелось зачем-то заполучить Ольгу... Или меня... Хм.

Полюбовавшись на вытянувшееся от удивления лицо Аристарха и ошарашенные физиономии пары гвардейцев, запущенных в подвал перед командиром, для проверки, я вдохнул и потопал вверх. Надо привести в себя единственного уцелевшего наёмника и поговорить с ним... по душам.

Довольно молодой парень, оказывается, этот майор. Вой, да. Любимая стихия — лёд, судя по тому, как активно он пытался наспиговать меня сосульками во время поединка.

Я похлопал своего визави по щекам, а когда тот соизволил-таки открыть глаза, снял уже

изрядно поднадоевший мне шлем. В конце концов, я самолично повыбивал в этом подвале все фиксаторы, так что опасаться, что кто-то увидит моё лицо, нечего. Майор? Так, ему это, как, собственно, и валяющимся в углу телам его бывших подчинённых, должно быть всё равно.

— Идиот. И ты думаешь, что узнав об этом, я стану о чём-то с тобой говорить? — Усмехнулся разбитыми губами наёмник, и дёрнулся вперёд. Наверное, он хотел поугагать пятнадцатилетнего мальчишку, но добился только того, что полетел вместе со стулом, за спинкой которого подавители сковали его руки, на пол. Я поднялся с точно такого же стула из гнутых трубок и, полюбовавшись валяющимся у мысков моих ботинок бойцом, кивнул.

— Не поверишь, но я не просто думаю, уверен, именно надежда на то, что вскоре ты сможешь присоединиться к своим людям, делает тебя очень разговорчивым. — Похлопав собеседника по плечу, я вздернул его за шкурку и вернул в прежнее положение... в смысле, которое он занимал до того, как попытался напугать меня своим броском.

Форсированный допрос... допрос третьей степени, полевой допрос... Кто говорит, что не выдаст ни слова даже под пытками, понятия не имеет, что это такое на самом деле. И уж тем более, не может себе представить, насколько сложно выдержать такую «беседу», когда допрашивающий знает КАК нужно спрашивать и на что обращать внимание... Не могу сказать, что я великий спец по таким вещам. Там, эта малосимпатичная, мягко говоря, обязанность лежала на нашем штатном «чехове», совмещавшем должность медика группы с ношей радиста... и профессией полевого дознавателя. Но контролировать одновременно с допросом шесть параметров «правды», вместо четырёх минимально необходимых, я вполне способен, что вкупе с эфирными умениями, в общем... соврать мне майор так и не смог. Хотя выдавить из него имя заказчика Ольги, оказалось очень и очень непросто.

Я сдержал обещание и «отпустил» майора, едва он, перестав лгать, рассказал всё, что я хотел узнать. А чтобы не давать повода к кривотолкам, просто взорвал его тело пятью прихваченными из найденного арсенала наступательными гранатами. Чтоб наверняка...

Аристарх был недоволен. Ещё бы, ярый хотел знать, какая сволочь посмела раззявить рот на ребёнка его сюзерена, а злобный малолетка обломал ему эту возможность на корню, просто подорвав мавкина наёмника гранатами, да ещё и так, что стены подвала от заляпавшего их фарша, хрен ототрёшь. Но вдоволь повозмущаться Хромову не удалось. Пришедшая в себя Ольга, услышав нашу тихую перебранку, выскочила из машины медиков, невзирая на их попытки её остановить и, пролетев десяток метров, по-моему, вовсе не касаясь голыми ступнями земли, финишировала у меня на шее.

Открывшись наречённой, я аж вздрогнул... и пожалел, что не могу ещё раз взорвать этого чертова наёмника. От Ольги исходила такая жуткая смесь ужаса и облегчения, что меня натуральным образом зашатало от этого эмоционального шторма. Я перевёл взгляд на Хромова.

— Нам надо домой. Срочно. — Очевидно, что-то поняв по моим шалым глазам, ярый молча кивнул и уже через минуту, мы с Ольгой сидели на заднем сидении очередного вездехода, с рёвом несущегося по ночному шоссе в сторону боярского городка. Точнее, я сидел на сиденье, а Оля, обхватив меня руками и ногами ни в какую не желала разжимать объятий. Так что, даже на Красное крыльцо бестужевского дома, мне пришлось подниматься, с нею на руках. Впрочем, я не в претензии, а Оле, кажется, действительно становилось полегче, когда она чувствовала, что я рядом... очень рядом, если можно так выразиться. Чем ближе, тем лучше.

В результате, показавшись пред ясны очи боярина и его наследника и переждав, пока

Валентин Эдуардович свяжется с доктором, который подтвердил мой короткий доклад о состоянии Оли, мы отправились напрямик в спальню. Нет-нет, никаких постельных игр. Просто, Ольге требовался отдых, сон... и моё присутствие под боком. Что ж, не имею ничего против...

Утро началось с того, что я почувствовал прикосновение к губам... но отвечать на поцелуй... впрочем, а стихийные техники на что?! Уж на такой-то фокус моих сил точно хватит! Оторвавшись друг от друга, мы перевели дыхание и Ольга, устроившись у меня на груди, испустила долгий облегчённый вздох.

— Если бы ты знал, как я боялась, что это только сон... — Пробормотала моя наречённая. Уже примерно понимая, о чём идёт речь, я всё-таки уточнил.

— Галлюцинации? — В ответ, Ольга кивнула.

— Они пичкали меня какой-то дрянью... но, она подействовала явно не так, как ожидалось. Меня скрутило судорогой, а потом... потом начался бред. Мне казалось, что ко мне подходишь ты, наклоняешься... а потом в нос шибал такой запах, что меня чуть не наизнанку выворачивало. Это был ужас какой-то... — Тихо проговорила Оля. — И ведь я понимала, что на самом деле, тебя рядом нет, что меня похитили какие-то уроды... Знаешь, больше всего я боялась, что меня... но они ничего не стали делать... хоть и облапали всю...

— Тебе ввели препарат... наркотик, скажем так, возбуждающего свойства, но... он почему-то не сработал.

— Препарат, да? Чтоб сама кидалась... А потом всплыла бы где-нибудь пикантная запись. Уроды. — Успокоившаяся было Ольга передёрнулась а потом обхватила меня руками и ногами, совсем как вчера, спрятала лицо за занавесой растрепанных волос и... её обнажённые плечи дрогнули.

— Эй-эй, Оленька, солнце! Ты что?! — Я забеспокоился, почуяв накатывающие от наречённой чувства. Неужели истерика?

— Ох, Кир... Когда окажусь «там», я от всей души поблагодарю наших мам. — Не по... Ну, мамы... ну... спасибо. **Глава 4. Доверяй, но проверяй... проверяй и проверяй**

Догадаться, кому именно предполагалось подsunуть эту запись было несложно, даже без откровений командира наёмников. И это не добавляло мне благодушия, геометрически увеличивая счёт, который я уже почти готов был предъявить к оплате виновнику всех недавних событий, заставивших меня крутиться, как уж на сковородке.

Но... полагаться на один источник информации, каким бы достоверным он ни был, когда есть возможность получить сведения из двух и более, глупо. Жаль, что воплотить сию мудрую мысль в действие сразу, мне не удалось. Оля, похоже, взяла пример с Милы, и теперь старалась не оставлять меня одного ни на секунду. Ходила хвостиком по бестужевскому дому... и чёрт возьми, я ничем не мог возразить. Да и не хотел, честно говоря. В общем, доктор сделал мне ещё одну справку и следующие три дня я провел в компании наречённой, быстро приходящей в себя от этого «приключения», и старательно это скрывающей от окружающих. Ну, как маленькая, честное слово...

А Михаила, кстати, того самого крестника Аристарха, отыскиали там, где и предсказывал майор

«Северной Звезды»... в борделе. И, в отличие от Ольги, схлопотавшему дозу «лекарства» и не имеющего нашего «иммунитета», бедняге пришлось и в самом деле надолго зависнуть в медблоке бестужевского имения... реабилитация, штука тяжелая.

И дело тут не в его физическом состоянии, хотя оно и оставляло желать лучшего после двухдневного секс-марафона, нет. Проблема была у Миши с головой... парень пребывал в розовых облаках и каждый его... м-м-м... «заход», словно забрасывал несчастного ещё выше на волнах эйфории... иными словами, оргазм действовал на него, как наркотический приход и, в отличие от обычных наркотиков, с каждым разом эффект только возрастал, так что, в последние несколько часов проведённые им в борделе, парень был уже в абсолютном неадеквате. Настолько, что даже привыкшая ко всякому владелица этого заведения уже начала подумывать о том, чтобы сбегать неугомонного и практически невменяемого клиента, затрахавшего весь бордель, в прямом смысле этого слова, то ли врачам, то ли полиции, и останавливала её только жадность, поскольку деньги за «развлечения» списывались с болтавшегося на руке клиента браслета, каждый «отработанный» час...

Впрочем, бестужевский доктор говорит, что его вовремя доставили, и вернуть Михаила к нормальному состоянию будет несложно. Хотя недели две-три на это уйдёт, точно.

Услышав эти новости, Аристарх сначала нажрался, потом посетовал, что не ему так повезло... поперхнулся под злым взглядом сюзерена и, наконец, пообещав, что набьет крестнику морду, когда тот вернётся из «рая» на грешную землю, попытался вырубиться прямо в кабинете Бестужева.

— А морду-то за что? — Растеряно глядя на сладко похрапывающего в кресле, наклюкавшегося ярого, спросил пустоту мой будущий тесть.

— Может, за ненадлежащее исполнение обязанностей? Или... — Пожав плечами, предположил я, но договорить мне не удалось.

— Из зависти. — Неожиданно отчётливо произнёс Аристарх, приоткрыв один глаз, и снова захрапел, как ни в чём ни бывало. И наш с Бестужевым хохот ему совершенно не мешал.

А вот Вербицкий, приславший приглашение на беседу, не смеялся. Ольга, наконец, пришла в себя окончательно, так что в гости к Пятому Столу я отправился в сугубом одиночестве. Встретивший меня у входа в невзрачное здание довоенной постройки в одном из арбатских переулков, такой же невзрачный человечек в мышино-сером костюме, стал для меня гидом... очень молчаливым, надо заметить. Проводив меня до одного из кабинетов на втором этаже здания, «гид» исчез так же тихо и незаметно, как и появился рядом, когда я перешагнул порог штаб-квартиры Пятого Стола Преображенского Приказа.

— Здравствуйте, Кирилл Николаевич. — Оторвавшись от набора какого-то текста на вычислителе, проговорил Вербицкий и кивнул мне на довольно удобное с виду кресло поставленное с торца от его двухтумбового стола.

— Добрый день, Анатолий Семёнович. — Воспользовавшись разрешением, я приземлился на подпружиненное сиденье, и закрутил головой. — Хм... не похоже это на знаменитые преображенские застенки. Дубовые панели на стенах вместо бетонной «шубы», люстра вместо забранного в решётку плафона... Даже стул, и тот совсем не жёсткий. Не отказался бы от такого кресла дома, кстати...

— Я дам вам адрес моего поставщика. — Скривил губы в холодной улыбке Вербицкий. — Но... позже. А пока, Кирилл Николаевич, прошу вас ознакомиться вот с этим документом...

Передо мной оказался лист, украшенный печатью в виде золотой короны на алом щите. Пробежав взглядом по ровным, написанным от руки строчкам, я поднял взгляд на полковника и покачал головой.

— До недавнего времени, я бы, наверное, ни словом не возразил против этих условий, но сейчас... извините, Анатолий Семёнович, мой ответ: «нет».

— А если вы получите обещание, что ваш... хм-м... недруг понесёт наказание п о з а к о н у? — Чуть помедлив, проговорил Вербицкий.

— При okazji и в том случае, если это не будет противоречить текущим интересам государства? — Усмехнулся я... и, заметив, как скривился мой собеседник, покачал головой. — Нет, Анатолий Семёнович. Увы... такой вариант меня не устраивает.

— Тогда... — Начал было Вербицкий, но я его перебил.

— Извините, могу обещать только одно. Пока он не пытается добраться до меня или моих близких и учеников, я не буду предпринимать никаких шагов. Точка.

— Здоровая наглость. — Ощерился Вербицкий и, неожиданно выхватив у меня из рук бумагу с грифом «корона», порвал её на мелкие кусочки с самым довольным видом. А заметив мой взгляд, беззаботно пожал плечами. — Ну, ты же был недоволен игрой «в тёмную», а как-то определить твои приоритеты мне было жизненно необходимо.

— А о нём как узнали? — Фыркнув, я кивнул на клочки бумаги уже тлеющие в пепельнице. Что и говорить, такой способ проверки устраивал меня куда больше, чем попытки подставить меня как «живца».

— Хм... скажем так, глава одного муниципалитета слишком уж рьяно взялся за вскрытие недостатков среди своих подчинённых, а учитывая определённый интерес моего ведомства в твоём отношении, как только среди докладов отдела «А» мелькнула фамилия Николаев... в общем, вызвать главу на беседу и выяснить, что тот решил исправить «ошибку» совершённую им в надежде на поддержку некоего известного лица... и кинулся в другую крайность, при полной поддержке последнего, было несложно. А там и остальные странности улеглись в одну систему.

— Что ж, это... неплохо. Значит, мне не придётся тратить время на расспросы... — Подумав, улыбнулся я. — Хм, Анатолий Семёнович, это единственная причина, по которой вы пригласили меня... на беседу?

— Ну, я надеялся, что ты поведаешь мне о событиях третьего дня, когда гвардия Бестужева... — Тут лицо полковника на миг окаменело, и он буквально выдохнул. — Это что, тоже Он?!

— Не понимаю, о чём вы. — Пожал я плечами. Руки полковника заскользили по столу, бездумно перебирая всякую мелочёвку...

— М-да, а ведь догадаться было несложно... но... Тебя же там не было. — Пробормотал вроде бы про себя полковник и бросил испытующий взгляд в мою сторону. Мне осталось только вновь пожать плечами.

— Ваши наблюдатели наверняка сообщили, что я не покидал территорию усадьбы Бестужевых в тот вечер.

— Да-да... Получил у меня нужную информацию и передал её тем, кто может действовать с полным правом. — Покивав, вздохнул Вербицкий... — Ну что ж... Могу сказать только одно: больше никаких проверок, Кирилл Николаевич. Ты действительно тот, кто мне нужен, и смею заметить, наше сотрудничество будет взаимовыгодным и... полностью прозрачным. Обещаю.

— Я рад, что оправдал ваше доверие, Анатолий Семёнович. И в е р ю, что это взаимно. — Я не поленился подняться со стула и отвесить собеседнику короткий поклон.

— Не сомневайся, Кирилл Николаевич. — Явно поняв намёк, кивнул полковник, в свою очередь поднимаясь из-за стола.

Мы ещё пару минут обменивались любезностями, пока Вербицкий наконец не фыркнул и, пробормотав что-то в роде: «чёртов этикет», предложил хлопнуть по пятьдесят коньяка для окончательного закрепления договора. Я не нашёл причин для отказа.

* * *

Едва за юношей закрылась дверь, полковник рухнул в своё кресло и, протяжно вздохнув, выудил накопитель из приёмного гнезда. Недоумённо покрутив в руках потемневший, явно треснувший кристалл, Вербицкий хмыкнул и сделал то, что делать не любил. Очень. Обратился в службу технической поддержки.

— Извините, господин полковник, но... у нас нет записей из вашего кабинета. — Смущённо признался молодой техник на экране и пожал плечами. — Какой-то сбой сжёг все фиксаторы на этаже.

— Как все? — Не понял полковник.

— Все до единого. — Вздохнул его собеседник и развёл руками. — Мы разбираемся в причинах, но...

— Понятно. — Вербицкий отрывисто кивнул. — Не для записи. В моём кабинете было использовано устройство одной из наших лабораторий. Результаты расследования причины аварии под гриф, и мне на стол. Ясно, лейтенант?

— Так точно, господин полковник. — С готовностью кивнул техник и экран погас.

— М-да уж... И как я теперь буду отчитываться перед его Высочеством? — Вербицкий почесал затылок, вздохнул и, так и не придя к какому-то решению, принялся собирать документы для визита в Кремль. Проблемы проблемами, техника техникой, а менять график встреч наследника престола, ради него не станут точно... **Глава 5. Лучший отдых, это смена деятельности?**

Кабинет Бестужева-старшего был полон дыма, тяжёлого и ароматного, какой только и бывает от хорошего трубочного табака. Честно говоря, я впервые видел, чтобы Валентин Эдуардович курил, но не могу не признать, с трубкой в зубах сей боярин смотрится удивительно импозантно. Впрочем, гораздо больше меня занимал наворачивающий круги по ковру Хромов, на лице которого явственно была видна борьба жадности и... честности. Могу его понять. Это моему вдовому дядюшке с его заводами и производствами, десятком ТК больше, десятком меньше, не особо важно. А вот для боярского сына служилого, пусть и владетельного боярина

Бестужева, как, собственно, и для самого хозяина этого дома, даже пять легких комплексов «Визель», это огромное искушение. Вот кстати, при существующем тотальном запрете на снаряжение частных военных структур экзоскелетными боевыми комплексами, мне на них как-то удивительно «везёт»... если не сказать точнее. Ну, не бывает таких совпадений. Не бы-ва-ет. И сказать, что такая ситуация меня беспокоит, будет слишком мягко. Напрягает и настораживает, вот это уже точнее. Как совсем недавно напрягали все эти нападения на дом и прочие непонятки... Хорошо ещё, что с «травлей» дело немного прояснилось и теперь, я хотя бы знаю, кому задать вопрос «почему»... перед тем как вырвать уроду кадык, но... рано ведь, чёрт возьми. РА-НО!

— Кирилл... — Голос Бестужева-старшего вывел меня из задумчивости, заодно отвлекая от вновь поднимающей голову ярости, вспыхивающей каждый раз, как я вспоминал, что именно пытался сотворить с моей наречённой этот... этот... Арггх.

— Слушаю вас, Валентин Эдуардович. — Кое-как задавив злость, я взглянул на Бестужева.

— Слушаешь, да не слышишь. — Вздохнул боярин, откладывая в сторону трубку. — Что с трофеями-то делать планируешь? Решать надо...

— Надо. — Кивнул я, переводя взгляд с Бестужева на Хромова. — А в чём проблема?

— Ты дурачком-то не прикидывайся. Можно подумать, сам не понимаешь, что никто не позволит держать на вооружении боярской дружины тактические комплексы. — Фыркнул Аристарх. С некоторых пор из его речи напрочь исчезли снисходительные нотки обращения старшего к младшему, и остался только довольно язвительный тон... Если это отношение равного к равному, то не пошло бы оно...

— Хм... а оставить хочется, да... — Улыбнулся я. Хромов с подозрением покосился на меня и вздохнул.

— Издевается, паршивец. — Обратился он к Бестужеву, на что тот только руками развёл... и скопировал мою улыбку. Ну да, боярину есть от чего пребывать в хорошем настроении. Дочь в безопасности, все живы и здоровы... трофеи, опять же. Аристарх зарычал. — И ты туда же...

— «И ты Брут?»... «И я, Цезарь»... «Не ожидал»... «Сюрприз»... — Пробормотал я. Легенда об этом предательстве известна и Здесь, но вот такой интерпретации мои собеседники явно никогда не слышали. Хромов даже бегать перестал. Застыл на месте, хрюкнул... и расхохотался. А следом за ним и Бестужев заухал филином. Тоже мне, нашли комика всех времён и народов.

А ведь, действительно, с трофеями нужно что-то решать... По логике, мы должны были бы заявить о них Оборонному приказу и сдать агрегаты в государеву оружейную, но... вот именно. Не даёт мне что-то покоя, зудит желание оставить ЛТК у себя, ну точь-в-точь, как у Аристарха. И вертится... вертится что-то в голове. Но, что именно, хоть убей, не могу понять...

А «Визели» эти, штука классная, однозначно. Облазил я один агрегат, как только их доставили в усадьбу. Не машина, песня... Поменьше, конечно, чем тот же «Гусар», бронирование меньше, вооружение попроще, но он легче и, если верить ТТХ быстрее и ловчее своего польского сородича. А самое главное отличие, у «Визеля» нет двигателя, что уродливым горбом выпирает на «спине» того же «Гусара», добавляя добрых полсотни килограмм к собственному немалому весу машины. «Визель» же, работает только за счёт подпитки от одарённого. Таким, не всякий ЛТК может похвастать, между прочим. Всего три модели, если быть точным. С другой стороны, это условие изначально снижает количество возможных пилотов, а сами одарённые, в

большинстве своём, предпочитают полагаться на собственные силы и умения, а не на технику. Снобы. Эх, опробовать бы этот агрегат «на воле»... Но, наверное, не судьба. Хотя? Отставить.

Я глянул на своих собеседников, подумал, и...

— Валентин Эдуардович, а у вас найдётся хороший юрист и очень хороший техник? — Поинтересовался я, а когда Бестужев, явно подбравшись, с интересом уставился на меня, поправился. — Нет, с техником позже. А вот толковый юрист был бы очень кстати.

— Хм... — Боярин задумчиво потёр подбородок и, поймав выжидающий, горящий надеждой взгляд Аристарха, со вздохом кивнул. — Найдётся, конечно... Но если ты лелеешь мысль отсудить у государя наши трофеи, скажу сразу, можешь закатать губу обратно.

— Не отсудить... сделать так, чтобы их не пришлось отдавать. — Уточнил я. Бестужев хмыкнул что-то вроде «ну-ну», но уже через несколько секунд на мой браслет пришло сообщение с контактами частного правоведа. — Это очень знающий и толковый господин, но даже если он сам не сможет по каким-то причинам тебе помочь, то уж посоветовать хорошего специалиста для него труда не составит. Знает всех... и что ещё важнее, эти самые «все» его тоже хорошо знают... и ценят.

— С вашими тремя ТК тоже буду я разбираться? — Поинтересовался я и Бестужев аж вздрогнул под взглядом Аристарха.

— Это будет интересно... — Медленно проговорил боярин и, совершенно правильно поняв недосказанное мною, усмехнулся. — Плюс десятая часть от стоимости трофеев, Кирилл. Как будущему родственнику.

— От стоимости всех трофеев. — Уточнил я. — Как будущему родственнику.

— Идёт. — Рассмеялся Бестужев. Уж не знаю, откуда у Хромова такая вера в мои таланты, но я явственно услышал его облегчённый вздох. А уж какая волна довольства прокатилась от него в Эфире... Хм.

К рекомендованному боярином правоведа, мы поехали вместе с Ольгой. А по пути я рассказал ей о своих планах и о том, зачем вообще мне понадобился этот самый юрист... и техник. Кстати!

— Оленька, а скажи мне, пожалуйста, ты не хочешь поучаствовать в этом «хомячестве»? — Поинтересовался я, лавируя меж автомобилями, заполонившими улицы города. Хм, а вроде бы, до часа пик ещё далеко...

— Каким образом? — Раздался голос наречённой в аудиосистеме шлема.

— Нужен хороший, толковый, но не зажавшийся техник. А лучше, двое, чтобы разобраться с «фаршем» этих самых Визелей и, в случае удачного разрешения дела, аккуратно вырезать «лишнее».

— О... думаю, я смогу помочь. — Промурлыкала Ольга, еще сильнее прижимаясь к моей спине. — И даже двух таких техников найду. Но... а что мне за это будет?

— Есть предложения? — Осведомился я.

— Хочу один Визель себе. — Огорошила меня наречённая. М-да. Заявочка. Как там, про чертей

в омуте? Вот-вот, тот самый случай. С другой стороны... почему бы и нет? В два комплекса сразу, я всё равно никак не заберусь. А может быть, удастся раскрутить Аристарха... хм, а вот это уже вряд ли. Судя по его поведению, Хромов за эти комплексы удавится. Если, конечно, у нас всё получится...

— Милая, а тебе не кажется, что делить шкуру неубитого медведя... немного рановато? — Поинтересовался я, бросая «Лисёнка» в правый ряд.

— Так ведь, мы и не делим. — Ответила Оля. — Просто оговариваем стоимость услуг двух очень хороших техников. Подчеркну, Кирилл. Очень хороших.

— Хм... Ну, ладно. Об одном из них и спрашивать нечего. Признайся, тебе просто не терпится запустить руки в рунные цепочки этого творения сумрачного тевтонского гения? — Вздохнув, спросил я. В ответ, от Ольги пришла волна согласия и удовольствия. Ага, словно по головке потрепала: «какой ты у меня умный!». Язва...

— Представь себе. Мне действительно интересно будет повозиться с ТК. — Со смешком проговорила Оля, получив от меня в ответ образ надутого, словно воздушный шарик, индюка.

— А кто второй? — Посерьёзнев, поинтересовался я.

— Эм-м... Помнишь Жорика? Ну, того паренька, что принёс тебе записку в кафе у моего университета... ты, тогда ещё Платошу до мокрых штанов напугал... — Напомнила Оля. О, да... такое не забывается. Так это она о том долговязом говорит, что мой браслет на раз вырубил?

— Вспомнил. — Кивнул я. — Никаких возражений не имею. А он согласится?

— Да. За хорошую плату, конечно, но... оно того стоит. Георгий, артефактор от бога. Его уже сейчас профессура чуть ли не на руках носит. Особенно, прикладники. — Рыжий замер у кромки тротуара и я, дождавшись, пока Ольга слезет с мотоцикла, заглушив двигатель, выбрался из седла.

— Ладно. Если всё получится, то деньги на его найм мы найдём. — Кивнул я и, сверившись с адресом высвеченном на визоре, снял наконец шлем и повернулся к Оле, уже пытающейся привести в порядок измятые рыжей «каскай» волосы. — Ну, вот мы и на месте. Идём?

— Идём-идём. — Улыбнулась Ольга, подхватывая меня под руку. — Оч-чень хочется узнать, как ты думаешь отвоевать эти «машинки» у нашего государства.

Не тебе одной, милая. Не тебе одной... Что ж, посмотрим, что может предложить здешняя крючкотворная братия. **Глава 6. Дышловёрты и гайкокруты. Принципы взаимодействия**

Вот, казалось бы, я сейчас должен не разговоры разговаривать а готовиться к походу в гости к той твари, что решила превратить мою наречённую в конченную нимфоманку, а вместо этого занимаюсь чёрт знает чем... Правильно. Точнее, это было бы правильно, если бы не одно «но»... Я хочу пережить грядущую встречу, и не загреметь при этом под фанфары в тот самый изолятор, что не так давно продемонстрировал мне ныне покойный приказной... опять же, с подачи того же самого уроды. А это значит, что мне нужно хорошенько подготовиться к предстоящему визиту и... успокоиться. Состояние, в котором я пребываю уже неделю, просто не позволяет мне заниматься серьёзными делами. Срываюсь...

Хорошо ещё, что Оля рядом. Наречённая каким-то неведомым образом приводит меня в порядок, и я уже не взрываюсь каждый раз, вспоминая о её похищении и о том, чем именно оно могло закончиться. Ну, по крайней мере, стараюсь не взрываться... И у меня даже получается. Правда, пока только через раз. Эх, ну почему у меня не такой лёгкий характер, как у Оли? Вот, кто действительно пережил эту неприятность. Всего три дня, и она уже готова идти вперёд, а я... Тьфу. Отставить сопли...

Я вспомнил беседу с правоведом, моложавым дядькой, плотным, словно борец или штангист, но на удивление подвижным, напрочь лишенным той обманчивой неповоротливости, что частенько встречается, как раз у тех самых спортсменов... и медведей. А вообще, если бы не брызжащая фонтаном энергия и эмоции, я запросто счёл бы хозяина товарищества «Бессонов и Ко» родственником Бестужева. Похожи обликом... но и только. Стоило присмотреться к хозяину кабинета на Тверской, и сразу становилось понятно, при всей внешней схожести с боярином, они разные, как земля и небо.

Добрых полчаса я задавал вопросы на интересующую меня тему, и чувствовал, как собеседник всё больше и больше нервничает. Точнее, сердится. Наконец, терпение юриста истекло.

— Молодой человек, прекращайте морочить мне голову. Я понимаю, в вашем возрасте кажется, что достаточно почитать «нормативку», разъяснить конкретные вопросы у специалиста, и вы тут же решите возникшую перед вами юридическую заковыку. Но подумайте сами, если бы всё было так просто, зачем бы я семь лет потратил на получение образования? — Сняв с носа маленькие круглые очки, Василий Маркович обвёл нас с Ольгой грозным взглядом и тяжело вздохнув, махнул рукой. — Молодо-зелено. Впрочем, это от возраста не зависит... Ладно... Попробуем сначала. Кирилл Николаевич, будьте любезны изложите с у т ь вашей проблемы, и позвольте мне самому оценить возможности её решения.

— Кхм... — Оля улыбнулась. — Извините, но... вопрос может показаться вам несколько... хм-м...предосудительным. А нам бы очень не хотелось ставить вас в неловкое положение.

— Ольга Валентиновна, душа моя... Для того, чтобы поставить юриста в неловкое положение, нужно отменить все законы. Но поверьте, даже в этом случае, при небольшой подготовке, хороший юрист просто станет апеллировать к законам природы... если вы понимаете, о чём я говорю. — К ответной улыбке правоведа, так и просилось прилагательное «акуля». — А если серьёзно, то прошу вас не забывать, что в моей работе, как и в труде целителя есть понятие конфиденциальности. Хотя, тут ближе, всё-таки не врачебная тайна, а тайна исповеди... Правда, боюсь, отец Евстафий за такое сравнение, на меня епитимью наложит. Ну да и бог с ним... Итак, молодые люди, рассказывайте.

Что ж, надо признать, в чём-то шустрый Бессонов был прав. Услышав моё повествование и задумку, он довольно быстро сориентировался и, вывалив на стол добрый десяток толстенных книг, принялся что-то быстро наговаривать на браслет. Понять, что именно он говорит, мне было сложновато. Уж очень архаичный язык, к тому же перемежаемый самой что ни на есть натуральной латынью... Наконец, книги были отложены в сторону, но как оказалось, только для того, чтобы видеопанель вычислителя тут же заполнилась огромным количеством стремительно открываемых документов...

Два часа... два часа мы ждали, пока хозяин кабинета закончит этот «книжный марафон». Хорошо ещё, что секретарь Бессонова, довольно милая особа лет двадцати пяти, снабдила нас с Ольгой чаем. Конечно, не мой домашний «набор», но и не пакетированное убожество... да и сласти оказались хороши... если судить по тому, с какой скоростью Оля их уничтожает.

— Нашёл. — Упав в свободное кресло и глотнув почти остывший чай, проговорил Бессонов и, погрозив мне пальцем, довольно рассмеялся. — Каюсь, Кирилл Николаевич, недооценил я вас. Хорошая идея, право слово. Конечно, сырая, но... ничего, для этого я и нужен, а? Доведём до ума... всё устроим. Я напишу условия, при которых ваши... приобретения можно будет переквалифицировать. Пусть техники обратят на них особое внимание. Предупреждаю, малейшее несоответствие, и можете прощаться со своими «игрушками». Но задумка хороша... да-а! Повезло вам с машинками... ТК «заточенные» под одарённых, это ж редкость невероятная! — Бессонов аж зажмурился. Потом приоткрыл один глаз, так и горящий хитростью и поинтересовался. — На юридический не думаете попробоваться, а, Кирилл Николаевич?

— Нет уж, спасибо. — Я еле удержался, чтобы не передёрнуться. Ненавижу бюрократию.

— Жаль-жаль. — Искренне вздохнул правовед. — Из вас мог бы выйти настоящий мастер «дышловращения»... Нет, это ж надо додуматься, провести параллель между стрелковым оружием для одарённых и ЛТК? Знаете что, Кирилл Николаевич... Я клянусь, что не возьму с вас ни копейки за свою работу, при одном условии...

— Каком, Василий Маркович? — В унисон спросили мы с Олей.

— Вы позволите мне присутствовать в Дорожном столе, когда будете регистрировать ваши «игрушки» в качестве транспортных средств. — Растянул губы в широчайшей улыбке Бессонов. О да... как я его понимаю...

Технические требования, правовед прислал уже на следующий день. А вчера, в гараже бестужевской усадьбы обосновались все пять ЛТК со своими стендами, вокруг которых тут же принялся наворачивать круги знакомый мне по единственной встрече, Георгий Рогов — слушатель третьего курса Павловского Военного Университета, гений рун и крайне слабый стихийник... Вопреки моим ожиданиям, разрекламированный Ольгой «гений» не стал кочевряжиться и быстро согласился на предложенную работу... правда, услышав о неперемных требованиях, скривился, но... этим дело и ограничилось. И вот теперь, они вдвоем с Ольгой корпят над схемами ЛТК... А я ломаю голову, как развести дядю Федора на «нашу» программную оболочку для ЛТК, просто-таки затребованную Роговым, после оценки фронта работ... при полной поддержке Ольги.

— Ты не понимаешь! Это не просто броня, это часть силового набора! Её нельзя снимать... — Трубно гудел голос Георгия. Ну, точно, опять что-то не поделили.

— Это ты не понимаешь. — Я прислонился к дверному косяку и с интересом принялся наблюдать за работой двух «сумасшедших ученых»... А как Оля кипятится, это что-то! — В требованиях сказано, снизить степень бронирования до третьего класса! Щиты мы убрать не можем. Значит, надо менять бронеплиты на более легкий сплав! Да, мне тоже не нравится эта идея. Но ничего другого сделать нельзя. Слышишь ты, дубина!

Оп. Кажется, пора вмешиваться. А то, как бы до рукоприкладства не дошло... Да и Георгий... ну, куда ему с Ольгой спорить? Абсолютно же мирный человек... трудяга...

— Привет передовикам производства! — Отлепившись от дверного косяка, я подошёл к спорщикам, те непонимающе взглянули на меня... Ну да, Здесь о таком не слышали. — Итак, что вы опять не поделили, признавайтесь.

— Да вот... — Ольга хлопнула ладонью по явно допёкшему их дуэт, листу с тех. требованиям и вздохнула. — Бессонов пишет, что бронирование должно быть не выше третьего класса. А у

нас, только корпус тянет на пятый. Вот пытаюсь втолковать Жоре, что надо снять замеры и отослать заказ на детали для замены, а он... уперся, как баран. «Не надо, не надо».

— И повторю. — Набывчившись, что при его долговязой и нескладной фигуре выглядело довольно комично, прогудел Рогов. — Незачем выкидывать деньги на ветер и превращать хорошую вещь в сплошное непотребство!

— А что ты предлагаешь? — Поинтересовался я, вспомнив старый как мир принцип: инициатива имеет инициатора... во всех смыслах. Предложил? Реализуй.

— Да всё же просто! — Фыркнул Георгий. — Фиксируем бронеплиты корпуса в положении: «открыто для тех. обслуживания», так же блокируем систему щитов, СЭП и СУО, сводим всё это в одну систему с административным доступом «только для производителя». Всё. Сверху ложится «громовская» оболочка и ни одна проверка, не то что третий класс защиты, даже второго не подтвердит! А при необходимости, один сигнал с мастер-ключа и в вашем распоряжении полный функционал ЛТК «Визель».

— Ага, и первый же выход в город... — Тут Ольга словила наши с Роговым ошарашенные взгляды и, зардевшись, хлопнула себя ладонью по лбу. — Вот ведь... Это всё Бессонов с его «регистрацией транспортных средств».

— Фух... Напугала. — Облегчённо вздохнул я. — Я уж подумал, что ты всерьёз собралась «рассекать» на ЛТК по городу.

— Говорю же, Бес...сонов попутал. — Развела руками моя наречённая и мы дружно рассмеялись.

— Ладно, не буду вам мешать, и... Оля... — Отсмеявшись, я постучал пальцами по браслету. — Если и сегодня вздумаете забить на тренировку, устрою экзамен покруче деда Пантелея.

В ответ, подруга печально вздохнула, покосилась на спроецированные браслетами взрыв-схемы «Визеля» и кивнула. Близняшки уже успели рассказать ей и о недавнем экзамене и о новой ученице... И скажу честно, чувствовать ревность своей «второй половинки» оказалось куда неприятнее, чем ревновать самому...

А после тренировки на полигоне усадьбы, и очного знакомства Оли с Елизаветой, меня ждал сюрприз. Большой.

— Кирилл, извините, могу я с вами поговорить? — Рогов поймал меня на выходе из раздевалки, когда я, чистый и благоухающий уже предвкушал скорый ужин.

— Слушаю вас, Георгий. — Я притормозил. Рогов помялся, вздохнул и... вдруг, резко опустившись на одно колено, выдал...

— Прими мою роту... атаман. — Твою ж дивизию... Что ж вы все такие хитровымудренные, а?!
Глава 7. Забытые традиции

Георгий решился. Другой шанс, скорее всего, ему уже не представится. А искать лучшие возможности... просто нет времени. Совсем нет. Месяц подходит к концу, и скоро придёт пора вносить очередной платёж за продолжение лечебного курса сестры. А денег нет... и не предвидятся. Сволочь Шутьев после недавних событий заморозил выплаты и отказался от

покровительства. Как будто Георгий виноват в его проблемах!

Когда Ольга предложила ему подработку «по профилю», Рогов перерыл все возможные источники в поисках информации о заказчике... а получив её, ухватился за предложение, как утопающий за соломинку. Впрочем, эта работа и была для него той самой соломинкой... Оказавшись на рабочем месте и отойдя от шока, когда понял, чем именно ему предстоит заниматься, Георгий вдруг поймал себя на мысли, что не отказался бы работать с этим заказчиком на постоянной основе. Кирилл, не Платон, у которого кроме боярского гонора и родительских денежек, ничего нет. Хм. Поначалу-то, Рогов решил, что заказчик, как раз из той же когорты и просто пользуется благоволением отца своей невесты... хотя представить, что боярин смог достать запрещённые к распространению и использованию частными лицами и компаниями ЛТК, просто потакая будущему зятю, было сложновато... Но, понаблюдав за Кириллом, Георгий пришёл к выводу, что тот совсем не похож на представителей «золотой молодёжи». Уверен в себе, но без снобизма, не глуп и рассудителен не по возрасту, а к его мнению прислушивается даже командир боярской гвардии. И прислушивается всерьёз! А уж когда Рогов увидел, как Кирилл проводит тренировку, и заметил скорость и чёткость, с которыми ученицы исполняют каждое указание... Ну, и рассказы Ольги о женихе сыграли не последнюю роль. И пусть её мнение было идеализированным, ввиду ясно видимой невооружённым взглядом влюблённости, но... Георгий хорошо помнил, что Ольга крайне редко ошибается в людях, по крайней мере, своего возраста.

Да, решение было спонтанным и в чём-то неожиданным даже для самого Георгия, но оно было принято и должно быть исполнено. В конце концов, интуиция ещё никогда не подводила ни его самого, ни сестру. А значит...

Рогов подловил Кирилла аккуратно в тот момент, когда тот покинул раздевалку и довольный направлялся куда-то в дом. Обращение само прыгнуло на язык Георгия, когда тот предложил заказчику свою службу.

— Атаман? — Переспросил Кирилл, с интересом глянув на Георгия. В ответ тот пожал плечами.

— Насколько мне известно, сейчас вы не принадлежите какому-либо из боярских родов. А единственный известный мне способ поступить на службу по клятве к неименитому, это признать его атаманом своей ватаги. Многие боярские фамилии, кстати говоря, начинались именно так.

— Ясно. — Кивнул Николаев. — Зачем тебе это?

— Раньше, я находился под покровительством Шутьевых, но недавно Платон демонстративно отошёл в сторону. — Медленно заговорил Рогов и вдруг грустно усмехнулся. — Скажу без ложной скромности, в Москве найдётся немало родов, что с удовольствием примут мою клятву, но... позже.

— Смысл? — Поинтересовался Кирилл.

— Они ждут, пока нужда припрёт меня дальше некуда. Тогда я буду готов дать клятву даже на самых невыгодных для меня условиях. — Проговорил Рогов, но заметив, что Кирилл ждёт объяснений, вздохнул. — Моя сестра тяжело больна. Каждый курс лечения стоит огромных для меня денег. Вот роды и выжидают, пока не выйдут все возможные сроки, и я не соглашусь служить хоть бесплатно, лишь бы лечение Инги было продолжено...

— Поня-ятно... — Протянул Кирилл. — И сколько стоит это самое лечение?

— Три тысячи рублей за ежегодный курс.

— О клятве пока говорить не будем. — После недолгого размышления выдал Николаев, и сердце Георгия дало сбой. Неужели он обманулся? — А вот найм... Предлагаю следующие условия. Пятьсот рублей в месяц и тысяча ежегодной премии. Страховка от несчастных случаев и болезней за мой счёт. Проживание и питание... в моём доме. Обязанности... будешь отвечать за всё, что содержит в себе хоть пару рун. От систем наблюдения, до технического обслуживания ЛТК. И да... информацию по болезни сестры сбросишь на накопитель и передашь Ольге. Устроит такой вариант?

Георгий только заторможено кивнул в ответ и, получив неожиданно мощный дружеский хлопок по плечу, так и остался стоять в холле бестужевского дома, глядя вслед удаляющемуся по коридору Николаеву.

* * *

Огорошил меня наш «гений». Как есть, огорошил. И ведь как решил вывернуться из сложной ситуации, а? Рота атаману. Словно, я новгородский ушкуйник и собираю судовую рать. У них такие ритуалы были в ходу и почёте. Мало чем отличаясь от вассальной клятвы, рота, в то же время, не требует именитости «сюзерена». И новгородцы всю пользовались именно такой формой клятвы, набирая собственные боевые отряды, что не удивительно, учитывая их «особое» отношение к институту боярства, вообще, и собственное положение в частности. Достаточно вспомнить, что половина тамошних Золотых Поясов, ещё в Средние века, хоть и числилась боярством у себя дома, в той же Москве иначе как купечеством считаться и не могла... и гордым новгородцам приходилось ежечасно доказывать свою «именитость». А после Гнёздовского мира, даже шепотки на тему их худородности сошли на нет. Вот тогда о роте и забыли... почти. Но саму традицию никто не запрещал, в ней просто отпала надобность. Пока об этом обычае не вспомнил один не в меру «вумный» Жора Рогов. И ведь не подкопаешься. Да, я мещанин, а не именитый и не имею права ни набирать, ни содержать собственную дружину. Так ведь, я ничего подобного и не делаю, правильно? В роте ни слова не говорится о войне и воинах. Только о честности сторон, верности данному слову, поддержке и разделе добычи... Да и вообще, достаточно взглянуть на веслоподобного Рогова, и вопрос о его возможной службе в дружине вызовет только здоровый смех. А какой договор связывает меня с техником, никого не касается... И Бессонов ещё говорил, что это из меня получится хороший «дышловёрт»?!

Вообще, дело не в том, что я так уж против идеи обзавестись собственными вассалами, тем более такими, как Рогов. Если думать о перспективе, то дело обстоит ровным счётом наоборот. В конце концов, любой род силён не только экономической и военной мощью, но прежде всего людьми, что его составляют. И Георгий может стать великолепным пополнением для будущего рода Николаевых-Скуратовых. Но... рано пока. Да и чтобы присмотреться к новому человеку, нужно время. Георгий может и в состоянии позволить себе такие вот порывы души, но я-то нет. А значит, пока обойдётся наймом. Щедрым, но вот это, как раз то, что я себе позволить могу. Спасибо гонорарам за учёбу и трофеям. Как снятым с базы Томилина, так и тому оружейному развалу, что нашёлся во втором контейнере в подвале логова «Северной звезды»...

После ужина я засел за изучение выкладок Рогова. Ну да, стоило потратить два с лишним часа, чтобы, продравшись через кучу малопонятных терминов, от объяснения которых у Оли, кажется, язык заплёлся окончательно, прийти к выводу, что без поездки к Громовым за новой управляющей оболочкой для «Визеля», мне всё-таки не обойтись.

— Мы же говорили. — Пожала плечами Оля, в ответ на моё признание. — Нам, так или иначе, придётся менять оболочку. Старая, обнаружив низкоуровневое воздействие, просто не установится на «некомплектное» оборудование.

— А «громовская»?

— Открытый код, Кирилл. — Улыбнулась наречённая. — Её словно специально создавали с возможностью установки на «чужую» технику. Но самое замечательное, что после установки громовской оболочки, любое обращение к ЛТК тестирующих систем будет осуществляться только через неё. Низкоуровневое обращение непосредственно к каждому элементу ЛТК будет заблокировано. Саму же оболочку, после её окончательной сборки, взломать уже невозможно... ну или почти невозможно. Спецы КБ Гром-завода явно постарались, чтобы трофейная техника не предавала новых хозяев в самый неподходящий момент.

— Ну да, именно поэтому вы ничуть не беспокоитесь о том, что в ходе теста возникнет вопрос: «а у кого мастер-ключ», я правильно понимаю? — Хмыкнув, я привлёк к себе довольную словно кошка, налопавшаяся сметаны, девушку.

— Не только. — Только что не промурлыкала она, устраиваясь у меня на коленях. — Замена управляющих систем и оболочек на отечественные, это стандартная процедура при легализации иностранной техники, и никого не удивит, что наши ЛТК тоже её прошли. Но, самое главное, никакие мастер-ключи подобной модернизацией не предусмотрены. Тут надо сказать спасибо Жорику. Он настоящий специалист по нахождению... и использованию недокументированных возможностей различных рунескриптов.

Надо сказать? Хорошо, скажем... Позже... Например, завтра. А сейчас у нас найдутся дела... хм-м... поинтереснее. И судя по тому, что я чувствую в эмоциях Оли, она тоже не возражает против переноса благодарности её однокурснику на потом...

Утро... Будильник... гимназия.

— Кирилл Николаевич, поднимитесь в административную часть, пожалуйста. Директор вас ждёт. — Екатерина Фоминишна встретила меня в холле гимназии, будто специально караулила... Хм, а что понадобилось от меня директору?

Я вежливо поблагодарил школьную «богиню» и, получив в ответ суровый недовольный взгляд и осуждающее покачивание головой, двинулся по указанному адресу. Кажется, зовут не на пряники...

По пути я попытался получить хоть какую-то информацию, но, к моему величайшему удивлению, Бестужев-младший оказался не в курсе причин приглашения старосты младшего «Б» класса на беседу с директором.

— Но на самом деле, угадать не трудно. — Вдохнул Лёня. — Посчитай, сколько раз ты был в гимназии... Нет, не сколько раз ты отсутствовал на занятиях, а именно посещал школу. Это будет проще, не находишь?

— Логично. — Пробормотал я и, кивком поблагодарив заместителя, отключил экран и взялся за ручку двери ведущей в приёмную директора...

— Николаев... — Секретарь директора, желчная сухопарая дама окинула меня неприязненным взглядом и махнула рукой в сторону жестких кресел в углу приёмной. — Присядьте. Я доложу директору. **Глава 8. Учат в школе. Не учат в школе. Учат, но не в школе**

Ждать возвращения директорской церберши пришлось недолго... Уже через пять минут, тяжёлая дверь кабинета открылась и, секретарь, процокав каблучками через приёмную, уселась за свой стол. Раскрыла солидную, внушающую уважение толщиной и тёмно-бордовым цветом, папку и углубилась в чтение.

Я уже приготовился провести в приёмной как минимум полчаса, когда церберша, нахмурившись, словно пытаясь вспомнить что-то, обвела приёмную взглядом и «споткнувшись» им о меня, недовольно поджала губы.

— Проходите, Николаев. Директор ждёт. — О как? Оказывается, не я один чего-то жду...

Молча кивнув, я поднялся со стула и направился ко входу в святая святых нашей гимназии. Негоже заставлять директора ждать... да и интересно же, что хочет поведать скромному школьнику сей господин...

Выяснил на свою голову... И кто бы сомневался, что Леонид окажется прав.

— Кирилл Николаевич, принимая вас в нашу гимназию я уступил настойчивым просьбам вашего деда, безмерно мною уважаемого, хотя предупреждал, что молодому человеку получившему домашнее образование, будет трудно встроиться в учебный процесс. Георгий Дмитриевич уверил меня, что вы достаточно способны, чтобы выдержать напряжённый темп обучения, задаваемый нашей гимназией... к сожалению, насколько я могу судить по вашим действиям, боярин Громов ошибся. Вы систематически прогуливаете занятия и не участвуете в общественной жизни школы. Я уже молчу про такие вещи, как ваши стычки со старшеклассниками и... тотализатор. Да-да, не делайте такого удивлённого лица. Мне известно решительно всё, что происходит в моей гимназии. И мне совершенно точно не нужны ученики, превращающие учебный процесс в балаган! Молчите, Кирилл Николаевич. Молчите, я знаю все ваши возражения наизусть. Меня не интересуют справки домашнего врача Бестужевых. Да даже наследники боярских родов не смеют так нагло пользоваться своим положением, как вы, молодой человек. Тем более, что как раз вы-то, ни на какое положение рассчитывать и не можете. Или, вы решили, что грядущая женитьба на дочери боярина Бестужева делает вас ровней именитым? Так вот нет, Кирилл Николаевич. Вы мещанин и потолок ваш — боярский сын. А посему извольте убрать это скучающее выражение с вашей физиономии и примите наказание, как должно...

Хм, чего-то в этом роде стоило ожидать... Правда, формулировочки у господина директора... на грани хамства. Ну ничего, я тоже так умею.

— Смиренному слуге сильных мира сего... вы ведь это хотели сказать, господин директор? — Я улыбнулся и, демонстративно закинув ногу на ногу, продолжил. — Может быть, вы и правы... в чём-то. Но, прошу вас, давайте будем считать, что вы высказали всё, что хотели о своём отношении к «этому ужасному выскочке Николаеву», и перейдём, наконец, к тому вопросу, ради которого вы меня вызвали... И покороче, пожалуйста, а то у меня через пять минут начнётся урок. Не хотелось бы опаздывать.

Честное слово, вот с кем другим, я бы не рискнул «зарядить» такую длинную фразу. Но «учительская» привычка директора выслушивать ответы до конца, позволила мне беспрепятственно завершить свой пассаж... О, сколько было криков! Какие эпитеты, сравнения и гиперболы использовал мой внезапно раздухарившийся собеседник. Это, просто песня. Он так живо и образно говорил, что я аж заслушался. Ну а итогом этого концерта, как я и подозревал, стал документ о моём отчислении, оформленный, кстати, вчерашним днём.

Собственно, придя именно к такому заключению во время первой тирады директора, я и не стал изображать из себя пай-мальчика. А зачем? Если решение уже принято и бумаги подписаны, то все мои попытки предстать белым и пушистым, заранее обречены на провал. Бессмысленны. А раз так, то зачем терять время? Нет, возможность какого-нибудь другого исхода, вроде «последнего китайского предупреждения», я тоже рассмотрел... и признал его маловероятным.

— Благодарю за то, что уделили мне время, господин директор. — Произнёс я, поднимаясь с кресла, когда мой собеседник окончательно выдохся и швырнул по столу бумагу об отчислении. Ещё раз окинув взглядом полученный документ, я хмыкнул и, небрежно свернув его, положил в карман куртки, после чего потопал к выходу, но замер на полдороги и обернулся к провожающему меня злым взглядом директору. — Последняя просьба приговорённого, если позволите...

— Ну? — Нехотя выдавил он. Действительно выдохся, надо же... А я бы послал куда подальше наглого юнца. Хм.

— Подскажите контакты Городского образовательного совета?

— Жаловаться будешь? — Ощерился директор.

— Зачем? Оспаривать волю бояр-попечителей? — Хмыкнул я в ответ. — Глупость, даже если учесть, что они не в курсе истинных причин моего отчисления. Нет, хочу подать документы на досрочное получение сертификата о полном среднем образовании.

— Спросишь у секретаря. — Скрипнув зубами, прошипел мой собеседник и мотнул головой в сторону двери. — Выметайся.

— С превеликим удовольствием. — Улыбнулся я и, махнув рукой вновь начавшему закипать директору, вышел из его кабинета.

Вот так. И здесь жмёт... гад. Ладно, выгребемся. Недолго осталось этому уроду портить мне жизнь. А с того света, он точно не нагадит...

Бросив случайный взгляд на вжавшуюся в кресло «цербершу», я опомнился и, притушив эмоции, стёр с лица предвкушающую улыбку. В ответ на вежливую просьбу, секретарь нервно кивнула и через минуту на мой браслет упали контактные данные ГОСа. И это правильно. Негоже оставаться без образования, только потому, что кто-то... не будем показывать пальцем, решил, что юному Кириллу Николаеву, таковое вовсе ни к чему. Но, этим можно будет заняться и чуть позже. А пока... Хм. Если я правильно понимаю, то идти на занятия мне совершенно ни к чему, а значит, у меня, совершенно неожиданно появилась куча свободного времени...

В тот момент, когда Екатерина Фоминишна должна была найти у себя на столе шикарный букет цветов с небольшой запиской от одного бывшего ученика гимназии имени Равноапостольного князя Владимира, я, чудом отделавшись от непонятно почему приставшего ко мне, словно банный лист, Николая — охранника и бессменного водителя близняшек, дожидавшегося их у школы, расстрелял громовского бойца на очередную пачку сигарет и, оседлав «Лисёнка», рванул в Часцы, где расположился полигон Московского лёгкого бронеходного полка. Чёрта с два бы меня, конечно, кто-то пустил сюда без предварительной договорённости, но, к счастью, Вердт находился здесь, вместе с вверенным ему подразделением, а потому, едва рыжий замер на небольшой стоянке перед КПП, как Вячеслав, поднырнул под полосатый шлагбаум и, буквально стащив меня с седла мотоцикла, радостно

облапил.

— Ей-ей, Слава! Я не твоя дама, незачем меня так приветствовать! — Вывернувшись из рук улыбающегося гвардейца, проворчал я. Тот на миг опешил, но потом до него дошёл смысл моих слов...

— Тьфу на тебя, дитя порока! — Хохотнул Вердт. — Я просто рад тебя видеть. Ты себе не представляешь, насколько удачно складываются обстоятельства! Помнишь, разговор о моих однополчанах, любителей стрельбы? Так вот. Сегодня, весь полк на полигоне. До часа дня откатаем «обязаловку» для проверяющих, а потом... Солдат в казармы, а у офицеров свободный день.

— И?

— Кто-то обещал мне помочь «укатать» некоторых зазнаек, помнишь? Сегодня, просто замечательный день для этого. — Вячеслав довольно потёр ладони. Ишь какой шустрый...

— Хм... а кто-то, помнится, обещал мне дать возможность погонять на боевых платформах... — Задумчиво протянул я. Вердт с готовностью кивнул.

— Не вопрос. Пара легких «коробочек» останется здесь до самого вечера, чтобы любой из офицеров имел возможность потренироваться, так что, здесь проблем не будет. А теперь, если мы договорились, вперёд! С нетерпением жду момента, когда смогу полюбоваться на сдувшиеся физиономии кое-кого из однополчан... Нет, всё-таки, как удачно, что ты решил заглянуть именно сегодня.

— Вот, кстати, — вспомнил я, когда Вердт передал дежурному на КПП мой пропуск, и мы оказались на территории полигона. — Ты же говорил, что раньше января никаких полковых выездов на полигон не планируется... Что-то изменилось?

— Да, чёрт его знает, Кирилл. — Отмахнулся мой знакомый. — Нас уже неделю дёргают. Каждый день мотаемся туда-сюда, отрабатываем взаимодействие, повышаем выучку... в общем, дым коромыслом. Сегодня, вот, для завершения картинки, не иначе, сюда пригнали. С утра тут от генералитета было не продохнуть, такую показуху им устроили... как говорит наш полковник: «мама, не горюй». Вымотались все, конечно, изрядно... Ну ничего. В час, колонна уйдёт в часть, солдатам отдых до утра, а мы погуляем... благо, медики у нас не из последних, так что от усталости валиться не будем, точно...

Только тут я заметил покрасневшие, с лопнувшими капиллярами глаза Вячеслава и его нервные движения. Такое бывает, если не спишь пару суток... Ни фига ж себе их гоняли!

— Э-э, Слава, так, я, наверное, не вовремя... — Покачал я головой. — Может, лучше в другой раз?

— Оставь, Кирилл. — Легкомысленно отмахнулся тот. — Ерунда это всё. Полчаса в боксе, под присмотром Митрофаныча, и мы будем в полном порядке. Хоть в атаку, хоть в бордель. А уж пострелушки устроить, и вовсе плёвое дело...

Я недоверчиво покосился на Вердта, а тот, поймав мой взгляд, вдруг посерьёзnel.

— Нам нужна разгрузка. Не просто завалиться спать до утра, а хорошенько расслабиться. Пьянку полковник запретил, выезды в город тоже... А тут твой звонок с просьбой. Кое-кто припомнил моё обещание насчёт стрелка, офицерское собрание тут же постановило устроить

небольшое состязание, в общем, как-то так... — Вердт развёл руками.

Соревнование стрелков, да? Пьянка запрещена? А как тогда называть то, во что превратилось это чёртово состязание в момент, когда один из соперников поставил на кон первый ящик шампанского?! Чёртовы гусары! И зачем же я так нажрался?! **Глава 9. Гость в дом, радость в дом?**

Утро следующего дня было... тяжёлым. Мало того, что юный организм ответил чудовищным стрессом на выпитые вчера две бутылки шампанского... позорище! Так ещё и похмелье не заставило себя ждать. А уж как опешила Ольга, примчавшаяся, едва узнав о моём отчислении и обнаружив своего наречённого лежащим пластом на диване в гостиной и лупающим красными глазками. Сначала, Оля решила, что моё спокойствие, всего лишь следствие похмелья, но когда я пришёл в себя и даже не подумал выразить беспокойства об отчислении, она... скажем так, сильно удивилась.

— Кирилл, тебя что, это совершенно не волнует? — Спросила Оля с недоумением, наблюдая за тем, как я с прорезавшимся диким аппетитом налегаю на омлет. В ответ я только пожал плечами. Ну да, не говорить же с набитым ртом? — Но как так можно, Кирилл! Неужели ты не понимаешь, что без сертификата об окончании школы, в жизни никуда?

— Оленька, я всё прекрасно понимаю, но объясни мне, недалёкому, с чего вдруг ты решила, что я не собираюсь получать сертификат? — Прожевав очередной кусок омлета, проговорил я.

— Где?! — Всплеснула руками Ольга. — Да после отчисления из этой гимназии, на тебя будут косо смотреть в любой школе! И ещё не факт, что примут... Кирилл!

— Ты ещё посетуй на то, как я дошёл до жизни такой. — Ухмыльнулся я, а когда Оля, всерьёз рассердившись, уже открыла рот, чтобы вывалить на меня всё, что она думает о моём легкомыслии, перебил её, не дав сказать и слова. — Я не собираюсь поступать ни в какую школу, просто потому, что обучение в них грозит закончиться так же, как и в гимназии князя Владимира. Отчислением. В этом, я уверен почти на сто процентов. Потому, уже на этой неделе я подам документы в городской совет образования и после Нового года сдам выпускные экзамены... экстерном. Поверь, знаний у меня хватит. Ясно?

— Хм, здраво. — Поразмыслив, чуть успокоилась Ольга. — Но почему ты уверен, что тебя отчислят из любой школы?

— Ну, если той твари, по чьему приказу тебя похитили, удалось уболтать директора гимназии, то с другими, не столь... защищенными боярским авторитетом директорами, подобный финт ушами проверить будет ещё проще. Не находишь?

— Логично. — Признала Ольга, но вдруг встрепенулась. — Кстати, давно хотела спросить, почему ты так уверен, что похищение было попыткой надавить на тебя, а не на отца?

— Потому, что во взятых с «Северной Звезды» трофеях, нашлись кристаллы с отчётами их командира, составленными для нанимателей и... запись его разговора с заказчиком похищения. Майор был предусмотрительным человеком, и постарался обезопасить себя от возможных проблем в дальнейшем. Так что я знаю наверняка, кто стоит за моей травлей вообще, и за твоим похищением в частности. И поверь, я эту гниду достану. Скоро. Очень скоро.

Оля «полыхнула» в Эфире огорчением, но тут же взяла себя в руки и переключилась на обсуждение работ по приведению в порядок доставшихся нам ЛТК. Ха, как будто я не понимаю, что отступилась она лишь временно. Взяла тайм-аут, можно сказать. Но идея мстителя-одиночки ей явно не по душе, и отговаривать она меня будет. Что ж, потерплю. А пока обсудим планы по добыче программного обеспечения для «Визелей», тем более, что наметки уже есть, осталось лишь договориться с дядей Фёдором.

Когда Рогов затребовал «громовскую» оболочку для ЛТК, первой моей мыслью было... дать нахалу по башке. Нет, логику его понять несложно, тем более в здешнем обществе, где родственные связи играют огромную роль. Так что с точки зрения Георгия, попросить у родственников необходимое для «Визелей» программное обеспечение, вполне естественно. Но как же мне не хотелось давать им пищу для размышлений и простор для подозрений... кто бы знал!

Собственно, именно поэтому, перед тем, как договариваться с дядей, я и решил навеститься в гости к Вердту. Всё-таки, не зря же их полк носит название бронеходного... Не то, чтобы я всерьёз рассчитывал на помощь Вячеслава, но попытка не пытка...

И каково же было моё удивление, когда в разговоре с одним из офицеров, я узнал, что так называемые РСУ легких боевых платформ, составлявших основное вооружение полка, ничем не отличаются от «оболочек» их же ЛТК, используемых ротой охраны... Разумеется, есть различие в управляемых модулях, но... все они имеются в «базе» любой оболочки, независимо от того, в каком типе техники установлена эта самая РСУ. Громоздко? Так, первое, что делают техники обслуживающие машины, это тонкая настройка систем, по результатам которой, «ненужные» на конкретной машине элементы РСУ просто удаляются, причём совершенно самостоятельно. Вот теперь я понял, почему Рогов так легко говорил о «громовских» оболочках. Всё-таки, боевые платформы различных модификаций распространены куда больше, чем ТК. А мне и в голову не могло прийти, что кто-то додумается унифицировать программное обеспечение для таких разных машин, как боевые платформы и тактические комплексы... Но, это удачно. Просто очень удачно... И даёт возможность вести переговоры с дядей Фёдором, не опасаясь, что он начнёт подозревать меня в незаконном владении ТК.

Хорошо ещё, что я ничего не забыл после этой феерической пьянки, устроенной офицерами-бронеходами, в честь завершения проверки их полка... и в честь победителя стрелковых состязаний, в которых я не поднялся выше полуфинала... Капитан Седых, командир второго батальона сделал меня, как мальчишку... хм. Правда, у меня имелось одно оправдание. В тире «Девяточки» просто негде было тренироваться в стрельбе из станкового пулемёта.

На встречу с новым главой рода Громовых, я поехал в выходные, очень удачно и вовремя получив от близняшек напоминание о предстоящем пире по поводу конфирмации нового боярина Громова. Как сказал дядя Фёдор, когда я позвонил ему, чтобы уточнить время визита, «негоже забывать о родне...» Хм. Ну, это как сказать. Конечно, сёстры, вроде бы образумились, а их матушка меня уже не побеспокоит, но... ведь есть ещё Алексей, доверять которому я не могу, поскольку за пару последних наших встреч, довольно коротких, к тому же, я так и не разобрался в его отношении ко мне. Да и бывший глава рода, дедушка Георгий Дмитриевич, чтоб ему икалось...

Ольга, несмотря на приглашение «на две персоны», решила остаться дома, точнее, в усадьбе Бестужевых. Благо пир проходил по разряду «домашнего обеда», так что клевать нас за такое мелкое нарушение этикета никто не станет. А Олю, как и Рогова полностью захватил процесс «модернизации» ЛТК, так что эти два двинутых на технике гения, только что не ночевали в гараже. Вот и сегодня, наречённая променяла моё общество и визит к Громовым, на разбор

очередной схемы ЛТК. Честно, я скоро начну ревновать Ольгу к этому чертову «Визелю»!

— Кирилл, рад тебя видеть! Совсем ты позабыл к нам дорогу. — Улыбнулся Гдовицкой, встретив меня на пороге основного дома усадьбы. Я пожал руку начальнику СБ и улыбнулся в ответ...

— Дела-дела... столько всего навалилось, что времени на поездки в гости просто нет... Да и вы давненько не заглядывали ко мне. — Я развёл руками и кивнул в сторону ведущих в столовую высоких двустворчатых дверей. — Я не опоздал?

— Ничуть. — Покачал головой Владимир Александрович. — Старшие ещё не собрались. Так что, времени у нас ещё полно, пойдём, поболтаем, или ты сначала проводишь учениц?

— Сначала надо бы хозяев дома поприветствовать. А там, да можно будет и поговорить. Что же до учениц... Я их и так каждый день вижу, можно и отложить встречу на пару-тройку часов. — Кивнул я беззаботно, хотя внутренне напрягся. Что-то тут происходит, явно... Сбор членов рода, желание начальника СБ «поболтать»... да и приглашение на такое сборище, тоже не надо сбрасывать со счетов. Я ведь теперь к фамилии Громовых не отношусь, так что, по логике, на этом мероприятии меня и в помине быть не должно было. Хм...

Тем временем, Гдовицкой, согласившись с моим мнением, и хлопнул по плечу.

— Тоже верно. Начнешь с Фёдора Георгиевича? Он сейчас у себя в кабинете. — Начальник СБ кивнул в сторону лестницы.

— Именно. — Улыбнулся я. — Вы со мной?

— А как же! А то заблудишься ещё. — Фыркнул Гдовицкой и первым шагнул на широкие ступени.

Только поднявшись на второй этаж, я понял шутку начальника СБ. После «ухода» Громова-старшего, его сын основательно переделал эту часть здания, и одной перестановкой мебели, дело не обошлось. Там, где раньше располагалась анфилада комнат, начинавшаяся от лестницы, теперь был большой холл, а в кабинет, расположившийся в противоположном конце здания, вёл широкий коридор, стены которого были увешаны картинами и зеркалами, отражавшими щедро льющийся в высокие окна, солнечный свет. И ни одной боковой двери... Очевидно, войти в помещения за стеной можно только через кабинет главы рода. Личные покои... так сказать. Ну как тут не заблудиться...

Фёдор Георгиевич, тепло поприветствовавший меня, когда я перешагнул порог его кабинета, тоже не спешил развеивать моё неведение относительно причин приглашения на этот сбор. Поняв, что узнать о готовящемся сюрпризе мне пока не светит, я попытался перевести разговор в деловое русло, но увы...

— Кирилл, я понимаю, что у тебя есть какое-то дело ко мне, но прошу, давай поговорим о нём после обеда. — Скривился новый боярин Громов, и я не стал настаивать. После обеда, так после обеда.

Как я и предполагал, за столом собралось больше двух десятков человек. Деда притащили с собой сыновей и дочерей, а Пантелей Дмитриевич, так и старшего внука прихватил, шестнадцатилетнего Вадима. Вообще, самое младшее поколение Громовых было представлено довольно скудно. Алексей с близняшками, да Вадим. И те, как и я пребывают в неведении относительно причин сбора... судя по тому, как они переглядываются. А в ответ на мой

вопросительный взгляд, Мила только пожала плечами. Точно, не в курсе. Хм... а ещё, здесь, по моему, кое-кого не хватает. Георгий Дмитриевич решил пропустить собрание? Обиделся, что ли? Или просто уехал куда-нибудь?.. Это было бы печально, потому как у меня есть разговор не только к нынешнему главе рода, но и к его предшественнику... А нет, вон он идёт. Теперь, все в сборе. Замечательно.

Патриарх семьи вошёл в трапезную, на миг задержался у принадлежащего теперь его сыну, места во главе стола и, сделав ещё один короткий шаг, уселся в единственное оставшееся свободным кресло, по левую руку от своего бывшего «трона». **Глава 10. Кому я должен, с тем прощаюсь...**

Кто бы мне сказал, чем обернётся покупка «оболочки» для наших ЛТК... Двадцать шесть тысяч рублей! Рехнуться можно, но... оно того стоило, честно слово. Правда, дядя Фёдор косился на меня как на сумасшедшего, пока я выбирал подходящий «довесок»... Ну да, приобрести РСУ в открытую нельзя, зато можно взять нечто, где эта самая оболочка уже установлена. Другое дело, что подобное «нечто» должно быть новьём абсолютным и ни разу не активированным, в противном случае, РСУ достанется уже урезанная до необходимого конкретному агрегату состояния, а значит, переносить её на ЛТК будет бессмысленно. С другой стороны, список техники доступный для приобретения частными лицами, в номенклатуре «Гром-заводов» не так уж и велик... И дешёвых платформ среди них практически нет. Но, я нашёл необходимое и, честно говоря, платформа понравилась мне настолько, что я даже не стал трогать деньги выделенные Бестужевым на покупку. Обошёлся собственным худеющим кошельком. Ну да, ничего. Вооружение «Северной звезды» уже выставлено на аукцион в Речи Посполитой, так что, скоро моя калита должна пополниться некоторой суммой. Может быть, даже и отобью стоимость купленной платформы... надеюсь.

— Кирилл, и всё-таки, объясни, зачем тебе понадобилась эта спасплатформа? — Недоумённо проговорил Фёдор Георгиевич, едва получив подтверждение из банка о поступлении оплаты.

— Я летом собираюсь отправиться путешествовать по стране. — Пожал я плечами, с удовольствием разглядывая изображение только что приобретенного агрегата. ПС-У, девятиметровый монстр на шести колёсах почти полутораметрового диаметра, выкрашенный в яркий оранжевый цвет. Настоящий вырвиглаз. Ничего, перекрашу.

— Без прав? — Приподнял бровь боярин. — На платформе спасателей? Оригинально.

— А я с Ольгой поеду. У неё-то права есть. И да, именно на платформе. А что? Медицинский блок переделаю в жилой, санузел имеется... маленький правда, ну так я его расширю за счёт бака для огнетушительной смеси. Водорегенерационный комплекс есть, так что проблем с водой точно не будет. Я уж молчу про эфирную установку! Никаких расходов на заправку, знай себе накопители подзаряжай вовремя... Представляете, какая экономия на отелях получится? — Ухмыльнулся я и демонстративно почесал затылок. — Вот только не знаю, во что переделать отсеки для пожарных скафандров... мне-то они, как-то без надобности. Ну да ничего, что-нибудь придумаю.

Тут я sluкавил, конечно. Думаю, если напрямч Рогова, то в нишах, предназначенных для пожарных скафандров можно будет упиxать стенды для наших ЛТК, вместе с самими «Визелями»... Хотя, конечно, голову Жорику придётся «посушить» изрядно. — Кирилл, ты сумасшедший. — Заключил Фёдор Георгиевич, и нахмурился. — Подожди, а учёба как же? В смысле, ты же не собираешься Милу с Линой с собой брать?

— Нет, конечно. Места в платформе не так много, чтобы вчетвером можно было с комфортом разместиться. Про охрану, которую вы им обязательно всучите, и вовсе промолчу. А рассекать по стране кортежем... ну это уж точно, глупость. Да и вообще, пускай отдохнут от меня месяц-другой. Заодно, по возвращении, смогу оценить насколько усердно они способны заниматься самостоятельно. — Заключил я.

— М-да. Удивил ты меня, Кирилл... — Покачал головой боярин Громов и, побарабанив по столу пальцами, вздохнул. — Ладно, завтра к вечеру тебе доставят «обновку» домой, жди. Потом, как-нибудь покажешь, во что превратил несчастную платформу. Мне интересно...

— Не вопрос. — Кивнул я. — Спасибо за помощь.

— Да не за что. Деньги-то твои. — Отмахнулся дядя Фёдор и нахмурился. — М-да... Ладно. А теперь, с твоим делом мы закончили, я так понимаю?

— Вроде бы. — Я пожал плечами и, помедлив, поинтересовался. — А у вас ко мне тоже имеется какое-то... дело, так?

— У нас, да... — Задумчиво протянул боярин и, откинувшись на спинку кресла, замолчал. Хм, а вот отцов «трон» в кабинете, где мы с дядькой устроились сразу по окончании долгого «домашнего» обеда, Фёдор Георгиевич, в отличие от остальной обстановки, оказывается, не поменял...

— Я вас слушаю, дядя Фёдор. — Поторопил я собеседника, кажется, потерявшегося где-то в собственных мыслях.

— Да... извини, Кирилл. Задумался. — Очнулся он и, бросив на меня острый, оценивающий взгляд, тихо заговорил. — Как ты понимаешь, приглашение на обед было только поводом для нашей встречи. Я... наслышан от близняшек, что у тебя возникли определённые трудности и... хочу напомнить свои слова. Ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью, Кирилл.

— Я помню, Фёдор Георгиевич. — Кивнул я. — И благодарен вам за это. Но, честное слово, с происходящим со мной, я должен справиться сам. Подождите, не перебивайте. Тому есть две причины. Первая, это моя эмансипация. Штука редкая, так что, сейчас, на меня, как на зверька в зоопарке, направлено внимание всего московского света. Справится, не справится, выплывет или потонет. Да, я могу воспользоваться вашей помощью, но... где же здесь самостоятельность? И второе... я знаю, кто меня травит, и не хочу лишних проблем для рода Громовых.

— Кто? — Фёдор Георгиевич аж вперёд подался.

— Бельские. Чуют твари, что я могу лишить их половины гвардии и привилегий, заявив права на главенство в роду Скуратовых, вот и устроили травлю. Убить меня, когда я под прицелом внимания всего света, значит потерять лицо. А так... полагаю, они рассчитывали, что я сломаюсь, или наделаю ошибок, после которых Государь даже рассматривать возможности передачи мне титула Скуратовых не станет. Вот только, их психологи совершили ошибку. Они рассчитывали давление на «золотого мальчика», выросшего в теплице, а я...

— Да уж, а условия твоей жизни, тепличными точно не назовёшь. — Грустно кивнул Громов. — Но, как ты узнал?

— Я распотрошил вычислители наёмников, что похитили Ольгу. Как я уже говорил своей наречённой, майор «Северной звезды» был очень предусмотрительным человеком и хранил

записи своих переговоров с нанимателями...

— Ну да, теперь понятно, что ты имел в виду под проблемами для нашего рода. Если мы вступимся за тебя, то это может оказаться началом большой войны родов. Так?

— Именно. И я не хочу стать причиной такой бойни.

— Во-от как... — Боярин вздохнул и, прикрыв глаза, снова задумался. В кабинет воцарилась тишина. Ненадолго. Фёдор Георгиевич открыл глаза, и вдруг усмехнулся. — Вот как, значит... Ладно, думаю, здесь мы можем сделать, как ты выражаешься «финт ушами». Кирилл, выслушай меня, пожалуйста, и не перебивай, пока я не закончу. Хорошо?

— Конечно. — Кивнул я. Интересно, что задумал мой драгоценный дядюшка?

— Ты правильно сказал насчёт внимания к эмансипированному. Действительно, таковые, редкие птицы в наших краях. И мы тоже внимательно следили за творящимися вокруг тебя событиями... не нарушая, естественно, наших договорённостей. Да, и кое-какие подозрения насчёт Бельских у нас тоже имелись... Так вот, сегодняшний сбор совета рода, оценив твои действия, умения и возможности, решил дать... Тьфу, к чёрту, этот велеречивый бред. Короче, Кирилл, если ты прав относительно авторов травли, то оставить тебя без поддержки я не могу, это было бы предательством памяти моего брата и его жены, твоей матери, но... у нас имеется возможность избежать войны с Бельскими, и одновременно, обезопасить тебя от их нападков. Наше старичьё, наконец, прекратило переливать из пустого в порожнее... за что надо сказать «спасибо» недавнему шоу, что ты устроил с близняшками для Пантелея... В общем, род Громовых предлагает тебе стать главой младшей ветви. Условия, естественно, обсуждаемы. Никакого давления в стиле моего батюшки. Всё на паритетных началах. Что скажешь, Кирилл Николаевич?

Вот это заявление... А оно мне надо, такое-то счастье?!

— Я... я должен всё хорошенько обдумать, Фёдор Георгиевич. — Немного оправившись, выдал я из себя.

— Разумеется. Я тебя не тороплю... и, учти, каким бы ни было твоё решение, я его поддержу. — В Эфире словно волна прошла... Усталость, грусть... а ещё уверенность в собственном решении и... смирение? Однако...

Я проследил за взглядом Фёдора Георгиевича и наткнулся на фотографию его отца, стоящую на книжной полке... М-да...

* * *

Холодный зимний ветер взметнул шторы у открытого окна в тёмной спальне, но пробравшись в комнату, моментально притих. Коснуться стужей спящего на огромной кровати старика, ему не удалось, помешал исходящий от него жар. А вот появившаяся в спальне, невидимая в ночи, тёмная фигура, совершенно спокойно преодолела огненную защиту спящего и мягко коснулась ладонью его шеи. А в следующую секунду, запястья старика «украсили» два широких кожаных браслета.

Кокон тепла окружавший старое тело, рассеялся и холодный ветер тут же вцепился морозом в щеки и нос спящего. Старик дернул головой, распахнув глаза, но даже закричать не смог. Парализованное прикосновением тело, верой и правдой прослужившее ему добрую сотню лет,

вдруг отказалось подчиняться хозяину. Он попытался призвать свой Огонь, но тот, плеснув, бессильно разбился об оковы подавителей.

— Ну-ну, не надо так сердиться, Георгий Дмитриевич. — Прошептал незванный гость. Бешено сверкающие глаза старика нашарили в темноте фигуру визитёра, и ярость в них, сменилась ужасом. — Угадал, это я. Пришёл попрощаться... О да, ты всё правильно понял. Я, видишь ли, больше доверяю личному допросу, а не чьим-то записям. А со мной, наёмник был откровенен, уж можешь поверить. Ладно, время вышло. Спокойной ночи и... пусть земля тебе будет пухом.

Кирилл ощерился, глядя в сереющее лицо Громова, а в следующий миг сердце боярина сбилось с ритма и... замерло. **Эпилог**

От необходимости дать ответ на предложение дяди Фёдора меня избавила поднявшаяся шумиха и суeta вокруг смерти его отца. И это было неплохо. У меня нет совершенно никакого желания вливаться в дружную семью Громовых. Вообще. Но вот рубить правду-матку сходу и посылать их подальше... аккуратнее надо, аккуратнее.

Известие о смерти патриарха облетело столицу в считанные часы. Собственно, даже я «узнал» эту новость сначала от Ольги, а потом уже от Фёдора Георгиевича, нашедшего время позвонить мне, несмотря на весь царящий в его доме переполох. Тон боярина был сух и ровен, но в глазах... в глазах отчётливо было видно... облегчение. М-да, дела...

Дождавшись окончания моего разговора с Фёдором Георгиевичем, необычно задумчивая и чем-то... нет, далеко не довольная, но явно встревоженная, Ольга позвала меня обедать. Сегодня, для разнообразия, она сама встала у плиты...

— И что случилось? — Поинтересовался я, когда мне надоели её попытки закрыться.

— Кирилл, скажи... — Оля прикусила губу, на миг замолчав, и набрав полную грудь воздуха, вдруг выпалила. — Судя по твоему спокойствию... эта... травля... закончилась, ведь так?

Я моргнул. М-да уж... Кто бы сомневался, что у моей наречённой хватит ума сопоставить факты.

— Да. — Кивнул я. — Закончилась.

— Значит, это был Громов-старший? — Тихо спросила она. Ну, точно...

— Хм. — Я поднялся из-за стола и, усевшись на привычное место под форточкой, задымил сигаретой. Тихий треск одним ударом выведенных из строя фиксаторов, показался оглушительным. — Да.

— Ты знал... — Уже не спрашивая, утверждая, проговорила Оля. — И...

— Нет. Он умер от сердечного приступа. Думаю, старик до конца не верил, что родня безоговорочно примет сторону Фёдора. Это его и подкосило. Но, если бы не приступ...

— Ты убил бы его... — Закончила за меня, невеста. — Из мести?

— Вот ещё. — Фыркнул я. — Из соображений безопасности. Мне с головой хватило твоего похищения, и я не мог... бы позволить себе риск оставить его в живых. Кто знает, что пришло бы ему в голову, в следующий раз!

Глаза Оли сверкнули, она шумно втянула носом воздух и... разрыдалась. Твою ж дивизию! И... и что мне теперь делать? Поднявшись, я скользнул к невесте и осторожно положил руки ей на плечи. А в следующую секунду она вцепилась в меня так, что только рёбра затрещали. А вот в эмоциях у неё... такое облегчение... Выходит, не одного меня давило происходящее, а я дурак, не замечал? Впрочем, может потому так и трясло, что на мой собственный раздразн накладывались чувства Ольги?

Да и чёрт с ним со всем! Самое главное, что теперь всё в порядке... Вот только бы ещё узнать, на кой это всё было нужно старому уроду?

Отвертеться от присутствия на погребении Георгия Дмитриевича я не смог. Да и не очень-то и пытался, честно говоря. Мы же не враги... теперь. Именно поэтому, заказанную платформу привезли лишь через неделю, по моей просьбе сдвинув срок поставки. Надо было видеть лицо посвежевшей, довольной жизнью Ольги, наконец, окончательно отпустившей недавние события с похищением, и физиономию Рогова, когда они узрели этого вырвиглазного монстрика... Наречённая, вместе с моим штатным техником уже готовы были бросить всё и заняться обновой, но я их притормозил. Слона нужно кушать по кусочку, а то подавимся. Так и пошло. Рогов, в свободное от учёбы время, адаптировал РСУ к ЛТК, Ольга разрывалась между университетом, гаражом и тренировками, а я, в срочном порядке догрызал программу своего класса и рассчитывал вскоре перейти к темам среднего, перемежая учёбу всё с теми же тренировками. Понимание, что с надеждой сдать экзамены на сертификат сразу после новогодних празднеств, я ухватил кусок не по зубам, пришлось за пару дней до наступления рождественских каникул... вместе с приглашением хозяина стрелкового клуба «Девяточка».

За время моего отсутствия, клуб ничуть не изменился. Всё те же запахи оружейной смазки и глухое стакато выстрелов на «дорожках». А вот состав встречающих удивил. Хотя, наверное, чего-то в этом роде, следовало ожидать, да... Поднявшись в приёмную и не обнаружив там ни единой живой души, я прислушался и, учуяв в кабинете Брюхова чьё-то присутствие, осторожно шагнул к двери.

— Кирилл, проходи, не мнись на пороге. — Раздавшийся из приоткрытой створки голос, заставил меня удивлённо хмыкнуть.

— Михаил? Хм... Отец Илларион, вы ли это? Вот уж, кого не думал здесь встретить! — Покачал я головой, одновременно пожимая руку Прутневу. Священник же, в ответ, устало улыбнулся. Я, и правда, еле его узнал. Без «формы», это совершенно другой человек... и в этом оружейном «раю» он смотрится куда уместнее, чем у аналая, честно говоря.

— Добрый день, Кирилл. — Знакомым мне тихим, но сильным голосом, пророкотал священник. — Я, как видишь, не «при исполнении», так сказать, так что обращай ко мне мирским именем. Севастьян.

— Илларион, Севастьян... Ладно. — Пробормотал я, и утвердительно кивнул, подтверждая, что исполню просьбу... Михаил, тем временем, устроился за большим круглым столом, и демонстративно отодвинул соседнее со своим, кресло.

— Присаживайся, Кирилл. Подождём остальных, они обещали быть с минуты на минуту. — Проговорил Прутнев.

Брюхов, Прутнев, Гдовицкой, от... Севастьян... Это был форменный вынос мозга. Сначала, вся эта компания дружно каялась, что дескать, «не уследили», «виноваты» и «никогда впредь». А потом, когда я уже устал от этого словоизлияния, принялись обхаживать меня, словно гусары

институтку.

— Сейчас взорвусь. — Честно предупредил я, когда Прутнев пошёл на третий круг в своих обещаниях поддержки и помощи от клуба «эфирников». Михаил тут же заткнулся и, переглянувшись с Севастьяном-Илларионом, развёл руками.

— Вот, объясните мне, только честно, какого... вы в меня вцепились? — Вздохнул я. — Михаил, у вас полное училище «эфирников», вам мало? Владимир Александрович, а вам какое дело до моих отношений с клубом? Про господина полковника уже не говорю, но Севастьян... вам-то я на кой сдался?!

Все четверо замолчали и начали переглядываться. Первым не выдержал Брюхов.

— А я предупреждал, что надо прямо сказать. Мои дочки знают, что советовать. — Буркнул он. Гдовицкой согласно хмыкнул. Севастьян же, только руками развёл, глядя на Прутнева.

— Ладно. Согласен. — Вздохнул Михаил, откидываясь на спинку кресла. — От... Севастьян, расскажешь?

— Почему бы и нет. — Пожал плечами тот и повернулся ко мне. — Кирилл, ты помнишь, во время нашей предыдущей встречи, я просил тебя съездить на рождественских каникулах, в Аркажский монастырь?

— Помню, разумеется. — Кивнул я. — Собственно, я так и намеревался поступить, несмотря на... определённые разногласия возникшие между мной и вашим клубом.

— Я же говорил! — Прогудел Брюхов. — Тьфу на вас, интриганы доморощенные. Что, трудно было в лоб спросить?

На этот раз, во взглядах Прутнева и отца Иллариона явно промелькнуло смущение. Нет, вот это надо же, потратить столько времени, ради такой ерунды, а?

— Спасибо, Кирилл. И извини за этот... балаган. — Справившись с собой, проговорил Севастьян-Илларион.

— Да ладно, чего уж там... Но, если это единственная причина, по которой вы меня пригласили, то...

— Как это, единственная? А абонемент?! Я, знаешь ли, не привык получать деньги ни за что. — Фыркнул полковник. — Оплатил, так будь добр... пользуйся. Кстати, господа, а не пойти ли и нам пострелять, а?

Присутствующие переглянулись и, дружно кивнув, стали выбираться из-за стола. Отказываться от предложения Брюхова, никто и не подумал. Дурдом.

А внизу, нас уже ждал Сергей-инструктор с дочерьми Брюхова. Вот только, когда вся эта гоп-компания направилась в оружейку, именно он и преградил мне дорогу.

— Подожди, Кирилл. Тут, кое-кто тебе подарочек передал... точнее, не подарок, а... — Тут Одоев понял, что запутался, и махнул рукой. — Ладно, в общем, держи, сам поймёшь.

Рядом тут же нарисовалась Татьяна и, с улыбкой протянула мне небольшой, но увесистый чемоданчик. Поблагодарив девушку, я принял «подарок» и, заинтригованный тут же его

открыл. На пористой формованной подложке, красовались, два знакомых воронёных ствола, с парой сменных и явно набитых под завязку трубчатых магазинов и не менее знакомый браслет-коммуникатор. Рюгеры... мои рюгеры! За-ме-ча-тель-но!

— Там ещё письмо должно быть. — Тихо проговорила дочка Брюхова, заглядывая в чемодан через моё плечо. Интересно, это кто же мне пишет?

Настасья шикнула и оттащила сестру в сторону, едва заметила, что я разворачиваю приложенное к рюгерам послание. О как... Владимир Демидович Пенко... Это, кто ж такой-то?

Пробежав взглядом послание, я понимающе кивнул. Вот, теперь ясно. Тот самый господин майор, что сначала запер меня в том чёртовом «кубике», а потом из него же и выпустил. Сожаление выражает, значит... Ла-адно. Встретимся как-нибудь, поговорим... о сожalenиях. Я смял письмо и, сунув его в карман куртки, тряхнул головой. На фиг, всё это. Не время...

* * *

Маленький двухместный экраноплан, сверкающий, словно ёлочная игрушка, сошёл с заснеженного речного русла и, скользнув по выкату, понёсся прямо через поле в сторону теряющихся на фоне снежной белизны, невысоких кряжистых стен древнего монастыря. В считанные минуты преодолев снежные заносы, дорогая машина замедлила ход и мягко опустившись на снежный наст, замерла в считанных метрах от широкого зева ворот, в тени древнего надвратного храма Симеона Столпника.

Хлопнула пассажирская дверь, вынырнувший из затемнённой кабины экраноплана, человек махнул рукой и шустрая машинка, в тот же миг взыв двигателем, лихо развернулась на месте и, обдав пассажира снежным облаком, умчалась, словно её и не было.

Молодой человек посмотрел вслед удаляющемуся сверкающему зеркальным покрытием аппарату и, покачав головой, повернулся лицом к монастырю. Он как раз шагнул под своды широкого зева ворот, когда над землёй пронёсся глубокий и сильный колокольный звон...

— Ну надо же, словно самого государя встречают. Только процессии святых отцов не видно... Замешкались, очевидно — Фыркнул себе под нос молодой человек, шагая на вымощенный брусчаткой, чисто выметенный двор монастыря. И тут же ухмыльнулся, слышав доносящиеся со стены шаги спешащего... послушника, что ли?

Вот, он скатился по крутой лестнице и, выйдя во двор тут же замедлил шаг, демонстрируя неспешность. Забыл, очевидно, как по деревянным ступеням сапогами грохотал.

Послушник, оказавшийся парнем едва ли на пять-шесть лет старше гостя, оказавшись рядом с ним, еле заметно откашлявшись, старательно пробасил приветствие и, выслушав ответ, поинтересовался, чего ищет путник в их обители в столь поздний час. Но ответить гость не успел. Вместо него это сделал, неизвестно откуда появившийся сухонький старичок в грубой рясе.

— Не ко времени спрашиваешь, Илюша. — Вот и стало понятно, кого пытался изобразить покрасневший послушник. — Иди, иди. Исполняй послушание.

— Благослови, отче. — Дождавшись, пока монах отведёт острый взгляд от удаляющегося послушника, проговорил гость, склонив голову.

— Бог благословит. — Монах положил руку на плечо молодому человеку. — Идём, тебя уж жаждали.

— Уверены, что меня, отче? — Спросил тот.

— Уверен, Кирилла, уверен. — Покивал с лёгкой усмешкой старик и махнул рукой в сторону появившихся из-за угла древнего храма монахов. Рослых таких детинушек... — Видишь, все глаза уж проглядели, все жданки прождали... Идём.

Молодой человек, услышав последние слова монаха, напрягся, но... коснувшись Эфира, тут же расслабился, под понимающий хмык старика. И не стал нервничать, даже когда иноки в явственно потрескивающих на их телесах рясах, как-то незаметно взяли гостя и сопровождающего его старика в «коробочку» и отконвоировали, иначе не скажешь, к длинному и приземистому строению с узкими и маленькими, глубоко утопленными в толстую каменную кладку, окнами, больше похожими на бойницы. Поднявшись на второй этаж по крутой и узкой, жутко неудобной, зажатой в каменные тиски лестнице, «охранники» замерли в самом начале длинного коридора, да так и остались там стоять. А старый монах, по прежнему, не снимая ладони с плеча гостя, повёл его к одной из низких и массивных, обитых железом дверей. Постучал свободной рукой по железному переплёту и, отпустив плечо молодого человека, вдруг улыбнулся.

— Не бойсь, Кирилла, ничего худого тебя здесь точно не ждёт. Слышишь, зовёт. Иди... — Из-за двери действительно послышался приглушённый голос.

Гостю пришлось изрядно наклониться, чтобы не удариться о низкий дверной косяк. Оказавшись в небольшой комнате, которой больше подошло бы слово келья, он отвёл взгляд от каменных плит пола и, распрямившись, огляделся вокруг. Да, подошло бы, если бы не обстановка. Добротная дубовая мебель, простая, но не лишённая известного изящества. Тяжёлые дубовые же книжные шкафы, заставленные потемневшими от времени книгами, нередко с нечитаемой, облупившейся позолотой надписей... и видеопанель вычислителя, освещающая рабочий стол затянутый зелёным сукном, за которым расположился высокий, кряжистый, как стены монастыря, мощный старик. Вскинув на вошедшего, тёмно-серые, ничуть не поблекшие от старости глаза, умные и цепкие, хозяин кабинета, вопреки ожиданиям, наряженный вовсе не в рясу, а в обычный, хоть и чуть старомодный серый костюм-тройку, огладил короткую седую бородку и, растянув губы в радостной, до боли знакомой улыбке, легко, словно молодой, поднялся навстречу гостю.

— Ну, здравствуй, Кирюша... Вымахал-то как, а! Совсем здоровый стал. Отцова стать, а? Похоже, похоже...

— Отцова, значит... — Оправившись от удивления, и вглядываясь в лицо хозяина кабинета, словно в собственное изрядно постаревшее отражение, протянул Кирилл. — Похоже, значит... Ла-адно. Где один, там и второй.

Кабинет был небольшим, так что молодому человеку хватило двух шагов, чтобы оказаться рядом с собеседником. Тот только брови удивлённо вскинул, а в следующую секунду, в скулу хозяина кабинета, с молодецким хеканьем влепил немаленький кулак, отправивший того в короткий полет к стене.

— И тебе, не хворать, дедушка. — Проговорил Кирилл, с мрачным удовлетворением поглядывая на мотающего головой и безуспешно пытающегося подняться с пола, хозяина кабинета.

— Не... не в батьку. Точно. Моя кровь. — Сфокусировав взгляд на госте, пробормотал тот и,

вдруг хохотнув, гаркнул во всю силу лёгких. — Ефимий, старый клещ! Тащи бочонок и чарки! Ко мне внук приехал... знакомиться будем!

— Несу, Никита Силыч. Уже несу. — Протиснувшийся мимо Кирилла, монах, что провожал его от ворот, грохнул на стол вёдерный, запылённый бочонок. Тут же брякнулись рядом три серебряных, украшенных затейливой чеканкой чарки, и старик, не обращая никакого внимания на кое-как поднимающееся на ноги начальство, принялся метать на стол из холодильного шкафа замаскированного под тумбочку в углу, тарелки с закуской.

notes

Примечания

1

Росомаха славится своей злопамятностью, агрессивностью и хитростью, способна преследовать свою жертву десятки, а то и сотни километров. Порой, этот хищник может оказаться опаснее медведя, хотя по размерам сильно ему уступает. На латыни название этого животного: Gulo-Gulo. В свою очередь, gulo переводится на русский язык, как обжора. Отсюда и упомянутый главным героем русско-латинский «вариант» прозвища.

2

Каланчова площадь — названа так, ввиду наличия на ней самого высокого здания в округе — пожарной каланчи, в РИ так зовется площадь Сокольническая.

3

Пресненская — соответствует станции московского метро Баррикадная.

4

Академия Святого Игнатия — учебное заведение под патронатом Общества Иисуса, иначе называемого Орденом Иезуитов, получило свое имя в честь основателя Ордена, Игнатия Лойоллы. Орден является единственной католической организацией принимающей в свои ряды одаренных.

5

Новый Амстердам — В описываемой истории, город был построен в устье реки Мус. Уничтожен, вместе со всем штатом Онтарио атакой кругом «экселенц» Воды, собранным родом Нассау-Оранье, в 1881 году.

Предупреждаю. Здесь, название должности не соответствует тому, что было в нашей истории. Окольный Посольского приказа можно (условно) сравнить с заместителем министра иностранных дел, в ведении которого находятся вопросы протокола и подготовки встреч на высшем уровне... большей частью.

«Комнатная» должность — имеется в виду должность комнатного боярина. Своеобразный кабинет личных экспертных советников Государя, не входящих в официальную иерархию придворной или государственной службы. Эдакие специалисты-консультанты по отдельным вопросам.